РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК
НАУЧНЫЙ СОВЕТ
«ИСТОРИЯ МИРОВОЙ КУЛЬТУРЫ»
ИНСТИТУТ РОССИЙСКОЙ ИСТОРИИ

Е. Н. МАРАСИНОВА

Власть и личность

Очерки русской истории XVIII века

МОСКВА НАУКА 2008

УДК 94(47)“654”
ББК 63.3(2)46
М25

Издание осуществлено при финансовой поддержке Российского гуманитарного научного фонда (РГНФ) проект № 07-01-16050д

Ответственный редактор
академик *Л.В. Милов*

Рецензенты:
доктор исторических наук *Э.Г. Истомина*,
доктор исторических наук *В.А. Федоров*

Марасинова Е.Н.

Власть и личность : очерки русской истории XVIII века / Е.Н. Марасинова ; [отв. ред. Л.В. Милов] ; Науч. совет РАН “История мировой культуры” ; Институт российской истории РАН. – М. : Наука, 2008. – 460 с. – ISBN 978-5-02-035970-3 (в пер.).

Книга посвящена одной из узловых проблем российской истории имперского периода – взаимоотношениям власти и образованной личности. Эта проблема очень старая, постепенно переходящая в разряд вечных, однако не решенная до сих пор и потому не утратившая своей остроты. Автор обращается к ее истокам, к так называемому “долгому XVIII веку”. В монографии исследуется практически не изученная проблема механизмов идеологического и социопсихологического воздействия просвещенного абсолютизма на сознание подданных, и прежде всего просвещенного дворянства – главной социальной опоры и главного оппонента монархии. Выводы автора основываются на комплексном анализе законодательства, публицистики, художественной литературы, мемуаров и писем элиты высшего сословия с использованием междисциплинарных методов понятийной истории, социальной психологии и сравнительного источниковедения.

Для историков, филологов, преподавателей и студентов вузов.

Темплан 2008-I-230

ISBN 978-5-02-035970-3

© Научный совет РАН “История мировой культуры”, Институт российской истории РАН, 2008
© Марасинова Е.Н., 2008
© Редакционно-издательское оформление. Издательство “Наука”, 2008

Моим родителям,
Люде Марасиновой и Нигмету Казетову,
и их университетской юности

Предисловие

Достоинство подданного и свобода индивидуальности

Диапазон свободы, предоставляемый государством той или иной социальной группе, сила нивелирующего давления официоза на частную жизнь человека и, напротив, порог объективной потребности времени в яркой индивидуальности, иначе говоря, конфигурация взаимоотношений власти и личности неповторима для каждой эпохи, определяется объективными закономерностями развития конкретного общества и в то же время может рассматриваться как одна из его важнейших типологических характеристик. Применительно к России XVIII–XIX вв. эта тема не ушла в историческое прошлое, а до сих пор болезненно отдается в настоящем и потому трактуется либо с чувством гордости за некогда могучую империю, либо с оттенком критики самодержавного правления, повинного и в позоре крепостничества, и в преследовании независимой мысли от Новикова до декабристов и Пушкина. В действительности отношения власти и личности, даже элитарной личности дворянина, нельзя свести только к позитивному сотрудничеству, целенаправленному подавлению или открытому противостоянию. Диалектика частного и общего в России так называемого имперского периода аккумулировала в себе сложнейшие противоречия европеизирующегося общества с ограниченным экономическим потенциалом в условиях жесткой международной конкуренции.

XVIII век был одним из самых "долгих" в истории России. Те тенденции, которые будут на протяжении столетия определять социально-политическую жизнь страны и сохранят свою актуальность вплоть до Отечественной войны 1812 года и восстания на Сенатской площади, отчетливо проявились уже в указе об отмене местничества, Азовских походах 1695–1696 гг. и Великом посольст-

ве Петра. С XVIII в. начинается новый период развития российской государственности, который отличался от предыдущих рядом обстоятельств.

К концу столетия в целом завершился естественный процесс формирования пространства страны. Были решены важнейшие геополитические проблемы, веками стоящие перед государством на юго-восточном (турецком, крымском, кавказском), северном (шведском) и западном (польском) направлениях. Россия обезопасила свои южные и западные рубежи и получила выход к незамерзающим портам Балтики и Черного моря. В результате сложились условия для регулярного крупномасштабного экспорта сельскохозяйственных продуктов, что было жизненно важно для экономики огромной земледельческой страны. Российский монарх был провозглашен императором, а государство – соответственно империей, заявившей о себе, как о могучей европейской державе, без прямого или косвенного участия которой не могло уже обойтись ни одно значительное международное событие.

"Петербургский период" стал временем принципиального изменения отношений России и Европы. Общепризнанно, что именно с царствования Петра модернизация русского общества, т.е. усвоение определенных элементов культуры и цивилизации Запада, приобретает особую динамику и новое качество. Во время Великого посольства русский православный царь впервые покинул пределы своего государства, движимый при этом не только дипломатическими интересами, но и желанием "видеть политизированные народы, которых ни он, ни предки его не видели". В "Наказе" Екатерины II империя уже непосредственно именуется "европейской державой". Стремительная европеизация русского общества, иногда сравниваемая в литературе с "форсированной модернизацией", привела к изменению восприятия важнейших идеологических приоритетов Московской Руси. Просветительство с его культом закона, здравого смысла и регулярного государства, призванного установить разумный миропорядок, не могло не оказать воздействия на российское политическое мышление XVIII в. Европейское влияние проникает практически во все сферы – от структуры органов исполнительной власти до языка и повседневной жизни дворянства.

Внутренняя и внешняя конфессиональная политика престола становится все более многозначной и колеблется от провозглашения османов "врагами христианства" до признания за российскими подданными-мусульманами права молиться Аллаху и строить мечети. Изнурительные и следующие практически одна

за другой войны с Турцией завершаются присоединением к России не просто областей с магометанским населением, а государственного образования, где официальным вероисповеданием являлся ислам. Приглашение немецких крестьян-колонистов на невозделанные земли Поволжья, прием иностранцев на русскую службу, рост числа католиков и протестантов в армии и в бюрократическом аппарате и, наконец, включение в состав империи областей с христианским, но не православным населением – эти и целый ряд подобных обстоятельств потребовали от власти продуманной тактики в отношении вопросов веры. Именно в XVIII в. идет целенаправленное формирование символов и понятий, способных поддержать идеологическую целостность расширяющего свои границы государства, в состав которого включаются народы, различающиеся по уровню социально-экономического развития, этноконфессиональной принадлежности и историческому опыту.

Жесткие обстоятельства существования страны с "минимальным объемом совокупного прибавочного продукта"[1] и необходимость решения серьезных геополитических задач в конечном счете обусловили доминирующую роль самодержавия во всех сферах жизни общества. Крепнущее, провозглашенное империей российское государство XVIII в. проводит жесткую мобилизацию внутренних ресурсов для создания пространственно-географических условий развития, обеспечивает форсированную, а порой и насильственную европеизацию, берет на себя инициативу во всех социальных преобразованиях. Церковь подчиняется монарху, патриаршество ликвидируется, а духовенство включается в чиновничий аппарат империи. Светская власть провозглашает себя главной защитницей православной веры, что становится одной из причин дальнейшей сакрализации образа монарха. Государство претендует не только на материальные богатства и социальный престиж церкви, но также стремится утвердить за собой монопольное влияние на сознание личности. Европеизированная образованная элита имперской России также формируется по приказу верховной власти и сосредоточивается при дворе.

Отдавая приказ о развитии светского просвещения, власть рассчитывала на возникновение культуры, превращенной в вид государственной службы и призванной прославлять успехи империи. Однако со временем самодержавию становилось все труднее

---

[1] См.: *Милов Л.В.* Великорусский пахарь и особенности российского исторического процесса. М., 1998. С. 554–572.

удерживать под контролем духовную жизнь образованной личности. Круг придворных политиков, поэтов и ученых разросся до целого слоя просвещенного дворянства, которое претендовало на идейное лидерство в обществе. Еще один парадокс русской истории состоял в том, что оппозицию просвещенному абсолютизму составило просвещенное дворянство, которое имело собственное восприятие идеологии разума.

Процесс формирования государственного сознания дворянина, получивший мощный импульс во время петровского царствования, завершится в годы правления Екатерины II и будет иметь непредсказуемые для власти последствия и далекие от предполагаемых результаты. Абсолютистское государство оказалось зажатым между необходимостью опереться на преданную престолу политическую верхушку и реальной потребностью в деятельной личности, равной по масштабу веку европейского Просвещения. Именно власть освободила дворянина от обязательной государственной службы и гарантировала ему доступ к знанию и изысканному образу жизни. Объективные обстоятельства социального развития России и вставшие перед страной серьезные геополитические проблемы неизбежно корректировали официальную доктрину, изначально направленную на воспитание идеологически зависимого населения. В XVIII столетии государственная концепция обогащается новыми смыслами и расширяет каналы своей реализации. Сановник последней трети XVIII в. ориентировался не столько на культ "самовластного государя", сколько на эталон обаятельной, смело мыслящей императрицы, состоящей в переписке с самыми авторитетными умами своего времени. Екатерина II сама нередко демонстрировала уважение к личности своих ближайших подданных и даже поощряла ограниченное, дозволенное фрондерство.

XVIII в. начался и практически завершился яркими правлениями, во время которых Россия превратилась в могучую державу и создала культуру с таким общечеловеческим потенциалом, что мы до сих пор воспринимаем действительность сквозь призму заданных два столетия назад ценностей. Развитие страны на протяжении всего имперского периода проходило под сильнейшим влиянием индивидуальностей двух великих императоров, чьи судьбы также стали частью драмы русской истории, именуемой "власть и личность". В данном случае речь идет не только о человеческом счастье Петра и Екатерины II и несостоявшихся отношениях с сыновьями – любовь этих монархов к России столкнулась с ее реальностью, под воздействием которой часто рушились их надежды и деформировались политические идеалы.

И просвещенный монарх, и образованный дворянин получили в наследство от Московской Руси исторически заданную роль душевладельцев, уклониться от которой не было в тот период никакой объективной экономической возможности. Слава русского оружия, пронзительные откровения литературы XIX в., очарование дворянских усадеб причудливыми цветами распускались на спрессованной веками глыбе крепостничества. За Царским Селом и господским домом со стройными колоннами, за архитектурными красотами пейзажных парков простиралась сколько хватало глаз нищая Россия, перелески, болота, и всюду под низким северным небом тяжелая неподатливая земля, заглатывающая изнуряющий труд поколений.

Таким образом, тема "власть и личность" вобрала в себя целый ряд проблем, непосредственно связанных с логикой развития русского общества в XVIII–XIX вв.:

– "государственный интерес" и личность;
– человеческая судьба императора;
– нравственные искания душевладельца;
– поэт и царь и т.д.

В этой коллизии скрыто, на мой взгляд, одно неразрешимое противоречие, ускорившее в конечном итоге гибель империи. С конца XVII столетия монархия сознательно идет на расширение спектра возможностей, предоставляемых верхушке господствующего сословия, которое призвано было решать задачи укрепления российской государственности. Открывшиеся перед дворянином новые перспективы повышают уровень претензий развивающейся индивидуальности, что неизбежно приводит к расшатыванию авторитета верховной власти и, следовательно, к ослаблению могущества государства, вынужденного существовать в режиме мобилизационной экономики и конкуренции других европейских держав. Так амбициозная просвещенная российская элита невольно периодически оказывается перед дилеммой – либо свободная критика собственного правительства и "повреждения нравов" и унизительная ущербность подданного государства, проигрывающего войны, теряющего земли и отстающего от Европы, либо жестко дозированное сильной властью проявление индивидуальности фрондера и достоинство представителя сильной державы.

Моя работа ни в коей мере не претендует на поиск в прошлом третьего альтернативного пути. Отдельные очерки, посвященные взаимоотношениям власти и личности в истории русского XVIII в., являются лишь попыткой приблизиться к теме, в которой заключается и судьба, и беда, и гордость России.

* * *

Работа над этой книгой и ее публикация были бы крайне осложнены без ценных замечаний О.Г. Агеевой, А.И. Аксенова, Э.Г. Истоминой, Н.М. Рогожина, А.В. Семеновой и других сотрудников Института российской истории РАН, дружеского участия С.Я. Карпа и Н.Ю. Плавинской, а также высокого профессионализма и доброжелательного отношения сотрудников издательства “Наука” Л.М. Орловой-Гимон и Н.Л. Петровой. Большую помощь в подборе иллюстраций и оформлении книги мне оказали А.Б. Опарин, а также О.Г. Агеева, Л.М. Баранов, П. Баранов, Н.Ю. Болотина, С. Джафарова, С.Р. Долгова, О.И. Елисеева, В.В. Трепавлов. Всем коллегам выражаю глубокую признательность.

Я искренне благодарна моей семье – сыну Диме Опарину, дочери Дане Марасиновой, мужу Анатолию Опарину и моей бабушке Елене Андреевне Уваровой – за самоотверженную поддержку. Эту работу я адресую моим ученикам – абитуриентам, студентам и выпускникам МГУ им. М.В. Ломоносова, занятия с которыми помогли мне приблизиться к пониманию русской классической литературы.

Ответственный редактор книги академик Леонид Васильевич Милов не увидел ее выхода в свет. Я никогда не забуду многолетнюю помощь моего учителя и сохраню о нем светлую память.

Очерк I

“За изучение восемнадцатого века”

“Шляхетство, нашею милостью в оную честь возведенное”

Проблема механизма воздействия и результативности влияния идеологической доктрины самодержавия на сознание дворянства теснейшим образом связана с такими ключевыми вопросами социально-исторического развития России в XVIII столетии, как становление абсолютизма, формирование бюрократического аппарата, возникновение первых поколений интеллигенции и т.д. Несмотря на отсутствие обобщающих работ, посвященных сословной политике власти по отношению к верхушке общества и особенностям государственного сознания правящего класса, тема идеологического и социопсихологического аспекта взаимодействия самодержавия и дворянства затрагивается во многих правовых, культурологических, литературоведческих и собственно исторических исследованиях.

В историографии единодушно отмечается созидательная инициатива власти в развитии и законодательном оформлении сословного строя и прежде всего социального статуса дворянства. Этот практически не опровергаемый никем из исследователей тезис базируется на признании огромной роли российского государства во всех областях жизни общества[1], его особых политиче-

[1] В некоторых исследованиях последних десятилетий “активное государственное регулирование и реформирование разных сфер общественной жизни” получило наименование “государственного феодализма”, что привело к расширению содержания этого термина, используемого обычно для обозначения государственной собственности на землю как одного из укладов феодального общества (См., например: *Данилова Л.В.* К вопросу о понятии “государственный феодализм” // Система государственного феодализма в России: Сб. ст. М., 1993. С. 3–16). В ряде обобщающих работ по истории XVIII в. особая роль государства

ских, хозяйственно-экономических и оборонительно-наступательных функций "гаранта всеобщих условий производства"[2]. Однако сходная оценка активного воздействия государства на процесс законодательного оформления социальной дифференциации общества соседствует с самыми различными и порой диаметрально противоположными трактовками сущности сословного строя в России.

В работах дореволюционных российских историков под сословиями понимались большие социальные группы, слои, общественные классы, на которые делится общество по правам и обязанностям[3]. С.М. Соловьев, В.О. Ключевский, Б.Н. Чичерин, Н.П. Павлов-Сильванский, Н.М. Коркунов, П.Н. Милюков, А.А. Кизеветтер и др. полагали, что элементы сословного строя возникли вместе с древнерусским государством, развивались на протяжении столетий и получили окончательное законодательное оформление в таких документах, как Жалованная грамота городам и Жалованная грамота дворянству 1785 г. При этом С.М. Соловьев, В.О. Ключевский, Б.Н. Чичерин, Н.П. Павлов-Сильванский считали формирование сословного строя объективным процессом, поддерживаемым и стимулируемым государственным законодательством[4]. Напротив, Н.М. Коркунов, П.Н. Милюков, А.А. Кизеветтер в сословно-статусной политике власти усматривали много искусственного, не столько соответствующего внутренней логике развития русского социума,

---

рассматривается как специфичная черта русского абсолютизма (См., например: *Медушевский А.Н.* Утверждение абсолютизма в России. Сравнительное историческое исследование. М., 1994. С. 20, 25; *Geyer D.* Der Aufgeklärte Absolutismus in Rußland. Bemerkung zur Forschungslage // Jahrbücher für Geschichte Osteuropas. 1982. Bd. 30, H. 2. S. 176–189).

[2] См.: *Милов Л.В.* Великорусский пахарь и особенности российского исторического процесса. М., 1998. С. 561, 565, 572.

[3] Одним из первых исследований, посвященных непосредственно этой проблематике, стал курс лекций В.О. Ключевского "История сословий в России". "Сословное деление, – пишет Ключевский, – существенно юридическое, устанавливается законом в отличие от других общественных делений, устанавливаемых экономическими, умственными и нравственными условиями" (*Ключевский В.О.* История сословий в России // *Ключевский В.О.* Сочинения в восьми томах. М., 1959. Т. VI. С. 276–277).

[4] См.: *Соловьев С.М.* История России с древнейших времен. М., 1962. Т. VIII. С. 462–465; М., 1965. Т. XIV. С. 75–85; *Ключевский В.О.* История сословий в России. С. 276–277; *Чичерин Б.Н.* Опыты по истории русского права. М., 1858. С. 1–58 и след.; *Павлов-Сильванский Н.П.* Государевы служилые люди. Люди кабальные и докладные // *Павлов-Сильванский Н.П.* Сочинения. СПб., 1909. Т. 1. С. 224–225 и след.; *Лаппо-Данилевский А.С.* Идея государства и главнейшие моменты ее развития в России со времен смуты до эпохи преобразований // Голос минувшего. 1914. № 12. С. 5–38.

сколько воспроизводящего западноевропейские образцы[5]. Периодизация формирования сословного строя в работах дореволюционных ученых совпадала с основными этапами социально-политической истории Российского государства[6]. Практически все исследователи признавали XVIII – первую половину XIX в. особым и самостоятельным этапом в развитии социальной структуры русского общества. Некоторые из них, как, например, А.В. Романович-Славатинский, вообще полагали, что "время *от начала XVIII века до отмены крепостного права* в истории нашего дворянства… – замкнутый самостоятельный период, обозначившийся самим ходом исторического развития… когда на Руси появилось *дворянство как сословие*"[7].

В отличие от исследователей XIX в., которые довольно легко оперировали такими терминами, как "сословие", "социальная группа", "общественный класс", "чин"[8] и т.п., советская историо-

---

[5] Так, например, Н.М. Коркунов писал: "Сословный строй является у нас остатком совершившихся в XVIII столетии попыток привить к русской жизни начала западноевропейского строя. В допетровской Руси сословий в собственном смысле слова не было, да и самое слово "сословие" появляется только в XVIII в., первоначально для обозначения коллегии, корпорации, universitas personorum и только позднее переносится на корпоративно-организованные сословия" (*Коркунов Н.М.* Русское государственное право. СПб., 1908. Т. 1. С. 274). См. также: *Милюков П.Н.* Очерки по истории русской культуры. СПб., 1909. Ч. I. Оч. IV (Сословный строй). С. 219–237, 288–298; *Кизеветтер А.А.* Русское общество в восемнадцатом столетии. Ростов н/Д., 1904. С. 15–26; *Он же.* Городовое положение Екатерины II 1785 г. Опыт исторического комментария. М., 1909. С. 152–183.

[6] Так, В.О. Ключевский полагал, что в XI–XII вв. основанием сословного деления было завоевание, во время "удельного периода" XIII–XV вв. – "договор с людьми", социальная структура Московской Руси XVI–XVII вв. определялась "различием государственных повинностей", и, наконец, с XVIII в. стратификация российского общества зависела от "государственных и гражданских" прав тех или иных слоев (*Ключевский В.О.* История сословий в России. С. 464–466). Эта периодизация сходна с этапами развития сословного строя, которые выделяли С.М. Соловьев, Б.Н. Чичерин, П.Н. Милюков. А.В. Романович-Славатинский связывал историю собственно дворянского сословия с тремя периодами – удельно-вечевым, когда существовала переходящая от князя к князю дружина, московским, во время которого поместный служилый класс нес обязательную службу и отбывал наряды по приказу царя, и, наконец, императорским, приведшим к возникновению одной общественной группы – шляхетства, в середине XVIII в. освобожденного от обязательной государственной повинности (*Романович-Славатинский А.В.* Дворянство в России от начала XVIII века до отмены крепостного права. Киев, 1912. С. XVI).

[7] *Романович-Славатинский А.В.* Дворянство в России... С. XVI.

[8] Так, В.О. Ключевский пишет, что "чином в Московском государстве назывался общественный слой, который нес свою специальную государственную повинность, соответствующую его экономическому состоянию" (*Ключевский В.О.* История сословий в России. С. 353).

графическая традиция отличалась стремлением к особой скрупулезности в использовании понятий, характеризующих социальную стратификацию общества. Специалисты признавали существование сословий уже со времен Киевской Руси, понимая под данным термином социально-правовые группы, которые отличались своим юридическим положением, определенными правами и обязанностями в обществе, а в сложившемся виде характеризовались наследственностью, относительной замкнутостью и осознанием собственного единства[9]. При анализе социальной структуры советские ученые использовали не только термин "сословие", но и категорию "класс-сословие", поскольку, как отмечал М.Т. Белявский, «с одной стороны, понятие "сословие" у́же понятия класса», а "с другой стороны, феодальное сословие иногда оказывается шире, чем класс, и включает в свой состав группы, относящиеся к различным классам или занимающие промежуточное положение между классами"[10]. Применительно к российскому XVIII в. в советской историографии выделялись прежде всего класс-сословие феодалов, класс-сословие крестьян и городские сословия[11].

В последние десятилетия под влиянием целого ряда таких обстоятельств, как активизация научных контактов, распространение методологического и концептуального плюрализма исследований, усиление эвристической роли компаративного подхода и т.д., происходит сближение проблематики и выводов в работах российских и зарубежных специалистов. Однако эти несомненно продуктивные тенденции спровоцировали восприятие западноевропейского образца как эталонного и соответственно привели к известному "европоцентризму" при интерпретации некоторых процессов развития российской государственности. В фундаментальной двухтомной монографии Б.Н. Миронова "Социальная история России периода империи (XVIII – начало XX в.)" признаки "истинного сословия" отождествляются с чертами "estate": "1) каждое сословие имеет специфические права и социальные

---

[9] Советская историческая энциклопедия. М., 1971. Т. 13. С. 348–351.

[10] *Белявский М.Т.* Классы и сословия феодального общества в России в свете ленинского наследия // Вестник МГУ. Сер. 9: История. 1970. № 2. С. 68–69.

[11] Проблемы исследования классово–сословного строя в России были затронуты в ходе дискуссии о русском абсолютизме (История СССР. 1969. № 1. С. 65–66; 1970. № 4. С. 60–63), см. также: *Преображенский А.А.* Об эволюции классово-сословного строя в России // Общество и государство феодальной России. М., 1975. С. 67–85; *Буганов В.И.*, *Преображенский А.А.*, *Тихонов Ю.А.* Эволюция феодализма в России. Социально-экономические проблемы. М., 1980. С. 241–268.

функции, которые закреплены юридически в обычае или законе; 2) сословные права передаются по наследству, следовательно, приобретаются по рождению; 3) представители сословий объединяются в сословные организации или корпорации; 4) сословия обладают специфическим менталитетом и сознанием; 5) сословия имеют право на самоуправление и участие в местном управлении или центральном государственном управлении (в сословно-представительных учреждениях); 6) существуют внешние признаки сословной принадлежности – одежда, прическа, особые украшения и т.п."[12]

По всей видимости, именно ориентация на западную модель подвела Б.Н. Миронова, А. Инкелеса, Р. Фельдмессера, Г. Фриза, М. Конфино и др. к выводу о бессословном характере социальной структуры Московского государства, основные категории населения которого "не являлись сословиями в европейском смысле этого понятия"[13]. Большинство разделяющих эту позицию исследователей полагают, что с середины XVII в., а именно с принятия Уложения 1649 г., процесс превращения социальных групп в сословия активизировался, а в XVIII столетии приобрел особую динамику. Политико-правовое статуирование русского общества происходило под влиянием западной модели и завершилось, когда Европа "перешла к бессословному структурированию национальных сообществ", пережив расцвет сословного

---

[12] *Миронов Б.Н.* Социальная история России периода империи (XVIII – начало XX в.). Генезис личности, демократической семьи, гражданского общества и правового государства. СПб., 2000. Т. 1. С. 76, 140. См., например, о характерных признаках сословий в английском обществе: *Scott J.* The Upper Classes. Property and Privileges in Britain. L., 1982. P. 6–11.

[13] См.: *Миронов Б.Н.* Социальная история России... Т. 1. С. 80, 140–141; *Inkeles A.* Social Stratification in Modernisation of Russia // The Transformation of Russian Society: Aspects of social Change since 1861. Cambridge (Mass.), 1960. P. 338–352; *Feldmesser R.* Social Classes and Political Structure // Ibid. P. 235–252; *Freeze G.L.* The Soslovie (Estate) Paradigm and Russian Social History // American Historical Review. 1986. Vol. 91, N 1: February. P. 11–36; *Confino M.* Issues and Nonissues in Russian Social History and Historiography // Kennan Institute for Advanced Russian Studies. Occasional Paper. 1983. N 165. P. 3–7; *Idem.* Traditions, Old and New: Aspects of Protest and Dissent in Modern Russia // Patterns of the Modernity. L., 1987. Vol. II: Beyond the West. P. 11–15. По всей видимости, данной точки зрения придерживается и А.Б. Каменский, полагая, что «термин "сословие" вряд ли адекватно отражает» специфику стратификации допетровского периода, которую логичнее было бы определять с помощью понятий "социальная группа" или "сословная группа" (*Каменский А.Б.* От Петра I до Павла I. Реформы в России XVIII века. Опыт целостного анализа. М., 2001. С. 28, 30). Однако автор не раскрывает содержание, которое он вкладывает в эти термины.

строя еще в XIII–XV вв. Несколько утрированным выражением этой же концепции стало предпринятое Р. Фельдмессером условное деление русского общества начала XVIII в. на податное и неподатное население, заключение Г.Л. Фриза о формировании сословий лишь в первой половине XIX столетия и, наконец, мнение М. Конфино вообще об отсутствии сословного строя в России[14].

В данном контексте важным этапом, на мой взгляд, стала состоявшаяся в 1994 г. международная конференция "Сословия и государственная власть в России: XV – середина XIX в.", участники которой определили наиболее перспективные направления научного поиска: институты сословной организации и характер юридического оформления сословных структур; сословное представительство и эволюция системы государственных органов России; эпохи реформ, перемены в сословной стратификации общества и сословная политика правительства; сословный менталитет и особенности "политического поведения". Несмотря на "неравномерность в изучении разных сословий на разных этапах истории России позднего средневековья и раннего нового времени", в большинстве докладов признавался сословный характер русского общества, по крайней мере с XVI в., и приоритет социально-сословных категорий над религиозными и этническими в политике Российского государства[15].

Таким образом, в историографической традиции доминирует мнение о ведущей роли государства в развитии сословий, наиболее конституированным из которых стало в XVIII в. дворянство[16], превратившись из социальной группы служилых людей в правящий класс, костяк бюрократического аппарата и армии, основную интеллектуальную силу империи[17], "своего рода несу-

---

[14] См. об одной из последних дискуссий по проблемам развития сословного строя в России: *Wirtschafter E.K.* Structures of Society: Imperial Russia's "People of Various Ranks'". DeKalb (Ill.), 1994.

[15] См., например, доклады Б.Н. Флори, А. Каппелера, К. Стивенса (Сословия и государственная власть в России: XV – середина XIX в.: Междунар. конф. – Чтения памяти акад. Л.В. Черепнина, Москва, 13–16 июня 1994 г.: Тез. докл. М., 1994. Ч. I. С. 3–4; Ч. II. С. 158–164, 215–225, 321–333).

[16] Б.Н. Миронов полагает, что "в наибольшей степени идеальному типу сословия соответствовало дворянство, в наименьшей – крестьянство" (*Миронов Б.Н.* Социальная история России... Т. 1. С. 141).

[17] Иную точку зрения высказывал, пожалуй, только А.Я. Аврех, расценивающий в качестве главной опоры российского абсолютизма крестьянство (*Аврех А.Я.* Русский абсолютизм и его роль в утверждении капитализма в России // История СССР. 1968. № 2. С. 87; *Он же.* Утраченное равновесие // История СССР. 1971. № 4. С. 83).

щую конструкцию всей структуры самоорганизации общества (административное и хозяйственное управление, судебно-правовое регулирование, финансы, внутренняя и внешняя безопасность, религиозно-культовая и идеологическая функции и т.п.)"[18]. Отношение власти к господствующему сословию, которое являлось главным адресатом официальной идеологии, определяло в значительной степени и приоритетные ценности доктрины русского абсолютизма XVIII в.[19] Однако сущность политики самодержавия, направленной на статуирование дворянского сословия, имеет разнообразные трактовки, которые условно можно было бы объединить в три ведущие историографические концепции: тезис о всеобщем закрепощении сословий в XVI–XVII вв. и их постепенном освобождении на протяжении XVIII и XIX столетий; вывод о продворянском характере российской монархии, защищающей интересы господствующего класса; и, наконец, признание относительной независимости политических и правовых институтов власти от интересов различных социальных групп, составляющих российское общество.

Концепция всеобщего закрепощения сословий была выработана не без влияния коренных преобразований эпохи Великих реформ представителями государственной, или юридической, школы, наиболее авторитетного направления в российской исторической науке второй половины XIX в. В трудах С.М. Соловьева, К.Д. Кавелина, А.Д. Градовского, Б.Н.Чичерина, Н.М. Коркунова указывалось, что в XVI–XVII вв. рассредоточенное на больших пространствах население было прикреплено государством к месту жительства или конкретной социальной группе в целях контроля за уплатой налогов или выполнением повинностей. В перенаселенной Западной Европе, как полагал, например, Н.М. Коркунов, острая социальная конфликтность вынуждала людей объединяться в сословия для ограничения верховного правления и защиты собственных корпоративных прав. В России же, где на протяжении длительного времени отсутствовала даже "простая оседлость", социальная организация общества стала продуктом государственной политики, исключающей существование больших сословных образований с определенными соци-

[18] *Милов Л.В.* Великорусский пахарь... С. 562.

[19] Израильский социолог Ш.Н. Айзенштадт полагает, что семантическая карта эпохи вообще определяется взаимовлиянием власти и элиты или, вернее сказать, множественных элит (См., например: *Eisenstadt S.N.* European Civilisation in a Comparative Perspective. A Study in the Relations between Culture and Social Structure. Oslo, 1987. P. 9–12, 35–37, 41–45).

ально-экономическими интересами и ярко выраженной самостоятельностью по отношению к власти. "Деятельность нашего правительства, – писал Градовский, – начинается с постепенного прикрепления сословий, и полное развитие централизации совпадает с полным закрепощением всех сословий". В "служилом государстве", указывал Чичерин, тягло несла каждая социальная группа – "все рáвно должны были служить государству каждый на своем месте". Теория государственной школы о всеобщем закрепощении сословий оказала принципиальное влияние на социальные концепции Ключевского, Павлова-Сильванского, Коркунова, Чичерина, Порай-Кошица, Яблочкова и других дореволюционных историков. Так, Ключевский полагал, что социальная стратификация русского общества обусловливалась характером государственных повинностей, которые распределялись в соответствии с имущественным состоянием тех или иных групп: "кто владеет своей землей, тот должен нести государственную ратную службу; кто непосредственно пользуется чужой землей, частной или казенной, тот несет государственное податное тягло"[20].

Таким образом, для сторонников идеи всеобщего закрепощения дворянство было подчинено власти в интересах государственной и прежде всего военной службы так же, как и крестьянство – в фискальных интересах. Необходимость закрепощения обосновывалась в трудах представителей государственной школы и их последователей, как правило, более или менее отчетливо (огромные малозаселенные пространства, колонизация, развитие "вширь", набеги кочевников и т.п.), но причины постепенного освобождения сословий, начиная с верхушки социальной пирамиды, а именно с дворянства, практически не указывались, если не принимать во внимание вскользь упоминаемое снижение внешней опасности. Кроме того, в данной концепции не раскрываются глубинные социально-экономические причины установления крепостного права в России, а личная зависимость крестьян ошибочно отождествляется с обязанностью служить,

---

[20] *Ключевский В.О.* История сословий в России. С. 378. См. также, например: *Градовский А.Д.* История местного управления в России // *Градовский А.Д.* Собр. соч. СПб., 1868. Т. I. С. 5; *Павлов-Сильванский Н.П.* Государевы служилые люди // *Павлов-Сильванский Н.П.* Сочинения. Т. 1. С. 239–254; *Коркунов Н.М.* Русское государственное право. С. 274–288; *Чичерин Б.Н.* Опыты по истории русского права. С. 227–231; *Порай-Кошиц И.А.* Очерк истории русского дворянства от половины IX до конца XVIII века. 862–1796. СПб., 1874. С. 120–127; *Яблочков М.Т.* История дворянского сословия в России. СПб., 1876. С. 514–520, 530; и др.

возлагаемой на дворянина. Тем более некорректно сопоставление Манифеста о вольности дворянства 1762 г., который имел весьма ограниченное влияние на социальный статус и образ жизни дворянского сословия, и глобальной по своему значению реформы 1861 г., приведшей в конечном итоге к кризису государственного масштаба. Однако несмотря на развернутую критику данной теории советскими специалистами[21], которые всерьез говорили лишь о закрепощении крестьянства и низших слоев посада, выводы русских историков второй половины XIX в. поддерживаются многими современными исследователями. С точки зрения Б.Н. Миронова, к началу XVIII в. "все население России было закрепощено, причем в большинстве случаев на двух или трех уровнях: духовенство – государством и епископами, посадские – государством и посадской общиной, государственные крестьяне – казной и сельской общиной, помещичьи крестьяне – казной, сельской общиной и помещиком, дворянство – государством". Соответственно, признавая всеобщий характер крепостной зависимости, автор выделяет несколько видов крепостничества, которое могло существовать как "государственное, корпоративное или частное", и утверждает, что дворянство обладало всеми признаками государственного крепостного состояния, которое достигло своего апогея при первом императоре[22].

Идеи государственной школы в той или иной мере присутствуют и в работах современных европейских и американских историков. Профессор И. Мадариага, избегая слишком обязывающей категории "всеобщего закрепощения", пишет о зависимости, которая "в той или иной форме пронизывала буквально все слои русского общества: каждый человек был обязан служить какому-либо лицу или государству". Финансовые и военные нужды государства, полагает профессор, примитивность административного аппарата, недостаточно развитая экономика в конечном счете обусловили принадлежность каждого члена общества к одной из правовых категорий – сословий или состояний. Столь жесткое сословное структурирование, по мнению английской исследовательницы Дж. Хартли, являлось не только объективной характеристикой социального развития России, но также признавалось

---

[21] См, например: *Сахаров А.М.* Историография истории СССР. Досоветский период. М., 1978. С. 141–143; Очерки истории исторической науки в СССР. М., 1960. Т. II. С. 103–128; *Цамутали А.Н.* Борьба течений в русской историографии во второй половине XIX в. Л., 1977. С. 156–161.

[22] *Миронов Б.Н.* Социальная история России... Т. 1. С. 361–363, 413.

современниками и определяло возникающую в их сознании картину общества[23].

Последователи государственной школы, разумеется, указывали на относительную независимость государства от интересов различных социальных групп, в том числе и дворянства, что сближало их взгляды с позицией многих советских и современных как российских, так и зарубежных исследователей, не разделяющих собственно теории всеобщего закрепощения. Политическая самостоятельность верховной власти интерпретировалась различными специалистами по-разному. В ходе развернувшейся в советской науке в 1968–1975 гг. дискуссии об абсолютизме большинство ученых отказались от господствующего в историографии предыдущего десятилетия положения о "равновесии сил" между дворянством и буржуазией. Причину "большой политической и экономической силы власти" участник дискуссии С.М. Троицкий усматривал, прежде всего, в господстве крепостничества и "наличии огромных земельных фондов в руках абсолютного монарха". А.Я. Аврех полагал, что армия, бюрократия и представленная крестьянством широкая социальная основа власти гарантировали большую степень независимости самодержавия от высшего сословия[24].

В современной науке постулируется присущее самой политической природе абсолютизма "отчуждение" от требований тех или иных социальных групп[25], а также устойчивость власти, опиравшейся не только на дворянство, но и на крестьянство, городское сословие, купечество[26], духовенство[27] и даже казачество[28];

---

[23] *Мадариага И.* Россия в эпоху Екатерины Великой. М., 2002. С. 137; *Hartley J.M.* A Social History of the Russian Empire 1650–1825. L.; N.Y., 1999. P. 52. См. также: *Torke H-J.* Crime and Punishment in the pre-Petrine Civil Service: The Problem of Control // Imperial Russia, 1700–1917: State Society Opposition. DeKalb (Ill.), 1989. P. 5–9; *Idem.* Die Staatsbedingte Gesellschaft im Moskauer Reich: Zar und Zemlja in der altrussischen Herrschaftsverfassung, 1613–1689. Leiden; B., 1974. S. 29, 44, 86–99; *Hellie R.* Slavery in Russia. 1450–1725. Chicago, 1982; *Crummey R.* The formation of Muscovy. 1304–1613. N.Y., 1987.

[24] *Троицкий С.М.* Россия в XVIII веке: Сб. ст. и публ. М., 1982. С. 5–27; *Аврех А.Я.* О природе российского самодержавия // Система государственного феодализма в России. С. 254–331 и др.

[25] См.: *Омельченко О.А.* "Законная монархия" Екатерины II: Просвещенный абсолютизм в России. М., 1993. С. 15, 379.

[26] См.: *Blanc S.* À propos de la politique économique de Pierre le Grand // Cahiers du monde russe et soviétique. 1962. Vol. 3, N 1. P. 122–139.

[27] *Миронов Б.Н.* Социальная история России... Т. 2. С. 137.

[28] *Фаизова И.В.* "Манифест о вольности" и служба дворянства в XVIII столетии. М., 1999. С. 168–169.

преданность служилой бюрократии, сдерживавшей олигархические устремления землевладельческого нобилитета[29], и т.д. В исследованиях М. Раева тезис об относительной независимости государства от привилегированного сословия трансформируется в признание конфликта абсолютной власти и образованного дворянина[30].

В то же время некоторые специалисты до сих пор поддерживают неоднократно высказывавшееся в советской историографии мнение о продворянском характере российского абсолютизма, утверждение которого являлось, в отличие от Западной Европы, не результатом баланса сил феодального сословия и буржуазии, а скорее последствием слабого развития капиталистических отношений. Свой тезис о единстве интересов самодержавия и дворянства исследователи связывают с целым рядом явлений социальной жизни общества: искусственно насаждаемые властью сословные перегородки и одворянивание чиновничества в целях укрепления положения высшего сословия, обладающего правом на занятие командных должностей в гражданском управлении и армии; свобода от обязательной службы, монополия на владение землей и крепостными и другие исключительные привилегии дворянства; примирение в политике самодержавия устремлений различных элитарных групп в стратегических интересах господствующего класса[31] и т.д. Подобные аргументы породили в научной литературе определение политического строя России XVIII в. как дворянско-чиновничьей[32] или дворянской патерналистской[33] монархии.

При этом, на первый взгляд, вызывает недоумение тот факт, что выводы об относительной независимости власти от интересов элиты и всеобщем закрепощении сословий, с одной стороны,

---

[29] *Парамонов Б.* Канал Грибоедова // Знание–Сила. 1991. № 3. С. 75.

[30] *Raeff M.* Origins of the Russian Intelligentsia. The Eighteenth-Century Nobility. San Diego, N.Y.; L., 1966. P. 4, 9, 12, etc.

[31] См., например: *Трощкий С.М.* Россия в XVIII веке. С. 109; *Он же.* Русский абсолютизм и дворянство в XVIII в. Формирование бюрократии. М., 1974. С. 367. Д. Хассель полагает, что административная практика XVIII в. реализовывала лишь те стороны Табели о рангах, которые способствовали укреплению привилегий дворянства (*Hassel J.* The Implementation of the Russian Table of Ranks during the Eighteenth Century // Slavic Review. 1970. Vol. 29, N 2. P. 283–295).

[32] См.: *Аврех А.Я., Сахаров А.М.* Абсолютизм // Советская историческая энциклопедия. М., 1961. Т. 1. Ст. 48–49.

[33] См.: *Миронов Б.Н.* Социальная история России... Т. 2. С. 135. В. Мавродин отмечал, что Петр I исходил из интересов "дворянского государства", жертвуя при этом интересами отдельного дворянина (*Мавродин В.В.* Петр I. М., 1949. С. 105–108).

и продворянском характере политики абсолютизма – с другой, могут присутствовать в рассуждениях одного исследователя[34]. Однако данный историографический казус объясняется не противоречивостью концепции того или иного ученого и даже не ошибочностью идеи всеобщего закрепощения или, напротив, тезиса о единстве политических целей самодержавия и господствующего класса. Речь идет лишь о различных акцентах и различных ракурсах взгляда на единый, но крайне сложный, детерминированный самой спецификой российской государственности процесс формирования политики власти по отношению к дворянству. В стране с "минимальным совокупным прибавочным продуктом" неизбежно складывался мобилизационный тип развития, который мог осуществляться лишь при ведущей социоэкономической роли государства и высокой степени зависимости всех социальных групп, в том числе и дворянства. С другой стороны, упрощенная система самоорганизации российского общества, обусловленная в конечном итоге экстенсивным характером земледельческого производства и объективной невозможностью его интенсификации, превратила дворянство в главную социальную опору абсолютизма, соучастника государственного управления[35].

Таким образом, сочетание принуждения и гарантий высшего положения в обществе, осложняемое периодическими конфликтами власти с олигархическими притязаниями элиты, определяло сущность политики самодержавия по отношению к дворянству, которой еще предстоит стать предметом всестороннего изучения.

При всем многообразии трактовок данной проблемы в историографии сложилась единая для большинства исследователей[36] оценка петровского правления как принципиально нового этапа формирования дворянского сословия, которое происходило по инициативе власти, под ее контролем и отвечало прежде всего

---

[34] См., например: *Миронов Б.Н.* Социальная история России... Т. 2. С. 136.

[35] См.: *Милов Л.В.* Великорусский пахарь... С. 559, 562, 565–566.

[36] См. общие историографические обзоры изучения истории России в первой четверти XVIII в.: *Павлова-Сильванская М.П.* Аннотированная библиография иностранной литературы о Петре I (1947–1970 гг.) // Россия в период реформ Петра I. М., 1973. С. 362–367; *Агеева О.Г.* Ассамблеи петровского времени в русской дореволюционной историографии // Историографические и исторические проблемы русской культуры. М., 1983. С. 47–66; *Баггер Х.* Реформы Петра Великого. Обзор исследований. М., 1985; *Медушевский А.Н.* Утверждение абсолютизма в России... С. 30–32; *Каменский А.Б.* От Петра I до Павла I. С. 59–91; и др.

интересам государства[37]. Этой точки зрения придерживаются и те специалисты, которые относят окончательное становление сословного общества в России в западноевропейском понимании этого термина (*Ständestaat* или, вернее сказать, *Ständegesellschaft*) к правлению Екатерины II[38]. Более того, ряд специалистов считает создание нового правящего класса, шляхетства или дворянства, превращение его в эффективный, зависимый от власти инструмент управления[39] главным вектором социальной политики петровского времени. Подобный вывод исследователи делают на основе законодательства, которое продолжает оставаться в работах историков главным источником, характеризующим взаимоотношения власти и общества. Соответственно и основные этапы истории высшего сословия в XVIII столетии отмечены вехами высочайших манифестов и указов:

1714 – "О порядке наследования в движимых и недвижимых имуществах" (указ о единонаследии);
1722 – Табель о рангах;
1736 – "О порядке приема в службу шляхетских детей и увольнения от оной";
1762 – "Манифест о даровании вольности и свободы российскому дворянству";
1785 – Грамота на права, вольности и преимущества благородного российского дворянства (Жалованная грамота дворянству)[40].

---

[37] См. об этом: *Романович-Славатинский А.В.* Дворянство в России... С. 118–128, 131–135 и след.; *Raeff M.* Origins of the Russian Intelligentsia. P. 34–37; *Wittram R.* Peter I – Czar und Kaiser. Zur Geschichte Peters des Grossen in seiner Zeit. Göttingen, 1964. Bd. II. S. 125; *Gerschenkron A.* Europe in the Russian Mirror: Four Lectures in Economic History. N.Y., 1970. P. 79–81; *Елпатьевский А.В.* Законодательные источники по истории документирования сословной принадлежности в царской России (XVIII – начало XIX в.) // Источниковедение отечественной истории: Сб. ст. 1984. М., 1986. С. 35; *Анисимов Е.В.* Время петровских реформ. Л., 1989. С. 300, 303–304; и др.

[38] См.: *Stokl G.* Gab es im Moskauer Staat "Stände"? // Jahrbücher für Geschichte Ostueropas. 1963. N 11. S. 321–342; *Мадариага И.* Россия в эпоху Екатерины Великой. С. 137–230; *Hughes L.* Russia in the Age of Peter the Great. L.; New Haven, 1998. P. 159–160, 498.

[39] См.: *Медушевский А.Н.* Утверждение абсолютизма в России... С. 116, 199, 294–295; *Jones R.E.* The Emancipation of the Russian Nobility: 1762–1785. Princeton (N.J.), 1973. P. 23–24; *Raeff M.* Origins of the Russian Intelligentsia... P. 3.

[40] Так, например, И.В. Фаизова считает, что важнейшим критерием деятельности правительства по регулированию отношений между властью и господствующим сословием было изменение политики в вопросе о службе дворянства. Исследовательница выделяет 4 периода в развитии сословного законодательства XVIII столетия: первый – с начала XVIII в. и до 1725 г.; второй – с 1725 по 1736 г.; третий – с 1736 по 1762 г. и четвертый – после 1762 г. (*Фаизова И.В.* "Манифест о вольности"... С. 18).

Итак, в историографии важнейшими документами первой четверти XVIII в., отражающими политику власти в отношении дворянства, признаются указ о единонаследии и Табель о рангах, т.е. законодательные акты, регламентирующие характер службы высшего сословия и системы вознаграждения за нее. Иначе говоря, совокупный анализ исходящих от престола постановлений заставляет сторонников самых различных концепций сословной политики власти признать курс Петра на мобилизацию дворянства[41] и введение, выражаясь официальным языком начала XVIII столетия, "всеобщей службы" в интересах "регулярного государства", отождествляемых самодержавием с "общим благом"[42].

Указ о единонаследии включал, как известно, два важнейших положения: во-первых, правило передачи поместья только одному из сыновей (а если в семье лишь одна дочь, то ей), с тем чтобы остальные шли на государственную, гражданскую или военную службу, и, во-вторых, высочайшее решение об окончательном уравнении[43] статуса поместья со статусом вотчины. Несмотря на то что Петр наводил справки о традициях наследования в Англии, Франции, Венеции и даже с пристрастием расспрашивал об этом иностранцев в Москве[44], новый порядок "обращения в род" земельных владений лишь формально может быть уподоблен системе западноевропейского майората, строго, а не по выбору завещающего, отдающего первенство старшему сыну[45].

---

[41] Даже советские ученые, определяющие государственный строй России XVIII столетия как "диктатуру господствующего класса", не отрицали, что Петр проводил жесткими мерами комплектацию верхушки армии и органов государственного управления дворянскими кадрами (См., например: *Кафенгауз Б.Б.* Общественно-политическая мысль // Очерки истории СССР. Период феодализма: Россия в первой четверти XVIII века: Преобразования Петра I. М., 1954. С. 646).

[42] *Рейснер М.А.* Общественное благо и абсолютное государство // Вестник права. 1902. № 9–10. С. 5, 14; *Павленко Н.И.* Петр I (К изучению социально-политических взглядов) // Россия в период реформ Петра I. С. 61–64; *Он же.* Петр Первый. М., 1975. С. 269, 280; *Баггер Х.* Реформы Петра Великого. С. 99; и др.

[43] Л.В. Милов указывает на ошибочность термина "сближение" статуса вотчины и поместья, признавая более точным тезис о переходе (возврате) поместий в статус вотчины, который был растянут на период, занявший более столетия (*Милов Л.В.* Великорусский пахарь и особенности российского исторического процесса. Изд. 2-е, доп. М., 2006. С. 547).

[44] См. об этом: *Воскресенский Н.А.* Законодательные акты Петра I. М.; Л., 1945. Т. 1. С. 37; *Ключевский В.О.* Соч.: В 8 т. М., 1958. Т. IV: Курс русской истории. Ч. 4. С. 88.

[45] О правиле первородства в Англии, укрепившем контроль нескольких знатных семей над землей, см., например: *Mingay G.E.* English Landed Society in the Eighteenth Century. L.; Toronto, 1963; *Scott J.* The Upper Classes. P. 6–11.

Так, еще В.О. Ключевский писал, что "указ не утверждал исключительного права за старшим сыном; майорат был случайностью, наступавшей только при отсутствии духовной: отец мог завещать недвижимое и младшему сыну мимо старшего; указ установлял не майорат, а *единонаследие*, неделимость недвижимых имений"[46]. Таким образом, нельзя согласиться с исследователями, связывающими закон 1714 г. с попыткой введения в России правила майората. Вызывают некоторое сомнение и такие весьма противоречивые трактовки социального смысла указа о единонаследии, как обращение части дворянства в третье сословие[47], с одной стороны, или превращение российского господствующего класса в подобие западноевропейской аристократии – с другой[48]. Наиболее резонной представляется точка зрения специалистов, полагающих, что интересы государственной казны вынуждали власть всячески противодействовать стихии измельчания поместий[49] и экономической деградации высшего сословия: именно фискальные приоритеты доминировали в той части указа 1714 г., которая касалась порядка наследования дворянских земель[50].

Представление самодержавия о "государственной пользе" в данном случае шло вразрез не только с повседневными экономическими интересами помещиков, но и с реальными возможностями власти обеспечить средствами к существованию лишенных недвижимости дворянских детей[51]. Неслучайно владельцы име-

---

[46] См. об этом: *Ключевский В.О.* Соч. Т. IV. С. 88.

[47] См., например: *Павлов-Сильванский Н.П.* Государевы служилые люди. С. 225, 231; *Богословский М.М.* Петр Великий и его реформа. М., 1920. С. 94; *Fleischhacker H.* 1730. Das Nachspiel der petrinischen Reform // Jahrbücher für Geschichte Osteuropas. 1941. Bd. 6. S. 268–270; и др.

[48] См.: *Каменский А.Б.* От Петра I до Павла I. С. 123.

[49] В этом контексте нельзя согласиться с В. Кивельсоном, который считает тезис о раздроблении дворянских имений мифом, поскольку площадь земельных владений высшего сословия на протяжении XVII в. лишь увеличивалась в результате покупки вотчин и получения приданного (*Kivelson V.* Autocracy in the Provinces. The Moscovite Gentry and Political Culture in the Seventeenth Century. Stanford (Calif.), 1996. P. 110–112).

[50] См., например: *Индова Е.И.* К вопросу о дворянской собственности в России в поздний феодальный период // Дворянство и крепостной строй России XVI–XVIII вв. М., 1975. С. 277; *Медушевский А.Н.* Утверждение абсолютизма в России... С. 295; *Милов Л.В.* Россия при преемниках Петра I и в правление Екатерины II // История России с начала XVIII до конца XIX века. М., 1996. С. 61.

[51] Как справедливо указывает Л.Ф. Писарькова, «поставив "кормление" вне закона, но не будучи способным обеспечить прожиточный минимум основной массы служащих, правительство безуспешно пыталось добиться торжества закона с помощью разветвленной системы органов надзора» (*Писарькова Л.Ф.* Российская бюрократия в эпоху Петра I. Условия службы и характерные черты // Отечественная история. 2004. № 2. С. 17–18).

ний игнорировали закон о единонаследии, а в 1731 г. это положение указа под давлением представителей высшего сословия было вообще отменено. Тот факт, что во время петровского правления так и не установилось правило майората, позволил некоторым, прежде всего зарубежным, специалистам, основывающим свои выводы на сравнительном анализе, прийти к заключению об отсутствии в России "землевладельческого нобилитета" и "класса феодалов" "западного образца"[52]. Непрерывное деление и перераспределение дворянской собственности, самовластная конфискация владений и щедрые пожалования фаворитам, раздробленность имений даже самых богатых фамилий по нескольким губерниям[53] – все эти обстоятельства препятствовали формированию прочных экономических и, соответственно, политических позиций элиты высшего сословия в провинции. В результате дворянство, как полагает Р. Пайпс, не имело достаточного потенциала, чтобы "сопротивляться наиболее крайним формам абсолютизма"[54].

С данной точки зрения другая часть закона 1714 г., окончательно уравнивающая в правах статус вотчины и поместья, также призвана была укреплять феодальную собственность на землю. Но в отличие от параграфов о единонаследии это положение знаменитого указа стало мощным стимулом для развития вотчинного господского хозяйства и было с воодушевлением воспринято высшим сословием. Именно в первой четверти XVIII столетия происходит рост господских усадеб и появляются первые хозяйственные инструкции владельцев имений для своих приказчиков[55].

При оценке указа 1714 г. важно уловить глубинную внутреннюю взаимосвязь между двумя его положениями, которые часто

---

[52] См.: *Raeff M.* Origins of the Russian Intelligentsia. P. 17; *Jones R.E.* The Emancipation of the Russian Nobility. P. 7; *Ливен Д.* Аристократия в Европе. 1815–1914. СПб., 2000. С. 97–127.

[53] См. работы о феодальном землевладении в России: *Якушкин В.Е.* Очерки по истории русской поземельной политики XVIII и XIX в. М., 1890. Вып. I.: XVIII век. С. 16–78; *Веселовский С.Б.* Феодальное землевладение в северо-восточной Руси. М.; Л., 1947. Т. I. С. 165–202; *Преображенский А.А.* Структура земельной собственности в России XVII–XVIII вв. // Ежегодник по аграрной истории Восточной Европы. 1966. Таллин, 1971; *Индова Е.И.* К вопросу о дворянской собственности... С. 272–292; *Водарский Я.Е.* Дворянское землевладение в России в XVII – первой половине XIX в. М., 1988. С. 3–6, 238–239; и др.

[54] *Пайпс Р.* Россия при старом режиме. М., 1993. С. 233.

[55] См.: *Милов Л.В.* Россия при преемниках Петра I... С. 61. См. также: Сельскохозяйственные инструкции (первая половина XVIII в.). М., 1984; Сельскохозяйственные инструкции (середина XVIII в.). М., 1987; 1990.

в историографии анализируются изолированно. Кроме того, столь значимый в социальной истории дворянства закон продуктивно рассматривать в широком контексте взаимоотношений власти и дворянства и, в частности, мощного и порой деформирующего воздействия государства на эволюцию феодального землевладения. Так, Е.В. Анисимов справедливо указывает, что правило единонаследия, закон от 14 апреля того же 1714 г., усложнявший возможность покупки имений для лишенных земельной недвижимости детей, и практика утверждения завещаний наиболее крупных латифундистов самим царем "превращали в фикцию преимущества от слияния двух видов собственности"[56].

Развернутый анализ феномена условной формы феодального землевладения, при введении которой политические интересы власти оказались сильнее экономической целесообразности, приведены в монографии Л.В. Милова. Форсированные темпы распространения поместий на великокняжеской земле в XV–XVI вв. были обусловлены объективной необходимостью поиска резервов для внутреннего укрепления государства. Условная форма землевладения устанавливалась верховной властью и потому "влекла за собой резкое усиление политико-экономической роли государства, ставила каждого помещика в прямую зависимость от государя, сделав факт обладания дозированной долей земли лишь следствием его верной службы". Примерно с середины XVI в. и обладание вотчиной было для каждого феодала также обусловлено государственной службой. Несмотря на то что годы Смуты обнаружили явную неэффективность поместий как формы хозяйства, власть не форсировала обратного преобразования поместий в вотчины; "слишком важна была условная система землевладения для политического укрепления системы самодержавной неограниченной власти монарха, для формирования дворянства как основы незыблемого государственного единства"[57].

Следовательно, такие мероприятия власти, как уравнение статуса вотчины и поместья указом 1714 г. и введение денежного жалованья в качестве вознаграждения сначала военным и позднее чиновникам, означали не уменьшение обязанностей дворян-

---

[56] *Анисимов Е.В.* Время петровских реформ. С. 302, 313. Б.Н. Миронов также отмечает, что и после закона о единонаследии, а также указа 1719 г., закреплявшего за дворянином всех крестьян принадлежащего ему поместья, права собственности по-прежнему определялись государственной службой – в случае уклонения от нее без надлежащей причины имение и крепостные отбирались в пользу государства (*Миронов Б.Н.* Социальная история России... Т. 1. С. 82).

[57] *Милов Л.В.* Великорусский пахарь... С. 559–561.

ства перед государством, а закрепление одинаковой служебной ответственности и за собственниками наследственных имений, и за владельцами условных держаний. Указ о единонаследии, как отмечает Л. Хьюз, усилил вмешательство государства в жизнь дворянства. Возможность дворянина распоряжаться своей собственностью уменьшилась[58]. Более того, "верноподданнический долг" ставился властью выше рачительности хозяина, владеющего процветающим имением и заботящегося о достатке своих крестьян. И с позиции власти, и по собственным ценностным ориентациям вотчинник XVIII в. даже после отмены обязательного характера государственной службы оставался помещиком[59].

Оформившееся в первой четверти XVIII в. собственно дворянское законодательство, по мнению многих специалистов, свидетельствует, что монархия видела в высшем сословии прежде всего кадровых военных, чиновников, придворных. Возложенная на каждого дворянина обязанность постоянной, всеобщей и "ревностной" службы государству стала единственной законодательной гарантией всех привилегий высшего сословия, и прежде всего владения землей и крестьянами. Еще А.В. Романович-Славатинский писал, что "отличительная черта в истории нашего дворянства, сравнительно с дворянством Западной Европы, состоит в том, что у нас оно всегда было *установлением политическим*, существовавшим и видоизменявшимся, *сообразно целям и потребностям правительственным*. ⟨…⟩ у нас аристократические элементы сложены были в привилегированную общественную группу *государственной властью*, которая давала ей ту или другую организацию, повышала и принижала ее, *сообразно потребностям государства*"[60].

Как правило, объектом исследования историков становятся следующие законодательные акты, характеризующие политику власти, направленную на регламентацию службы дворянства в первой четверти XVIII в.:

– указ 1701 г., объявляющий, что "все служилые люди с земель службу служат, а даром землями никто не владеет";

---

[58] *Hughes L.* Russia in the Age of Peter the Great. P. 177.

[59] См. об этом: *Raeff M.* Imperial Russia 1682–1825. The Coming of the Modern Russia. N.Y., 1971. P. 106; *Павленко Н.И.* Петр I (К изучению социально-политических взглядов). С. 73–74; *Марасинова Е.Н.* Вотчинник или помещик? (Эпистолярные источники о социальной психологии российского феодала второй половины XVIII в.) // Менталитет и аграрное развитие России (XIX–XX вв.). М., 1996. С. 135–145.

[60] *Романович-Славатинский А.В.* Дворянство в России... С. I. См. также, например: *Jones R.E.* The Emancipation of the Russian Nobility... P. 18.

– уничтожение в 1708 г. старого принципа назначения на должности в качестве "государева пожалования по челобитью";

– учреждение в 1711 г. Сената и упразднение Разрядного приказа;

– введение указами 1711 и 1714 гг. штатного жалованья военным в качестве самостоятельного и единственного вознаграждения за службу, заменившего земельные пожалования;

– распоряжение 1712 г. Сенату, обязавшее неслужащего дворянина "почесть и первое место давать" каждому обер-офицеру;

– ряд мер, заставлявших дворян обеспечивать получение образования своим детям;

– введение для всех лиц, находившихся на государственной службе, обязательной присяги, основной текст которой был сформулирован в Воинском уставе 1716 г.;

– Генеральный регламент 1720 г. и регламенты отдельных коллегий, установившие единую служебную дисциплину, четкое разделение дел и бюрократическую соподчиненность;

– указ 1722 г. об учреждении должности герольдмейстера, а затем и Герольдмейстерской конторы для учета годных к службе дворян.

Перечисление законодательных актов первой четверти XVIII в., анализ которых встречается в исследовательской литературе, в той или иной степени затрагивающей проблему взаимоотношений власти и дворянства, можно было бы продолжать. Между тем важнейшим документом, который воплотил "усилия государства" по "модернизации правовых основ службы"[61], специалисты единодушно признают Табель о рангах[62]. Вступивший в действие 24 января 1722 г., этот государственный закон создал своеобразную иерархию служебных разрядов и систему продви-

---

[61] См.: *Медушевский А.Н.* Утверждение абсолютизма в России... С. 295; *Фаизова И.В.* "Манифест о вольности"... С. 35.

[62] При изучении Табели о рангах перспективно сконцентрировать внимание прежде всего на ее последствиях, которые проявились во всех областях жизни российского общества первой четверти XVIII в., в том числе и в сфере идеологии, менталитета, психологии. Проблема же обнаруженных в этом документе заимствований из зарубежного законодательства является, на мой взгляд, второстепенной. Тем не менее в историографии существует ряд фундаментальных источниковедческих исследований, в которых собственно социальная история дворянского сословия заслоняется доскональным изучением влияния европейской и прежде всего шведской политической системы на содержание Табели о рангах (См., например: *Peterson C.* Peter the Great's Administrative and Judicial Reform: Swedish Antecedents and the Process of Reception. Stockholm, 1979. P. 3–32).

жения государственных чиновников, военных и лиц, состоявших при царском дворе. Все должности были поделены на три категории: воинские, в том числе сухопутные, гвардия, артиллерийские, морские, а также штатские и придворные, включающие 14 рангов или классов, которые строго соотносились между собой таким образом, что каждая штатская или придворная должность имела соответствующий воинский эквивалент. Низшие чины, с 14 по 9, давали их носителям на статской службе только личное дворянство, с 8 ступени можно было получить потомственное дворянское звание. Военные становились потомственными дворянами с 12 класса. За выслугу личные дворяне могли также перейти в потомственные. Отныне принцип приоритета знатности и родовитости при занятии должности навсегда уступал место принципу личной выслуги и полной последовательности прохождения всех рангов.

Несмотря на то что Табели о рангах посвящена обширнейшая исследовательская литература[63], в историографии присутствуют весьма противоречивые оценки этого документа. Провозглашение приоритета выслуги над знатностью, по мнению ряда специалистов, не позволило дворянству замкнуться в недоступную касту и обеспечило прилив новых сил, "свежей крови" и особой энергетики способных, но не родовитых представителей низших слоев[64]. Табель о рангах, полагал А.В. Романович-Славатинский, по духу своему была поистине демократической: «установив приобретение дворянства чином, Табель свела в одну общественную группу и людей знатного происхождения... и потомство мелких и небогатых чиновников и офицеров. ⟨...⟩ Среднее дворянство по интересам своим тяготеет к народу, по пре-

---

[63] Наиболее интересными и глубокими исследованиями, на мой взгляд, являются труды С.М. Троицкого и А.Н. Медушевского. Монография С.М. Троицкого "Русский абсолютизм и дворянство в XVIII в. Формирование бюрократии" охватывает историю чиновничества с начала второго десятилетия до середины 60-х годов и посвящена разработке Табели о рангах, а также реализации и социальным последствиям введения этого важнейшего документа самодержавия. Всестороннее изучение Табели о рангах, способствовавшей рациональной организации власти и формированию эффективной бюрократии, сопровождается в работах А.Н. Медушевского сравнительным анализом петровского указа и аналогичной законодательной деятельности власти конца XVII – первой четверти XVIII в. в Пруссии, Швеции и Дании (См.: *Медушевский А.Н.* Утверждение абсолютизма в России...; *Он же*. Административные реформы в России XVIII–XIX вв. в сравнительно-исторической перспективе. М., 1987; и др.).

[64] См., например: *Богословский М.М.* Петр Великий и его реформа. С. 92; *Федосов А.И.* Социальная сущность и эволюция российского абсолютизма (XVIII – первая половина XIX в.) // Вопросы истории. 1971. № 7. С. 46–65; *Jones R.E.* The Emancipation of the Russian Nobility. P. 13–14; и др.

тензиям – к аристократии. ⟨...⟩ Вот почему из нашего среднего дворянства не могло образоваться *gentry*, подобно тому как аристократия не могла развиться в *nobility*"[65]. Открывшиеся возможности продвижения по иерархической чиновной лестнице дали импульс возникновению "вертикальной мобильности" в обществе, что, по мнению М. Раева, способствовало распространению индивидуализма среди дворянства, иному уровню социальной динамики и, как следствие, особой восприимчивости к передовым идеям европейских мыслителей[66].

В то же время предоставленный непривилегированной части населения шанс получить дворянство через систему государственной службы по-разному оценивается в историографии. В том, что господствующее сословие расширялось в результате действия принципа выслуги, одни исследователи усматривают процесс "размывания дворянства"[67], а другие, напротив, – явление постепенного "одворянивания" преуспевающих на службе разночинцев. Последняя точка зрения представляется мне более аргументированной. Речь идет о том, что бывшие церковные служители, купцы, мещане и даже крестьяне в борьбе за карьеру усваивали ценности высшего сословия, в состав которого стремились проникнуть и образу жизни которого пытались следовать. Е.В. Анисимов пишет, что "недворянин, проходя лестницу чинов, вливался в контингент военных и чиновников не как чужеродное тело, а как дворянин"[68]. Тем более что Петр ввел ряд мер, заставлявших дворян соответствовать тем рангам, которые они в силу обязательной службы должны были занимать, следствием чего стала обязательная практика обучения дворянских детей, которой

---

[65] *Романович-Славатинский А.В.* Дворянство в России. С. 26–27.

[66] *Raeff M.* Origins of the Russian Intelligentsia... P. 40–41, 68–69, 106, 108, etc.

[67] Данную точку зрения высказывал, например, С.М. Троицкий (*Троицкий С.М.* Русский абсолютизм... С. 366). Е. Путткаммер отмечал, что введение рекрутской повинности и принципа выслуги создало парадоксальную ситуацию, когда молодые дворяне начинали службу солдатами едва ли не вместе с собственными крепостными (*Puttkammer E.V.* Einflusse schwedischen Rechts auf die Reformen Peters des Großen // Zeitschrift für ausländisches öffentliches Recht und Volkerrecht. 1958. Bd. 19. S. 374). В.О. Ключевский также писал о преобразованной армии, в ряды которой поступали и дворяне, и их холопы, но "не спутниками и слугами своих господ, а такими же рядовыми" (*Ключевский В.О.* Соч. Т. IV. С. 71).

[68] *Анисимов Е.В.* Время петровских реформ. С. 309. Б.Н. Миронов также признает, что "одворянивание" наступало прежде, чем разночинец получал статус дворянина – "в дворянство переходили только те представители других сословий, которые получали образование, профессию, делали карьеру на государственной службе, приобретали мировоззрение и привычки, свойственные дворянству" (*Миронов Б.Н.* Социальная история России... Т. 1. С. 146).

посвящена обширная исследовательская литература[69]. Многие специалисты, и прежде всего советские историки, неоднократно указывали, что и для разночинцев, и особенно для крестьян было очень трудно получить статус, дающий даже личное дворянство[70]. При этом положение офицера, казалось бы, навсегда порвавшего со своей крепостной зависимостью, оставалось неравноправным по сравнению с позициями, которые занимали офицеры дворянского происхождения[71]. С одной стороны, Табель о рангах открывала некоторые возможности представителям низших сословий, но с другой – этот жестко регламентирующий условия государственной службы документ устанавливал строгую стратификацию, а также четко обозначал границу, отделявшую господствующий класс от других социальных групп и чиновную элиту от низшей бюрократии[72].

Наряду с противоречивыми оценками последствий введенного Табелью о рангах принципа выслуги, в историографии существуют и различные интерпретации процесса "бюрократизации" высшего сословия. Ряд специалистов, в частности С.М. Троицкий, полагали, что в борьбе с оппозицией феодальной аристократии абсолютная монархия опиралась на среднее и мелкое дворянство и стремилась создать дворянскую бюрократию, что способствовало сохранению и насаждению сословности и задерживало превращение бюрократии в бессословную категорию буржуазного общества[73]. В то же время в историографии существует и другая точка зрения, согласно которой именно с петровских времен идет процесс постепенного обособления в составе господствующего сословия дворянства бюрократической касты[74].

---

[69] См. об этом, например, историографический обзор в исследовании Л. Хьюз: *Hughes L.* Russia in the Age of Peter the Great. P. 298–331.

[70] См.: *Бахрушин С.В.* О классовой природе монархии Петра I // Известия Академии наук СССР. Серия истории и философии. 1944. Т. 1, № 2. С. 90–91; *Порфирьев Е.И.* Петр I – основоположник военного искусства русской регулярной армии и флота. М., 1952. С. 53; Источниковедение истории СССР. М., 1981. С. 173; и др.

[71] См.: *Рабинович М.Д.* Социальное происхождение и имущественное положение офицеров регулярной русской армии в конце Северной войны // Россия в период реформ Петра I. С. 170–171.

[72] См.: *Анисимов Е.В.* Время петровских реформ. С. 309; *Милов Л.В.* Россия при преемниках Петра I... С. 62.

[73] *Троицкий С.М.* Русский абсолютизм... С. 366, см. также: *Ерошкин Н.П.* История государственных учреждений дореволюционной России. М., 1968. С. 78–79; *Стешенко Л.А., Софроненко К.А.* Государственный строй России в первой четверти XVIII века. М., 1973. С. 26–27.

[74] См., например: *Демидова Н.Ф.* Бюрократизация государственного аппарата абсолютизма в XVII–XVIII вв. // Абсолютизм в России (XVII–XVIII вв.) М., 1964. С. 207, 242.

Так, А.Н. Медушевский полагает, что в результате петровских преобразований "увеличивалась рационализация правящего класса, его организации, которая шла теперь не по линии внутрисословных подразделений, а по чиновному рангу, во-первых, и по функциональному признаку (принадлежность к военной, гражданской или дворцовой иерархии), во-вторых". Основываясь на сходных рассуждениях, Б.Н. Миронов приходит к выводу об уменьшении роли сословного элемента в формировании аппарата управления, что в конечном итоге привело к трансформации дворянской монархии в бюрократическую[75].

Специалистов, признающих феномен "одворянивания" чиновничьей касты или же, напротив, "бюрократизацию" дворянства, объединяет признание постепенного процесса консолидации господствующего класса[76]. Исследователи усматривают симптомы известной нивелировки дворянства на основе введения единого юридического статуса двух форм феодальной собственности на землю (вотчины и поместья)[77] и формирования жесткой иерархической структуры сословия, обязанного нести "постоянную" и "всеобщую" повинность государственной службы[78]. Однако в данном контексте единственной причиной консолидации господствующего класса признается законодательная воля монарха, а главным показателем этого процесса – формальные юридические критерии. Однако о консолидации дворянства нельзя говорить без учета социально-психологического фактора, в частности механизма внутренней сплоченности высшего сословия. Также остается неясным вопрос о заинтересованности государства в развитии политического самосознания высшего сословия.

---

[75] *Медушевский А.Н.* Утверждение абсолютизма в России... С. 295; *Миронов Б.Н.* Социальная история России... Т. 2. С. 148. Г.М. Гамбург также указывает, что дворянин на службе был прежде всего чиновником, а потом уже дворянином (*Hamburg G.M.* Politics of the Russian Nobility, 1881–1905. New Brunswick, 1984. P. 13–15, 67–68).

[76] Отсутствие единых критериев процесса консолидации обусловили существование в литературе и другой точки зрения, согласно которой об известном единстве дворянства можно говорить лишь с конца XVIII столетия. См., например: *Hassel J.* Implementation of the Russian Table of during the 18th Century // Slavic Review. 1970. Vol. 29, N 3. P. 294.

[77] А.Б. Каменский вообще связывает эту часть указа 1714 г. с созданием дворянской или шляхетской корпорации и превращением ее в полноценное сословие, не раскрывая, к сожалению, содержания данных понятий (*Каменский А.Б.* От Петра I до Павла I. С. 123).

[78] См., например: *Blum J.* Lord and Peasant in Russia from the Ninth to the Nineteenth Century. Princeton, 1972. P. 350–351; *Троицкий С.М.* Русский абсолютизм... С. 4, 366; *Медушевский А.Н.* Утверждение абсолютизма в России... С. 294; и др.

В литературе фиксируется упрощение системы вассалитета, когда все дворяне превращаются в прямых подданных императора и между монархом и дворянином исчезают посредствующие звенья, свойственные эпохе уделов и становления централизованного государства[79]. «Введение принципа личной выслуги, – пишет Е.В. Анисимов, – резко усиливало власть самодержавия над дворянством: на смену традиционному сословию служилых "по отечеству" приходил военно-бюрократический дворянский корпус, на смену прежнему своевольному боярину или стольнику – послушный, всем обязанный властелину офицер или чиновник»[80]. В результате возрастала относительная независимость власти от различных групп в среде дворянства и, что особенно важно, его политической элиты.

С другой стороны, в историографии существует мнение об обособлении в среде российского общества профессионального чиновничества, представители которого рекрутировались из самых различных сословий, утрачивали связь с определенной социальной группой и ориентировались прежде всего на интересы государства[81]. Будучи послушным орудием верховной власти, бюрократия, по мнению Ю.М. Лотмана, не оставила следа в духовной жизни России, не создала ни своей культуры, ни своей этики, ни даже своей идеологии[82]. Признание конфликта между высшим сословием и кадровыми чиновниками легло в основу концепции М. Раева, который полагает, что рост бюрократизации управления в России XVIII в. с его "деперсонализацией" личности оттолкнул от престола часть элиты, дав импульс последующему расколу дворянства и формированию первых поколений русской интеллигенции[83].

Несмотря на господствующий в историографии интерес к Табели о рангах как важнейшему этапу формирования профессиональной бюрократии, ряд специалистов усматривают в этом документе своеобразный итог всей политики первого российского императора, направленной на выработку новых принципов струк-

---

[79] *Буганов В.И., Преображенский А.А., Тихонов Ю.А.* Эволюция феодализма в России. С. 244.

[80] *Анисимов Е.В.* Время петровских реформ. С. 303.

[81] См., например: *Демидова Н.Ф.* Бюрократизация... С. 229–230; *Федосов А.И.* Социальная сущность... С. 60–61; *Рабинович М.Д.* Социальное происхождение... С. 159–160.

[82] *Лотман Ю.М.* Беседы о русской культуре. Быт и традиции русского дворянства (XVIII – начало XIX века). СПб., 1994. С. 27.

[83] *Raeff M.* Origins of the Russian Intelligentsia... P. 43, 52–53, 110 и др.; *Idem.* Comprendre l'ancien regime russe. P., 1982. 46–68.

турирования дворянского сословия[84]. Всестороннее изучение социальной истории служилых людей допетровской Руси[85] позволило исследователям последующих эпох прийти к выводу, что действительно "сословие дворянства XVIII–XIX веков в том виде, каким мы его знаем по литературе, было оформлено, точнее организовано Петром – в петровскую эпоху происходит оформление дворянства не как чина, разновидности прежнего служилого сословия, а как единой корпорации, класса-сословия, обладающего особыми привилегиями"[86]. В целом специалисты условно выделяют две эры в истории российского дворянства. Используя метафору П.Н. Милюкова, можно сказать, что "третичный период", когда дворянство представляло собой некоторые сословные группы светских феодалов, являясь частью служилого класса, начинается в XII в., с момента первых упоминаний о предшественниках дворян (детских, слугах), а также появления собственно термина "дворянин", и длится до конца XVII в. На протяжении XVIII столетия происходила ликвидация многочисленных сословно-чиновных групп в составе светских феодалов[87]. Окончательно термин "дворянство" для обозначения всего сословия утвердился при Екатерине II[88]. Но решающим этапом обособления дворянства в среде исчезающего сословия служилых людей и превращения его в политическую элиту общества исследователи единодушно признают правление Петра I. Именно в конце XVII – пер-

---

[84] Исследователи пишут о "петровской программе развития шляхетской корпорации" и создания "нового правящего класса" (см., например: *Медушевский А.Н.* Утверждение абсолютизма в России... С. 295; *Фаизова И.В.* "Манифест о вольности"... С. 35).

[85] См., например: *Бычкова М.Е.* Состав класса феодалов в XVI в. Историко-генеалогическое исследование. М., 1986; *Демидова Н.Ф.* Служилая бюрократия в России XVII в. и ее роль в формировании абсолютизма. М., 1987.

[86] *Анисимов Е.В.* Время петровских реформ. С. 300.

[87] См.: *Буганов В.И., Преображенский А.А., Тихонов Ю.А.* Эволюция феодализма в России... С. 243; *Водарский Я.Е.* Дворянское землевладение... С. 239; *Назаров В.Д., Ерошкина А.Н., Корелин А.П.* Дворянство // Отечественная история. История России с древнейших времен до 1917 года. Энциклопедия. М., 1994. Т. 1. С. 682–683; *Буганов В.И.* Российское дворянство // Вопросы истории. 1994. № 1. С. 30; и др.

[88] Термин "шляхетство" не прижился в России. В официальных документах он встречается лишь в конце XVII – первой трети XVIII в. История политического языка, с помощью которого верховная власть именовала высшее сословие, практически не затрагивается в исследовательской литературе. Исключением является лишь работа Г. Торке, в которой проанализировано содержание таких понятий, как "большие дворяне", "московский дворянин", "городовой дворянин", "ратный дворянин" и др. (*Torke H.-J.* Crime and Punishment in the pre-Petrine Civil Service: The Problem of Control. S. 29, 44, 86–99).

вой четверти XVIII в. произошел распад сословия служилых людей на две категории: наиболее многочисленная часть служилых "по отечеству" превратилась в дворянство, меньшая часть этой социальной группы, преимущественно малосостоятельные служилые юга России, и служилые "по прибору" вошли в созданное Петром сословие государственных крестьян[89].

Работы, посвященные иерархии политической элиты дворянства, принадлежащие главным образом дореволюционным российским авторам, и исследования историков второй половины XX в., в которых анализируется социальная структура бюрократии XVII – начала XVIII в.[90], со всей очевидностью свидетельствуют, что Петр отказался от насильственного и жесткого вытеснения старой аристократии. Бояре, кравчие, окольничие, думные дворяне, стольники, стряпчие, московские жильцы и т.д. продолжали существовать не только на протяжении первой четверти XVIII в., но и вплоть до середины столетия. Как указывает Е.В. Анисимов, а также Л. Хьюз, Петр лишь приостановил разрастание старого служилого сословия и блокировал "стыковку" чиновной системы XVII в. с той, которая создавалась на основе Табели о рангах[91]. Еще в 1695 г. "повелено было в стольники, в стряпчие и в дворяне не возводить", с 1701 по 1703 г. прекратилась запись "в житье", тогда же практически закончились пожалования боярской честью. Последние примеры награждения старыми московскими чинами также относятся к началу XVIII столетия – в 1709 г. Петр Апраксин получил боярство, а в 1711 г. Алексей Юшков стал окольничим.

Л. Хьюз, отмечает, что еще долгое время после смерти Петра слово "боярин" продолжало существовать в обиходной речи. Однако значение этого термина постепенно сближалось с понятием "царедворец", которое объединяло и действительных обладателей боярского титула, и придворных, не имеющих этого

---

[89] См., например: *Анисимов Е.В.* Время петровских реформ. С. 301.

[90] См., например: *Карнович Е.П.* Русские чиновники в былое и настоящее время. СПб., 1897. С. 36–37; *Он же.* Родовые прозвания и титулы в России. СПб., 1991; *Романович-Славатинский А.В.* Дворянство в России... С. 4–21; а также: *Демидова Н.Ф.* Служилая бюрократия... С. 38–50; *Crummey R.O.* Aristocrats and Servitors: The Boyar Elite in Russia, 1613–1689. Princeton, 1983; *LeDonne J.P.* Ruling Families in the Russian Political Order, 1689–1725 // Cahiers du monde russe et soviétique. 1987. N 3–4. P. 233–322; *Idem.* Absolutism and Ruling Class: The Formation of the Russian Political Order. 1700–1725. N.Y., 1991; *Berelowich A.* La Hiérarchie des égaux. La noblesse russe d'Ancien Régime (XVIe–XVIIe siècles). P., 2001; и др.

[91] См.: *Анисимов Е.В.* Время петровских реформ. С. 303; *Hughes L.* Russia in the Age of Peter the Great. P. 179–182.

когда-то столь престижного звания[92]. В то же время еще до публикации Табели о рангах заслуги перед императором отмечались уже в соответствии с вводимой бюрократической иерархией. В 1711 г. был уничтожен прежний Разрядный приказ и образован Сенат, призванный, в частности, контролировать производство в новые чины. Так, после Полтавы князь Г.Ф. Долгорукий был награжден чином действительного тайного советника, боярин И.А. Мусин-Пушкин – тайного советника, а граф Ф.М. Апраксин стал в 1711 г. генерал-губернатором Азова и тайным советником. В многочисленных биографиях Петра I указывается, что и сам монарх поднимался по созданной им иерархической лестнице, принося пользу Отечеству в чине сержанта, а затем бомбардира и капитана. Иначе говоря, вводимые Табелью о рангах принципы продвижения по службе санкционировались, освящались и опробовались венценосной персоной.

Таким образом, первый российский император, не прибегая к жестким методам, не только обрек на постепенное исчезновение структуру старой московской бюрократии, но и принципиально изменил статус титулованного дворянства. В XVIII в. существовала возможность стать князем только с санкции императора Священной Римской империи. До правления Павла I, который своим собственным именем начал возводить придворных в княжеское достоинство, в России по распоряжению монарха появился только один русский князь – Петр пожаловал Александра Меншикова титулом светлейшего князя Ижорского. Не ограничиваясь первым в истории страны своевольным введением в княжескую касту бывшего "пирожника", император также разнообразил состав титулованной знати, награждая вельмож своего царствования графским и менее престижным баронским достоинством. Наконец, Петр упорядочил использование фамильных гербов и основал первый русский орден – Святого Андрея Первозванного.

Все эти детально, на богатом документальном материале освещенные в исследовательской литературе факты далеко не всегда, однако, интерпретируются в контексте новых принципов Табели о рангах и в целом сословной политики Петра в отношении дворянства. Между тем четкое понимание ее целей, а также механизмов реализации поможет оценить степень результативности усилий первого императора, направленных на создание российской элиты и оказавших принципиальное влияние на всю ее дальнейшую судьбу. Во-первых, обращает на себя внимание тот факт, что под воздействием социальных преобразований

---

[92] *Hughes L.* Russia in the Age of Peter the Great. P. 180.

Петра были потеснены не собственно старые родовитые фамилии, сколько престиж их чинов и монополия княжеского титула. Легко смирившись с девальвацией, а затем и отмиранием московских бюрократических рангов, представители последнего поколения бояр, стряпчих, окольничих и проч. с легкостью включились в борьбу за новые чины и без колебаний принялись за "выхаживание" графских титулов, а потомки удельных князей подобострастно признали всесилие нового князя Ижорского.

В данном контексте некоторая односторонность усматривается в выводах исследователей, полагающих, что социальная политика Петра была направлена на усиление новой служилой элиты, рекрутирующейся, прежде всего, из среды мелкого и среднего дворянства[93]. С другой стороны, не следует абсолютизировать и сохранение политического влияния старомосковской знати, которое, по мнению ряда разделяющих эту точку зрения специалистов, поддерживалось патронажными и брачными связями в среде аристократии, а также личными пристрастиями императора при назначении на высокие должности[94]. Так, П. Бухович отмечает, что период жесткого наступления Петра на старую знать приходился на 1699–1708 гг. В дальнейшем монарх старался достигнуть баланса между различными группами в составе политической элиты, которая включала родственников царя – семейные кланы Нарышкиных, Салтыковых и Апраксиных, его фаворитов и, наконец, московскую аристократию[95].

Социальная политика Петра в отношении дворянства была направлена не на смену состава элиты, а на принципиальное изменение взаимоотношений власти и верхушки общества. Законодательство первой четверти XVIII в. открыло новые возможности проникновения в привилегированное сословие, ввело иные критерии знатности и иные наименования показателей социального престижа, т.е. непривычные, восходящие к европейской традиции титулы, ранги, чины и должности. Отныне служба государю и его милость обеспечивали принадлежность к аристо-

---

[93] См., например: *Федосов А.И.* Социальная сущность... С. 58–59; *Трощкий С.М.* Русский абсолютизм... С. 86–87. Также нуждается в дополнительных пояснениях точка зрения Б.И. Сыромятникова, усматривающего в протекционизме Петра намеренное ущемление интересов дворянства (*Сыромятников Б.И.* "Регулярное государство" Петра Первого и его идеология. М.; Л., 1943. С. 39).

[94] См.: *Crummey R.O.* Peter and the Boyar Aristocracy // Canadian American Slavic Studies. 1974. Vol. VIII. P. 274; *Meehan-Waters B.* Autocracy and Aristocracy: The Russian Service Elite of 1730. New Brunswick, 1982.

[95] *Bushkovitch P.* Peter the Great. The Struggle for Power, 1671–1725. Cambridge (Mass.), 2001. P. 442–443.

кратии, социальная структура которой выстраивалась не по коленам разветвленной генеалогии родовитых фамилий, а в соответствии со степенями Табели о рангах. Авторитет введенных Петром чинов стремительно утверждался в восприятии современников, подчиняя своему влиянию все сферы жизни личности, включая даже суверенные, на первый взгляд, приватные человеческие отношения. Этот факт быстрого превращения степеней Табели о рангах в своеобразный фетиш свидетельствовал об определенном внутреннем настрое даже потомков знатных фамилий на выслугу, "выхаживание" чинов и уважение новой иерархии[96]. Создается впечатление, что почти трехвековая традиция местничества, возникшего в XV в. и отмененного лишь в 1682 г., не стала препятствием для быстрого развития чиновного сознания русского дворянства в XVIII столетии. В связи с этим следует специально остановиться на имеющихся в историографии различных трактовках этого политического института, характер влияния которого на сознание высшего сословия с особой отчетливостью проявился, как это ни парадоксально, уже после земского собора 1682 г.[97]

Под местничеством, или служебно-родовым местничеством, в исследовательской литературе понимается институт, официально регулировавший служебные отношения между членами служилых фамилий на военной и административной службе при дворе, или же порядок назначения на высшие должности феодальной знати в русском государстве XV–XVII вв. на основании родовитости происхождения и иерархического положения предков на великокняжеской и царской службе[98]. Иначе говоря, местничество задавало два важнейших критерия построения иерархии правящего сословия: с одной стороны – родовое начало, т.е. знатность происхождения, а с другой – служебный принцип, учитывающий карьеру самого представителя властвующей элиты, чины его предков и их близость к престолу.

---

[96] О настроениях в русском обществе накануне петровских преобразований см.: *Хорошкевич А.Л.* Психологическая готовность россиян к реформам Петра Великого (к постановке вопроса) // Российское самодержавие и бюрократия. М.; Новосибирск, 2000. С. 158–181.

[97] В данном очерке не затрагивается, разумеется, вся обширная литература, посвященная местничеству, принципам его функционирования, регулятивным функциям, источниковедческим проблемам изучения и т.д.

[98] *Маркевич А.И.* О местничестве. Киев, 1879; *Павлов-Сильванский Н.П.* Государевы служилые люди. С. 64–82; *Шмидт С.О.* Местничество и абсолютизм (постановка вопроса) // Абсолютизм в России. С. 168–205; *Эскин Ю.М.* Местничество в социальной структуре феодального общества // Отечественная история. 1993. № 5; и др.

Эта двойственная природа института местничества породила в исследовательской литературе тенденцию к известной абсолютизации значения того или другого критерия назначения на гражданские, придворные или военные должности. Неслучайно споры о характере и глубине конфликта между принципами местничества и интересами центральной власти возникли в научной среде еще во второй половине XIX в. Так, Н.И. Костомаров полагал, что "этот обычай... был полезен для успехов самодержавия потому, что не давал боярам сплотиться, образовать между собой общие сословные интересы и постоять за них. Родовая честь... измерялась у бояр только службою государю. Дети и внуки могли гордиться заслугами отцов и дедов единственно в среде службы"[99]. Напротив, В.О. Ключевский придавал большое значение "оборонительному характеру" института местничества, с помощью которого "служилая знать защищалась как от произвола сверху, со стороны государя, так и от случайностей и происков снизу, со стороны отдельных честолюбивых лиц, стремившихся подняться выше своего отечества, наследственного положения"[100].

В современной историографии также высказывается мнение, что местничество ограничивало власть монарха[101], но в то же время существует и точка зрения, в соответствии с которой идеология местничества не признается "аристократической". "Местнические обычаи, – пишет, в частности, С.О. Шмидт, – четко определяли, что служебное положение знатного человека обеспечивается прежде всего верной потомственной службой московскому государю и степенью приближения его родственников к государю"[102]. Приведенная точка зрения представляется наиболее аргументированной, поскольку содержание принципов местничества в конечном итоге определялось не конкуренцией власти верховного правителя и родовой элиты, а реальными притязаниями знати на места за столом у этого верховного правителя. Показательно, что официальная трактовка столь значимого для российского дворянина второй половины XVIII – начала XIX в. понятия "честь" еще со времен местничества в качестве важнейшего компонента включала милость монарха, близость к престо-

---

[99] *Костомаров Н.И.* Собр. соч. СПб., 1905. Т. XII. С. 62.

[100] *Ключевский В.О.* Соч. Т. II. С. 154–156. Н.П. Павлов-Сильванский также отмечал, что "высокое аристократическое положение известного рода среди других родов совершенно не зависело от власти государя. Он не мог возвысить какой-либо род пожалованием княжеского титула или другим наследственным отличием" (*Павлов-Сильванский Н.П.* Государевы служилые люди. С. 65).

[101] См., например: *Миронов Б.Н.* Социальная история России... Т. 2. С. 119.

[102] *Шмидт С.О.* Местничество и абсолютизм... С. 180.

лу и преданность власти[103]. Таким образом, Табель о рангах, провозглашая приоритет служебной годности, не столько разрушала ценностные ориентации высшего сословия Московской Руси, сколько окончательно соединяла представления знати о социальном престиже со служебной карьерой[104].

В историографии отсутствуют работы, непосредственно посвященные влиянию традиций местничества, их отмены и введения принципа выслуги на сознание дворянства[105]. Между тем эта проблема представляет особый интерес не только для исследователей петровского времени, но и для специалистов, реконструирующих духовную жизнь высшего сословия на материале более поздних периодов. Так, например, нуждается в глубоком осмыслении актуализация достоинства древних родов в среде фрондирующего дворянства последней трети XVIII – начала XIX в., которое системе Табели о рангах противопоставит не претензии старых фамилий на высокие должности[106], а индивидуальное право не служить вообще и оценивать собственную честь вне степеней чиновной иерархии. Для оппозиционно настроенной элиты мистифицированный боярский гонор титулованной знати сольется с представлениями об аристократизме духа, породив

---

[103] «Понятие о “честности” рода или отдельного лица связывалось с представлениями о служебном почете, о мере жалования, т.е. со степенью расположения государя и близости к его особе» (*Шмидт С.О.* Местничество и абсолютизм... С. 182; см. об этом также: *Рождественский С.В.* Служилое землевладение в Московском государстве XVI века. СПб., 1897. С. 225; *Павлов-Сильванский Н.П.* Государевы служилые люди. С. 134; *Буганов В.И.* Разрядные книги последней четверти XV – начала XVII в. М., 1962. С. 118; и др.).

[104] В исследовательской литературе уже высказывалось подобное мнение. Так, Ж. Хартли пишет, что Табель о рангах не изменила принципиально настроения в обществе. Отношение к чину как к показателю статуса существовало в России и отчасти потому, что наследственные и зарубежные титулы не стали весомой альтернативой символу чина (*Hartley J.M.* A Social History of the Russian Empire... P. 55).

[105] Ю.М. Лотман вскользь упоминал о разнице мировосприятия “воинника” допетровской Руси, испомещенного на землю, данную в условное держание, и потомственного владельца, “вотчинника”, вдохновляемого “местным патриотизмом, памятью о службе, которую нес его род, и о чести, которой он пользовался. Патриотизм воинника-дворянина был тесно связан с личной преданностью государю и имел государственный характер” (*Лотман Ю.М.* Беседы о русской культуре. С. 19). Однако столь жесткое размежевание психологии владельцев поместных и наследственных имений нуждается в уточнении. Не говоря уже о том, что в руках одного феодала могли быть сосредоточены и условные, и родовые земли, “честь” “вотчинника” не исчерпывалась только достоинством фамилии.

[106] В начале XIX в. провозглашение героем комедии Грибоедова принципов местничества (“вот, например, у нас уж исстари ведется, что по отцу и сыну честь”) будет восприниматься не меньшим ретроградным варварством, чем арапка-девка, сопровождающая на званом вечере московскую барыню.

строки “Моей родословной” и взгляды героев незаконченного “Романа в письмах”.

Итак, несмотря на различные трактовки значения Табели о рангах, большинство исследователей оценивают этот документ и в целом сословную политику Петра в плоскости юридической и социальной проблематики. Иными словами, в литературе детально проанализированы новые для дворянства условия регулярной, обязательной, пожизненной службы, которая с начала XVIII в. вознаграждалась уже преимущественно не земельным наделом, а жалованием, осуществлялась на основе личной выслуги и предполагала получение образования. Соответственно социальная направленность многих исследований обнаруживается в повышенном интересе ученых к таким процессам, как бюрократизация дворянства, формирование профессионального чиновничества, одворянивание выходцев из непривилегированных слоев, консолидация господствующего класса и т.п. К сожалению, в историографии отсутствуют специальные работы, посвященные результатам воздействия сословной политики Петра I на сознание дворянства, с одной стороны, и методам социального контроля власти, направленным на формирование лояльности представителей элиты, – с другой. Безусловно, в исследовательской литературе эти проблемы так или иначе затрагиваются, однако, как правило, главный акцент делается на карательной системе принуждения и жестких фискальных мерах.

Общепризнанно, что насущная потребность в интенсификации службы высшего сословия была обусловлена созданием регулярной армии и реорганизацией аппарата управления. “В первой четверти XVIII в., – пишет Н.И. Павленко, – служба дворянина стала постоянной. ⟨...⟩ Дворянину пришлось облачиться в офицерский мундир и европейский кафтан и нести беспокойную службу в казармах и канцеляриях”[107]. К основным методам комплектования “дворянскими кадрами” армии, флота и государственных учреждений исследователи, как правило, относят следующие меры:

– областные и общегосударственные обязательные смотры дворянских недорослей, которые проводились под угрозой штрафа, конфискации имений и даже казни;
– учреждение должности герольдмейстера, а затем и Герольдмейстерской конторы, для учета годных к службе дворян;

[107] О замене эпизодических сезонных военных лагерей постоянной служебной повинностью см., например: *Павленко Н.И.* Петр I (к изучению социально-политических взглядов). С. 72–74; *Анисимов Е.В.* Время петровских реформ. С. 302–303; *Jones R.E.* The Emancipation of the Russian Nobility... P. 19; и др.

– введение жесткой регламентации отпусков, за нарушение сроков которых могло последовать лишение чина и телесное наказание, а также практическое блокирование любой возможности отставки, за исключением случаев увечья, тяжелой болезни или старости[108].

Повышенное внимание именно к принудительной и регламентирующей составляющей дворянского законодательства не только подвело некоторых исследователей к выводу об ужесточении положения привилегированного класса, но и вновь актуализировало проблему всеобщего закрепощения сословий. «В целом петровская политика в отношении дворянства, – пишет Е.В. Анисимов, – была весьма жесткой, в сущности закрепостнительной, ибо дворяне-чиновники, дворяне-офицеры имели во всех смыслах гораздо меньше свободы, чем служилые "по отечеству" XVII века». Автор с сомнением относится к определению социального статуса дворянства как господствующего класса, поскольку точнее было бы говорить лишь о привилегированном сословии военных и чиновных слуг русского самодержца[109]. В связи с этим возникает вопрос – существовала ли вообще у Петра разработанная идея создания сословного строя в России, или же первый император ориентировался лишь на военные и фискальные потребности военного времени. В ряде работ отмечается, что монарх действительно имел "программу развития шляхетской корпорации", другие специалисты главную цель Петра все же усматривают в организации "всеобщей службы" "подданного российского народа"[110].

В данном контексте наиболее резонным представляется признание явного приоритета потребностей расширяющей свои границы державы: сословная политика Петра проводилась прежде всего в интересах государства и была подчинена стоящим перед страной стратегическим задачам. Однако под мобилизационными

---

[108] См. об этом, например: *Павлов-Сильванский Н.П.* Государевы служилые люди. С. 224; *Raeff M.* Imperial Russia 1682–1825... P. 106; *Рахматуллин М.А.* К дискуссии об абсолютизме в России // История СССР. 1972. № 4. С. 66, 71–72, 85–87; *Павленко Н.И.* Петр Первый. С. 280; *Анисимов Е.В.* Время петровских реформ. С. 303, 306; *Фаизова И.В.* "Манифест о вольности"... С. 36–37; *Hughes L.* Russia in the Age of Peter the Great. P. 172–175; и др. Кроме того, во многих работах, посвященных правлению Петра, в качестве подтверждения усиления социального контроля в жизни высшего сословия приводится такое хорошо известное высочайшее распоряжение, как запрещение дворянину, не достигшему основ арифметики и грамотности, жениться.

[109] *Анисимов Е.В.* Время петровских реформ. С. 310, 313. См. также: *Троицкий С.М.* Русский абсолютизм... С. 113, 365; *Hartley J.M.* A Social History of the Russian Empire... P. 55.

[110] *Фаизова И.В.* "Манифест о вольности"... С. 35; *Анисимов Е.В.* Время петровских реформ. С. 329.

усилиями российского самодержавия следует понимать не только увеличение служебного бремени, возложенного на дворянство. Интенсификация социального контроля со стороны любой власти не сводится исключительно к прямому принуждению, но предполагает и целенаправленное воздействие на сознание подданных. В этом отношении особенный интерес представляет работа Л.Ф. Писарьковой, посвященная социальному анализу российской бюрократии первой четверти XVIII в., где, в частности, указывается, что "воспитать честного чиновника ⟨...⟩ Петр I пытался не только суровыми наказаниями виновных; во многих указах он обращается к христианской и гражданской совести служащего". По мнению автора, одним из методов воздействия власти на сознание новой бюрократии стало четкое определение в законодательстве таких понятий, как "взятка", "сребролюбие", "преступление по службе"[111]. Однако в целом механизмы функционирования идеологии абсолютизма, призванной воспитать государственное мышление у политически активной элиты, не стали еще темой отдельного исследования. В большинстве работ, непосредственно посвященных социальному развитию России в первой четверти XVIII в., затрагиваются преимущественно лишь два аспекта столь обширной проблемы. Авторы отмечают резкий рост значения государственной службы в жизни дворянина и постепенное наполнение новым содержанием этой главной социальной обязанности привилегированного сословия.

В историографии преобладает точка зрения, согласно которой представление о высшем долге служения государю и отечеству сложилось еще в XV–XVI вв. и продолжало существовать в XVIII столетии, однако мотивы и смысл государственной службы не оставались неизменными и трансформировались с течением времени. "В начале XVIII в., – пишет Б.Н. Миронов, – идея всеобщей службы государю ради достижения божественной благодати и спасения сменяется идеей всеобщей службы государству ради общего блага. ⟨...⟩ Таким образом, в первой четверти XVIII в. идея государства из преимущественно религиозной превратилась в идею преимущественно светскую"[112]. Исследователи усматри-

---

[111] *Писарькова Л.Ф.* Российская бюрократия... С. 12–14. См. также на эту тему: *Black J.L.* Citizens for the Fatherland. Education, Educator and Pedagogical Ideals in 18th-Century Russia. Boulder; N.Y., 1979.

[112] *Миронов Б.Н.* Социальная история России... Т. 2. С. 132. Усиление светского начала в трактовке основной цели и содержания государственной службы фиксируют и другие исследователи (См., например: *Карпец В.И.* Некоторые черты государственности и государственной идеологии Московской Руси: Идея верховной власти // Развитие права и политико-правовой мысли в Московском государстве. М., 1985. С. 20–21).

вают и такие новые явления в развитии общественного сознания, как дифференциация понятий "государь" и "государство", а также провозглашение главенствующей ценности "всенародной пользы" и "общего блага"[113].

Данные наблюдения непосредственно связаны с политическим языком конкретной эпохи, следовательно, они нуждаются в дальнейшем уточнении на основе понятийного анализа текстов источников. Ведь, прежде чем констатировать размежевание понятий "государь", "государство", "отечество", необходимо составить четкое представление о смысле, который вкладывали в них современники. Закономерное усложнение содержания и потому углубление разницы значений тех или иных терминов, которые определяют общественное сознание, еще не означает их противопоставления и поляризации. Известная смысловая дифференциация понятий "государь", "государство", "отечество" в русском языке первой четверти XVIII в. лишь усиливала их роль в качестве приоритетных идеологических ценностей. Абсолютная власть персонифицировалась в личности императора, служба которому сливалась с чувством патриотизма и причастности к победам усиливающейся державы[114]. Пожалуй, одним из немногих примеров развернутой характеристики термина "служба" является определение, данное Е.В. Анисимовым: «"Служба" – для Петра обобщенное понятие, вобравшее в себя и четкое осознание обязанностей каждого перед государством и государем, и ревностное и честное их исполнение, даже если это сопряжено с риском для здоровья и жизни, и безусловное подчинение воле вышестоящего начальника... и право на награду»[115].

Несколько большее внимание в литературе уделяется реальному наполнению таких терминов, как "государственный интерес", "общее благо", "польза и прибыток общий", "благо отече-

---

[113] См., например: *Черная Л.А.* Русская культура переходного периода от Средневековья к Новому времени. М., 1999. С. 188–190; *Она же.* От идеи "служения государю" к идее "служения Отечеству" в русской общественной мысли второй половины XVII – начала XVIII в. // Общественная мысль: Исследования и публикации. М., 1989. Вып. 1. С. 28–42; *Миронов Б.Н.* Социальная история России... Т. 2. С. 117, 132–133, 141.

[114] См. об этом подробнее: *Марасинова Е.Н.* Государственная идея в России первой четверти XVIII в. (К истории формирования понятий и терминов) // Европейское просвещение и развитие цивилизации в России. М., 2004. С. 129–149; *Она же.* Самодержавие и дворянство (*Begriffsgeschichte* русского XVIII века) // Study Group on Eighteenth-Century Russia. Newsletter, 2004. N 32. P. 21–28.

[115] *Анисимов Е.В.* Петр Великий: Воспоминания. Дневниковые записки. Анекдоты. СПб., 1993. С. 14.

ства" и т.п. Однако даже в наиболее аргументированных исследованиях прежде всего отмечается мобильность содержания этих понятий, смысл которых трансформировался в зависимости от конкретной обстановки и намерений власти[116]. Так, Х. Баггер констатирует емкость и эластичность содержания термина «"общее благо", что представляло правительству широкий простор для его произвольных толкований и служило великолепным средством узаконения неограниченных прав монарха»[117]. Н.И. Павленко приходит к выводу, что внешнеполитический аспект "общего блага" вырисовывался в официальном языке перовского правления более отчетливо и подразумевал целостность территории, в то время как «содержание "общего блага", обращенного внутрь страны», сводилось к «способности подданных служить "государственному интересу"»[118]. Подобная расплывчатость смысла понятий "общая польза", "государственный интерес", "благо отечества" и т.п. может быть конкретизирована при четком определении функций источников, в которых они упоминались, и сравнительном анализе декларативных текстов, с одной стороны, и указов, призванных непосредственно воздействовать на сознание подданных, – с другой.

Комплексное терминологическое исследование языка исходящих от престола документов представляется важным не только для воспроизведения политической доктрины российского абсолютизма, но и для понимания каналов ее влияния на мотивацию представителей высшего сословия. Это воздействие не было исключительно принудительным, а в сфере идеологической не ограничивалось провозглашением официальной концепции государственной службы, содержание которой остается к тому же недостаточно изученным. Характерная в целом для историографии петровского времени фрагментарность исследования конкретных механизмов социального контроля создает известный информационный вакуум, препятствующий формированию цельного представления о взаимоотношениях власти и элиты в XVIII столетии.

Остается неясным, почему и спустя более 20 лет после отмены обязательного характера службы и более 60 лет после провозглашения Табели о рангах, основные положения этого знамени-

---

[116] См.: *Рейснер М.А.* Общественное благо... С. 5, 14; *Wittram R.* Peter I – Czar und Kaiser. Bd. II. S. 122; *Павленко Н.И.* Петр I (К изучению социально-политических взглядов). С. 61–65, 77.

[117] *Баггер Х.* Реформы Петра Великого. С. 99.

[118] *Павленко Н.И.* Петр I (К изучению социально-политических взглядов). С. 64, 74.

того петровского документа продолжали оставаться главным принципом структурирования высшего сословия. В "Грамоте на права, вольности и преимущества благородного Российского Дворянства" 1785 г. также был сформулирован приоритет последовательного прохождения всех рангов на основе личной выслуги: "...российское дворянство, входя в службу военную или гражданскую, проходит все степени чиноначалия и от юности своей в нижних узнает основание службы". Как и во времена правления Петра, единственным показателем знатности в Жалованной грамоте признавалась служба государю: "Достигают же до вышних степеней те Российского дворянства знаменитые особы, кои отличаются... службою". И точно так же монаршая милость оставалась главным источником и подтверждением родового достоинства: "Обыкла Россия исстари видеть службы, верность, усердие... Сему свидетельства подлинные находятся в древнейших поколениях родов Нашего... подданного Российского дворянства"[119]. Каким образом российскому абсолютизму удалось провозглашенный в начале XVIII в. высочайший указ об обязательной регулярной службе превратить к 1785 г. в добровольно принятый образ мысли и образ жизни привилегированного сословия?

По всей видимости, в правление Петра I были заложены основы сословной политики власти в отношении дворянства, идеологическая составляющая которых оказалась наименее подверженной изменениям. Именно в этот период перестала существовать социальная группа, именуемая "служилыми людьми по отечеству", и возникло сословие, которое первый император гордо называл "шляхетство", не забывая, однако, добавлять – "нашею милостью в оную честь возведенное"[120]. На это сословие была возложена принудительная повинность обязательной, регулярной, пожизненной службы на основе личной выслуги, ставшая одновременно и почетным правом дворянства. Парадокс, над которым еще предстоит размышлять историкам, заключался в том, что высшее сословие в начале XVIII в. формировалось одновременно и как привилегированное, и как зависимое от престола. Закономерно возникает вопрос – был ли нарушен этот по-своему уникальный баланс прав и обязанностей дворянства в связи с изданным 18 февраля 1762 г. Манифестом о вольности?

---

[119] О дворянстве. СПб., 1808. С. II.

[120] См., например: ПСЗ. Т. VI. 1722. № 3890. С. 492.

“Наше вернолюбезное благороднейшее Российское Дворянство”

В истории российского господствующего класса “Манифест о даровании вольности и свободы российскому дворянству” признается “событием, определившим все последующее социальное развитие высшего сословия”, “поворотным моментом в законодательной политике абсолютизма”, “крупнейшим актом сословно-правовой политики”[1]. Однако на этих оценках единодушие специалистов заканчивается. Пожалуй, немногие высочайшие указы, особое значение которых стало неоспоримым тезисом в историографии, имеют столь полярные характеристики. Среди историков до сих пор не выработана общая позиция по поводу причин издания, реального воплощения и результатов этого по-своему загадочного документа российской монархии, который был подписан во время чрезвычайно короткого и невнятного правления, но имел колоссальные последствия, давшие, правда, о себе знать спустя несколько десятилетий.

Диапазон сформулированных в научной литературе мнений о причинах появления Манифеста колеблется от курьезных обстоятельств личных увлечений лишенного всякой политической воли ограниченного правителя[2] до продуманной линии мыслящего государственного деятеля, коим предстает император Петр III в некоторых исследованиях[3]. Среди всего многообразия существующих в историографии позиций можно условно выделить экономические, социальные и политические основания высочайше пожалованной дворянству свободы.

В ряде работ издание Манифеста непосредственно связывается с ликвидацией условного землевладения и превращением высшего сословия в сословие вотчинников, чьи землевладельческие права приходили все в большее противоречие со служебны-

---

[1] См., например: *Омельченко О.А.* “Законная монархия” Екатерины II... С. 58, 198.

[2] См.: “О повреждении нравов в России” князя М. Щербатова и “Путешествие” А. Радищева. М., 1984. (Факсимильное издание). С. 77–78.

[3] См., например: *Мыльников А.С.* Искушение чудом: “Русский принц и самозванцы”. Л., 1991. С. 51–57; *Он же.* “Он не похож на государя…” Петр III: Повествование в документах и версиях. СПб., 2001. С. 194–196; *Leonard C.S.* The Reputation of Peter III // Russian Review. 1988. Vol. 47. P. 263–292. *Idem.* Reform and Regicide: The Reign of Peter III of Russia. Bloomington, 1993. P. 40–72, 169–177.

ми обязанностями[4]. К этой точке зрения примыкает наиболее распространенное в историографии мнение о настойчивом стремлении самого дворянства к свободе от тягостной государственной повинности[5], которая проявлялась в требованиях, проектах, прошениях и, главное, пассивном уклонении от службы[6]. Как справедливо заметила И.В. Фаизова, особую заинтересованность в ослаблении служебного бремени проявляли военные: "Обязательная служба... на десятилетия отрывала помещика от дома и хозяйства, которое из-за его отсутствия приходило в упадок; опасные условия службы, особенно во время походов, создавали постоянную угрозу жизни дворянина, а неустроенность быта и скудный рацион питания приводили к широкому распространению в русской армии таких тяжелых болезней, как, например, чахотка и цинга". Автор полагает, что именно средние и нижние офицерские чины особенно настойчиво добивались ограничения срока обязательной службы, которое было, наконец, введено Манифестом от 31 декабря 1736 г. и равнялось 25 годам. Этот документ признается в исследовательской литературе первым шагом на пути освобождения дворянства – вторым стал Манифест 1762 г.[7]

Автор полагает, что реформы Петра III характеризуют его как просвещенного монарха, окруженного талантливыми сподвижниками.

[4] См, например: *Романович-Славатинский А.В.* Дворянство в России... С. 186–187; *Фаизова И.В.* "Манифест о вольности"... С. 8.

[5] Б.Н. Миронов считает, что "выгодная экономическая конъюнктура", вызванная "российской революцией цен в XVIII веке", еще более стимулировала настойчивое желание владельцев имений выйти в отставку и лично развивать свое хозяйство (*Миронов Б.Н.* Влияние революции цен в России XVIII века на ее экономическое и социально-политическое развитие // История СССР. 1991. № 1. С. 98).

[6] *Рубинштейн Н.Л.* Уложенная комиссия 1754–1766 гг. и ее проект нового Уложения "О состоянии подданных вообще" (К истории социальной политики 50-х – начала 60-х годов XVIII в.) // Исторические записки. М., 1951. Т. 38. С. 208–251; *Коган Ю.Я.* Дворянство // Очерки истории СССР: Период феодализма: Россия во второй половине XVIII в. М., 1956. С. 76–78. В данном контексте особый интерес могут представлять подсчеты, произведенные специалистами, исследующими различные пути карьерного роста дворян до и после Манифеста о вольности, а также поименный список занимающих штатные должности с 1764 по 1795 г., составленный на основе адрес-календарей (См.: *Meehan-Waters B.* Social and Career Characteristics of the Administrative Elite, 1689–1761 // Russian Officialdom: The Bureaucratization of Russian Society from the Seventeenth to the Twentieth Century. Chapel Hill, 1980. P. 76–105; *Givens R.D.* Eighteenth Century Nobiliary Career Patterns and Provincial Government // Ibid. P. 106–129; Русское служилое дворянство второй половины XVIII века (1764–1795). СПб., 2003).

[7] *Фаизова И.В.* "Манифест о вольности"... С. 94–95. См. также: *Наумов В.П.* Петр III. Удивительный самодержец: загадки его жизни и царствования // На Российском престоле, 1725–1796. М., 1993. С. 283–326.

Наряду с социально-экономическими предпосылками, теснейшим образом связанными с устремлениями высшего сословия, в качестве непосредственных причин отмены обязательного характера службы специалисты выдвигают собственно государственные интересы российского абсолютизма. В историографии довольно широко распространено мнение, что к началу 60-х годов XVIII столетия самодержавие не нуждалось более в сохранении всеобщей служебной повинности для господствующего класса ни для укомплектования офицерского состава армии, ни для пополнения чиновничьего аппарата. За десятилетия действия Табели о рангах в результате личной выслуги лишенных имений разночинцев и обнищания помещиков сложился слой профессиональных чиновников. С.М. Троицкий отмечал, что «формирование бюрократии было важнейшим фактором, подготовившим "освобождение" правящего класса от обязательного характера государственной службы». С одной стороны, у власти был кадровый резерв, с другой – не хватало средств платить всем обязанным служить. Положение своеобразного избытка находящихся на службе дворян усугубилось с окончанием Семилетней войны. В этих условиях, по мнению Р. Джоунса, Манифест стал эффективным средством демобилизации офицеров. М. Раев же в целом со свойственным ему импрессионизмом формулировок задается вопросом о смысле термина "освобождение" применительно к Манифесту о вольности – государство освободило дворянство, или же абсолютная власть сама освободилась от дворян-дилетантов в армии и аппарате управления[8].

Наконец, в качестве причин освобождения дворянства от обязательной службы в царствование Петра III специалисты приводят и известное ослабление самодержавной власти[9] в краткий период этого в целом нелепого правления, двумя самыми главными событиями которого стали Манифест и свержение самого императора. Многие ученые, начиная с историков XIX в., полагали, что обделенный всяким политическим талантом монарх боялся заговора и дворцового переворота, а потому пытался любыми

---

[8] См.: *Троицкий С.М.* Русский абсолютизм... С. 365; *Raeff M.* The Domestic Policies of Peter III and his Overthrow // American Historical Review. 1970. Vol. LXXV, N 5. P. 1291–1294. См. также: *Jones R.E.* The Emancipation of the Russian Nobility... P. 27, 33–35; *Gentin A.* Russia in the Eighteenth Century: From Peter the Great to Catherine the Great (1696–1796). N.Y., 1973. P. 69; *Фаизова И.В.* "Манифест о вольности"... С. 95.

[9] По мнению В.О. Ключевского, усиление гвардии, поднявшейся на волне дворцовых переворотов, также повлияло на готовность власти к компромиссу с высшим сословием (*Ключевский В.О.* Соч. Т. IV. С. 324–346).

средствами завоевать расположение дворянства. Страх чуждого даже для придворной российской среды монарха, борьба партий, политические интриги в конце концов заставили престол пойти на компромисс с элитой[10].

Перечисление всех этих по большей части аргументированных точек зрения наводит на мысль, что Манифест о вольности дворянства стал закономерным следствием сложнейшего переплетения экономических обстоятельств, сословных устремлений и политической конъюнктуры. Между тем многообразие трактовок причин издания этого столь важного документа обусловило существование в историографии самых различных и порой взаимоисключающих трактовок его значения и социальной сущности.

Согласно наиболее авторитетной точке зрения, принадлежащей некоторым почтенным историкам XIX столетия и современным признанным специалистам, Манифест в конечном итоге санкционировал полное и исключительное право дворянства на землю, крестьян, "праздное времяпрепровождение и безделье"[11]. Как отмечает исследователь И.Д. Беляев, до Манифеста 1762 г. "населенные имения и крепостные люди еще не составляли полной частной собственности дворян", поскольку "частный характер приобретения не уничтожал государственного характера владения", – Манифест же "окончательно порешил судьбу крестьян и обратил (их – ?) в полную исключительную собственность помещиков"[12]. Б.Н. Миронов, прослеживая непосредственную связь между петровским законодательством и освобождением дворянства, пришел к выводу, что длительный процесс постепенного раскрепощения сословий начался с высшего сословия и означал ликвидацию государственного крепостничества. Как указывает автор, уравнение статуса вотчины и поместья в 1714 г. и закрепление персонально за каждым дворянином всех крестьян его имения указом 1719 г. чрезвычайно расширило владельческие права господствующего класса. Однако до Манифеста о вольности обладание землей и крестьянами обусловливалось государственной службой, т.е. распоряжаться поместьем и крепостными

---

[10] См.: *Корф С.А.* Дворянство и его сословное управление за столетие: 1762–1855. СПб., 1906. С. 4; *Jones R.E.* The Emancipation of the Russian Nobility. P. 27; *Миронов Б.Н.* Социальная история России... Т. 1. С. 377–378.

[11] См., например: *Карамзин Н.М.* Историческое похвальное слово Екатерине Второй. М., 1802. С. 110, 141; *Он же.* Записка о древней и новой России. СПб., 1914. С. 39; *Ключевский В.О.* Соч. Т. V. С. 154–155); *Трощцкий С.М.* Русский абсолютизм... С. 140–153; и др.

[12] *Беляев И.Д.* Крестьяне на Руси. М., 1903. С. 276, 283.

как своей собственностью мог только служащий или находящийся в законной отставке дворянин. В случае уклонения от службы земля становилась собственностью государства. В феврале 1762 г. высшее сословие получило свободу от обязательной службы, но сохранило права собственности на своих людей и свои имения[13].

Эти безусловно аргументированные рассуждения, однако, не исчерпывают всей сложности сословной политики абсолютизма[14], изменения которой были зафиксированы в Манифесте. Как пишет О.А. Омельченко, «Манифест включал и общие правоположения публично-правового характера о новых началах во взаимоотношении власти монарха и дворянского сословия, и конкретные правовые нормы о "новоучреждаемых" правах и привилегиях дворянства»[15]. Абсолютно справедливо указывая на глубокую трансформацию в отношениях власти и высшего сословия[16], большинство специалистов, тем не менее, основное свое внимание обращают на непосредственное изменение условий службы дворянства.

Таким образом, общий пафос Манифеста, его идеологическая составляющая лишь спорадически затрагиваются в исследовательской литературе[17]. Вместе с тем анализ терминологии и политической символики этого документа, интерпретация противоречивого сочетания в нем приоритетов самодержавия и этических ценностей Просвещения, выявление доктрин, непосред-

---

[13] *Миронов Б.Н.* Социальная история России... Т. 1. С. 82. См. также, например: *Павлов-Сильванский Н.П.* Государевы служилые люди. С. 220–234; *Троицкий С.М.* К проблеме консолидации дворянства // Материалы по истории сельского хозяйства и крестьянства СССР. М., 1974. Сб. 8. С. 128–151.

[14] Интерпретируя отмену обязательного характера службы исключительно как расширение владельческих прав и сокращение обязанностей перед государством, историк рискует уподобиться героине Фонвизина, хорошо известной госпоже Простаковой, которая Манифест о вольности восприняла исключительно как предоставленную дворянам полную свободу в обращении с собственными крепостными. На замечание Правдина "тиранствовать никто не волен" возмущенная помещика восклицает: "Не волен! Дворянин, когда захочет и слуги высечь не волен; да на что ж дан нам указ-то о вольности дворянства?" (*Фонвизин Д.И.* Собр. соч.: В 2 т. М.; Л., 1959. Т. 1. С. 172).

[15] *Омельченко О.А.* "Законная монархия" Екатерины II. С. 59.

[16] См.: *Мадариага И.* Россия в эпоху Екатерины Великой. С. 137–154; *Мыльников А.С.* "Он не похож на государя…" С. 69–71; *Миронов Б.Н.* Социальная история России... Т. 1. С. 82–84, 377–379; и др.

[17] Как отмечает А.Б. Каменский, "появление Манифеста должно было оказать серьезное воздействие и на русское общество в целом; в обиход вошли и в нем закрепились новые понятия, категории и реалии" (*Каменский А.Б.* От Петра I до Павла I... С. 309). Однако автор не поясняет, какие именно понятия зародились в русском обществе и какие источники свидетельствуют об этом.

ственно воздействующих на мотивацию подданных, обогатили бы и, вероятно, в какой-то мере изменили общую трактовку сословной политики абсолютизма в отношении дворянства. Иначе говоря, последствия Манифеста, являющегося одновременно и декларативным, и регламентирующим законодательным актом, следовало бы рассматривать в двух плоскостях: с учетом и новых условий службы высшего сословия, и общего изменения социального статуса дворянства, которое повлияло на все сферы его существования, в частности и на область сознания, менталитета, умонастроения. В историографии практически отсутствуют работы, где были бы проанализированы мотивы службы дворян после отмены ее обязательного характера, спектр причин добровольной отставки, в том числе и психологических, образ жизни и предпочтения дворянина, отказавшегося от успешной карьеры и т.п.

В то же время целенаправленные исследования собственно нормативной части Манифеста и практики службы высшего сословия после его провозглашения привели многих специалистов к неожиданному, на первый взгляд, выводу о готовности дворянства в большинстве своем оставаться на службе и после отмены ее обязательного характера[18]. Более того, признавая отсутствие стремительного роста числа отставок после издания Манифеста, специалисты отмечают при этом одобрительную и порой восторженную реакцию на Манифест о вольности со стороны представителей высшего сословия[19]. Американский историк Р. Джоунс, справедливо проводя грань между эмоциями и поступком, пишет, что многие дворяне праздновали обнародование Манифеста, даже не имея намерений использовать права, дарованные им[20]. К несколько иным выводам приходит И.В. Фаизова, предпринявшая попытку на основе массовой документации об отставках проанализировать реализацию "Манифеста о вольности в практике государственной службы в первое десятилетие его существования". Автор отмечает, что "Манифест о вольности прочно вошел тогда в практику дворянской службы и стал неотъемле-

[18] *Троицкий С.М.* Русский абсолютизм... С. 232–233; *Jones R.E.* The Emancipation of the Russian Nobility... P. 40; *Madariaga I.* Catherine the Great: A Short History. New Haven; L., 1990. P. 15, 120; и др.

[19] Замечу, что не все историки разделяют эту доминирующую в историографии точку зрения. Н.Д. Чечулин, С.А. Корф, Ю.В. Готье отмечали стремление дворянства в свои имения, что в конечном итоге привело к огромным переменам в жизни провинции (*Корф С.А.* Дворянство... С. 4; *Готье Ю.В.* История областного управления в России от Петра I до Екатерины II. М., 1941. Т. II. С. 120; *Чечулин Н.Д.* Русское провинциальное общество во второй половине XVIII в. СПб., 1889).

[20] *Jones R.E.* The Emancipation of the Russian Nobility... P. 40.

мой частью сословной психологии дворянства". Данный результат был получен на основе анализа аргументации прошений об отставках, которые после февраля 1762 г. сводились не столько к таким обстоятельствам, как старость или болезнь, а обосновывались преимущественно законным правом покинуть службу. Этот факт, однако, еще не свидетельствует о том, что государственная служба утратила привлекательность в глазах высшего сословия[21]. Собственно и материал, приведенный в исследовании, подтверждает готовность дворян по тем или иным причинам продолжать борьбу за чины, установленные Табелью о рангах, несмотря на открывшиеся возможности стать свободными помещиками[22]. В монографии И.В. Фаизовой также резонно отмечается, что "осуществить право выбора между службой и отставкой для многих дворян оказалось труднее, чем можно было предполагать до того, как Манифест стал реальностью"[23].

В связи с этим встает вопрос об освещении в исследовательской литературе как обстоятельств реализации Манифеста во время краткого правления Петра III, так и отношения Екатерины II к ликвидации обязательного характера службы. При императоре, подписавшем Манифест о вольности, свобода российского дворянства оставалась декларацией, не подкрепленной ни политической волей Петра III, ни разработанными процедурами реального воплощения его знаменитого указа. Как писал В.О. Ключевский, "снимая с сословия вековую повинность... манифест не давал никаких обдуманных практических указаний о порядке его исполнения и о последствиях, из него вытекающих"[24]. В историографии указывается, что правительство в пер-

---

[21] В частности, как справедливо указывал А.В. Романович-Славатинский, часть военных выходила в отставку не для того, чтобы полностью "отрешиться от дел", а с целью использовать предоставленные Манифестом привилегии исключительно для поднятия своего чиновного статуса в результате перехода на статскую службу (*Романович-Славатинский А.В.* Дворянство в России... С. 140–144).

[22] "Дворяне-чиновники, – пишет И.В. Фаизова, – значительная часть которых зависела от получаемого жалованья, оставляли службу главным образом по старости и болезни при наличии собственных источников пропитания и вряд ли особенно тяготились служебными обязанностями". В свою очередь, вышедшие в отставку после издания Манифеста неимущие дворяне, лишившись собственных источников существования и потеряв государственное жалованье, "осаждали Сенат просьбами определить к делам для пропитания" (*Фаизова И.В.* "Манифест о вольности"... С. 17, 94, 106, 171 и др.).

[23] Там же. С. 171.

[24] *Ключевский В.О.* Соч. Т. IV. С. 324). Историк называл этот документ "семинарски-напыщенным и канцелярски-безграмотным актом" (Там же. С. 323).

вые месяцы после издания Манифеста воздерживалось от широкого предоставления отставок на основании провозглашенных в этом документе привилегий[25]. Также все исследователи единодушно отмечают негативное отношение к свободе от обязательной службы взошедшей на престол в июне 1762 г. новой императрицы[26]. Специалисты высказывают предположение, что лишь недостаточная устойчивость политического положения Екатерины II после переворота удержала ее от открытой приостановки действия Манифеста. Императрица всячески уклонялась от подтверждения новой привилегии высшего сословия, пока, наконец, 11 февраля 1763 г. ни объявила об учреждении Комиссии о вольности дворянства.

Работа Комиссии всесторонне рассмотрена в исследованиях дореволюционных историков, а также в работах Н.Л. Рубинштейна, Р. Джоунса, С.М. Троицкого, О.А. Омельченко и И. Мадариаги[27]. Вопрос о привилегиях дворянства поднимался на четырнадцати заседаниях и получил свое концептуальное оформление в проектах канцлера М.И. Воронцова и руководителя Комиссии А.П. Бестужева-Рюмина, комментариях Н.И. Панина и других придворных, а также в окончательном докладе, представленном императрице в апреле 1763 г. под названием «Проект "Права дворянского"»[28]. Проведя сравнительный анализ двух

---

[25] См. об этом, например: *Фаизова И.В.* "Манифест о вольности"... С. 102–104.

[26] См., например: *Rimscha H.* Katharina II: Von der preusischen Generaltochter zur Kaizerin von Rusland. B.; Frankfurt a. M., 1961. S. 62; *Троицкий С.М.* Комиссия о вольности дворянства 1763 г. (К вопросу о борьбе дворянства с абсолютизмом за свои права) // *Троицкий С.М.* Россия в XVIII веке... С. 140–192; *Омельченко О.А.* "Законная монархия" Екатерины II... С. 200–205; *Миронов Б.Н.* Социальная история России... Т. 1. С. 378; *Мадариага И.* Россия в эпоху Екатерины Великой. С. 137–154.

[27] *Соловьев С.М.* История России с древнейших времен. М., 1965. Т. XIII. С. 222–224; *Романович-Славатинский А.В.* Дворянство в России. С. 200–203; *Корф С.А.* Дворянство... С. 11–12; *Вернадский Г.В.* Манифест Петра III вольности дворянской и законодательная комиссия 1754–1766 гг. // Историческое обозрение. 1915. Т. 20. С. 51–59. См. также: *Рубинштейн Н.Л.* Уложенная комиссия... С. 208–251; *Jones R.E.* The Emancipation of the Russian Nobility. P. 108–118; *Троицкий С.М.* Комиссия о вольности дворянства... С. 140–192; *Омельченко О.А.* "Законная монархия" Екатерины II... С. 200–205; *Он же.* Императорское Собрание 1763 г. (Комиссия о вольности дворянской). М., 2001; *Мадариага И.* Россия в эпоху Екатерины Великой. С. 137–154.

[28] Материалы работы Комиссии сохранились в фондах 10 и 16 РГАДА. Проект М.И. Воронцова "Пункты для обсуждения вольности дворянства" был опубликован в "Архиве князя Воронцова" (Архив князя Воронцова. М., 1880. Кн. 24. С. 518–519). Черновой вариант проекта с пометками на полях Екатерины был напечатан А.Н. Куломзиным (*Куломзин А.Н.* Первый приступ в

проектов, замечаний Н.И. Панина и текста "Права дворянского", И. Мадариага пришла к выводу, что в докладе "заметно стремление создать две самостоятельные социальные иерархии, отделить социальный статус от чина в системе государственной службы". В то же время автор отмечает неготовность Комиссии "решать фундаментальную проблему природы дворянства и его соотношения с государством". Тщательное исследование протоколов заседания Комиссии позволило О.А. Омельченко также сделать заключение об особой настойчивости элиты в отстаивании привилегированного положения высшего сословия по сравнению с положением других социальных групп в обществе, в то время как права дворянства в плоскости его отношений с государством придворных интересовали меньше[29].

В данном контексте интересно предпринятое И. Мадариагой сравнение самовосприятия российской аристократии и сословных притязаний европейской знати. «Зависимость дворянства от признания его заслуг короной, – пишет профессор, – принималась безоговорочно. Тем самым русское дворянство противопоставлялось западноевропейскому, наделенному "честолюбием" по праву рождения, а не в результате полученного образования и служившего лишь по собственному выбору – ведь нередко европейский дворянин считал себя высокороднее своего монарха»[30]. В этом отношении было бы также перспективно сопоставить документы Комиссии с высочайшими указами, характеризующими сословную политику абсолютизма, и, прежде всего, с содержанием Манифеста о вольности, текст которого Комиссия собственно и призвана была переработать. Подобный подход позволил бы в известной мере оценить степень зависимости политической элиты высшего сословия от важнейших, сформулированных еще в петровское правление приоритетов официальной идеологии. Неслучайно разгоревшийся в Комиссии спор о критериях аристократизма закончился признанием неопровержимости тезиса

царствование Екатерины II к составлению высочайшей грамоты дворянству российскому // Материалы для истории русского дворянства. СПб., 1885. Вып. II. С. 26–34). Окончательный текст доклада, представленный императрице в апреле 1763 г. и собственноручно ею переписанный, был частично представлен в "Сборнике Русского исторического общества" (Сб. РИО. 1871. Т. 7. С. 238–265). Наиболее полная публикация не только проектов Комиссии, но и протоколов ее заседаний принадлежит О.А. Омельченко (*Омельченко О.А.* Императорское Собрание...).

[29] См.: *Мадариага И.* Россия в эпоху Екатерины Великой. С. 137–154; *Омельченко О.А.* "Законная монархия" Екатерины II... С. 200–205.

[30] *Мадариага И.* Россия в эпоху Екатерины Великой. С. 148–149.

первого российского императора – "знатное дворянство по годности считать"[31].

В историографии доминируют сходные оценки результатов деятельности Комиссии. Доклад Императорского Собрания о "Праве дворянском" Екатерина собственноручно копировала, сделала замечания на полях[32] и вернула его составителям через полгода. Однако высочайшие указания показались членам Комиссии слишком общими, и они так и не приступили к написанию окончательного текста. На этом работа по конституированию прав высшего сословия была приостановлена. Манифест о вольности не был ни отменен, ни конфирмован, хотя некоторые его положения реализовались в практике Сената и делопроизводстве Герольдмейстерской конторы. "Вопрос о привилегиях дворянства (их расширении и окончательном законодательном оформлении), – пишет И.В. Фаизова, – оставался открытым. Его обсуждение было продолжено сначала в созданной в декабре 1763 г. Комиссии о коммерции, затем в Уложенной комиссии и, наконец, спустя двадцать три года, в 1785 г. завершилось изданием Жалованной грамоты дворянству"[33].

Хронологически Жалованная грамота дворянству действительно отстоит от Манифеста о вольности более чем на два десятилетия, однако в исследовательской литературе неслучайно настойчиво проводятся параллели между этими двумя документами. Специалисты справедливо отмечают, что Жалованная грамота "систематизировала и переутвердила ранее установленные законом либо признанные общественной практикой права дворянства"[34]. Так, Р. Джоунс пишет, что на вопросы, поставленные в Манифесте, окончательно ответила именно Жалованная грамота[35], поскольку в ее тексте провозглашалась окончательная конфирмация отмены обязательного характера государственной службы. В работах дореволюционных и современных историков были детально проанализированы как зафиксированные в грамоте уже существовавшие сословные прерогативы дворянства, так и предоставлявшиеся господствующему классу новые социальные возможности. В структуре этого

---

[31] РГАДА. Ф. 16. Д. 235. Ч. 1. Л. 57об. См. также: *Омельченко О.А.* Императорское Собрание... С. 74–75.

[32] РГАДА. Ф. 16. Д. 235. Ч. 1. Л. 240об. См. также: *Омельченко О.А.* Императорское Собрание... С. 89.

[33] *Фаизова И.В.* "Манифест о вольности"... С. 101.

[34] См.: *Омельченко О.А.* "Законная монархия" Екатерины II. С. 217; *Мадариага И.* Россия в эпоху Екатерины Великой. С. 470.

[35] *Jones R.E.* The Emancipation of the Russian Nobility... P. 273.

довольно сложного и по содержанию, и по форме документа обычно выделяются преамбула, или манифест, свод личных прав дворянина, политические, имущественные, корпоративные привилегии высшего сословия, задаваемая властью внутренняя стратификация господствующего класса, которая включала 6 групп, и, наконец, 15 строго установленных доказательств принадлежности к "российскому благородному дворянству"[36].

Многие исследователи разделяют мнение о принципиальном значении Жалованной грамоты в истории сословной политики абсолютизма. Еще А.В. Романович-Славатинский называл грамоту "первой конституционной хартией дворянства, впервые сформулировавшей самую суть этого сословия". О.А. Омельченко также полагает, что Жалованная грамота дворянству «представила новый тип законодательного акта – свод норм о статусе и правах сословия, кодификацию всех относящихся сюда общих правоположений». Б.Н. Миронов связывает Жалованную грамоту с важнейшим этапом формирования в России сословного строя, которое началось с законодательного оформления социального статуса дворянства: "В 1785 г. дворянство приобрело почти все признаки сословия: 1) сословные права были закреплены в законе; 2) права являлись наследственными и безусловными; 3) дворянство имело сословную организацию в виде уездных и губернских дворянских собраний; 4) оно обладало сословным самосознанием и менталитетом; 5) дворянство имело право на самоуправление и участие в местном управ-

---

[36] О Жалованной грамоте дворянству см., например: *Порай-Кошиц И.А.* Очерк истории русского дворянства... С. 118–187; *Яблочков М.Т.* История дворянского сословия в России. С. 329–335, 547–567; *Дитятин И.И.* К истории "жалованных грамот" дворянству и городам 1785 г. // Русская мысль. 1885. Кн. IV. С. 13–50; Кн. V. С. 1–38; Кн. VI. С. 1–19; Кн. VII. С. 1–21; Кн. VIII. С. 58–83; *Абрамов Я.* Сословные нужды, желания и стремления в эпоху Екатерининской комиссии: (1767–1769 гг.) // Северный вестник. 1886. № 4. С. 145–180; № 6. С. 47–67; *Евреинов Г.А.* Прошлое и настоящее значение русского дворянства. СПб., 1898. С. 22–50; *Корф С.А.* Дворянство... С. 214–219; *Романович-Славатинский А.В.* Дворянство в России... С. 214–278; *Флоровский А.В.* К истории текста Жалованной грамоты дворянству 1785 г. // Русский исторический журнал. 1917. Кн. 3/4. С. 186–194; *Филиппов А.Н.* К вопросу о первоисточниках Жалованной грамоты дворянству 21 апреля 1785 г. // Известия АН СССР. Сер. VI: История. 1926. Т. XX, № 5–6. С. 423–444; № 7–8. С. 479–498; *Raeff M.* Origins of the Russian Intelligentsia... P. 34–37; *Dukes P.* Catherine the Great and the Russian Nobility. Cambridge, 1967; *Jones R.E.* The Charter to the Nobility: A Legislative Landmark? // Canadian-American Slavic Studies. 1989. N 23. Spring. P. 1–16; и др.

лении; 6) оно имело внешние признаки дворянской принадлежности"[37].

В историографии этот документ нередко рассматривается как часть целостной политической программы по созданию в России сословного строя. Проведя сравнительный анализ Жалованной грамоты дворянству, Жалованной грамоты городам и, наконец, неопубликованной Жалованной грамоты государственным крестьянам, Д. Гриффитс пришел к выводу, что сословная политика абсолютизма не была либеральной или консервативной, про- или антидворянской, в ней лишь реализовались присущие Новому времени представления о регулярном государстве с четко определенной законодательно сословной структурой[38]. По мнению Б.Н. Миронова, форсированное формирование городского сословия до некоторой степени могло служить противовесом дворянству, зависимость от которого Екатерина II пыталась ослабить с помощью реформ местного коронного управления[39]. В то же время в исследовательской литературе существуют иные трактовки политического смысла Жалованной грамоты. Одни специалисты усматривают в издании этого документа начало формирования гражданских прав в российском обществе, которые постепенно должны были распространиться на все население, другие, напротив, связывают легитимно закрепленное расширение привилегий высшего сословия с еще большим ужесточением крепостничества. Однако в некоторых работах отмечается, что правила, регулирующие отношения помещиков и принадлежащих им крестьян, практически не затрагиваются в грамоте. Так, И. Мадариага высказывает предположение об оправданных опасениях Екатерины вообще поднимать в документе, посвященном правам дворянства, "слишком больной вопрос" "о статусе и обязанностях крепостных"[40].

---

[37] См.: *Романович-Славатинский А.В.* Дворянство в России... С. 216–220; *Омельченко О.А.* "Законная монархия" Екатерины II... С. 216; *Миронов Б.Н.* Социальная история России... Т. 1. С. 84.

[38] *Griffiths D.* Of Estates, Charters and Constitutions // Catherine II's Charters of 1785 to the Nobility and the Towns. Bekarsfield (Calif), 1991. P. XXV.

[39] *Миронов Б.Н.* Социальная история России... Т. 2. С. 136. См. также на эту тему: *Середа Н.В.* Реформа управления Екатерины II: Источниковедческое исследование. М., 2004. С. 189–192, 222–226.

[40] См. об этом: *Мадариага И.* Россия в эпоху Екатерины Великой. С. 473–476; *Bartlett R.P.* Catherine II's Draft Charter to the State Peasantry // Canadian-American Slavic Studies. 1989. N 23. Spring. P. 50; *Idem.* Sievers and the Russian Peasantry under Catherine II // Jahrbücher für Geschichte Osteuropas. 1984. Bd. 32, H. 1. S. 15–16). Несколько позже эту же мысль повторяет А.Б. Каменский (*Каменский А.Б.* От Петра I до Павла I... С. 448–450).

Таким образом, в историографии отсутствует единая оценка как целей законодательного оформления статуса высшего сословия, так и результатов, которых ожидала власть от целенаправленного структурирования своих отношений с дворянством и прежде всего с его политической элитой. Целый спектр противоречивых взглядов на Жалованную грамоту связан, в известной степени, с недостаточным вниманием специалистов к ее идеологической составляющей. Преамбула, в которой излагается политическая сущность этого документа, не стала еще предметом специального анализа. Лишь в работе О.А. Омельченко вскользь замечается, что «открывший "Жалованную грамоту" манифест был составлен в традициях официальной доктрины. Следуя им, описывались "существенное состояние" Российской империи и соответствующая роль в достижении этого благородного российского дворянства»[41]. Кроме того, не совсем четко прослеживаются в литературе последствия издания Жалованной грамоты. И если результаты Манифеста о вольности были проанализированы на основе документации, связанной с отставками, то влияние расширения прав и привилегий высшего сословия на образ жизни и сознание его представителей практически не исследованы.

Говоря о политическом смысле Манифеста, Жалованной грамоты и в целом сословного законодательства абсолютизма, следует иметь в виду, что государство, живущее в режиме мобилизационной экономики и постоянной борьбы за геоэкономические условия существования, не могло позволить себе социальных реформ, просто воплощающих идеал регулярного устройства общества. Очевидная целесообразность управления громадной державой также не предполагала максимального расширения прерогатив более просвещенного сословия и усиления эксплуатации невежественной массы населения. Отношение власти к дворянству строилось исходя из жестко диктуемых реальностью интересов имперского развития, которые лишь декларативно окрашивались в идеи сословного государства или просвещенного абсолютизма. Монархия нуждалась в прочной социальной опоре, способной осуществить стоящие перед страной задачи, и целенаправленно воплощала данную долгосрочную и по-своему тоже мобилизационную программу. По мере ее реализации довольно скоро стало очевидно, что воспитать государственное сознание в рамках одного поколения

---

[41] *Омельченко О.А.* "Законная монархия" Екатерины II... С. 216.

насильственными методами невозможно. Вместе с объективно необходимым ослаблением принуждения активизировались приемы идеологического воздействия и политической манипуляции.

Исследуя дворянское законодательство второй половины XVIII в., специалисты спорадически выходят на эти проблемы, отмечая готовность власти определить правовой статус сословия. В некоторых работах отношения престола и дворянства оцениваются с помощью этических категорий партнерства, уважения, признания заслуг и высоких моральных качеств "истинных сынов отечества"[42]. Неслучайно О.А. Омельченко указывает, что «учреждение "вольности дворянства" стало актом более политико-идеологического смысла»[43].

Однако важно не просто воссоздать конкретные механизмы реализации сословной программы абсолютизма, но и определить степень результативности их функционирования. Безусловно, выявление последствий влияния официальной доктрины на общественное сознание – задача, требующая особых методик анализа. Так, И. Мадариага отмечает невозможность точно измерить психологический эффект, оказанный на дворян дарованными свободами и привилегиями. "Историки постоянно указывали, – пишет профессор, – что, невзирая на манифест, дворянство продолжало служить. Но есть большая разница между службой принудительной и службой по собственному сознательному выбору... Не преувеличивая размах новых культурных процессов, можно смело утверждать, что интерес к литературе и художествам во второй половине XVIII в. расцвел именно благодаря новообретенной свободе и самоуважению дворянства"[44]. Очевидно, без анализа последствий воздействия власти на мотивацию личности дворянина невозможно воссоздать целостную картину социально-политического развития России в XVIII – начале XIX столетия.

В историографии присутствует давно наметившаяся тенденция к дифференциации, как пишет Р. Джоунс, "практических и психологических" последствий Манифеста о вольности, Жалованной грамоты и в целом дворянского сословного законодательства, под воздействием которых сложились в конечном итоге

---

[42] *Jones R.E.* The Emancipation of the Russian Nobility... P. 40; *Madariaga I.* Catherine the Great... P. 15, 120; *Миронов Б.Н.* Социальная история России... Т. 2. С. 134; и др.

[43] *Омельченко О.А.* "Законная монархия" Екатерины II... С. 199.

[44] *Мадариага И.* Россия в эпоху Екатерины Великой. С. 154.

уникальные условия для развития высшего сословия[45]. "Жалованная грамота на права, вольности и преимущества благородного российского дворянства" подтверждала право высшего сословия на свободу от обязательной государственной службы, на исключительную прерогативу во владении населенными имениями, т.е. землей и крестьянами ("крещеной собственностью"). Личность дворянина надежно защищалась, лишить его чести и звания можно было только по суду и с высочайшей конфирмации. Наследственные имения даже в случае тяжких преступлений владельца не выходили из рода. Дворянин объявлялся свободным от телесных наказаний, всех видов податей и постоя войск в дворянских домах. Жалованная грамота закрепляла за дворянами право заниматься торговлей, иметь в городах дома, строить промышленные заведения. Были образованы дворянские общества и дворянские депутатские собрания, а также дворянская опека; для доказательства сословных прав в губерниях заводились дворянские книги[46].

Как указывают специалисты, основанная на крепостном труде определенная экономическая свобода, привилегированный доступ к образованию, иначе говоря, "досуг и средства" "распахнули шлюзы умственной деятельности". Сменившие технические школы первой четверти XVIII в. Кадетский корпус и Московский университет, элитарное домашнее воспитание, возможность получения европейского образования, "влияние книжной морали и общественной теории", журналы, театр, салоны, балы, светское общение – все эти факторы привилегированного образа жизни высшего сословия подробно исследованы в литературе. Именно они предопределили возникновение специфической социальной сферы, в которой "мог воспитаться человек с известным минимумом культуры и цивилизации"[47]. "К стремлению украшать

[45] *Jones R.E.* The Emancipation of the Russian Nobility... P. 39. М.А. Давыдов вообще выделяет в качестве особого поколения "новую генерацию русского дворянства", появившуюся после издания Манифеста о вольности дворянства (*Давыдов М.А.* "Оппозиция его величества". Дворянство и реформы в начале XIX века. М., 1994. С. 4).

[46] См. об этом, например: *Соловьев С.М.* История России с древнейших времен. М., 1965. Кн. XIII. Т. 25–26; *Романович-Славатинский А.В.* Дворянство в России...; *Порай-Кошиц И.А.* Очерк истории русского дворянства...; *Буганов В.И., Преображенский А.А., Тихонов Ю.А.* Эволюция феодализма в России; *Назаров В.Д., Ерошкина А.Н., Корелин А.П.* Дворянство; *Буганов В.И.* Российское дворянство...; *Милов Л.В.* Россия при преемниках Петра I... С. 223–224.

[47] См. об этом, например: *Милюков П.Н.* Очерки по истории русской культуры: В 3 т. М., 1995. Т. 3. С. 251; *Гуковский Г.А.* Очерки истории русской литературы XVIII века. Дворянская фронда в литературе 1750–1760-х годов. М.; Л., 1936. С. 16; *Raeff M.* Origins of the Russian Intelligentsia... P. 122–172; *Пантин И.К., Плимак Е.Г., Хорос В.Г.* Революционная традиция в России. 1783–1883 гг. М., 1986. С. 48.

жизнь, – отмечал Ключевский, – присоединяется стремление украшать ум". Вслед за неумело выхаживающим на каблуках недорослем петровских времен, которого можно было побить палкой в случае нерадения к наукам, появляется целое поколение образованного дворянства, привычного к культуре с детства. Как указывает С.О. Шмидт, именно в это время понятие элитарности стало сопрягаться с представлением о необходимости должного воспитания. "Русская дворянская интеллигенция XVIII века, – отмечал Г.А. Гуковский, – как особая общественная группа, определившая свое общественное назначение именно в качестве культурной силы (а потом и политической), образовалась около 50-х годов, в конце царствования Елизаветы Петровны"[48].

Таким образом, специалисты, так или иначе затрагивающие в своих работах проблемы социальной истории и культуры дворянства, приходят к выводу, что сословная политика престола спровоцировала и отчасти ускорила формирование новых тенденций в сознании и образе жизни господствующего класса. В силу особой сложности и внутренней противоречивости эти тенденции получили в историографии целый ряд различных наименований: появление феномена "неслужащего дворянина" и "частного человека", эмансипация дворянской литературы, зарождение непринужденного общения в светских салонах и идиллической атмосферы в загородных усадьбах, формирование слоя просвещенной аристократии, возникновение первых поколений русской интеллигенции, распространение фрондерских настроений в этих кругах и т.д.

Однако традиция изолированного исследования общественного сознания, культуры, менталитета дворянства, с одной стороны, и сословной политики абсолютизма, а также механизмов и результативности ее реализации – с другой, создала известный информативный и проблемный вакуум в историографии русского XVIII в. В научной литературе остался незамеченным факт глубокого противоречия между содержанием Жалованной грамоты и действительными последствиями издания этого документа. Во всех идеологически направленных законодательных актах, которые были адресованы непосредственно высшему сословию, речь шла о "ревностной преданности" "Нашего вернолюбезного

---

[48] См.: *Ключевский В.О.* Соч. Т. V. С. 171; *Шмидт С.О.* Общественное самосознание российского благородного сословия, XVII – первая треть XIX века. М., 2002. С. 101–122. *Гуковский Г.А.* Очерки истории русской литературы... С. 9. См. также: *Живов В.М.* Язык и культура... С. 251–268; *Берелович В.* Конференция в Париже по истории российского дворянства // Отечественная история. 1992. № 6.

благороднейшего Российского Дворянства" и никак не о самостоятельной элитарной культуре. Г.А. Гуковский считал, что до середины столетия власть возглавляла умственное движение дворянства, носившее правительственно-придворный характер. Литература и искусство призваны были воспевать победы империи и благоденствие монарха, единственной аудиторией считался окруженный сановниками престол, русское Просвещение являлось ничем иным как "мифологическим действием государственной власти". Эти тезисы на основе семиотического анализа текстов и тщательного исследования языка источников были подтверждены в работах Ю.М. Лотмана, а затем В.М. Живова и Б.А. Успенского[49]. Тем не менее еще историки XIX в. фиксировали наметившийся в царствование Екатерины II раскол власти и образованной элиты. Как писал А.И. Герцен, "наука процветала под сенью трона, а поэты воспевали своих царей, не будучи их рабами. ⟨...⟩ Но власть и мысль, императорские указы и гуманное слово, самодержавие и цивилизация не могли больше идти рядом"[50]. Многие исследователи признают начало "эмансипации дворянской культуры" с 50–70-х годов XVIII столетия, однако причины этого процесса, его симптомы и влияние на отношения высшего сословия и власти отражены в научной литературе недостаточно всесторонне.

П.Н. Милюков под "эмансипацией культуры" понимал "непрерывную историю интеллигентного общественного мнения", основу которого составляют "элементы критики", признаваемые монархией "не только лишними, но и опасными". Неслучайно образованное дворянство автор "Очерков по истории русской культуры" называл "критически мыслящим меньшинством". Современник Милюкова А. Липовский также полагал, что

---

[49] *Гуковский Г.А.* Очерки истории русской литературы... С. 9. См. также: *Лотман Ю.М.* Беседы о русской культуре; *Он же.* О Хлестакове // *Лотман Ю.М.* Избранные статьи: В 3 т. Таллин, 1992. Т. 1: Статьи по семиотике и типологии культуры; *Живов В.М.* Государственный миф в эпоху Просвещения и его разрушение в России конца XVIII века // Век Просвещения. Россия и Франция: Мат-лы науч. конф. Випперовские чтения. 1987 / Государственный музей изобразительных искусств им. А.С. Пушкина. М., 1989; *Он же.* Язык и культура... М., 1996; *Живов В.М., Успенский Б.А.* Царь и Бог. Семиотические аспекты сакрализации монарха в России // Языки культуры и проблемы переводимости. М., 1987; *Успенский Б.А.* Царь и Бог // *Успенский Б.А.* Избранные труды. М., 1994. Т. 1: Семиотика истории. Семиотика культуры; и др.

[50] *Герцен А.И.* Собр. соч.: В 30 т. М., 1958. Т. 14. С. 192. В.М. Живову также принадлежит сходная по смыслу метафора: "наблюдать за движением мысли каждого образованного дворянина оказалось задачей куда более трудно выполнимой, чем покорение Крыма" (*Живов В.М.* Язык и культура... С. 426).

впервые провозглашенное именно в царствование Екатерины культурное движение имело ярко выраженную критическую направленность. Недовольные "нападали на недостатки воспитания, невежество и грубость нравов, на ложное образование, французоманию, роскошь, ветреность, приказное крючкотворство, взяточничество, жестокое обращение с крестьянами"[51].

В литературоведческих работах отмечается, что выразителями этого фрондирующего общественного мнения были прежде всего писатели, которые, преодолев роль придворных одописцев, превратили занятие литературой в род общественного служения, ставящего автора в глазах воспитанного им мнения читающей публики выше государственной службы. В работах Гуковского, Лотмана, Живова, Успенского, Раева процесс "эмансипации культуры" практически отождествляется с созданием относительно независимой профессиональной дворянской литературы, когда "высказывание художественного слова перестало быть официальным". В целом ряде исследований указывается на высокий общественный престиж писателя последней трети XVIII в., рассматриваются проблемы идеального героя, соотношения придворной и приватной поэзии, отражения в художественных произведениях оппозиционных настроений интеллектуальной аристократии[52]. К интересному выводу приходит В.М. Живов: "Религиозно-мифологический потенциал, который прежде был отнесен к государству и монарху... переносится теперь на саму культуру, и поэт получает те мироустроительные харизматические полномочия, которые ранее усваивались императору... Так из мифологии государства возникает мифология поэта. Здесь... один из источников того особого отношения к поэзии и литературе, которое так отличает Россию"[53]. В целом процесс

---

[51] *Милюков П.Н.* Очерки по истории русской культуры. Т. 3. С. 252, 253, 337 и след.; *Липовский А.* Идейные итоги русской литературы XVIII века // Итоги XVIII века в России. Введение в русскую историю XIX века. М., 1910. С. 416, 498.

[52] *Гуковский Г.А.* Очерки истории русской литературы... С. 19. См. также, например: *Степанов В.П.* К вопросу о репутации литературы в середине XVIII в. // XVIII век. Л., 1983. Сб. 14. С. 105–120; *Кочеткова Н.Д.* Герой русского сентиментализма. 1. Чтение в жизни "чувствительного" героя // Там же. С. 121–142; *Она же.* Герой русского сентиментализма. 2. Портрет и пейзаж в литературе русского сентиментализма // Там же. Л., 1986. Сб. 15. С. 70–96; *Западов В.А.* Проблема литературного сервилизма и дилетантизма и поэтическая позиция Г.Р. Державина // Там же. Л., 1989. Сб. 16. С. 56–75; *Кочеткова Н.Д.* Литература русского сентиментализма. СПб., 1994; *Клейн И.* Религия и Просвещение в XVIII веке: Ода Державина "Бог" // XVIII век. СПб., 2004. Сб. 23. С. 126–133; и др.

[53] *Живов В.М.* Язык и культура... С. 429.

"эмансипации" культуры, так или иначе отраженный в исторических, философских, культурологических и литературоведческих исследованиях, означал формирование "критического" общественного мнения, обретение независимости художественного слова, сакрализацию личности поэта и поэтического творчества, дифференциацию общественного сознания, которому стали тесны рамки единого официозного направления[54].

Данные явления в духовной жизни высшего сословия свидетельствовали о постепенном формировании слоя интеллектуальной аристократии[55], который не укладывается ни в одну систему социальной стратификации дворянства. Важнейшим критерием иерархии господствующего класса справедливо признается чин, закрепленный градациями Табели о рангах. В соответствии с Жалованной грамотой, губернские родословные книги выделяли 6 групп в составе высшего сословия: 1. дворянство жалованное или действительное, получившее это достоинство по царскому указу; 2. военное дворянство, имеющее, как минимум, обер-офицерское звание; 3. дворянство, полученное за гражданскую службу, "осьмиклассное дворянство"; 4. "иностранные дворянские роды"; 5. титулованное дворянство; 6. древние благородные дворянские роды, нетитулованные. Традиционно в исследовательской литературе выделяется богатое, среднее и бедное дворянство. К мелким помещикам относились владельцы 20–100 душ крестьян. Средний дворянин должен был существовать со 100–500 душ. Крупными магнатами считались обладатали более 500 крепостных[56].

---

[54] См. об этом: *Белявский М.Т., Кислягина Л.Г.* Общественно-политическая мысль // Очерки русской культуры XVIII века. М., 1968. Ч. III; *Болдырев А.И.* К характеристике философских взглядов М.М. Щербатова (Критический анализ) // Вестник МГУ. Сер. 7: Философия. 1983. № 5; *Грацианский П.С.* Политическая и правовая мысль России второй половины XVIII века. М., 1984. С. 164–218 и след.; *Эйдельман Н.Я.* Грань веков. Политическая борьба в России. Конец XVIII – начало XIX столетия. М., 1986. С. 20; *Кочеткова Н.Д.* Идейно-литературные позиции масонов 80–90-х годов XVIII в. и Н.М. Карамзин // XVIII век. Л., 1964. Сб. VI; Русская мысль в век Просвещения. М., 1991.

[55] Исследования, посвященные биографиям и творчеству отдельных представителей образованного дворянства, также подтверждают эту тенденцию. См., например: *Аксенов А.И.* С любовью к Отечеству и просвещению: А.И. Мусин-Пушкин. Рыбинск, 1994; *Рогожин Н.М.* Историк Николай Михайлович Карамзин // Classical Russia. 1700–1825. 2006. Vol. 1. P. 127–152.

[56] См. об этом, например: *Семевский В.И.* Крестьяне в царствование императрицы Екатерины II. СПб., 1903. Т. I–II. С. 32; *Назаров В.Д., Ерошкина А.Н., Корелин А.П.* Дворянство. С. 684; *Милов Л.В.* Россия при Петре I // История России с начала XVIII до конца XIX века. М., 1996. С. 59–61. Для достойного существования, определенного нормами жизни господствующего сословия, дворянину надо было располагать минимум сотней крестьян.

Однако критерии, зафиксированные в Табели о рангах, Жалованной грамоте или дворянских губернских книгах, отражали существовавший лишь на бумаге жесткий каркас постоянно менявшейся пульсировавшей действительности[57]. Слой интеллектуальной аристократии, не зафиксированный ни в одном законодательном акте, тем не менее сложился именно в царствование Екатерины II, что оказало принципиальное воздействие на отношения власти и всего дворянства. Поэтому особенно важно выявить, как трактуются в историографии важнейшие характеристики этой находившейся вне традиционной иерархии высшего сословия социальной группы.

Прежде всего, исследователи отмечают высокую степень образованности интеллектуальной аристократии. "Вельможная культура", по мнению Г.А. Гуковского, была создана наиболее динамично мыслящими и тонко чувствующими представителями высшего сословия. «"Русского европейца" нельзя упрекнуть, – пишет Ключевский, – в упрямстве и застое: в нем, напротив, слишком много нравственной гибкости и умственного движения». В середине XVIII в., как отмечает В.М. Живов, «европеизированная элита не довольствуется более сознанием своей причастности Европе, а начинает формировать представление о "русском европейце", начинает воспринимать себя не как европейский десант… а как лучшую часть своего народа»[58].

Специалисты по истории общественной мысли особой чертой сознания образованного дворянина считают восприимчивость к идеям Просвещения. Понятие "просветитель" вообще приобрело в научной литературе оценочный смысл, сблизилось с

---

[57] Более того, и на основании количества душ или наличия графского титула также невозможно было составить представление о реальном положении дворянина в обществе. Потомок тульского заводчика П.А. Демидов стыдился своего плебейского богатства, воспитатель великого князя Павла Петровича канцлер Н.И. Панин получил 5 тысяч крепостных в связи с почетной отставкой, а Н.И. Новиков, как известно, дослужился лишь до поручика.

[58] *Гуковский Г.А.* Очерки истории русской литературы С. 333; *Ключевский В.О.* Речь, произнесенная на торжественном собрании Московского университета 6 июня 1880 г. в день открытия памятника Пушкину // *Ключевский В.О.* Исторические портреты. М., 1990. С. 395; *Живов В.М.* Язык и культура С. 268. См. об этом также: *Минц С.С.* Об отражении особенностей социальной психологии в мемуарных источниках последней трети XVIII – первой трети XIX в. // Проблемы источниковедения истории СССР и специальных исторических дисциплин. М., 1984; *Она же.* Мемуары и российское дворянство. Источниковедческий аспект историко-психологического исследования. СПб., 1998; *Крючкова М.А.* Человек в русской культуре второй половины XVIII века: По материалам источников личного происхождения: Автореф. дисс. … канд. ист. наук. М., 1994.

понятием “интеллигент” и превратилось в определение “прогрессивного”, мыслящего дворянина, чувствительного к ужасам крепостничества, что само по себе довольно неопределенно. Так, Н.Я. Эйдельман к просветителям относил несколько “серьезных голов”, которые веруют, что с помощью образования можно «в конце концов исправить все – и политику, и “поврежденные нравы”, и (когда-нибудь) рабство! ... Тут и Новиков, и Фонвизин, и Никита Иванович Панин, и княгиня Дашкова, и Щербатов». В научной литературе неоднократно указывалось, что важнейшей проблемой в исследовании истории российского Просвещения является проблема терминологическая. Б.И. Краснобаев писал об отсутствии строгости в употреблении специалистами понятий “просвещение” и “просветительство”. Р.Г. Эймонтова в статье “К спорам о просветительстве” также отмечала, что термин “просветительство” призван четко отделять идейное течение определенной исторической эпохи от просвещения как распространения знаний и образованности[59].

Однако правильное прочтение термина “просвещение” сводится не только к соотношению его содержания с термином “просветительство”. Российское Просвещение отличается от западного в его классическом варианте и по смысловому наполнению основных доктрин, и по функции в обществе, и по тем социальным группам, которые восприняли идеологию Разума. Адекватное понимание российского Просвещения предполагает анализ восприятия и трансформации идей западноевропейских просветителей в сознании различных социальных сил общества[60], воссоздание семантики доктрины Просвещения в России и самосознания российского Просвещения, а также исследование преломления идей Просвещения в обыденном сознании и каждо-

---

[59] *Эйдельман Н.Я.* Грань веков. С. 17; *Краснобаев Б.И.* Русская культура С. 173–180; *Эймонтова Р.Г.* К спорам о просветительстве // История СССР. 1988. № 6. С. 22. См. также: Русская культура в переходный период от средневековья к новому времени. М., 1992; *Песков А.М.* Некоторые тенденции изучения русской культуры эпохи Просвещения в России 1990-х гг. // Classical Russia. 1700–1825. Vol. 1. P. 9–18.

[60] *Плавинская Н.Ю.* “Наказ” Екатерины II во Франции в конце 60 – начале 70-х годов XVIII в.: Переводы, цензура, отклики в прессе // Русско-французские культурные связи в эпоху Просвещения. М., 2001; *Карп С.Я.* Французские просветители и Россия. Исследования и новые материалы по истории русско-французских культурных связей второй половины XVIII века. М., 1998; *Семенова А.В.* Слово о Е.Р. Дашковой // Словарь Академии Российской 1789–1794. М., 2001. Т. 1. С. 34–41. *Вульф Л.* Изобретая Восточную Европу: Карта цивилизации в сознании эпохи Просвещения. М., 2003. См. также статьи из сборника: Век Просвещения. Пространство европейской культуры в эпоху Екатерины II. М., 2006.

дневных моделях поведения русского вольтерьянеца и франкмасона[61]. Здесь уместно еще раз напомнить тезис В.М. Живова: "Конец просветительства оказывался в России эмансипацией культуры, и здесь Россия была прямой противоположностью Франции, где эмансипацией культуры было ознаменовано именно начало Просвещения"[62]. В России существовало как бы два Просвещения. Абсолютистское государство видело в просвещенной персоне прежде всего верноподданного, способного принести наибольшую пользу Отечеству, а значит – монархии. Самоопределяющаяся дворянская культура под просвещенностью понимала высокие душевные качества, нравственность и благородство помыслов, часто оппозиционных и престолу, и светской массе.

Многие исследователи признают крайнюю малочисленность "тончайшего слоя образованных дворян", "дворян-философов", "группы богатой молодежи с чуткой совестью и патриотическими устремлениями"[63]. Это "образованное меньшинство", используя термин Милюкова, имело тем не менее колоссальное нравственное влияние не только на основную массу дворянства, но и на все общество, именно в его руках находилась гегемония культуры. Если профессиональным литературным трудом занималась действительно незначительная часть интеллектуальной элиты, то характерные для этой среды фрондерские настроения разделяло большое число представителей верхушки привилегированного сословия. В историографии речь идет, как правило, именно о фрондерских настроениях, а не собственно о конфронтации элиты и власти. Так, Р. Джоунс указывает, что термин "дворянская оппозиция" не может считаться удачным для характеристики действий нескольких представителей высшего сословия, пытающихся добиться от престола гарантии своих привилегий[64].

Отдельные усилия, предпринятые политической элитой дворянства для расширения своего влияния, неоднократно становились предметом исследования. Так, А. Лютш проанализировал

---

[61] См. об этом, например: *Marassinova E.N.* The Russian Enlightenment and the Educated Nobility // Transaction of the Ninth International Congress on the Enlightenment. Oxford, 1996. Vol. 2. P. 956–958.

[62] *Живов В.М.* Язык и культура. С. 425.

[63] См., например: *Милюков П.Н.* Очерки по истории русской культуры. Т. 3. С. 305; *Гуковский Г.А.* Очерки истории русской литературы. С. 7; *Пайпс Р.* Россия при старом режиме. С. 343; *Артемьева Т.В.* История метафизики в России XVIII века. СПб., 1996.

[64] *Jones R.E.* The Emancipation of the Russian Nobility... P. 162. См. об этом также: *Худушина И.Ф.* Царь, Бог, Россия: Самосознание русского дворянства, конец XVIII – первая треть XIX вв. М., 1995.

выдвинутый М.М. Щербатовым проект ограничения самовластия и искоренения фаворитизма. С.М. Троицкий также писал о попытках правящего класса добиться от престола расширения своих привилегий в ущерб другим сословиям сразу после прихода Екатерины к власти. Отклонение императрицей "Прав дворянства российского", по мнению автора, свидетельствовало об огромном могуществе абсолютной монархии, которая могла проигнорировать предложения высших сановников и решать дворянский вопрос с учетом интересов всего дворянского государства. М.М. Сафонов исследовал "Конституционный проект Н.И. Панина–Д.И. Фонвизина", "Конституционный проект П.А.Зубова–Г.Р. Державина", представленный Александру I "екатерининскими стариками", а также записку А.А. Безбородко "О потребностях Империи Российской". Дворянский конституционализм с идеей легитимной монархии рассматривается в работе Л.Н. Вдовиной. Д. Кинни посвятил специальное исследование деятельности так называемой "Воронцовской партии" в 1785–1803 гг. и ее влиянию на придворную атмосферу[65].

Однако обобщенная характеристика группы, разделяющей фрондерские настроения, практически отсутствует в историографии. Исключением остается лишь работа Г.А. Гуковского, который выделял особый "биографически-социальный тип" "аристократов рода и культуры", "помещиков, не связанных лично с аппаратом власти". Автор прямо указывает и на литературных

---

[65] См.: *Чечулин Н.Д.* Проект Императорского совета в первый год царствования Екатерины II // Журнал Министерства народного просвещения. 1894. № 3. С. 68–87; *Семевский В.И.* Вопрос о преобразовании государственного строя России в XVIII и первой четверти XIX века (Очерк из истории политических и общественных идей) // Былое. 1906. № 1. С. 1–59; *Лютш А.* Русский абсолютизм XVIII века // Итоги XVIII века в России. С. 22–27; *Троицкий С.М.* Комиссия о вольности дворянства... С. 191–192; *Сафонов М.М.* Конституционный проект Н.И. Панина и Д.И. Фонвизина // Вспомогательные исторические дисциплины. 1974. Т. VI. С 261–280; *Он же.* Конституционный проект П.А. Зубова – Г.Р. Державина // Там же. 1978. Т. X. С. 226–243; *Он же.* Записка Безбородко о потребностях империи Российской // Там же. 1983. Т. XIV. С. 180–195. См. также: *Глинский Б.Б.* Борьба за конституцию (1612–1861 гг.) СПб., 1908; *Sacke G.* Die gesetzgebende Kommission Katharinas II (Ein Beitrag zur Geschichte des Absolutismus in Russland) // Jahrbücher für Geschichte Osteuropas. Breslau, 1940; *Raeff M.* Plans for Political Reform in Imperia Russia (1730–1905). Prentice Hall (N.J.), 1966; *Kenney J.J.* The Vorontsov Party in Russian Politics, 1785–1803. An Examination of the Influence of an Aristocratic Family at the Court of St. Petersburg in the Age of Revolution. New Haven, 1975; *Вдовина Л.Н.* Дворянский конституционализм в политической жизни России XVIII в. // Монархия и народовластие в культуре Просвещения. М., 1995; *Otto A.* Die russische Hofgesellschaft in der Zeit Katharinas II: Dissertation. Tübingen, 2005.

вождей этих "интеллигентов-аристократов", называя имена А.П. Сумарокова и Д.И. Фонвизина. Более того, автор отмечает сближение либерально настроенных вельмож и фрондирующих дворянских интеллектуалов, проявившееся не только в духовном контакте Д.И. Фонвизина и братьев Паниных, но и в личностных отношениях, существовавших между С.Р. Воронцовым и Н.М. Карамзиным, А.Р. Воронцовым и А.Н. Радищевым, А.А. Безбородко и Н.А. Львовым[66]. Представители этой интеллектуально-аристократической фронды выступали, по словам Гуковского, против деспотической власти и аппарата правительственной машины, создаваемой властью на основе фаворитизма, за свободу проявлений дворянского культурного самосознания. Главным оружием этой группы было слово и вера в силу закона. Духовная оппозиция потерпела поражение и ее представители ринулись "в мистические искания, масонство"[67].

В работах по истории культуры и литературы отмечаются не только фрондерские настроения, но и состояние тревоги, грусти, апатии, скуки, характерное для многих представителей интеллектуальной аристократии. Так, Б.И. Краснобаев, выделяя некоторые черты сознания дворянства конца XVIII в., в частности, говорит о чувстве неудовлетворенности и ощущении нестабильности. Г.В. Павлов также фиксирует в мироощущении некоторых образованных дворян конца XVIII в. доминанту страха, стремления за-

---

[66] Данное наблюдение ученого подтверждают и результаты исследований других специалистов. Так, П.Н. Милюков писал, что "за спиной… не в меру откровенного Новикова стояли… влиятельные оппозиционеры из тогдашней знати, – И.Шувалов, Воронцов, кн. Дашкова, – собиравшие около себя кружок журналистов" (*Милюков П.Н.* Очерки по истории русской культуры. Т. 3. С. 305). В работах М.В. Нечкиной рассматриваются личные связи Вольтера с представителями русского дворянства – И.И. Шуваловым, Д.А. Голицыным, К.Г. Разумовским, А.П. Сумароковым, Е.Р. Дашковой (*Нечкина М.В.* Вольтер и русское общество // *Нечкина М.В.* Функции художественного образа в историческом процессе. М., 1982. С. 174–204). См. также об этом: *Лотман Ю.М.* Отражение этики и тактики революционной борьбы в русской литературе конца XVIII века // Уч. зап. Тартуского университета. 1965. Вып. 167: Труды по русской и славянской филологии. Т. VIII. С. 3–32; *Он же*. Идея исторического развития в русской культуре конца XVIII – начала XIX столетия // XVIII век. Л., 1981. Сб. 13. С. 82–90; *Он же*. Черты реальной политики в позиции Карамзина 1790-х гг. (К генезису исторической концепции Карамзина) // Там же. С. 102–131.

[67] См.: *Гуковский Г.А.* Очерки истории русской литературы… С. 20, 92–98, 190 и след. См. также, например: *Smith D.* Working the Rough Stone. *Baehr S.* Alchemy and Eighteenth-Century Russian Literature: An Introduction // Reflections on Russia in the Eighteenth Century: Papers from the VI International Conference of the Study Group on Eighteenth-Century Russia, July 1999. Leiden; Köln, 2001.

щититься от враждебного окружающего мира[68]. Подобный эмоциональный настрой объясняется исследователями по-разному. В качестве причин депрессии выдвигаются страх перед прагматикой капиталистических отношений, психологический дискомфорт, который неизбежно порождала в мыслящем человеке роль душевладельца, бесперспективность тоталитарного режима для развития личности, и, наконец, недовольство малообразованным православным духовенством, что заставляло просвещенного дворянина искать истину в масонской мистике[69]. На мой взгляд, столь верно подмеченное ощущение несчастливости не может иметь исключительно внешние причины. Часто неясная тревога является симптомом болезненного процесса усложнения личности.

В историографии указывается на настороженное отношение к просвещенной элите многих представителей привилегированного сословия. Как пишет Милюков, «обширному кругу обыкновенных читателей люди передовой интеллигенции представлялись какими-то таинственными "вольтерьянцами" и "фармазонами»[70]. Историки общественной мысли, и прежде всего литературоведы, отмечают, что первое поколение русской интеллигенции может быть названо дворянским лишь по сословно-статусной принадлежности его представителей, но никак не по их идейным устремлениям. Ситуация представляется более сложной, если внутреннюю конфронтацию "мыслящего меньшинства" и светской массы расценивать как одну из особенностей развития культуры и сознания господствующего класса в целом. В данном контексте биографии и художественные произведения многих русских дворянских писателей могут стать важными источниками по социальной и духовной истории высшего сословия. Неслучайно Белинский писал о Пушкине: "Он любил сословие, в котором почти исключительно выразился прогресс

---

[68] *Краснобаев Б.И.* Русская культура… С. 189–202; *Павлов Г.В.* Проблема "человек и общество" в идейной борьбе России конца XVIII – начала XIX в.: Автореф. дисс. … канд. философск. наук. М., 1970. С. 12.

[69] М. Раев пишет, что сентиментализм с его призывом повернуться к природе и простой жизни пытался сгладить этот дискомфорт через чувствительное провозглашение эмоциональной связи элиты и духовности народа, как ее изображала изысканная литература XVIII в. (*Raeff M.* Origins of the Russian Intelligentsia… P. 158). См. также, например: *Некрасов С.М.* Элементы социально-психологической мотивации идеологии русского масонства // Социально-психологические аспекты критики религиозной морали. Л., 1974; *Орлов П.А.* Русский сентиментализм. М., 1977; *Западов А.В.* Поэты XVIII века. М., 1984; *Кочеткова Н.Д.* Проблемы изучения литературы русского сентиментализма // XVIII век. Л., 1989. Сб. 16; *Стенник Ю.В.* Русская сатира XVIII века. Л., 1985; и др.

[70] *Милюков П.Н.* Очерки по истории русской культуры. Т. 3. С. 340.

русского общества и к которому принадлежал сам"[71]. Понимание внутренней логики только одной этой фразы, сказанной о поэте, наследнике старинного боярского рода, гордо назвавшем себя "мещанином", может помочь сделать правильные выводы о важных тенденциях развития менталитета российского дворянства в целом.

Симптоматично, что, в отличие от практически единодушного признания углубляющегося конфликта интеллектуалов и основной массы высшего сословия, отношения этой своеобразной группы образованной аристократии с властью трактуются в историографии более противоречиво. Мнения специалистов по данному вопросу варьируются от признания "союза лучших людей с властью", «"соучастия" "идейных поручиков", активной дворянской интеллигенции в военных, административных, культурных делах Екатерины»[72] до констатации противостояния авторитарного правительства и восприимчивой к новым идеям образованной элиты[73]. Так, В.И. Буганов приходит к выводу о появлении во второй половине XVIII в. "оппозиционной верховной власти и господствующей идеологии, крепостническому строю общественно-политической мысли", носителями которой были "проявляющие вольнодумство и недовольство" дворяне[74]. Однако было бы слишком прямолинейно свести характер отношений интеллектуальной аристократии с самодержавием к союзу или к конфликту. Достаточно напомнить претензии поэтов на оценку действий монарха и особого рода наставничество, требования признать независимую словесность важнейшим родом государственной службы.

* * *

Таким образом, общий проблемный обзор историографии позволяет сформулировать ряд вопросов, которые встают перед исследователями XVIII столетия. Недостаточно глубокий анализ идеологической составляющей законодательства российского

---

[71] *Белинский В.Г.* Взгляд на русскую литературу. М., 1988. С. 456.

[72] См.: *Эйдельман Н.Я.* Грань веков. С. 18, 23.

[73] Так, М. Раев отмечает, что установление абсолютной монархии и реформы Петра I привели к созданию полностью зависимой от самодержавного государства бюрократии, которая как бы встала между троном и дворянством, а наиболее просвещенная, думающая, интеллектуальная его часть отшатнулась от верховной власти и попыталась осуществить себя в иных сферах деятельности, что ускорило превращение ее в особую группу дворянской интеллигенции (*Raeff M.* Origins of the Russian Intelligentsia... P. 86–87, 140, 147).

[74] *Буганов В.И.* Российское дворянство… С. 37.

абсолютизма препятствует четкому пониманию целей и методов сословной политики власти по отношению к дворянству. Соответственно не представляется возможным оценить эффективность воздействия самодержавной доктрины на сознание и мотивацию представителей господствующего класса. Изолированное изучение дворянской культуры, социальной истории сословия и его взаимоотношений с престолом оставляет неисследованными целый ряд причинно-следственных связей и опосредований.

В результате происходит схематизация сложнейших социальных явлений и создается впечатление, что введенное Петром I насильственное принуждение к государственной службе вызвало сопротивление дворянства, которое, наконец, добилось в 1762 г. свободы, а в 1785 г. – полного подтверждения своих привилегий. Данные выводы не объясняют как причины готовности высшего сословия в большинстве своем продолжать службу после отмены ее обязательного характера, так и очевидный факт формирования государственного мышления у дворянства. С другой стороны, остается без определенного ответа вопрос, почему после образования института предводителей дворянства и учреждения дворянских собраний выборные должности воспринимались как новый тип государственной службы, к тому же менее престижный и выгодный. Власть была вынуждена буквально загонять дворян в эти корпоративные организации, так что очень быстро все административные функции в них взяла на себя бюрократия. В то же время безо всякой высочайшей санкции возникает самобытная дворянская культура, центрами которой стали загородные усадьбы, салоны, дружеские кружки, масонские ложи, частные журналы и т.п. Официально задаваемым идеальным чертам “Нашего вернолюбезного благороднейшего Российского Дворянства” фрондирующая часть высшего сословия противопоставила и собственное представление о долге перед Отечеством, и собственное понимание “благородства”.

Если при анализе сословного законодательства лишь спорадически затрагивается его идеологический смысл, то в богатейшей историографии российского дворянства выпадает другое важное звено – психология человека. Ведь совершенно очевидно, что указ 1714 г. о единонаследии не мог с 1715 г. отменить сознание помещика, а Манифест о вольности дворянства не гарантировал появление поколения внутренне свободных людей с 19 февраля 1762 г. Распространение образования или публикации Вольтера не могут автоматически создать мыслящую независимую личность. Точно так же вековое крепостничество не пробуждает в одночасье чувства вины и готовности отречься от

интересов собственного сословия. И если проблемы социально-психологического анализа для историографии XIX в. восполнены частично драматичными коллизиями человеческого духа в образах Чацкого, Онегина, Печорина, Лаврецкого, Обломова и, наконец, Ставрогина, то рафинированные литературные, философские и публицистические произведения XVIII столетия более опосредованно отражают питавший их менталитет сословия. С.С. Минц указывает, что социально-психологический облик образованной части российского дворянства имеет значительные расхождения с теми представлениями о социально активных кругах господствующего сословия, которые сформировались на основе широко известных по фактам общественно-политической и особенно интеллектуальной жизни российского общества того времени[75].

Кроме того, в литературоведении, искусствознании, философских работах, культурологических эссе духовная жизнь высшего сословия, и прежде всего его интеллектуальной элиты, оценивается, как правило, с точки зрения современных ориентиров и предпочтений. Неслучайно Б.И. Краснобаев специально ввел два термина – "дворянская культура" и "культура дворянства", отметив их принципиальное различие. "Дворянская культура, – писал исследователь, – понятие, охватывающее явления, связанные с существованием и деятельностью дворянства как сословия в его противопоставлении другим сословиям, группам общества", в то время как "культура дворянства" – понятие более широкое, включающее момент всеобщности. Здесь, по мнению автора, теоретическая основа для понимания, почему многое из дворянской культуры смогло войти в национальную культуру, сохраняя свое нравственное, эстетическое и иное значение до наших дней[76].

Однако неопровержимый факт наличия в культуре высшего сословия общечеловеческого начала не столько приближает к пониманию проблемы, сколько констатирует всю ее сложность. Масштаб и огромный внутренний потенциал российской дворянской культуры XVIII–XIX столетий требует больших усилий для ее постижения, и в частности особых методик комплексного анализа источников, литературно-художественной подачи мате-

---

[75] *Минц С.С.* Социальная психология российского дворянства последней трети XVIII – первой трети XIX вв. в освещении источников мемуарного характера: Дисс. канд. ист. наук. М., 1981. С. 69.

[76] *Краснобаев Б.И.* Русская культура… С. 205, 207–208; *Крючкова М.А.* Человек в русской культуре…

риала и наличия богатого экзистенциального опыта, как личностного, так и социально-политического, у самого автора исследования. Неслучайно еще В.О. Ключевский отмечал: "Наш XVIII век гораздо труднее своих предшественников для изучения, причина тому большая сложность жизни. Общество заметно пестреет. Вместе с социальным разделением увеличивается в нем и разнообразие культурных слоев, типов. ⟨…⟩ Воспроизвести процесс этого нравственного разделения гораздо труднее, чем разделения политического"[76].

Более того, факты духовного развития интеллектуальной аристократии иногда расходятся с представлениями о господствующем положении и статусной структуре дворянства. "Я недоумеваю, – писал Ключевский о С.И. Гамалее, – каким образом под мундиром канцелярского чиновника, и именно русской канцелярии прошлого века, мог уцелеть человек первых веков христианства". "Как накапливались и постепенно росли в русской культуре и литературе, – ставит вопрос Гуковский, – идейные элементы, враждебные всему помещичьему классу в целом"[77].

Количество вопросов может увеличиваться по мере накопления материала и усложнения методик его анализа. Однако так или иначе, ученому предстоит столкнуться с вопросом – неизбежно ли созданные или отвоеванные у абсолютизма благоприятные для внутреннего развития личности условия приводят к ее конфронтации с правительством. Был ли у самодержавия шанс сохранить чувство имперского патриотизма у просвещенной элиты, которая бы продолжала служить власти, а не расшатывать ее? Проблема свободы индивидуальности и достоинства подданного со всей своей неумолимостью неслучайно встает именно сейчас перед русским исследователем XVIII в. Во время правления Екатерины II, когда только начиналось внутреннее усложнение личности, самосознание которой очень тесно связывалось с величием расширяющей свои границы империи, этот баланс парадоксальным образом еще сохранялся. В начале XIX столетия парадоксы по-своему гармоничного века Просвещения превратятся в серьезнейшие конфликты; некоторые из

---

[76] *Ключевский В.О.* Речь… С. 394. П.Н. Милюков также признавал, что в век Екатерины "время уже шибко шло вперед, обостряя вопросы, радикализируя настроение и быстро отодвигая на задний план воззрения, только что казавшиеся передовыми" (*Милюков П.Н.* Очерки по истории русской культуры. Т. 3. С. 340).

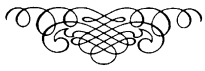
[77] *Ключевский В.О.* Воспоминание о Н.И. Новикове и его времени // *Ключевский В.О.* Исторические портреты. С. 382; *Гуковский Г.А.* Очерки истории русской литературы… С. 6.

них не только не разрешены до сих пор, а, напротив, более обострились.

Таким образом, вдумчивое исследование реалий XVIII столетия поможет глубже понять и масштаб русской культуры, и драму российской государственности. Здесь кроется одна из причин, почему надо вновь и вновь приниматься "за изучение восемнадцатого века"[78].

---

[78] Название знаменитой историографической статьи Г.А. Гуковского: *Гуковский Г.А.* За изучение восемнадцатого века // Литературное наследство. 1933. № 9–10. С. 295–326.



Очерк II

Текст и реальность

Проблема противоречивых взаимоотношений власти и личности дворянина в XVIII столетии или, используя более узкую формулировку, проблема эволюции доктрины российского самодержавия и ее воздействия на сознание элиты господствующего сословия обеспечена обширным комплексом как опубликованных, так и архивных источников и имеет богатейшую историографию. Вся научная литература по проблеме может быть в соответствии с тематикой условно разделена на несколько групп: обобщающие монографии по истории России XVIII столетия; работы, посвященные особенностям русского абсолютизма; исследования по социальной истории дворянства; и, наконец, статьи и монографии культурологического содержания. Несмотря на обилие работ, в которых рассматриваются проблемы идеологического воздействия власти на сознание дворянства, наиболее разработанными остаются вопросы, связанные с основными ценностями и приоритетами государственной доктрины, с одной стороны, и имиджа императора в сознании подданного – с другой[1]. Меньшее внимание уделяется в историографии иному вектору взаимоотношений монархии и общества: остаются недостаточно изученными каналы воздействия официальной доктрины на сознание представителей господствующего сословия и степень

[1] См., например: *Живов В.М., Успенский Б.А.* Царь и Бог. Семиотические аспекты сакрализации монарха в России // Языки культуры и проблемы переводимости. М., 1987; *Медушевский А.Н.* Утверждение абсолютизма в России. Сравнительное историческое исследование. М., 1994; *Madariaga I.* Political and Culture in Eighteenth-Century Russia. Collected Essays. L.; N.Y., 1998; Царь и царство в русском общественном сознании. М., 1999; *Hartley J.M.* A Social History of the Russian Empire, 1650–1825. L.; N.Y., 1999; *Успенский Б.А.* Царь и император. Помазание на царство и семантика монарших титулов. М., 2000; *Каменский А.Б.* От Петра I до Павла I. Реформы в России XVIII века. Опыт целостного анализа. М., 2001; и др.

результативности функционирования государственной концепции, иначе говоря, "обратная связь", на которую рассчитана любая идеология.

Воссоздание механизмов воспитания государственного сознания у политически активной элиты дворянства, которая и стала главным носителем имперской идеологии, особенно актуально для периода XVIII в., когда отношения власти и дворянства принципиально изменились. Указ 1714 г. о единонаследии, уравнявший юридический статус вотчины и поместья, и Манифест 1762 г. о вольности дворянства законодательно закрепили превращение служилого сословия в господствующий класс, владеющий землей и свободный от обязательной службы. В результате самодержавие лишилось мощных экономических и юридических рычагов, принуждающих дворянина нести государственную повинность. Перед властью встала задача – узаконить отмирание института "службы с земли" и, дав дворянству свободу от государственной повинности, сохранить его в качестве служилого сословия, т.е. главной социальной опоры абсолютизма. Именно в XVIII в. интенсифицируется сложный механизм идеологического и социально-психологического воздействия официальной доктрины на сознание дворянина. В первой половине XIX столетия на фоне процесса активного формирования и укрепления слоя профессиональной, всецело преданной престолу бюрократии проблема воспитания государственного сознания у дворянства потеряет свою актуальность для власти.

В то же время сложнейшее взаимодействие различных обстоятельств переходного периода, каковым в российской истории являлся XVIII в., привело к складыванию противоречивой, на первый взгляд, официальной концепции. Непререкаемый авторитет самодержца охранялся на правах государственного достояния, но в многочисленных законодательных актах свободно употреблялись такие понятия, как "общее благо", "всеобщая польза", "справедливый закон", которому обязан подчиняться даже "всевластный монарх". В именных указах постоянно звучали напоминания подданным об "отеческой заботе" государя, соседствующие с частыми угрозами "лишения живота" в официальных документах начала XVIII в. и строжайшими запретами для большинства населения непосредственно обращаться к императрице – во второй половине столетия. Внешнеполитическая доктрина призывала к борьбе против "неверных варваров-османов", которым "нет места в просвещенной Европе"; провозглашала святой долг России перед единоверной Византией и томящимися под мусульманским игом греками, которые при этом объявля-

лись потомками великих эллинов; оживлялась территориальная память Киевской Руси, и в то же время началом современной, актуально "переживаемой" истории признавалось царствование Петра. Ученическое восприятие Европы, интеллектуальные заимствования и формирование "периферийного сознания" непостижимым образом сочетались с имперскими амбициями и гордостью за великую державу.

Подобное соединение, казалось бы, несовместимых символов и ценностей в одной политической доктрине не стало еще объектом непосредственного изучения. Отмечая эклектику российской официальной идеологии, специалисты, как правило, акцентируют внимание лишь на классовой природе самодержавия и неловких попытках власти придать деспотическому правлению черты просвещенного абсолютизма. Указывается также на индивидуальные качества монархов и прежде всего – порывистость Петра, стремившегося как можно скорее превратить заснеженную Россию в мореходную Голландию, и обаятельное лицемерие Екатерины, которая одной рукой отвечала на очередное послание Вольтера, а другой – подписывала указ о расширении власти помещиков над крестьянами.

Для понимания внешней противоречивости официальной концепции и особенностей ее воздействия на личность дворянина важно не просто воссоздать набор конкретных символов, генерируемых и поддерживаемых властью. Следует выявить механизмы реализации и слой носителей государственной доктрины, а также показать ее как внутренне логичную, эволюционирующую идеологию, востребованную обстоятельствами и направленную на решение стоящих перед страной задач. Под государственной доктриной при этом понимается совокупность идей, ценностей и символов, направленных на обеспечение внутренней стабильности и мобилизацию человеческих ресурсов, решение внешнеполитических задач, а также создание образа власти и императора. В сложной иерархии взаимопроникающих смыслов официальной концепции и основных характеристик механизма ее функционирования можно выделить:

– идеи, поддерживающие самодержавное правление и непререкаемый авторитет власти, персонифицированной в личности монарха;
– символы могущества империи и славы русского оружия;
– понятия, поддерживающие православную традицию, и образы исторического прошлого;
– общегуманитарные ценности века Просвещения;

– выработанные государством наиболее эффективные каналы внедрения официальных ценностей: целенаправленно формируемый образ императора, постоянно стимулируемые патриотические чувства, система социального престижа, нормы социального контроля, критерии оценки личности и ее самооценки, задаваемые образцовые качества "идеального подданного", набор знаковых предпочтений.

Официальная доктрина российского самодержавия имела неоднородную и весьма причудливую аудиторию, условно подразделяющуюся на внутреннюю, внешнюю и "идеальную". Законодательные акты, рескрипты, реляции, уставы, манифесты, а также символика помпезных праздников, наконец, многообразная официальная публицистика – от проповедей Прокоповича до од Державина – были обращены к населению империи в целом или отдельным слоям и сословиям. Разумеется, главным адресатом официальной идеологии стали не "ревизские души", режим жесткого принуждения по отношению к которым только усиливался. Идеологическое воздействие самодержавия было направлено прежде всего на сознание политической элиты, обеспечивающей функционирование всей государственной машины. На протяжении XVIII в. диалог власти с податным населением практически пресекается, а с высшим сословием становится более интенсивным, целенаправленно выстраивается и переходит на страницы таких документов, как "Правда воли монаршей", "Юности честное зерцало, или показание к житейскому обхождению", "Наказ" Уложенной комиссии, "О должностях человека и гражданина", "Жалованная грамота на права, вольности и преимущества благородного российского дворянства" и др.

Ноты Петербурга европейским дворам; именные указы о начале войны и заключении мира; переписка императоров с европейскими монархами, мыслителями, придворными, дипломатами; реляции российским полномочным министрам; переводы высочайших указов, специально составляемые в Петербурге и в соответствии с политической практикой XVIII в. направляемые правителям других государств, – в этих текстах прежде всего отразился международный аспект российской государственной доктрины. Внешнеполитические амбиции Петербурга были обращены как к иностранным дворам, так и к европейскому общественному мнению, влияние которого становилось все более ощутимым.

Государственная идея по-своему преломилась и в личных текстах монархов, особенно в переписке Петра с ближайшим окру-

жением, воспоминаниях Екатерины и ее обширной корреспонденции. Однако не только в этих "человеческих документах" венценосных особ, но и в перечисленных выше источниках с ярко выраженной официальной направленностью встречаются фрагменты текста, где излагаются стремления, переживания, надежды монарха и те ценности, которые он декларировал на российском престоле. Безусловно, эти порой близкие к исповедальным пассажи писались не без учета внутренней и внешней аудитории, однако часто власть не особенно заботилась о глубине и адекватности их восприятия современниками.

Тщеславные правители российского XVIII в. были весьма обеспокоены своей репутацией не только среди отечественной и европейской элиты, но и в оценках последующих поколений. Одному важно было прослыть царем-реформатором, поставившим Россию рядом с "политизированными народами", другая хотела остаться в сознании потомков просвещенной законодательницей и "милосердной государыней". Апелляция власти к этой "идеальной" аудитории будущего также отразилась на формулировках, символах и ценностях государственной доктрины.

Соответственно и среди идей, составляющих официальную доктрину, можно, в частности, выделить декларативные или демонстративно провозглашаемые, но не актуальные для осуществления стратегической линии правительства и потому практически лишенные разработанных механизмов воплощения, и обязательные, т.е. последовательно формулируемые и целенаправленно внедряемые властью в сознание населения. Так, в своем "Наказе" Екатерина II обращалась не только к депутатам – императрица рассчитывала, что содержание документа будет оценено европейским общественным мнением и в известной мере воспринято сословиями, направившими своих представителей в Уложенную комиссию. Соответственно, и идеям этой высочайшей инструкции предназначалась различная роль. Рассуждения о "всеобщем благе" были оформлены в стиле философской риторики века Просвещения, а провозглашение самодержавия единственно возможной в России формой правления носило отнюдь не рекомендательный характер.

Таким образом, адресованная российскому дворянству идеология самодержавия являлась сложной по своему содержанию и каналам воздействия на сознание личности концепцией. Выявление в текстах сведений о противоречиях взаимовлияния идеологии, социальной психологии и менталитета предполагает формирование источниковой базы, адекватной поставленной исследовательской задаче. Очевидно, что нельзя дать конкретный

перечень текстов, где были бы целенаправленно сформулированы основные идеи государственной доктрины и перечислены каналы ее реализации. Как уже указывалось, имперская идеология фрагментарно, в том или ином ракурсе, была запечатлена в самых разнообразных по своим социальным функциям документах. Тем не менее можно выделить наиболее информативные виды исторических источников, в которых отразились приоритеты и особенности функционирования официальной доктрины, с одной стороны, и результаты ее воздействия на сознание личности – с другой. К таким перспективным в данном контексте документам относятся, на мой взгляд, законодательные акты, которые издавались под названиями указов, манифестов, регламентов, учреждений, наставлений, уставов, инструкций, жалованных грамот и т.д.

Особенно значимые официальные обращения власти ко всем подданным именовались *манифестами*. Поводами к изданию этих "объявляемых во всенародное известие" документов служили важнейшие, с позиции официальной идеологии, события в политической жизни Империи – коронация высочайшей особы, начало войны, заключение мира, "дарованные народу государевы милости" в связи с юбилейным годом правления, "отмена взысканий" по случаю открытия монумента Петру I, разгром Пугачевского бунта и т.п. В некоторых источниковедческих исследованиях указывается, что манифесты начинались с "большого императорского титула", состоявшего из ретроспективного перечисления титулов властителей всех земель, входивших в состав Российской империи[2]. Однако сплошной анализ содержания документов этого вида, опубликованных в Полном собрании законов Российской империи, обнаружил, что развернутая титулатура монарха присутствовала, главным образом, в манифестах, касающихся отношений с другими странами и содержащих тексты международных договоров. Однако законы, связанные с внешней политикой российского престола, обычно назывались *декларациями, трактатами, конвенциями* или *актами*[3].

---

[2] См., например: Источниковедение истории СССР. М., 1981. С. 171.

[3] См., например: Акт для охранения свободы торговли и мореплавания нейтральных народов, заключенный между Ее Императорским Величеством и Его Величеством Королем Прусским; Акт принятия в союз защищения нейтральной торговли; Именной указ, данный Сенату, с приложением договора, постановленного с Карталинским и Кахетинским царем Ираклием Вторым; Трактат между Россией и Францией о дружбе, торговле и мореплавании; Декларация, поданная Министром Ее Императорского Величества Булгаковым в Варшаве Министерству Польскому // ПСЗ. Т. XXI. № 15155, 15261, 15835; Т. XXII. № 16489; Т. XXIII. № 17044.

Бóльшая же часть собственно *манифестов* была адресована "многочисленным народам Всероссийской Империи", о "величии и могуществе" которой, а также о "благополучии каждого Нашего верноподданного" "неусыпно трудилась" высочайшая власть[4]. Между тем эти две провозглашаемые в каждом манифесте ценности не были равнозначны даже в контексте декларативных документов и соотносились скорее как цель и средство. Неслучайно в Манифесте "О разных дарованных народу милостях" по случаю "двадесять пятого лета Нашего царствования" прямо заявлялось: "Грядущие времена укажут путь к новой славе и к новой пользе. Кто же доставлял Нам и отечеству таковое утешение? Скажем по истине: верные и воле Нашей послушные подданные"[5]. Когда речь заходила о конкретных "монарших благостях", собирательный образ "любезных подданных" приобретал реальные очертания и распадался на "различные состояния", среди которых власть, в частности, выделяла "верноподданное Нам Дворянство", "служащих в войсках Наших", "купечество", "цеховых", "помещичьих крестьян", "крестьян казенного ведомства" и т.п.[6]

Манифесты, пожалуй, являлись единственным видом законодательных актов, в которых власть обращалась непосредственно ко всему населению Империи по случаю торжественных дат и празднования побед "российского оружия". Будничная жизнь подданных регулировалась *учреждениями, уставами, инструкциями, наставлениями, установлениями и регламентами*[7]. Регламенты, как правило, определяли структуру, функции, штаты различных органов власти и управления, права и обязанности должностных лиц, порядок делопроизводства и ряд других вопросов. Так, в Генеральном регламенте, утвержденном Петром I в 1720 г., подчеркивалось преимущество коллегий перед приказами и обосновывалась необходимость коллегиальной системы. Во второй половине XVIII в. цели и назначение ряда местных органов власти были сформулированы в *учреждениях* и *уставах*.

---

[4] См., например: ПСЗ. Т. XVI. № 11582, 11598; Т. XXI. № 15488; Т. XXIII. № 17143; и др.

[5] Там же. Т. XXII. № 16551. 28 июня 1787.

[6] См., например: ПСЗ. Т. XX. № 14275; и др.

[7] См., например: "Наставление губернаторам", "Инструкция землемерам к генеральному всей Империи земель размежеванию", "Инструкция межевым губернским канцеляриям и провинциальным конторам", "Устав купеческого водоходстсва", "Установление сельского порядка в казенных Екатеринославского наместничества селениях" // ПСЗ. Т. XVI. № 12137; Т. XVIII. № 12570, 12659; Т. XXI. № 15176; Т. XXII. № 16603; и др.

В частности, важнейшим законодательным актом, в котором были прописаны задачи органов власти, управления и суда в губернии и уезде, принципы определения их территории и границ, стало "Учреждение для управления губерний Всероссийской империи" 1775 г. К особым типам уставов относились уставы, связанные с развитием вооруженных сил, – Воинский устав и Морской устав.

Основной массив исходящих от верховной власти законов именовался в XVIII столетии указами, среди которых, в свою очередь, различались *именные, сенатские, объявленные из Сената, сенатские вследствие именного* и т.д. По своим функциям и содержанию указы зачастую были очень близки к установлениям или инструкциям. В названии и преамбуле этих документов обычно содержалась информация не только об источнике законодательной инициативы, но также о причинах и обстоятельствах возникновения того или иного постановления. Так, функции указов могли приобрести "высочайше утвержденный доклад генерал-прокурора А.А. Вяземского" или "проект генерал-поручика И.И. Бецкого", тексты которых полностью воспроизводились в документе, завершающемся словами "быть по сему"[8]. Нередко указы начинались с подробного изложения достигших кабинета императрицы донесений, петиций, планов, раппортов и даже челобитных[9], на основании которых Екатерина давала "высочайшие распоряжения", приобретавшие силу закона[10]. Некоторые указы касались всего населения, однако бóльшая их часть определяла жизнь какой-либо социальной группы, регламентировала деятельность отдельных учреждений, например Академии художеств или Кадетского корпуса, а также могла адресо-

---

[8] Иногда указы именовались просто "высочайшей резолюцией на доклад" (см., например: "Высочайшая резолюция на доклад Сената об отдаче в Дворянский банк сумм, поступающих в университеты, на воспоможение учащихся или на содержание питомцев". ПСЗ. Т. XX. № 14316. С. 135. 5 мая 1775).

[9] См., например, сенатский указ о "недопущении в Сенат по Малороссийским делам поверенными, не имеющими шляхетской собственности", изданный на основе челобитных полковницы Катерины Битяговской, есаулины Анастасии Лукашевичевой и сержанта Николая Капниста (ПСЗ. Т. XX. № 14363. С. 1201. 3 сентября 1775).

[10] Так, именной указ, "данный Комиссии о учреждении Народных Училищ", начинался словами: "По прочтении поданного Нам от оной Комиссии плана к единообразному установлению Народных Училищ по всей Российской Империи, Мы, приемля оный за благо во всем, что касается до предложения Комиссии о предметах учебных, нашли за нужное назначить в том следующие перемены… " (ПСЗ. Т. XXI. № 15834. С. 1013. 27 сентября 1783).

ваться вообще конкретному государственному лицу[11] и иметь вид официального послания[12].

Хорошо известно, что российское законодательство XVIII столетия в значительной степени было казуальным, иначе говоря, многие постановления возникали не в результате целенаправленной законотворческой деятельности власти, а являлись ситуативной и часто вынужденной официальной реакцией на те или иные события в обществе, которые требовали регламентации. Неслучайно в Наказе генерал-прокурору "при Комиссии о составлении проекта нового Уложения" говорилось: "Естество законов человеческих есть такое, чтобы зависеть им ото всех приключений, в свете бывающих, и переменяться по тому, как нужда чего востребует"[13]. Так с опозданием вернувшийся из отпуска чиновник, поручик, "наглым образом отнявший вино у титулярного советника", бродяжничавший монах, беглый раскольник, помещик, утаивший души, сами о том не ведая, давали импульс появлению новых указов. Курьезные, печальные, а иногда и трагические обстоятельства жизни "маленького человека" русского XVIII в., ставшие "законодательным казусом", запечатлелись в бесконечном потоке указов, превратив законы в захватывающий калейдоскоп страстей, семейных отношений, ссор, интересов реальных людей прошлого. Судьбы персонажей густонаселенного Полного собрания законов Российской империи еще ждут своего исследователя и обещают совершенно с новой стороны раскрыть связь высочайшего указа и повседневной действительности.

Таким образом, законодательные акты XVIII столетия имели очень большой спектр наименований, не всегда соответствовавших содержанию и функции документа, отличались произвольной стилистикой и отсутствием какой-либо установленной формы подачи материала, могли являться результатом как реформаторской деятельности власти, так и "неимением годного для явки на службу платья" у дворянина Смоленской губернии. Однако у всех манифестов, указов, инструкций, резолюций и т.п. была одна общая характеристика – законодательство определялось волей императора и являлось ее выражением. Этот тезис сохранял свою актуальность на протяжении всего XVIII столетия и в

---

[11] См., например, именной указ, "данный Новороссийскому генерал-губернатору князю Потемкину, о переселении нагайских народов на уральскую степь" (ПСЗ. Т. XXI. № 15830. С. 1010. 11 сентября 1783).

[12] Так, именной, "данный генерал-прокурору" указ "о заведении почты в Константинополь" начинался с личного обращения: "Князь Александр Алексеевич!" (ПСЗ. Т. XXI. № 15339. С. 392. 10 февраля 1782).

[13] ПСЗ. Т. XVIII. № 12950. С. 281. 30 июля 1767.

практике принятия новых законодательных актов[14], и в сфере правового мышления подданных, и в отношении самосознания верховной власти. Характерно завершался сенатский указ "о штрафах и наказаниях за небытие на исповеди и у святого причащения": "И о сем Высочайшем Ее Императорского Величества узаконении для всенародного сведения и должного исполнения во всем государстве сим Ее Императорского Величества указом и публикуется"[15] (подчеркнуто мною. – *Е.М.*).

С установлением абсолютистского правления монарх стал единственным субъектом законотворчества. Право издания новых законов принадлежало только императору – Сенат, Синод, коллегии и другие правовые учреждения могли лишь обращаться к нему с предложениями[16]. В официальной доктрине вполне логично аргументировалось тождество воли монарха и закона. "Общество не может быть без правления, – провозглашалось в наказе генерал-прокурору при Комиссии о составлении нового Уложения, – …соединение всех особенных сил составляет то, что называют состоянием государственным. Сия общая сила в России вручена одному и то есть ее естественное положение. ⟨…⟩ Империя перестала бы быть могущественна, если б инако управляема была"[17]. В "Наказе" императрицы прямо было заявлено, что "Воля Государева" должна быть наблюдаема "сходственно с законами, во основание положенными, и с государственным установлением"[18]. Все усилия власти направлялись на "пользу Империи", "ибо сохранение в целости Государства есть самый высочайший закон"[19]. Авторитет указа гарантировался опять-таки "Самодержавною, от Бога Нам данною властью и святостью слова Царского"[20]. По незыблемой воле Его Императорского

---

[14] Исследователи отмечают практическое отсутствие каких-либо функциональных или процессуальных различий между высочайшим указом и законом в России XVIII в. (См., например: *Коркунов Н.М.* Указ и закон. СПб., 1894. С. 309).

[15] ПСЗ. Т. XVII. № 12483. С. 347. 30 сентября 1765.

[16] Б.Н. Миронов отмечает, что "лишь при Петре I, во время его отсутствия в столице, и при Елизавете Петровне (из-за ее нелюбви заниматься государственными делами) законодательная власть сосредоточивалась в руках Сената. Но такие периоды были исключением" (*Миронов Б.Н.* Социальная история России периода империи (XVIII – начало XX в.). Генезис личности, демократической семьи, гражданского общества и правового государства. СПб., 2000. Т. 2. С. 138.

[17] ПСЗ. Т. XVIII. № 12950. С. 282. 30 июля 1767.

[18] Наказ императрицы Екатерины II, данный Комиссии о сочинении проекта нового Уложения / Под ред. Н.Д. Чечулина. СПб., 1907. С. 6–7. См. также: РГАДА. Ф. 10. Оп. 2. Ед. хр. 324. Л. 1–4 об.

[19] ПСЗ. Т. XVIII. № 12950. С. 283. 30 июля 1767.

[20] Там же. Т. XXII. № 16407. С. 617. 28 июня 1786.

Величества принимались "вечные" и "неподвижные" законы[21]. В сознании подданных указы не просто ассоциировались с властью императора, скорее высочайшее решение воспринималось как закон, что еще более возвышало образ монарха и препятствовало формированию собственно правового мышления у современников[22]. В XVIII столетии лишь отдельные представители политической элиты задумывались над необходимостью сместить акценты и поставить деятельность государя в зависимость от закона[23].

Однако подобная бесконтрольность оказалась обременительной прежде всего для самой абсолютной власти. На протяжении XVIII в. российские императоры неоднократно будут пытаться разграничить любое монаршее слово и закон. Устные распоряжения противопоставлялись "письменным и зарученным" указам еще в Генеральном регламенте 1720 г.[24] В 1726 г., при Екатерине I, было законодательно ограничено действие объявляемых указов – "понеже ведомо нам, что как в Сенате, так и в Коллегиях и Канцеляриях объявляют… нашими именными указами о *важных* делах… того ради ныне повелеваем, ежели кто будет писать или словесно объявлять нашим именным указом о выдаче сверх штату денег и тому подобное… без подписания нашей собственной руки или всего нашего верховного тайного Совета отныне *не верить*"[25]. Однако после смерти Петра I ставилось под контроль прежде всего содержание повелений, объявляемых от лица императрицы, собственное же монаршее слово пока не подлежало регламентации и имело силу закона.

---

[21] См., например: Именной, данный Сенату указ о "напечатании и обнародовании Устава Кадетскому сухопутному корпусу" (ПСЗ. Т. XVII. № 12741. С. 973. 11 сентября 1766).

[22] А.Н. Медушевский вообще полагает, что "ключ к пониманию Просвещенного абсолютизма – борьба за введение власти в пределы законности; в этих попытках выявляется граница, которая отделяет монархию от деспотии, просвещенный абсолютизм от непросвещенного, законную монархию от полицейского или регулярного государства" (*Медушевский А.Н.* Проекты политических реформ в России XVIII в. (К становлению либеральной историографии) // Classical Russia. 1700–1825. 2006. Vol. 1. P. 91–110.

[23] Так, Фонвизин и братья Панины понимали важность введения "фундаментальных законов". Но лишь в первой половине XIX в. появятся строки:

Владыки! Вам венец и трон
Дает Закон – а не природа;
Стоите выше вы народа,
Но вечный выше вас Закон.

[24] ПСЗ. Т. VI. № 3534.

[25] ПСЗ. Т. VII. № 4945. С. 684–685. 5 августа 1726.

При Анне Иоанновне действие устных высочайших указов было ограничено лишь придворной сферой[26]. В 1743 г. Елизавета Петровна предписала "в Сенат никаких предложений… без письменных наших указов за нашею рукою в действо не производить"[27]. Наконец, Петр III из компетенции устных распоряжений изъял решения о "лишении живота, чести и имения", "раздачу денежных сумм свыше 10 000 рублей", "награждение деревнями и чинами свыше подполковника". Также объявлялось, что словесные повеления императора не должны противоречить уже принятым законодательным актам и могут доводиться до сведения подданных лишь сенаторами, генерал-прокурором и президентами первых трех коллегий. Более того, император потребовал еженедельно предоставлять ему копии его же словесных распоряжений с "надлежащею отметкою об исполнении"[28]. 3 июля 1762 г. Екатерина II практически полностью воспроизвела содержание этого указа, лишь несколько позднее включив генерал-адъютантов в круг государственных лиц, имеющих право объявлять словесные повеления высочайшей персоны[29].

Таким образом, на протяжении XVIII столетия постепенно формировалось представление о законе как о воле государя, соответствующим образом зафиксированной и объявленной. Подобная тенденция в направлении разграничения слова импе-

---

[26] В 1735 г. был издан закон, который предписывал "никаких наших словесных именных указов, кроме тех, которые за подписанием собственной нашей руки или за руками всех трех наших кабинет-министров будут, не принимать и в дело не производить". Месяц спустя императрица исключила из области юрисдикции данного документа самую высшую сферу жизни российского общества – "оный указ двору нашему и к делам придворным не следует, а следует до сената и до других коллегий и канцелярий и прочих судебных мест" (ПСЗ. Т. IX. № 6745. 9 июня 1735; № 6773).

[27] ПСЗ. Т. XI. № 8695. 10 января 1743. Правда, спустя 18 лет, за несколько месяцев до кончины, императрица это решение отменила, кстати сказать, своим устным распоряжением. Без объяснения причин и толкований был издан указ "о возвращении Ее Императорскому Величеству Именного 1743 года указа, запрещающего производить в действо данные Сенату предложения… без Высочайших указов за собственноручным Ее Величества подписанием" (ПСЗ. Т. XV. № 11369. С. 850. 29 ноября 1761).

[28] ПСЗ Т. XV. № 11411. С. 89. 22 января 1762. А.Н. Медушевский полагает, что этот шаг противопоставлял письменный закон и устное распоряжение, приобретавшее в данной перспективе характер чисто административной санкции, в последующее время данная логика вела к необходимости разграничить указ и закон (См., например: *Медушевский А.Н.* Проекты аграрных реформ в России. XVIII – начало XIX века. М., 2005).

[29] ПСЗ. Т. XVI. № 11592. 3 июля 1762.

ратора и закона повышала ответственность венценосной особы за принимаемые решения и стимулировала рост уважения подданных именно к законодательному акту, а не к любой прихоти монарха[30]. Однако перечисленные постановления не в меньшей мере были продиктованы стремлением власти гарантировать точность воспроизведения распоряжений государя, а также предотвратить любую попытку искажения их содержания и уж тем более подлога. Неслучайно многие сенатские и именные, объявленные из Сената, указы начинались с подтверждения их подлинности: "В именном, за подписанием Ее Императорского Величества собственной руки указе Сената написано" или "по случаю собственного Ее Императорского Величества рассмотрения и последовавшего за собственноручным подписанием с материнским от Ее Величества исправлением Высочайшего указа"[31], и т.д.

Разумеется, распространение "злыми людьми" фальшивых именных указов, так называемых "пасквилей", беспощадно преследовалось, а их сочинители "подлежали крайнему истязанию". В марте 1764 г. "простой народ" обеих столиц был взбудоражен подложной Высочайшей грамотой, в которой запечатлелась наивная вера в государыню, искренне пытающуюся "лихоимство искоренить" вопреки сопротивлению высшего сословия. "Однако весьма Наше дворянство пренебрегает", – говорилось в грамоте от лица императрицы. Результатом этого опасного для власти инцидента стали два теперь уже подлинных указа – Сенатский от 16 марта и Именной от 17-го. Первый извещал о приказе Екатерины "пасквиль под освященным Монаршим именем на Сенатской площади с барабанным боем палаческою рукою предать огню". За личность автора "сего вредного сочинения" обещалась официальная награда в размере 100 рублей. На следующий день вышло высочайшее распоряжение "о признании публикуемых указов действительными, когда они будут печатные".

---

[30] Неслучайно в предназначенной для будущего императора Павла "Записке о государственном казенном правлении и о производстве дел, по свойству их рассмотрения и распоряжения его зависящих", авторство которой принадлежит братьям Никите и Петру Паниным, особым образом оговаривалась процедура оформления устных распоряжений монарха. "Получив от государя приказание на доклады сделанное или особое его повеление, словесное или письменное, в назначенный журнал об именных повелениях вписано быть должно, письменные повеления и резолюции на доклады подлинниками приобщаются в книгу указов, словесные повеления государственным казначеем в ту книгу запишутся" (РГАДА. Ф. 1. Оп. 1. Ед. хр. 17. Л. 54).

[31] См., например: ПСЗ. Т. XVI. № 12090, 12104, Т. XVIII. № 12537 и др.

На протяжении всего екатерининского правления указы, которые необходимо было довести до сведения каждого, "прибивались печатными в публичных местах" и "читались в церквях во всех провинциях Империи". Закон о подлинности лишь печатных указов относился к числу особенно важных, "объявляемых во всенародное известие", и был провозглашен соответствующим образом[32].

Отождествление воли императора и закона в правовом сознании современников не означало, однако, что российское законодательство периода абсолютизма являлось своеобразным отражением умозаключений, стремлений и просто капризов венценосной особы. Государственные постановления, как и все документы, порожденные практическими потребностями общества и играющие активную социальную роль в его функционировании, в конечном итоге определялись объективными закономерностями, над которыми была не властна и воля монарха. В официальной интерпретации эта неизбежная зависимость нередко именовалась правом "Самодержавной Императорской власти по лучшему разумению и по усмотрению пользы и надобности государственной и разных народных состояний выгодные распоряжения ко благу Империи и граждан оной учинить"[33]. "Выгодные распоряжения" принимались, как правило, исходя из стратегических задач укрепления могущества державы, "здравого смысла" и западноевропейской законодательной традиции. Однако, несмотря на многочисленные терминологические заимствования и безусловное влияние зарубежной камералистики, не следует преувеличивать готовность российской власти жить в соответствии с юридическим и кодификационным опытом соседей. Так, в "Уставе купеческого водоходства", опубликованном в виде "манифеста, объявленного всем верным нашим подданным", непосредственно заявлялось: "Мы обратили внимание на недостаток узаконений… от коего происходили те неудобства, что во многих случаях принуждены были заимствовать помощь от законов иностранных, часто и несвойственных образу управления и состоянию Империи Нашей"[34].

Характерной особенностью законодательства XVIII столетия стала его реформаторская направленность и ярко выраженные тенденции не к сохранению сложившейся традиции, усиливаемой

---

[32] Там же. Т. XVI. № 12089–12090. С. 644–645. 16–17 марта 1764.
[33] Там же. Т. XXII. № 16407. С. 617. 28 июня 1786.
[34] Там же. Т. XXI. № 15176. С. 157. 25 июня 1781.

часто обычным правом, а, напротив, к преодолению ее[35]. Политическая теория абсолютизма отличалась убежденностью в особой силе закона, здравого смысла и регулярного государства, призванного установить разумный миропорядок. Поток указов свидетельствовал о готовности престола воспитать общество через слово императора, прозвучавшее в законе. По всей видимости, эта просветительская вера в преобразующее воздействие законодательства отчасти объясняет неослабное желание практически всех российских императоров XVIII в. заменить устаревшее Уложение 1649 г. новым. Разрозненные манифесты, указы, инструкции и распоряжения, пусть даже продиктованные высочайшей волей, не представляли из себя единого свода законов, попытки составить который предпринимались постоянно – в 1700, 1714, 1720, 1726, 1728, 1730, 1754, 1761, 1767 и, наконец, в 1796 гг. Все усилия абсолютизма, как известно, оказались тщетными по целому ряду причин, и в частности в силу чрезвычайной сложности согласования многочисленных старых и новых "узаконений", отразивших стремительную динамику развития общества, а также противоречивых и даже взаимоисключающих интересов различных социальных групп, "населяющих обширную империю". Неслучайно Екатерина уже после роспуска Уложенной комиссии заметила И.И. Бецкому: "Или делать и делать целое и совершенное, или так оставить и не начинать"[36].

Однако несмотря на веру в могущество высочайшей воли, воплощенной пусть и не в Уложении, а в указах и манифестах, власть прекрасно понимала, что нельзя надеяться на автоматическое выполнение всех обнародованных законов. "Законодательные основания долженствуют управлять людьми", – сказано было в уже приводимом наказе генерал-прокурору при Комиссии о составлении проекта нового Уложения[37]. Поэтому основной массив исходивших от престола документов был рассчитан не просто

---

[35] А.В. Гордон полагает, что с правления Петра I «право на самое радикальное переустройство страны стало частью национального восприятия верховной власти; "власть преобразовывать" сделалась ее высшей легитимацией» (*Гордон А.В.* Универсально-типологическое и национально-архетипическое в формировании российского образа власти в эпоху Просвещения // Canadian-American Slavic Studies. 2004. N 1–2. P. 13). См. также: *Уортман Р.* Изобретение традиции и репрезентации российской монархии // Новое литературное обозрение. 2002. № 56. С. 34; *Миронов Б.Н.* Социальная история России… Т. 2. С. 137.

[36] См.: Высочайше утвержденный доклад действительного тайного советника Бецкого // ПСЗ. Т. XIX. № 13895. С. 610. 27 октября 1772.

[37] ПСЗ. Т. XVIII. № 12950. С. 281. 30 июля 1767. Собственно неоднократная публикация законов сходного содержания свидетельствовала о молчаливом саботаже населения, не желающего следовать тем или иным нововведениям.

на провозглашение, но и на непосредственную реализацию и потому включал те или иные механизмы воздействия на подданных, без лояльности которых невозможно результативное осуществление высочайших предписаний. В текстах указов косвенно отразились важнейшие механизмы влияния на мотивационную сферу личности современников, что было особенно важно в условиях слабости и малочисленности административного аппарата. Обоснование необходимости того или иного нового закона, контекст употребления имен российских монархов прошлых эпох, чей авторитет иногда использовался для аргументации законодательных актов; толкование распоряжений, содержание которых продуктивно сравнить с документами, лишь императивно диктующими высочайшую волю; лексика указов, в том числе начальные строки, использующаяся в подписи титулатура монарха, особенности обращения к подданным, и в частности официальные наименования высшего сословия, – обработка подобной информации позволит адекватно воспроизвести реальные каналы функционирования государственной доктрины[38].

Таким образом, законодательство не только является важнейшим источником по социально-экономической и политической истории, но может расцениваться и как документ, воссоздающий содержание государственной идеологии, особенности самосознания и саморепрезентации власти, а также образ подданных в восприятии престола. Именно в законодательстве отчетливо выражена позиция правительства и идеальное представление монархии о развитии общества.

Однако только законодательными источниками при исследовании механизмов воздействия власти на сознание дворянства ограничиться нельзя. На протяжении XVIII в. тональность исходящих от престола распоряжений несколько изменяется. Петр свои указы, в том числе даже "Морской устав", иногда сопровождал развернутыми толкованиями. Повеления Екатерины II лишены характерных для законодательства первой четверти XVIII в. объяснений. Те достаточно немногочисленные указы, которые императрица "объявляла во всенародное известие", приказывала прибить печатными в публичных местах, читать в церквях, копировать и хранить всеми органами административного управления, "чтоб никто неведением не отговаривался", были исклю-

---

[38] Иными словами, законодательный акт должен быть прочитан как сложный нарративный текст с применением специальных подходов, включающих контент-анализ, методы "интеллектуальной" и "понятийной" истории, приемы, использующиеся в антропологии, социальной психологии и литературоведении.

чительно императивны и касались, как правило, "строгого наблюдения исправности платежа подушного сбора"[39]. Диалог же с высшим сословием во второй половине XVIII столетия становился все более интенсивным и переносился на страницы официальной публицистики, предисловий к важнейшим законодательным актам, распоряжений о наградах, личных писем Екатерины II, книги "О должностях человека и гражданина", составленной при непосредственном участии императрицы и предназначенной для чтения в народных училищах.

Если Петр пытался объяснить смысл некоторых важных законов, то Екатерина II придавала большое внимание подготовке умов к узаконениям, причем умов просвещенной части общества, т.е. дворянства и прежде всего его элиты. "Ты сам знаешь, – признавалась императрица своему статс-секретарю В.С. Попову, – с какой осмотрительностью, с какой осторожностью поступаю я в издании моих узаконений. Я разбираю обстоятельства, советуюсь, уведываю мысли просвещенной части народа и по тому заключаю, какое действие указ мой произвесть должен. И когда уже наперед я уверена о общем одобрении, тогда выпускаю я мое повеление и имею удовольствие то, что ты называешь слепым повиновением. И вот основание власти неограниченной"[40]. В "Наказе" Екатерина также писала, что "законоположение должно применять к народному умствованию. Мы ничего лучше не делаем, как то, что делаем вольно, непринужденно и следуя природной нашей склонности"[41].

Результативность официальной доктрины отразилась прежде всего на политическом мышлении элиты дворянства, являвшейся главным носителем имперской идеи. Между самосознанием власти, так или иначе интерпретирующей свою политику, и отношением к ней подданного неизбежно возникал зазор, глубину которого можно оценить при анализе следующих явлений общественного сознания: восприятие представителями высшего сословия образа императора; смысл, который вкладывал дворянин в понятие "служба монарху и отечеству"; официальная трактовка идей Просвещения и взгляд на них в образованной среде; соотношение национальных, конфессиональных и имперских символов в системе ценностных ориентаций дворянина; идеи,

---

[39] ПСЗ. Т. XVI. № 11616. С. 22. 18 июля 1762; № 11678. С. 75–76. 8 октября 1762.

[40] Цит. по: *Шильдер Н.К.* Император Александр Первый. СПб., 1904. Т. 1. С. 279–280.

[41] Наказ… С. 12.

обеспечивающие психологическую сплоченность господствующего класса.

Априорно можно утверждать, что для воссоздания мировосприятия дворянина и степени его зависимости от официальной идеологии наиболее эффективно использование эпистолярных источников. Письма содержат информацию о таких явлениях человеческой психологии, которые менее отчетливо и полно отражены в других источниках личного происхождения. Мемуары, например, в значительной степени подвержены влиянию социальных ценностей и ориентаций периода их создания, а также деформированы особенностями человеческой памяти и авторским знанием конечного исхода событий. Письмам же присуща быстрота реакции, спонтанность формулировки важнейших для автора жизненных проблем, учет восприятий адресата и непосредственная ориентация на его личность. Об особенностях и преимуществах частной переписки, позволяющих использовать ее для изучения сознания личности, очень ярко и образно сказал А.И. Герцен: "Письма больше, чем воспоминания, в них запеклась кровь событий, это само прошедшее, как оно было, задержанное и нетленное. Как сухие листы, перезимовавшие под снегом, письма напоминают другое лето, его зной, его теплые ночи и то, что оно ушло навеки веков, по ним догадываешься о ветвистом дубе, с которого их сорвал ветер. Случайное содержание писем, их легкая непринужденность, их будничные забавы сближают нас с писавшим"[42].

Итак, к важнейшим особенностям эпистолярных источников, позволяющим считать их истинно "человеческим документом", можно отнести следующие видовые признаки:

1. Непосредственно выраженное индивидуальное начало – чувства и эмоции, философские взгляды и политические убеждения всегда присутствуют в переписке, которая является реальным фактом общения людей и открытого поведения человека.

2. Письма – синхронный источник, отражающий взгляды автора на события без последующих наслоений, его сиюминутные впечатления, обостряющие восприятие действительности.

3. При всем разнообразии конкретных целей в переписке присутствует нечто общее, что позволяет говорить о единстве основной функции эпистолярных источников – выражать

---

[42] *Герцен А.И.* Былое и думы // *Герцен А.И.* Собр. соч.: В 9 т. М., 1957. Т. 6. С. 510–511.

мнение пишущего, его позицию, отношение к происходящим событиям, т.е. быть источником информации об авторе для адресата.

Чрезвычайно богатое эпистолярное наследие российского дворянства XVIII в.[43] условно можно разделить на официальную, традиционную (в наибольшей степени воспроизводящую трафареты письмовников[44]), интимную и интеллектуальную переписку. Данные подвиды эпистолярного материала имели свою лексику, целевое назначение и характеризовались той или иной степенью соответствия нормативному этикету, разнообразием сюжетных линий или, наоборот, скудостью тематики, а главное – диапазоном проявления индивидуальности автора. Подобная типологическая неоднородность эпистолярных источников объясняется таким этапом их развития, когда устоявшиеся формы, строго следующие эпистолярному канону, еще не исчезли из переписки, а письма, вышедшие за узкие рамки примитивной традиции, уже стали массовым явлением в среде дворянской интеллектуальной элиты. Этот процесс превращения переписки в средство духовного общения и самораскрытия личности представляется главным смыслом ее эволюции.

К работе привлечено в целом более трех тысяч писем 150 авторов. Назначение и условия создания этих посланий отразили сложную реальность жизни господствующего сословия. Письма российского дворянства – это официальные донесения, рекомендации и глубоко искренняя, эмоциональная, содержательная переписка; письма, имеющие сугубо утилитарные цели, состоящие из шаблонных фраз и комплиментов, и живые, непринужденные, порывистые, полные пронзительных наблюдений, настойчивого самоанализа послания; письма людей, имеющих лишь служебные отношения, и друзей. К работе были привлечены прошения, реляции, сугубо личностная переписка; корреспонденция из военного лагеря, с дипломатической службы, из отдаленного имения; семейная бытовая переписка, письма–литературные рецензии, “философические” послания масонов и т.д. Основу источниковой базы исследования составили 45 комплексов переписки, автора-

---

[43] См., например: *Минцлов С.Р.* Обзор записок, дневников, воспоминаний, писем и путешествий, относящихся к истории России и напечатанных на русском языке. Новгород, 1915. Вып. 1–5; *Он же*. Обзор записок, дневников, воспоминаний, писем и путешествий, относящихся к истории России и напечатанных на русском языке. Вып. 6 // Русская старина. 1915. Кн. II.

[44] См., например: Всеобщий секретарь, или Новый и полный письмовник, содержащий в себе письма известительные, совет подающие, обличительные... М., 1796. Ч. 1–2.

ми которых были следующие представители элиты российского дворянства: С.Ф. Апраксин, Н.Н. Бантыш-Каменский, А.А Безбородко, И.И. Бецкой, А.И. Бибиков, Я.И. Булгаков, А.Р. Воронцов, М.И. Воронцов, С.Р. Воронцов, С.И. Гамалея, Е.Р. Дашкова, П.А. Демидов, Г.Р. Державин, И.И. Дмитриев, П.В. Завадовский, В.В. Капнист, Н.М. Карамзин, Я.Б. Княжнин, Алексей Б. Куракин, А.М. Кутузов, Н.А. Львов, М.Н. Муравьев, Н.И. Новиков, А.Г. Орлов, Г.Г. Орлов, И.Г. Орлов, Н.И. Панин, П.И. Панин, Г.А. Полетико, К.Г. Разумовский, Н.В. Репнин, Ф.В. Ростопчин, П.А. Румянцев, И.В. Страхов, А.В. Суворов, А.П. Сумароков, Д.П. Трошинский, Н.Н. Трубецкой, Т.И. Тутолмин, Д.И. Фонвизин, З.Г. Чернышев, Н.П. Шереметев, А.С. Шишков, И.И. Шувалов, М.М. Щербатов.

Во всем разнообразии их жизненных путей, судеб, карьер[45] можно выделить социально-биографические типажи, пред-

---

[45] См.: *Новиков Н.[И.]* Опыт исторического словаря о российских писателях. СПб., 1772; перепечатан: Материалы для истории русской литературы. СПб., 1867; *Болховитинов Е.* Словарь русских светских писателей, соотечественников и чужестранцев, писавших в России. М., 1845. Т. 1–2; *Бантыш-Каменский Д.Н.* Словарь достопамятных людей русской земли, содержащий в себе жизнь и деяния знаменитых полководцев, министров и мужей государственных, великих иерархов православной церкви, отличных литераторов и ученых, известных по участию в событиях отечественной истории. М., 1836. Ч. 1–5; *Он же.* Биография российских генералиссимусов и генерал-фельдмаршалов. СПб., 1840–1841. Ч. 1–4; *Долгоруков П.В.* Российская родословная книга. СПб., 1854–1857. Ч. 1–4; *Старчевский А.В.* Справочный энциклопедический словарь. СПб., 1854; *Венгеров С.А.* Критико-биографический словарь русских писателей и ученых (от начала русской образованности до наших дней). СПб., 1889–1904. Т. 1–6; *Геннади Г.Н.* Справочный словарь о русских писателях и ученых, умерших в XVIII и XIX столетиях, и список русских книг с 1726 по 1825 год. Берлин; М., 1876–1908. Т. 1–3; *Брокгауз Ф.А., Ефрон И.А.* Энциклопедический словарь. СПб., 1890–1907. Т. 1–86; Русский биографический словарь. М.; СПб.; Пг., 1896–1918. Т. 1–25; Азбучный указатель имен русских деятелей для "Русского биографического словаря". СПб., 1887–1888 (Сб. РИО; Т. 60, 62); *Игнатов И.Н.* Галерея русских писателей. М., 1901; *Шумигорский Е.* Русский биографический словарь. СПб., 1902; *Жезьер А.В.* Русская словесность с XI по XIX столетия включительно. Библиографический указатель произведений русской словесности в связи с историей литературы и критикой. Книги и журнальные статьи. СПб., 1902. Ч. II: Русская словесность XVIII и XIX столетий; Словарь русских портретов с XVII по XX вв. Проспект издания. СПб., 1905; *Семенников В.П.* Материалы для истории русской литературы и для словаря писателей эпохи Екатерины II. На основании документов архива конференции Императорской Академии наук. Пг., 1915; История русской литературы XVIII века: Библиограф. указ. Л., 1968; *Кауфман И.М.* Русские биографические и библиографические словари. М., 1955; *Лихачев Д.С.* Русские писатели: Библиографич. словарь. М., 1971; Словарь русских писателей XVIII века. Л., 1988. Вып. 1; *Зайончковский П.А.* Справочники по истории дореволюционной России. Библиография. М., 1971; и др.

ставляющие несколько групп в среде российского дворянства XVIII в.:

– окружающая трон придворная элита;

– сановная бюрократия, по своим служебным и родственным связям близкая к вершинам государственной власти, двору, монарху;

– должностное дворянство, совмещающее государственную службу с интеллектуальной деятельностью на профессиональном для данного периода уровне;

– поместное родовое дворянство, не связанное лично с аппаратом государственной власти;

– формирующаяся дворянская интеллигенция[46], стоящая вне чиновничье-бюрократической иерархии.

Для идентификации слоя сановной, бюрократической, родовой, экономической и интеллектуальной элиты, к которой принадлежали авторы писем, на мой взгляд, следует отказаться от таких понятий, как "знать" и "аристократия". Излишне осложнять научно-терминологический аппарат работы понятиями, которые присутствовали в языке изучаемой эпохи и имели свое, далеко не тождественное современному, значение. Кроме того, и сами представители российского дворянства к "аристократии" и "знати" относили иногда разные социальные силы. В словаре В.И. Даля дается многозначное толкование термина "аристократия". Его содержание вобрало в себя более раннюю традицию XVII в., подразумевающую под этой привилегированной социальной группой "вельмож, высших бояр окольничьих, высшее сословие по праву рождения, родовую знать". По всей видимости, в XVIII в. понятие "аристократия" уже включало "все дворянство вообще" или как минимум "дворянство титулованное (князья, графы) и знатнейшие столбовые роды". Тогда же выделилась "аристократия богатства" и "аристократия учености". Оказалось, что "во всяком сословии и звании могут быть своего рода *аристократы*, считающие себя от природы и без заслуг выше других"[47]. Аристократы древних фамилий, утратившие свои позиции и влияние, явно с презрением относились к новой аристократии

---

[46] В рамках данной работы акцент сделан на социальном смысле этого понятия, используемого для определения группы людей, профессионально занятых литературной деятельностью или умственным высококвалифицированным трудом. Иное, этическое значение термина "интеллигенция", т.е. создательница и хранительница духовных ценностей общества, правомерно по отношению к этим кругам в среде дворянства лишь частично.

[47] *Даль В.[И.]* Толковый словарь живого великорусского языка. СПб.; М., 1913. Т. 1. С. 57.

“в случае”. Один из героев Пушкина утверждал, что “аристократия чиновная не заменит аристократии родовой”[48], а сам поэт в “Моей родословной” писал:

Не торговал мой дед блинами,
Не ваксил царских сапогов,
Не пел с придворными дьячками,
В князья не прыгал из хохлов,
И не был беглым он солдатом
Австрийских пудреных дружин;
Так мне ли быть аристократом?
Я, слава Богу, мещанин[49]

К противоречиям потомков боярской знати и “ничтожных внуков пирожников”[50] в последнюю треть XVIII в. добавилось осознание значимости собственной личности “аристократами образованности и духа”.

Толковые словари современного русского языка в качестве двух главных показателей аристократизма выделяют родовитость, а также привилегированность[51], что не соответствует основным принципам, определяющим социальный состав господствующей верхушки XVIII в. Ведущим критерием сущностной внутрисословной дифференциации дворянства была позиция, занимаемая группой в системе власти абсолютной монархии. Политический вес того или иного слоя в среде господствующего класса зависел от степени причастности к императорскому окружению и бюрократического статуса. В самодержавной России неограниченная власть монарха являлась единственным законом, а близость к трону и благоволение государя определяло состав политически господствующей верхушки, возвышение и падение дворянских группировок. Поддерживаемое абсолютизмом исключительное значение государственной службы делало положение на лестнице бюрократической иерархии важнейшим показателем социальной стратификации дворянства. Статус не только фиксировал положение представителя господствующего сословия, соответствующее строгому соподчинению должностей по Табели о рангах, но и являлся общепринятым путем завоевания признания, важнейшим средством самореализации личности,

---

[48] *Пушкин А.С.* Роман в письмах // *Пушкин А.С.* Полное собрание сочинений: В 10 т. М.; Л., 1949. Т. VI. С. 72.

[49] *Пушкин А.С.* Моя родословная // Там же. Т. III. С. 208.

[50] *Пушкин А.С.* Гости съезжались на дачу... // Там же. Т. VI. С. 568.

[51] См., например: *Ожегов С.И., Шведова Н.Ю.* Толковый словарь русского языка. М., 1993. С. 26.

главным аргументом нравственной оценки человека в свете. Кроме того, термин "аристократия" растворяет в дворянской массе интеллектуальную и образованную часть сословия, лишенную богатых поместий, боярской родословной и не имеющую доступа к вершинам власти.

Для характеристики социальной группы, к которой принадлежат авторы писем, пришлось отказаться и от термина "знать", имеющего несколько устаревший смысловой оттенок в современном русском языке. В словаре С.И. Ожегова и Н.Ю. Шведовой "знать" – это опять-таки "аристократия, высший слой привилегированного класса"[52].

В силу указанных обстоятельств наиболее целесообразно остановиться на термине "элита", который отсутствовал в лексиконе предпушкинской прозы, а также не упоминался в словаре В.И. Даля. Таким образом, содержание этого понятия не обременено взглядами и внутригрупповыми противоречиями российского дворянства XVIII в. В современном русском языке под "элитой" понимаются лучшие или наиболее видные представители какой-либо части общества, т.е. речь идет о множественности и сосуществовании конкурирующих первичных и вторичных элит. В сознании последних, кстати сказать, и происходило развитие оппозиционных настроений, взглядов, ориентиров[53].

Анализ биографий авторов привлеченных к работе писем обнаружил сложную структуру верхушки господствующего сословия, наличие нескольких пересекающихся по своему составу элит, среди них – элита власти, т.е. близкие ко двору чиновники; экономическая элита, к которой относились богатые латифундисты; просвещенная элита, первые поколения русской дворянской интеллигенции; и, наконец, элита прошлого, затухающие фамилии с гордой родовой памятью о прежнем могуществе. Отразившаяся в социальном составе авторов текстов неоднородность верхушки российского дворянства, включавшей в себя политиче-

---

[52] Там же. С. 237.

[53] Словарь иностранных слов. М., 1989. С. 596; *Ожегов С.И., Шведова Н.Ю.* Толковый словарь русского языка… С. 944. См. также: *Woodland D.A.* Elite // A Dictionary of Sociology. L., 1968. P. 64–66; *Ашин Г.К.* Элиты теории // Современная западная социология: Словарь. М., 1990. С. 416–417; *Eisenstadt S.N.* European Civilisation in a Comparative Perspective. A Study in the Relations between Culture and Social Structure. Oslo, 1987. P. 9–12, 35–37; Max Weber on Charisma and Institution Building. Chicago, 1968; *Tambiah J.S.* The Sources of Charismatic Leadership: Max Weber Revisited // Comparative Social Dynamics. Boulder (Col.), 1985. P. 73–81; *Карабущенко П.Л., Карабущенко Н.Б.* Психологические теории элит. М., 2006.

скую, экономическую, культурную и традиционно-династическую элиты, была непосредственно связана с такими процессами, протекавшими в среде господствующего сословия, как падение общественно-политического веса родовой знати и обособление бюрократической касты, развитие культуры и самосознания господствующего сословия, возникновение особого слоя дворянской интеллигенции, разрушение традиционного стереотипа отношений служилого сословия и верховной власти, формирование социальных предпосылок идейной поляризации дворянства. Одновременная принадлежность к каждой элитарной группе лишь в исключительных случаях могла совпасть в судьбе одного человека. Множественность элит в среде дворянства обусловила борьбу между ними за приоритетные позиции.

Богатая жизненная практика, мобилизовывавшая ответственность верхушки дворянского сословия, неотвратимо требовала от его представителей способности к самостоятельному деятельному мышлению. Жизненную мобильность и динамику этого слоя поддерживало разнообразие социальных контактов. Определенный уровень культуры и цивилизованности, путешествия по России и Европе, обучение за границей раздвигали горизонты понимания. По активности мысли и интенсивности жизни элитарные круги составляли наиболее деятельную и думающую часть господствующего сословия. Неслучайно представители этого исторически активного слоя оставили обширное эпистолярное наследие, напряженную, богатую по содержанию переписку, которая представляла информативную, духовную, культурную, наконец, мировоззренческую ценность для потомков и отчасти потому сохранилась до наших дней.

Таким образом, проблема взаимоотношений власти и личности дворянина может быть понята через сопоставление, с одной стороны, документов, отражающих реально функционировавшую государственную идеологию, т.е. законодательство, а с другой – писем, т.е. текстов, вобравших в себя повседневную событийность жизни элиты высшего сословия, единственного средства коммуникации людей прошлого. Однако для того, чтобы выстроить содержательный диалог между этими источниками, необходимы специальные приемы анализа и, в частности, методики понятийной истории, что особенно актуально для русского XVIII века, который условно может быть назван столетием семиотики.

Безусловно, любое время является переходным, и в языке любой эпохи возникают новые понятия, уходят традиционные, а общеупотребительные наполняются новым смыслом. Однако

именно в России XVIII в. терминология и символика стали важнейшим орудием социального контроля со стороны власти и реальным подтверждением достигаемых, как правило, с помощью оружия, внешнеполитических успехов. На протяжении столетия по высочайшему повелению был изменен титул монарха и название страны, варьировались официальные наименования подданных, этикетные формы обращения к императору и чиновникам, определения различных социальных групп и сословий, один за другим издавались указы о "знаковых" преобразованиях алфавита, летосчисления, стиля одежды, планировки городов и т.д.[54] Исходящие от престола "терминологические реформы" сочетались с продуманным воздействием на воображение подданных через символику и разнообразные формы репрезентации величия самодержавного правления. Монархия относилась к слову и символу как к инструменту своей политики, что подтверждает еще раз в новом ракурсе и на новом материале особую роль государства в России, традиционный механизм реформирования "сверху", непререкаемое право престола на преобразования.

Отличительной чертой русского XVIII в. было не только использование терминологии в качестве действенного орудия государственной политики, но и чрезвычайная "лексическая активность" образованной части общества и прежде всего интеллектуальной элиты дворянства. Потребность уловить ускользающий смысл некоторых терминов стала приметой времени в этой среде, наиболее чуткой к движению слова, игре и переливам его значений. В XVIII в. спонтанно появляются различные словники, "мысли, замечания, отрывки", "толковые словари"[55], порой предназначенные не столько для печати, сколько для собственного авторского более глубокого проникновения в содержание тех или иных понятий. Так в 1783 г. в журнале "Собеседник любителей российского слова" был анонимно опубликован "Опыт российского словника" Д.И. Фонвизина. Автор сетует на отсутствие

---

[54] См., например: Записка руки Его Величества о дороге, о бородах и платье и о прочем. 1722 // РГАДА. Ф. 9. Кабинет Петра I. Отд. 1. Оп. 2. Ч. 1. Кн. 32. Л. 521.

[55] См., например: *Княжнин Я.Б.* Отрывок толкового словаря // Сочинения Княжнина (Якова Борисовича). СПб., 1848. Т. II; *Муравьев М.Н.* Мысли, замечания, отрывки, выбранные из записок автора // Сочинения Муравьева. СПб., 1847. Т. II. Неслучайно именно М.Н. Муравьев стал автором проекта устава Академии российской словесности. В Отделе рукописей РГБ хранится тщательно проработанный автограф этого документа (ОР РГБ. Ф. 32. Карт. 16. Ед. хр. 59).

точного смысла, "разума", у некоторых "названий", особенно "изображающих качества души": "…Надобно из содержания всей речи распознавать, в каком значении употреблено таковое понятие", "всякий произносит оные, как сам понимает", "без разбору". "Сие неудобство" заставило Фонвизина дать свое толкование ряду понятий, четкое "знаменование" которых было особенно важно с его точки зрения[56].

Терминологическая многозначность русского языка XVIII в. оказалась не чисто лингвистической проблемой, захватившей исключительно словесников. В таком бытовом "человеческом документе", как переписка, также было зафиксировано стремление уяснить точный смысл слова или же найти верное определение для передачи адресату усложняющейся духовной и интеллектуальной жизни личности. "Мне кажется, что различие вашего и моего мнения происходит от несходных понятий, сопрягаемых нами", – признавался известный масон, розенкрейцер, А.М. Кутузов жене своего друга А.И. Плещеевой в 1790 г. и пытался дать свое "разумение", забыв, что "вместо письма начал писать диссертацию"[57].

Термин и его трактовка в XVIII в. становятся важнейшим аргументом в политическом споре, средством убеждения и одновременно осмысления действительности. Показательно, что необходимость реформы Сената и учреждения Императорского совета канцлер Н.И. Панин пытался донести до Екатерины II через рассуждения о содержании таких понятий, как "просвещенный монарх", "самодержавие", "самовластие", "кроткий государь" и т.п.[58]

В сознании различных групп населения некоторые политические и мировоззренческие термины противопоставлялись официальной трактовке, наделялись неожиданными эпитетами и, следовательно, приобретали новое нетрадиционное содержание. Назревающие духовные и идейные конфликты в России XVIII в. также часто становились проблемой "понятийной" и отражались прежде всего в развитии языка эпохи. Терминологический анализ источников не только обнаружил зарождение фрондерства в среде дворянства, но и позволил определить всю глубину поляризации общества в XVIII в., стремительное отдаление европеизи-

---

[56] *Фонвизин Д.*И. Драматургия, поэзия, проза. М., 1989. С. 201, 204.

[57] А.М. Кутузов – А.И. Плещеевой. 17/28 декабря 1790 г. Берлин (*Барсков Я.Л.* Переписка московских масонов XVIII века. 1780–1792 гг. Пг., 1915. С. 56–57).

[58] *Панин Н.И.* Проект о реформе Сената и создании Императорского Совета при монархе // Сб. РИО. СПб., 1871. Т. 7. С. 202–209.

рованной верхушки от многочисленных приверженцев традиционной культуры.

И наконец, ни в одно столетие русский язык не отличался такой семантической неустойчивостью и не испытывал такого сильного давления со стороны других языковых культур, как в XVIII в. Тексты этого периода свидетельствуют, что одновременно сосуществовали: церковнославянская традиция; бюрократические канцелярские штампы; стилистика официозной доктрины и светский европеизированный слог, носители которого с трудом успевали адаптировать немецкую военно-бюрократическую лексику и изысканные галлицизмы.

Итак, особая роль слова, знака и символа в России XVIII в. делает наиболее актуальным использование методик понятийной истории (*Begriffsgeschichte* или *History of Concepts*), эффективность которых признана многими специалистами[59], для исследования столь сложной проблемы, как взаимоотношения самодержавия и личности дворянина.

Фундаментальным трудом в области понятийной истории может считаться многотомный лексикон социальных и политических терминов немецкого языка[60]. В жанровом плане эта работа является словарем, где смысл каждого понятия и эволюция его содержания от Античности до Нового времени подвергаются практически монографическому исследованию. Тесно связывая развитие языка с экономическим, политическим и духовным развитием общества, авторы статей словаря целенаправленно выявляют изменения смысла некоторых ключевых социальных терминов той или иной эпохи, таких, например, как "просвещение", "демократия", "диктатура", "бюргер" и др. Особенно продуктивным представляется подход, идентифицирую-

---

[59] Ведущими представителями этого направления в развитии исторической науки считаются Р. Козеллек, К. Скиннер, Дж. Покок: *Koselleck R.* Historische Semantik und Begriffsgeschichte. Stuttgart, 1979; *Idem.* Futures Past: on the Semantics of Historical Time. Cambridge, 1985; *Idem.* Linguistic Change and the History of Events // Journal of Modern History. 1989. Vol. 61; *Idem.* Vergangene Zukunft: zur Semantik geschichtlicher Zeiten. Frankfurt a. M., 2000; *Skinner Q.* The Foundations of Modern Political Thought. Cambridge, 1978. Vol. 1–2; *Idem.* Hermeneutics and the Role of History // New Literary History. 1975. N 7; *Pocock J.G.* Politics, Language, and Time: Essays on Political Thought and History. L., 1972. Подробное историографическое исследование так называемого "лингвистического поворота" предпринял в своей обобщающей монографии Н.Е. Копосов: *Копосов Н.Е.* Как думают историки. М., 2001. С. 284–294.

[60] Geschichtliche Grundbegriffe. Historisches Lexikon zur Politisch-Socialer Sprache in Deutschland. Stuttgart, 1972–.

щий лексические сдвиги, происходящие в результате социальных потрясений, революций, восстаний, религиозных войн и т.п. Фундаментальная источниковая база исследования, включающая произведения художественной литературы, философской мысли, публицистику, законодательство, прессу и т.д., позволила авторам идентифицировать главных носителей определенных понятий. Несмотря на то что в лексиконе проанализированы важнейшие политические термины лишь немецкоязычной Европы, это издание стало важным научным событием, давшим и содержательный материал, и новый импульс для исследований во всех областях понятийной истории. Вслед за "Geschichtliche Grundbegriffe" в середине 1980-х годов был опубликован лексикон, посвященный *Begriffsgeschichte* Франции Нового времени и содержащий анализ понятий "монарх", "нация", "народ" и т.д.[61]

При всей методологической универсальности и большой информативной востребованности работ англоязычных и, конечно же, немецких специалистов дальнейшее изучение истории России явно требует непосредственного обращения к *Begriffsgeschichte* на материале русских источников. Безусловно, отдельные исследователи обращались к понятийной истории[62], однако до сих пор эта проблема не была поставлена как историографическая. О необходимости разработки приемов комплексного терминологического анализа русских текстов Нового времени говорилось и на прошедшей в немецком городе Бамберге конференции, посвященной собственно *Russische Begriffsgeschichte*[63].

---

[61] Handbuch politisch-sozialer Grundbegriffe in Frankreich 1680–1820. München, 1985.

[62] См., например: *Успенский Б.А.* Роль дуальных моделей в динамике русской культуры (до конца XVIII века) // *Успенский Б.А.* Избранные труды. Семиотика истории. Семиотика культуры. М., 1994. Т. 1; *Schierle I.* Der Bürgerbegriff im Zeitalter Katharinas II. Zur politisch-socialen Begriffssprache des Aufgeklärten Absolutismus in Ruβland // Das achtzehnte Jahrhundert. 1995. H. 1(19); *Madariaga I.* Autocracy and Sovereignty // Politics and Culture in Eighteenth-Century Russia. Collected Essays by Isabel de Madariaga. L., 1998; *Агеева О.Г.* Имперский статус России: к истории политического менталитета русского общества начала XVIII века // Мировосприятие и самосознание русского общества. Царь и царство в русском общественном сознании. М., 1999. Вып. 2; *Марасинова Е.Н.* Понятие "честь" в сознании российского дворянина (последняя треть XVIII в.) // Россия в средние века и новое время: Сб. ст. к 70-летию чл.-корр. РАН Л.В. Милова. М., 1999; и др.

[63] "Russische Begriffsgeschichte der Neuzeit" (Bamberg, 19–22.09.2001) // Zeitschrift für Slawistik. 2002. Bd. 47. S. 104–105.

В 2003 г. группа специалистов по русской истории и литературе XVIII–XIX вв., включая автора этих строк, провела в рамках XI Международного конгресса по Просвещению специальную секцию, посвященную проблемам понятийной истории. Итогом подготовки секции и возникшей в результате обсуждения докладов дискуссии стал специальный выпуск журнала "Canadian-American Slavic Studies" "Русский XVIII век. Текст и реальность"[64]. Авторы сборника попытались выработать некоторые общие принципы использования методов понятийной истории применительно к источникам по русской истории XVIII в. Эти приемы несколько отличаются от немецкой классической *Begriffsgeschichte*, однако, на мой взгляд, могут быть достаточно эффективны при исследовании социальной психологии, менталитета, архетипов общественного сознания, повседневности.

Данный подход предполагает лексический анализ и методы комплексного структурного источниковедения, направленные на выявление скрытой информации. При этом задача специалиста не ограничивается воспроизведением смыслового содержания тех или иных терминов и составлением так называемого "понятийного словаря русского XVIII века". *Begriffsgeschichte* в подобном ракурсе выступает не как главная цель исследования, а как инструмент изучения источника, облегчающий путь от понимания текста к пониманию внетекстовой действительности. На этом пути исследователь так или иначе вступает в зону особого напряжения, которое неизменно возникает между документом и реальной жизнью и несет информативный заряд большой силы.

Эволюция языка может быть уподоблена барометру, способному уловить самое начало глубинных социальных сдвигов; именно тогда у исследователя создается впечатление, что понятие возникает раньше того или иного явления. С другой сторо-

---

[64] Canadian-American Slavic Studies. 2004. Vol. 38: Русский XVIII век. Текст и реальность. Содержание выпуска: *Марасинова Е Н*. Русский XVIII век. Текст и реальность (вместо предисловия); *Гордон А.В*. Универсально-типологическое и национально-архетипическое в формировании российского образа власти в эпоху Просвещения; *Nolte H.-H*. Newly enlightened – a Case of Intellectual Engineering; *Мезин С.А*. Образ идеального монарха в массовом историческом сознании XVIII века (на материале "анекдотов" о Петре Великом); *Марасинова Е.Н*. "Раб", "подданный", "сын Отечества" (К проблеме взаимоотношений личности и власти в России XVIII века); *Lauer R*. Das goldene Zeitalter in der russischen Literatur (18. Jahrhundert und Anfang des 19. Jahrhunderts); *Смилянская Е.Б*. "Суеверия" и народная религиозность в России века Просвещения.

ны, в обществе часто происходят процессы, которые не имеют словесной идентификации и осмысливаются лишь спустя несколько поколений[65]. Язык эпохи постоянно изменяется под влиянием многих обстоятельств и в то же время сам является индикатором латентных сдвигов в обществе, фактором, влияющим на сознание современников, действенным орудием социального контроля со стороны политической власти. Следовательно, диахронический принцип при анализе лексики исторических документов позволит проследить этимологические корни тех или иных заимствований в русском языке XVIII в., сложный процесс их адаптации, трансформацию содержания и смену социальных функций. Таким образом может быть реализован и сравнительный подход, предполагающий как сопоставление смыслов, которые вкладывались в одно и то же понятие в различные эпохи, условно говоря, по хронологической вертикали, так и на основе материалов синхронных текстов. Например, представление о "невежестве" и "скуке" было неоднозначным в русском обществе рассматриваемого периода и, безусловно, отличалось от нашего современного представления. В русском языке XVIII в. понятия могли иметь несколько противоположных по смыслу определений, что свидетельствовало о существовании различных "социальных носителей" у одного и того же термина и, следовательно, о скрытой идеологической напряженности, которая порой перерастала в открытый социальный конфликт.

Целенаправленная работа с языком источников XVIII столетия позволила определить важнейшие каналы воздействия государственной идеи на сознание дворянина, которые могут рассматриваться на трех уровнях: имперском, сословном и личностном. Именно поэтому при прочтении исходящих от престола документов и материалов личной переписки будут проанализированы следующие термины:

---

[65] Так, в работах Х.-Х. Нольте и А.В. Гордона традиция веротерпимости в России связывается, в частности, с низкой плотностью населения, демографическим фактором, а также с национальным архетипом получения веры от светской власти еще со времен крещения Киева. Неоднократное провозглашение на протяжении XVIII в. свободы совести для христиан, приезжающих в Россию из Западной Европы, следовательно, происходило не столько под влиянием идей Просвещения, сколько в соответствии с историей русской толерантности, которая непостижимым образом соседствовала с монорелигиозным православным политическим самосознанием власти (*Гордон А.В.* Универсально-типологическое и национально-архетипическое... С. 11–32; *Nolte H.-H.* Newly enlightened... P. 33–60).

– *император, империя, государь, монарх, самодержец, Отечество* и т.п., т.е. понятия, с помощью которых происходила **самоиндентификация власти, репрезентация образа монарха в официальных источниках и его восприятие элитой высшего сословия**;
– *дворянство, благородное сословие, народ, общество, гражданин, служба Отечеству, служба императору, ревностная служба, чин* и т.п., т.е. **понятия, выражающие представления власти и личности об иерархии общества и месте дворянства в этой социальной пирамиде**;
– *холоп, раб, верноподданный, сын Отечества* и т.п., иначе говоря, **терминология, которая собственно определяла взаимоотношения личности дворянина и власти**.

Между тем сравнительный анализ указанных терминов предполагает специальные приемы прочтения текстов XVIII в., позволяющие унифицировать и сопоставлять содержащуюся в них информацию. В моих предыдущих публикациях[66] была детально изложена процедура обработки собрания эпистолярных материалов, состоящего из корреспонденции 45 авторов (см. с. 95). В эпистолярный комплекс каждой персоналии было включено строго по 40 писем, что в итоге составило источниковую базу из 1800 посланий. Здесь будет кратко изложена сущность проведенного контент-анализа переписки, результаты которого используются и в данном исследовании.

Весь массив источников, включающий, как было сказано, 1800 посланий, был представлен в унифицированном виде, т.е. в числовом выражении. За единицу контент-анализа принималось письмо, текст которого внутренне разделялся на определенные части – единицы контекста или смысловые единицы контент-анализа. Данный фрагмент письма, вне зависимости от содержащегося в нем объема информации, выражал одну мысль, идею автора и был объединен общим смыслом. Затем шла фиксация предварительно выделенных первичных понятий, объектов контент-анализа. Перечень объектов был составлен в строгом соответствии с эпистолярным материалом, при этом использовались

---

[66] *Марасинова Е.Н.* Психология элиты российского дворянства последней трети XVIII в. (По материалам переписки). М., 1999. С. 35–60; *Она же.* Сознание элиты российского дворянства последней трети XVIII века (По материалам переписки) // Study Group on Eighteenth-Century Russia. Newsletter. 2000. N 28. P. 50–86; *Она же.* Менталитет российского дворянства последней трети XVIII века (По материалам эпистолярных источников) // Canadian-American Slavic Studies. 2002. Vol. 36, N 3. Fall. P. 251–275.

преимущественно точные формулировки, процитированные из текста источника. Эти детализированные понятия первого уровня, количество которых исчислялось сотнями, объединялись в укрупненные индикаторы и категории контент-анализа в зависимости от их принадлежности к тем или иным сферам деятельности автора. Так выявлялись проблемные темы, относящиеся к инвариантным элементам всей использованной в работе переписки. Набор объектов мог расширяться и уточняться по мере включения в исследование нового эпистолярного материала. Перечень индикаторов и тем более категорий, как правило, оставался неизменным. К наиболее часто встречающимся категориям относились: А. монарх, император; Б. дворянство, дворянская среда; В. служба и служебная карьера автора; Г. нравственные поиски.

На следующем этапе кодировки содержания переписки учитывались оценочные суждения автора о том или ином объекте или просто упоминания о нем, которые рассматривались как результат предпочтения. Оценочным суждениям авторов писем давалась характеристика, имеющая числовое и буквенное выражение, а также указывающая на знак высказывания. С этой целью четко выделялся объект, на который направлена эмоция автора, затем определялось, к какому классу категорий и индикаторов контент-анализа относится данный объект, и фиксировался знак направленной на него эмоции: "–" – негативный, "+" – позитивный, "0" – нейтральный. Исходя из текста письма, выяснялись причины той или иной эмоциональной реакции и критерий отношения автора к данному объекту. На основании специально разработанной таблицы смысловых полей эмоциональных категорий находилось буквенное и цифровое обозначение того или иного эмоционального высказывания.

Спектр возможных чувств, реакций, эмоционально-оценочных отношений был составлен по различным словарям современного русского языка (в частности, использовались словарь русского языка, словари синонимов, эпитетов, антонимов, семиотический словарь и т.д.) и словарей русского языка XVIII и начала XIX в. Каждому исследуемому документу был дан индекс в соответствии с рабочей программой систематизации эпистолярного материала, включающий, в частности, такие параметры, как I. взаимоотношения автора и адресата; II. социальные функции переписки и др.

Результатом контент-анализа стали сводные таблицы, составленные для каждого автора и имеющие унифицированную струк-

туру[67]. В итоге формализации переписки 45 авторов были получены количественные данные, имеющие цифровое и буквенное выражение, сопоставимые внутри комплекса писем одного автора и в рамках всего массива документов, подвергнутых контент-анализу.

Содержание всех 1800 писем, а также значительная часть законодательных актов XVIII столетия, имеющих непосредственное отношение к дворянству, и ряд исходящих от престола идеологических документов, таких как “Правда воли монаршей”, “Манифест о даровании вольности и свободы российскому дворянству” 1762 г., “Грамота на права, вольности и преимущества благородного российского дворянства” (Жалованная грамота дворянству 1785 г.), “О должностях человека и гражданина. Книга к чтению определенная в народных городских училищах Российской империи” и др., были занесены в память компьютера.

---

[67] В качестве примера можно привести фрагмент переписки и его отражение в следующей рабочей таблице.
Отрывок письма, объединенный общим смыслом (смысловая единица контент-анализа): “Я не осмеливаюсь отметать ваших намерений в рассуждении письма к Зоричу. Но чистосердечно могу вас уверить, что мое спокойствие отнюдь не терпит через то, что я не офицер”.

Автор и адресат	№ письма и дата	Общее кол-во смысловых единиц	Категория	Индикатор	Объект	Эмоционально-оценочная реакция	Тип эпистолярного материала					
							I	II	III	IV	V	VI
М.Н. Муравьев отцу	№12 2.XI 1777	10	В3	5	письмо Зоричу	–4а	3	4	5а	7	3	2

В3 – пути и средства продвижения по службе;
5 – письмо фавориту;
–4а – неодобрение, возражение;
I – отношения автора и адресата;
3 – родственные дружеские;
II – социальные функции переписки;
4 – дневник событий повседневной жизни автора;
III – социально-статусное положение автора;
5а – военный в среднем чине;
IV – обстоятельства жизни автора во время переписки;
7 – военная служба в гвардии в мирное время в Петербурге;
V – регулярность переписки;
3 – переписка, определяемая глубинными отношениями между автором и адресатом и имеющая потенциальную возможность существовать на протяжении всей их жизни;
VI – условия ведения переписки;
2 – переписка застрахована, с точки зрения автора, от перлюстрации.

Данная коллекция электронных текстов[68] облегчила их интерпретацию, дала возможность применить текстовой редактор "Поиск по модели" и на основе полученных результатов воссоздать смысловые поля, в которых функционировала имперская доктрина и развивалось сознание личности XVIII столетия. Исследование конкретного смысла понятия сочеталось с анализом содержания его социального контекста, что также было произведено с помощью электронной публикации. Реконструкция семантических полей того или иного термина и выявление спектра его определений, синонимов и антонимов позволили охватить широкие лексические взаимосвязи, а также определить специфику употребления одних и тех же понятий в источниках официального и личного происхождения. Некоторые результаты обработки данных, содержащихся в текстах электронной публикации, были объединены в следующие рабочие таблицы:

понятие	название документа, год	антонимы	синонимы	определения	контекст

В данном исследовании был использован довольно обширный комплекс писем дворянства на французском и немецком языках, впервые переведенных автором на русский язык. Кроме того привлекались высочайшие указы российских монархов, переводы которых на латынь в начале XVIII в., на немецкий – в 1720–1740 гг. и на французский – с середины столетия направлялись из Петербурга многим европейским дворам. Эти по-своему уникальные документы российской дипломатии, обнаруженные в архивах Тюбингена, Геттингена, Штутгарта и Парижа[69],

---

[68] Коллекция электронных текстов была создана автором этих строк при поддержке Российского гуманитарного научного фонда: проект № 96-01-12056 "Электронная публикация источников по истории сознания российского дворянства XVIII – начала XIX в."

[69] См.: Aktenstücke zur Geschichte Ruβlands insbesondere der Throbesteigung Katharina's II // Handschriftenabteilung der Tübinger Universitätsbibliothek. Md 58e (например, заявление петербургского двора о смерти императора Петра III и перевод документа на немецкий язык: Bekanntgabe des Todes Peters III. St. Petersburg 7.7.1762 (Abschrift und Übersetzung des russ. Orginals) // Handschriftenabteilung der Tübinger Universitätsbibliothek. Md 58e. Bl. 76, 77); Nachlass von Baron Georg Thomas von Asch // Handschriftenabteilung der Göttinger Universitätsbibliothek. 2* Cod. Ms. Asch 236: 1r–14v; Herzog Friedrich Eugen von Württemberg (1732–1797) // Hauptstaatsarchiv Stuttgart. Sonde Bestände 236. Büschel 134. Urkunden; Attitude politique de la cour de Russie // AF III 79. Dossier N 324/I. Conseil exécutif provisoire et dépêches des agents français.

могут также обогатить сравнительно-лексическую характеристику политической терминологии русского языка рассматриваемого периода.

Разумеется, контент-анализ не позволяет охватить все богатство содержания изучаемых документов, поэтому нельзя ограничиваться лишь этим методом при воссоздании сложнейших идеологических и социально-психологических явлений – унификация источника должна сочетаться с традиционными приемами его исследования. Этот факт повлиял на способ изложения материала: в работе приводятся и количественные показатели, и фрагменты текстов, представленные в виде цитат, и отдельные словосочетания, воспроизводящие лексику XVIII столетия.

Итак, объект понятийной истории русского XVIII в. нельзя ограничить социальной терминологией языка – он также затрагивает эмоциональную сферу сознания личности и целенаправленно воздействующую на нее идеологию. Использование *Begriffsgeschichte* прежде всего в качестве приема работы с текстом документа, анализ всех уровней общественного сознания, отношение к смыслу термина как к источнику не только по интеллектуальной истории – все эти методологические подходы отразились и на жанре данной работы, представляющей серию очерков. На мой взгляд, возможность спонтанно следовать за материалом дает объемный, взятый под разными ракурсами взгляд на проблему отношений власти и личности, несет эвристический заряд пересекающихся смыслов, а порой преподносит парадоксальные результаты, которые никак нельзя было заранее спрогнозировать.

Очерк III

Власть

"Его Величество есть Самовластный Монарх"

Петровское царствование стало кульминационным этапом формирования государственной доктрины, которая с этого времени может считаться собственно имперской идеологией. Державная концепция усиливающейся России была неразрывно связана со всем ее предшествующим развитием, на протяжении которого всегда чрезвычайно остро стоял вопрос о суверенитете и самоопределении страны. Идеология петровского правления вобрала в себя важнейшие ценности русской исторической традиции, осмысленные и переосмысленные в категориях европейского политического сознания XVIII в. С изменением внутренних обстоятельств и внешнеполитической обстановки некоторые символы отмирали, некоторые наполнялись новым смыслом, становилось более гибким воздействие самодержавия на сознание подданных и усложнялось понимание имперской доктрины в обществе, особенно в наиболее политически активной и образованной его части. Но именно в петровское царствование сложились главные приоритеты государственного мышления, сохранившие актуальность на протяжении всего так называемого "петербургского периода" российской истории.

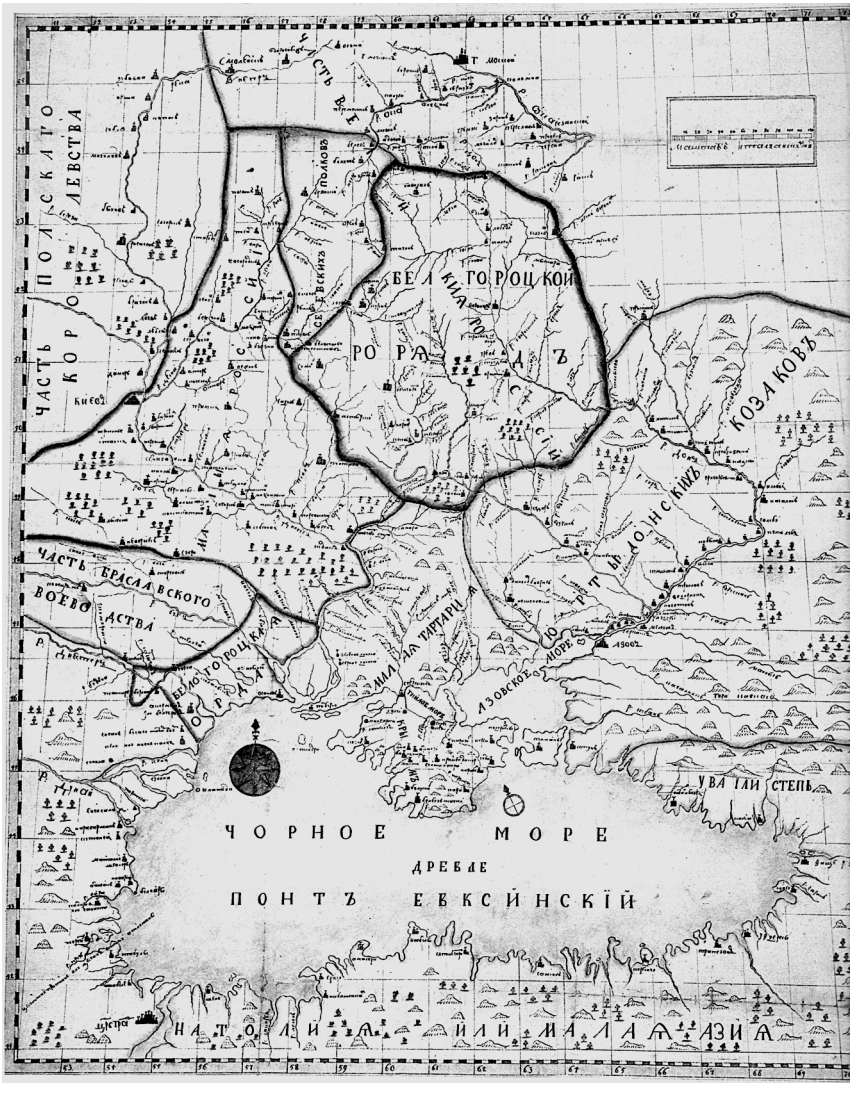
Возникшая в первой четверти XVIII в. державная доктрина не была прихотью или очередным взрывающим традиционные устои нововведением царя-реформатора. Государственная идея петровской России мало походила и на утопическую философскую концепцию, родившуюся в теософских дискуссиях автора "Правды воли монаршей" Феофана Прокоповича и местоблюстителя патриаршего престола рязанского митропо-

лита Стефана Яворского. Имперское сознание спонтанно формировалось как идеология поднимающейся нации, ценой чрезвычайного напряжения совершившей мощный рывок в своем развитии и готовящейся к последующим. Лишь прагматичная жизнеспособная идеология могла обеспечить укрепление российской государственности в жесточайших условиях внешнеполитической конкуренции и дефицита внутренних ресурсов.

Имперская доктрина была своеобразным манифестом страны, триумфальные победы и глубокие преобразования которой давали основание заявить о себе как о европейской державе. Внешнеполитические амбиции Петербурга были обращены к европейским дворам, искусной дипломатии XVIII в. и международному общественному мнению, влияние которого становилось все более ощутимым. России предстояло еще выстроить свой диалог с Европой, подкрепив его не только силой оружия, остававшегося, впрочем, главным аргументом.

Державная идея, способная мобилизовать силы нации и направить их на решение важнейших стратегических задач, нужна была Петру не меньше, чем флот и регулярные поступления в казну. Самодержавие не могло ограничиться лишь провозглашением своей доктрины. Приоритеты, сложившиеся под давлением обстоятельств затяжной и изматывающей войны и вобравшие в себя энергию ярких побед, должны были из броской фразеологии превратиться в ведущий мотив действий каждой личности. Механизм внедрения государственной идеи в сознание подданных при Петре еще только формировался и был сходен с методами создания регулярной армии и строительства новой столицы. Однако подчинение внутренних устремлений человека потребностям империи оказалось делом более длительным и сложным, чем возведение европейского города на болотах.

Итак, с петровского правления начинается развитие российской имперской доктрины, определяются ее основные приоритеты, адресаты и механизмы функционирования. Это была амбивалентная идеология, обращенная как к европейскому миру, так и к поликонфессиональному населению огромной державы. Внешнеполитическая манифестация и по содержанию, и по тональности отличалась от сформулированной для подданных доктрины самодержавия. Однако, несмотря на существование нескольких уровней государственной идеологии, можно условно выделить основные приоритеты, вокруг которых выстраивалось имперское сознание:



Карта юго-западной части России. Первая половина XVIII в.

– могущество и слава расширяющей свои границы России;
– определенный уровень образованности, цивилизованности, приобщенности к европейской культуре, который во времена Петра именовался “регулярностью”, а при Екатерине – “просвещенностью”;
– культ непререкаемой ценности службы монарху.

* * *

Форсированное развитие экономики и тяжелейшая затяжная война поглощали громадные человеческие и материальные ресурсы, неумолимо востребуя новые силы. После разгрома под Нарвой последовали годы формирования колоссальной по численности регулярной армии. Лишь за первые пятнадцать лет XVIII в. Петр поставил под ружье 330 тысяч даточных людей и рекрутов, в прошлом, как правило, наиболее крепких и энергичных крестьян. Выход к балтийским портам оказался невозможным без создания системы каналов и соединения с водными артериями Центральной России воздвигнутой в болотистом устье Невы новой столицы. Десятки тысяч насильно мобилизованных монархией крепостных в течение многих лет рыли каналы, мостили дороги, строили верфи, шлюзы, плотины. На те же самые "ревизские души" было возложено и увеличивающееся бремя пополнения государственной казны. Обширная страна со слабо развитыми коммуникациями, долгими суровыми зимами, неэффективным хозяйством и объективной невозможностью его интенсификации с трудом выдерживала внутреннее и внешнее давление. Прорыв России на Запад обеспечивался неизбежным в сложившейся ситуации резким ужесточением крепостничества и появлением промышленного труда "вечно отданных" заводам крестьян.

Трагедия России состояла в том, что режим крепостничества и самодержавия обеспечивал решение важнейших стратегических задач, стоящих перед страной, и более того – являлся единственным средством сохранения российской государственности. Крепостное право было своего рода "компенсационным механизмом выживания", объективно способствующим "поддержанию земледельческого производства там, где условия для него были неблагоприятны, но результаты земледелия всегда были общественно-необходимым продуктом". В начале XVIII в. отсутствовали какие-либо экономические предпосылки не только для отмены крепостничества, но даже для ослабления его гнета. Спустя полвека после реформ Петра, "М.М. Щербатов, вполне понимая, что большая часть тогдашней России лежит в зоне неблагоприятного климата, считал, что внезапная отмена крепостного права… приведет к массовому оттоку крестьян, ибо они оставят неплодородные земли и уйдут в земли плодородные. ⟨…⟩ Центр империи, место пребывания государей, вместилище торговли станут лишены людей, доставляющих пропитание, и сохранят в себе лишь ремесленников". Таким образом, усилия Петра, направ-

ленные на создание "пространственно-географических условий экономического развития страны", оказались бы тщетными "без принудительного труда сотен тысяч государственных и помещичьих крестьян, без особого государственного сектора экономики"[1].

Энергией нарастающего нервного напряжения тех лет заряжены и спешные, отрывистые, рассчитанные на немедленное исполнение приказы монарха, месяцами находящегося в военных походах и за границей. Порой создается впечатление, что издалека Россия представлялась ему собственной вотчиной, которая могла поставлять и поставлять средства для борьбы со Шведской короной.

Петр постоянно властно требовал от Сената для "будущей кампании" "провианту", "амуниции", "рекрут в дополнку", "ребят умных, здоровых и молодых". "А ежели не таких пришлете, то взыскано будет на вас"[2]. Он особенно не церемонился с сенаторами, обращаясь к ним, как к собственным дворовым: "Господа Сенат... ни единого главного дела не вершили, но все проманеваете время, забывая Бога и души свои, того ради сие последнее пишу к вам... и ежели инако в том поступите, то вам сие будет"[3].

---

[1] См.: *Милов Л.В.* Великорусский пахарь и особенности российского исторического процесса. М., 1998. С. 565, 561, 556, 433 и др. В проницательном замечании историка XVIII в. содержится ответ на недоуменный вопрос автора монографии "Российская империя в XVIII веке: традиции и модернизация" (М., 1999) А.Б. Каменского: "Петр… пытался копировать порядки европейских стран и, казалось бы, не мог не обратить внимания на то, что в тех странах, с которыми он желал сравнять Россию, крепостного права не было. И если это не пришло ему в голову во время первого заграничного путешествия, когда он был совсем юным, то почему не бросилось в глаза во время второго, когда он был уже зрелым политиком, хорошо знавшим, чего хочет?" (С. 116). Царь-реформатор не мог заменить веками складывающийся оптимальный для русских условий тип хозяйствования на западноевропейскую модель развития и позаимствовать иной социально-экономический уклад, как идею создания кунсткамеры или немецкий парик.

[2] См., например, указы: от 30 июня 1712 г. "о немедленной присылке рекрут в рижский гарнизон, о поставке будущею зимою провианта в Смоленск..."; от 17 июня 1713 г. "о присылке в С.-Петербург из подмосковных дворцовых сел... молодых крестьян для определения в матросы..."; от 11 августа 1719 г. "о военных действиях русских войск в Швеции; о приготовлении к будущей кампании рекрут..." (Сб. РИО. 1873. Т. 11. С. 234–235, 263–264, 391–392) и др.; указы: от 19 сентября 1718 г. "о начатии работы Ладожского канала и о собирании для оной работников со всего Государства"; от 20 ноября 1718 г. "о сборе в губерниях вновь рекрут..."; от 25 августа 1719 г. "о сборе со всего государства... рекрут 10 000 человек" (ПСЗ. Т. V. № 3228, 3243, 3419. С. 581, 595, 731) и др.

[3] Указ от 2 июля 1713 г. "о неотложном решении к первому ноября пяти или шести уголовных дел по доносам фискалов" (Сб. РИО. Т. 11. С. 264).

Ужесточению крепостнического режима сопутствовало нарастающее "внутреннее подавление сословий"[4]. Монархия неумолима была и в отношении дворянства, именуемого в указах "шляхетством" и призванного нести обязательную службу. Петр так же, как провиант и рекрутов, мог потребовать от Сената "нефти довольное число, а именно чтоб ведер десять… и малого, который бы умел гораздо по-голландски и по-русски и чтоб не очень глуп был"[5]. Дворяне, "которые на службу в сроки не явились", подвергались жестоким наказаниям: "…таких людей, кто их знает, на Москве имать и приводить в Канцелярию Правительствующего Сената, а в городах к Комендантам, и держать их в тюрьме…"[6]. И.А. Желябужский, еще при Алексее Михайловиче находившийся на дипломатической службе, а после свержения Софьи вышедший в отставку, в записках о царствовании Петра перечисляет непрерывно идущие от монарха и Сената повестки, росписи, повеления "явиться". "А которые в деревнях – и тех бы посылали свойственники их, чтоб были они из деревень не мешкав, не дожидаясь о том впредь иного указу"[7].

Очевидно, что население страны противилось поголовной мобилизации и экстремальным мерам правительства. Уже само перечисление уголовных дел, наиболее часто возбуждаемых в царствование Петра, свидетельствует, что монарх вынужден был преодолевать сопротивление своих подданных. Крестьянство бежало на плодородный Юг России, а дворяне уклонялись от службы и, пытаясь сохранить рабочие руки в имениях, шли на "утайку душ" и "прием беглых солдат"[8]. Самодержавие в ответ приме-

---

[4] См.: *Милов Л.В.* Великорусский пахарь... С. 571.

[5] Указ от 31 марта 1713 г. "о присылке в С.-Петербург нефти... и молодого человека, знающего голландский и русский языки" (Сб. РИО. 1873. Т. 11. С. 262).

[6] Сенатский указ "О дворянах, которые на службу в сроки не явились" (ПСЗ. Т. V. № 2685. С. 35. 1 июня 1713 г.).

[7] Записки Ивана Афанасьевича Желябужского (1638 – после 1709) // Россия при царевне Софье и Петре I. Записки русских людей. М., 1990. С. 273. См. также: Указ печатный о бытии шляхетству всякого звания офицерам к смотру. 11 сентября 1722 // РГАДА. Ф. 9. Кабинет Петра I. Отд. 1. Оп. 2. Ч. 1. Кн. 32. Л. 345.

[8] См., например: указ от 5 октября 1713 г. "о прибытии... нескольким сенаторам в С.-Петербург с решенными ими уголовными делами и с обвиняемыми по ним" (Сб. РИО. Т. 11. С. 268); Высочайшая резолюция от 18 октября 1715 г. на доношение комиссара Брянчанинова об укрывающемся от службы ярославском помещике Борщове (Там же. С. 294); указ от 22 января 1719 г. "об учинении общей переписи людей податного состояния, о подаче ревизских сказок и о взысканиях за утайку душ" (ПСЗ. Т. V. № 3287. С. 618) и др.

няло наиболее быстродействующие и, на первый взгляд, эффективные меры – активизировало карательные действия. В 1700 г. "всех тех, которые писались в роспись за болезнью и старостью[9], указал великий Государь послать в ссылку в Азов, а поместья, и вотчины, и дворы велено им продавать"[10]. Спустя 20 лет не явившийся на смотры 1721–1722 гг. дворянин объявлялся "ослушником высочайшей воли", и ему угрожало уже не "лишение имущества", а "шельмование" и "виселица с барабанным боем"[11]. Наказание за утайку беглого крестьянина самодержавие ужесточило от штрафа до ссылки на галеры[12].

Прием беглых, стремление укрыться от государственной службы, уход крестьян от помещиков и неизменное расхищение казны сливались в общую атмосферу глухого сопротивления жесткой политике самодержавия. Крайне упрощенная система центрального и местного управления не справлялась с возложенными на нее принудительными функциями и трудоемким учетом людских ресурсов. В этих условиях задачи сыска частично перешли к институту фискалов или "смотрителей за каждым чином, так ли всякой должностию истинною служит и в прочих делах, врученных ему, поступает"[13]. Донос становился одним из важнейших методов контроля и путем подкупа, угроз и наказаний превращался в добродетель, которую власть хотела видеть в числе достоинств каждого подданного. Так, по именному указу от 26 сентября 1714 года было "…велено всем дворянам, дабы… явились на смотр в Санкт-Петербург… а кто не явится, и на таких всем извещать вольно, кто б какова звания ни был, которым доносителем все их пожитки и деревни

---

[9] Реальная немощь порой расценивалась как симуляция.

[10] Записки Ивана Афанасьевича Желябужского. С. 286. Несмотря на то что указ 1714 г. о единонаследии уравнял статус поместья со статусом вотчины, положив, казалось бы, конец службе с земли, монарх с легкостью мог лишить феодала даже фамильного имения, а "за показанную великую службу" наградить чином и пожаловать в придачу деревни "ошельмованного дворянина" (См. об этом, например: указ от 13 декабря 1718 г. "о пожаловании Петру Толстому чина действительного тайного советника и нескольких деревень за привоз из-за границы царевича Алексея Петровича" (Сб. РИО. Т. 11. С. 376).

[11] См., например: ПСЗ. Т. VI. № 3820, 3874, 3897. С. 431, 478, 499; Записки графа Бассевича, служащие к пояснению некоторых событий из времени царствования Петра Великого (1713–1725) // Русский архив. 1865. Кн. 3. Стб. 571–572; и др.

[12] См., например: Сб. РИО. Т. 11. С. 294. В 1700–1710 гг. было издано 6 указов о беглых, в 1711–1720 гг. – 10, а в 1720–1725 гг. – 30 указов (См. об этом: История России с начала XVIII до конца XIX века. М., 1996. С. 56).

[13] ПСЗ. Т. V. № 3006. С. 251. 30 марта 1716.

будут отданы безо всякого препятствия”[14]. В соответствии же с ключевыми положениями Морского устава полагалось “доносить, что [кто] неправо будет делать… под такими же штрафами, чему те виноватые достойны, о которых он не донесет”[15].

По государеву указу нарушена была даже тайна исповеди. Духовные отцы и священники теперь неукоснительно должны были сообщать “куда надлежит” о нераскаявшемся злодее, замышляющем “воровство”, “наипаче же измену или бунт на Государя, или на Государство”[16]. Неслучайно в дни Великого поста 1712 г. в Успенском соборе Москвы прозвучала гневная проповедь рязанского митрополита Стефана Яворского. Сторонник сохранения патриаршего престола громил «нехранение» заповедей господних, за что Бог не дает России долгожданного мира, и порицал поставленных над судами надзирателей, клевещущих в доносах на ближних[17].

Между тем, несмотря на изнурительную работу карательных и сыскных органов, становилось все более очевидно, что легче и результативней поднять престиж государственной службы, чем приставить к каждому дворянину фискала или направлять во все концы страны нарочных курьеров. Самодержавие встало перед необходимостью убедить подданных в жизненной важности для России войны за балтийское побережье и властно насаждаемых преобразований, которые внедрялись в самые основы каждодневного уклада. Разумеется, главным адресатом Петра стали не “ревизские души”, режим жесткого принуждения по отношению к которым только усиливался. Идеологическое воздействие самодержавия было направлено, прежде всего, на сознание политической элиты,

---

[14] Высочайшая резолюция от 18 октября 1715 г. на доношение комиссара Брянчанинова об укрывающемся от службы ярославском помещике Борщове (Сб. РИО. Т. 11. С. 294). Находящиеся на службе фискалы жаловались не менее щедро. Так, московский обер-фискал А.Я. Нестеров “за верное служение и сыскание” “с товарищи” получил по указу Петра 1074 “ведер” вина. Много лет он исправно доносил Петру о “крыющихся и укрывателях”, “беглецах и приемщиках”, “неправых отпусках” и “похищении государевой денежной казны”, но в 1722 г. сам был казнен за взятки (См.: Письма и бумаги императора Петра Великого. М., 1992. Т. 13, вып. 1: Январь–июнь 1713 г. С. 130, 361–364).

[15] ПСЗ. Т. VI. № 3485. С. 15. 13 января 1720.

[16] Указ синодский “об объявлении священникам открытых им на исповеди преднамеренных злодейств, если исповедывающиеся в оных не раскаялись и намерения своего совершить их, не отложили” 17 мая 1722 (Там же. № 4012. С. 685).

[17] См. об этом: *Пекарский П.П.* Наука и литература при Петре Великом. Введение в историю просвещения в России XVIII столетия. СПб., 1862. Т. 1. С. 495; *Иловайский Д.* Петр Великий и царевич Алексей // Русский архив. 1912. Кн. 3, № 9. С. 21.

обеспечивающей функционирование всей государственной машины, которая не могла держаться лишь на угрозе "виселицы с барабанным боем" и страхе "фискальских вседушных доношений".

С введением 24 января 1722 г. Табели о рангах[18] чин, в качестве главного показателя успешной службы и благорасположения монарха, приобретал чрезвычайную значимость в жизни дворянина. Этот закон создавал своеобразную иерархию разрядов и систему продвижения государственных чиновников, военных и придворных. Принцип выслуги значительно потеснил родовитость, и без того традиционно определяемую не только древностью фамилии, но и древностью службы, временной порог которой постоянно приближался. Знатность, не подкрепленная "услугами монарху и отечеству", теряла отныне всякий вес и уступала место такой визитной карточке, как чин. "Сыновьям Российского государства князей… хотя мы позволяем для знатной их породы или отцов знатных чинов в публичной ассамблеи, где двор находится, свободный доступ пред другими нижнего чина и охотно желаем видеть… однако ж мы для того никому какого рангу не позволяем, пока они нам и отечеству никаких услуг не покажут и за оные характера не получат"[19]. Чин давал шанс человеку "низкой породы" попасть не только на высокие торжества, но и в привилегированную корпорацию российского шляхетства. 10 января 1722 г. вышел собственноручный указ Петра "о причислении к дворянству лиц не дворянского происхождения, дослужившихся в военной службе до обер-офицерского чина, и их детей, родившихся по получении означенного чина родителями"[20].

---

[18] См.: Табель о рангах с припискою государевою рукою. 22 февраля 1721 // РГАДА. Ф. 9. Кабинет Петра I. Отд. 1. Оп. 2. Ч. 1. Кн. 37. Л. 384; Пункты к учрежденной вышеобъявленной Табели рангов, каким образом с оными рангами каждому поступать и за преступление чем наказаны будут, и пополнение при том чернено и некоторые листы писаны государевою рукою. 22 февраля 1721 // РГАДА. Ф. 9. Кабинет Петра I. Отд. 1. Оп. 2. Ч. 1. Кн. 37. Л. 388–406. О том, какое чрезвычайное значение придавал император Табели о рангах, говорит один курьезный факт: первоначально этот документ содержал 13 рангов, однако Петр, опасаясь темной магической силы, заложенной в этом числе, увеличил количество чиновных степеней до 14 (см. об этом, например: *Dukes P*. Nobility of Russia // The Modern Encyclopedia of Russian and Soviet History. Chicago, 1981. Vol. 25. P. 29).

[19] Указ "о правах, обязанностях и ответственности каждого чина согласно табели о рангах" (Сб. РИО. Т. 11. С. 414; ПСЗ. Т. VI. № 3890. С. 486–493).

[20] Сб РИО. Т. 11. С. 439. Преимущества рода оставались теперь только у представителей царской фамилии, которые имели "при всяких случаях председательство и ранг над всеми князьями и высокими служителями Российского государства". Однако это право рождения, как известно, не гарантировало ни благополучия, ни даже сохранения жизни (см.: Сб. РИО. Т. 11. С. 417).

Петр поставил статус дворянина в прямую зависимость от государственной службы и собственной воли. "Не имеет никто ранг взять по характеру, который он в чужих службах получил, пока мы ему оного характера не подтвердили"[21]. Более того, состав дворянства так и не стал прерогативой высшего сословия и определялся государевым решением. "И понеже то никому, как нам… принадлежит кого в дворянское достоинство гербом и печатью пожаловать… при том никто не возможет чрез то себя узаконить, что целое дворянство какой провинции кого в братство их приняли"[22].

В соответствии с учрежденной иерархией выстраивались все чиновники, их жены и дочери, почтительно пропуская вперед тех, кто выше рангом и кто раньше получил свой вожделенный статус. В нарядах, "каких чин и характер его требуют", они усаживались в экипажи, "сходственные со значимостью и достоинством чина", и разъезжались на "дворовые церемонии", "торжественные столы", "чиновные съезды", занимая там места и получая почести "по своему рангу"[23]. Превращение чина в своеобразный фетиш началось сразу же после выхода Табели о рангах. В законе была оговорена необходимость строгого ранжирования лишь в служебной и официальной сфере, а "осмотрение каждого ранга" не требовалось в "таких оказиях, когда некоторые яко добрые друзья и соседи съедутся"[24]. Тем не менее, чин стремительно завладеет и областью человеческих отношений, и внутренним миром личности, приобретя поистине магическую власть над людьми. Индивидуальность дворянина сольется с социальной маской статуса, а честь шляхетства будет отождествлена с почестями, воздаваемыми обладателю конкретного статуса. Соответственно, лишение чина станет позором и бесчестием. "Те, которые за тяжкие преступления отставлены... оные лишены от имевшего титла... разве они от нас за какие выслуги паки за собственною нашею рукою и печатью в совершенную их честь восстановлены"[25].

Авторитет чина насаждался присущими петровской эпохе форсированными методами, отвечавшими не терпящей отлагательства потребности в штате всецело преданных и "радетельно" служащих дворян. К Табели о рангах прилагались пункты, "каким образом со оными рангами каждому поступать, и за пре-

---

[21] Там же. С. 415.
[22] Там же. С. 417.
[23] Там же. С. 414–418.
[24] Там же. С. 414.
[25] Там же. С. 415.

ступление чем наказаны будут”[26]. Внушение подданным уважения к субординации не обходилось без доносов и вездесущего надзора фискалов, которым “надлежало прилежно смотреть, дабы тем охоту подать к службе и оным честь, а не нахалам и тунеядцам получать”[27]. “Кто выше своего ранга будет почести требовать, или сам место возьмет выше данного ему ранга, тому за каждый случай платить штрафу 2 месяца жалованья... Из штрафовых денег имеет объявитель того третью долю получать”[28]. Тем не менее, для того, чтобы “охоту подать к службе и честь”, чин должен был стать не просто дающим “авантажи” рангом, а исполненным высокого смысла символом.

Обязательную повинность государственной службы предстояло связать с важнейшими ценностями русского исторического сознания, из которых центральной был образ “природного и истинного Царя Государя”. В многочисленных законах, указах, распоряжениях того времени безраздельно превалирует следующая формулировка: “Его Царского (а с 22 октября 1721 г. – Его Императорского) Величества, яко самовластного монарха, служба”. Начальник любого уровня, от генерал-фельдмаршала до земского дьяка, лишь “презентовал персону своего монарха”[29]. Ему и “намерение от Государя было вручено”[30], и “похвалял” он подчиненных “милостивым словом государевым”[31], а “где Его Царское Величество Своею высокою Особою присутственен, то всех начальников власть и сила отнята есть, кроме тех, которым от Его Величества нарочно управить повелено будет”[32]. “Настоящий интерес Царя и Самодержца всероссийского”, часто называемый в именных указах “Наш интерес”, о котором следует каждому подданному иметь “всемерное поручение”, выступал как главный смысл, стимул и критерий службы дворянина.

Иногда в уже устоявшихся клише “служба Государя” и “польза Его Величества” появлялся еще один компонент – “интересы государственные”, “государственная нужда”, “государственная прибыль” и т.п. В исходящих от трона документах эти понятия практически никогда не противопоставляются и являют собой тождество, в котором, однако, подчиненная позиция отводится “государству”. В отличие от титула монарха термины “государст-

---

[26] Там же. С. 414.
[27] Там же.
[28] Там же.
[29] ПСЗ. Т. VI. № 3485. С. 5. 13 января 1720.
[30] ПСЗ. Т. V. № 3006. С. 213. 30 марта 1716.
[31] Записки Ивана Афанасьевича Желябужского. С. 298.
[32] ПСЗ. Т. V. № 3006. С. 324. 30 марта 1716.

во", "империя", "держава" пишутся с маленькой буквы, имеют более приземленное значение или вообще опускаются, утрируя классическую формулировку и адаптируя ее к реалиям российского самовластия. Смысл петровских указов часто заключался в прямолинейном тождестве: "Я – это мое государство". "По именному своему великого Государя указу в державе своего государства... для пополнения своей великого Государя казны" "велено чинить государеву прибыль" и, "исполняя службу своего Государя и отечества", "всем должно хранить интерес Государев и государственный"[33]. Разумеется, в России XVIII в. существовали частновладельческие, монастырские, государственные, дворцовые угодья, сложилась своя иерархия в отношениях земельной собственности. Однако это не мешало самодержцу личной властью отбирать у феодалов их владения и всю страну воспринимать как собственную вотчину.

Контексты официальных документов, в которых понятие "государственный интерес" употребляется как самостоятельное и не является лишь смысловым усилением ведущей ценности "государева интереса", связаны в подавляющем большинстве случаев с извечно больным вопросом расхищения казны. Глава первая Морского устава "о Генерал Адмирале и всяком Аншефе командующем" гласила: "Понеже корень всему злу есть сребролюбие, того для всяк командующий Аншеф должен блюсти себя от лихоимства, и не точию блюсти, но и других от оного жестоко унимать и довольствовать определенным. Ибо многие интересы Государственные чрез сие зло потеряны бывают"[34]. В донесении уже упоминавшегося московского обер-фискала А.Я. Нестерова также речь шла о необходимости "учинить" для предотвращения "утайки много денежной казны" должность "казначея всем губернским приходам и расходам", "в чем есть самая наиглавнейшая государственная нужда"[35]. Указ от 24 апреля 1713 г. "о ландратах и наказаниях за преступления против интересов государства", а также от 25 августа 1713 г. о хищениях при "сборах и отпусках рекрутных... провиантских, денежных, таможенных... при найме подвод, окладных сборах" и т.п. "изъясняли именно интересы государственные для вразумления людям"[36].

---

[33] См., например: ПСЗ. Т. VI. № 3485. С. 5, 49. 13 января 1720; Записки Ивана Афанасьевича Желябужского. С. 269, 308.

[34] ПСЗ. Т. VI. № 3485. С. 6. 13 января 1720.

[35] Письма и бумаги императора Петра Великого. Т. 13, вып. 1: Январь–июнь 1713 г. С. 362–363.

[36] См. об этом: Письма и бумаги императора Петра Великого. Т. 13, вып. 1: Январь–июнь 1713 г. С. 130–131; ПСЗ. Т. V. № 2707. С. 51–53. 25 августа 1713.

Термины “государственная нужда”, “государственный прибыток”, “государственный интерес”, видимо, были непривычны и редко фигурировали в языке повседневной жизни. Тем не менее современники Петра имели явный стимул раз и навсегда усвоить смысл, который вкладывало правительство в эти понятия. Указ Сенату “о ландратах и наказаниях за преступления против интересов государства” недвусмысленно повелевал: “Сказать во всем государстве (дабы неведением никто не отговаривался), что все преступники и повредители интересов государственных с вымыслу, кроме простоты какой, таких без всякой пощады казнить смертью, деревни и животы брать. А ежели кто пощадит, тот сам тою казнью казнен будет”[37].

Таким образом, актуализированное европейским Просвещением понятие “государственного интереса” приобретало чисто утилитарный смысл наполненной казны и укомплектованной армии, без остатка поглощалось величием “государева интереса” и вводилось в лексику подданных одновременно с угрозой смертной казни за любое сознательное «повреждение». Понятно, что изредка мелькающий в документах термин “общее благо” был лишь усеченной формой понятия “общее благо” империи[38].

В историографии неоднократно высказывалось мнение, что с петровского царствования служба отечеству становится высшей мировоззренческой ценностью, перед которой имел свои обязательства и самовластный монарх[39]. Часто в подтверждение тезиса о непосредственно провозглашенном приоритете служения отечеству, перед которым померк даже долг преданности государю, приводятся могучие в своей экспрессии слова Петра, обращенные к войскам, выстроенным для решающей Полтавской баталии. “Не должны вы помышлять, что сражаетесь за Петра, но за государство, Петру врученное, за отечество... А о Петре ведайте, что ему жизнь его недорога, только бы жила Россия в блаженстве и славе для благосостояния вашего!”[40]

---

[37] Письма и бумаги императора Петра Великого. Т. 13, вып. 1: Январь–июнь 1713 г. С. 131.

[38] См., например: Записки графа Бассевича... Стб. 570–571.

[39] См., например: *Лотман Ю.М.* Беседы о русской культуре: Быт и традиции русского дворянства (XVIII – начало XIX века). СПб., 1994; *Панченко А.М.* О русской истории и культуре. СПб., 2000; *Анисимов Е.В.* Время петровских реформ. Л., 1989; *Черная Л.А.* От идеи “служения государю” к идее “служения отечеству” в русской общественной мысли второй половины XVII – начала XVIII в. // Общественная мысль: исследования и публикации. М., 1989. Вып. 1; *Каменский А.Б.* Российская империя в XVII веке; и др.

[40] Цит. по: История Северной войны 1700–1721 гг. М., 1987. С. 85.

Редкий случай для официальных заявлений начала XVIII в. не отождествления, а заведомого противопоставления усердия персоне монарха и беззаветного служения государству не был, однако, зафиксирован высочайшим манифестом, отпечатанным в главной типографии страны. Порыв поистине царского великодушия, переадресовавшего любимому отечеству монархические восторги подданных, прозвучал в словах человека, воодушевленного торжественностью момента и возвышающей реальностью близкой смерти за "блаженство и славу России", уравнявшей царя и солдата, которым предстояло через несколько мгновений идти в атаку[41]. Вдохновение Петра было направлено к сотням, поняли глубинный смысл его обращения десятки, а оценили его колоссальное значение лишь единицы. Конечно, блистательные слова монарха не ушли как вода сквозь песок, они были услышаны, правда, более отчетливо потомками, а может быть именно им, в конечном счете, и предназначались. Современники великого императора должны были как вечернюю молитву заучить тексты, проникнутые несколько иным пафосом.

Всем верноподданным "каждого чина", "военного и гражданского", "высокого и низкого без изъятья, так и духовным лицам и солдатам при определении на службу" было "повелено Нам, яко государю своему, чинить присягу"[42]. Учрежденные первоначально для армии в 1716 г. и вошедшие в артикулы Военного устава присяги с 20-х годов XVIII в. стали всеобщим ритуалом. Обойдено было только низшее сословие, с точки зрения

---

[41] К чувству охватившего все войско азарта битвы примешивалась потаенная, но, видимо, не утихающая боль Петра за будущее страны, в которую он вложил столько труда и сил, "здоровье свое истратил, не жалея в некоторых случаях и живота Своего" (Манифест от 3 февраля 1718 г. "об отрешении от наследия Его Царского Величества перворожденного сына Царевича Алексея Петровича" (ПСЗ. Т. V. № 3151. С. 535). Эта тревога прорывалась в государевых указах, законах и даже Воинском уставе: "...За благо изобрели [Мы] сию книгу Воинский устав учинить, дабы всякий чин знал свою должность, и обязан был своим званием, и неведением не отговаривался; еже чрез собственный Наш труд собрано и умножено" (ПСЗ. Т. V. № 3006. С. 204. 30 марта 1716). Одни указы императора, действительно, писаны как будто кнутом, но в других иногда прорываются искренние человеческие интонации, не менее проникновенные, чем письма к жене, в одном из которых Петр признавался: "…Зело тяжело жить, ибо я левшею не умею владеть, а в одной правой руке принужден держать шпагу и перо. А помощников сколько, сама знаешь". (Петр – Екатерине. 2 августа 1712 (Письма и бумаги императора Петра Великого. М., 1997. Т. 12, вып. 2: Июль–декабрь 1712 г. С. 36)).

[42] Именной указ об "учинении присяги на каждой чин, как военным и гражданским, так и духовным лицам; а солдатам, при определении в службу" (ПСЗ. Т. VI. № 3846. С. 452. 10 ноября 1721).

правительства, по определению "крепкое" земле, душевладельцу и государству. Однако поставленные под ружье бывшие крестьяне должны были дать обет верности, "понеже воинских людей Бог в такое состояние определил (в котором несравнительно чаще других смертным страхам себя подвергать должность имеют, неотложно), исполняя службу своего Государя и отечества"[43]. С выходом Табели о рангах присягали уже не люди, а носители определенного статуса, которым при получении каждого нового чина следовало повторять с небольшими вариациями магические слова государевой клятвы[44].

Составленные по единому образцу несложные и достаточно короткие тексты присяг должны были очень прочно укорениться в сознании подданных, став ведущей составляющей всех побуждений и главным фактором поведения. Высокие идеалы службы буквально вдалбливались через зубрежку и многократное повторение. Во время совершения обряда этой своеобразной "государственной инициации" приносящий присягу должен был положить левую руку на Евангелие, а правую руку поднять вверх с простертыми двумя большими перстами[45]. После произнесения заветных слов члены Духовной Академии, к примеру, торжественно объявляли, что официально диктуемые идеалы действительно глубоко проникли в их сознание и навечно слились с самыми заветными стремлениями. "Клянуся и еще Всевидящим Богом, что вся сия, мною ныне обещеваемая, не инако толкую в уме моем, яко провещеваю устами моими, но в той силе и разуме, яковую силу и разум написанные зде слова чтущим и слышащим являют"[46]. Для твердой памяти "Наших Генерал, Штаб, Обер и унтер-офицеров и солдат, в службе Нашей пребывающих, дабы неведением никто не отговаривался", полагалось воинский артикул, включающий текст присяги, "на смотрах, а особливо при всяком полку, по единожды прочитать в неделю"[47]. А земским дьякам и секретарям, приступая к "исправлению должности", следовало "учинить присягу как письменно, так и словесно"[48].

---

[43] Там же. № 3485. С. 49. 13 января 1720.

[44] "…в Именном Его Императорского Величества указе, за подписанием Его Величества Собственной руки, в Сенате писано, чтоб в повышении чина всякому на каждый чин присягать" (Там же. № 3846. С. 452. 10 ноября 1721).

[45] См., например: Устав морской // Там же. № 3485. С. 3. 13 января 1720.

[46] Регламент или устав Духовной Коллегии. Присяга членам Духовной Академии // Там же. № 3718. С. 314. 25 января 1721.

[47] Воинский Устав. Артикулы // Там же. Т. V. № 3006. С. 318. 30 марта 1716.

[48] Наказ Земским Дьякам и Секретарям об исправлении их должности // Там же. Т. VI. № 3571. С. 182. 20 апреля 1720.

Содержание присяг и для Духовной академии, и для флота, и для Земской канцелярии было практически идентично. Основной пафос клятвы, публично приносимой "Всемогущим Богом пред святым Евангелием", сводился к обещанию "верно служить природному Царю и Государю Всепресветлейшему и Державнейшему Петру Первому, Всероссийскому Самодержцу по крайней силе своей не щадя живота и имения"[49]. Тексты присяг и сопровождающие их небольшие преамбулы в виде "наказов" и "манифестов" позволяют воспроизвести содержание этой столь настойчиво внедряемой самодержавной доктрины. "Государев подданный", он же "верный правдивый слуга", обязан был "по крайней мере стараться споспешествовать все, что к Его Царского Величества и Его государства пользе касаться может", "ниже трудов не жалеть толь долго, пока Бог всякому живот продолжит". От "приходящего в Государеву службу" требовалось, уподобясь "доброму послушному рабу", исправно исполнять все "уставы, сочиненные или впредь сочиняемые", и "пребывать покорным по своей должности". Понятно, что следовало "всем врагам Его Царского Величества и земель Его" "возможный вред приключать", а о злодеях объявлять и сыскивать их.

Присяга на верность приносилась монарху, рядом с титулом которого понятия "государство" и "государственный интерес", а также "благополучие людей" возникали лишь спорадически и тут же сливались с понятием "Его Царского Величества прибыток". Зато по мере углубления конфликта Петра и царевича Алексея все четче за спиной монарха вырисовывались фигуры других наследников. А после печальной гибели старшего царского сына[50] в "ревности и послушании" клялись уже не только государю, но и "по Нем Его Царского Величества Высоким законным Наследникам, которые, по изволению и Самодержавной Его Царского Величества власти, определены и впредь определяемы, и к восприятию Престола удостоены

---

[49] См., например: Воинский Устав. Артикулы. Присяга или обещание всякого воинского чина людям // Там же. Т. V. № 3006. С. 319. 30 марта 1716; Устав морской. Присяга или обещание всякого воинского чина людям // Там же. Т. VI. № 3485. С. 3. 13 января 1720; Наказ Земским Дьякам и Секретарям об исправлении их должности // Там же. № 3571. С. 182. 20 апреля 1720; Регламент или устав Духовной Коллегии. Присяга членам Духовной Академии // Там же. № 3718. С. 314. 25 января 1721.

[50] См.: Устав о наследии престола. 5 февраля 1722 // Там же. Т. VI. № 3893. С. 496–497; Правда воли монаршей. 21 апреля 1726 // Там же. Т. VII. № 4870. С. 602–643, а также: Правда воли монаршей // РГАДА. Ф. 9. Кабинет Петра I. Отд. 1. Оп. 2. Ч. 1. Кн. 32. Л. 377–437.

будут, и Ее Величеству, Государыне Императрице Екатерине Алексеевне”[51].

Неукоснительное следование тексту присяги гарантировалось не только фактами жестоких наказаний. Вместе с напоминанием о реальности казни “отсечением головы” предпринимались спонтанные попытки активизации внутренних регуляторов поведения подданных. Стимуляция “наивящего и единого намерения к службе Его Императорского Величества” должна была пробуждать не только страх, но и совесть, стыд, честолюбие и тщеславие. В артикулах, уставах и наказах появлялись специальные реестры “радетельных трудов” и соответствующих им пожалований, “дабы всякий служащий ведал и был благонадежен, чем за какую службу награжден будет”[52].

Приносящий клятву заверял, что не только “должен”, но и стремится с “доброю охотою” “своему истинному Царю” “честным рабом и подданным быть” “по лучшей совести” “без обмана и лукавства”. Однако методы воспитания “идеального подданного” были еще слабо отработаны. Моральные увещевания тонули в непрерывных угрозах “лишения живота”, “смерть за сребролюбие и лакомство” сравнивалась с “бесчестным житьем”, а стыд, страх, позор, “радение” о чине и личная доблесть считались равноценными по значимости стимулами “приохочивания” к службе. “Всяк [должен] своего стыда, наказания и бесчестия удаляться и бегать, против того же о благодеянии, храбрости и повышении прилежание иметь”[53].

Мобилизуя население на государеву службу и за страх, и за совесть, присяга сливала в едином порыве религиозные и монархические чувства подданных. Император обширной державы, едва находящий “свободное время для управления”[54] между кампаниями, не мог с пристрастием следить за ходом дел в стране. Полагаясь на фискалов и усиленно насаждаемое всеобщее пристрастие к доносам, он в то же время рассчитывал на клятву, данную “пред Богом и Его Царским Величеством”, не преминув напомнить о страшном суде, с неотвратимостью возмездия которого мог сравниться только гнев государев. “Господа Сенат, –

---

[51] См.: Регламент или устав Духовной Коллегии. Присяга членам Духовной Академии // ПСЗ. Т. VI. № 3718. С. 314–315. 25 января 1721.

[52] См., например: Устав морской. О награждении // Там же. № 3485. С. 57. 13 января 1720.

[53] Воинский устав. Артикулы // Там же. Т. V. № 3006. С. 318. 30 марта 1716.

[54] См., например: письмо Петра I А.Я. Нестерову. 24 апреля 1713 г.; резолюция Петра I на записке А.Я. Нестерова. 24 апреля 1713 г. (Письма и бумаги императора Петра Великого. Т. 13, вып. 1: Январь–июнь 1713 г. С. 130).

писал Петр в 1717 г., – мне за такою дальностью, а в своем государстве будучи за сею тяжкою войною усмотреть не возможно... но от Бога не без гневу... понеже иного дела не имеете, точию одно правление, которое ежели несмотрительно будете делать, то пред Богом, а потом и здешнего суда не избежите"[55].

Используя сакральные образы в присяге на верность монарху и нагнетая страх Божий в душе человека за "нерадетельно" исполненную службу, самодержавие вступало с церковью в борьбу за монопольное влияние на сознание подданных[56].

Во время петровского правления церковь жила в том же режиме жесточайшей централизации власти, как и вся страна. Было ликвидировано патриаршество, запрещено монахам переходить из одного монастыря в другой, пострижение было возможно только с разрешения царя. Перед Нарвой "Новгород и Псков делали: рвы копали и церкви ломали... И в то время у приходских церквей, кроме соборной церкви, служеб не было"[57]. Приглашая немецкого математика Христиана Вольфа в задуманную Петром Академию наук, лейб-медик царя Блюментрост писал ученому, озабоченному "строгим преследованием со стороны церкви еретиков в Петербурге": "В России сам император есть supremus pontifex и он управляет не так, как угодно духовенству, которое обязано повиноваться ему"[58].

"По долгу Богоданной Нам власти, попечении об исправлении народа Нашего"[59], Петр стремился понизить авторитет церкви в глазах подданных. В Регламенте Духовной Коллегии апологет и идеолог политики монарха Феофан Прокопович писал: "...ибо простой народ не ведает, како разнствует духовная власть от самодержавной, но великою высочайшего пастыря честию и славою удивляемы, помышляет, что таковой правитель есть то второй государь, самодержавцу равносильный или и больше его... Тако простые сердца мнением сим развращаются, что не так

---

[55] См.: письмо Петра I в Сенат. 16 апреля 1717 г. Кале (Сб. РИО. 1873. Т. 11. С. 348).

[56] О том, что в среде православного духовенства было много молчаливо недовольных реформами Петра, говорит уже упоминавшийся указ, нарушающий тайну исповеди. Самодержавие не без причины опасалось, что замышляющий "злое на честь и здравие Государя" может "согласием или молчанием духовника своего в намерении своем утвердиться" (ПСЗ.Т. VI. № 4012. С. 685. 17 мая 1722). См. также: Заглавие и предисловие духовного регламента, правленое рукою Его Величества // РГАДА. Ф. 9. Кабинет Петра I. Отд. 1. Оп. 2. Ч. 1. Кн. 31. Л. 30.

[57] Записки Ивана Афанасьевича Желябужского. С. 290.

[58] *Пекарский П.П.* Наука и литература... Т. 1. С. 37–38.

[59] Регламент или устав Духовной Коллегии // ПСЗ. Т. VI. № 3718. С. 314. 25 января 1721.

на самодержца своего, яко на верховного пастыря, в коем-либо деле смотрят"[60]. Надо заметить, что самодержавие не стремилось усложнить свой диалог с "простыми сердцами" подданных. Довольно примитивные, с точки зрения идеологического обоснования, тексты присяг и артикулов имели совершенно элементарное "толкование", направленное не к разуму, а к почти слепому чувству беззаветной преданности монарху. "Ибо Его Величество есть Самовластный Монарх, который никому на свете о своих делах ответа дать не должен, но силу и власть имеет Свои Государства и земли, яко Христианский Государь, по Своей воле и благомнению управлять"[61].

Петр видел в народе лишь детей неученых, которые "никогда за азбуку не примутся, когда от мастера не приневолены бывают"[62]. Однако насильственная манипуляция сознанием подданных могла дать власти только армию "послушливых" строителей Ладожского канала, открытое неповиновение наиболее дерзких, множество молчаливо недовольных и отсутствие деятельных людей, "ревнующих по государе и по отечестве" "не за страх токмо, яко раби, но и искреннею любовию, яко сыны"[63]. Россия, поднимающаяся "от гнушения в похвалу, от презрения в страх, от немощи в силу"[64], востребовала смело мыслящую, способную взять на себя ответственность личность. Самодержавие оказалось зажатым между объективной необходимостью жесточайшей принудительной мобилизации всех ресурсов страны и невозможностью ее осуществления без объединяющего чувства "доброго куражу", о котором писал Прокопович. "Еще нужда есть… дабы сердца… были нетрепещущая, но упования и великих надежд полная. И сия нужда, моим мнением, есть паче всех нужд нужнейшая; без добраго бо куражу, без сердца уповательного советы не помнятся, искусство правителей помрачается, учение воинское забывается и самое терпеливодушие робеет и не действует"[65]. Такой безусловный аргумент, как отсечение головы за "презрение

---

[60] Там же. С. 317.

[61] См., например: Воинский устав // Там же. Т. V. № 3006. С. 324. 30 марта 1716.

[62] См.: ПСЗ. Т. VII. № 4345.

[63] *Феофан Прокопович*. Слово о состоявшемся между Империею Российскою и Короною Шведскою мире 1721 года, августа в 30 день, и должном нашем за толикую милость Божию благодарении, проповеданное преосвященным Феофаном, архиепископом псковским и нарвским, в царствующем граде Москве, в церкви соборной Успения пресвятыя Богородицы, 1722 года, генваря 28 // *Феофан Прокопович*. Сочинения. М.; Л., 1961. С. 115, 124.

[64] Там же. С. 118.

[65] Там же. С. 114–115.

А.А. Афанасьев.
Портрет Феофана Прокоповича.
Первая половина XIX в.

к действу и намерению государя", необходимо было подкрепить обстоятельным рассуждением о смысле этого "намерения", не ограничиваясь только тавтологическими "краткими толкованиями", сводящимися к "власти самовластного монарха по своей воле управлять"[66].

Всецело "единодушный" идеолог Петра немедленно дал стратегический план имперской "пропаганды": "...Долг великий лежит на всех, как духовных пастырях, так и мирских начальниках и прочих, кто либо... яснейше сказати может... беседами, разговорами, проповедьми, пении и всяким сказания образом толковать и изъяснять в слух народа"[67]. Разумеется, "безбожные мятежники", "нераскаянные лестцы и злодеи", "непослушливые рабы" должны были "испразниться" безо всяких "бесед и разговоров"[68]. Слово монарха и его сподвижников обращалось, прежде всего, к "негодующим", а вернее, "скучающим" "для незнания"[69], иначе говоря, к "легкодуш-

---

[66] ПСЗ. Т. V. № 3006. С. 324. 30 марта 1716.

[67] *Феофан Прокопович*. Слово о состоявшемся между Империею Российскою и Короною Шведскою мире. С. 113.

[68] См., например: *Феофан Прокопович*. Слово похвальное о преславной над войсками Свейской победе, пресветлейшему государю царю и великому князю Петру Алексеевичу, всея великия и малыя и белыя России самодержцу, в лето господне 1709 месяца июня дня 27 Богом дарованной // *Феофан Прокопович*. Сочинения. С. 38; *Он же*. Слово на погребение всепресветлейшаго державшейшаго Петра Великаго, императора и самодержца всероссийскаго, отца отечества, проповеданное в царствующем Санктпетербурхе, в церкви святых первоверховных апостол Петра и Павла, святейшаго правительствующаго Синода вице-президентом, преосвященнейшим Феофаном, архиепископом Псковским и Нарвским, 1725, марта 8 дне // Там же. С. 127; *Он же*. Слово о состоявшемся между Империею Российскою и Короною Шведскою мире // Там же. С. 119.

[69] *Шафиров П.П.* Рассуждение о причинах Свейской войны // Россию поднял на дыбы... М., 1987. Т. 1. С. 544.

никам”[70], служащим верно и усердно, но по своему недоумию без особого вдохновения. Уклоняющиеся “тунеядцы” считались “ответа недостойными” – “им же святый апостол и ясти воспрещает, и яко корень всем злым праздность есть”. “Того ради, не умножая ко оным рассуждения”, власть обращалась только к несведущим, “иже доброй совести суть”[71]. Между тем развернутые тексты, без детальных артикулов, без угроз четвертования и страшного суда, приобретали некую универсальность и, следовательно, более широкую аудиторию. Разнообразная, диалогично заостренная публицистика времен петровского излома была адресована, главным образом, немногочисленной, но искушенной и образованной элите, европейскому общественному мнению, имеющему реальное влияние на умы современников и достаточно предвзятому в оценках России, и, конечно же, потомкам, суд которых весьма волновал царя-реформатора.

Подобно любой идеологической концепции, формирующаяся доктрина Российской империи стремилась завладеть сознанием как можно большего числа людей и искала для этого самые эффективные каналы. Официальная политика трактовалась в государевых манифестах, подобных “Правде воли монаршей” или “Уставу о наследии престола”, в историко-публицистических произведениях, посвященных в первую очередь войне со Шведской короной, а именно в “Истории Свейской войны” самого Петра и “Рассуждении, какие законные причины Его Царское Величество… к начатию войны против короля Карла 12 имел” Петра Шафирова, предисловие и заключение к труду которого были написаны также императором. Формировать взгляды и настроения подданных призвана была также первая российская газета “Ведомости”. По замыслу власти прямое воздействие на просвещающиеся умы могли оказать переводы философов, например “Введение в европейскую историю Самуила Пуффендорфа” и его же сочинение “О должностях человека и гражданина”. Наставить на истинный путь, облагородить и смягчить нравы молодого поколения русских европейцев должен был сборник образцов писем “Приклады, како пишутся комплименты разные”, а также знаменитый учебник хорошего тона “Юности честное зерцало, или показание к житейскому обхождению”. В школьном театре Славяно-греко-латинской духовной академии перед публикой разыгрывалась пьеса “Свобождение Ливонии и Ингерманландии”.

---

[70] *Феофан Прокопович*. Слово о состоявшемся между Империею Российскою и Короною Шведскою мире... С. 124.

[71] *Шафиров П.П.* Рассуждение... С. 544.

Однако в условиях дефицита книг и неграмотности значительной части населения самодержавие не собиралось ограничиваться выстраиванием диалога лишь с образованным читающим меньшинством. Самым прямым и коротким путем государственной доктрины к сознанию подданных православной России оставались произносимые при большом стечении народа и затем публикуемые проповеди. Страстные речи или "слова" главного оратора петровского самодержавия архиепископа Псковского и Нарвского, преосвященного Феофана зазвучали с амвонов крупнейших соборов "царствующего града Москвы и царствующего Санкт-Питербурха". Эти проповеди более походили на яркие политические памфлеты, подобно тому, как в некоторых указах порывистого Петра появлялись исторические экскурсы и исповедальные признания царственной персоны. "…Посмотря на Духовный чин, и видя в нем много нестроения, не суетный на совести Нашей возымели мы страх, – сказано в манифесте к Регламенту или Уставу Духовной Коллегии, – да не явимся неблагодарны Вышнему… [если] пренебрежем исправление чина Духовного…"[72].

"Обновляющий и паче отрождающий Россию" государь большое значение придавал примеру "правителя", на которого "глядя и подначальные люди" те же стремления усвоят[73]. Визуальный аспект пропаганды восполнял известную незрелость доктрины молодой империи, завоевывающей свои позиции в Европе и не отработавшей еще методы воздействия на мотивы подданных. Каждая крупная военная победа сопровождалась триумфальным шествием, а количество пороху, истраченное Петром на невиданные доселе фейерверки, может сравниться с объемом боеприпасов, употребленных при взятии Нарвы.

Ведущие ценности документов, в которых власть, отказавшись от угроз, пыталась увещевать подданных или обращалась к потомкам, мало отличались от жестко внедряемых в сознание приоритетов присяг. Такие понятия, как "всенародная польза, обрадование, облегчение", "умаление народных тяжестей", защита "государственного интереса", иначе говоря, "казны от расхищения и злодейственных взятков", меркли перед идеей величия царской власти[74]. Усложненное воздействие на личность подданного, в конечном счете, сводилось к объявлению Петра "министром

---

[72] ПСЗ. Т. VI. № 3718. С. 314. 25 января 1721.

[73] См. об этом, например: *Иловайский Д.* Петр Великий и царевич Алексей. С. 28.

[74] См., например: *Феофан Прокопович*. Слово о состоявшемся между Империею Российскою и Короною Шведскою мире... С. 124–125.

Всевышнего", через "державнейшее" посредничество которого получает народ милость Божию[75]. А поскольку "противляться" даже "властям строптивым" означает "противиться Богу самому", то какое же посвятить "слово" монарху, равного которому не было "от начала государства Всероссийского", – вопрошал Прокопович[76]. Благодарным подданным оставалось только воздавать славу своему императору, "дабы не выросла в мире притча сия о нас: достоин государь толикаго государства, да не достоин народ таковаго государя"[77]. Ревностный провозвестник петровской реформы, а вслед за ним и другие приверженные государю священники, в частности рязанский епископ Гавриил Бужинский, оправдывали абсолютную власть монарха и превозносили его заслуги перед отечеством[78].

Главным событием петровского царствования единодушно признавалась Свейская война, "через которую было даровано толикое изобилие и благолепие"[79]. Россия вернула себе "некие отнятые страны", научилась воевать с европейскими народами и "разуметь их намерения, притеснения, хитрости", "отворила себе Северное море к честной с лучшым светом коммуникации и к безопаснейшему пределов своих охранению"[80]. "Восшествие" страны в "таковую высокую степень" стало возможным лишь благодаря "премудрым и неусыпным трудам государя", "учредившего и обучившего в России регулярное на земли войско, какова прежде не бывало, и устроившаго карабельной и галерной флот, о котором кроме имени от веку в России и неслыхано"[81].

Однако победа над могущественным и "регулярным" Шведским государством стоила огромных усилий. Даже у самых безропотных иссякало терпение и слабла воля "трудолюбно искати

---

[75] Там же. С. 115, 124.

[76] *Феофан Прокопович*. Слово о власти и чести царской, яко от самого Бога в мире учинена есть, и како почитати царей и оным повиноватися людие долженствуют; кто же суть и коликий имеют грех противляющиися им. Лета Господня 1718 году, априллиа в 6 день, в царствующем Санкт-Питербурхе, в неделю цветную // *Феофан Прокопович*. Указ. соч. С. 91.

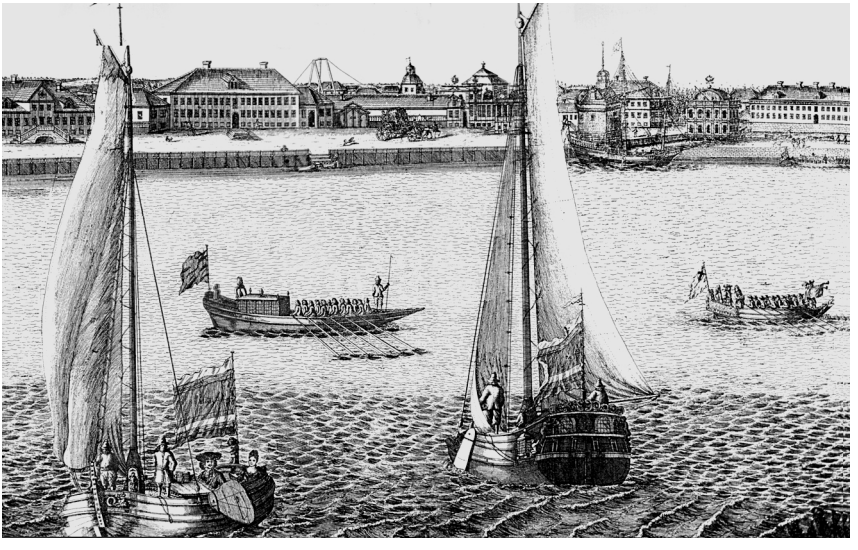
[77] Там же.

[78] См., например: Полное собрание поучительных слов, сказанных Г. Бужинским. М., б.г.

[79] См., например: *Феофан Прокопович*. Слово о состоявшемся между Империею Российскою и Короною Шведскою мире... С. 123; *Он же*. Слово похвальное о преславной над войсками Свейской победе... С. 51.

[80] *Феофан Прокопович*. Слово о состоявшемся между Империею Российскою и Короною Шведскою мире... С. 122–123.

[81] *Шафиров П.П*. Рассуждение... С. 469, 548.



А.Ф. Зубов. Панорама Петербурга. 1716 г. Фрагмент

доброго и безопасного конца сея войны”[82]. Европа же, в свою очередь, с возрастающей тревогой следила за иступленной настойчивостью Петербурга любой ценой удовлетворить свои возрастающие внешнеполитические амбиции. Эти обстоятельства побудили Петра поручить Шафирову написать “Рассуждение о причинах войны” и самому сесть “с сотоварищи” за “Гисторию Свейской войны”. Может быть, в этих трудах и прозвучали самые проникновенные слова монархии к своим подданным и самые непреклонные заявления в адрес “злобных европейских народов, зрящих отечество наше возвышаемое Богом”[83]. Самодержец, безапелляционно требующий тысячу рекрутов “в дополнку”, обнаружил понимание, что “всякая война не может сладости приносить, но тягость”, и попытался объяснить причины столь затяжной кампании, начав с сердечного обращения “того ради рассуди и помысли”[84].

В “Рассуждении” и “Гистории” говорилось о “всегдашней ненависти на российский народ” шведов и других соседей, которые, “если бы узрели нас в прежнюю грубость и невежество отпадших, не токмо исправитись не допустят, но и свободно жити не

[82] Там же. С. 549.
[83] Там же. С. 544, 548.
[84] Там же.

дадут". Поэтому никак нельзя бросить начатое и "беспечально пребывати", пока не будет обеспечено обладание Балтийским побережьем. "Ибо так рассуждали иноземцы, что Россия самою большею Севера частию владеющая, если флот построит и при Нарве гавен и магазин оружейный сделает, то не токмо в Ливонию, но и во всю Германию с войсками своими пройдет". Шведы давно имели намерение против россиян, "еще Кароль единонадесятый, отец воевавшего с нами Кароля двенадесятого, готовил войну на Российское государство", "дабы с иностранными областями весьма купечество у России пресечь". Русские же и не помышляли вовсе о войне с шведами, и "на главного христиан гонителя, на разорителя восточныя церкве намеряемо было [наше] оружие", несмотря на то, что "провинции Карелия и Ингрия... издревле ко всероссийскому империю принадлежали"[85].

"Рассуждение", в своем окончательном варианте изданное в 1722 г. тиражом 20 тысяч по цене 10 алтын, расходилось очень туго: при жизни Петра было продано не более 50 книг, и в 1756 г. оставалось еще 16 тысяч непроданных экземпляров[86]. "Гистория Свейской войны" дорабатывалась уже победившим императором в специально отведенные часы раз в неделю по субботам и стала достоянием читающей публики лишь при Екатерине II[87]. Таким образом, изложенные причины тяжелейшей для России войны с противником, "которого, почитай, вся Европа опасается"[88], жизненная необходимость продолжения кампании и "благодеяния", принесенные победой над Шведской короной, были растолкованы уже после заключения Ништадтского мира ничтожному числу подданных и, по всей видимости, предназначались скорее их потомкам. Однако именно в этих трудах, а также в похвальных словах и сочинениях Прокоповича, была сформулирована общая концепция имперской доктрины российского самодержавия первой четверти XVIII в.

---

[85] Там же. С. 477, 546–548. См. также: *Феофан Прокопович*. Слово о состоявшемся между Империею Российскою и Короною Шведскою мире... С. 117, 124.

[86] См. об этом: *Шмурло Е.* Петр Великий в оценке современников и потомства. СПб., 1912. С. 5–6 (примеч.); *Пекарский П.П.* Наука и литература при Петре Великом. Введение в историю просвещения в России XVIII столетия. СПб., 1862. Т. 2. С. 585.

[87] Сочинение Петра и его сподвижников было издано историком М.М. Щербатовым под заглавием "Журнал или Поденная Записка блаженныя и вечнодостойныя памяти государя императора Петра Великаго с 1698 года, даже до заключения Нейштатскаго мира. Напечатан с обретающихся в Кабинетной архиве списков, правленных собственною рукою его императорского величества" (СПб., 1770–1772).

[88] *Шафиров П.П.* Рассуждение... С. 542.

Триумфальное завершение Северной войны и преподнесение Петру I нового титула стало ключевым событием, давшим импульс дальнейшему развитию имперской идеи в России. Неслучайно обстоятельства празднования Ништадтского мира неоднократно попадали в поле зрения исследователей. Достаточно лишь упомянуть существующие в литературе многочисленные ракурсы взгляда на торжество по случаю победы над Шведской короной.

Картины грандиозного триумфа в Петербурге присутствуют во всех обобщающих работах по истории петровского царствования[89]. Однако авторы монографий, охватывающих как минимум несколько десятилетий столь богатой событиями переломной эпохи, ограничивались, как правило, лишь описанием празднования Ништадтского мира. Между тем исполненное многозначительной символики действо, сопровождавшееся провозглашением монарха императором и российской державы империей, требует перехода от интуитивной иллюстративности к более тонкой интерпретации, позволяющей проникнуть в подтекст лежащих на поверхности реальных фактов. В данном случае наиболее плодотворными становятся работы, основанные на применении специальных исследовательских приемов, включающих методы семиотики, "интеллектуальной" и "понятийной" истории, а также сравнительного литературоведения.

Ученые тартуско-московской школы[90] при анализе "внутренне конфликтной культуры" русского XVIII в. исследуют как ее "знаковые образования", так и "языковые системы". В работах Ю.М. Лотмана и Б.А. Успенского государственная идея рассматривается сквозь призму "семиотических проявлений" сакрализа-

---

[89] См., например: *Соловьев С.М.* История России с древнейших времен. М., 1963. Кн. IX. С. 320–324; *Wittram R.* Peter I, Czar und Keizer. Göttingen, 1964; *Павленко Н.И.* Петр Первый. М., 1975; *Он же.* Петр Первый и его время. М., 1989. С. 151–152; *Семенова Л.Н.* Очерки истории и быта культурной жизни России. Первая половина XVIII века. Л., 1982. С. 210–211; *Молчанов Н.Н.* Дипломатия Петра Первого. М., 1984. С. 395–397; *Raizanovskii N.V.* The Image of Peter the Great in Russian History and Thought. N.Y., 1985; *Анисимов Е.В.* Время петровских реформ; *Каменский А.Б.* Российская империя в XVIII веке. С. 123; и др.

[90] "Тартуская", или "тартуско-московская", школа структуральной поэтики и семиотики возникла в начале 1960-х годов на базе кафедры русской литературы Тартуского университета. Это направление гуманитарных исследований, основанное и вдохновляемое Ю.М. Лотманом, объединило лингвистов и литературоведов, подходящих к языку как к знаковой системе. (См. об этом: Ю.М. Лотман и тартуско-московская семиотическая школа. М., 1994; *Gasparov B.* Introduction // The Semiotics of Russian Cultural History. Essays by Jurii M. Lotman, Lidia Ia. Ginsburg, Boris A. Uspenskii. N.Y., 1985.)

ции царя в различные периоды русской истории. В восприятии образа Петра и саморепрезентации монарха исследователи усматривают сложное пересечение "римской языческой традиции" "власти и царства" и византийского наследства "благости и священства", возможное лишь в барочной культуре с ее "семантической многоплановостью". Несмотря на то что в центре внимания тартуско-московской семиотической школы находятся текст и "его генератор" язык, который, по мнению исследователей, служит "увеличительным стеклом, позволяющим увидеть всю неоднозначность и противоречивость генезиса русской культуры нового времени" и выяснить, в частности, в каких терминах "кодировался идеал государства"[91], ученые лишь спорадически выходят на столь знаковое событие, как изменение титула монарха и становление собственно имперского сознания в России первой четверти XVIII в.[92]

Церемониалы петровской эпохи, триумфальные въезды, фейерверки, ассамблеи, многодневное празднование Ништадтского мира, коронация Екатерины I и, наконец, погребение первого русского императора представлены в работах американского историка Р. Уортмана как "мифологический театр" самодержавия или тщательно разработанные "сценарии власти"[93].

---

[91] См.: *Успенский Б.А.* Избранные труды. Семиотика истории. Семиотика культуры. М., 1994. Т. 1. С. 9; *Он же.* К проблеме генезиса тартуско-московской семиотической школы // Ю.М. Лотман и тартуско-московская семиотическая школа. М., 1994. С. 266; *Живов В.М.* Язык и культура в России XVIII века. М., 1996. С. 68, а также: *Лотман Ю.М. Успенский Б.А.* К семиотической типологии русской культуры XVIII века // Из истории русской культуры XVIII – начала XIX века. М., 1996. Т. IV. С. 429, 431; *Они же.* Отзвуки концепции "Москва – Третий Рим" в идеологии Петра Первого (К проблеме средневековой традиции в культуре барокко) // *Лотман Ю.М.* Избранные статьи. Таллинн, 1993. Т. III. С. 201, 204; *Живов В.М., Успенский Б.А.* Царь и Бог. Семиотические аспекты сакрализации монарха в России // Языки культуры и проблемы переводимости. М., 1987. С. 47, 93–100 и др.; *Успенский Б.А.* Царь и император. Помазание на царство и семантика монарших титулов. М., 2000. С. 48–52.

[92] Даже в фундаментальной работе В.М. Живова, где на обширном источниковом материале анализируется языковая ситуация петровской эпохи, провозглашение монарха императором признается одним из подтверждений усиления "латинского подтекста новой культуры" и рассматривается лишь в рамках реформы азбуки (*Живов В.М.* Язык и культура в России XVIII века. С. 81–83).

[93] *Wortman R.S.* The Development of a Russian Legal Consciousness. Chicago, 1976; *Idem.* Scenarios of Power. Myth and ceremony in Russian Monarchy. Princeton, 1995. Vol. I (пер.: *Уортман Р.С.* Сценарии власти. Мифы и церемонии русской монархии от Петра Великого до смерти Николая I: Материалы и исследования. М., 2002); *Idem.* Ceremony and Empire in the Evolution of Russian Monarchy // Казань, Москва, Петербург: Российская империя взглядом из разных углов. М., 1997.

“Ренессансный политический спектакль”, перенесенный из Европы и по-новому поставленный в Петербурге, автор исследует на широком историческом фоне, проводя традиционные аналогии по хронологической вертикали от античного Рима к православной Византии и обрядам венчания на царство московских правителей, а также используя синхронные сопоставления с Пруссией Гогенцоллернов и Францией Людовика XIV. На основе проведенного всестороннего анализа эмблем и аллегорий “эпической драмы” первой четверти XVIII в. Петр предстает в мифологической роли “Героя и Бога”, “победителя, приносящего России блага цивилизации и прогресса”. Естественно, что в момент грандиозного празднования Ништадтского мира правитель державы, теснящей на Западе своих соседей и претендующей на особый политический статус, наделялся величественными чертами, которые апеллировали к европейской традиции. Однако в действительности образ монарха не исчерпывался фигурой завоевателя, уподобленной римскому императору, как и церемонии петровского царствования являлись лишь одним, причем не центральным, фрагментом сложной мозаичной картины политической жизни русского общества первой четверти XVIII столетия. Некоторая абсолютизация символики придворных торжеств приводит к тому, что в работах Р. Уортмана факт провозглашения монарха императором теряется в череде триумфальных шествий, сопровождающих все победы русского оружия в многолетней Северной войне.

В этом отношении представляет большой интерес статья О.Г. Агеевой, посвященная обстоятельствам преподнесения Петру “наименований Император, Великий, Отец Отечества”. Автор подробно рассматривает подготовку церемонии, сам ритуал вручения титула, внешнеполитическое значение официального возникновения новой империи на карте Европы и, наконец, проводит этимологическое сравнение терминов “tsar”, “czar”, “кесарь”, “rex”, “царь”, “император”, “Augustus” и т.д. В работе затрагивается и вопрос о семантическом поле понятия “империя”, на формирование которого, по мнению автора, повлияло “стремление осмыслить будущее страны” в контексте “новых историософских идей, терминов, концепций”[94]. Однако автор не заостряет внима-

[94] *Агеева О.Г.* Имперский статус России: К истории политического менталитета русского общества начала XVIII века // Мировосприятие и самосознание русского общества. Царь и царство в русском общественном сознании. М., 1999. Вып. 2. См. также: *Она же.* “Величайший и славнейший более всех градов в свете...” – град святого Петра. Петербург в русском общественном сознании начала XVIII. СПб., 1999; *Она же.* Европеизация русского двора 1700–1796 гг. М., 2006. С. 124–143.

ние на предыстории употребления понятия "империя" в русском языке, а также обходит стороной проблему влияния на восприятие образа царя его нового титула. Между тем эволюция словесного оформления обращения к монарху, ставшему императором, с одной стороны, выражала отношение подданных к верховной власти, а с другой – сама являлась фактором формирования образа самодержца.

Для понимания российской государственной доктрины важно не просто воссоздать набор конкретных символов и понятий, генерируемых и поддерживаемых властью. Следует провести функциональное ранжирование идей, составляющих государственную концепцию, выявить слой носителей официальной доктрины, а также механизмы ее реализации и степень эффективности функционирования, так называемую "обратную связь", на которую рассчитана любая официальная идея. При анализе тактики использования властью определенных терминов и при оценке результатов идеологической политики государства следует учитывать, что формирующаяся в начале XVIII в. собственно имперская идеология предназначалась не для обслуживания древнеримской мифологии или барочной культуры, а была востребована обстоятельствами и направлена на решение стоящих перед страной задач.

* * *

В проповеди "о состоявшемся между Империею Российскою и Короною Шведскою мире" главный идеолог петровского царствования архиепископ Псковский Феофан Прокопович торжественно возвестил о том, что Россия добилась, наконец, "страха по всей Европе и славы во всем свете"[95]. В это же время на страницах "Рассуждения о причинах Свейской войны" канцлер П.П. Шафиров констатировал: "...Никого так не боятся, как нас, за что Господу сил да будет в выну хвала"[96]. "Сила и слава" или могущество и признание – в этих словах звучали не только залпы раздавшегося над Невой победного салюта, за ними стояли порожденные реальными обстоятельствами основные принципы внешней политики празднующей свой триумф державы. В Европе XVIII столетия Россия не могла рассчитывать на стабильное "неутралство", никак не осложняемое посягательством других

---

[95] *Феофан Прокопович*. Слово о состоявшемся между Империею Российскою и Короною Шведскою мире... С. 115.

[96] *Шафиров П.П.* Рассуждение... С. 549.

стран, преследующих свои интересы. Существовала только одна дилемма – либо сила победоносного оружия и опытной дипломатии, либо лишение "славы", "свободы" и, может быть, даже "веры", поскольку "ежели мы... не упредим, тамо усилятся и к руине и разорению" приведут[97]. В ходе поражений и побед Северной войны приходило осознание, что Россия должна привести себя в "совершенную безопасность" "по в[сем] божественным светским и натуралным, такожде и по воинск[им] резон[ам]"[98].

Под влиянием этой доктрины шло осмысление политического идеала, которому, по мнению Петра и его сподвижников, должна была следовать страна и ее "самовластный правитель". Освященный веками образ единоверной Византии фигурировал в назидательном письме монарха сыну как пример губительного для Греко-Римской империи отказа от наступательной стратегии. "Не от сего ли пропали, что оружие оставили, и единым миролюбием [своим] побеждены, и, желая жить в покое, всегда уступали неприятелю, который их покой в нескончаемую работу тиранам отдал". С другой стороны, прославлялся "собиратель" русских земель "блаженный и вечнодостойный памяти Великий Князь Иван Васильевич, и по истине Великий, не словом, но делом; ибо оный рассыпанное разделением детей Владимировых Наше Отечество собрал и утвердил... и усматривал достойного наследника, который бы собранное и утвержденное Наше Отечество паки в расточение не упустил"[99].

Монарх объявлялся не только правителем, наделенным неограниченной властью, подкрепляемой беспрекословным повиновением подданных. На него возлагался тяжкий груз единоличной ответственности за "целость" и "распространение" государства. Император, выражаясь современным языком, становился "гарантом" обеспечения пространственно-географических условий экономического развития страны, что для России означало не просто сохранение целостности, а расширение границ и укрепление на Балтийском, а затем и Черноморском побережье.

---

[97] См.: Без искусства воинского "не токмо славы, но и свободы и веры лишитися можем", – проповедовал в московском Успенском соборе Феофан Прокопович (*Феофан Прокопович*. Слово о состоявшемся между Империею Российскою и Короною Шведскою мире... С. 124, 129); см. также: Грамота Петра I императору Карлу VI. 11 февраля 1713 // Письма и бумаги императора Петра Великого. Т. 13, вып. 1: Январь–июнь 1713 г. С. 67–68.

[98] Грамота Петра I императору Карлу VI. 11 февраля 1713 // Письма и бумаги императора Петра Великого. Т. 13, вып. 1: Январь–июнь 1713 г. С. 66.

[99] ПСЗ. Т. VI. № 3893. С. 496. 5 февраля 1722. Речь идет о великом князе Иване III.

"...Крайне экстенсивный характер земледельческого производства и объективная невозможность его интенсификации, – пишет Л.В. Милов, – привели к тому, что основная историческая территория Русского государства не выдерживала увеличения плотности населения. Отсюда постоянная, существовавшая веками, необходимость оттока населения на новые территории..."[100]. Отсутствие выхода к незамерзающим портам на определенном этапе стало препятствием, практически блокирующим развитие хозяйства страны. "Запасы мягкой рухляди к концу XVII в. были в значительной мере исчерпаны. ⟨...⟩ Такая земледельческая держава, как Россия, рано или поздно должна была развернуть крупномасштабную внешнюю торговлю продуктами земледелия, т.е. крупногабаритным товаром, требующим оптовой торговли. А транспортировать такие товары можно было только водными путями"[101]. Таким образом, борьба за сохранение российской государственности и условия экономического роста объективно оборачивались борьбой за новые жизненно важные территории.

Однако завоевывать право на существование нужно было не только силой оружия. России предстояло определить свое место в Европе именно как европейской державе и, не ограничиваясь нагнанным на соседей "страхом", добиться признания и "славы". Тем более, что "при растущем в науках свете" только "регулярный народ" мог рассчитывать на победу над "правильно расположенным государством"[102].

Реформы первой четверти XVIII в., от форсированного строительства "железных заводов", создания боеспособной армии и учреждения коллегий до открытия Навигацкой школы, введения европейского платья, гражданского шрифта и обилия причудливых немецких терминов, имеют богатейшую историографию. Однако в контексте возникновения и усложнения имперской доктрины самодержавия особый интерес представляет не столько ход петровских реформ, сколько попытка их официальной интерпретации.

Многие преобразования первого российского императора были востребованы войной, носили спонтанный характер и отличались известной подражательностью. Спустя несколько десятилетий обнаружится, что стремительное и порой насильственное усвоение элементов государственного управления, культуры,

---

[100] *Милов Л.В.* Великорусский пахарь... С. 566.

[101] Там же. С. 567.

[102] См.: ПСЗ. Т. V. № 3006. С. 203. 20 марта 1716; *Шафиров П.П.* Рассуждение... С. 471.

повседневной жизни, сложившихся в цивилизации иного типа, породило неожиданные и трудно поддающиеся контролю метаморфозы в русском обществе. Тем не менее Петр и его сподвижники считали, что все их усилия направляются на создание новой России, максимально приближенной к идеалу "политизированного государства", четкой концепции которого они, кстати сказать, не имели. Лишь некоторые черты этой "регулярной" державы, какой должно стать "обученное и исправленное отечество", просматриваются в документах петровского времени.

Во-первых, "искусная в политических делах" Россия не могла обойтись без жесткой структуры власти, в которой каждое звено аппарата управления наделено строго определенными функциями и каждый подданный "знает свою должность". По всей видимости, Петр не оставил без внимания адресованное ему письмо немецкого ученого Лейбница о том, что внутреннее устройство государственной системы следует уподобить механизму часов, где колеса взаимно друг друга приводят в движение[103].

Роль же главной пружины и главного импульса монарх отводил собственным указам. "Глава же всему, дабы должность свою и Наши указы в памяти имели, и до завтра не откладывали; ибо как может Государство управлено быть, когда указы действительны не будут: понеже презрение указов ничем разнится с изменою"[104]. Изданный в 1720 г. Генеральный регламент наделил сверхъестественной властью не только именные приказы, но и любую бумагу, блуждающую по инстанциям коллегий и Сената, отменив все формы словесных распоряжений. Создается впечатление, что благополучие государства ставилось в прямую зависимость от четкости выполнения многочисленных инструкций, которые получили все должностные лица, "для вящей ревности" поставленные государственным жалованьем в прямую зависимость от монарха. Именной указ Петра "О должности Сената" рисовал зловещую картину краха государственности от неуважения к уставу: "...Мало помалу все разорится, и люди в непослушании останутся: чему ничто иное, токмо общая погибель следовать будет, как то о Греческой Монархии явной пример имеем"[105]. Жесточайшая регламентация всех "государственных

---

[103] См. об этом: *Пекарский П.П.* Наука и литература... Т. 1. С. 27; *Richter L.* Leibniz und sein Russlandbild. B., 1946; *Герье В.И.* Сборник писем и мемориалов Лейбница, относящихся к России и Петру Великому. СПб., 1873; *Benz E.* Leibniz und Peter der Grosse. Der Beitrag Leibnizes zur russischen Kultur-, Religions- und Wirtschaftspolitik seiner Zeit. B., 1947.

[104] ПСЗ. Т. V. № 3264. С. 606. Декабрь 1718.

[105] Там же.

должностей", образа жизни и образа мыслей подданных превращалась в синоним "доброго порядка" и цивилизованности, "ибо беспорядочный варварский обычай смеху есть достойный, и никакого доброго из оного ожидать невозможно"[106].

Но для того чтобы "исполнить нацию и великое государство в вящий цвет и славу привесть", одной жесткой унификации в век европейского Просвещения было явно недостаточно[107]. Европеизация быта и образованность, по крайней мере, верхушки общества становятся еще одной важнейшей характеристикой создаваемой "регулярной" России. Ставится задача насадить "науки, искусства и добрые нравы", поскольку, как вещал Прокопович, "учение основательное есть всякой пользы отечества и корень и семя"[108]. А немедленно воплощающаяся в осязаемых результатах "польза отечества" предполагала в стремительное и практичное время петровских преобразований "постижение воинских регул и пушечных художеств", "умножение математических искусств", "произыскиванье гисторией", "заведение общества ученых людей" и обучение юношества "в церковную службу и в гражданскую, воинствовать, знать строение и архитектуры и докторское врачебное искусство"[109]. Всем этим премудростям не зазорно было поучиться у "регулярных государств", с тем чтобы воспитание нового поколения шло "не токмо в страхе Божием и в православной Нашей Христианской вере", но в "лучшем знании воинских и политических (или гражданских) дел и иностранных Государств состояния и обхождения и иных языков"[110].

---

[106] Там же. № 3006. С. 203. 30 марта 1716.

[107] См.: Предложение тайного советника Лейбница. 27 октября 1712 г. Карлсбад // Письма и бумаги императора Петра Великого. Т. 12, вып. 2: Июль–декабрь 1712 г. С. 486.

[108] См. об этом: Там же. С. 203; *Смирнов Н.А.* Западное влияние на русский язык в Петровскую эпоху // Сборник отделения русского языка и словесности Императорской Академии наук. СПб., 1910. Т. 88. С. 6; Записки графа Бассевича... Стб. 200, 633; *Гуковский Г.А.* Русская литература XVIII века. М., 1998. С. 25.

[109] Приобщение подданных к наукам и европейскому стилю шло уже хорошо отработанными и в определенном смысле оправдавшими себя методами. Обучение дворянства было введено в ранг государственной службы. Тем, кто отправлялся в Европу постигать мудрости, а также не имевшим начального образования молодым представителям высшего сословия запрещалось жениться. Предметом доноса становилось нарушение царского указа "носить платье, кроме пахотных людей, всем европейских стран христианских подобием", образцы которого вывешивались на заборах в назидание и по причине отсутствия модных журналов.

[110] См.: ПСЗ. Т. V. № 3151. С. 534–535. 3 февраля 1718.

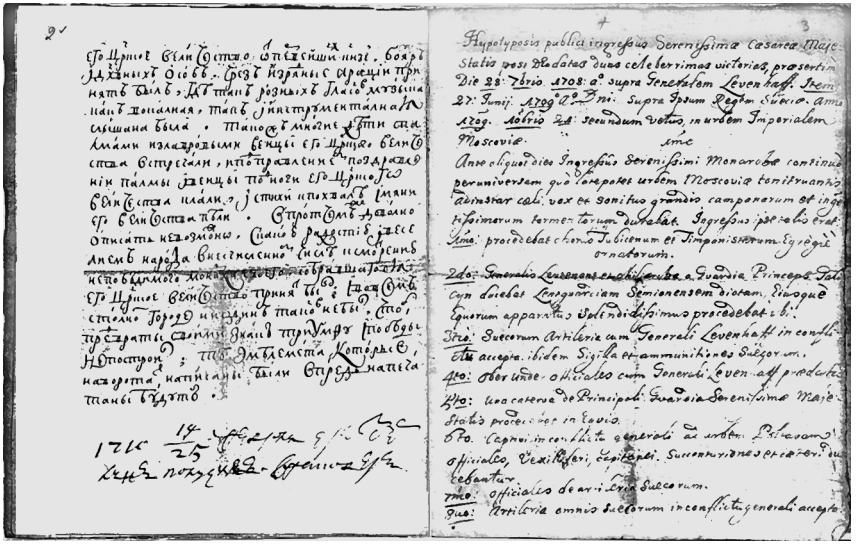
В начале XVIII в. Россия, претендующая на статус могущественной цивилизованной державы, приобретает иное качество и иную динамику контактов с Европой. Выход к Балтийскому морю и создание "преизрядного флота" чрезвычайно оживило внешнюю торговлю. При европейских дворах появляются постоянные русские представительства, в которых "многие могут равнятися с министры других европейских народов, и в негоциациях политичных с доброю славою должность свою отправляют". Молодые дворяне отправляются в Европу для получения образования. "Ныне видим и самого его величество немецким языком глаголющаго, и несколько тысяч подданных его российского народа, искусных разных европейских языков... и такого притом обхождения, что непостыдно могут равнятися со всеми другими европейскими народами". Впервые православный русский царь посетил европейские государства "дабы ⟨…⟩ потом по прикладу оных свои пространные государства ⟨…⟩ учредить"[111]. Русский человек, и прежде всего образованный человек, проходил свой мучительный путь от пресловутой теремной замкнутости столицы истинного христианства до стремления в Европу, интеллектуальных заимствований и формирования "периферийного сознания", непостижимым образом сочетающегося с имперскими амбициями и гордостью за свою великую державу.

"Обученная и регулярная" Россия не желала более оставаться "персидским народом", который с Европой "никаких сношений не имеет и в число европейских народов мало причисляется"[112]. О русских в начале XVIII в., отмечал П.П. Пекарский, европейские журналисты и публицисты говорили с насмешками, когда дело шло об умственном состоянии страны, или с опасениями, похожими на страх римлян при слухах о варварах, когда получались известия о воинских успехах русского царя[113]. Петр предпринимает кажущуюся сейчас несколько наивной попытку завоевать общественное мнение Европы. Он нанимает некоего барона фон Гюйссена, в обязанности которому вменяется вербовать на русскую службу инженеров и офицеров, переводить и распространять указы царя, склонять крупных европейских ученых посвящать свои труды русскому монарху и писать памфлеты, прославляющие Россию. Главной же задачей Гюйссена было создание в Европе представления о России как о цивилизованном государстве. Подтверждением данной характеристики,

---

111 *Шафиров П.П.* Рассуждение... С. 469–470, 496.
112 Там же. С. 467.
113 *Пекарский П.П.* Наука и литература... Т. 1. С. 90.

А.Ф. Зубов, П. Пикарт. Полтавская баталия. 1715 г.



«Изображение публичного входу, который Его Царское Величество… в 1709 декабря 21 в стольном граде Москве изволил учинить". Фрагмент текста рукописи на русском языке и перевода. 1710 г.

с точки зрения Петра, могли служить, в частности, сведения о проводимых реформах, создание образа просвещенного русского полномочного министра, хвалебные отзывы о мощной регулярной армии, утвердившейся в Лифляндии, и красочные описания торжественных въездов царя в столицы[114]. Победы Петра пред-

[114] Главным печатным органом Гюйссена стал журнал "Europäische Fama", на страницах которого в течение нескольких лет помещались сочувственные России статьи.

стали перед западной публикой в подробных отчетах, помещаемых с 1705 г. в первой русской газете "Ведомости"; виктории, баталии и фейерверки были запечатлены на работах граверов, не успевающих выполнять казенные заказы; наконец, все европейские дворы, вплоть до маленьких немецких княжеств, незамедлительно получали описание триумфов на русском языке и латыни[115].

Выдавая в известной мере желаемое за действительное и торопя события, Феофан Прокопович уже в 1716 г. в "Слове похвальном в день рождества благороднейшего государя царевича и великого князя Петра Петровича" возвестил о достойном месте обновленной России среди "политизированных европейских государств". "Те, которые нас гнушалися яко грубых, ищут усердно братерства нашего; которые безчестили, славят; которые грозили, боятся и трепещут; которые презирали, служити нам не стыдятся; отменили прежнии свои о нас повести, инако и глаголати и писати начали. Поднесла главу Россия, светлая, красная, сильная, другом любимая, врагом страшная"[116].

"Творцом российского народа" был назван современниками еще при жизни Петр[117], по всей видимости, глубоко вошедший в эту приписываемую ему харизматическую роль. Неслучайно великий монарх потребовал от переводчика "Введения в историю европейскую" Самуила Пуффендорфа точного воспроизведения слов немецкого правоведа о "россиянах", которые "не тако суть устроены и политичны, яко же прочие народы европейские, в письменах неискусны, зазорны, невоздержательны, свире-

---

[115] См.: Ведомости времени Петра Великого. М., 1903. Вып. 1. С. 225; *Мурзанова М.Н.* "Книга Марсова" – первая гражданской печати, напечатанная в Петербурге // Труды Библиотеки АН СССР. М.; Л., 1948. Т. 1. С. 156–159; *Бакланова Н.А.* Отражение идеи абсолютизма в изобразительном искусстве первой четверти XVIII в. // Абсолютизм в России (XVII–XVIII вв.). М., 1964. С. 499–500; Изображение публичного входу, который Его Царское Величество после получения двух преславных викторий, а именно в 28 сентября 1708 над генералом Левенгауптом, 27 июня 1709 сам высокой своей персоной над королем Швеции под Полтавой одержал, в 1709 декабря 21 в стольном граде Москве изволил учинить // Handschriftenabteilung der Göttinger Universitätsbibliothek. 8° Cod. Ms. Asch 242. 1r-2v.

[116] *Феофан Прокопович*. Слово похвальное в день рождества благороднейшего государя царевича и великого князя Петра Петровича // *Феофан Прокопович*. Сочинения. С. 46.

[117] В 1716 г. Конон Зотов докладывал Петру из Парижа: "Маршал д'Этре принял меня так милостиво, будто сына своего; он назвал ваше величество творцом российского народа: что может быть сказано в вашу хвалу лучше этого?" (См. об этом: *Шмурло Е.* Указ. соч. С. 4 (примеч.)).

пы”[118]. В заключении “Рассуждения о причинах Свейской войны” Петр напишет: «Прежние времена не суть равны нынешним, ибо шведы тогда о нас не так рассуждали и за слепых имели, как о том славный историк Пуффендорф пишет в книге “Введения в истории” (которая ныне переведена и напечатана на славенском языке) о русском народе»[119].

“Венцом могущества царского величества”[120] стало грандиозное празднование Ништадтского мира. Победа над Шведской короной оправдывала колоссальное напряжение, в котором Петр четверть века держал всю страну, и огромные жертвы, проложившие России путь к незамерзающим балтийским гаваням. Власть с упоением демонстрировала могучую волю к победе и качественно иной уровень притязаний новой морской державы. Право на достойное место в Европе закреплялось и терминологически. К феерическому действу в столице, отстроенной неподалеку от границ поверженного противника, было приурочено провозглашение Петра императором, т.е. равным по статусу высшему “потентату” Европы, императору Священной Римской империи. Это событие было подготовлено двумя делегациями от Сената, “обще с Духовным Синодом” направленными к монарху с тем, чтобы склонить его к “восприятию” новой титулатуры.

20 октября 1721 г. Александр Меншиков подал Петру послание, в котором Сенат именем “Всероссийского государства чинов и всего народа” просил разрешения во время торжественной службы в Соборной церкви Пресвятой Троицы поднести монарху “по примеру других” “титло” Отца Отечества, Императора Всероссийского, Петра Великого[121]. Нижайшая просьба аргументировалась страстным желанием подданных отблагодарить государя за достигнутое во время его правления “сильное и доброе состояние” России и “славу ее у всего света”. Доставленное Меншиковым письменное обращение не получило ответа, а вместо этого Петр потребовал к себе некоторых сенаторов и двух архиепископов, Феофана Прокоповича и Федора Яновского. Во время аудиенции монарх поначалу не соглашался удовлетво-

---

[118] Цит. по: *Пекарский П.П.* Наука и литература... Т. 1. С. 326.

[119] *Шафиров П.П.* Рассуждение... С. 546.

[120] См.: Записки графа Бассевича... Стб. 200.

[121] Акт поднесения Государю царю Петру I титула Императора Всероссийского и наименования: Великого и Отца Отечества // ПСЗ. Т. VI. № 3840. С. 444. 22 октября 1721. См. об этом, в частности: *Madariaga I.* Tsar into Emperoi – the Title of Peter the Great // *Madariaga I.* Politics and Culture in the 18th – Century Russia: Collected Essays. L.; N.Y., 1998. P. 15–39.

рить повторенную просьбу и "многими явленными резонами от того уклоняться изволил"[122].

Открытые очень узкому кругу лиц высочайшие "резоны" царя так, по всей видимости, и останутся неизвестными. О.Г. Агеева высказывает предположение, что Петра смущало понижение статуса его царственных предков и расшатывание непререкаемого авторитета их титула, освященного наследием православной Византии[123]. Вероятно, могло сыграть свою роль и ставшее традиционным лицедейство русских монархов – их публичные отказы от вожделенной власти и милостивое снисхождение или возвращение на трон под аккомпанемент народной мольбы. Не исключено также, что "помазанник Божий", приняв на себя функции демиурга, любое "титло" считал недостаточным для своей возвеличенной персоны[124]. Так или иначе, все сомнения Петра были связаны с целесообразностью изменения официального титула венценосной особы в плоскости отношений "монарх–верноподданные". Что же касается международного общественного мнения, то после Полтавской победы Петру и его сподвижникам стало совершенно ясно, что страна имеет теперь все основания войти в европейский мир могущественной державой и, логично, что имя этой державы будет Российская империя. Титул "восточного" или "восточно-римского" императора был отвергнут Петром сразу, поскольку в начале XVIII в. речь шла не о возрождении поверженного Царьграда, не о "Третьем Риме", а о величии России и достоинстве "императора всероссийского" среди "регулярных политизированных народов"[125]. Вероятно, подобные соображения и подтолкнули Петра "склониться... по долгому господ Сенаторов прошению к предложенным важным представлениям".

Знаменательный для России день 22 октября 1721 г. начался с литургии в Троицком соборе. После вознесенной Всевышнему

---

[122] Там же. С. 445.

[123] *Агеева О.Г.* Имперский статус России. С. 122–123, 135–136.

[124] См. об этом: *Панченко А.М., Успенский Б.А.* Иван Грозный и Петр Великий: концепции первого монарха // Труды отдела древнерусской литературы. Л., 1983. Т. XXXVII. С. 54–78.

[125] См.: *Соловьев С.М.* История России с древнейших времен. С. 321–322. Есть все основания согласиться с доводами Я.Н. Щапова, полагающего, что титул "царь" при всем его величии для сознания русского человека начала XVIII столетия отдавал не только средневековым прошлым Московской Руси, но и архаикой Древнего мира с его иудейскими царями – см.: Выступление Я.Н. Щапова по поводу доклада Марасиновой Е.Н. "Российское самодержавие и дворянство в XVIII в. (Идеологический и социопсихологический аспект)" // Труды Института российской истории Российской академии наук. М., 2005. Вып. 5. С. 116–117.

благодарности за славную викторию последовало собственно чтение трактата о заключении "вечного" мира с "Его Величеством королем Шведским и короною Шведскою". Затем кафедра собора была предоставлена Феофану Прокоповичу. В поучении архиепископа Псковского перечислялись величайшие заслуги монарха, которые должны быть вознаграждены "именем Отца Отечества, Императора и Великого". "Архиепископ псковский, – записал в своем дневнике очевидец церемонии голштинский дворянин камер-юнкер Фридрих Берхгольц, – сказал превосходную проповедь, текстом которой был весь первый псалом и в которой он изобрази[л] все труды, мудрые распоряжения и благодеяния его величества на пользу его подданных в продолжение всего царствования и особенно в минувшую войну"[126].

Лишь только завершилась проповедь Феофана Прокоповича, монарха обступили сенаторы, и канцлер Г.И. Головкин также от лица "всех государственных чинов" произнес речь, в которой просил царя принять новый титул. Сказанное Головкиным было выдержано в той же системе ценностей, к которой апеллировала формирующаяся государственная доктрина самодержавия. Главным событием правления Петра признавалась Северная война, главным итогом – победа над противником, выведшая Россию "из тьмы неведения на театр славы и всего света и в общество политических народов"[127]. Все те же "сила и слава", т.е. могущество и признание превращали царя в глазах подданных в "Отца Отечества, Петра Великого, Императора Всероссийского".

С тем, чтобы окончательно прояснить значимость момента, канцлер раскрыл смысл "титла" и "наименований": "...Титул Императорский Вашего Величества достохвальным Антецессорам от славнейшего Императора Римского Максимилиана от неколиких сот лет уже приложен и ныне от многих Потентатов дается"[128]. Головкин имел в виду грамоту императора Священной Римской империи Максимилиана I, направленную в 1514 г. к Василию III, в которой московский великий князь именуется "государем цесарем и обладателем всероссийским"[129]. Этот документ, подтверждающий признание римским императором "цесарского"

---

[126] Дневник камер-юнкера Ф.В. Берхгольца. 1721–1725. М., 1902. С. 133–134.

[127] Акт поднесения Государю царю Петру I титула. С. 445.

[128] Там же.

[129] См.: Грамота Максимилиана I к великому князю Василию III 1514 года. СПб., 1718; *Пекарский П.П.* Наука и литература... Т. 2; *Быкова Т.А., Гуревич М.М.* Описание изданий гражданской печати, 1708 – янв. 1725. М.; Л., 1955.

титула русского монарха[130] еще в начале XVI в.[131], был обнаружен в бумагах посольской канцелярии и как нельзя лучше подошел к государственной идее петровского царствования. Найденный манускрипт был переведен со "старонемецкого" и "для всенародного известия" напечатан в 1718 г. на русском языке и языке оригинала. В предисловии к публикации говорилось: "…Грамота оная есть вещь древняя и куриозная, и по утверждению беспрекословному того высокого достоинства за толко уже лет первой градус имеющего Монарха воздаванная"[132].

Петр и его сподвижники прекрасно понимали, что в титуле "императора всероссийского" должна звучать лишь идея величия новой морской державы и отсутствовать даже косвенное признание слабости и периферийности, унаследованных от Московской Руси. Неслучайно в январе 1722 г. В.Л. Долгоруков на аудиенции у французского короля объявил, что "как государь Петр принял титул Императора Всероссийского, издревле надлежащий российским монархам, то и надеется он, что и французский двор не отречется оного воздавать ему государю и приемникам его"[133]. И "древние грамоты", и современные дипломатические реалии призваны были подтверждать традиционное и естественное право царя на императорский титул. Еще в 1713 г., когда вырабатывались единые условия договора "Северного союза" с Швецией, Г.И. Головкин, комментируя проект "Генерального плана", писал Б.И. Куракину: "...Некоторые державы подозрение имеют о великой силе его царского величества, будто он великие намерения имеет, а именно: (1) хочет титло цесарское; (2) себя на Балтийском море устрашительно и сильно учинить хочет; (3) на-

---

[130] "Главным достижением русской дипломатии, – пишет А.Л. Хорошкевич, – была не договоренность о конкретных действиях, а признание Максимилианом претензий Руси на русские земли и титула царя за Василием III" (*Хорошкевич А.Л.* Русское государство в системе международных отношений конца XV – начала XVI в. М., 1980. С. 125).

[131] Обращение к великому князю как к "цесарю" представляется не дипломатической уступкой римского императора, а стратегической линией его политики в отношении Московии. Согласно русским посольским книгам, послы Максимилиана I называли еще Ивана III, а затем и Василия III "царем всея Руси" (Памятники дипломатических сношений древней Руси с державами иностранными. СПб., 1851. Т. I, ч. 1. С. 73, 77, 124, 131, 141; см. об этом также: *Vodoff W.* Le règne d'Ivan III: une étape dans l'histore du titre "tsar" // Forschungen zur osteuropäischen Geschichte. B., 1996. Bd. 52. S. 15–20).

[132] *Пекарский П.П.* Наука и литература... Т. 2. С. 429.

[133] *Бантыш-Каменский Н.Н.* Обзор внешних сношений России (по 1800). М., 1902. Ч. 4. С. 93.

мерение имеет себе Польшу... подвергнуть"[134]. В тот же день, 3 марта 1713 г., Головкин сообщал и В.Л. Долгорукову в Копенгаген о тревоге некоторых европейских монархов по поводу "высокомнительных и многоискательных намерений" русского царя, который "хощет восприять титло императорское"[135].

"Три соединенные европейские державы", Дания, Польша и Россия, обязались поручить своим полномочным представителям целенаправленно рассеивать эти подозрения. В то же время петербургский двор поспешил ответственность за столь встревожившие соседей амбиции русских возложить на английскую королеву: "...Ее королевское величество великобританское титул дала его царскому величеству в некоторой грамоте, которую она писала, и оной титул велела дать изустно господину Витворту, бывшему послу при дворе его царского величества"[136]. Привезший в 1710 г. царю извинения от королевы Анны за разбойное нападение на русского посла А.А. Матвеева в Лондоне Чарльз Уитворт действительно именовал Петра "цесарем" или "императором"[137]. Подканцлер П.П. Шафиров дал понять также и допущенному на аудиенцию датскому министру Ю. Юлю, что другим "коронованным особам" не зазорно последовать столь достойному подражания примеру[138].

Хотя Петербург и подтверждал, что ни один документ, исходящий из канцелярии его величества, не был подписан императорским титулом, термины "Российская империя" и "Всероссийский император" нет-нет да и появлялись в официальных бумагах. Так, в инструкции от 6 октября 1712 г., данной Б.И. Куракину, речь, в частности, шла о свободной торговле хлебом в Россий-

---

[134] Письма и бумаги императора Петра Великого. Т. 13, вып. 1: Январь–июнь 1713 г. С. 276.

[135] Там же. С. 279.

[136] См.: Г.И. Головкин – Б.И. Куракину. 1713, март. Берлин (Там же. С. 276). Тогда же в письме к барону Шаку Г.И. Головкин добавил, что королева Анна в письмах обращается к Петру только как к "императору" (Там же. С. 274).

[137] Усиление Петербурга стало реальным фактором европейской политики, и английский посланник распоряжения своей королевы выполнял со всей искренностью. В записках, оконченных к осени 1710 г., Ч. Уитворт называет Россию "Российской империей" или "Империей Московии". (Ср. в подлиннике: "Russian Empire", "the Empire of Muscovy" (*Whitworth C.* An Account of Russia as it was in the Year 1710. М.; Л., 1988. С. 8, 58). Неслучайно парадные портреты Петра, написанные иностранными художниками Кнеллером и Моором задолго до 1721 г., имели латинскую подпись "Imperator" (См.: *Бакланова Н.А.* Отражение идеи абсолютизма в изобразительном искусстве... С. 498).

[138] *Юль Ю.* Записки Юста Юля, датского посланника при Петре Великом 1709–1711. М., 1889. С. 155.

ской империи[139]. После взятия Гельсингфорса 18 мая 1713 г. был обнародован универсал Ф.М. Апраксина населению Финляндии, который начинался словами: "Мы, нижеименованный его царского священнейшего величества, императора всероссийского, моего всемилостивейшего царя и государя, командующий над войсками, обретающимися в Финляндии..."[140].

Искушенные в политических ритуалах европейские дворы без труда усматривали нарастающие внешнеполитические претензии крепнущей самодержавной власти[141] и в появлении среди потомственных княжеских родов Московии не только высочайше награжденных княжеским титулом царедворцев, но также "Российского государства графов"[142] и баронов[143]. До Петра I к князьям принадлежали Рюриковичи, Гедиминовичи и потомки татарской высшей знати: русские правители веками наследуемый титул никогда не жаловали, а православных графов и баронов у кремлевского трона и представить не могли. В начале же XVIII столетия сподвижники Петра – фельдмаршал Ф.А. Головин, начальник Посольского приказа Г.И. Головкин и знаменитый А.Д. Меншиков (кстати, как указывалось выше, первый русский "пожалованный" князь), получили от императоров Священной Римской империи Леопольда I и Иосифа I графское достоинство. Спустя несколько лет русский монарх "данной от всевышнего самодержавной властью"[144] принимает на себя

---

[139] Письма и бумаги императора Петра Великого. Т. 12, вып. 2. С. 171.

[140] Там же. Т. 13, вып. 1. С. 424.

[141] "Публичный вход Его Царского Величества" 21 декабря 1709 г. в Москву стал самым грандиозным триумфом за все долгие годы Северной войны. Под звуки пушечных залпов, труб, литавр и колоколов Петр в мундире полковника, который был на нем во время Полтавской битвы, возглавил Преображенский полк. По описанию современников, дети устилали перед ним дорогу "пальмами и лавровыми венками", а люди пели "Благословен грядый во имя Господне, осанна в вышних". Образ русского монарха в этом шествии вобрал в себя и сакральную символику, и величие триумфатора, полководца, императора (См.: Изображение публичного входу… // Handschriftenabteilung der Göttinger Universitätsbibliothek. 8° Cod. Ms. Asch 242. 1r-2v; Описание фейерверка по Полтавской баталии, бывшего в Москве 1 января 1710 года // РГАДА. Ф. 9. Кабинет Петра I. Отд. 1. Оп. 2. Ч. 2. Кн. 51. Л. 78).

[142] См., например, диплом Г.И. Головкину на титул графа. 16 февраля 1710 г. (Письма и бумаги императора Петра Великого. М., 1956. Т. 10: Январь–декабрь 1710 г. С. 47–51).

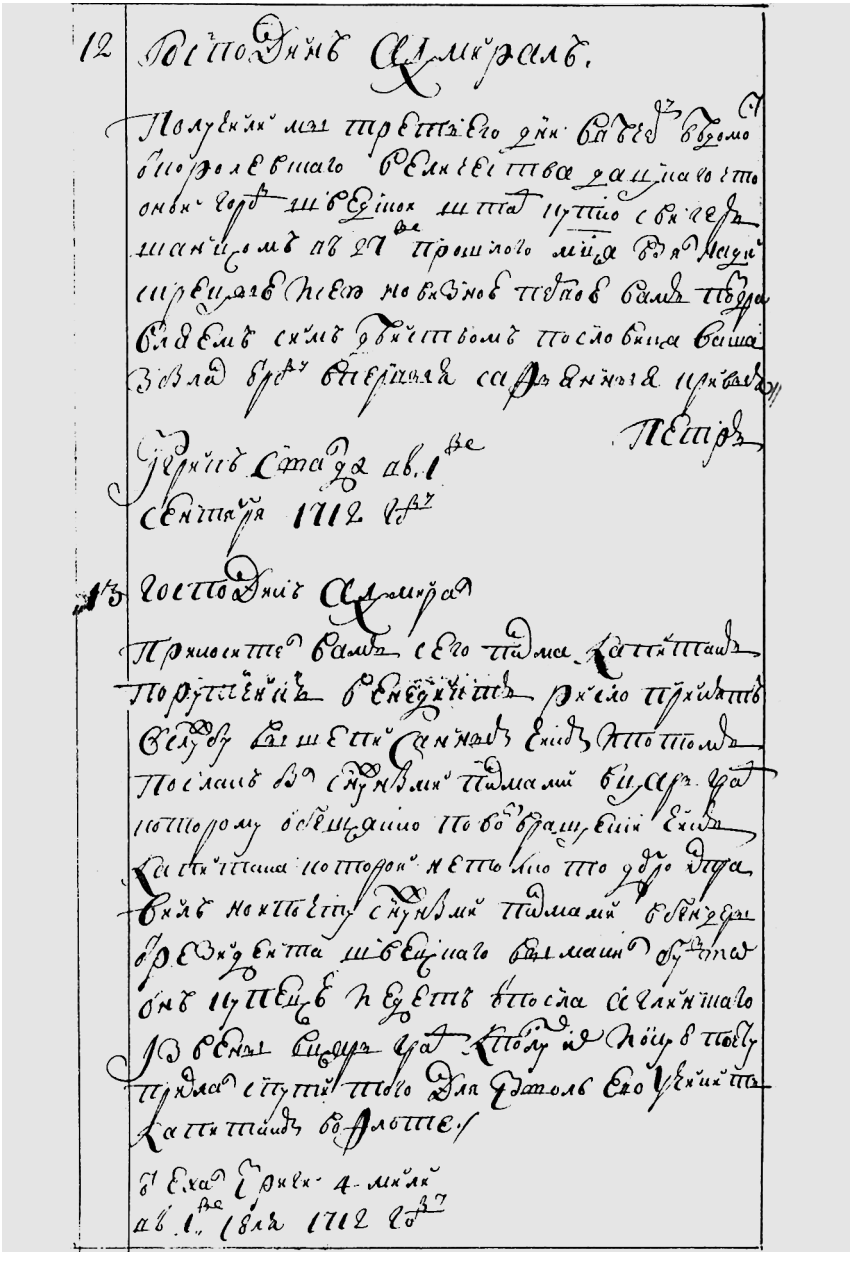
[143] Первым бароном, пожалованным русским царем в 1710 г. без предварительного награждения этим титулом от лица императора Священной Римской империи, был подканцлер П.П. Шафиров.

[144] См., например, диплом Г.И. Головкину на титул графа (Письма и бумаги... Т. 10. С. 47).

Неизвестный художник. Портрет графа Ф.М. Апраксина.
Копия с оригинала неизвестного художника первой четверти XVIII в.

считающуюся исключительно императорской прерогативу награждать титулом графа[145]. Безусловно, европейские дипломаты и посланники при петербургском дворе не оставили этот факт без внимания. "...Амбиции царя растут вместе с его успехами, он задумал ввести собственные почетные титулы, – писал Уитворт. – Когда господин Головкин, нынешний первый министр

[145] См., например: *Карнович Е.П.* Родовые прозвания и титулы в России. СПб., 1991. С. 81–88. Первым титул графа от русского монарха получил фельдмаршал Б.П. Шереметев в 1706 г. за усмирение Астраханского восстания.



Письма Петра I адмиралу Ф.М. Апраксину. Копия середины XVIII в.

царя... был пожалован титулом графа от императора, то вскоре он получил тот же титул и от царя, который с тех пор пожаловал графскими титулами [также] великого адмирала Апраксина и лорда хранителя печати Зотова, вовсе не обращаясь к имперскому двору, и намеревается постепенно ввести титулы баронов и рыцарей"[146].

Таким образом, объявление российского царя императором в октябре 1721 г. совершалось, условно говоря, де-юре и постфактум и было адресовано прежде всего Европе, которой не оставалось ничего иного, как наблюдать рождение новой империи в дыме и грохоте последних залпов Северной войны[147].

Что касается двух других "всенижайше" подносимых имен, то они являлись не столько репликой Западу, сколько предназначались для терминологического оформления чувств "подданнейшего благодарения". Впрочем, в этих титулах присутствуют и идея державной славы, и обращение к европейской культуре и античным традициям: "...Имя Великого по делам Вашим Великим, по достоинству Вам уже многие и в печатных письмах прилагают. Имя же Отца Отечества мы... дерзаем Вам приложить по прикладу древних Греческих и Римских Сигклитов, которые своими славными делами и милостью прославившимся Монархам оное прилагали". Эти слова явно сближают российского монарха с образом римского императора Октавиана Августа, которого после победы в морском бою у мыса Акция над Марком Антонием и Клеопатрой сенат приветствовал "в согласии с народом" как

---

[146] *Whitworth C.* An Account of Russia... С. 17, 67.

[147] Европейским дворам были немедленно отправлены "объявительные грамоты", извещавшие о победе России в Северной войне и изменении статуса царя. Нельзя сказать, что западные соседи с восторгом восприняли столь стремительное усиление России. Если Пруссия еще в 1721 г. признала новый титул русского монарха, то Голландские штаты направили первую грамоту "Всероссийскому императору" в мае 1722 г., не преминув напомнить о возмещении ущерба за пять сожженных под Гельсингфорсом кораблей; в 1723 г. побежденная Швеция смирилась с тем, что понесла поражение именно от русского императора; датский посланник в 1724 г. объявил, что получил от короля распоряжение именовать царя новым титулом; в 1739 г. Российскую империю признала Турция; в 1742 г. – Англия и Австрия; в 1745 г. – Франция и Испания; в 1764 г. – Польша. См. об этом: *Соловьев С.М.* История России с древнейших времен. С. 322; *Юль Ю.* Записки Юста Юля... С. 155; *Бантыш-Каменский Н.Н.* Обзор внешних сношений России. С. 44, 93, 210 и др.; *Агеева О.Г.* Имперский статус России. С. 140. Среди современных специалистов, а также историографов прошлых столетий, нет единодушия по поводу точных датировок признания России империей. Здесь приводятся сведения, фигурирующие в работах Н.Н. Бантыш-Каменского (ср. у О.Г. Агеевой: Дания – в 1732 г., Турция – в 1741 г., Польша – в 1772 г.).

"отца отечества"[148]. «Титул "Петр Великий" приравнивал Петра к Людовику Великому; титул "Отец Отечества", эквивалент латинского *pater patriae*, устанавливал новое значение роли царя как духовного отца своей паствы»[149], – пишет Р. Уортман. Своеобразным переложением инвеституры римских и византийских императоров, а также коронования западноевропейских монархов[150], стало трижды потрясшее своды Троицкого собора и подхваченное толпой, окружавшей церковь, многоголосное восклицание "Виват, виват, виват Петр Великий, Отец Отечества, Император Всероссийский!"

Ответные слова провозглашенного "цесаря" также полагались по церемониалу, восходящему еще к периоду ранней империи[151]. Однако инсценировка сложившегося в других обществах обряда всегда самым прихотливым образом переплетается с содержанием культуры, стилизующей чужую символику. Российский монарх был крайне немногословен и ограничился лишь тремя предложениями. Он полностью проигнорировал факт преподнесения ему титулов, что между тем означало молчаливое согласие их принять.

Весь пафос слов Петра сводился к тем перспективам, которые открывала перед Россией "прошедшая война и заключение мира". Монарх дал понять, что празднуемая виктория – лишь первый шаг поднимающейся страны, которая не может позволить себе "ослабеть в воинском деле", "дабы с нами не так сталось, как с Монархиею Греческою". "Облегчение народа" отодвигалось пока еще в лучшее будущее, а на первый план выходил изнурительный труд "о пользе и прибытке общем", иначе говоря, государственном[152].

Слова Петра менее всего походили на традиционное для инвеституры древнеримских императоров "благодарение". Все при-

---

[148] См.: *Гай Светоний Транквилл.* Жизнеописание двенадцати цезарей. М., 1991. С. 80–81. Это имя означало наивысшее признание, и далеко не все римские императоры снискали себе честь носить его.

[149] *Уортман Р.С.* Сценарии власти. С. 97.

[150] См. об этом, например: *Гай Светоний Транквилл.* Жизнеописание двенадцати цезарей. С. 159; *Острогорский Г.А.* Эволюция византийского обряда коронования // Византия. Южные славяне и Древняя Русь. Западная Европа. Искусство и культура. М., 1973; *Агеева О.Г.* Имперский статус России. С. 125–126.

[151] Как пишет Светоний Транквилл, Август «со слезами на глазах ответил: "Достигнув исполнения моих желаний, сенаторы, о чем ином могу я просить бессмертных богов, как не о том, чтобы мне было суждено это ваше согласие донести до последнего предела моей жизни?"» (*Гай Светоний Транквилл.* Жизнеописание двенадцати цезарей. С. 159).

[152] Речь, говоренная Его Величеством и прочими по мире с Шведами // РГАДА. Ф. 9. Кабинет Петра I. Отд. 1. Оп. 2. Ч. 1. Кн. 32. Л. 337.

сутствовавшие в соборе единодушно восприняли ответную речь как "отеческое увещевание" и за "такую монаршую милость" в знак признательности опустились в нижайшем поклоне. Затем последовал благодарственный молебен "Тебе Бога хвалим" и благодарственная молитва от рязанского митрополита "при всенародном коленопреклонении".

Разумеется, логика происходящего торжества исключала обязательное с IX в. для церемонии введения в должность византийского императора многократное возглашение "Достоин! Достоин!", которое сначала произносил патриарх, за ним трижды церковные иерархи и, наконец, трижды "народ"[153]. В отличие от римского обычая, сохранившегося до V в., Петра императором никто не избирал, и никто, как в Константинополе IX в., не оценивал, достоин ли самодержец этого титула. Речь скорее шла о том, достоин ли народ такого государя. Все три "наименования" с трепетом преподносились подданными, которые, как следует из речи Головкина, осознавали "слабость свою довольно благодарных слов изобрести". Самые велеречивые описания "неусыпных трудов" и благодеяний монарха не столько подтверждали право Петра на титул императора, сколько оправдывали дерзостное "исходатайствование" народа, недостойного "такого Великого Отца, но по милости Божией дарованного"[154].

Петр был провозглашен императором исключительно светской инвеститурой, без таинства венчания на царство и миропомазания[155]. Новый титул не принес ему больше власти и не добавил святости к его образу. В абсолютистской России суверен был уже не однажды назван "Божьим министром" и без дополнительных званий являлся самодержавным правителем. Монарх отныне именовался императором не столько для поднятия авторитета престола и концентрации вокруг него всей державной мощи. Новый титул должен был "обслуживать" прежде всего возросшие внешнеполитические амбиции России, которые необходимо было обосновать не только оружием, но и идеологией.

Однако к торжеству Ништадского мира собственно имперская доктрина была сформулирована лишь тезисно. Пафос

---

[153] См.: *Агеева О.Г.* Имперский статус России. С. 125–126; *Острогорский Г.А.* Эволюция византийского обряда коронования. С. 34–38.

[154] Заманчиво, конечно же, было бы представить, что "источником имперского звания царя признавалась воля народа". Однако во всеобщем молении принять титул императора просматривается не только влияние европейской естественно-правовой теории, но и нижайшее благодарение и возвеличивание самодержца "всем миром".

[155] См.: *Агеева О.Г.* Имперский статус России. С. 126.

празднуемой победы в целом сводился к открывшимся перспективам, молодой "силе", забрезжившей "славе" и неуклонному намерению новой "регулярной" державы крепнуть и развиваться под патронажем только что провозглашенного императора. Идея "силы и славы" не могла по своей внушительности сравниться со "Сказанием о князьях Владимирских", где заявлялось о родстве первого русского царя с Октавианом Августом и знаках царского достоинства, полученных от византийского императора Константина Мономаха. Создается впечатление, что хвалебное слово Прокоповича, краткое обращение Головкина и еще более лаконичное "увещевание" монарха необходимо было чем-то усилить, и этим мощным акцентом стали потрясшие Петербург шумовые эффекты.

На протяжении всей церемонии трубили в трубы, били в литавры и барабаны, палили из пушек со стороны Петропавловской крепости, Адмиралтейства и собственно соборной площади перед храмом, "купно" стреляли беглым огнем из мушкетов со 125 галер 23 полка[156], специально прибывшие из Финляндии. Гром победы сливался с криками "виват, виват, император!", завершившими речь Головкина.

Оглушающие звуки великого торжества усиливались ослепительной роскошью празднества. После окончания службы в Троицком соборе первый российский император, свита и множество приглашенных переместились в Сенат. В аудиенц-зале был устроен буфет, пировали во всех помещениях коллегий одновременно более тысячи человек. Вино лилось рекой, и, как пишет Берхгольц, в "превосходном Венгерском" недостатка не было.

Блистательное действо возвеличивало доставшийся огромной ценой мир, и представляется логичным, что все присутствующие на празднике, включая виновника торжества, победившего императора, не столько веселились, сколько, сами о том не подозревая, обслуживали символику российской славы. В Сенате к монарху выстроилась длинная очередь из иностранных министров и русских сановников, которые считали своим долгом поздравить его величество и поцеловать ему руку. От проницательного Берхгольца не ускользнул тот факт, что император был очень голоден, а вереница желающих засвидетельствовать свое подобострастие никак не заканчивается. Наконец, монарху удалось присесть и испить вина под звуки литавр и труб, но вскоре он стремительно встал "из-за стола, пробежал через комнату (иначе

---

[156] Фридрих Берхгольц пишет о 27 полках в составе 27 тысяч человек (Дневник камер-юнкера Ф.В. Берхгольца. С. 134).

нельзя назвать его походки, потому что сопровождающие его постоянно должны следовать за ним бегом) и отправился на свою яхту, стоявшую у моста перед Сенатом, чтобы, по обыкновению, отдохнуть после обеда. Уходя, он приказал, чтобы все оставались на своих местах впредь до его разрешения".

Гости сидели очень долго, некоторые, сломленные усталостью и венгерским, уснули прямо за столами, другие, "наскучив" и пить, и есть, и разговаривать, жалели, что не захватили с собой карт, чтобы пару раз перекинуться в течение этих томительных часов. От скопления людей было "ужасно тесно и нестерпимо жарко". Лишь к вечеру обстановку разрядил объявленный "польский", а затем менуэт. Император лишь изредка появлялся в зале, чтобы взглянуть на танцующих, и почти все время проводил на улице, поскольку "распорядитель фейерверка выпил лишнее, и государь должен был сам обо всем заботиться".

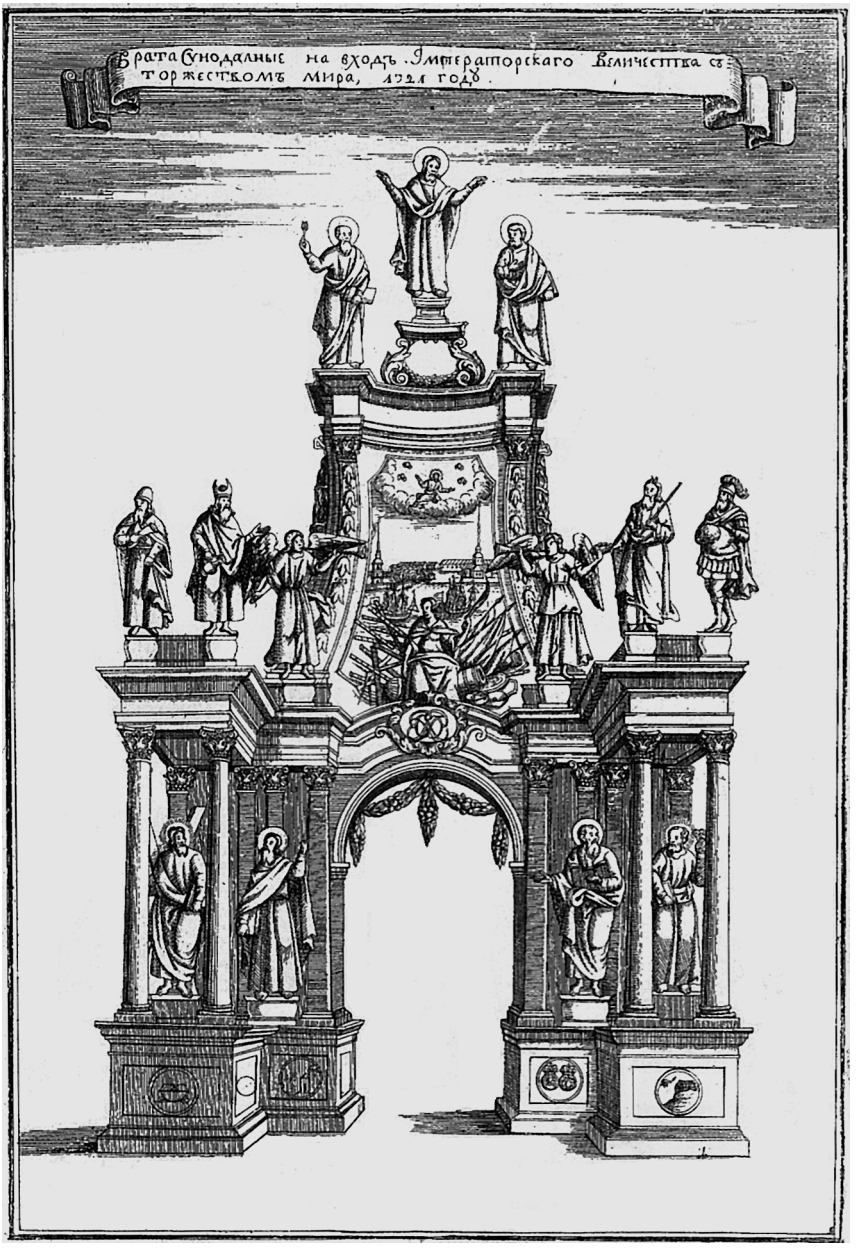
Между тем своеобразная инсценировка величия только что провозглашенной империи шла по заранее разработанному сценарию и приближалась к своему апогею. В 9 часов вечера начался большой фейерверк. Звуковые и визуальные эффекты слились в единый мощный завершающий аккорд празднования Ништадтского мира, поразив воображение присутствующих. Для достижения максимального эффекта изумленным людям, наблюдающим объятую пламенем и грохотом столицу, был отдан жареный бык с золотыми рогами, вмиг разодранный солдатами. Мясо запивали из пущенных одновременно двух фонтанов красного и белого вина, которое сливалось в бассейны. Понятно, что каждому хотелось успеть, и без окровавленных лиц не обошлось. Потом в Сенате до трех часов утра пили токай и другие вина и произносили тосты. 23 октября был "всеобщий роздых", и государь, и явно "запасшийся хорошим глотком" устроитель фейерверка, и гости спали до полудня[157]. Страна же проснулась уже империей, но об этом знала пока только ничтожная часть присутствовавших на церемонии подданных.

Через три недели после торжественного празднования в Петербурге Ништадтского мира был обнародован формуляр императорских титулов в указах, прошениях, приговорах[158]. В "грамотах в иностранные государства" и в "грамотах внутрь государства" монарх теперь именовался "Петр Первый, Император и Самодержец Всероссийский". Причем дипломатические доку-

---

[157] См.: Дневник камер-юнкера Ф.В. Берхгольца. С. 135, 139–140; а также: Акт поднесения Государю царю Петру I титула... С. 446–448.

[158] ПСЗ. Т. VI. № 3846. С. 453–454. 10 ноября 1721.



И.В. Зубов. Врата синодальные в честь Ништадтского мира. 1721 г.

менты открывались полной титулатурой, с чрезвычайно громоздким перечислением всех земель, принадлежащих властителю, распоряжения же, касающиеся внутренних проблем, ограничивались кратким титулом. В посланиях подданных императору формуляр требовал иного обращения: "Всепресветлейший, Державнейший, Император и Самодержец Всероссийский, Петр Великий, Отец отечества, Государь Всемилостивейший". После изложения обстоятельств дела в челобитных и отписках собственно перед прошением следовало писать: "Всемилостивейший Государь, прошу Вашего Императорского Величества". Заканчивалась же бумага на высочайшее имя словами "Вашего Императорского Величества нижайший раб имярек".

Вслед за указом о титулатурах в официальных документах и прошениях последовал указ Синода от 18 января 1722 г. "О возношении Высочайших Имен при церковнослужениях по данным формам"[159]. Во время повседневной церковной службы на первой эктении теперь провозглашалось: "О Благочестивейшем Государе нашем Петре Великом, Императоре и Самодержце Всероссийском, и Благочестивейшей Великой Государыне нашей Императрице Екатерине Алексеевне, и Благоверных Государынях Цесаревнах... о всей Палате и о всех Их Господу помолимся".

Таким образом, жестко заданные формуляры, неукоснительно воспроизводимые ежедневно по всей стране, от дипломатических представительств до храма, вобрали в себя как бы несколько статусов российского самодержца: для Европы он стал или, вернее, ему предстояло стать, императором, для собственного государства он был, "есть и пребудет" самодержцем всероссийским, для народа – отцом отечества и государем всемилостивейшим. На протяжении всего имперского периода монарх, официально именуемый "Его (Ваше) Императорское Величество", в повседневной речи подданных очень часто будет оставаться государем, Российская империя – Россией[160], если говорить о стране, и Отечеством, если за эту страну нужно проливать кровь. И в конце XVIII в. представители узкого (по сравнению с многотысячным крепостным населением) круга имеющих право на "беспосредственные" послания Екатерине II будут значительно чаще обра-

---

[159] Там же. С. 481.

[160] Лишь со времен наполеоновских войн изредка в частной переписке, ведущейся, как правило, на французском языке, будет встречаться термин "империя" по отношению к России в контекстах, непосредственно связанных с внешнеполитическими проблемами. См., например, письма А.И. Вяземского А.Р. Воронцову (Архив князя Воронцова. М., 1879. Кн. 14. С. 379–380, 414, 424–425 и др.).

щаться к “всемилостивейшей” или “великой” “государыне”, чем к “Вашему Императорскому Величеству”, употребляя титул “императрица” главным образом в частных письмах на французском языке, и то лишь в тех, где о монархине говорится в третьем лице[161].

В начале же XVIII в. России еще предстояло отстоять свой новый статус. Страна получила это наименование на том основании, что самодержец был провозглашен императором. Если в классическом Риме *imperium* означал власть, а облеченный этой властью получал санкции повелевать (*imperare*) и потому становился императором (*imperator*)[162], то в России монарх, милостиво приняв титул императора, тем самым переводил свою страну в разряд империй. В словаре русского языка XVIII в. “империя” определяется как государство, управляемое императором[163]. С царствования Петра этот термин прочно укоренился в русском языке, обрастая множеством однокоренных слов: “императорский”, “императорство”, “императорствовать”, “императрица, императрикс”, “имперьяльный, имперьяльский”.

Раньше других слов этой группы в русском языке появилось слово “император”[164], и было оно производным, как уже указывалось, от латинского “imperator”[165]. Первое употребление в русском языке термина “император” по картотеке среднерусского словаря Института русского языка было зафиксировано в сочинениях князя Андрея Курбского, относящихся к его “литовскому периоду”[166]. В письме к князю Константину (Василию) Константиновичу Ост-

---

[161] См., например, прошение В.С. Голицына Екатерине II (ОР РГБ. Ф. 64. Голицыны. Карт. 94. Ед. хр. 17. Л. 5–6); письмо Е.Р. Дашковой Екатерине II (Чтения ОИДР. 1867. Кн. 1: Январь–март. Отд. V. С. 32); письмо А.П. Мельгунова Екатерине II (Русский архив. 1865. № 1–12. С. 944); письмо И.И. Бецкого Екатерине II (Русская старина. 1896. Т. 88, № 11. С. 388); и т.д.

[162] См.: *Моммзен Т.* История Рима. М., 1941. Т. IV: От смерти Суллы до битвы при Тапсе. С. 397. В эпоху Республики наименование “император” было почетным званием полководца-победителя после победы и до триумфа. Август на протяжении своего долгого правления 21 раз получал военный титул императора, который тогда еще не был синонимом высшей власти. Его приемник Тиберий говорил: “Я государь для рабов, император для солдат, принцепс для всех остальных” (См.: *Гай Светоний Транквилл.* Жизнеописание двенадцати цезарей. С. 380, 387, 398; *Федорова Е.В.* Люди императорского Рима. М., 1990. С. 87).

[163] Словарь русского языка XVIII века. СПб., 1997. Вып. 9: Из–Каста. С. 85.

[164] *Черных П.Я.* Историко-этимологический словарь современного русского языка. Т. I: А–Пантонима. М., 1993. С. 344.

[165] См.: *Смирнов Н.А.* Западное влияние на русский язык... С. 5; *Vasmer M.* Russisches etymologisches Wörterbush. Heidelberg, 1953. Bd. I. S. 480.

[166] Этимологический словарь русского языка / Под ред. Н.М. Шанского. М., 1980. Т. II, вып. 7. С. 57.

рожскому Курбский писал: “Неудобно бывает человеку грубому и неученому, и еще к тому умом врежденному, императором быти, и воиска водити, и полки ко сражению врагов по чину устрояти...”[167]. Гнев Андрея Курбского был направлен против некоего “мнящего быти мудра” “варвара”, который “похулил” его перевод на славянский язык беседы Иоанна Златоуста[168]. Курбский недоумевает, как мог Константин Острожский, издающий Священное Писание специально для западнорусского православного населения, дать “пробовати” “словеса новопреложенные” “еретику”. Свое обвинительное послание князь начинает с самого убедительного, на его взгляд, сравнения – как “человеку грубому и неученому” нельзя быть императором, так и до духовных текстов нельзя допускать “невежду”. Вольно или невольно Курбский связывает титул императора с достоинством могущественного “повелителя” победоносной державы, чтобы усилить контраст между высочайшим статусом и его ничтожным обладателем, неученым человеком с поврежденным умом, в облике которого, вероятно, князь хотел воплотить черты своего противника Ивана Грозного.

В “Истории о великом князе Московском” именно Курбский, по всей видимости, впервые назвал Россию “империей Святорусской”. Перечисляя поименно жертв Иоанна в главе о “побиении боярских и дворянских родов”, князь упоминает Степана Сидорова: “...Муж славныи в добродетелях, и в богатырских вещах искусен; служаше много лет, аж до осмидесяти лет, верне и трудолюбне зело империи Святоруской”[169]. В этом контексте князь опять-таки разводит личность царя, обрушившего на людей “мучительнейшие казни”[170], но теперь уже не с его высоким титулом, а с образом великой страны, которой он правит, тем самым вопреки русской средневековой традиции как бы приподнимая престиж службы отечеству над службой государевой. Таким образом, в русском языке термины “империя” и “император” приобрели смысловой оттенок превосходства, мощи, величия. В “Книге глаголемая гречески алфавит” XVII в. синонимом слова “император” выступает слово “самодержец”[171].

---

[167] Сочинения князя Курбского // Русская историческая библиотека, издаваемая Императорской Археографической комиссией. СПб., 1914. Т. 31. Стб. 411.

[168] См. об этом: *Ясинский А.Н.* Сочинения князя Курбского как исторический материал. Киев, 1889. С. 105–106.

[169] Сочинения князя Курбского. Стб. 305.

[170] Переписка Ивана Грозного с Андреем Курбским. Л., 1979. С. 120.

[171] Словарь русского языка XI–XVII вв. М., 1979. Вып. 6: Зипун–Иянуарий. С. 231.

В XVIII в., прежде всего в связи с изменением государственного статуса России, стремительно учащается употребление термина “император”, а также усложняется смысловое поле этого понятия и однокоренных с ним слов. По словарю русского языка XVIII в., “император” – это и титул монарха в некоторых странах, а с 1721 г. – титул российского царя, и неофициальное наименование суверена, обозначающее “властелин”, “владетель”, “повелитель”, “самодержец”. В свою очередь, понятия “империя” или “империй, империум” относились к государству, во главе которого стоял император (Римская империя, Священная Римская империя, Оттоманская империя, наконец, Российская империя[172]). В то же время “империя” в русском языке XVIII в. означала “власть”, “могущество”, “владычество”, как в прямом – политическом, так и в переносном смысле. На рубеже XVIII–XIX вв. в произведениях изящной словесности появляются уже такие емкие метафоры, как “империя красоты”, “империя вкуса”[173] и т.п.

Итак, пришедшие в Россию XVI в.[174] понятия “император”, “империя” стали не просто синонимами относительно нейтральных по смыслу русских слов “правитель”, “повелитель”, “страна”. Термин “империя” означал силу и державность, что не могло не повлиять на направленность развития российского государственного самосознания. Разумеется, представления о достоинстве отечества и могуществе самодержца возникли не в день заключения Ништадтского мира, а формировались на протяжении столетий по мере укрепления верховной власти и все более решительного противостояния ужесточающимся геополитическим условиям экономического выживания страны. Однако с правления Петра смысловые поля государственной доктрины были заданы понятием “империя”. Новый статус страны выстраивал своеобразную ассоциативную связь между былым величием Рима и грядущим величием России, входящей в европейский мир как победившая держава, которая, в отличие от Византии, не собиралась упускать своей славы. На уровне же обыденного сознания актуализировались не столь прихотливо усвоенные исторические

---

[172] Наиболее часто империей именовалось “Римское государство”, значительно реже в официальных документах и переписке этот статус сохранялся за Портой. См., например: грамота Петра I императору Карлу VI. 11 февраля 1713 г. С. 65–68.

[173] Московский Меркурий. М., 1803. Ч. 1. С. 137.

[174] См.: Этимологический словарь русского языка. Т. II, вып. 7. С. 59; *Соболевский А.И.* Рецензия на работу С. Младенова “Старите германски елементи в славянските езици”. София, 1910 // Журнал Министерства народного просвещения. 1911. Ч. XXXIII. Май. С. 159.

традиции, а общее ощущение подъема, связанное с иными перспективами и иным порогом претензий.

Российская империя, по словам Г.П. Федотова, была создана и сохранялась на протяжении двухсот лет двумя силами: одной пассивной – неисчерпаемой выносливостью и верностью народных масс, другой активной – военным мужеством и государственным сознанием дворянства[175]. Россия XVIII–XIX вв. представляется по-своему уникальным образованием, что обусловило и неповторимую специфику развития государственного сознания населявшего ее народа. «Главное свое достижение [Петр] гордо назвал Империей, – пишет Л.В. Милов, – однако это был, скорее, некий "симбиоз" империи и деспотии, социально-политический организм, где центральное звено – Великороссия и ее крестьянство – не имело практически никаких привилегий»[176].

Несмотря на существование империй на протяжении всей истории человечества с глубокой древности, типология стран, имеющих этот статус, практически не разработана[177]. Это обстоятельство позволяло специалистам создавать собственные, часто никак не стыкующиеся классификации и причислять Россию к самым различным подгруппам в категории стран, именуемых империями. Так, американский социолог Ш.Н. Айзенштадт относит российское государство XVIII в. к разряду "исторических бюрократических империй" (*historical bureaucratic empire*), т.е. стран, находящихся на той или иной стадии перехода от традиционного

---

[175] *Федотов Г.П.* Судьба и грехи России: Избранные статьи по философии русской истории и культуры. СПб., 1991. Т. 1. С. 128. Федотову принадлежит, кстати, и одно из многочисленных определений империи, которое в последние годы часто приводится в работах русских историков: "...Нельзя сказать, что Империя есть государство, вышедшее за национальные границы, потому что национальное государство (если связать национальность с языком) явление довольно редкое в истории. Может быть, правильное определение было бы: Империя – это экспансия за пределы длительно устойчивых границ, перерастание сложившегося, исторически оформленного организма" (Там же. Т. 2. С. 305).

[176] *Милов Л.В.* Великорусский пахарь... С. 563–564.

[177] См., например, дискуссию на страницах журнала "Родина" "Мы – в империи, Империя – в нас", где также приводится определение империи: "Империя – термин для обозначения государства большого размера, а также (как правило) сложного состава, часто, но не обязательно, управляемого императором – государство, которое может быть федерацией, как Германская империя с 1870 по 1918 год, или унитарным государством, как Российская империя до краха, или, как Великобритания, содружеством свободных государств с определенной субординацией" (Родина. 1995. № 1. С. 36).

общества к модернизированному[178]. Ф. Бродель и И. Валлерстайн видят в России "мир-империю", т.е. такое "сверхгосударство", которое одно покрывает всю территорию "мира-экономики" (ср. нем. *Weltwirtschaft*), или экономически самостоятельный "кусок планеты", способный в основном быть самодостаточным, которому его внутренние связи и обмены придают определенное органическое единство[179]. "Историческая бюрократическая империя", или "мир-империя", или "тоталитарная империя", – Российская империя была закономерным ответом на вызов геополитических условий и стала важнейшим фактором государственного развития, которое призвана была обеспечивать и официальная доктрина.

Не пройдет и 50 лет, как Екатерина II в своем "Наказе" Уложенной комиссии, отдав должное "переменам, которые в России предприял Петр Великий… вводя нравы и обычаи Европейские", уже не будет отстаивать право русских быть в Европе, а прямо провозгласит Россию "европейской державой". Депутаты за "препиятый подвиг утвердить непреложными законами блаженство" нации обратятся к монархине с просьбой принять титулы: "Ека-

---

[178] Вообще под империей ученый понимает политическую систему, окруженную обширной централизованной территорией, центр которой персонифицирован в лице императора или определенных политических институтов и представляет из себя достаточно автономное образование. Во времена Рима образ империи отождествлялся с концентрированной властью и сильным центром, распространяющим свои прерогативы на довольно широкую территорию. В так называемое "предновое время" империя виделась как власть над различными территориальными объединениями, воспринявшими символы политической идентичности, которые нельзя абсолютно отождествлять с представлениями о национальном суверенитете. Речь шла скорее о существовании власти, которая признается на известном пространстве. В Новое время понятие "империя" сблизилось с понятием "политическая система", через которую идет распространение власти на сообщества, порой даже не соприкасающиеся территориально, не вписанные жестко в единую структуру с общими символами и идентификацией (См. об этом: *Eisenstadt S.N.* The Political Systems of Empires. L., 1963; *Idem.* European Civilization in a Comparative Perspective. A Study in the Relations between Culture and Social Structure. Oslo, 1987; *Idem.* Modernization: protest and change. Tradition, Change and Modernity. N.Y., 1973; *Idem.* Revolution and the Transformation of societies: A Comparative Study of Civilization. N.Y., 1978; *Idem.* Introduction: Historical Traditions, Modernization and Development // Patterns of the Modernity / Ed. by S.N. Eisenstadt. L., 1987. Vol. 2: Beyond the West).

[179] См.: *Бродель Ф.* Время мира. Материальная цивилизация, экономика и капитализм, XV–XVIII вв. М., 1992. Т. 3. С. 14, 48–49; *Wallerstein I.* The Modern World System: Capitalist Agriculture and the Origins of the European World–Economy in the Sixteenth Century. N.Y., 1974.

терина Великая, Премудрая, Мать Отечества"[180]. Императрица отклонит все три, не иначе как рассудив, что неограниченная власть "державнейшей самодержицы" над подданными не нуждается в усилении, а позиции российской императрицы в Европе разумнее укрепить не наименованием "Мать Отечества", а победами над Портой и репутацией венценосной законодательницы[181].

В первой же четверти XVIII в. имперская идея еще только формировалась, круг ее носителей ограничивался сподвижниками Петра, которые добивались дипломатического признания измененного статуса России. И сложно сказать, какое чувство доминировало в государственном сознании этого периода – уверенность в собственных позициях или восхищение "регулярностью" "политизированных" шведов. В течение последующих десятилетий будет расширяться социальная база имперской идеи, пока при Екатерине II не утвердится в сознании всего привилегированного дворянского сословия, наиболее масштабно мыслящего и наиболее восприимчивого к государственной концепции абсолютизма. Однако, достигнув своего апогея в последней трети XVIII в., великодержавная доктрина сохранит в качестве важнейших ориентиров ценности, заданные в петровское правление: победоносное оружие, культурную идентификацию просвещенной России с Европой и славу империи, олицетворенную в образе самодержца.

Причудливое сплетение этих трех символов предопределило парадоксальность российского государственного мышления XVIII–XIX вв. Гонор мощной державы сольется с периферийным сознанием, европоцентризмом и склонностью к интеллектуальным заимствованиям. Верноподданническое чувство, поглотившее, казалось бы, без остатка чувство патриотизма, в конечном счете обернется своей противоположностью, диаметрально разведя службу государю и службу отечеству и породив тем самым драматичные коллизии общественного сознания.

---

[180] Еще в 1762 г. возвращенный из опалы именным манифестом (см.: РГАДА. Ф. 10. Оп. 1. Ед. хр. 6. Л. 1–2 об.) фельдмаршал А.П. Бестужев-Рюмин предложил "по завершении коронации Ее Величества именем российского народа… принесть торжественно титло и именование матери отечества". На проекте фельдмаршала недавно взошедшая на престол императрица своеручно записала: "Видится мне, что сей проект еще рано предложить, потому что растолкуют в свете за тщеславие, а за ваше усердие благодарствую" (РГАДА. Ф. 10. Оп. 1. Ед. хр. 7. Л. 2).

[181] См.: Наказ императрицы Екатерины II. С. 2; ПСЗ. Т. XVIII. № 12978. С. 349. 27 сентября 1767.

“Польза службы и прибытка Империи Нашей”

Идеология екатерининского царствования имеет богатейшую историографию, вобравшую в себя разноречивые, порой диаметрально противоположные суждения. Годы правления императрицы называют “просвещенным абсолютизмом” и “просвещенным деспотизмом”, “золотым веком дворянства” и “триумфом российского оружия”, совпавшим с периодом самого жестокого крепостничества. Саму монархиню одни историки считают столкнувшейся с печальными российскими реалиями ученицей Вольтера, которая сначала даже подумывала об облегчении участи крепостных, а потом, убедившись в наличии “железных ошейников, цепей и разных других инструментов для пытки”[1] в каждом имении и ужаснувшись размаху Пугачевского бунта, стала первой помещицей на троне. Другие специалисты склонны видеть в политике Екатерины прежде всего цельную программу развития законодательства и создания в России сословного строя с четко регламентированными правами и обязанностями каждой социальной группы. Исследователям всегда стоит большого труда увязать просветительскую лексику императрицы с разделами Польши, закрепощением украинских крестьян и указом о ссылке крепостных на рудники за подачу жалобы на высочайшее имя. Как правило, Екатерину обвиняют либо в склонности к фразеологии, либо в расчетливом игнорировании радикальных с ее точки зрения

---

[1] Записки императрицы Екатерины Второй. СПб., 1907. С. 175. Автограф “Записок императрицы Екатерины II” хранится в РГАДА (РГАДА. Ф. 1. Оп. 1. Госархив. Разряд 1. Секретные пакеты. Ед. хр. 20. Л. 1–266); в ГАРФе (ГАРФ. Ф. 728. Коллекция документов рукописного отделения библиотеки Зимнего дворца. Оп. 1. 4.1. Д. 129) находится часть записок, относящихся к последним годам царствования императрицы. “Записки” Екатерины имеют очень сложную, до сих пор обстоятельно не исследованную историю создания и публикации. См. о “Записках императрицы Екатерины II”, в частности: *Анисимов Е.В.* “Записки” Екатерины II: силлогизмы и реальность // Записки императрицы Екатерины II. Репринтное воспроизведение издания А.И. Герцена и Н.П. Огарева. London, 1859. М., 1990; Екатерина II: Аннотированная библиография публикаций / Сост. И.В. Бабич, М.В. Бабич, Т.А. Лаптева М., 2004; *Лопатин В.С.* Екатерина II: Аннотированная библиография публикаций // Отечественные архивы. 2006. № 6. С. 113–117; *Вачева А.* “Не судите обо мне как о других женщинах...”: Мемуары Екатерины II и “Письма мисс Фанни Батлер” г-жи Риккобони // Новое Литературное Обозрение. 2006. № 80. С. 111–130; и др.

взглядов просветителей, идеями которых она наполняла свои произведения[2].

Столь противоречивые оценки затрудняют формирование цельного представления о екатерининском царствовании и, в частности, о государственной идеологии этого периода. Доктрина, обеспечившая укрепление державы и расширение ее границ, предстает своевольным соединением величественного образа самодержавия с реанимированным символом православной греческой империи и неосуществимыми просветительскими идеалами. Простое воспроизведение набора официально задаваемых знаковых ценностей действительно складывается в причудливую политическую концепцию, приверженцев которой нельзя не заподозрить в лицемерии. Однако выявление смыслового содержания понятий, которыми оперировала государственная доктрина, и сопоставление контекстов их употребления в документах с различными социальными функциями и ориентированных на различных адресатов, позволяет вскрыть реальные механизмы действия официальной идеологии и снимает тем самым необъяснимые на первый взгляд противоречия.

Основные положения самодержавной доктрины постоянно воспроизводились в самых разнообразных исходящих от правительства текстах, начиная от "Наказа" Уложенной комиссии и книги "О должностях человека и гражданина", "определенной к чтению в народных училищах", до нескончаемого потока указов, распоряжений, высочайших посланий, реляций и т.п. Тексты, входящие в этот громадный массив источников, можно условно ранжировать в соответствии с адресатами императорских бумаг, функциями документов и, наконец, особенностями отражения в них государственной доктрины[3]. В посланиях дворам, дипломати-

[2] См., например: *Krieger L.* Kings and Philosophers, 1689–1789. L.; N.Y., 1970. P. 242–257; *Madariaga I.* Russia in the Age of Catherine the Great. New Haven; L., 1981; *Alexander J.T.* Catherine the Great. Life and Legend. N.Y.; Oxford, 1989; *Каменский А.Б.* "Под сенью Екатерины". Вторая половина XVIII века. СПб., 1992; *MacKenzie D., Curran M.* A History of Russia, the Soviet Union and Beyond. Belmont (Calif.), 1993. P. 289; *Scharf C.* Katharina II, Deutschland und die Deutschen. Mainz, 1996; а также: *Беляева О.С.* Царствование Екатерины II в новейшей исторической литературе (1996–2002 гг.) // Актуальные проблемы отечественной истории XVIII–XX вв. Омск, 2002. С. 24–40; *Виноградов В.Н.* Трудная судьба Екатерины II в историографии // Век Екатерины II: Россия и Балканы. М., 1998. С. 6–24; *Гаврилова Л.М.* Екатерина II в русской историографии. Чебоксары, 1996; и др.

[3] Разумеется, речь идет не о жесткой классификации документов, а скорее о выделении спектра функций, присущих всему комплексу правительственных бумаг, поскольку любой текст, как известно, диалогичен, имеет несколько заданных и возникающих помимо воли автора ролей и ориентирован в той или иной степени на различные аудитории.

ческих бумагах, корреспонденции монархов, наконец, в личной переписке императрицы с философами, учеными, писателями, чьи взгляды оказывали влияние на настроение умов современников, российский престол апеллировал к европейскому общественному мнению.

Обращалась верховная власть и к своим подданным, ориентируясь, главным образом, на политически активную элиту, а также к различным сословиям и социальным группам – горожанам, купечеству, помещичьим крестьянам, иностранным колонистам и т.д. С каждым из своих адресатов правительство придерживалось определенной линии и выстраивало свой диалог, в котором неизбежно отражался тот или иной аспект государственной доктрины.

Официальные бумаги могли быть как декларативными текстами, так и именными распоряжениями, имеющими форму приказов. В своих публицистических опытах, изрядно обогащенных идеями энциклопедистов, императрица свободно оперировала терминами европейского Просвещения, рассуждала о естественном праве, всеобщем благе, "спокойном житье народа" и легко брала на себя обязательства. "Низшие поучают, и высшие легко извлекают из этого выгоду, – писала императрица Вольтеру о философах при европейских дворах, – у нас нет этих удобств". Екатерина считала, что имперская власть должна взять на себя разработку "аксиом и начал для наших новых законов"[4]. Гуманитарные ценности человеколюбия, милосердия и исправления нравов открыто формулировались в указах как ведущие мотивы деятельности власти, определяющие нормы жизни и "вверенного ей от Бога народа".

Однако философские, правовые и исторические обобщения Екатерины становились обоснованием реальной политики самодержавия только в тех случаях, когда совпадали со стратегической линией престола, формировавшейся под воздействием совсем иных, часто далеких от идеологии обстоятельств. Не подкреплялись провозглашаемые идеалы и целенаправленно разработанными способами внедрения их в сознание современников, хотя непроизвольно влияли на умонастроение подданных, задавая помимо воли власти особую атмосферу в обществе и прежде всего в его образованной части.

Официальные документы, предназначенные для неукоснительного исполнения, содержали иные идеи или, вернее сказать, одну доминирующую идею – величие самодержавной власти

[4] Сб. РИО. 1872. Т. 10. С. 38, 35.

Ее Императорского Величества. Эта ценность не раскрывалась в многословных рассуждениях и выражалась предельно лаконичными, стереотипными фразами. Зато незыблемый авторитет монархического правления имел веками складывавшийся и к концу XVIII в. доведенный до виртуозности механизм влияния на побудительные мотивы действий личности. От функциональности этой объединяющей идеи и результативности ее влияния на общественное сознание зависел в немалой мере успех правительственной политики. Образ самодержавного монарха был объединяющим началом и охранялся на правах государственного достояния.

Сопоставление функций и терминологии правительственных документов действительно обнаруживает внешне парадоксальную картину. Несмотря на обширную официальную публицистику, реально действовавшая доктрина российского просвещенного абсолютизма не представляла из себя разработанной идеологической системы и легко укладывалась в один значимый символ самодержавной власти, персонифицированной в образе государыни, и одну цель всей государственной политики, сводящейся к "пользе и прибытку Империи Ее Величества". Эта главная государственная ценность легко заменялась рядом синонимов – "слава России", "достоинство Престола Нашего", "возведение отечества на самую вышнюю степень благополучия, блаженства и спокойствия", "Богом поспешествуемое попечение о истинном благосостоянии врученной Нам Святым Его промыслом Империи"[5].

Анализ прямо заявляемой в высочайших официальных документах главной цели всех усилий правительства позволил определить, что включала власть в понятие "процветающего государства" и какими путями предполагала добиться "вышней степени благополучия". Оказалось, что символ "могучей империи" вбирал в себя следующие, условно говоря, "составляющие":

1. Российское оружие, которое "только там славы себе не приобретает, где руки своей не подъемлет". "Мужественное войско", построенное на "природной храбрости" и "военной дисциплине", должно поддерживаться усилиями дипломатов, поскольку высшей задачей своей политики императрица в духе идей Просвещения провозглашала "мир, тишину и спокойствие". Однако

[5] См., например: Наказ императрицы Екатерины II. С. 1; Манифест о генеральном размежевании земель во всей Империи с приложением генеральных правил, данных Межевой Комиссии и Высочайше утвержденного реестра о ценах на продажу земель в Губерниях и Провинциях // ПСЗ. Т. XVII. № 12474. С. 329. 19 сентября 1765; Рескрипт императрицы Екатерины II Я.И. Булгакову. 3 октября 1783 г. Петербург // Сб. РИО. 1885. Т. 47. С. 90.

“приобретенного кровью” екатерининская Россия терять не собиралась и от “праведно начатых войн” не отказывалась, а по тем или иным доводам все войны для отечественного оружия оказывались “праведными”. В подобных ситуациях и происходила актуализация таких символов, как “Москва – Третий Рим”, “единоверная Византия”, исконные западнорусские земли, святая вера православных жителей Польши, оскорбляемых латинами, и т.п. Когда же в арсенале традиционных ценностей не находилось подходящих аргументов, наступательная политика развертывалась безо всяких идеологических обоснований[6].

2. “Благоразумный государственный порядок”, составляющий “крепость и изобилие государства”. “Недреманное наблюдение целости всего отечества” и “единоправление” становились важнейшей задачей для всех уровней власти и непререкаемой государственной ценностью, перед которой часто отступала политика дифференцированного отношения к различным провинциям и областям[7].

3. “Законное правосудие”, не помраченное “ни могуществом знатных, ни слабостию бедных, ни душевредным коварством и лихоимством богомерзким”[8].

4. Распространение образования, культуры, европейской цивилизованности под мудрым покровительством просвещенной законодательницы.

Провозглашаемые самодержавной властью приоритеты поразительным образом совпадали с так называемыми “пятью предметами” или пятью правилами управления, которые сформулировала для себя еще великая княгиня Екатерина Алексеевна:

“Пять предметов:

1. Нужно просвещать нацию, которой должен управлять.

2. Нужно ввести добрый порядок в государстве, поддерживать общество и заставить его соблюдать законы.

3. Нужно учредить в государстве хорошую и точную полицию.

4. Нужно способствовать расцвету государства и сделать его изобильным.

5. Нужно сделать государство грозным в самом себе и внушающим уважение соседям”[9].

---

[6] См., например: ПСЗ. Т. XVI. № 11582. С. 3. 28 июня 1762; № 11668. С. 70. 22 сентября 1762.

[7] См., например: Там же. Т. XVI. № 11582. С. 3. 28 июня 1762; № 11687. С. 85. 19 октября 1762; Т. XVII. № 12413. С. 161. 7 июня 1765; и др.

[8] См., например: Там же. Т. XVII. № 12306. С. 6–7.

[9] Записки императрицы Екатерины Второй. С. 647.

Однако реальность внесла существенные коррективы в программу будущей императрицы, возвысив до уровня имперской стратегии одни пункты и обескровив другие отсутствием какой-либо связи с практикой повседневной жизни государства. Если в "пяти правилах" юной княгини все положения были умозрительными и в равной степени актуальными, то государственная доктрина царствующей императрицы распалась на провозглашаемые, но не реализуемые вербальные ценности, с одной стороны, и насущные государственные задачи – с другой. Оказалось иллюзией соединение "мира и спокойствия" с решением стоящих перед страной внешнеполитических проблем, одновременное наполнение казны и защита "людей от отягощения", утверждение "единого для всех правосудия" в условиях объективной экономической неизбежности сохранения крепостного права. Печальная данность российской истории в том и заключалась, что очень часто "государственный интерес" противоречил "умножению всеобщего благоденствия", и, разумеется, власть выбирала первое, сознательно или в силу необходимости попирая второе.

В политике и идеологии екатерининского правления в действительности было очень мало произвольного, идущего от прихоти монархини. Думаю, нельзя обвинить ее и в беззастенчивом цинизме. "Двойной стандарт" был естественным стилем мышления императрицы и имел даже оттенок подкупающей наивности, с которой она излишне часто в своих указах упоминала, что "от руки Божией приняли [Мы] Всероссийский престол не на свое собственное удовольствие, но на расширение славы Его и на учреждение доброго порядка и утверждение правосудия в любезном Нашем отечестве"[10]. Демагогия, неизбежная спутница любой политики, в силу объективных обстоятельств приобрела в самодержавной крепостнической России века Просвещения вид социального гротеска.

Конечно, честолюбивая императрица заботилась не только о могуществе своей власти, но и о ее репутации, как среди лучших европейских мыслителей, так и в оценках последующих поколений. Ей важно было остаться в сознании потомков просвещенной законодательницей и "милосердной государыней", образ которой озарен лучами военной российской славы. Однако в ключевых ситуациях, требующих выбора, культ самодержавной государственности не отягощался для нее ни идеалами веры, ни данью традициям, ни личными политическими и интимными привязанностями. Порой создается впечатление, что Екатериной владела одна

[10] См., например: ПСЗ. Т. XVI. № 11693. С. 91. 24 октября 1762.

страсть – править “грозным”, “изобильным” государством, и если этой страной в силу обстоятельств ее жизни, “предвиденья непостижимого”[11], оказалась Россия, то, значит, Российская империя должна была стать реализацией честолюбивых замыслов монархини.

Императрица прагматично учитывала и использовала реальные обстоятельства, всю свою деятельность подчиняя одной главной ценности – могуществу ее “обширной империи” и прочности ее неограниченной власти. Интерес Екатерины был целиком слит с интересом имперской России, которую она с простодушием самодержавной правительницы воспринимала как свое имение[12]. Выражения “моя слава и слава моего государства”, “польза моего престола”, “рвение к моей службе и преданность мне и моей империи”[13] относятся к устоявшейся лексике ее переписки и именных указов. Рационально мыслящая властолюбивая императрица, вероятно, наилучшим образом соответствовала перспективам страны, в развитии которой традиционно ведущую роль играло государство, крепнущее и расширяющее свои границы ценой превращения большей части населения в рабов.

В “Наказе” Уложенной комиссии Екатерина до тонкостей прописала свой политический идеал государства, защищенного от внешних врагов и “внутри поддерживаемого крепкими подпорами”, “при спокойном царствовании законов” и “под образом правления”, утвержденного “всего народа желаниями”. Однако это прекрасно организованное государственное устройство могло быть обеспечено лишь при концентрации “всей власти, обороняющей все общество, в руках Самодержца”. Включив в свой “Наказ” обилие даже не перефразированных цитат из Монтескье и других просветителей, Екатерина позаботилась о том, чтобы главный пафос документа был авторским. “Государь есть самодержавный; ибо никакая другая, как только соединенная в его особе, власть не может действовать сходно со пространством

---

[11] Эти слова императрица специально внесла в текст одного из своих манифестов, когда писала о “чудном промысле Всевышняго, который вручил нам самодержавство сей империи” (Собственноручный черновой проект манифеста Екатерины о престолонаследии // РГАДА. Ф. 10. Оп. 1. Ед. хр. 12. Л. 1. Замечание на полях). Неточная публикация: Русская старина. 1875. Т. 12, № 2. С. 382–385.

[12] В записках статс-секретаря А.В. Храповицкого приводятся слова Екатерины, прямо называющей себя “хозяйкой” империи: “Кажется, что во всех должно быть равному усердию в исполнении воли Монаршей тем более, что все дела принадлежат одной хозяйке” (*Храповицкий А.В.* Памятные записки. М., 1862. С. 44).

[13] См., например, письма Екатерины графу Кайзерлингу (Русский архив. 1912. № 10. С. 163, 168 и др.).

БОЖІЕЮ МИЛОСТІЮ
МЫ ЕКАТЕРИНА ВТОРАЯ,
Императрица и Самодержица Всероссійская.

и прочая, и прочая, и прочая.

ВСѢМЪ прямымъ сынамъ Отечества россійскаго явно оказалось, какая опасность всему россійскому государству начиналася самымъ дѢломъ. А именно: Законъ НАШЪ православной Греческой, перво всего возчувствовалъ свое потрясеніе и непребленіе своихъ преданій Церковныхъ, такъ; что Церковь НАША Греческая крайне уже подвержена оставалась, послѢдней своей опасности перемѢною древняго въ россіи православія и принятіемъ иновѢрнаго закона. Второе: Слава россійская возведенная на высокую степень своимъ побѢдоноснымъ оружіемъ, чрезъ многое свое кровопролитіе, заключеніемъ новаго мира самимъ ея злодѢямъ отдана уже дѢйствительно въ совершенное порабощеніе; а между тѢмъ внутренніе порядки составляющіе цѢлость всего НАШЕГО Отечества со всѢмъ испровержены. Того ради убѢждены будучи всѢхъ НАШИХЪ вѢрноподданныхъ таковою опасностію принуждены были принявъ бога и Его правосудіе себѢ въ помощь, а особливо видѢвъ къ тому желаніе всѢхъ НАШИХЪ вѢрноподданныхъ явное и нелицемѢрное, вступили на Престолъ НАШЪ Всероссійской Самодержавно, въ чемъ и всѢ НАШИ вѢрноподданные присягу НАМЪ торжественную учинили.

Подлинной подписанъ собственною ЕЯ ИМПЕРАТОРСКАГО ВЕЛИЧЕСТВА рукою. Іюня 28 дня 1762 года, такъ:

ЕКАТЕРИНА.

Печатанъ въ Санктпетербургѣ при Сенатѣ Іюня 28 дня 1762 года.

Манифест о вступлении на престол императрицы Екатерины II.
28 июня 1762 г.

Von Gottes Gnaden
Wir Catharina die Zweyte,
Kayserin und Selbſtherrſcherin aller Reuſſen
ꝛc. ꝛc. ꝛc.

Allen wahren Söhnen Rußlands hat die große Gefahr in die Augen geleuchtet, womit das ganze Rußiſche Reich bedrohet worden. Zu allerförderſt iſt der Grund **Unſerer** orthodoxen Griechiſchen Religion erſchüttert, und ihre Satzungen ſind einem gänzlichen Umſturz nahe geweſen, ſo daß man äuſerſt befürchten müßen, den von Alters her in Rußland herrſchenden rechten Glauben verändert und eine fremde Religion eingeführet zu ſehen. Zweytens, iſt die Gloire von Rußland, die mit Verluſt ſo vielen Blutes durch ſeine ſiegreiche Waffen zur höchſten Stuffe gebracht war, durch den neulich geſchloßenen Frieden mit deßen ärgſtem Feinde, ſchon würklich unter die Füße getreten, und zugleich die innern Verfaßungen, auf welchen das Wohl und die Grundveſte **Unſers** Vaterlandes beruhet, völlig übern Hauffen geworfen worden. Durch dieſe allen **Unſern** getreuen Unterthanen vorgeſtandene Gefahr ſind **Wir** endlich gedrungen worden, zu GOtt und ſeiner Gerechtigkeit **Unſere** Zuflucht zu nehmen; und da **Wir** das offenbare und ungeheuchelte Verlangen aller **Unſerer** getreuen Unterthanen dazu wahrgenommen, ſo haben **Wir Unſern** ſouverainen Rußiſch-Kayſerl. Thron beſtiegen, und darüber von allen **Unſern** getreuen Unterthanen die feyerliche Eidesleiſtung empfangen.

Das Original iſt von **Ihro Käyſerl. Majeſt.** eigenhändig alſo unterſchrieben:

Catharina.

Gedruckt in St. Petersburg beym Senat den 28ſten Jun. 1762.

Манифест о вступлении на престол императрицы Екатерины II.
28 июня 1762 г. Перевод на немецкий язык

Неизвестный художник. Екатерина II в окружении придворных на балконе над Комендантским подъездом Зимнего дворца, приветствуемая гвардией и народом в день дворцового переворота 28 июня 1762 года. Конец XVIII — первая треть XIX в. Копия с оригинала И.К. Кестнера 1760-х годов

[с]толь великого государства. Пространное государство предполагает самодержавную власть в той особе, которая оным правит. … Всякое другое правление не только было бы России вредно, но и в конец разорительно”[14].

Перу Екатерины принадлежит собственная “Правда воли монаршей”, которую императрица назвала “О преимуществе Императорского Величества”[15]. Этот документ императрица

[14] Наказ императрицы Екатерины II. С. 62, 38, 3.

[15] Записка императрицы Екатерины “О преимуществе Императорского Величества” // РГАДА. Ф. 10. Оп. 2. Ед. хр. 324. Л. 1–4 об. Кроме того, в черновых бумагах императрицы была обнаружена неотредактированная записка “О роде и наследии Императорского Величества”, которая включала отдельные комментарии “Правды воли монаршей” и собственные соображения Екатерины по поводу назначения наследника престола правящим монархом. К этим документам прилагался воспроизведенный писарем текст “An Act declaring the Rights and Liberties of the Subject and Settling the Succession of the Crown” (Bill of Rights) 1689 г. и французский перевод этого документа (РГАДА. Ф. 10. Оп. 2. Ед. хр. 325). Для сравнения см.: Устав о наследии престола. 5 февраля 1722 // ПСЗ. Т. VI. № 3893. С. 496–497; Правда воли монаршей. 21 апреля 1726 // Там же. Т. VII. № 4870. С. 602–643.

тщательно прописала в черновом варианте, а затем подготовила беловую рукопись. Неопровержимые "преимущества" самодержавного правления были сформулированы в записке предельно четко и объединены в три важнейшие позиции:

1. Верховная власть воплощается в образе царственной персоны, которой никто не может уподобиться "в достоинстве, в чине, во власти, в могуществе и в действии, во всякое время и месте" "во Всероссийской Империи". "Особа Императорского Величества" являлась "единовладеющей" и "освященной понеже святым мирром помазанной и коронованной". Именно императору приносилась "присяга в верности от всех подданных"[16].

2. В руках монарха сосредоточена неограниченная власть, заключающаяся в исключительном праве "чинить мир и войны", "посылать послов", "жаловать достоинство, чины, имение" "кому заблагорассудит", "простить вины" и помиловать. Самодержавие никак не ограничивалось законом, более того – законы воспринимались как главное орудие реализации намерений царствующего правителя, что, с точки зрения Екатерины, всецело отвечало интересам государства: "Самодержавная и законодательная власть Императорского Величества существует и предохраняется ради целости Империи и безопасности Империи и каждого подданного"[17].

3. Государственная казна и чеканка монеты также должны быть сконцентрированы в руках монарха[18].

Вслед за Петром, провозгласившим, что "Его Величество есть Самовластный Монарх, который никому на свете о своих делах ответа дать не должен"[19], Екатерина столь же властно подводит в своей записке черту – император "отчету же в делах на сем свете не подвержен", а дает отчет и "благодарение Единому Творцу Нашему Богу"[20].

Наконец, будущее престола находится также в руках правящего монарха – "Императорского Величества Самодержавство, Престол и Короны не разделены суть и двум особам самодержавствовать в существе неудобно, по естеству не можно и для общего

---

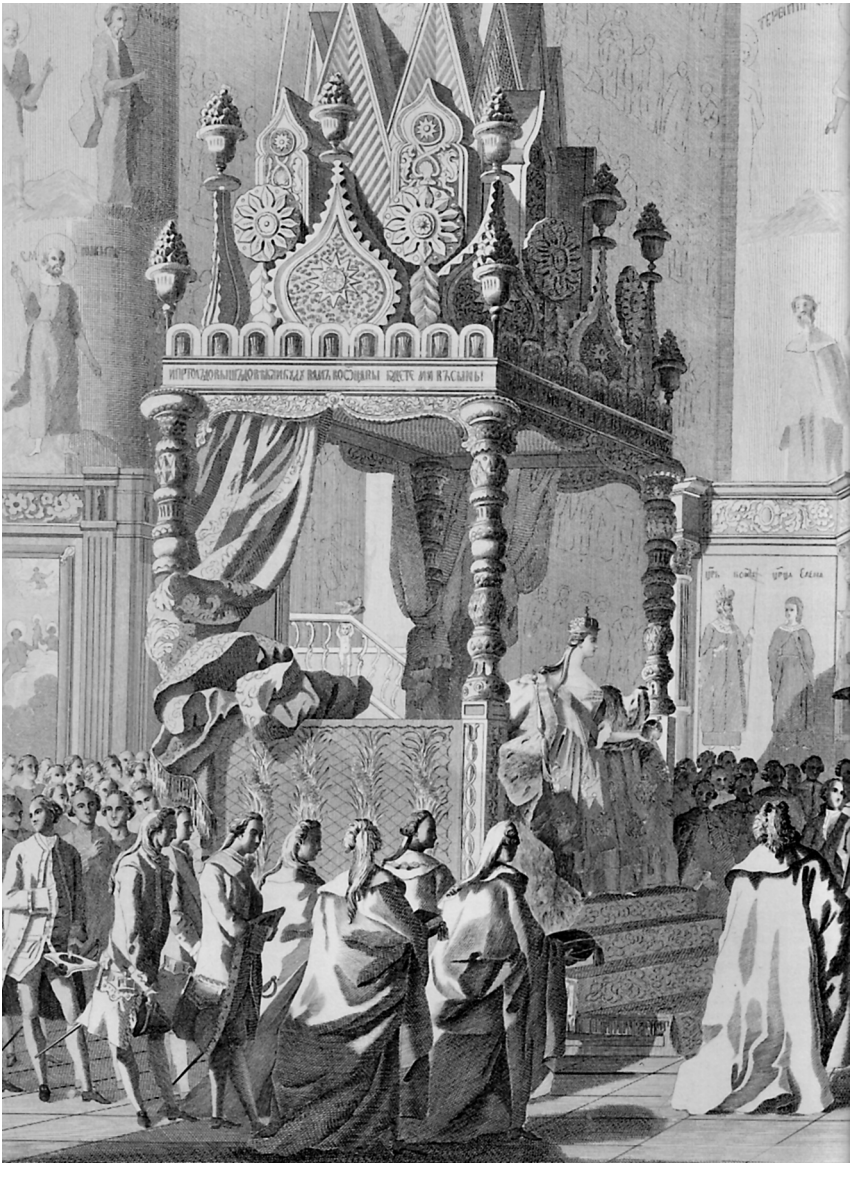
[16] РГАДА. Ф. 10. Оп. 2. Ед. хр. 324. Л. 3.

[17] Там же. Л. 3 об.–4. Собственно, и в "Наказе" было заявлено, что "Воля Государева" должна быть наблюдаема "сходственно с законами, во основание положенными и с государственным установлением" (Наказ императрицы Екатерины II. С. 6–7).

[18] Записка императрицы Екатерины "О преимуществе Императорского Величества" // РГАДА. Ф. 10. Оп. 2. Ед. хр. 324. Л. 4 об.

[19] См., например: Воинский устав // ПСЗ. Т. V. № 3006. С. 324. 30 марта 1716.

[20] РГАДА. Ф. 10. Оп. 2. Ед. хр. 324. Л. 4–4 об.



Д.И. Лебедев. Сцена в Успенском соборе
(Екатерина II принимает поздравления после завершения обряда коронации).
Фрагмент. С гравюры неизвестного мастера по оригиналу Ж.-Л. де Велли,
М.И. Махаева. 1762–1772 гг.

добра не должно, Самодержавная и законодательная власть Императорского Величества назначает наследника Престола, Самодержавной властью определяется порядок в наследовании"[21].

В соответствии с концепцией престола, самодержавное правление являлось и главным условием государственного достоинства России на том основании, что "соединение возможности и власти в высокой Особе Императорского Величества возбуждает уважение и почтение соседних и иностранных народов"[22].

Внешнеполитическая доктрина в царствование Екатерины превратилась в идею имперского могущества, которая отразилась в самых различных документах, приобретая тональность, соответствующую функциям тех или иных текстов. В законодательных актах и манифестах постоянно ощущалась претензия России на великодержавную внешнюю политику, а иногда и прямо звучала готовность к "распространению пределов великого государства", укреплению "славы нации и чести российского флага" и продолжению "праведно начатых войн", которые должны быть "благославенно увенчаны"[23]. В реляциях русским послам постоянно напоминалось о "твердости, достоинству нашего министра сходственной"[24]. В указах о награждениях и пожалованиях в связи с громким празднованием очередной победы имперская идея трансформировалась в признание "преданной службы Ее Императорскому Величеству" "единственно почтения достойным" делом для "истинного сына отечества"[25]. В исполненных нижайшей

[21] Записка императрицы Екатерины "О роде и наследии Императорского Величества" // РГАДА. Ф. 10. Оп. 2. Ед. хр. 325. Л. 2. 20 августа 1787 г. в дневнике А.В. Храповицкого была сделана запись о размышлениях Екатерины по поводу престолонаследия: «Читали мне известный пассаж из "Правды воли монаршей". Тут или в манифесте Екатерины I сказано, что причиною несчастия Царевича Алексея Петровича было ложное мнение, будто старшему сыну принадлежит престол» (*Храповицкий А.В.* Памятные записки. С. 37).

[22] Записка императрицы Екатерины "О преимуществе Императорского Величества" // РГАДА. Ф. 10. Оп. 2. Ед. хр. 324. Л. 3 об.

[23] См., например: ПСЗ. Т. XVI. № 11668; Т. XVII. № 12341; Наказ императрицы Екатерины II; и др.

[24] См., например: Указ нашему статскому советнику, чрезвычайному посланнику и полномочному министру Булгакову. 3 июля 1782 г. Петергоф // Сб. РИО. 1885. Т. 47. С. 33.

[25] Показательно, что указы о награждении иностранцев на русской службе принципиально отличались по стилю и терминологии от указов, адресованных российским подданным. Поощрительные обращения к последним были выдержаны в духе официальной идеологии и с особой торжественностью упоминали о таких заслугах, как "любовь ко благу государства Нашего" и "ревностное исполнение воли Ее Императорского Величества" (См., например, рескрипт императрицы Екатерины II М.Н. Кречетникову (Сб. РИО. 1885. Т. 47. С. 278)). В высочайших посланиях европейским волонтерам воспитательный пафос

благодарности и почтения посланиях "ревностных" подданных велеречиво превозносилась "премудрая обладательница наисчастливейшей части земного шара", от которой всецело зависит "прочность благосостояния" государства, призванного "исполинскими шагами" идти "к настоящему своему величеству"[26].

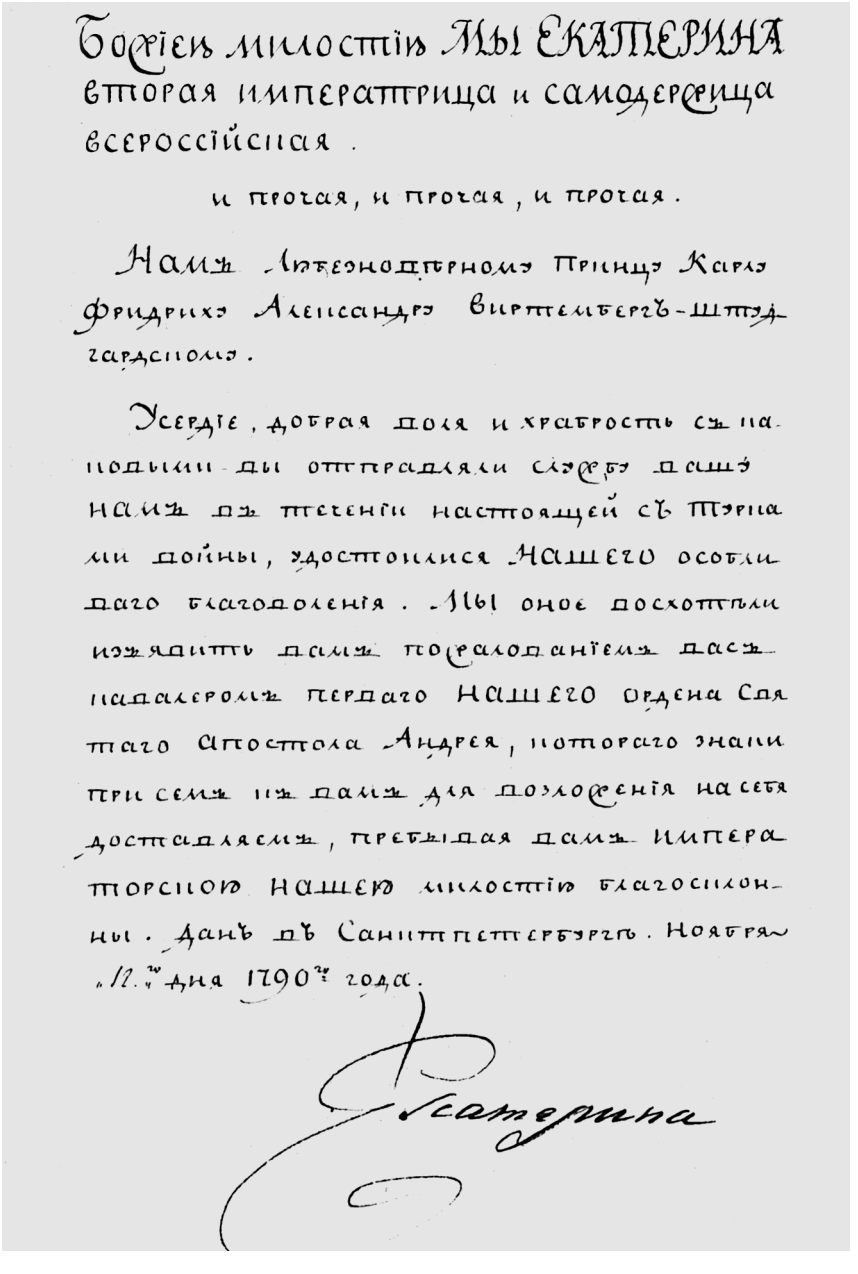
К концу XVIII столетия четко прорисовались контуры границ "пространной империи". При этом шло не просто аморфное растекание территории, занимающей лакуны, где ослабевало сопротивление соседей и влияние конкурирующих европейских держав. Набирающая силу империя настойчиво решала стоящие перед ней стратегические геополитические задачи, напрямую связанные с дальнейшим экономическим развитием и укреплением государственности.

Добившись выхода к незамерзающим портам на Балтике, Россия вплотную подошла к многовековой проблеме укрепления своих южных рубежей. Без стабильной хорошо защищенной границы был затруднен приток людей на неосвоенные, но обильные плодородные земли со значительно более продолжительным и теплым сельскохозяйственным сезоном, чем в перенаселенном нечерноземном центре. Жизненно важная для огромной земледельческой страны регулярная экспортная торговля зерном не позволяла ограничиться только северными морскими путями. России предстояло, наконец, обеспечить себе свободное плавание по Черному морю, установить контроль над проливами и иметь доступ в Средиземноморье. Для этого было "необходимо нужно с Крымской стороны обширную границу в надлежащее оборонительное состояние учредить" и "продвинуть свои южные рубежи как можно ближе к рубежам Оттоманской Порты"[27]. Прежде чем оснащать гавани и строить черноморский торговый флот, следовало отвоевать береговую линию. Военные и дипломатические победы над Турцией гарантировали бы сохранение постоянных связей с Востоком, поскольку Порта успешно вела борьбу с Персией и грозила перерезать юго-восточные торговые пути России. Еще одной внешнеполитической проблемой России было установление безопасной границы с Польшей и возвращение считающихся исконно русскими земель

отсутствовал. Так, вручая принцу Карлу Фридриху Александру фон Вюртембергу орден Святого апостола Андрея Первозванного, Екатерина писала лишь о "доброй воле и храбрости, с каковыми вы отправляли службу вашу нам в течение настоящей с турками войны" (Hauptstaatsarchiv Stuttgart. Bestand: G 263. Büschel 1).

[26] См., например: В.С. Попов – А.С. Кочубею. 1802, СПб. (Русский архив. 1865. Кн. 3. С. 224–225).

[27] См.: ПСЗ. Т. XVI. № 12180. С. 795; *Милов Л.В.* Великорусский пахарь... С. 567.



Божіею милостію Мы Екатерина
вторая императрица и самодержица
всероссійская.

и прочая, и прочая, и прочая.

Намъ Любезнодѣрному Принцу Карлу
Фридриху Александру Виртембергъ-Штуд-
гардскому.

Усердіе, добрая воля и храбрость съ ка-
ковыми вы отправляли службу вашу
намъ въ теченіи настоящей съ Турка-
ми войны, удостоилися Нашего особли-
ваго благоволенія. Мы оное восхотѣли
изъявить вамъ пожалованіемъ васъ
кавалеромъ перваго Нашего Ордена Свя-
таго Апостола Андрея, котораго знаки
при семъ къ вамъ для возложенія на себя
доставляемъ, пребывая вамъ импера-
торскою Нашею милостію благосклон-
ны. Данъ въ Санктпетербургѣ. Ноября
„12.го" дня 1790го года.

Екатерина

Послание Екатерины II
принцу Карлу Фридриху Александру фон Вюртембергу

Литвы и Белоруссии, а также сохранение прочных позиций на Балтийском море[28].

Эти важнейшие задачи геополитики веками стояли перед страной на юго-восточном, северном и западном направлениях, но лишь во второй половине XVIII столетия сложились реальные возможности для их кардинального решения. Очередной мощный прорыв России, открывающий для нее выход к южным морям и связанный с аннексией обширных территорий, требовал концентрации внутренних ресурсов, тонкой дипломатии и мобилизующей силы верховной власти. Вновь была востребована доктрина, стимулирующая патриотические чувства подданных и прежде всего государственное мышление элиты, а также апеллирующая к идеологическим символам, принятым при европейских дворах, и ценностям европейского общественного мнения.

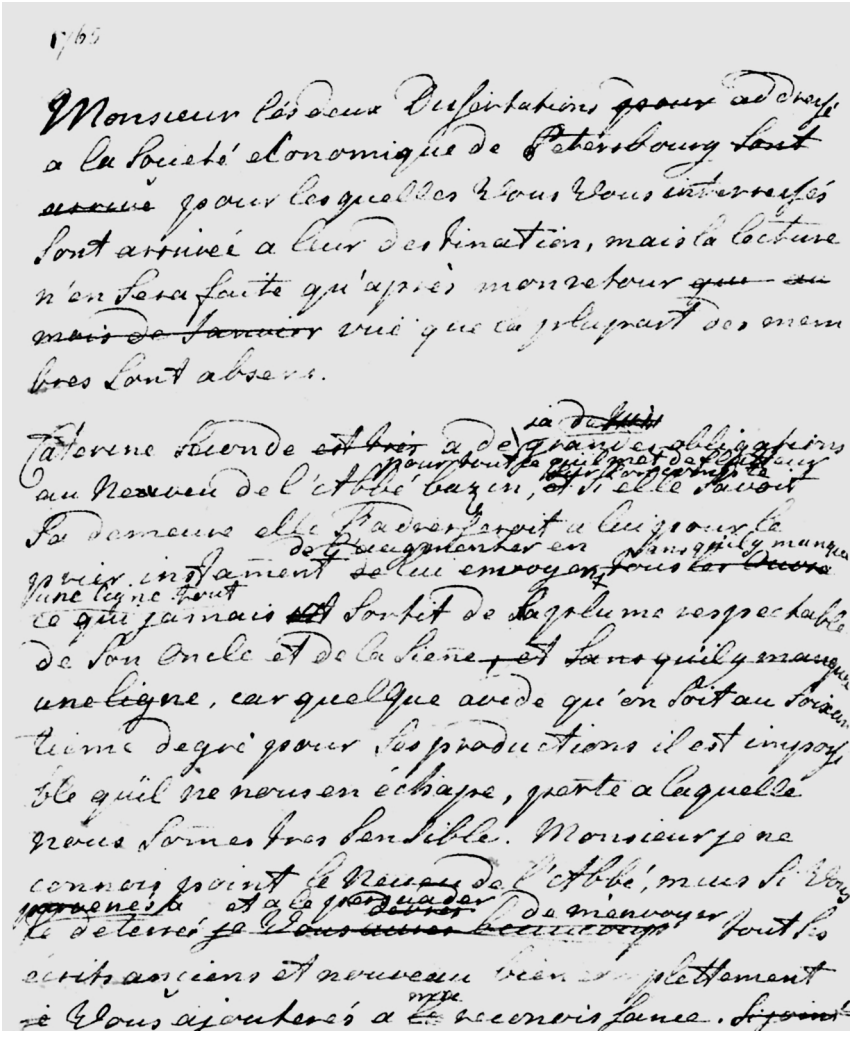
Внешнеполитическая концепция российского престола во второй половине XVIII в. основывалась на неукоснительной приверженности наследию первого императора и готовности снискать русскому оружию славу, достойную его блистательных побед. Законодательные акты Екатерины подкреплялись авторитетом двух монархов – "нашего деда Петра Первого" и "нашей тетки Елизаветы Петровны"[29]. Наиболее величественной, разумеется, была фигура царя-преобразователя, с правления которого для большинства современников начиналась новая история России. Екатерина считала себя прямой наследницей и продолжательницей дела Петра[30], воздвигала ему памятники и использовала образ императора как стабилизирующий и возвышающий

---

[28] См. об этом подробнее, например: *Кулишер И.М.* Очерк истории русской торговли. Пг., 1923; *Покровский С.А.* Внешняя торговля и внешняя торговая политика России. М., 1947; *Raeff M.* In the Imperial Manner // Catherine the Great. A profile. N.Y., 1972. P. 197–246; *Herlihy P.* Odessa: A History. 1794–1914. Cambridge (Mass.), 1986; *Bagger H.* The Role of the Baltic in Russian Foreign Policy. 1721–1773 // Imperial Russian Foreign Policy. Washington; N.Y., 1993. P. 61–71; Век Екатерины: Россия и Балканы. М., 1998; *Елисеева О.И.* Геополитические проекты Г.А. Потемкина. М., 2000; Век Екатерины II: Дела балканские. М., 2000; *Рэгсдейл Х.* Просвещенный абсолютизм и внешняя политика России в 1762–1815 годах // Отечественная история. 2001. № 3. С. 3–25; и др.

[29] См., например: ПСЗ. Т. XVII. № 12384. С. 120. 27 апреля 1765; и др.

[30] Следует заметить, что это признавали и современники императрицы. Обмениваясь шутками со знаменитым острословом Вольтером, Екатерина писала: "Вы меня просите скорее окончить войну и законы, чтоб вы могли сообщить о них Петру Великому на том свете… я вас серьезно прошу отложить это намерение на возможно далекое время. Не огорчайте ваших друзей этого мира из-за любви к тем, которые уже в том" (Екатерина II – Вольтеру. 1770 г., март (Бумаги императрицы Екатерины II, хранящиеся в Государственном архиве Министерства иностранных дел, 1774–1796: В 5 т. СПб., 1872. Т. 2)).



Письмо Екатерины II Вольтеру. 1765 г. Автограф. Черновик

фактор своих собственных свершений. Но если европеизация и наступательная энергия петровского правления были постоянно декларируемыми официальными ценностями, то жесткость императора, особенно по отношению к дворянству, и излишняя поспешность в принятии решений молчаливо обходились стороной. Основываясь исключительно на принципах государственной целесообразности, Екатерина чувствовала, что напряжение петровской эпохи спало и нет более необходимости ни в насильственном

“приохочивании” дворянства к службе, ни в ученическом стремлении во всем копировать “политизированную” Европу.

В царствование Екатерины, когда амбиции державы достигли своего апогея, а победы, за которые Россия боролась веками, следовали одна за другой, имперская идея приобрела особую мощь и экспрессию выражения. Внешнеполитическая концепция страны, разрешающей глобальные геополитические проблемы сразу на нескольких направлениях, неизбежно вобрала в себя ценности и символы, которыми жили предшествующие поколения и которые к концу XVIII в. уже воспринимались иначе или вообще утрачивали свое былое значение и наполнялись новым содержанием. Имперская доктрина была сформулирована не по приказу самодержавной власти, а росла, пласт за пластом, подобно культурному слою, по мере роста территории страны и укрепления российской государственности. Державная идея выкристаллизовывалась под влиянием многочисленных факторов, в том числе международной конъюнктуры, внутренней ситуации, специфики воспроизведения и осмысления исторической традиции и т.п. Российская внешнеполитическая доктрина не была законченной проработанной теорией, игрой ума нескольких философов, а являлась действующей гибкой концепцией, используемой самодержавием в качестве орудия укрепления международных позиций Петербурга.

К последней трети XVIII в. явно прослеживается формирование имперского самосознания нации[31], ощущение уникальности пространства, “многоязычия” и исторической судьбы страны.

[31] Слово “нация”, часто встречающееся в русском политическом лексиконе XVIII в., было достаточно употребительным уже во второй половине XVII столетия преимущественно в дипломатической среде. С правления Петра I этот термин прочно укореняется в официальных текстах, а также на страницах публицистики, газет, художественных произведений, мемуаров и частной переписки. Как правило, значение слова “нация” было идентично понятиям “народ”, “люди”. Характерно, что в тех русских официальных документах, которые должны были дойти до сведения европейских дворов и потому целенаправленно переводились на различные языки, в частности, на немецкий, слово “нация” звучало как “*die Nation*” или “*das Volk*” (см., например: Katharina II. Zarin von Russland: Rehabilitation von Bestuz’ev-Rumin. St. Petersburg 31. 8. 1762. 2S., ungez. frz. (Dr.) u. dt. Übersetzung des russ. Orginals // Aktenstücke zur Geschichte Russlands insbesondere der Throbesteigung Katharina’s II. Handschriftenabteilung der Tübinger Universitätsbibliothek. Md 58 e. 78.84). Однако в источниках было зафиксировано употребление термина “нация” и в узкосословном смысле: “Государь… должен знать, что нация, жертвуя частию естественной своей вольности, вручила свое благо Его попечению 〈…〉 а дабы нация имела свою вольность, надлежит правлению быть так устроену, чтоб гражданин не мог страшиться злоупотребления власти”. См.: Письма с приложениями графов Никиты и Петра Ивановичей Паниных блаженной памяти к Государю Императору Павлу Петровичу // Император Павел I. Жизнь и царствование / Сост. Е.С. Шумигорский. СПб., 1907. С. 9–11).

Целая серия законодательных актов рассматриваемого периода открывалась горделивым описанием державы, где "лесов, рек, озер и к коммерции подлежащих морей довольно, к размножению многих мануфактур, фабрик и прочих заводов способность великая", а также есть немало "наивыгоднейших к обитанию рода человеческого полезнейших мест, в недрах своих скрывающих неисчерпаемое богатство разных металлов"[32].

Из указов практически исчезают общие ссылки на "политизированные народы" и с очевидностью прослеживается дифференцированное отношение к Европе, соединяющее и признание чистоты голландских городов, и иронию по поводу "сумбурных" итальянцев[33]. К заимствованию европейских знаний и опыта власть подходит теперь более критично. Образование в зарубежных университетах становится все чаще индивидуальным делом элиты, которая начинает выстраивать свои собственные отношения с западным миром, его мыслителями и даже придворными кругами[34]. Для просвещенного взгляда из Петербурга и Москвы центр Европы постепенно перемещается через Пруссию и немецкие княжества в Париж. Разумеется, проблема восприятия Запада, как, впрочем, и Востока, в государственном, культурном, религиозном и других аспектах официальными кругами и представителями "критически мыслящего" дворянства крайне сложна и требует специального исследования. В данном контексте речь идет лишь о том, что одной из составляющих имперской доктрины к концу XVIII столетия становится самоопределение России как могучего государства и на уровне политики престола, и на личностном уровне индивидуального сознания подданных[35].

Если высокомерная замкнутость Московской Руси основывалась в значительной степени на осознании избранности право-

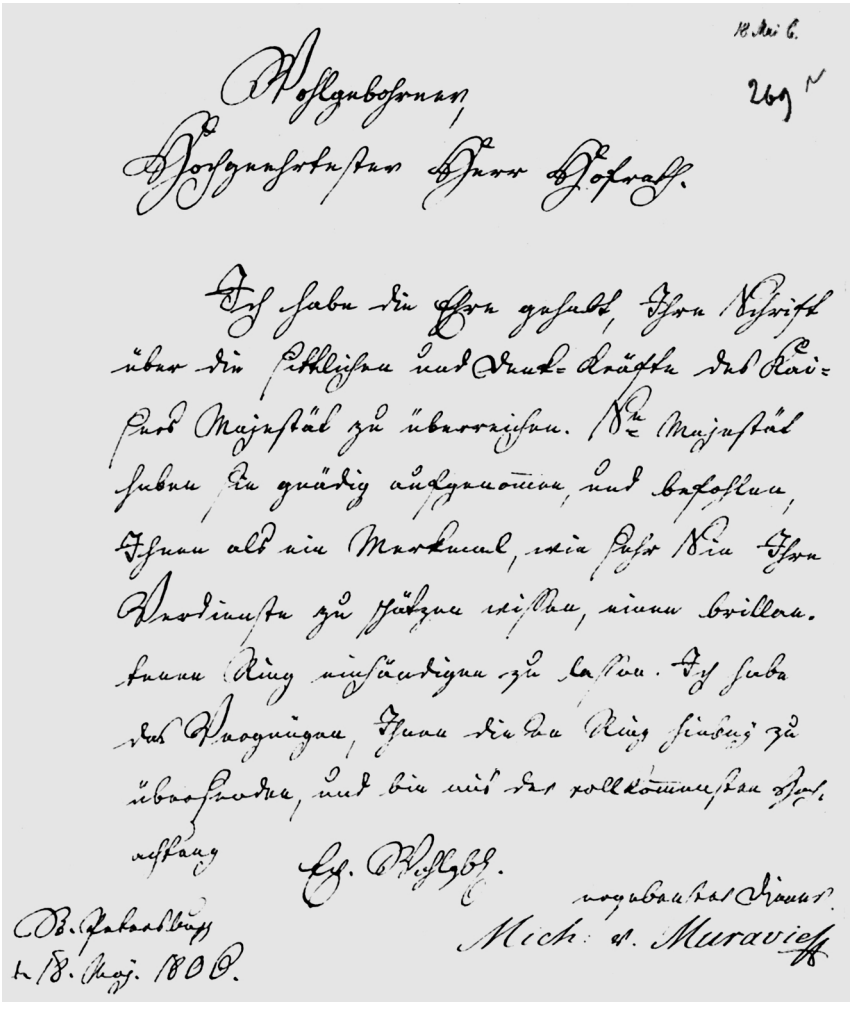
---

[32] ПСЗ. Т. XVI. № 11880. С. 313. 22 июля 1763.

[33] См., например: Там же. Т. XVI. № 11908. С. 346. 1 сентября 1763; № 12150. С. 739–740. Апрель 1764; и др.

[34] В частности, в рукописном отделе библиотеки Геттингенского университета хранится переписка куратора Московского университета М.Н. Муравьева и профессора Майнерса, в которой содержится богатый материал об обучении русских студентов в Германии и лекциях немецкой профессуры в России (Handschriftenab-teilung der Göttinger Universitätsbibliothek. Nachlaß von Christoph Meiners. (2° Cod. Ms. Meiners 41). См. об этом также: *Stieda W.* Deutsche Gelehrte als Professoren an der Universität Moskau. Leipzig, 1930; *Mauer T.* Hochschullehrer im Zarenreich. Ein Beitrag zur russischen Social und Bildungsgeschichte. Köln; Weimar; Wien, 1998. S. 96–109).

[35] См. об этом, например: *Данилевский Н.Я.* Россия и Европа. Взгляд на культурные и политические отношения славянского мира к германо-романскому. СПб., 1995. С. 44–58, 77–95 и след.



Письмо М.Н. Муравьева
профессору Геттингенского университета Х. Майнерсу. 1806 г.

славной веры, то петровская Россия провозгласила себя империей и потребовала от всех стран признания своего нового достоинства. Дипломатическое подтверждение статуса Российской империи растянулось почти на 50 лет. К этому времени страна заняла уже не только прочное, а ведущее положение в Европе. Петербург уклоняется от участия в союзах при главной роли других государств, преследует исключительно собственные внешнеполитические интересы и для их реализации создает блоки, где

претендует на доминирующую позицию[36]. После декларации о вооруженном нейтралитете 1780 г. и присоединения Крыма в 1783 г. "инфлюэнция" России в Европе чрезвычайно усилилась, что и продемонстрировала Екатерина во время своего триумфального путешествия на юг в 1787 г. При ней петровская идея регулярного государства трансформировалась в символ процветающей России, международный престиж которой усиливался непомерным честолюбием императрицы и ее безграничной верой в страну, куда "привел ее Господь". Екатерина ревностно относилась к тому, чтобы новые присоединенные территории четко и своевременно отражались в полном императорском титуле, который становился все более громоздким. В 1787 г. Храповицкий записал в дневнике: "Спрашивали о большом Императорском титуле и о степенях пространства России, дивясь, что приобретение Белоруссии и Тавриды ничего не прибавило. Подал форму о всех титулах"[37].

При изучении внешнеполитической доктрины Петербурга особое внимание в исследовательской литературе уделяется так называемому "греческому проекту", хотя документа под таким названием никогда не существовало[38], как, соответственно, не было и одного автора у плана образования независимого греческого государства на месте поверженной Оттоманской Порты[39].

---

[36] В конечном счете, приоритет был отдан не "Северному аккорду" канцлера Никиты Панина, ориентировавшему Россию на союз с Пруссией, Швецией, Данией и Польшей при главенствующей роли Берлина, а смелому замыслу борьбы с Турцией за побережье Черного моря и контроль над проливами.

[37] *Храповицкий А.В.* Памятные записки. С. 37. Речь идет о "Форме о титулах ее императорского величества", которую Екатерина собственноручно отредактировала (Памятка императрицы Екатерины II на обложке указа "Форма о титулах ее императорского величества" // РГАДА. Ф. 10. Оп. 2. Ед. хр. 323. Л. 1).

[38] Историки позаимствовали этот термин у английского полномочного министра при российском дворе Джеймса Гарриса. См.: *Harris J.* Diaries and Correspondence. N.Y., 1970. Vol. I. C. 203, а также: Русский архив. 1874. № 1, 8, 11.

[39] Эта идея была рассредоточена по самым различным текстам – ее детали прорабатывались в посланиях Екатерины Иосифу II и Потемкину, корреспонденции и записках светлейшего князя, докладах Безбородко. Многозначная символика возрождающейся по воле российской императрицы Византии отражалась в произведениях искусства, начиная от торжественных од и заканчивая медалью с античными фигурами на фоне храма Святой Софии в Константинополе, отчеканенной в связи с рождением будущего правителя Царьграда, великого князя Константина Павловича (См.: *Arneth A.R.* Jozeph II und Katharina von Russland. Ihr Briefwechsel. Wien, 1866; *Мартенс Ф.* Собрание трактатов и конвенций, заключенных Россиею с иностранными державами. СПб., 1875. Т. 2; Русский архив. 1880. Кн. 1; Екатерина II и Г.А. Потемкин. Личная переписка, 1769–1791. М., 1997; Сб. РИО. 1881. Т. 26, 29; *Соловьев С.М.* История падения Польши. М., 1863. Об инициативных записках Потемкина подробнее см.: *Елисеева О.И.* Геополитические проекты Г.А. Потемкина).

Главная цель проекта заключалась в расчленении территории Турции и воссоздании православной империи со столицей в бывшем Царьграде[40], изгнании турок из Европы, восстановлении православной независимой Византии со столицей в Константинополе и властвующим монархом Константином Павловичем, который в момент оформления проекта находился еще в младенчестве и только что получил свое знаковое имя[41]. Второй внук Екатерины появился на свет 27 апреля (8 мая) 1779 г. С детских лет наследнику, вскормленному гречанкой Еленой, преподавали греческий язык и подбирали для игр "набранных в Архипелаге греческих мальчиков" из учрежденного в 1774 г. специального училища, разместившегося в Ораниенбауме[42].

Высочайше заявленная семантика "греческого проекта" была растиражирована в литературе того времени. В 1786 г. выходит "Описание Архипелага и варварийского берега" с посвящением великому князю Константину Павловичу: "Константин основал престол в Царьграде и посвятил Восточную империю. Константин потерял град и владычество. Константину предписано в книге судеб восстановить сие царство"[43]. Сбывающееся пророчество о присутствии русских в "граде Константина", Константинополе, было озвучено и в поэзии Г.Р. Державина:

Иль Россов идет дух военный,
Христовой верой провожденный
Ахеян спасть, агарян стерть?
Я слышу, громы ударяют,
Пророки, камни возглашают:
То будет ныне или впредь!

---

[40] См. об этом подробнее: История дипломатии. М., 1941. Т. 1; *Маркова О.П.* О происхождении так называемого греческого проекта (80-е годы XVIII в.) // История СССР. 1958. № 4; *Смилянская И.М.* Восточное Средиземноморье в восприятии россиян и в российской политике (вторая половина XVIII в.) // Восток. 1995. № 5; *Елисеева О.И.* Геополитические проекты Г.А. Потемкина; *Ragsdale H.* Evaluating of the Traditions of Russian Aggression: Catherine the Great and the Greek Project // Slavonic and East European Review. 1988. Vol. 66. P. 91–117; *Рэгсдейл Х.* Просвещенный абсолютизм и внешняя политика России; и др.

[41] См. об этом: *Брикнер А.Г.* История Екатерины Второй. М., 1998; История дипломатии. Т. 1; *Маркова О.П.* О происхождении...; *Елисеева О.И.* Геополитические проекты Г.А. Потемкина. С. 16; Век Екатерины: Россия и Балканы. М., 1998; Век Екатерины II: Дела балканские. М., 2000; и др.

[42] В ноябре 1774 г. Екатерина подписала генерал-инженеру М.И. Мордвинову рескрипт об учреждении для греческого юношества гимназии, в которой должны обучаться доставленные в Петербург графом А.Г. Орловым греческие мальчики из Архипелага (Сб. РИО. 1880. Т. 27. С. 5–6).

[43] См. об этом подробнее: *Смилянская И.М.* Восточное Средиземноморье...

Поэт сопроводил свое произведение многозначительным примечанием: "В Византии находятся камни с надписями... которые пророчествуют о взятии северными народами Константинополя, мистики находят о том пророчество в самом Священном Писании"[44].

В историографии сложилось противоречивое отношение к претенциозному замыслу создания независимой православной империи. Некоторые исследователи видели в нем заманчивую, будоражащую воображение утопическую мечту. В других работах дерзкое решение возродить Царьград признается вполне взвешенным, сравнивается с менее масштабной и более достижимой целью присоединения Крыма и оценивается как результат борьбы между различными группировками при дворе Екатерины[45]. Представляется, что подчинение полуострова и борьба за контроль над проливами и, соответственно, Средиземноморьем были последовательными этапами цельной и достаточно реалистичной программы императрицы, которая не ставила заведомо иллюзорных задач и, конечно же, не склонна была подчинять свою внешнеполитическую линию религиозным символам.

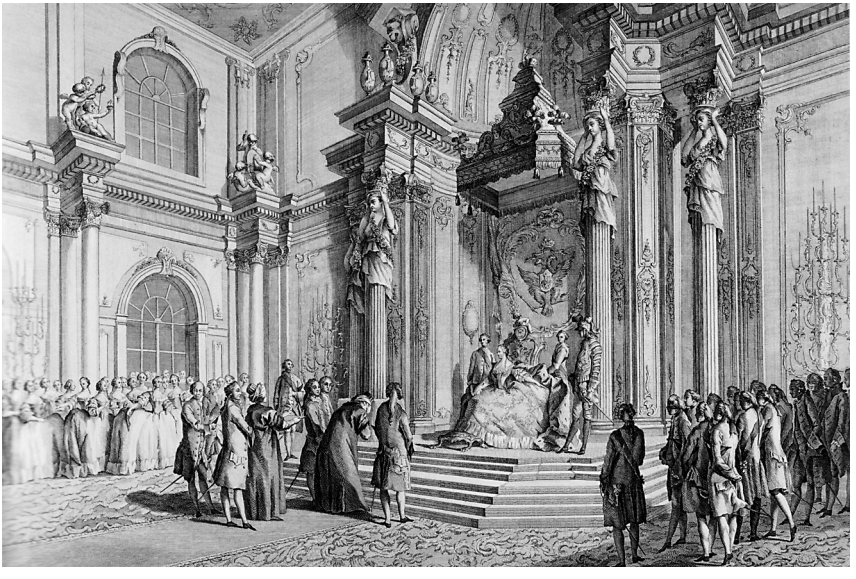
Инициатива проекта исходила из Петербурга и сводилась к декларации долгосрочной программы России и Австрии на Востоке. Русская стратегия предполагала: закрепление за русскими Очакова, земель между Бугом и Днестром, одного-двух островов в Архипелаге для создания базы русского флота в Средиземном море, передачу Вене западных районов Балканского полуострова, образование на территории Валахии и Молдавии буферного государства Дакия, разделяющего владения России, Австрии и Турции. Мысль о судьбе единоверной Византии, более трех столетий назад поглощенной мусульманским миром, занимала российский двор на протяжении всего XVIII в. – и во время Азовского и Прутского походов Петра I, и во время Русско-турецкой войны 1736–1739 гг.[46] Однако концепция своеобразного реванша,

---

[44] *Державин Г.Р.* На взятие Измаила // *Державин Г.Р.* Стихотворения. Л., 1967. С. 163, 396. См. об этом также: *Смилянская И.М.* Восточное Средиземноморье... С. 72.

[45] См., например: *Маркова О.П.* О происхождении..; *Елисеева О.И.* Геополитические проекты Г.А. Потемкина; Век Екатерины: Россия и Балканы; Век Екатерины II: Дела балканские; и др.

[46] См. об этом, например: *Hösch E.* Das sogenante "griechische Project" Katharinas II: Ideologie und Wirklichkeit der russischen Orientpolitik in der zweiten Hälfte des 18. Jahrhunderts // Jahrbücher für Geschichte Osteuropas. 1964. Bd. XII; *Зорин А.* Кормя двуглавого орла... Литература и государственная идеология в России в последней трети XVIII – первой трети XIX века. М., 2001. С. 35.



А.И. Казанчинский. Прием турецкого посольства Екатериной II в Аудиенц-камере Невской анфилады Зимнего дворца 14 октября 1764 г. Гравюра с рисунка Ж.-Л. де Велли, М.И. Махаева. 1796 г.

связанная с идеей восстановления "Второго Рима", оформилась лишь в конце 70-х годов, после заключения Кючук-Кайнарджийского мира.

Неуклонное продвижение на юг отвечало коренным экономическим интересам страны, для которой победа над Крымом и завоевание Константинополя открывали широчайшие перспективы: прекращение разорительных набегов татар на плодородные земли, сельскохозяйственная продукция с которых шла бы сразу на экспорт через черноморские гавани, и превращение России в великую морскую державу, господствующую на Средиземном море.

Историческая традиция и религиозная патетика "греческого проекта" являлись идеологическим выражением геополитической стратегии и были подчинены военной тактике, выстраиваемой с учетом не только силы русского оружия, но и всячески стимулируемого возмущения греческого населения. Уяснение дипломатических возможностей России на Востоке и оглушительные победы над Портой предшествовали актуализации памяти о православной империи, поглощенной исламским миром. Высокая символика борьбы за наследство Византии переводила русскую экспансию на южном направлении в плоскость ответст-

венности державы “истинной веры” за православных греков и притязаний российского великого князя на престол в возрожденном Царьграде. Освященная религиозной стилистикой российская имперская доктрина была продуманным дипломатическим шагом, адресованным прежде всего европейскому мнению.

Османы называются “врагами всех христиан” преимущественно в документах, связанных с тонкой дипломатической игрой, и настойчиво идущих из Петербурга напоминаниях всем монархам, так или иначе поддерживающим Порту, о необходимости объединения против исповедующих ислам[47]. В торжественных одах борьба против неверных “магометян” иногда уподобляется борьбе за освобождение Гроба Господня:

А паче просит нас туда
Народов близкая беда,
Соединенных нам законом,
Они в оковах тяжких там, –
⟨…⟩
На вечный плач и бедство нам
И нашим в торжество врагам
Сии места, места священны,
Где искупитель наш рожден,
И гроб, чем тартар побежден,
Иноплеменникам врученны[48].

Однако в действительности российская властвующая элита менее всего была обременена конфессиональным противостоянием с Оттоманской империей и многовековой памятью о разрушении “Второго Рима”. В документах, обслуживавших реальную политическую практику, столкновения и войны с Турцией мотивировались вмешательством османов в польские дела, арестом русского посланника в Константинополе, стремлением “доставить себе удовлетворение обиды, Портою причиненной, и награждение убытков, с войною сопряженных”[49]. Над всеми же частными доводами возвышались коренные политические интересы

---

[47] В 1775 г. Екатерина с возмущением писала о секретном трактате, который был заключен между австрийским императором, “охранителем римско-католической веры”, и Портой, “врагом христианского имени” (Сб. РИО. 1880. Т. 27. С. 28).

[48] *Херасков М.М.* Ода Российскому храброму воинству, при объявлении войны против Оттоманской Порты. М., 1769. См. об этом: *Зорин А.* Кормя двуглавого орла... С. 46–47.

[49] См., например: Из бумаг князя Потемкина-Таврического // Русский архив. 1865. Кн. 3. С. 76.

К.А. Леберехт, И.Б. Гасс.
Медаль "В честь светлейшего князя Потемкина-Таврического.
На взятие Очакова и крепости Березани". 1788 г.

России: "польза дела и оборона славы оружия нашего", "распространение пределов", "окружность границ, получением Крыма совершенно устроенная", "распространение торговли, которая привлечет корысти из всех стран"[50].

Главным же смыслом, придающим высокое значение всем военным кампаниям, дипломатическим акциям и межгосударственным сношениям России, оставался непререкаемый авторитет верховной власти. Образ великой империи, персонифицированный в личности монарха, безраздельно доминировал в политических концепциях, которыми "обрастали" российские баталии XVIII столетия – и турецкие войны, и разделы Польши, и столкновения со Швецией. Изрядно потеснив святыни православной веры и государственной исторической памяти, имперская внешнеполитическая идея была исполнена мощной позитивной энергии, которая неуловимо вобрала в себя спокойную силу как минимум двух поколений, не знавших поражений в открытом бою. Образ самодержавного монарха, эта доминирующая ценность официальной идеологии, логично стала центральной константой всех внешнеполитических доктрин и объединяющим началом, способным взрастить личностно переживаемое чувство любви к отечеству и гордости за него. Идея великодержавности должна

[50] Там же. С. 409, 412.

была дойти до сознания каждого подданного и, прежде всего, политически активного дворянства. Неслучайно в 1787 г., в начале Второй русско-турецкой войны Екатерина интересовалась, "что говорят в городе о войне". А когда услышала от статс-секретаря Храповицкого: "Уныния нет, и все военные на то готовы", заметила: "Теперь мы больше готовы, нежели в начале минувшей войны"[51].

Высочайший авторитет царя, а с 1721 г. – императора, складывался в России веками, и в этом отношении политика Екатерины полностью соответствовала ведущей традиции русской государственности. Верховная власть не просто связывалась с персоной императрицы, а практически сливалась и растворялась в образе венценосной особы. "Государь есть источник всякой государственной и гражданской власти", – декларировалось в екатерининском "Наказе"[52]. Известно, что императрица, в отличие от Петра I, никогда официально не именовалась Великой, не имела она и титула Мать Отечества[53]. Тем не менее вся ее деятельность была направлена на возвеличивание собственного правления, и многочисленные указы она настойчиво мотивировала заботой о "благоденствии верноподданных": "Мы со дня самого вступления Нашего на Всероссийский Престол сему правилу последуем... о пользе и всеобщем добре Наших подданных пещись, яко Мать о детях Своих"[54].

Сопоставление жесткого насильственного "демократизма" Петра и "обаятельного", "просвещенного" самовластия женского царствия Екатерины позволяет проследить эволюцию методов внедрения государственной доктрины в общественное сознание. Как уже указывалось, в эпоху Петра главной мировоззренческой ценностью, доводимой до подданных через тексты присяг и публичные проповеди в храмах, являлась беззаветная преданность

---

[51] *Храповицкий А.В.* Памятные записки. С. 38–39.

[52] Наказ императрицы Екатерины II. С. 5.

[53] В грамотах к иностранным дворам монархиня была "Екатериной II, Императрицей и Самодержицей Всероссийской" с традиционным перечислением всех земель, находящихся под ее скипетром. В грамотах, адресованных "внутрь государства" давалась аналогичная, но менее тяжелая титулатура, освобожденная от географического описания империи. Для указов из Сената и приговоров она была "Ее Императорским Величеством, Самодержицей Всероссийской". Доклады и челобитные подданные направляли к "Всепресветлейшей, Державнейшей, Великой Государыне, Императрице и Самодержице Всероссийской", с дополнительным обращением после просьбы к "Всемилостивейшей Государыне" (См.: ПСЗ. Т. XVI. № 11588. С. 5–6. 2 июля 1762. № 11590. С. 6–7. 2 июля 1762; РГАДА. Ф. 10. Оп. 2. Ед. хр. 323. Л. 1).

[54] ПСЗ. Т. XVI. № 11843. С. 270. 4 июня 1763.

“Самовластному Монарху” и вера в его преобразования, которая поддерживалась отнюдь не голословными угрозами “лишения живота и отсечения головы”. Императрицы середины – второй половины XVIII в. чрезвычайно гордились отсутствием смертной казни в годы их правления, если не считать расправы с такими явно посягающими на незыблемость престола “государственными преступниками и злодеями”, как Мирович или Пугачев. Провозглашая в “Наказе” Россию цивилизованным или “умеренность наблюдающим” государством, Екатерина писала, что в таких странах “не лишают никого жизни, разве когда само отечество против оныя восстанет”[55].

Действительно, может создаться впечатление, что тональность обращения власти к подданным во второй половине XVIII в. смягчается. Если Петр нередко рассчитывал на эффективность пробуждения чувства страха, то Екатерина постоянно напоминала в указах о “природном Нашем человеколюбии”, материнских “увещеваниях”, “монаршей милости и доверенности”. “Любовь к отечеству, стыд и страх поношения суть средства укротительные и могущие воздержать множество преступлений ⟨...⟩ приложить должно более старания к тому, чтобы вселить узаконениями добрые нравы в граждан, нежели привести дух их в уныние казнями”[56].

Угрозы даже самым “зловредным и бездельным людям”, “презрителям Высочайшей воли” приобретают расплывчатые формулировки, лишенные прямого заявления о смертной казни: “Если Наше матернее попечение не подействует... Мы тогда поступим уже по всей строгости законов, и не минуемо преступники почувствуют всю тяжесть Нашего гнева”. Перспектива “лишения живота” упоминается обычно лишь в назидание, как мера действенная, но далекая от реального воплощения: “таковые злодеи” “праведно заслуживают достойную себе казнь”, да “по милосердию Нашему” пощадим их[57]. Петр на Красной площади рубил головы, несколько десятилетий спустя Екатерина на том же месте и перед Сенатом в Петербурге станет регулярно устраивать публичные казни “пасквилей” и “вредных сочинений”, которые под барабанный бой “при собрании народа” будут предаваться огню[58]. Императрица запретит “бранные и поносные слова” в

---

[55] Наказ императрицы Екатерины II. С. 27.

[56] Там же. С. 18–19.

[57] См., например: ПСЗ. Т. XVI. № 11687. С. 83. 19 октября 1762; № 11843. С. 270–271. 4 июня 1763; и др.

[58] См., например: Там же. Т. XVII. № 12313. С. 11. 19 января 1763; и др.

официальных бумагах[59]. Она уничтожит основанную Петром Тайную розыскную канцелярию и само «ненавистное изражение "слово и дело"», поскольку старание власти "о исправлении нравов" "возымело желаемое действо"[60].

Законодательные материалы второй половины XVIII в. свидетельствуют о постепенном отказе от непосредственного запугивания народа и усиливающейся ориентации власти на воспитание людей и "подготовку их умов" "для введения лучших законов"[61]. Подобная "просветительская" направленность самодержавия была связана не столько с характером и кругом чтения императрицы, сколько с усложняющимися задачами, встающими перед страной. Престол остро, может быть, более остро, чем при Петре, нуждался в развитии государственного сознания у подданных и их деятельной поддержке всех мероприятий правительства. Власть призывала к единству и "общему согласию" между "первыми Членами в государстве, между средними и самыми малыми людьми", напоминая о печальной истории рухнувшей из-за раздоров Греческой империи[62].

Однако ставка была сделана не на "среднего" или "малого" человека, а на политически активную образованную элиту. Разумеется, власть обычно опирается на высший слой общества, если исключить из данного контекста чрезвычайные ситуации революций и национальных катаклизмов. Тем не менее при Екатерине выверенная, продуманная политика в отношении знати находилась в явном диссонансе с разрушением всякого диалога, даже умозрительного и показного, с большей частью населения.

Указ "о неподавании прошений Ее Императорскому Величеству, минуя надлежащие Присутственные места" наглядно демонстрировал рост недосягаемости императорской власти по мере удаления от престола, находящегося на вершине социальной пирамиды. Собственно и решение об уничтожении Тайной розыскной канцелярии было направлено на пресечение жалоб и "затеянных доносов" от "подлых, злых и бездельных людей из солдат, матросов, людей господских, крестьян, бурлаков, фабричных, мастеровых и, одним словом, всякого звания подлых... на своих начальников и господ"[63]. Самодержавие сознательно блокировало появление даже пассивного, исполненного монархических иллюзий, робкого недовольства крестьян в прошениях

---

[59] См., например: Там же. Т. XVI. № 11884. С. 319–320. 26 июля 1763.
[60] Там же. № 11687. С. 83. 19 октября 1762.
[61] См.: Наказ императрицы Екатерины II. С. 13.
[62] См., например: ПСЗ. Т. XVI. № 11845. С. 277–278. 6 июня 1763.
[63] Там же. № 11687. С. 84. 19 октября 1762.

Бюргер. Екатерина II с семейством в Царском Селе.
С эскиза И.Ф. Антинга. 1780-е годы

на высочайшее имя. Власть тем самым неизбежно обрекала себя на искаженное представление о положении основной массы населения, "великого множества несчастнейших в роде человеческом, коих бедственное состояние от Императорского Величества всегда, да и от света по большей части скрыто бывает и которые сами о своей бедности принесть жалобы не в состоянии"[64].

Императрица не только старалась оградить себя от жалоб "подлых людей", но и сама крайне редко обращалась к ним. Ее указы лишены традиционных для петровского законодательства "толкований". В начале своего правления монархиня, взявшая власть при живом императоре и наследнике престола, сопровождала свои распоряжения высокопарными описаниями "Нашего праведного пред Богом намерения, с каким Мы воцарилися": "...Не приобретение сокровищ, которыми паче всех земных Нам можно обогатиться, не властолюбие и не иная какая корысть, но истинная любовь к Отечеству... Нас побудили принять сие бремя Правительства. Почему Мы... и самую Нашу жизнь за Отечество любезное определили, не полагая ничего

---

[64] Доклад И.И. Бецкого об учреждении в Москве Воспитательного дома // Там же. № 11908. С. 345. 1 сентября 1763. Близорукость престола предполагала появление в том или ином виде феномена "потемкинских деревень".

себе в собственное... но все труды и попечение подъемлем для славы и обогащения народа Нашего"[65]. Буквально через несколько месяцев мотивы деятельности императрицы раскрываются уже более скупо, а затем, по мере укрепления трона, и вовсе исчезают из нескончаемого потока именных повелений.

Екатерина явно не нуждалась и в проповеднике, подобном Феофану Прокоповичу, который мог бы ярко и красноречиво поведать с амвона об огромном значении для государства деятельности монархини. То немногое, что она считала необходимым довести до сведения всего населения и "объявляла во всенародное известие", очень мало походило на обращение Матери отечества, всемилостивейшей государыни к своим подданным. Официальные документы, "печатными в публичных местах прибиваемые и в церквах прочитываемые листами во всех Провинциях Империи Ее Императорского Величества", касались, как правило, "строго наблюдения исправности платежа подушного сбора", "употребления присылаемых от помещика для смирения крепостных людей в тяжкую работу", "отсылки в Сибирь не добровольно возвращающихся из Польши и Литвы беглецов и зачета крепостных людей владельцам их за рекрут" и т.п. Показательно, что Екатерина повелела указ "о пребывании крестьянам у своих помещиков в должном повиновении и послушании", "чтоб никто неведением не отговаривался, читать в праздничные и Воскресные дни в селах, в приходских церквах и по торжкам"[66].

Безусловно, императрица понимала, что крепостные, особенно центральных районов России, находились в бедственном положении. Еще в "Наказе" она писала об "убогом" состоянии многочисленных крестьянских семей и "уменьшении народа и земледелия", что может даже "причинить погибель" самодержавному государству[67]. Во время работы Уложенной комиссии Екатерина столкнулась с доходящей до "предрасположенности к деспотизму" вековой традицией крепостничества, которая показалась ей безрассудной и жестокой[68].

Однако в тот же период появились указы, приводящие крестьян в "надлежащее послушание" господину и практически передающие в руки помещика судьбы земледельцев. Изнуряющая силы крестьян эксплуатация становилась основой барского

---

[65] См., например: ПСЗ. Т. XVI. № 11616. С. 22. 18 июля 1762.
[66] Там же. № 11678. С. 75–76. 8 октября 1762.
[67] Наказ императрицы Екатерины II. С. 78, 80.
[68] Записки императрицы Екатерины Второй. С. 174.

хозяйства во многих имениях. "Расчетливый сосед" Онегина "Гвоздин, хозяин превосходный, владелец нищих мужиков" в этом контексте представляется не едкой сатирой, а наиболее распространенным социальным типом российского землевладельца, который сложился еще в XVIII столетии. Взгляды помещиков, не дающих "ленивым" крестьянам "попусту расхаживать", императрица даже отразила в Наказе: "Многие, пользуясь удобностию говорить, но не будучи в силах испытать тонкость о том, о чем говорят, сказывают: чем в большем подданные живут убожестве, тем многочисленнее их семьи. Так же и то: чем большие на них наложены дани, тем больше приходят они в состояние платить оные"[69].

Причину формирования подобного "консервативного режима, превратившего крепостничество в наиболее одиозную, жесточайшую форму эксплуатации"[70], следует искать между тем не в болезненном пристрастии российского дворянина к угнетению и не в абсурдном деспотизме самодержавной власти, а в сложном историческом пути России, в самом характере феодальных производственных отношений.

В работах Л.В. Милова крепостничество расценивается "как исторически закономерная форма проявления и развития собственно феодальных отношений"[71]. Речь идет о том, что в первую очередь естественно-географические условия существования русского государства повлияли на возникновение отношений крепостной зависимости как объективно наиболее реального и, в конечном счете, единственно возможного средства присвоения господствующим классом "исторически оптимального прибавочного продукта"[72]. «Режим выживания... бытовавший... в крепостной барщинной деревне, жесткий контроль за крестьянской семьей и регламентация быта крепостных, запрет раздела дворов, борьба с дефицитом рабочих рук, всяческие препятствия выдаче молодых девушек в чужие владения и прочие "буквально драконовские меры"» ⟨...⟩ "нельзя упрощенно воспринимать как произвол помещиков, так как эти явления были вызваны безысходностью жизни крестьян"[73]. Ведь и ужесточение режима крепостного права в начале царствования Екатерины II было связано со стремлением правительства хоть как-то сохранить былой

---

[69] Наказ императрицы Екатерины II. С. 80.

[70] *Милов Л.В.* Общее и особенное русского феодализма (Постановка проблемы) // История СССР. 1989. № 2. С. 62.

[71] Там же. С. 42.

[72] Там же. С. 50.

[73] *Милов Л.В.* Великорусский пахарь... С. 425–429.

уровень развития земледелия в Нечерноземье в условиях распространения промышленной внеземледельческой деятельности крестьянина[74]. "...Удержать крестьянские массы на земле, – заключает Л.В. Милов, – можно было только общим усилением режима крепостного права"[75].

Сословие дворян и самодержавное государство были зажаты между необходимостью увеличения объема валового земледельческого продукта, сохранения стабильности господского хозяйства и защиты крестьянской семьи от обнищания[76]. Укрепляя власть душевладельца, императрица в то же время пыталась воспитать в помещиках чувство ответственности перед государством и престолом за вверенное им как представителям высшего сословия зависимое население. При этом прагматичная Екатерина апеллировала не столько к христианским ценностям и гуманитарным идеям Просвещения, сколько к здравому смыслу собственника. "Каких-либо определенных условий между господами и крестьянами не существует, – писала она Дидро, – но каждый хозяин, обладающий здравым смыслом, старается обходиться со своей коровой бережно, не истощать ее и не требовать от нее чрезмерного удоя"[77].

Таким образом, усиление давления на земледельцев сопровождалось стремлением власти и помещика удержать крестьянский двор от разорения. При всей своей объективности и экономической обусловленности эти процессы влияли на формирование общества с жесткой иерархией и определенным нравственно-психологическим климатом. На протяжении XVIII в. дистанция между привилегированным и податным населением стремительно увеличивалась, породив в результате стойкое представление о

---

[74] Там же. С. 549–550.

[75] Там же. С. 565.

[76] Целенаправленная борьба с бедностью особенно остро стояла перед высшим сословием в России. "Эволюционируя многие столетия как почти чисто земледельческое общество, при слабом развитии процесса общественного разделения труда, российский социум (и прежде всего его господствующий класс) был крайне заинтересован в сохранении жизнедеятельности буквально каждого деревенского двора, ибо разорение крестьянина не переключало его в иную сферу производственной деятельности, а ложилось бременем на само общество" (*Милов Л.В.* Великорусский пахарь... С. 422).

[77] Цит. по: *Дидро Д.* Собр. соч. М., 1947. Т. X. С. 363. Дальновидные подданные разделяли подобный взгляд власти на "крещеную собственность". Так, Е.Р. Дашкова отметила в своих "Записках": "Благосостояние наших крестьян увеличивает и наши доходы; следовательно, надо быть сумасшедшим, чтобы самому иссушить источник собственных доходов" (*Дашкова Е.Р.* Записки // *Дашкова Е.Р.* Литературные сочинения. М., 1990. С. 118).

заранее предопределенном месте каждого сословия в заданной социальной структуре. Основными элементами этой пирамиды были монарх-самодержец и непосредственно подчиненное ему дворянство, владеющее в свою очередь крестьянством, которое, по словам самой Екатерины, "природа поместила в этот несчастный класс" и "которому нельзя разбить свои цепи без преступления"[78]. Крестьяне в официальных бумагах именовались "подлыми людьми", чьи социальные права сводились к минимуму, а востребованные государством ресурсы приближались к максимуму возможного в тех условиях.

Однако помимо "подлых людей", всецело подчиненных помещику и даже лишенных права принимать присягу, самодержавная власть выделяла в обществе социальную группу так называемых "низких", но "по состоянию своему свободных" подданных, состав которой был разнообразен и включал, в частности, горожан и консолидирующееся в особое сословие купечество.

Большинство законодательных актов, адресованных полупривилегированному населению, формулировалось на основе отдельных казусов, прецедентов, челобитных и было направлено на решение исключительно конкретных задач, касающихся внедрения новых механизмов, регламентации деятельности важных для государства производств, ценового регулирования выпуска продукции и т.п. Но и такие документы, как "Наказ" Екатерины II Уложенной комиссии, Жалованная грамота городам, Книга "О должностях человека и гражданина", свидетельствовали об отсутствии государственной доктрины, адресованной собственно "роду людей", "пользующихся вольностью и не причисляемых ни ко дворянству, ни ко хлебопашцам"[79].

Власть, безусловно, связывала с этой группой свои экономические интересы и финансовые выгоды. "Ограниченные податные возможности тяглового населения и все сужающиеся резервы крепостного земледельческого хозяйства, – пишет Н.В. Козлова, – заставляли правительство все больше внимания обращать на сферу торгового предпринимательства"[80]. Однако, провозглашая идеи меркантилизма в начале XVIII в. или же переориенти-

---

[78] Записки императрицы Екатерины Второй. С. 175.

[79] См., например: Наказ императрицы Екатерины II. С. 109; О должностях человека и гражданина. Книга, к чтению определенная в народных городских училищах Российской империи // Русский Архив. 1907. № 3. С. 321–374.

[80] *Козлова Н.В.* Российский абсолютизм и купечество в XVIII веке (20-е – начало 60-х годов). М., 1999. С. 368.

руясь на политику фритредерства к концу столетия, осуществляя казенные субсидии и вводя благоприятный таможенный режим[81], самодержавие более заботилось о расчетах казны, чем о воспитании личности купца и формировании широкого слоя мыслящих, образованных предпринимателей[82]. Весь пафос доктрины, обращенной к купцам и горожанам, замыкался на стандартных клише, ориентированных на все "состояния людей". В книге "О должностях человека и гражданина" говорилось: "Все сочлены гражданского общества должны о благосостоянии оного усердно стараться, охотно к тому способствовать, что верховная власть повелевает"[83]. Для купечества, которое, обогащаясь, должно "богатить государство", были актуальны те же общие положения о "благе и пользе отечества".

Идея "произведения способом воспитания" "новой породы" и "среднего рода людей" была заявлена в Наказе и затем детально проработана И.И. Бецким в документах, связанных с организацией Воспитательного дома[84]. Обращаясь к депутатам Уложенной комиссии, Екатерина специально отметила, что к "среднему роду людей" следует относить не только "всех тех, кои, не быв дворянином, ни хлебопашцем, упражняются в художествах, в науках, в мореплавании, в торговле и ремеслах", но и "всех тех, кои выходить будут, не быв дворянами, изо всех... учрежденных училищ и воспитательных домов"[85]. Из этого контингента предстояло сформировать "прямых и полезных граждан на основах добронравия и трудолюбия"[86]. Однако самодержавие лишь только начинало выстраивать тактику воздействия на сознание "низких", но "свободных" подданных, которая и отразилась в теории

---

[81] См., например: *Семенова А.В.* Купеческое сословие и государственная власть в России. XVI – середина XIX века // Сословия и государственная власть в России. XV – середина XIX в. М., 1994. Ч. II. С. 98–106.

[82] Черты "истинного" купца также состояли из "прикладных" качеств: знания товаров, искусства торговли, навыков купеческой бухгалтерии и т.п. См.: *Козлова Н.В.* Некоторые черты личностного образца купца XVIII века (К вопросу о менталитете российского купечества) // Менталитет и культура предпринимателей России XVII–XIX вв. М., 1996. С. 43–57.

[83] О должностях человека и гражданина. С. 352.

[84] См., например: Манифест от 1 сентября 1763 г. "с приложением Высочайше утвержденного проекта Генерал-Поручика Бецкого об учреждении в Москве Воспитательного Дома, с особливым гошпиталем для неимущих родильниц" // ПСЗ. Т. XVI. № 11908. С. 343; 1 сентября 1763. *Майков М.П.* Иван Иванович Бецкой. Опыт его биографии. СПб., 1904 (Прил.).

[85] Наказ императрицы Екатерины II. С. 109.

[86] ПСЗ. Т. XVI. С. 346; № 11908. 1 сентября 1763; Наказ императрицы Екатерины II. С. 109–110.

создания "третьего чина" (от фр. *tiers etat*)[87]. "Народом", "истинными гражданами", "усердными детьми своего отечества", "верноподданными" были для власти только представители высшего сословия. В указе из Военной коллегии от 1792 г. "о порядке отставки нижних воинских чинов" непосредственно декларировалось, что дворяне "пред всеми прочими состояниями народа преимущество имеют"[88].

Подобное официальное представление о структуре общества закреплялось и на уровне законодательства. К началу правления Екатерины II привилегии господствующего сословия достигли своего апогея, а зависимость крестьянина свелась до рабского существования. Господствующий класс получил свободу от государственной службы, которая, по исторической традиции, обеспечивала владение ревизскими душами. Крепостное же состояние податного сословия сохранится и по грустной иронии судьбы будет уничтожено через 99 лет и 1 день после Манифеста о вольности дворянства, 19 февраля 1861 г. Идея закрепощения двух сословий и их четко определенных обязанностей перед государством влияла на социальные представления дворянина, в среде же крестьянства она была просто популярна. Неслучайно в наказах Уложенной комиссии 1767 г. господствующий класс требовал подтверждения "власти и полномочий над своими дворовыми и крестьянами" в настоящем их объеме для рассеивания в массах пагубной веры в предстоящее ограничение или даже полное упразднение крепостного права[89]. Смысл отношения двух сословий после 18 февраля 1762 г. изменился в сторону превращения крестьянина в собственность своего владельца.

Как уже отмечалось, после выхода Указа о единонаследии в 1714 г. и Манифеста о вольности дворянства 1762 г. укрепляемая на протяжении столетий условной системой землевладения и обязательным характером службы личная зависимость помещика от монарха была лишена экономической и правовой аргументации. Отношения дворянства и власти принципиально изменились. Именно на долю Екатерины выпала задача предельно повысить эффективность воздействия незафиксированных законодательно стимулов "приохочивания" сословия землевладельцев к государст-

---

[87] См., например: *Тарловская В.Р.* Понятие "Третий чин" и политика "просвещенного абсолютизма" в России // Реформы в России XVI–XIX вв. М., 1992. С. 151–163.

[88] ПСЗ. Т. XXIII. № 17073. С. 362. Без числа, сентябрь 1792.

[89] См., например: *Белявский М.Т.* Крестьянский вопрос в России накануне восстания Е.И. Пугачева. М., 1965. С. 94.

венной службе. И, надо заметить, самодержавие последней трети XVIII в. блистательно справилось с этой проблемой.

Власти предстояло всячески поддержать и усилить внутреннюю зависимость дворянина от имперской идеологии. Подчинить мотивы личности официально задаваемым ценностям нельзя было исключительно путем расширения привилегий служилого сословия и превращения его в господствующий класс, свободный от каких-либо жестких обязательств перед престолом. "Милость монаршия" должна иметь "совершенное действо" и воспитывать чувство верноподданнической преданности[90].

Манифест и окончательно закрепившая привилегии господствующего класса Жалованная грамота 1785 г. были приняты, когда уже оформились представления о социальном престиже, заставлявшие дворянство добровольно оставаться служилым сословием. Власть направляла в заданное русло "умствования граждан" без прямого насилия и запугивания, используя тонкую, хорошо продуманную систему манипуляции и "народным мнением", и предпочтениями отдельной личности.

Однако отношения с господствующим классом власти еще предстояло выстраивать и концептуально оформлять. Важнейшим этапом дальнейшего развития и усложнения идеологической составляющей сословной политики престола стал Манифест о вольности дворянства[91]. Этот небольшой по объему доку-

---

[90] См., например: ПСЗ. Т. XVI. № 11687. С. 82–86. 19 октября 1762.

[91] По поводу авторства Манифеста среди специалистов нет единодушия – см., например: *Соловьев С.М.* История России с древнейших времен. Т. XIII. С. 12–14; *Вернадский Г.В.* Манифест Петра III о вольности дворянской и законодательная комиссия 1754–1766 гг. // Историческое обозрение. 1915. Т. 20. С. 55–58. Большинство ученых полагают, что текст этого документа имеет непосредственное отношение к деятельности Уложенной комиссии 1754–1766 гг. и представляет собой часть одной из глав будущего проекта. Как пишет Н.Л. Рубинштейн, "дворянское законодательство времени Петра III, и прежде всего известный манифест... оказывается простой реализацией мероприятий, подготовленных еще при Елизавете Петровне" (*Рубинштейн Н.Л.* Уложенная комиссия 1754–1766 гг. и ее проект нового Уложения "О состоянии подданных вообще" // Исторические записки. М., 1951. Т. 38. С. 208–251). В качестве непосредственных авторов текста документа в историографии приводятся имена генерал-прокурора А.И. Глебова, Д.В. Волкова, Р.И. Воронцова – см., например: *Штелин Я.Я.* Записки // Чтения ОИДР. 1866. Кн. 4, отд. V. С. 67–108; и др. О.А. Омельченко полагает, что «новый закон был выражением... программы "аристократически-дворянского либерализма"», хотя, к сожалению, не дает разъяснения этого понятия (*Омельченко О.А.* "Законная монархия" Екатерины II: Просвещенный абсолютизм в России. М., 1993. С. 59). Представляется, что если идеологическая позиция составителей Манифеста и выражала взгляды дворянской политической элиты, то явно той ее части, которая находилась под мощным воздействием государственной абсолютистской доктрины.

мент включал преамбулу, кратко излагающую государственную доктрину отношений монархии и высшего сословия, конкретизацию ее реального воплощения и своеобразную заключительную резолюцию по поводу свободы, предоставляемой "благородному дворянству"[92]. Манифест открывался официальной интерпретацией усилий власти, направленных на воспитание высшего сословия, от результативности которых в значительной степени зависел успех самодержавного правления. Для общественного сознания второй половины XVIII в. актуальная история господствующего класса и история державы в целом начинались с царствования Петра I, чей авторитет превратился в знаковое обоснование многих последующих указов престола. В Манифесте главные цели политики самодержавия формулировались в соответствии с системой ценностей просвещенного абсолютизма и эмоционально окрашивались неуклонным стремлением России встать вровень с "регулярными народами", которое было задано еще первым императором. "Бессмертной славы премудрый Монарх, Любезный Государь Дед Наш, Петр Великий и Император Всероссийский, какую тягость и коликие труды принужден был сносить единственно для благополучия и пользы отечества своего, возводя Россию к совершенному познанию как военных, гражданских, так и политических дел, тому не только вся Европа, но и большая часть света неложный свидетель"[93].

Единственной социальной опорой монархии в достижении "преимуществ просвещенных держав" Манифест признавал "благородное дворянство", "яко главный в государстве член". Затем кратко излагалась почти 50-летняя история отношений высшего сословия и власти. Престол настойчиво развивал систему просвещения и государственной службы, приобщение к которым возводилось в ранг непреложного патриотического долга дворянства иногда под угрозой штрафов и конфискации имений "нерадивых о добре общем". Напоминалось, что всеобщая служба и обязательное получение образования "в начале частию казались тягостными и несносными для дворянства". Высшее сословие не желало "лишаться покоя, отлучаться домов, продолжать против воли своей самим военную и другие службы, и детей своих в оных записывать". Однако "обучение свободным наукам и полезным

[92] Вызывает недоумение тот факт, что при достаточно обширной историографии Манифеста о вольности дворянства отсутствуют работы, в которых были бы детально проанализированы содержание, терминология, стилистика, политическая мотивация этого документа.

[93] ПСЗ. Т. XV. № 11444. С. 912–915. 18 февраля 1762. Далее также приводятся цитаты из Манифеста о вольности дворянства.

художествам" в европейских университетах и "учрежденных внутри России разных училищах", "вступление в военные и гражданские службы", хотя и было "вначале несколько и с принуждением сопряжено", принесло свои плоды. В правление Елизаветы Петровны власть упорно продолжала формировать государственное сознание у дворянина – императрица, "подражая делам Родителя своего, знание политических дел и разные науки распространила и умножила под своим покровительством в Российской державе".

В результате нескольких десятилетий целенаправленных усилий престола сформировалась мощная социальная опора самодержавия в лице преданного власти образованного сословия. Далее в Манифесте перечислялись этические и гражданские качества, которые монархия воспитала в "благородном сословии": радение об общей пользе; здравый рассудок, полезное знание; прилежность к службе искусных и храбрых генералов, сведущих и годных людей в гражданских и политических делах. Именно эти черты высшего сословия предопределили возможность отмены обязательного характера службы[94]. "...Благородные мысли, – говорилось в Манифесте, – вкоренили в сердцах истинных России патриотов беспредельную к Нам верность и любовь, великое усердие и отменную в службе Нашей ревность, а потому и не находим Мы той необходимости в принуждении к службе, какая до сего времени потребна была".

Вслед за общеполитической преамбулой шла конкретизация условий образования представителей высшего сословия, продвижения их по чиновной лестнице, выхода в отставку, а также отъезда за пределы России и службы другим европейским монархам. В целом в документе признавалась "вольность службу продолжать, как в Нашей Империи, так и в прочих европейских союзных Нам державах", поскольку "по сему Нашему всемилостивейшему установлению никто уже из дворян российских неволею службу продолжать не будет". Однако дарованная свобода ограничивалась в девяти поясняющих параграфах.

Военные не имели права выйти в отставку во время кампании и за три месяца до ее начала, после окончания военных

---

[94] Характерно, что освобождение от принудительной государственной службы обосновывалось мерой просвещенности. Данный тезис был созвучен аргументации сохранения крепостной зависимости "невежественных крестьян", которая доминировала и в официальной идеологии, и в повседневном мышлении помещиков.

действий первые 8 классов могли покинуть службу лишь по высочайшей конфирмации, нижние чины – по решению департаментов. При просьбе об увольнении "от всех дел" чиновный статус дворянина повышался на один ранг, если он состоял в нем более года. В случае перехода с военной на гражданскую службу карьерный рост предполагался при условии службы в одном чине в течение трех лет. Однако эти льготы предоставлялись лишь "за благопорядочную и беспорочную Нам службу".

В третьем пункте Манифеста рассматривался случай возобновления военной службы после отставки или после статской службы. Такая возможность оставалась у дворян, правда, "есть ли их к тому достоинства окажутся". Кроме того, государство стремилось всячески поощрять тех представителей высшего сословия, кто в отставку не уходил, род деятельности не менял, а честно служил, пока другие дворяне наслаждались жизнью вольных помещиков. Их возвращение на службу могло произойти только "старшинством младшими пред всеми теми, кои с ними, когда они из военной службы уволены, в одних рангах состояли; есть ли ж таковые все уже повышены будут, то может и определяющийся в военную службу старшинство получить ⟨...⟩; сие для того постановляем, дабы служащие перед неслужащими выгоду и пользу имели".

По Манифесту о вольности российский дворянин получил исключительное право жить в Европе и служить другим монархам, однако "с таковым обязательством, что когда нужда востребует, то б находящиеся дворяне вне государства нашего явились в свое отечество... со всевозможною скоростью волю нашу исполнить под штрафом секвестра его имения".

В соответствии с шестым пунктом Манифеста власть отныне не собиралась принудительно возвращать на службу неслужащего дворянина или употреблять его "к каким-либо земским делам". Тем не менее "при особливой надобности" и по именному указу "за подписанием Нашей собственной руки" любая отставка могла быть прервана. К тому же ежегодно предполагалось проводить обязательный набор "по пропорции живущих в губерниях" неслужащих дворян: на местах следовало выбрать 30 человек для "надобностей Сената" и 20 человек для "оного Конторы", "а выбранным высылку учинить".

Введенный Петром I принцип обязательной службы и неукоснительного приобретения знаний, необходимых для выполнения этой государственной повинности, сохранял в тексте Ма-

нифеста свою актуальность[95]. Все представители высшего сословия должны были отчитываться перед престолом, чему их дети "до двенадцатилетнего возраста обучены, и где далее науки продолжать желают... чтоб никто не дерзал без обучения пристойных благородному дворянству наук детей своих воспитывать под тяжким Нашим гневом".

Таким образом, при внимательном прочтении Манифест о вольности дворянства оказывался документом, призванным не столько провозгласить новые привилегии высшего сословия, сколько усилить воздействие на мотивацию его представителей в нужном для абсолютизма направлении[96]. Создается впечатление, что все перечисленные инструкции должны были в конечном итоге повысить престиж образования, усилить авторитет чинов и обострить конкурентную борьбу за них в среде дворянства. Неслучайно документ, отменяющий обязательный характер государственной службы, заканчивался требовательным призывом продолжать эту службу со всей "верноподданнической верностью и усердием", всячески готовить к этой службе детей, а уклоняющихся от этой службы "презирать". "Мы надеемся, что все благородное российское дворянство... по своей к Нам всеподданнической верности и усердию побуждены будут не удаляться, ниже укрываться от службы, но с ревностью и желанием в оную вступать и честным и незазорным образом оную по крайней возможности продолжать, не меньше и детей своих с прилежностью и рачением обучать благопристойным наукам, ибо все те, кои никакой и нигде службы не имели ⟨...⟩, тех Мы, яко суще нерадивых о добре общем, презирать и уничтожать всем Нашим верноподданным и истинным сынам отечества повелеваем". Совершенно очевидно, что в Манифесте о вольности дворянства речь шла прежде всего не о свободе высшего сословия и открывающихся в связи с этим перспективах, а об ожиданиях власти, точнее – о более высоком пороге этих ожиданий.

---

[95] А. Джентин также не усматривает в Манифесте ревизии петровской концепции службы (*Gentin A.* Russia in the Eighteenth Century: From Peter the Great to Catherine the Great (1696–1796). N.Y., 1973. P. 69). Анализ непосредственного содержания и основного пафоса этого документа порождает некоторые сомнения по поводу тезиса И.В. Фаизовой, полагающей, что "политика самодержавия в дворянском вопросе, воплотившаяся в Манифесте о вольности дворянской, была направлена в сторону, противоположную той, на которую ориентировали идеи Петра I" (*Фаизова И.В.* "Манифест о вольности" и служба дворянства в XVIII столетии. М., 1999. С. 35).

[96] Так, Р. Джоунс отмечал, что главным предметом Манифеста было не собственно дворянское сословие, а отношение дворянства к службе (*Jones R.E.* The Emancipation of the Russian Nobility: 1762–1785. Princeton (N.J.), 1973. P. 32).

В целом Манифест представляется достаточно противоречивым документом. По своему пафосу он был выдержан в стилистике идеологии абсолютистского государства, продолжающего видеть в господствующем классе не только привилегированное, но и "служилое" сословие[97]. При этом главная идея Манифеста, согласно которой "все благородные российские дворяне навсегда вольностью пользоваться будут", еще более усложняла смысл государственной службы, которая и ранее трактовалась одновременно и как почетное право, и как неукоснительная обязанность. Наконец, с точки зрения конкретного законодательного обеспечения реализации дарованной дворянству привилегии это был скорее предварительный проект, чем продуманный документ, на основании которого можно было изменить порядок государственной службы целого сословия[98].

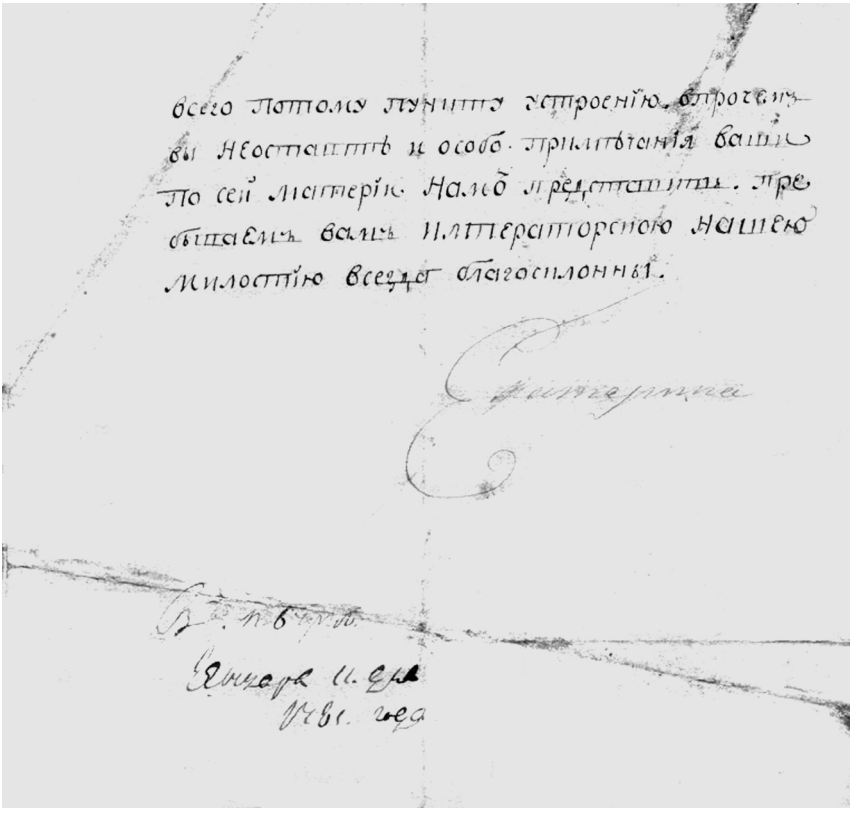
Таким образом, Екатерина получила в наследство от своего поверженного супруга не только весьма шаткое положение на престоле, но и документ, который требовал большой политической осмотрительности. С одной стороны, сохранялась давно назревшая потребность нового концептуального оформления отношений власти и дворянства. Документ, подписанный Петром III, содержал совершенно определенную терминологию, и поэтому господствующий класс справедливо ожидал конфирмации не новых прав и привилегий, а именно "свободы". С другой стороны, Екатерина как правитель талантливый и дальновидный интуитивно чувствовала, что необходимо, мягко обходя понятие "вольность", выстроить новые отношения с политической элитой дворянства, не охлаждая, а, напротив, усиливая их рвение к "служению Монарху и отечеству". Законодательство первых лет правления императрицы свидетельствовало о постепенной реализации именно этой тактики.

Манифест от 28 июня 1762 г. "О вступлении на Престол Императрицы Екатерины II" содержал типовую форму "клятвенного обещания", в соответствии с которым все подданные торжест-

---

[97] Сходную точку зрения высказывает А.С. Мыльников (*Мыльников А.С.* Искушение чудом: "Русский принц и самозванцы". Л., 1991. С. 51–57).

[98] Так, И.В. Фаизова отмечает, что "ярким примером неоднозначно сформулированного законоположения является статья 8 Манифеста. Она допускала увольнение от службы дворян, не имевших обер-офицерских чинов, лишь при наличии двенадцатилетней выслуги. Из текста Манифеста оставалось неясным, относится это положение лишь к тем, кто поступил на службу до его подписания, или сохраняет силу и для тех, кто начнет службу после 18 февраля 1762 г. Вследствие этого статья в разное время трактовалась по-разному" (*Фаизова И.В.* "Манифест о вольности"... С. 18).



Автограф Екатерины II

венно присягали “верно и нелицемерно служить и во всем повиноваться”, “поступать, как доброму и верному Ее Императорского Величества рабу”[99]. О дарованной дворянству свободе в законодательстве первых месяцев нового правления вообще не упоминалось. Зато были обнародованы два указа, регламентирующие службу в армии и бюрократическом аппарате. Чиновникам и судьям предписывалось воздерживаться от “лихоимства” и помнить, что они служат “Богу, Монарху и отечеству, а не чреву своему”. Взывая к “обличенной совести”, власть напоминала всем “мздоимцам” как о “суде Всевышнего”, так и о “собственном гневе и отмщении”[100].

---

[99] ПСЗ. Т. XVI. № 11582. С. 1. 28 июня 1762.
[100] Там же. № 11616. С. 22–23. 18 июля 1762.

В сентябрьском Манифесте 1762 г. "О подтверждении Российскому войску прав и преимуществ, дарованных императрицей Елизаветою" была проигнорирована не только ликвидация обязательного характера службы, но и все правление Петра III обойдено молчанием. Документ был направлен прежде всего на укрепление "доброго порядка", "совершенной исправности" и "дисциплины", введенных при Елизавете Петровне. Обещанные же преимущества сводились не к праву покинуть армию, а, напротив, выражались в возможности вернуться на службу всем "несправедливо в войске Нашем исключенным в отставку противу воли и желания их, тогда, когда усердие их к Нам и Отечеству бодрствовало, по единому честолюбию служить неутомленно". Кроме того обещались награды и повышение в чинах обойденным. Особые льготы предоставлялись унтер-офицерам, участвовавшим в Пальцигском и Франкфуртском сражениях. Завершался Манифест высочайшим призывом к верноподданной службе: "Мы твердо уповаем ⟨...⟩, что все Нам служащие не только желания своего не умалят впредь усердно Нам служить и Отечеству, но и возбудят в себе паче прежнего верность"[101].

Пауза с подтверждением Манифеста о вольности дворянства явно затягивалась. Вероятно, осенью 1762 г. Екатерина писала Н.И. Панину: "Я запамятовала давеча Вам сказать, что не много роптания меж дворянства о неконфирмации их вольности и надлежит о том не позабыть приступ сделать"[102]. Наконец, в феврале 1763 г. вышел именной указ "О рассмотрении акта, которым Император Петр III дал вольность благородному Российскому Дворянству, и о приведении его содержания в лучшее совершенство". С этой целью была создана Комиссия, деятельность которой регламентировалась не четкими указаниями императрицы, а общими приоритетами новой власти. В Манифесте речь шла не о "вольности", а о "залоге Монаршего благоволения", что, по всей видимости, рассматривалось престолом как ценность более высокая, чем свобода от службы. Содержание Манифеста предписывалось "привести в лучшее совершенство" "на основе разумной политики". Иначе говоря, Комиссии следовало не столько разрабатывать "права свободы дворянской", сколько усилить статьи, "которые бы наивящше поощряли честолюбие к пользе и службе Нашей и Нашего любезного отечества"[103].

---

[101] Там же. № 11618. С. 70–72. 22 сентября 1762.
[102] Сб. РИО. 1871. Т. 7. С. 233.
[103] ПСЗ. Т. XVI. № 11751. С. 157. 11 февраля 1763.

Протоколы заседаний Комиссии, которая работала на протяжении двух месяцев, а также подготовленный для представления императрице "Доклад о проекте Права дворянского" свидетельствуют о высокой степени зависимости сознания политической элиты от официальной идеологии. Подискутировав о привилегиях родовой и титулованной знати, о соотношении чинов и статуса высшего сословия, придворные пришли к выводу, что достоинство дворянства определяется исключительно его заслугами перед престолом. Авторы проекта воспроизвели основные идеи Манифеста о вольности, касающиеся прежде всего условий ее ограничения: "...закон, по которому каждый дворянин служит и не служит не беспредельно, но должен будет знать время и обстоятельства, в которых он может сим пожалованным правом пользоваться". Участники Комиссии абсолютно верно уловили основной пафос Манифеста, стимулирующий в сознании дворянина "побуждение к службе Е. И. В., основанное на прямом честолюбии". Создается впечатление, что главные усилия придворных законодателей были направлены на правильное понимание ожиданий и предпочтений императрицы. В конечном итоге они пришли к выводу, что любой представитель благородного сословия обязан "делать пользу государю и отечеству" либо в качестве чиновника и офицера, либо "земледелием и экономиею своею". "По таковым резонам Собрание рассуждает, – говорилось в проекте, – что всемилостивейше подтвержденная свобода служить и не служить дворянину будет полезна Е. И. В., отечеству и самим дворянам. Но дабы служба Е. И. В. не ослабела, то статья вторая и третья... будут побуждающие к службе". Завершив работу над проектом, Комиссия ждала конкретных инструкций Екатерины, поскольку "законы следствием должны быть тех прав, которыми Е. В-ву угодно будет пожаловать российское дворянство; не знаючи же точно самых прав, ничего за подлинно не могут принять и за основание к сочинению законов. ⟨...⟩ И для того... не соизволит ли Е. И. В. всемилостивейше определить, именно какие вольности дворянству пожалованы будут и какие отменены или вовсе уничтожены"[104].

Однако детального перечисления прав не последовало, Комиссия прекратила свою работу, а императрице пришлось самой приступить к законодательному оформлению сословного статуса дворянства и политики абсолютизма в отношении господствующего класса.

---

[104] РГАДА. Ф. 16. Д. 235. Ч. 1. Л. 240 об., 244–275. См. также: *Омельченко О.А.* Императорское Собрание 1763 г.: Комиссия о вольности дворянской. М., 2001. С. 89, 118–137.

Показательно, что именные и сенатские указы, регламентировавшие порядок службы высшего сословия, сохраняли однотипное содержание и неизменную идеологическую направленность на протяжении всего царствования Екатерины, и до, и после издания Жалованной грамоты дворянству. Манифест о вольности упоминался в этих документах особенно часто в начале правления императрицы, но ссылки на него можно обнаружить и в указах 90-х годов. Однако обстоятельства, при которых подтверждалась свобода высшего сословия, свидетельствовали о пропагандистском желании власти продемонстрировать свою стабильную приверженность закону и о завуалированном, но весьма эффективном ограничении этой привилегии[105].

"Правительствующий Сенат в общем для всех департаментов собрании" обратился к Манифесту, когда некий 52-летний актариус Николай Васильев из Кашинской воеводской канцелярии подал прошение об отставке и пенсионе. Этот прилежный чиновник с самой положительной аттестацией не принадлежал, однако, к высшему сословию, и потому последовало распоряжение – "как состоявшимся в 1762 году Февраля 18 указом, вольность и свобода в службе, сколь долго кто быть пожелает, пожалована единственно Российскому Дворянству", производить "увольнения чиновников в отставку только по совершенной неспособности к службе, если они произошли из разночинцев"[106].

Издание сенатского указа от 31 марта 1766 г. было связано не с конкретным случаем, а с целой серией обращений дворянских недорослей в Герольдмейстерскую контору. Характерно, что в документе оговаривались только три ситуации – просьба об "определении в службу", "об отпуске в домы для обучения наук" или "для излечения болезней на время". Тем не менее вердикт выносился лишь по двум, вероятно, наиболее приемлемым для власти, видам прошений – "об отпуске в домы для обучения наукам" и о службе. По первому виду челобитных следовало напоминать недорослям, "чтоб они приличным Дворянству наукам обучались", стремящихся же служить надо было принимать на том основании, что "Манифестом всему Благородному Российскому дворянству пожалована вольность и свобода служить, где

---

[105] Манифест о вольности дворянства фигурировал в екатерининском законодательстве также и потому, что прошения об отставках аргументировались не только состоянием здоровья, старостью, но и законным правом высшего сословия на свободу от обязательного характера государственной службы.

[106] ПСЗ. Т. XVII. № 12535. С. 472. 30 декабря 1765.

и сколь долго кто пожелает". Ситуация просьбы об отставке вообще не рассматривалась[107]. Однако спустя несколько лет Сенату все же пришлось столкнуться с настойчивым стремлением двух недорослей, Стефана Нелидова и Евстифия Кусакова, не служить по причине болезней, а также в соответствии со своим законным дворянским правом. Этим двум молодым людям быстро растолковали, что "вольность и свобода служить и не служить" у них, конечно, имеется, но паспортов они не получат. С этого момента всем недорослям впредь предусмотрительно запрещалось, "не быв нигде в службе, являться и просить об увольнении"[108].

Наиболее часто в екатерининском законодательстве фигурировало не собственно право высшего сословия на свободу от обязательной государственной службы, а сформулированные в Манифесте пункты, регламентирующие и ограничивающие это право в реальной жизненной практике. Главное положение Манифеста о "вольности службу продолжать" ни разу не цитировалось в указах последней трети XVIII в., зато пояснения, так или иначе препятствующие отстранению дворянина от дел, приводились весьма часто. Так, сенатский указ от 17 августа 1783 г., связанный с просьбой об отставке новгородского землемера Борисова, приравнивал генеральное межевание практически к военным действиям. "По указу же 1762 года о вольности Дворянству, – говорилось в документе, – служащим Дворянам, ни во время компании, ни прежде оной начатия за три месяца увольнения просить запрещено". Это положение Манифеста трансформировалось в резкое ограничение для всех землемеров из дворян возможности выйти в отставку – отныне они могли надеяться на прекращение дел лишь "по окончании летнего времени и прежде наступления весны"[109]. В 1792 г. в указе из Военной коллегии был полностью приведен 8 пункт Манифеста о вольности, в соответствии с которым "находящихся ныне в Нашей военной службе Дворян в солдатах и прочих нижних чинах менее обер-офицера, кои не дослужились Офицерства, не отставлять, разве кто более 12 лет службу продолжал, то таковые получают увольнение"[110].

---

[107] Там же. № 12610. С. 631–632. 31 марта 1766.

[108] Там же. Т. XVIII. № 13087. С. 489. 24 марта 1768.

[109] Ср.: Там же. Т. XV. № 11444. С. 914. 18 февраля 1762; Т. XXIII. № 17073. С. 361. Без числа, сентябрь 1792.

[110] Там же. Т. XXI. № 15817. С. 994–995. 17 августа 1783. Однако и при отсутствии так называемых "кампаний" уйти дворянину со службы нельзя было сразу после подачи прошения. Для начала необходимо было "сдать по порядку должность свою" (Там же. Т. XXIII. № 17415. С. 842. 7 декабря 1795).

Наибольшей популярностью в екатерининском законодательстве пользовались второй и третий пункты Манифеста, определяющие порядок чинопроизводства при отставке и возвращении на службу, а также в случае перехода с воинской службы в статскую. Более того, вносилось еще несколько уточнений, подтверждающих явно неодобрительное отношение власти к отстранению от дел. "При отставке более одного чина не давать, да и то одним Дворянам, выслужившим действительно в настоящем год". Возвращение же к делам практически аннулировало приобретенный при отставке чин, поскольку он был получен "не по старшинству будучи в службе, но единственно при увольнении от оной". Именным указом от 15 октября 1774 г. предписывалось "при вторичной отставке чинами не награждать"[111]. Провозглашенная Манифестом практика повышения при отставке и бюрократическая сложность жесткой проверки послужного списка каждого дворянина действительно стимулировали столь легкое продвижение по чиновной лестнице[112].

На протяжении всего своего правления Екатерина стремилась поставить под строгий контроль систему награждения более высоким чином лишь при первой отставке. 23 апреля 1795 г. вышел указ, из которого следовало, что стареющая монархиня самолично просматривает доклады Сената, содержащие списки представленных к повышению в связи с отстранением от дел. Так высочайшего внимания была удостоена скромная персона "бывшего в Новгородском Северском Верховном Земском Суде Председателем Надворного Советника Петра Иваненко", которому все же удалось при вторичной отставке получить чин секунд-майора. Секунд-майором Иваненко, по всей видимости, остался, но всем присутственным местам, губернским и наместническим правлениям было приказано иметь сведения о службе, а также "порядочно и верно" составленные списки тех, кто "из отставки или из находящихся не у дел принимается к месту". Дворяне, которые позволили себе воспользоваться правами, зафиксированными в Манифесте и Жалованной грамоте, отныне

---

[111] ПСЗ. Т. XIX. № 14200. С. 1038. 15 октября 1774. См. также: Там же. Т. XX. № 14353. С. 189–190. 31 июля 1775; Т. XXIII. № 17073. С. 361. Без числа, сентябрь 1792.

[112] Неполная информация, содержащаяся в списках, поступавших в Герольдмейстерскую контору, позволяла "вторично в службу вступившим" просить "опять об отставке от оной с награждением чинов". В 1775 г. Сенат вновь потребовал четкости в оформлении послужных ведомостей (ПСЗ. Т. XX. № 14353. С. 189–190. 31 июля 1775). См. также: ПСЗ. Т. XIX. № 13452. С. 56–57. 26 апреля 1770; Т. XXIII. № 16930. С. 201–203. 16 декабря 1790.

при возвращении на службу должны были представлять "подлинные увольнительные указы, паспорта или аттестаты"[113].

Таким образом, дарованная дворянству свобода от обязательного характера государственной службы, провозглашенная в Манифесте и подтвержденная в Жалованной грамоте, на деле не приветствовалась властью, что проявлялось и в целенаправленном ограничении возможностей получить отставку, и в явном идеологическом порицании отстранения от дел, которое "не приносит ни частной, ни общественной пользы, но только умножает число праздношатающихся тунеядцев"[114]. Наиболее приемлемым аргументом ухода со службы официально признавалась временная отставка "для обучения наукам" или по причине тяжелой болезни[115]. Однако отстранение дворянина от дел под предлогом недугов вызывало все большее недоверие, поскольку среди вышедших в отставку могли опять-таки оказаться вовсе и не беспомощные старики, а ловкие карьеристы, стремящиеся "не служа чины получать". В связи с этим 19 мая 1775 г. был издан сенатский указ "О представлении в Сенат для смотра Дворян, просящихся за болезнью в отставку с награждением чинов, и о приложении отсутствующим из них при прошениях свидетельств об их болезнях"[116].

Дворянину с его правом на свободу от обязательной службы трудно было не только удалиться от дел, но даже получить отпуск. В 1775 г. был опубликован сенатский указ, позволяющий отпускать чиновников не более, чем на 29 дней, "а кто попросит больше сего или об отсрочке, о таких представлять Сенату"[117]. В 1790 г. губернаторам и наместническим правлениям было предписано "уведомлять казенные палаты о чиновниках, увольняемых в отпуска, с показанием, кто явился на срок и кто не явился". Этот сенатский указ стал следствием печальной истории председателя казенной палаты Новгорода-Северского Иосифа Туманского. По донесению губернского прокурора Юзефовича экспедиция о государственных расходах тщательно проверила даты отпусков и свидетельства о болезнях Туманского за последние

---

[113] Там же. Т. XXIII. № 17321. С. 688–690. 23 апреля 1795. См. также: Там же. Т. XXIII. № 16946. С. 215–216. 19 февраля 1791.

[114] Там же. Т. XXIII. № 17073. С. 361. Без числа, сентябрь 1792.

[115] См.: Там же. Т. XVII. № 12610. С. 631–632. 31 марта 1766; Т. XVIII. № 13087. С. 489. 24 марта 1768.

[116] Там же. Т. XX. № 14325. С. 142. 19 мая 1775. См. также: Там же. Т. XIX. № 13452. С. 56–57. 26 апреля 1770.

[117] Там же. Т. XX. № 14272. С. 79. 16 марта 1775. См. также: Там же. Т. XXI. № 15464. С. 705. 11 июля 1782.

6 лет. В результате комиссия пришла к выводу, что "к удостоверению о болезненных припадках одних лекарских аттестатов не довольно, а надобно, чтоб всякого такого, кто будучи в отпуску занеможет, свидетельствовало болезнь Губернское Правление"[118]. В 1791 г. последовал новый сенатский указ "о недавании отпусков чиновникам, которые, быв уволены в назначенное время, сим не воспользовались"[119].

В целом Сенат постоянно требовал от Герольдмейстерской конторы, всех канцелярий и присутственных мест генеральных именных списков служащих и неслужащих дворян "по прилагаемой форме". Форма, разумеется, далеко не всегда соблюдалась, однако в идеале власть должна была располагать следующей информацией о каждом дворянине: "кто из них к делам годится... из каких чинов, и сколько имеет за собою... душ людей... вступление в службу какими чинами... в походах и у дела противу неприятеля был ли или не был... к продолжению статской службы достоин или нет и... достоин ли к повышению"[120]. Кроме того, дворянину, "в статской службе обращающемуся", полагалось иметь аттестат о своей службе с подробным описанием, "каким кто достоинством и особливою заслугою или же, напротив, пороком и погрешностию службу свою производил, также и за что, когда и как награжден, исправляем или наказан был"[121].

Довольно часто повторяющиеся сенатские указы, требующие четкого оформления послужных списков[122], свидетельствовали не только о недостаточном "радении" канцеляристов, которых нужно было стимулировать новыми и новыми постановлениями. Власть так же, как и в начале XVIII в., настойчиво стремилась поставить под жесткий контроль служебную карьеру каждого дворянина, с той только разницей, что к концу столетия роль петровских смотров начали выполнять аттестаты, а прямой диктат уступил место непосредственному воздействию на честолюбивые чувства представителей высшего сословия. В законодательстве постоянно упоминалось, что "за недостатком надлежащих известий о верной и беспорочной службе могут входить в

---

[118] Там же. Т. XXIII. № 16827. С. 104. 9 января 1790.

[119] Там же. Т. XXIII. № 17002. С. 284. 9 декабря 1791.

[120] Там же. Т. XIX. № 13690. С. 359. 31 октября 1771.

[121] Там же. Т. XX. № 12104. С. 671–672. 25 марта 1764.

[122] См., например: ПСЗ. Т. XIX. № 13690. С. 359. 31 октября 1771; Т. XX. № 12104. С. 671–672. 25 марта 1764; Т. XX. № 14353. С. 189–190. 31 июля 1775; Т. XXIII. № 17197. С. 508. 19 апреля 1794; Т. XXIII. № 17216. С. 518–519. 15 июня 1794; Т. XXIII. № 17321. С. 688–690. 23 апреля 1795; Т. XXIII. № 17390. С. 790–791. Без числа, сентябрь 1795.

произвождение... такие, которых худые свойства и худое поведение... должны б служить справедливым к тому препятствием для сохранения в каждом любочестия и ревности к службе Ее Императорского Величества”[123].

Таким образом, послужные списки, аттестаты, абшиды[124], явные преимущества в продвижении по карьерной лестнице для тех, кто ни разу не выходил в отставку, так или иначе усиливали в среде высшего сословия конкурентную борьбу за чины, “благоволение начальствующих” и милость императрицы. Безусловно, дворяне пользовались неоспоримыми привилегиями, несмотря на принцип личной выслуги, введенный Табелью о рангах. На протяжении всего правления Екатерины II издавались указы “о требовании в присутственные места о дворянских фамилиях свидетельств от Герольдии”, “о непредставлении воинским командам Дворян в Офицеры, не получив о подлинном Дворянстве их от Герольдии сведения”, “о представлении из Присутственных мест в Сенат о военных Офицерах, поступающих в осьмой класс, кои о Дворянстве доказательств не имеют” и т.д.[125] Однако в сословном законодательстве речь шла не собственно о правах дворян, а о главной их привилегии – ревностно служить императору и отечеству. Иначе говоря, под особым покровительством власти находился именно служащий дворянин. Помещик, домогающийся отставки, чиновник или военный, посмевшие неоднократно воспользоваться вольностью дворянства, недоросль, вообще не собирающийся служить, не могли рассчитывать на благосклонность престола. Неслучайно сведения, подтверждающие дворянство, должны были включать “родословие, в котором по крайней мере фамилия была доведена до деда, с прописанием службы каждого предка; ⟨...⟩ имел ли кто какие жалованные грамоты

---

[123] Там же. Т. XX. № 12104. С. 671–672. 25 марта 1764. В 1790 г. именным указом, в котором речь шла об “одобрении людей достойных и способных”, приказывалось: “...дабы не заградить таковым пути к преимущественному пред прочими возвышению по представлениям их начальства, давать чины... по точным доказательствам прилежности, особливого искусства и успеха в делах” (Там же. Т. XXIII. № 16930. С. 201–203. 16 декабря 1790).

[124] Документ, полагающийся при увольнении со службы (от нем. *der Abschied* – прощание).

[125] ПСЗ. Т. XIX. № 13577. С. 236–237. 5 марта 1771; Т. XIX. № 14188. С. 1020–1024. 15 сентября 1774; Т. XXIII. № 17105. С. 406–407. 23 февраля 1795. См. также, например, указы “об увольнении чиновников в отставку только по совершенной неспособности к службе, если произошли из разночинцев”, “об определении Дворян в военную службу с предъявлением доказательств о Дворянстве от Герольдии” (Там же. Т. XVII. № 12535. С. 472. 30 декабря 1765; Т. XVII. № 12610. С. 631–632. 31 марта 1766).

от Государей, с которых и копии с засвидетельствованием прилагать..."[126].

Таким образом, дворянское достоинство напрямую связывалось с чинами и царской милостью. Власть стремилась всячески усиливать и поддерживать сословной гонор, основанный на привилегии "знатной службы", в том числе и в сознании бедного дворянства, чей образ жизни ничем не отличался от образа жизни однодворца. Так, в 1771 г. в Сенат поступило доношение предводителя дворянства города Пронска подполковника артиллерии Степана Тютчева. Из доношения следовало, что на собрание, где решался вопрос о "раскладке жребиев к поставке рекрут", явилось ни много ни мало 200 дворянских недорослей, которые "усердно желали вступить в службу Ее Императорского Величества", однако не имели для этой цели "ни платья, ни обуви". Пронские помещики были вовсе не против определить обнищавших дворян в солдаты. Однако Сенат запретил "знатным пребывать в низких званиях и незнатую отправлять службу". Московскому губернатору было предписано "дворянских детей за усердие их к службе похвалять, но чтоб, с одной стороны, сохранить по данной вольности указной порядок, а, с другой стороны, подать оным недорослям... помощь" следовало "на казенном коште" отправить неимущих молодых людей для распределения в полки. Всем прочим губернаторам приказывалось также "определять в службу" детей из бедных дворянских семей[127]. В 1788 г. выяснилось, что в Тверской и Новгородской губерниях "живут целыми селениями Дворянские фамилии, кои по недостатку своему, не имея за собой крестьян, упражняются сами в хлебо-

---

[126] Там же. Т. XX. № 14612. С. 526–528. 17 мая 1777. Вообще, с критериями, определяющими принадлежность к дворянству, не было ясности даже после публикации Жалованной грамоты. Так, например, в 1791 г. петербургский предводитель дворянства А.С. Строганов и уездный дворянский предводитель А.О. Закревский вынуждены были обратиться в Сенат, поскольку не знали, каким образом вносить в дворянские книги "дворян, имеющих в городах дома, иностранных дворян, присягнувших на верность подданства, и разночинцев, дослужившихся по службе военной до обер-офицерского чина и по гражданской до 8 класса, хотя бы они недвижимого имущества не имели" (Там же. Т. XXIII. № 16968. С. 239–241. 19 июня 1791). Проблема четкого определения статуса дворянина чрезвычайно обострилась в связи с присоединением новых территорий и особенно после разделов Польши. Так, нередко в списках представленных к производству и награждениям одни представители высшего сословия были "показаны из Польского Шляхетства, а другие – из Российских Дворян" (Там же. Т. XXIII. № 16960. С. 236. 28 апреля 1791).

[127] Там же. Т. XIX. № 13743. С. 426. 17 января 1772. См. также: Там же. № 14188. С. 1020–1024. 15 сентября 1774.

пашестве, а при том ведая ревность и [у]сердие, свойственное всему благородному Дворянству Российскому к военной службе, ⟨...⟩ [по]желают посвятить себя службе Нашей в нынешнюю войну" против Шведской короны. Всех этих дворян именным указом полагалось определить в гвардейские полки[128].

Итак, преданная служба оставалась важнейшим долгом и главным сословным достоинством дворянства. Характерно, что изданный после триумфального для России Кючук-Кайнарджийского мирного договора с Портой Манифест "о дарованных народу милостях" открывался не перечислением высочайших наград, а, напротив, четкой декларацией обязанностей различных групп населения перед властью. Этот документ позволяет еще раз уточнить представления престола о социальной структуре общества, находящегося у его подножия, а также выявить ожидания российского самодержавия в отношении подданных. "Пастырям" следовало преподавать "истинное понятие о православии и благочестии", "гражданские правители" должны были "искоренять злоупотребления, влекущие за собой разрушение порядка", от "попечителей государственного хозяйства" ожидалось "рачение, дабы таковое хозяйство не именем, но на деле существовало", "судилищам" вменялось "воздавать суд не мздоимный", "воинство" должно было "блюсти устройство и правила подчиненности", "купечеству и мещанству" полагалось "положить в основу торгам их добрую веру, честность и благоразумную осторожность". Основной обязанностью дворянства оставалась "служба государственная", а также верность "своему званию" и "памяти прародителей, заслугами отечеству прославившихся"[129].

Многочисленные инструкции, указы и распоряжения настойчиво воспитывали в чиновниках и военных качества, необходимые для выполнения почетной привилегии "ревностных сынов отечества"[130]. Комплексный анализ законодательных источников позволил воспроизвести идеальный для власти образ служащего дворянина второй половины XVIII в., черты которого ока-

---

[128] Там же. Т. XXII. № 16680. С. 1083. 1 июля 1788.

[129] Там же. Т. XXIII. № 17149. С. 456–460. 2 сентября 1793.

[130] В частности, существовала практика издания специальных указов, где давалась высочайшая оценка службы крупных чиновников и военачальников. Например, в 1763 г. генерал-прокурор А.А. Вяземский удостоился письма от императрицы, которое было озаглавлено "Указ, в коем Ее Величество изъявляет свое удовольствие, видя ревность его в порученной ему комиссии и надеется об окончании оной по Ее благонамерению" (РГАДА. Ф. 10. Оп. 3. Ед. хр. 464. Л. 28).

зались, однако, весьма противоречивыми[131]. С одной стороны, абсолютизм требовал от представителей высшего сословия "исполнения повелений начальников без отмены малейшей", "точного нелицемерного отправления должности", "радения". Особенно власть предостерегала от "взяток", "лихоимства" и "корыстолюбия"[132]. С другой стороны, престолу нужны были не просто "ревностные и благонадежные" исполнители высочайших распоряжений, но и мыслящие государственные деятели, способные воплотить "разум Ее Императорского Величества законов" и "придать силу всем учреждениям" российской державы[133]. В именном указе от 30 марта 1764 г. "об обязанностях камер-коллегии" было прямо заявлено: "Сколько бы полезны ни были узаконения, однако обращаются они тогда в тщету, когда исполнители оных... в том деле не знающи: ибо... одно охотное к службе усердие без точного по чину и месту знания не делает человека способным"[134]. Помимо образованности власть ожидала от дворянства и в первую очередь от правящей элиты разумной инициативы и даже иногда смелых политических решений, чтобы "не поставляли они прямой своей должности в приказных только обрядах"[135].

Внутренняя противоречивость задаваемых властью качеств служащего дворянина таила в себе предпосылки будущих конфликтов абсолютизма и образованной элиты. Однако во второй

---

[131] Так, например, полицейский устав включал несколько десятков пунктов, в которых перечислялись "качества определенного к благочинию начальства и правила его должности". Регламент служащих управы благочиния представлял из себя странную смесь евангельских заповедей и обязанностей полицейских; им, в частности, предписывалось: "Веди слепого, дай кровлю неимущему, напой жаждущего ⟨...⟩ блажен, кто и скот милует, буде скотина и злодея твоего спотыкнется, подними ее". В том же документе от каждого частного пристава требовалось ежедневно представлять рапорт о тех, "кто приведен, или задержан под стражею", и "о том учинить решительное положение прежде иных дел" (ПСЗ. Т. XXI. № 15379. С. 461–465. 8 апреля 1782).

[132] См., например: ПСЗ. Т. XVI. № 12118. С. 693. 30 марта 1764; Т. XVII. № 12570. С. 560–579. 15 февраля 1766; Т. XX. № 14392. С. 229–277. 7 ноября 1775; Т. XXI. № 15379. С. 461–465. 8 апреля 1782; Т. XXIII. № 16799. С. 63–64. 31 августа 1789; Т. XXIII. № 16966. С. 237–238. 11 июня 1791; Т. XXIII. № 16967. С. 238–239. 11 июня 1791; Т. XXIII. № 17149. С. 456–460. 2 сентября 1793; Т. XXIII. № 17203. С. 511. 17 мая 1794; Т. XXIII. № 17209. С. 514–515. 31 мая 1794; Т. XXIII. № 17210. С. 515–516. 2 июня 1794; и др.

[133] См., например: ПСЗ. Т. XVII. № 12570. С. 560–579. 15 февраля 1766; Т. XVII. № 12659. С. 716–717. 25 мая 1766; Т. XVIII. № 12659. С. 768–773. 18 ноября 1768; и др.

[134] Там же. Т. XVI. № 12118. С. 693. 30 марта 1764.

[135] Там же. Т. XVII. № 12537. С. 473. 31 декабря 1765.

половине XVIII в. принципиальная невозможность формирования такого типа политического поведения, которое одновременно бы соединяло "службу во всем как инструкция повелевает" и независимое чувство личной ответственности, еще не проявилась со всей отчетливостью и потому не осознавалась ни властью, ни современниками. Дворянин пытался исполнять возложенную на его сословие почетную обязанность одновременно и как раб, и как подданный. Неслучайно один из образцов присяги чиновника заканчивался словами: "Клянусь... исполнять чисто и нелицемерно, так, как доброму и верному Ее Императорского Величества рабу и подданному благопристойно"[136]. Власть же, в свою очередь, стремилась воспитать в дворянине привычку к строжайшей дисциплине и в то же время продолжала рассчитывать на известную самостоятельность, без которой не представлялось возможным реализовать "намерения монаршии" в столь огромной и динамично развивавшейся державе.

В царствование Екатерины II внедряемая в сознание высшего сословия самодержавная доктрина становится сложнее и выражается с помощью более богатой лексики. Адресованная "благородному" дворянству официальная публицистика, а также высочайшие послания, реляции, распоряжения о наградах, предисловия к важнейшим законодательным актам вбирают такие понятия своего времени, как "государственная польза", "государственный интерес", "общая польза", "подверженность всех граждан фундаментальным законам" и т.п., которые неразрывно связываются с главным идеологическим символом – образом самодержавного монарха.

Вместе с усложнением терминологии исходящих от престола бумаг происходит дальнейшее возвеличивание объекта патриотических чувств подданных. Так, если в начале XVIII в. "государственный интерес" означал наполненную и защищенную от хищений казну, то к концу столетия смысл этого понятия расширяется до "благополучия и прибытка всей обширной Российской Империи". Чувства преданности "государственной пользе", "усердия и истинной к отечеству любви", "бескорыстной верности Нашей Императорской славе", по замыслу власти, должны были намертво спаяться в единый мотив "ревностной службы" во время присяги "пред святым Евангелием". Екатерина неслучайно еще раз подтвердила указ Петра I от 12 ноября 1721 г. "о приводе к присяге вступающих в службу и повышаемых чинами"[137].

---

[136] Там же. № 12659. С. 716–717. 25 мая 1766.

[137] Там же. Т. XXIII. № 17203. С. 511. 17 мая 1794. См. также: Т. XVII. № 12659. С. 716–717. 25 мая 1766.

Перед началом особенно важных для престола кампаний "определенные к должности" обязаны были "учинить Нам присягу на верность" "в произведении столь важного Государственного дела, содержащего собственную Императорскую пользу"[138].

Образ монарха – центральная компонента "беспрестанно внушаемого" патриотического мышления – персонифицировал и самодержавную власть, и могущество империи, и смысл "беззаветного служения". Под воздействием официальной доктрины в сознании дворянина понятия государь–государство–отечество сливались в единый символ. Служение Отечеству принимает вид культа царственной особы, империя понимается как вотчина монарха, государственный интерес – это интерес и личные притязания императора, закон – его воля, дворяне – слуги, частная и семейная жизнь венценосного правителя по своему влиянию вырастает в факт политической важности для страны, его личные симпатии определяют состав политической элиты.

Ведущим критерием внутрисословной дифференциации дворянства была позиция, занимаемая группой в системе власти абсолютной монархии. Политический вес того или иного слоя в среде господствующего класса зависел от степени причастности к императорскому окружению. Не сложная система иерархической зависимости, а государево расположение объединяло прямых подданных императора. Отсутствие сложной иерархической структуры российского господствующего класса и усиливающийся авторитет власти порождали в сознании каждого дворянина ощущение личной зависимости от монарха. Корпоративная гордость благородного сословия состояла в близости к трону и приобщении к верховной власти через государственную службу. Идея верноподданнической обязанности затмевала собой собственно сословные цели, растворяла их в государственном интересе и препятствовала формированию дворянской политической культуры. Привилегированное положение господствующего класса было достигнуто не в результате победы олигархических тенденций и ограничения самовластия в пользу аристократии, а высочайше пожаловано верховной властью[139].

---

[138] См., например: ПСЗ. Т. XVII. № 12570. С. 560–579. 15 февраля 1766; Т. XVII. № 12659. С. 716–717. 25 мая 1766.

[139] Неслучайно после принятия Манифеста, отменяющего обязательный характер государственный службы, Екатерина поспешила начать подготовку нового документа, чтобы "Российское Дворянство могло бы получить в потомки свои из Нашей руки новый залог Нашего Монаршего к нему благоволения" (ПСЗ. Т. XVI. № 11751. С. 157. 11 февраля 1763).

Характерно, что понятие "дворянин" в русском языке происходило от слова "двор" и первоначально означало приближенного великого князя, входившего в состав "государева двора". В 1754 г. высшее сословие получило от самодержавия наименование "благородное", означающее, однако, не символ рыцарской доблести, а знак "особой важности возлагаемой на дворян государственной службы" и "близости к особе монарха"[140]. В русском языке словосочетание "благородное дворянство" так и не стало устойчивым, в то время как в английском и немецком языках понятие "дворянин" и понятие "благородный" постепенно сближались, пока не стали омонимами (ср. *nobility*, *noble*, *nobleman* – в английском и *Adel*, *Edle*, *edel*, *Edelmut*, *edelgesinnt* – в немецком). "В российском слове дворянина, – писал в начале XIX в. куратор Московского университета М.Н. Муравьев, – ясно представляется, кажется, чиновник, приверженный ко двору и особе государя. Все дворянство представляет[ся] некоторым образом последование государя, который видел в нем готовые орудия правления по встречающимся надобностям в войне и мире"[141].

Высокий социальный престиж государственной службы поддерживался через доминирующую ценность статуса и должности в сознании дворянства. Дарованный императорской властью чин, потеснив родовое достоинство, выступал главным показателем сословной иерархии, задавал основные критерии отношения к человеку в обществе и оказывал определяющее влияние на систему самооценки личности. От положения на чиновной лестнице зависел весь образ жизни дворянина и его семьи. Количество лошадей в экипаже, ливреи лакеев, место во время службы в церкви – все определялось бюрократическим статусом и милостью императрицы[142]. Даже по имени представителя высшего сословия можно было судить об отношении к нему при дворе. В 1765 г. был издан именной указ, в соответствии с которым "при сочинении жалованных грамот... кому именно отчество с окончанием на *вич* писать и кому не писать, зависит от собственного Ее Величества к тем персонам благоволения"[143].

Самодержавие всячески поддерживало стремление дворянина "придать большую знать своей карьере"[144] и поощряло "часто-

---

[140] О должностях человека и гражданина. С. 123.

[141] *Муравьев М.Н.* Понятие благородства // Сочинения Муравьева. СПб., 1847. Т. II. С. 294.

[142] См., например: ПСЗ. Т. XX. № 14391. С. 228–229. 7 ноября 1775.

[143] Там же. Т. XVII. № 12533. С. 471. 22 декабря 1765.

[144] См.: А.А. Безбородко – П.В. Завадовскому. 1792 г., январь (Архив князя Воронцова. М., 1879. Кн. 13. С. 250).

любие к пользе службы и прибытка Империи Ее Императорского Величества"[145]. Трезво мыслящая Екатерина пыталась внушить "всем гражданам", что "ревностная служба" и "преданность государю", являясь долгом "присяги и любви к отечеству", в то же время помогут тем, кто "без всякого упорства и суесловия последует здравому рассудку" "достигнуть полезного предприятия". "Нет таких подданных, – писала императрица, – кои б, имея благоразумные мысли, не желали себе всякого добра, тишины и спокойствия, тем, что благополучие подданных есть истинное и прямое благополучие самих Государей; а единодушное и неразвратное попечение прямых сынов отечества о пользе общей, непоколебимое тому утверждение"[146]. Приверженность дворянства "богоугодному и достохвальному" делу государственной службы стимулировалась и реальными материальными благами. Однако ценность наград измерялась не столько их номинальной стоимостью, сколько степенью престижности, поэтому собственноручно дарованная табакерка с портретом императрицы могла для сановника значить больше, чем пожалованные деревни.

Власть умело сочетала все перечисленные рычаги воздействия на сознание подданного – за "ревностным исполнением долга" следовало повышение в чине, ранг подкреплялся щедрым пожалованием, а высочайшее расположение материализовалось в деревнях, должностях и лентах. Механизм подобной социальной регуляции призван был функционировать безотказно, поскольку он апеллировал к стремлению обладать престижной мерой богатства и порождал у дворянина высокую самооценку, горделивое чувство причастности к власти, господствующему классу, сильному государству.

---

[145] См., например: ПСЗ. Т. XVI. № 11751. С. 157. 11 февраля 1763.
[146] См., например: Там же. С. 270–271, 278 и др.

Очерк IV

Власть и личность

“Сильнейшие узы верноподданнического долга”

Анализ обширного массива писем представителей господствующего сословия убеждает, что за несколько десятилетий целенаправленного воздействия власти на сознание дворянства был достигнут высокий престиж “ревностного служения” императору и колоссальный авторитет чина, ставший главным показателем социальной состоятельности личности. Содержание эпистолярных источников особенно красноречиво свидетельствует о высокой степени идеологической зависимости высшего сословия от власти, поскольку переписка не просто отражает взгляды и предпочтения авторов, но может считаться составной частью механизма служебных отношений, средством продвижения дворянина по лестнице чинов, важным условием укрепления патронажных связей в светской среде.

Мои выводы основываются преимущественно на письмах последней трети XVIII столетия, т.е. на текстах, в которых запечатлелась стойкая приверженность дворянства к государственной службе даже после отмены ее обязательного характера в феврале 1762 г. Иначе говоря, именно по переписке эпохи царствования Екатерины II наиболее точно можно воспроизвести побудительные мотивы, заставлявшие дворянство в большинстве своем добровольно оставаться служилым сословием, и, следовательно, оценить степень результативности политики престола, которая призвана была активизировать чувства “верноподданнического долга”.

После издания Манифеста о вольности дворянства государственная служба оставалась по-прежнему существенно значимой сферой жизни личности. За успешное продвижение боролось не

только среднее чиновничество, жившее в основном на жалование, но и представители высшего должностного дворянства, социально-экономическое положение которых исключало материальную необходимость в качестве основного фактора обращения к службе. Даже у дворянина, находившегося в отставке и утратившего реальную связь с чиновной средой, служебная деятельность и карьера современников продолжали вызывать живой интерес.

Представители высшего сословия, упорно добивавшиеся освобождения от тягостной повинности и с изданием Манифеста о вольности получившие полную возможность удовлетворить хозяйственные стремления, часто продолжали исполнять свои должности и после 1762 г.

Дворяне восприняли этот освобождающий от обязательной службы высочайший указ с энтузиазмом. Достаточно привести слова из письма вице-президента Адмиралтейств-коллегии И.Г. Чернышева приближенному недавно скончавшейся императрицы Елизаветы Петровны, место которой на престоле занял Петр III, знаменитому куратору Московского университета И.И. Шувалову: "Вы знаете, любезный друг, мою восторженность; судите же, как на меня подействовала эта новость, как я плакал, получив ее, и притом скорее слезами удивления нежели радости. Осчастливить сто тысяч, и сто тысяч дворян! День этот должен быть благословляем во веки"[1].

Однако одобрительные отзывы, относящиеся к 1762 г., сменяются почти полным забвением в переписке последней трети XVIII в. этого важнейшего права господствующего класса. Упоминания о законодательно отмененном обязательном характере службы всплывают лишь как средство воздействия на настроения шляхетства присоединяемых к России северо-западных и польских земель. Так, вице-президент Военной коллегии З.Г. Чернышев, брат только что упомянутого И.Г. Чернышева, советовал генерал-аншефу М.Н. Кречетникову, которому было поручено административное устройство "в местах, присовокупляемых к державе Ея Величества и входящих в Вашу Губернию", убедить местную знать, "сколь различно нынешнее дворянства нашего состояние от прежнего; что напред сего не имело оное таких преимуществ, какими мы теперь награждены ⟨...⟩; что вольны мы служить и не служить ⟨...⟩ и у нас к принятию службы ни

[1] И.Г. Чернышев – И.И. Шувалову. 1762 г., февраль (Русский архив. 1869. Кн. II, № 7–12. Стб. 1825).

один Дворянин не принуждается”[2]. Назначенный в 1794 г., после разделов Польши, виленским и гродненским генерал-губернатором Н.В. Репнин успокаивал польскую аристократку Изабеллу Чарторыжскую, определившую детей на русскую службу: “Не думайте, дорогая княгиня, что служба в России – рабство; ручаюсь Вам честью, что в России она свободнее, чем в какой-либо другой стране”[3].

Когда же речь заходила о собственной карьере автора или других представителей российского дворянства, ссылки на Манифест 18 февраля 1762 г. исчезали из личной переписки. Показательно, что даже желание получить отставку или отпуск объяснялось прежде всего состоянием здоровья или полным расстройством хозяйственных дел и лишь в отдельных случаях аргументировалось юридически закрепленной свободой господствующего класса от обязательной службы[4]. Переписка содержит многочисленные данные об осторожном уклонении представителей господствующего сословия от исполнения должности при одновременном сохранении выгод, которые предоставляла карьера.

---

[2] З.Г. Чернышев – М.Н. Кречетникову. 1772 г., август–сентябрь (Чтения ОИДР. 1863. Кн. 4: Письма к генералу и кавалеру Михайлу Никитичу Кречетникову графа Захара Григорьевича Чернышева и других с 1769 по 1785 год. С. 5, 8, 9).

[3] Н.В. Репнин – И.Чарторыжской. 1795 г., март (Сб. РИО. 1875. Т. 16. С. 161).

[4] И.В. Фаизова на основании данных Герольдмейстерской конторы за 1762–1771 гг. детально анализирует аргументацию отставок в среде представителей высшего сословия, находившихся на военной службе. Тот факт, что с 1764 г. и до начала Русско-турецкой войны правом не служить мотивировали свое увольнение со службы большинство представителей всех слоев военных, подводит автора к выводу о превращении Манифеста в “неотъемлемую часть сословной психологии дворянства”. Однако в то же время в работе отмечается постоянное обращение дворянства к так называемой “совокупной аргументации”, включающей и ссылки на законодательно закрепленное право вольности, и такие традиционные для первой половины XVIII в. обоснования прошений об отпусках и отставках, как “болезнь”, “домашние нужды”, “ведение экономики” и т.п. Кроме того, приведенные в монографии статистические данные свидетельствуют, что дворяне, находившиеся на гражданской службе, и после февраля 1762 г. намеренно обходили упоминание об этой сословной привилегии, предпочитая сетовать на нездоровье и преклонный возраст (*Фаизова И.В.* “Манифест о вольности” и служба дворянства в XVIII столетии. М., 1999. С. 109–111, 213–214). Таким образом, даже на основании тщательно исследованных И.В. Фаизовой документов Герольдмейстерской конторы, если и можно говорить о проникновении содержания Манифеста в сознание дворянина, то прежде всего о восприятии идей “беспредельной ревности”, а не готовности немедленно воспользоваться свободой от “принуждения к службе” (ПСЗ. Т. XV. № 11444. С. 912–915. 18 февраля 1762).

В личных посланиях начальнику или непосредственно императрице дворянин предпочитал не настаивать на законном праве отставки, а "нижайше" просить об отпуске для "ведения экономии" или лечения.

Большинство авторов писем признают государственную службу важнейшим условием преданности императору, основной обязанностью дворянства перед Отечеством. Юридически установленная повинность, заставляющая представителей господствующего сословия подчиняться закону, после издания Манифеста о вольности дворянства стала превращаться во внутренне осознанный долг. Этот высочайший указ, отменивший принудительную службу в канцелярии и армии, не освобождал от чувства гражданской ответственности. Данные эпистолярных источников свидетельствуют, что в среде господствующего сословия основная направленность Манифеста была понята правильно. В одном из писем к И.И. Шувалову И.Г. Чернышев призывал: "Милости нашего Августейшаго Государя приводят всех в восторг ⟨...⟩ Любезные дворяне, не злоупотребите этим милосердием и покажите вселенной, что если милостивый Монарх ваш снял с вас узы, тем не менее вы сами на век связуете себя другими, гораздо сильнейшими, узами верноподданического долга и признательности[5].

Идея обязательности службы продолжала существовать в сознании представителей господствующего класса, но санкционировалась она теперь уже не приказом, а морально-этическими нормами, кодексом сословных добродетелей. Часто в переписке встречаются явно негативные оценки уклонения от службы. Так, в 1765 г. канцлер М.И. Воронцов, который, несмотря на потерю прежнего влияния в связи с воцарением Екатерины II и вынужденным отъездом за границу, вернулся в Петербург к придворной службе, писал путешествующему по Европе фавориту покойной Елизаветы Петровны И.И. Шувалову: "...Паче желаю, чтоб вы к будущей зиме в отечество приехали и по младости лет и талантах ваших основались здесь к пользе и службе Ее Императорского Величества и любезного отечества"[6]. Камергер Алексей Борисович Куракин решительно советовал удалившемуся в саратовскую усадьбу Надеждино брату Александру Борисовичу: "...Нам другого делать не остается, как повиноваться...

---

[5] И.Г. Чернышев – И.И. Шувалову. 1762 г., февраль (Русский архив. 1869. Кн.II, № 7–12. Стб. 1824–1825).

[6] М.И. Воронцов – И.И. Шувалову. 1765 г., ноябрь (Русский архив. 1864. Кн. I, № 4. С. 387–388).

и, забыв себя и что себе сами должны, ехать и покинуть все дела, где двухсоттысячный убыток произойти может”[7].

Критерии оценки личности в дворянском обществе также основывались на признании государственной службы основной и наиболее почетной сферой приложения сил. Такие характеристики, как “государственный человек”, “заслуженный человек”[8], свидетельствовали о высоких с точки зрения автора нравственных качествах людей, которым они давались.

В эпистолярных источниках понятия “государственная служба”, “служба отечеству” и “служба императору” встречаются вместе и часто заменяют друг друга как тождественные. В сознании представителей дворянского сословия образ монарха действительно был главным смыслом и стимулом государственной службы[9]. Все представления дворянства, связанные с этой сферой деятельности сословия, были проникнуты пафосом верноподданнической преданности. Отказ и уклонение от службы, “угодной государю”, расценивались авторами писем как неуважение и даже измена престолу. Реальные результаты службы еще не являлись единственным показателем успешного исполнения

---

[7] Алексей Б. Куракин – Александру Б. Куракину. 1786 г., декабрь (Восемнадцатый век. Исторический сборник. М., 1904. Т. 1. С. 92).

[8] См., например: П.А. Демидов – М.И. Хозикову. 1784 г., февраль (Русский архив. 1873. Кн. II, № 7–12. Стб. 2282).

[9] В ярко и эмоционально написанной монографии М.А. Давыдова высказывается мнение, что “факт совместной встречаемости терминов вовсе не доказывает их полной тождественности” – «приверженность “собственно Государю” и “любовь к отечеству”, “содействие пользам России” не совсем одно и тоже». В частности, автор приводит слова вспылившего генерала Ермолова, который в 1815 г. в Париже бросил великим князьям Николаю и Михаилу Павловичам: “Разве полагаете, Ваши Высочества, что русские военные служат Государю, а не Отечеству? Они пришли в Париж защищать Россию, а не для парадов”. В целом в работе Давыдова исследуется переписка шести генералов александровского царствования, т.е. речь идет о взглядах нескольких наиболее талантливых и мыслящих представителей российского дворянства первой четверти XIX в., чьи жизненные ориентиры были связаны с развитием фрондерских настроений, никогда, кстати, не разделяемых большинством. Выводы работы, на мой взгляд, ошибочно сопоставлять с результатами анализа обширного массива писем второй половины XVIII столетия, содержание которых со всей очевидностью свидетельствует о персонификации в образе императора самодержавной власти, величия державы и смысла государственной службы. Постепенное размывание единой формулы “верноподданнической преданности государю и отечеству”, начавшееся еще в царствование Екатерины II, действительно усугубится в начале XIX столетия именно под влиянием войны 1812 года и окажет воздействие на политические взгляды декабристов, но это будет уже совсем другая эпоха (См.: *Давыдов М.А.* “Оппозиция его величества”. Дворянство и реформы в начале XIX века: Учебное пособие. Göttingen, 1994. С. 19–21).

должности, важным критерием которого считался положительный отзыв монарха. "Счастие зависит только от того, – писал в 1782 г. российский полномочный министр в Турции Я.И. Булгаков А.А. Безбородко, в то время секретарю и личному докладчику императрицы, – чтоб сия моя служба удостоилась высочайшего благословения"[10].

Царское расположение, милостивый прием, личное приглашение ко двору, "своеручное" письмо были для представителей служащего дворянства самыми желанными наградами[11]. Об этом свидетельствуют условно называемые альтернативными оценки, содержащиеся в эпистолярных источниках. Многие авторы писем в создаваемых для яркой метафоры ситуациях, а иногда и в реальных случаях готовы были променять пожалование, выгодное место, доброе отношение начальника и покровителя и служебную карьеру в целом на милость монарха. Главнокомандующий русскими войсками во время Семилетней войны С.Ф. Апраксин просьбу о повышении жалованья заканчивал словами: "...если сие не нанесет какой-либо Ее Императорскому Величеству неугодности. А если б то хотя малою меркою могло б причинить противность, то хочу лучше хотя совсем быть нищим, нежели Ее Величество тем прогневать"[12]. Алексей Б. Куракин сообщал брату, "что освободившееся место церемониймейстера... по собственному Ее Величества соизволению, пожаловано Панину, который, как и в самом деле быть должно, больше всего собственным вспоминанием доволен"[13]. Знаменитая княгиня Е.Р. Дашкова, директор Петербургской Академии наук, после возвращения в Россию из длительного путешествия по Европе признавалась отцу: "Накануне Екатеринина дня Ее Величество, при очень милостивом своеручном письме, изволила мне при-

---

[10] Я.И. Булгаков – А.А. Безбородко. 1782 г., август (Сб. РИО. 1885. Т. 47. С. 38).

[11] Неслучайно в РГАДА сохранились маленькие, но чрезвычайно значимые для современников своеручные записочки Екатерины о награждении орденом святой Анны генерал-майора Каховского и генерал-майора Хрущова, которые могли полностью изменить судьбу дворянина (См., например: РГАДА. Ф. 1. Оп. 1. Ед. хр. 72. Л. 140–141). Особенно ценилась награда, сопровождаемая письмом императрицы. Так, в 1794 г. Екатерина писала А.Н. Самойлову: "Граф Александр Николаевич, всемилостивейше пожаловав вас кавалером ордена нашего святого Александра Невского, знаки оного при сем возложения на вас посылаем, пребываем Вам благосклонны" (РГАДА. Ф. 10. Оп. 3. Ед. хр. 346).

[12] С.Ф. Апраксин – И.И. Шувалову. 1757 г., апрель (Сб. РИО. 1872. Т. 9. С. 465).

[13] Алексей Б. Куракин – Александру Б. Куракину. 1791 г., август (Восемнадцатый век. Исторический сборник. Т. 1. С. 143).

слать брильянтовой перстень с ее портретом под брилиянтом же вместо стекла; но как камень ни драгоценен, но портрет в нем включенной и лестное ее письмо сто крат драгоценнее мне"[14].

Авторы писем с трепетом ждут известий от императрицы, ее реакций на донесение, настоятельно просят у приближенных сообщить о высочайших настроениях, настаивают именно на дословном прочтении посланий и усиленно добиваются "беспосредственного" доступа к престолу, чтобы лично доложить о результатах исполнения воли монархини. Точное следование желаниям, намерениям, указам императрицы составляло для представителей господствующего сословия главное содержание службы. На уровне обыденного сознания законом являлась "высокая воля Ее Императорского Величества", а законопослушанием – исполнение ее "ничего не разбирая" и "не щадя сил и самой жизни"[15]. Назначение монархом на должность расценивалось как знак высочайшего благоволения и доверенности. Нередко в эпистолярных источниках внимание акцентируется на особой почетности и ответственности именно порученной службы. Неслучайно набор качеств образцового чиновника включал исполнительность, послушание, ревностное и преданное исполнение должности. Бюрократическому аппарату самодержавия нужны были, по мнению З.Г. Чернышева, такие люди, которые "прилежностию в делах совершенно соответствовали намерению Ее Величества"[16].

Очевидно, что образ монарха был актуален для дворянства в первую очередь как для служилого сословия. Имя императора встречается в эпистолярных источниках преимущественно в связи с этой областью социальной жизни господствующего класса. В представлениях авторов писем не только служба императору и государственная служба были тождественны, но и понятия государь – государство – Отечество являлись синонимами. Эпистолярные источники воссоздают наглядную картину поглощения государства личностью самодержца в сознании высшего сословия. Характерное для средневекового сознания стремление к персонификации общественных связей было присуще и мировосприятию российского дворянина второй половины XVIII в., что

---

[14] Е.Р. Дашкова – Р.И. Воронцову. 1782 г., ноябрь (Архив князя Воронцова. М., 1880. Кн. 24. С. 141).

[15] См., например: С.Ф. Апраксин – И.И. Шувалову. 1756 г., ноябрь (Сб. РИО. 1872. Т. 9. С. 449).

[16] З.Г. Чернышев – М.Н. Кречетникову. 1773 г., май (Чтения ОИДР. 1863. Кн. 4: Письма к генералу и кавалеру Михайлу Никитичу Кречетникову графа Захара Григорьевича Чернышева и других с 1769 по 1785 год. С. 21).

Ф.Г. Сидо. Екатерина II в окружении семейства и придворных (Г.А. Потемкин, А.А. Безбородко, И.И. Бецкой, Н.В. Репнин, А.Д. Ланской, Л.А. Нарышкин, И.А. Остерман). 1784 г.

отчасти объясняет причину слияния образа монарха и империи в представлениях авторов писем[17].

Однако подобная персонификация государственной власти объясняет и другую, противоречиво связанную с первой черту умонастроения дворянского сословия. За фигурой монарха, заслонившей собой государство, иногда терялась конкретная личность. Преклонение господствующего сословия перед венценосным саном, престолом, верховной властью в образе императора вовсе не требовало индивидуального отношения к нему. Имя монарха, употребляемое вместе с такими понятиями, как государство, отечество, держава, служба, встречается в стереотипных фразах-символах: “слава Ее Величества и польза государственная”, “благословенная Ее Императорского Величества держава”,

[17] Непререкаемый авторитет монархической власти окрашивал собой все политическое мировоззрение российского дворянства, которое особенно ярко проявлялось в оценке событий Великой французской революции. Наибольшее впечатление на авторов писем произвела судьба короля Франции. В ликвидации монархии они увидели “несчастье и великую беду”, преддверие краха всего государства. В эпистолярных источниках часто встречаются негативные, полные возмущения определения “безумных, очумившихся безбожных цареубийц-французов”.

“усердие к Государыне и империи”, “вседражайшее Ее Императорского Величества здравие”, от которого зависит “общее всей империи благополучие”. Даже в сознании приближенных императора образ носителя верховной власти и конкретная личность были отчасти разъединены. В этой на первый взгляд парадоксальной черте политического мышления проявился традиционный монархизм российского дворянства, для которого идея самодержавия была выше идеи самодержца, его личности и даже его жизни.

Для отдельного представителя господствующего класса отношения дворянин – государство также сводились к отношениям дворянин – император. Эпистолярные источники содержат материал, свидетельствующий об осознании авторами писем своей личной зависимости от монарха. Расположение императора к дворянину определяло не только его служебную карьеру, но и всю судьбу. В переписке неоднократно признавалось, что благоденствие всего населения империи – и дворянства, и отдельного человека – находится в руках государя. Дворянин, включенный в чиновничье-бюрократическую иерархию, был лично предан императору и испытывал чувство благодарности за все привилегии и награды, дарованные ему щедрой рукой монарха. “Новый пензенский вице-губернатор к вам отправился, – писал Алексей Б. Куракин брату, – здесь он был для принесения благодарности Ее Величеству за его к месту определение”[18].

Мнение императора являлось важнейшим критерием положения дворянина в обществе. Ее Величество “о своем всегдашнем уважении к особе Петра Васильевича подтвердила, – писал А.А. Безбородко по поводу П.В. Завадовского, кабинет-секретаря и фаворита Екатерины II, к которому императрица проявила явное охлаждение, – имя его здесь всеми произносится уже без боязни, с которою прежде назвать его остерегались”[19]. В переписке подробно перечисляются представители высших кругов, пользующиеся расположением императрицы и обойденные ее милостью, приводятся отзывы государыни о том или ином подданном, детально комментируются приемы при дворе. Не только в дружеской корреспонденции, но и в письмах к вельможам и даже в посланиях на высочайшее имя признается, что благоволение императрицы – главная защита от несправедливостей и бóльшая

---

[18] Алексей Б. Куракин – Александру Б. Куракину. 1791 г., ноябрь (Восемнадцатый век. Исторический сборник. Т. 1. С. 146).

[19] А.А. Безбородко – С.Р. Воронцову. 1778 г., апрель (Архив князя Воронцова. М., 1879. Кн. 13. С. 7–8).

сила, чем закон на стороне автора. Во время препирательств с генерал-прокурором А.А. Вяземским по поводу оклада директора Академии наук Е.Р. Дашкова писала Екатерине II: "Смею просить Ваше Величество, дайте полную свободу Вашему великодушию в отношении меня, и я вполне уверена, что тогда мне окажут полную справедливость и даже впредь будут защищать от проявлений незаслуженного мною гонения"[20].

Значительное число среди авторов писем представителей высшего должностного дворянства может создать впечатление, что личную зависимость от монарха ощущала лишь политическая элита. Действительно, непосредственная близость к трону усиливала влияние личности императора на судьбы чиновной аристократии. Однако, на мой взгляд, отношения придворной среды и самодержца наиболее ярко и рельефно раскрывают сущность социально-психологических связей между господствующим сословием и монархом. Авторы писем, занимавшие более низкие ступени бюрократической иерархии, также считали себя личными подданными императора. Игравший большую роль в их гражданской жизни начальник по службе выступал в первую очередь как носитель воли монарха, его посредник. Показательно, что высокомерный снобизм крупных сановников вызывал раздражение и негодование в среде массы дворянства, так как эти качества были следствием монополии на "беспосредственное" обращение к императору. Право получить доступ к престолу должен был иметь любой представитель благородного сословия на тех основаниях, о которых писал драматург А.П. Сумароков: "Я сын Отечества и потому, что я дворянин, и потому, что уже отличный чин и орден имею"[21]. Вассалами монарха осознавало себя все чиновное, служащее дворянство, зависимое от самодержавной власти и являющееся главной социальной базой абсолютизма в среде господствующего сословия.

Восприятие дворянством образа монарха неизбежно должно было оказать влияние на самосознание высшего сословия, т.е. глубину понимания общности интересов. Уже отмечалось, что важнейшая сфера жизнедеятельности дворянина, определявшая его основные потребности и ценностные ориентации, замыкалась на императорской службе. Идея верноподданнической обязанности затмевала собой собственно сословные цели и пре-

---

[20] Е.Р. Дашкова – Екатерине II. [1783] (Чтения ОИДР. 1867. Кн. 1: Январь–март. Отд. V. С. 32).

[21] А.П. Сумароков – Г.А. Потемкину. 1775 г., ноябрь (Письма русских писателей XVIII века. Л., 1980. С. 178).

пятствовала формированию политической культуры дворянства. Рассуждения о социальной роли господствующего сословия практически отсутствуют в эпистолярных источниках, поскольку на уровне повседневной действительности эти проблемы мало волновали авторов писем. Однако критерии положения личности в системе бюрократической иерархии, вытеснившие на второй план традиционное, специфически сословное подтверждение социальной значимости – древность рода, свидетельствовали о том, что большинство авторов писем отводили дворянству миссию слуги царя и отечества. В сознании дворян сословный интерес был растворен в государственном. Неслучайно в привлеченном к работе комплексе эпистолярных источников практически нет информации о деятельности дворянских собраний[22], зато императорской службе уделено основное внимание.

Нормативное чувство благодарности каждого дворянина государю низводило социальную элитарность "благородного" сословия до милостивого дара щедрой руки императора. Отсутствие реальной политической силы, способной оспорить монополию дворянства на привилегированное положение в обществе, исключало не только необходимость защиты своих сословных интересов, но даже ясное понимание их. Таким образом, самодовлеющая ценность верноподданнической службы чиновного дворянства и осознание каждым представителем господствующего сословия личной зависимости от монарха препятствовали развитию корпоративного единства и создавали социально-психологическую почву для высокой степени доверия официальной идеологии.

Однако помимо высоких идей преданности монарху и Отечеству дворянство в своем приобщении к государственной службе было движимо и интересами сословного престижа и материальных выгод. Рекомендации подчиненным с просьбами "исходатай-

---

[22] Так, наставления будущему императору Павлу, изложенные в записке братьев Никиты и Петра Паниных, свидетельствовали, что даже эти либерально и оппозиционно настроенные государственные деятели оставляли, тем не менее, крайне узкие прерогативы выборным дворянским должностям. «О уездных предводителях, – писал Н.И. Панин, – я ничего не говорю, почитая нужным их оставить по-прежнему, как для раскладия рекрутских дворянских очередей, так и для смотрения за опекунами дворянских вдов и сирот, но определение опекунов нужно, кажется, чтобы не они делали, а губернатор, как общий хозяин всей губернии, держась правил к тому положенных. Нужным я почитаю, чтобы дворянские предводители за свои труды имели жалованье, но дворянство того уезда от своего общества должно его давать» (Записка о могущих быть переменах по первоначальной только мысли // РГАДА. Ф. 1. Оп. 1. Ед. хр. 17. Л. 98).

ствовать награду", "дабы верных и неколеблющихся одобрить" к их "вящему усердию", содержат прямые заявления о том, что "ни какая общественная служба не может обойтись без отличия"[23]. Соответственно, распоряжения крупных чиновников, стимулирующие к ревностной службе, предполагали не только убеждения в духе догм официальной идеологии, но и реальные обещания пожалований, поскольку "всяк трудящийся, знав, что труды его без примечания начальника не останутся, сугубые получает силы к исполнению своей должности"[24]. И в письмах к вышестоящим по служебной лестнице, и в дружеской переписке авторы нередко "проговариваются", признавая, что служба без уверенности в награде, лишь ради высокой цели пользы государства и интересов монарха – жертва со стороны дворянина. Переживая "оскорбительные неприятности" "со стороны Генерал-Прокурора" А.А. Вяземского, Е.Р. Дашкова осмелилась заявить: "Ее Величеству угодно было поручить мне управление Академиею, и вот на меня сыплются придирки мне не предстоит никакой выгоды, или награды, кроме разве исполнения воли Ее Величества. Я бы скорее желала, чтобы Государыня не почтила меня такою должностию"[25].

Авторы писем очень ревностно относились к размеру и характеру положенной им награды и крайне болезненно реагировали на малейшее ее несоответствие их статусу в системе чиновной иерархии, весомости заслуги и престижности поощрения современников. Любая несправедливость "при раздаче милостей

---

[23] См., например: Е.Р. Дашкова – Екатерине II. 1784 г., январь (Чтения ОИДР. 1867. Кн. 1: Январь–март. Отд. V. С. 20); А.И. Бибиков – З.Г. Чернышеву, [без даты] (*Грот Я.К.* Материалы для истории Пугачевского бунта. Бумаги Кара и Бибикова. СПб., 1862. С. 46); С.Ф. Апраксин – И.И. Шувалову. 1756 г., декабрь (Сб. РИО. 1872. Т. 9. С. 452).

[24] См., например: генерал Иван Гудович – А.А. Безбородко о повышении в чине вице-губернатора Тамбовского наместничества Ушакова. 1791 г., март (РГАДА. Ф. 10. Оп. 3. Ед. хр. 304); Михаил Кречетников – А.А. Безбородко о повышении в чине директора экономии Черниговской губернии Забеллы. 1791 г., июнь (Там же. Ед. хр. 310); директор придворной шпалерной мануфактуры Н. Юсупов – А.А. Безбородко о повышении в чинах инспектора Якова Кузмина и секретаря Алексея Травина. 1791 г., сентябрь (Там же. Ед. хр. 312); доклад правления Государственного ассигнационного банка Екатерине II о повышении в чинах банковских чиновников, с приложением выписки из послужных списков. 1791 г., сентябрь (Там же. Ед. хр. 313); дело о награждении офицеров и низших чинов, участвовавших в штурме турецкой крепости Измаила. 1792 г. (Там же. Ед. хр. 317); З.Г. Чернышев – М.Н. Кречетникову. 1773 г., май (Чтения ОИДР. 1863. Кн. 4. С. 19).

[25] Е.Р. Дашкова – Екатерине II. [1783] (Чтения ОИДР. 1867. Кн. 1: Январь-март. Отд. V. С. 37); Е.Р. Дашкова – А.А. Безбородко [1783] // Там же.

и мест”[26], с точки зрения представителей господствующего класса, повергала их в уныние. Привлеченная к работе переписка содержит неоднократно с горечью и обидой высказываемые намерения демонстративно уйти с государственной службы. Подобные заявления подтверждают, что поощрение было необходимым для чиновного дворянства условием исполнения должности, без которого служба теряла всякий смысл. Самодержавие целенаправленно использовало этот мощный рычаг “приохочивания” господствующего класса к императорской службе, видя в нем движущую силу деятельности всего бюрократического аппарата империи.

Поощрение, символизирующее успешную служебную карьеру, являлось набором реальных благ, к обладанию которыми столь одержимо стремилось чиновное дворянство. Анализ конкретного содержания понятия “награда” дает возможность выяснить интересы и потребности, удовлетворяемые авторами писем через государственную службу, а также господствующую систему ценностей, на основании которой они делали вывод о служебном успехе, и, наконец, внутренние побудительные стимулы, заставляющие дворянина включаться в изнурительную борьбу за карьеру. Все воздаяния за государственную службу, которые упоминаются в избранном для работы комплексе эпистолярных источников, можно условно разделить на две группы, включающие, с одной стороны, реальные, осязаемые материальные ценности (земли, деревни, души, деньги в виде награждения, жалования, пенсия), с другой стороны – символы сословно-статусного престижа (ранги, чины, должности, титулы, ордена, ленты, личное внимание монарха – своеручное письмо, приглашение ко двору), а также дорогостоящие знаки отличий и императорской милости (драгоценные кольца, табакерки, шпаги, сервизы).

Данные о пожалованиях содержатся в поздравлениях, рекомендациях, прошениях и подробных росписях награжденных, которые являлись неотъемлемым элементом дружеской переписки, информирующей о событиях светской жизни адресата, в силу тех или иных обстоятельств находящегося далеко от столицы. Если в прошениях авторы обнаруживают равную заинтересованность и в материально-денежном поощрении, и в знаках сословно-статусных отличий, то в росписях награжденных, поздравлениях и рекомендациях, как правило, внимание акцентируется на изменении позиций современников в системе бюрокра-

---

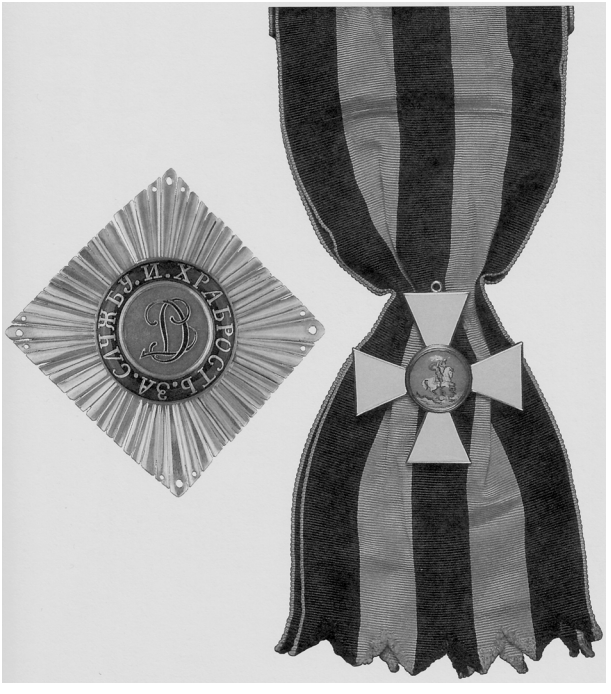
[26] См.: Я.И. Булгаков – А.А. Безбородко. 1791 г., октябрь (Сб. РИО. 1885. Т. 47. С. 225).

БОЖІЕЮ СПОСПѢШЕСТВУЮЩЕЮ
МИЛОСТІЮ

МЫ ЕКАТЕРИНА
ВТОРАЯ,

ИМПЕРАТРИЦА И САМОДЕРЖИЦА
ВСЕРОССІЙСКАЯ: МОСКОВСКАЯ,
КІЕВСКАЯ, ВЛАДИМИРСКАЯ, НОВ-
ГОРОДСКАЯ, ЦАРИЦА КАЗАНСКАЯ,
ЦАРИЦА АСТРАХАНСКАЯ, ЦА-
РИЦА СИБИРСКАЯ, ЦАРИЦА ХЕР-
СОНИСА-ТАВРИЧЕСКАГО, ГОСУ-
ДАРЫНЯ ПСКОВСКАЯ И ВЕЛИКАЯ
КНЯГИНЯ СМОЛЕНСКАЯ, КНЯГИНЯ
ЭСТЛЯНДСКАЯ, ЛИФЛЯНДСКАЯ,
КОРЕЛЬСКАЯ, ТВЕРСКАЯ, ЮГОР-
СКАЯ, ПЕРМСКАЯ, ВЯТСКАЯ, БОЛ-
ГАРСКАЯ И ИННЫХЪ; ГОСУДА-
РЫНЯ И ВЕЛИКАЯ КНЯГИНЯ НОВА
ГОРОДА НИЗОВСКІЯ ЗЕМЛИ, ЧЕР-
НИГОВСКАЯ, РЯЗАНСКАЯ, ПОЛОЦ-
КАЯ, РОСТОВСКАЯ, ЯРОСЛАВ-
СКАЯ, БѢЛООЗЕРСКАЯ, УДОР-

Первая страница Статута ордена Св. Георгия,
который давался каждому награжденному



Знак и звезда ордена Св. Георгия I класса

тической иерархии. Сведения о земельных и денежных награждениях встречаются в переписке в связи с известиями о повышении статуса правительственных чиновников. Авторы редко упоминают исключительно о материальных выгодах успешной служебной карьеры, которые теряли свое значение в глазах современников без продвижения по бюрократической лестнице. Показательно, что реальное содержание чиновного поощрения практически совпадало с общепринятыми критериями благополучия служащего дворянина и предполагало прежде всего чин, титул, именье, жалованье, должность, орден, рекомендации влиятельных лиц и их поддержку. Преобладающие эмоционально-оценочные реакции не позволяют выделить наиболее желаемые для представителей господствующего сословия пожалования. Сам факт объединения их в одно понятие “награда” свидетельствовал о большой привлекательности для авторов писем всех видов служебного поощрения, ценность которых измерялась не реальной денежной стоимостью, а степенью сословной престижности.

Характерной чертой статусного мышления дворянина стала особая ценность чина во всех сферах жизни, и в первую очередь в

области службы. В сознании представителей высшего сословия чин далеко превзошел свое узкое значение, определяющее место личности в системе бюрократической иерархии, и превратился в универсальный критерий оценки многих социальных явлений[27]. Пожалование, пенсия, столовые деньги должны были соответствовать не столько заслугам дворянина, сколько его служебному статусу. Многие авторы писем в качестве главного аргумента, подтверждающего оправданность просьбы о награждении, выдвигают правительственные поощрения равных по чину и положению. "Исполняя мой долг, когда бы я произвел и наивеличайшие отечеству услуги, то и тогда бы я ничего в награду себе просить не отважился, – писал Г.Р. Державин входящему в силу Г.А. Потемкину, – но ежели были со мной в одной комиссии Маврин, Собакин и Горчаков и получили ныне за труды свои высочайшую милость, то я нахожу себя пред ними обиженным. ⟨...⟩ Для чего я обижен пред ровными мне?"[28]

Звезда
и знак ордена Св. Екатерины

Чин для служащего дворянина был символом принадлежности к правящему сословию, мерой сосредоточенной в его руках власти, реальным подтверждением превосходства над теми, "которых отцы и предки во весь свой век чинов не имели и родились служить, а не господствовать"[29]. Вся использованная в рабо-

---

[27] Показательно, что авторы писем неоднократно используют понятие "чин" для выражения важности и особой значимости событий, говоря о случаях "высокого чина", "дружбе большого сана" и т.п. См., например: Е.Р. Дашкова – А.А. Безбородко. 1783 г., октябрь (Чтения ОИДР. 1867. Кн. 1: Январь-март. Отд. V. С. 41).

[28] Г.Р. Державин – Г.А. Потемкину. 1775 г., июль (*Грот Я.К.* Сочинения Державина с объяснительными примечаниями. СПб., 1869. Т. 5. С. 269–270).

[29] Д.И. Фонвизин – родителям. 1766 г., июнь (*Фонвизин Д.И.* Собр. соч.: В 2 т. М.; Л., 1959. Т. 2. С. 343).

те переписка между представителями высшего должностного дворянства содержит настоятельные просьбы о чиновном производстве подчиненных, что в известной степени укрепляло служебные позиции авторов писем и расширяло сферу их влияния. Неслучайно П.В. Завадовский, желая продемонстрировать гигантский рост власти Г.А. Потемкина, писал П.А. Румянцеву: "...флот весь того края ему препоручен, с правом производить чины до полковника, и ничем сия честь ныне не зависит от коллегии адмиралтейской"[30].

Авторитет чина подавил в сознании представителей бюрократической системы даже высокое звание российского дворянина. В большей части встречающихся в переписке упоминаний о господствующем сословии дворянство определяется через официальную формально-юридическую иерархию социальной структуры империи, объединяющее понятие "благородное сословие" дробится шкалой бюрократических статусов. Авторы писем выделяют в среде дворянства нижние чины и 5 первых чинов и, говоря о господствующем классе как о едином целом, они пишут о "всех чинах" или о "всяких званиях"[31]. Наиболее достойная часть высшего сословия сливалась в сознании его представителей с кастой правительственных сановников, оставляя вне социальной значимости нечиновное дворянство. В эпистолярных источниках есть сведения, что чин расценивался авторами писем как одно из главных достояний рода, фамильная гордость и ценность, гарантия стабильности положения дворянской династии. Неслучайно П.В. Завадовский с завистью писал о росте социального капитала семьи графа А.Н. Зубова, за одного из сыновей которого "помолвлена дочь князя А.А. Вяземского и пожалована фрейлиною. Легко может быть, что чин генерал-прокурора опять не выйдет из рода"[32].

Власть чина над умами представителей господствующего класса не только установила критерий оценки всех явлений социальной жизни дворянства, не только подчинила ценностям Табели о рангах сословное самосознание, но и определила ведущий ориентир отношения к человеческой личности в светской среде. Сопоставление различных оценочных высказываний в адрес пра-

---

[30] П.В. Завадовский – П.А. Румянцеву. 1781 г., октябрь (*Майков П.М.* Письма графа П.В. Завадовского фельдмаршалу графу П.А. Румянцеву 1775–1791 годов. СПб., 1901. С. 45).

[31] См., например: И.В. Страхов – А.Р. Воронцову. 1785 г., июнь (Архив князя Воронцова. М., 1879. Кн. 14. С. 471).

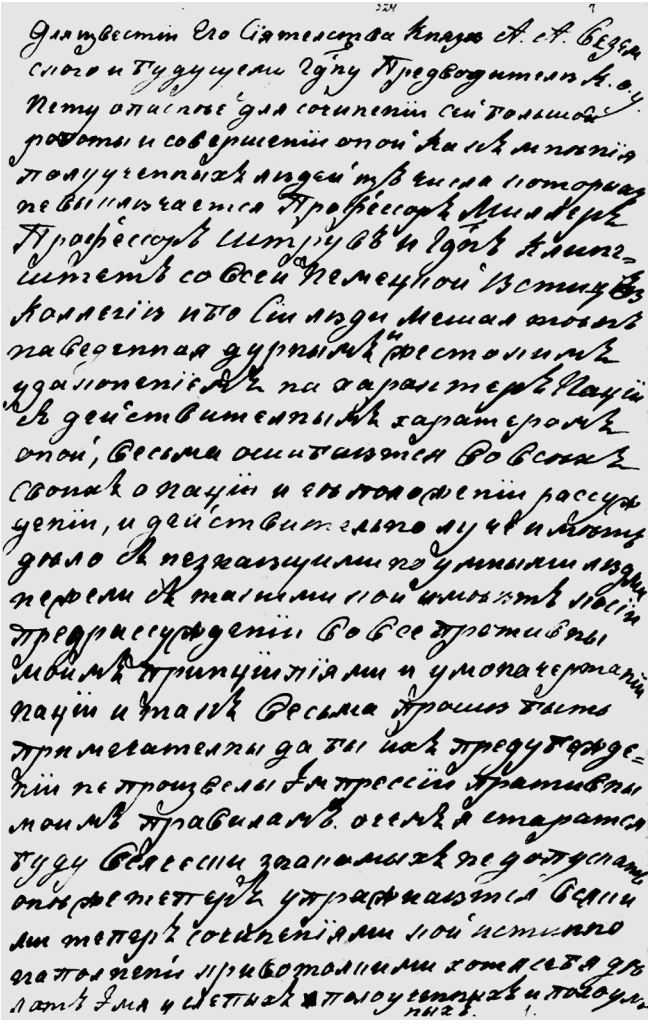
[32] П.В. Завадовский – П.А. Румянцеву. 1789 г., ноябрь (*Майков П.М.* Письма графа П.В. Завадовского. С. 104).

вительственных чиновников, встречающихся в эпистолярных источниках, позволяет воссоздать набор нормативных качеств служащего дворянина. Их можно условно объединить в две группы: черты ревностного слуги царя и отечества, задаваемые официальной идеологией и сводящиеся к исправности, усердию, покорности, и социально-нравственные добродетели, гарантом которых являлся определенный статус. Эти качества часто служили аргументом в рекомендациях и просьбах о награждении и предполагали способность "заставить почитать чин", достойно "нести" пожалованный статус, "доставить блеск" месту, должности и "ремеслу", а также благородный порыв к обладанию знаками сословного престижа. Кодекс служащего дворянина одобрял честолюбие и тщеславие. Авторы писем под этими качествами понимали стремления "приобрести честь и славу" и "придать большую знать своей карьере"[33]. Честолюбие как наиболее достойный и уважаемый стимул борьбы за успешную служебную карьеру противопоставлялось сугубо материальным корыстным побуждениям, жадности и предпочтению богатства статусу.

К.Л.И. Христинек.
Портрет князя А.А. Вяземского.
1768 г.

Чин, важнейшая сословная ценность, санкционированная верховной властью, был не только визитной карточкой служащего дворянина, показателем социальной состоятельности, но и определенной гарантией общечеловеческих достоинств его обладателя. В сознании современников бюрократическая иерархия совпадала со шкалой морально-этических оценок личности.

[33] См.: А.И. Бибиков – М.Н. Кречетникову. 1772 г., январь (Чтения ОИДР. 1863. Кн. 4: Письма к генералу и кавалеру Михайлу Никитичу Кречетникову графа Захара Григорьевича Чернышева и других с 1769 по 1785 год. С. 54); А.А. Безбородко – П.В. Завадовскому. 1792 г., январь (Архив князя Воронцова. Кн. 13. С. 250).



Записка Екатерины II генерал-прокурору
Сената А.А. Вяземскому. 1767 г. Автограф

Место дворянина в слепой системе чинов становилось универсальной, исчерпывающей характеристикой его личности[34] –

[34] В эпистолярных канонах, задаваемых письмовниками, чин вообще поглотил личность и ее имя. Обращение без упоминания статуса адресата считалось недопустимым. Е.Р. Дашкова просила Александра Б. Куракина “извиниться перед г. Донауровым, от которого я только что получила письмо... Я бы тот час отвечала о получении сего, но не могут сведать здесь об отчестве его и чине” (Е.Р. Дашкова – Александру Б. Куракину. 1796 г., ноябрь (Русский архив. 1912. Кн. III, № 7–9. С. 464).

и в области сословно-статусных отношений, и в сфере межличностных связей. Набор качеств, определяющих личность военачальника, сенатора, судьи, сопоставим и часто во многом идентичен оценкам, которые давались близким родственникам, соседям, избранникам своих знакомых и т.д.

Выяснение статуса дворянина было основным условием "узнавания" современника, которое сразу же снимало напряженную для сознания "неустановленность личности". Место в системе бюрократической иерархии и сословные связи дворянина определяли его положение в светской среде. Уважение к чину требовало строгого соблюдения статусной субординации и иерархии отношений. "Господь да дарует нам субординацию, мать дисциплины, оная же мать победы! – писал А.В. Суворов. – 1-е. Чины должны почитаться"[35]. Для рекомендательного письма было достаточно следующей формулировки: "...он желает от меня быть препорученным Вашему призрению, я честь имею того к нему у Вас испросить, не сомневаясь, что и без того Ваше Превосходительство сохранили бы аттенцию к его чину и заслугам"[36]. За изменением статуса дворянина, повышением в чине или, напротив, зигзагами и неудачами служебной карьеры неизбежно следовала переоценка его личности современниками. Подробные росписи награжденных с детальным указанием орденов, лент, должностей, титулов, денежных сумм и т.д., не просто удовлетворяли любопытство адресата, а служили для него лаконичной, но содержательной картиной расстановки сил в бюрократической иерархии и своеобразным руководством для выбора линии поведения и тактики отношений.

Зависимость от общественного мнения и доверие официальной идеологии, всячески поддерживающей авторитет чина, подчиняли статусной иерархии ценностей самосознание личности. Дворянин видел в продвижении по бюрократической лестнице единственное средство социальной реализации своей индивидуальности. Любая неудача в борьбе за успешную служебную карьеру порождала в душе представителей высшего сословия мучительный дискомфорт и заставляла идти на терпеливые "доискивания" и остроумные изворотыи.

Стремление к эмоциональному комфорту и благополучию, которые целиком определялись чиновно-бюрократической

---

[35] А.В. Суворов – И.М. Рибасу. 1788 г., март (*Суворов А.В.* Письма. М., 1986. С. 130).

[36] См.: З.Г. Чернышев – М.Н. Кречетникову. 1771 г., май (Чтения ОИДР. 1863. Кн. 4: Письма к генералу и кавалеру Михайлу Никитичу Кречетникову графа Захара Григорьевича Чернышева и других с 1769 по 1785 год. С. 51).

состоятельностью дворянина, ставило его в зависимость от авторитета служебного статуса. Основная жизненная ориентация на карьеру направляла и канонизировала поведение личности, оставляя мало места для самостоятельного выбора и нестандартности. Психологическая неспособность преодолеть общепринятый трафарет статусной оценки, подчиненность господствующему шаблону препятствовали развитию индивидуальности.

Диктат социального статуса обусловил многие характерные черты отношения дворянства к материальным ценностям. Среди них – на первый взгляд странная для представителей сословия землевладельцев заинтересованность в обладании и деревнями, и душами, и табакеркой с портретом императрицы, и драгоценными пуговицами для нового мундира. Очевидная тесная связь материальных потребностей дворянина с областью государственной службы и чиновной карьерой, с одной стороны, а также отсутствие чисто прагматического, по-хозяйски расчетливого отношения к богатству – с другой, предполагали существование особой специфической меры достатка, лежащей вне сферы исключительно экономических потребностей и интересов господствующего сословия.

Многочисленные рекомендации и прошения о повышении жалования, столовых денег, представлении к ценной награде в качестве обязательного аргумента выдвигают не только заслуги дворянина, важность и ответственность занимаемого им места или же бедственное положение чиновника, но и наличие высокого служебного дохода у равных с ним по статусу. “Примечая во все время доброе поведение нотариуса иностранной коллегии Мигая... и что ему определенным жалованием двумя стами рублей содержать себя неудобно по его состоянию и здешнему месту, сделал я ему прибавку к тому положенному окладу еще по двести рублей в год... склоняясь к примеру, что и менее его чином канцелярист иностранной коллегии Катыгулов... имеет годового жалованья по четыреста рублей”[37], – отчитывался П.А. Румянцев перед Н.И. Паниным. Жалованье должно было строго соответствовать окладу предшественника дворянина и материальным средствам, получаемым от государственной службы чиновниками, которые стояли с ним на одной ступени бюрократической иерархии.

Служащему дворянину было легче перенести ощутимые затруднения, связанные с его излишней расточительностью, скудным наследством или даже жестоким разорением, чем подвер-

---

[37] П.А. Румянцев – Н.И. Панину. 1771 г., март (Сб. РИО. 1872. Т. 9. С. 421).

гаться материальному статусному унижению, часто незначительному относительно его общего дохода. Достаточно сопоставить болезненную реакцию директора Академии наук Е.Р. Дашковой на горькую и оскорбительную перемену – понижение жалованья по сравнению с окладом С.Г. Домашнева, ее предшественника на этом посту, мрачную решимость предпочесть "смерть безчестию места" и легкую иронию писателя И.И. Дмитриева, который писал своему кузену П.П. Бекетову: "Поверишь ли, что принужден закладывать вещи, чтоб только как-нибудь протянуть до трети? Иногда занимаю по 5 и 10 руб. на содержание людей и лошадей... однако ж не думай, что я стал меланхоликом во всей форме. Нет, мой друг... я грущу только, когда один, по утрам и вечерам; а в собраниях, разумею с приятелями, по-прежнему смеюсь и болтаю; бываю в театре, на балах и везде показываю вид человека, по крайней мере, в бархатном кафтане"[38].

Уровень притязаний правительственных чиновников определялся в первую очередь не экономическим расчетом, а стремлением к обладанию богатством, не уступающим достатку представителей социальной среды, к которой причислял себя автор. В бюрократических кругах шло постоянное сравнение материальной ценности наград, числа полученных душ, площадей раздаваемых имений. "О нашем приятеле Моркове скажу, что... подал он записку, чтоб ему дали до 5000 душ, считая то еще и за малое. Я ему получить их желаю, думая, что удел его и для меня маштабом служить может, – писал А.А. Безбородко, – но он все недоволен будет, имев претензию поравняться с нами"[39]. Пожалования от верховной власти были своеобразной количественной мерой степени благосклонности императора и престижности положения в обществе. Служащее дворянство выражало особую заинтересованность в материальных ценностях, даруемых самодержавием, в первую очередь как сословие правительственных чиновников, а уже затем как класс землевладельцев. Неслучайно П.А. Румянцев писал А.А. Прозоровскому: "Жалею безмерно, что в честь Вам пожалованных имений не вошло ни увеселительного, ни полезного; тут образ милости Высочайшей, с каким оное нам жалуется, награждать должен естественные тому недостатки"[40].

---

[38] Е.Р. Дашкова – А.А. Безбородко. [1783] (Чтения ОИДР. 1867. Кн. 1: Январь–март. Отд. V. С. 36); И.И. Дмитриев – П.П. Бекетову. 1798 г., ноябрь (*Дмитриев И.И.* Сочинения. СПб., 1893. Т. II. С. 183).

[39] А.А. Безбородко – А.Р. Воронцову. 1795 г., июнь (Архив князя Воронцова. Кн. 13. С. 345); А.А. Безбородко – С.Р. Воронцову. 1795 г., август (Там же. С. 351).

[40] П.А. Румянцев – А.А. Прозоровскому. 1776 г., март (Чтения ОИДР. 1866. Кн. 1: Январь–март. С. 161).

Богатство не являлось главным критерием, определявшим положение личности в системе дворянской иерархии. Для представителей господствующего сословия существовали ценности, котирующиеся выше, чем материальный достаток. Расположение светской среды обеспечивали прежде всего знатность происхождения, дружественные и родственные связи с высшим должностным дворянством, престижные знакомства и, конечно же, чиновный статус. В переписке можно встретить гордые заявления, пусть и произносимые не без горечи, однако, требующие к себе соответственного уважения: "Я – дворянин старого, но обедневшего рода". В то же время во всем избранном комплексе эпистолярных источников нет случаев утверждения сословного престижа лишь на основании крупного богатства. Достаток, не подкрепленный чиновным и фамильным статусом, не гарантировал дворянину социальной состоятельности и светского признания. Интересны в этом отношении письма внука тульского кузнеца П.А. Демидова, крупнейшего магната своего времени, жестоко страдающего от инородности в "благородном" дворянском обществе и правительственном мире. Комплекс социальной неполноценности проявился в его злых шутках по поводу чванства аристократии и спеси крупных сановников, в обостренном внимании к жизненному укладу и нравам купечества, в нарочитой демонстрации своего плебейского воспитания, доходящей до грубых чудачеств. "...От меня дичатся, потому что я не умею гладко ответствовать", – с обидой писал П.А. Демидов о сомкнутой среде представителей дворянской знати, которые, "как крапива стрекучая и будто смола шипучая, друг за друга хватаются; а нас мохнорылых за нос водят"[41].

Сопоставление значимости для авторов писем богатства и социального статуса позволяет сделать вывод о явном приоритете в сознании дворянства чина над достатком[42] и о существовании относительной величины богатства, определяемой целым рядом

---

[41] П.А. Демидов – М.И. Хозикову. 1779 г., март (Русский архив. 1873. Кн. II, № 7–12. Стб. 2249); П.А. Демидов – А.И. Рибасу. 1780 г., июль (Там же. Стб. 2272).

[42] Повышение в служебном статусе не всегда сопровождалось ростом оклада. Правительство, в соответствии с практикой XVII в., считало, что крупные помещики, занимающие ведущие посты в государственном аппарате, могут безбедно жить на доходы от своих вотчин (См., например, об этом: *Трощкий С.М.* Русский абсолютизм и дворянство в XVIII в. Формирование бюрократии. М., 1974. С. 261–262). Эпистолярные источники свидетельствуют, что представители господствующего класса, хотя и очень тяготились "дорогими местами", все же продолжали ожесточенно бороться за высокие чины и должности, не считаясь с возникающими порой материальными неудобствами.

сословно-престижных показателей. Относительная величина богатства имела свою ценностную шкалу, которую можно восстановить по данным эпистолярных источников, где употребляется понятие "роскошь". Многообразные и даже противоречивые определения, сопровождающие это понятие – "показная роскошь"; "необходимая", "умеренная", "нерасточительная" роскошь; "буйная", "безудержная" роскошь, "роскошество", "великолепие", – свидетельствуют о наличии никак не зафиксированной, но общепринятой в среде господствующего сословия меры достатка, престижной нормы богатства, которая требовала соответственного уклада, характера потребления материальных ценностей, уровня притязаний.

Содержащиеся в переписке практические советы дворянину, вступающему на путь самостоятельной жизни, сокрушенные сетования по поводу нехватки средств не только на "прихоти", но и на "необходимое", "нужное", чтобы "содержать себя честным образом"[43], упоминания о предметах дворянского обихода, вызывающих наибольшую озабоченность авторов писем, позволяют составить набор стандартных зримых показателей и материальных подтверждений "благородства" привилегированного сословия. Обязательный реквизит высокородного образа жизни включал особняк, экипаж, большое количество слуг, стол и, конечно же, наряд дворянина, диктуемый господствующими канонами благопристойности. "Между тем прошу вас для моего удовольствия и знания отписать ко мне о вашем состоянии, каким образом вы дом свой учредили, в которой улице живете, чей двор наняли, сколько служителей имеете, по чему им платите, какой стол и экипаж содержите"[44], – писал М.И. Воронцов своему племяннику А.Р. Воронцову, назначенному полномочным министром в Лондон.

"Умеренная роскошь" была в глазах современников не прихотью или расточительством, а уровнем, ниже которого не позволяет опускаться достоинство дворянина, честь звания и имени. Экономность и скромность желаний всячески приветствовались в среде господствующего сословия как надежное средство достижения престижной нормы богатства, которая, в свою очередь, выступала определенным гарантом честности, добропорядочности,

---

[43] См., например: Е.Р. Дашкова – А.Р. Воронцову (Архив князя Воронцова. М., 1881. Кн. 21. С. 433); И.И. Дмитриев – П.П. Бекетову. 1798 г., ноябрь (*Дмитриев И.И.* Сочинения. С. 183); Д.И. Фонвизин – сестре. 1764 г., февраль (*Фонвизин Д.И.* Собр. соч. Т. 2. С. 333).

[44] М.И. Воронцов – А.Р. Воронцову. 1763 г., январь (Архив князя Воронцова. М., 1872. Кн. 5, ч. 1. С. 111).

моральной надежности дворянина. “Не перенимай нонешних роскошей”[45], – наставлял П.А. Демидов дочь. “Я никогда не был подл, корыстолюбив... дня моей жизни не терпел недостатка, может быть, и потому, что умел умерять желания”[46], – делился Я.И. Булгаков с сыном. “Пособите ему деньгами на необходимые издержки, ради своего имени. Он и брат его отнюдь не корыстны; живут скромно и порядочно, на образец молодым людям”[47], – заступался П.В. Завадовский за сыновей П.А. Румянцева, которые испытывали на себе суровый характер отца.

“Показная роскошь”, т.е. бедность, стремящаяся продемонстрировать престижный уровень достатка, вызывала либо высокомерную иронию крупного дворянства, либо сочувствие представителей господствующего сословия со средними и низкими возможностями. В целом же преобладающие реакции авторов писем свидетельствуют, что светская среда жестоко клеймила порочащую имя, звание, чин и оскорбительную для привилегированного сословия материальную неспособность удержаться на общепринятом уровне благопристойности и снисходительно относилась к умело создаваемой, даже путем долгов и тщательно скрываемых бедствий, видимости богатства. “Щеголи” из знатных фамилий, “потерявшие свой хлеб”, но продолжающие вести элитарный образ жизни, пользовались даже большим расположением в кругах “благородного” сословия, чем П.А. Демидов со своими “низкородными” деньгами. Неслучайно он с горечью писал зятю М.И. Хозикову: “Ведь и глупее меня в Питере счастливы, только передо мною наряднее, да паруки исправнее; я уж думаю сделать кафтан и парук и также мотать. Не буду ли счастлив и умен?”[48]

“Буйная роскошь” высших сановников, еще в XVIII в. ставшая легендой о несметных богатствах российского дворянства, вызывала удивление и скрытую неприязнь у большинства представителей господствующего сословия. Однако в среде крупнейших магнатов эта блестящая демонстрация власти и близости к трону была санкционирована самой императрицей и выступала неизменным объектом соперничества, статусного самоутверждения и придворной борьбы.

---

[45] П.А. Демидов – А.П. Хозиковой. 1783 г., июль (Русский архив. 1873. Кн. II, № 7–12. Стб. 2285).

[46] Я.И. Булгаков – А.Я. Булгакову. 1803 г., февраль (Русский архив. 1898. № 3. С. 366).

[47] П.В. Завадовский – П.А. Румянцеву. 1790 г., июнь (*Майков П.М.* Письма графа П.В. Завадовского. С. 109).

[48] П.А. Демидов – М.И. Хозикову. 1780 г., ноябрь (Русский архив. 1873. Кн. II, № 7–12. Стб. 2247).

Таким образом, в XVIII столетии самодержавная идеология превратилась в неприкосновенную словесную ценность, воплотившуюся в лексике царских указов. В процессе сравнительного текстологического анализа эпистолярного материала, где речь идет о делах императорской службы, образе монарха, предназначении дворянского сословия, общепринятых морально-этических оценках личности и т.п., с формулировками высочайших рескриптов и манифестов было обнаружено буквальное сходство стереотипных фраз, полное совпадение стиля.

Однако целенаправленное и результативное воздействие власти на сознание господствующего сословия не привело к полной зависимости дворянина от официозных идеалов. За строгим следованием "присяжным" ценностям стояло не столько автоматическое повторение внушенных штампов, сколько ясно осознаваемое стремление продемонстрировать приверженность господствующим социальным идеалам. Детальный анализ социальных функций эпистолярных источников, отношений автора и адресата, а также условий ведения переписки, где встречаются запрограммированные высказывания, проникнутые пафосом государственности, позволяют отнести их к так называемым "вербализированным" ориентациям. Наибольшее количество понятий официальной идеологии встречается в письмах, оказывающих целенаправленное эмоциональное воздействие на адресата и рассчитанных на непосредственный эффект и действенную ответную реакцию. Высокопарная речь выполняла вполне конкретную функцию – продемонстрировать соответствие системы ценностей автора социальной роли, которую задавала ему самодержавная власть.

Многократно повторяющееся в переписке провозглашение "верноподданнической преданности" формировало устойчивую установку и обеспечивало живучесть некритически воспринятых идеалов в сознании дворянина. Упорные и частые обращения в среде дворянства к официальным идеалам оставляют впечатление чиновно-служилой экзальтации общественного сознания. Однако сфера действия самодержавной идеологии была ограничена лишь ситуациями, в которых по не зафиксированным, но четко отработанным нормам сословной этики требовалось подтверждение социальной лояльности. Но как только деятельность дворянина выходила из-под влияния этих контрольных ситуаций, давление верховных ценностей на его мотивационную систему ослабевало.

Несмотря на то что в последней трети XVIII в. многие современники признавали разлад между идеальной верноподданни-

ческой ролью и одержимым стремлением к обладанию статусом, далеко не все видели в этом противоречие. Жесткая конкурентная борьба в чиновной среде признавалась повседневной реальностью. Претензий на статус, должность, награду, сочетающихся с громогласным заявлением бескорыстной преданности интересам монарха и отечества, не стыдились. Не только в одном письме, но даже в одной фразе автор мог с наивной беззастенчивостью говорить об увеличении столовых денег, получении отпуска, повышении чина и т.п. и о высоких гражданских порывах, которые придавали просьбе весомость и делали ее оправданной. Прочная установка на социальный престиж поддерживалась групповым одобрением и целенаправленной политикой абсолютизма, который для "приохочивания" дворянства к службе не ограничивался лишь идеологическими заклинаниями. "Одной из основных особенностей русской культуры послепетровской эпохи, – писал Ю.М. Лотман, – было своеобразное двоемирие: идеальный образ жизни в принципе не должен был совпадать с реальностью. Отношения мира текстов и мира реальности могли колебаться в очень широкой гамме – от представлений об идеально высокой норме и нарушениях ее в сферах низменной действительности до сознательной правительственной демагогии, выражавшейся в создании законов, не рассчитанных на реализацию ("Наказ"), и законодательных учреждений, которые не должны были заниматься реальным законодательством (Комиссия по выработке нового уложения)"[49].

Идейное и психологическое единство любой устойчивой общности на ранних этапах ее формирования и консолидации обеспечивается с воодушевлением принимаемой автократической властью лидера[50]. По мере развития отношений внутри группы, усложнения индивидуального начала ее членов, роста их самосознания формируется так называемый горизонтальный механизм психологической сплоченности общности. Вертикально направленные психологические связи разрушаются, заменяясь более глубинными и содержательными внутригрупповыми ориентациями. Однако в среде российского господствующего сословия этот закономерный и достаточно универсальный процесс был осложнен и даже драматизирован медленным болезненным развитием сословного самосознания дворянства. Усвоенные под

---

[49] *Лотман Ю.М.* В школе поэтического слова. Пушкин. Лермонтов. Гоголь. М., 1988. С. 295.

[50] Об этом подробнее см.: *Поршнев Б.Ф.* Социальная психология и история. М., 1979. С. 161–169.

монопольным влиянием официозной идеологии представления о социальной сущности и высокой миссии своего сословия, слуги́ царя и отечества, создавали мощные заслоны для осознания собственно классовых интересов дворянства. Диктуемая верноподданническая роль не могла обеспечить стабильной психологической сплоченности служилого сословия. Господствующие ценностные ориентации на успешную карьеру не объединяли, а, напротив, изолировали прямых вассалов монарха. Отсутствие слоя земельной наследственной аристократии, мощные владения которой определялись бы неделимостью вотчин, вертикально направленный механизм психологической сплоченности высшего класса, ориентированный на сакрализованный авторитет престола, и слабое развитие сословного самосознания дворянства, предопределили отход от монарха оппозиционно настроенной образованной элиты и раскол в среде господствующего сословия. Преодоление несбалансированного психологического состояния дворянства пойдет по пути отрицания общепринятых ориентиров и формирования новой системы ценностей, альтернативной официозной “присяжной” идеологии.

“Холоп”, “раб”, “подданный”

Российское общество XVIII в. было сословным не только с точки зрения объективных социальных характеристик положения различных групп, но также в восприятии современников и власти. Как уже отмечалось, все население страны подразделялось для самодержавия на страты, каждая из которых имела свой спектр обязательств перед престолом, “прилежа к исправлению и наблюдению своего звания и присяги”[1]. Но именно в высочайших указах и манифестах XVIII столетия появляются универсальные формулировки смысла верноподданнического долга. Однако в данном случае речь идет не о декларативном интересе русских монархов к ценностям европейского Просвещения, в том числе и к абстрактным идеям социального равенства. Улавливаемые по некоторым официальным документам мотивы общего для всех “государственных жителей”[2] патриотического долга перед отечеством были связаны прежде всего с установлением абсолютизма, ростом могущества самодержавия и дальнейшей сакрализацией личности монарха. Символ “державного” правителя, возвышаясь над обществом, объединял все население страны, которую власть воспринимала в качестве своеобразного подножия престола. Характерно, что именно с правления Петра I в официальной доктрине появляется собирательный образ подданного, лишенный определенных социально-сословных характеристик.

При этом если формулировки “Наш народ”, “все обитатели вверенной Нам от Бога пространной Империи”, “весь вверенный

---

[1] ПСЗ. Т. XVI. 1762. № 11687. С. 86. См. также, например: Екатерина II. Собственноручные черновые бумаги о должности (первых трех классов). Б/д. (РГАДА. Ф. 10. Оп. 2. Ед. хр. № 327).

[2] См., например: Копия в Дирекционную Комиссию из Комиссии о разделении на роды государственных жителей // РГАДА. Ф. 10. Оп. 2. Ед. хр. 275. Л. 1–3; и др. Екатерина прекрасно осознавала необходимость установить с этими “государственными жителями” “обратную связь”, от эффективности которой будет, в конечном счете, зависеть устойчивость ее правления. Подобной стратегией политического мышления обладали далеко не все ее приближенные, с чьим непониманием императрица иногда сталкивалась. Так, получив письменно сформулированные мнения о “Наказе”, она вынуждена была вступить в своеобразный диалог, в частности, с депутатом Уложенной комиссии В.Г. Баскаковым. Но вопрос “несоблаговолено ли будет ограничить чем или изъяснить как далеко последовать обязан законодавец в умствование народа... ибо слепо следовать сему почитаю неудобным”, императрица на полях записала: “Это лучше чувствовать можно, нежели сказать, понеже от одного правдивого рассудка зависит” (РГАДА. Ф. 10. Оп. 1. Ед. хр. 8. Л. 3 об.; см. не совсем точную публикацию этих материалов: Сб. РИО. 1872. Т. 10. С. 75–87).

Нам от Всевышнего народ", "Наши подданные"[3] и т.п., иначе говоря, термины, идентифицирующие все население государства, довольно часто встречаются в официальных документах, то понятия, отражающие специфику взаимоотношений власти и личности значительно сложнее вычленить в историческом материале. В этом плане интересную информацию могут содержать образцы посланий на высочайшее имя. Формуляры и порядок подачи прошений, официально установленные наименования в подписях авторов петиций и челобитных, титулатура монарха являлись своеобразным механизмом социального контроля над населением.

Практика посланий на высочайшее имя существовала со времен Древнего Мира и может, пожалуй, считаться неотъемлемым атрибутом любой монархии. В обращениях к монарху заключена прочно укоренившаяся вера подданных в справедливость и милосердие верховного правителя. Свидетельства о подаче челобитных великому князю, а позднее царю, относятся к XV–XVI вв.: "жалобники" упоминаются в первом общероссийском своде законов 1497 г., а также в Судебниках 1550, 1559, 1589 гг. и, наконец, в Соборном Уложении 1649 г.[4] К XVIII столетию челобитные становятся важнейшей частью политической жизни страны, главным легитимным средством, к которому прибегало население, защищая свои права. К царю с надеждой взывали представители практически всех сословий и социальных групп: писали посадские люди и купцы, писали дворцовые и черносошные крестьяне, статус которых давал им основание воспринимать монарха как своего непосредственного господина, писало духовенство, признавая главенство светской власти над патриархом, осмеливались писать частновладельческие крепостные, видевшие в своем помещике лишь временного и действительно условного владельца земли, издревле принадлежащей царю и общине, писали, наконец, наиболее приближенные к престолу служилые люди. Царю шли петиции и индивидуальные жалобы, которые просители часто были вынуждены передавать через посредников, но ни один выход двора не мог обойтись без попыток вручить челобитную лично монарху в руки[5].

---

[3] См., например: ПСЗ. Т. VI. 1721. № 3718. С. 314; № 3778. С. 386; Т. XVI. 1762. № 11582. С. 3; № 11597. С. 12; № 11720. С. 126; и др.

[4] Судебник 1497 г. Ст. 2; Судебник 1550 г. Ст. 7; Судебник 1589 г. Пространная редакция. Ст. 8, 11, 34, 79 // Судебники XV–XVI веков. М.; Л., 1952. С. 19, 142–143, 375–376, 380, 386; Соборное Уложение 1649 г. Л., 1987. С. 38–39.

[5] В XVII в. 1 сентября на Симеона Летопроводца государи выносили свое личное решение по всем жалобам. Из грамот Михаила Федоровича и Алексея Михайловича видно, что монастырским людям и крестьянам назначалось три срока в году приносить личные челобитные верховному правителю: на Семенов день, Троицын день и Рождество (Круглый год. Русский земледельческий календарь. М., 1989. С. 336).

Этот нескончаемый поток откровений на высочайшее имя воспроизводил реалии повседневной жизни русского общества, действительно насущные проблемы людей, их отношение к власти и мировосприятие в целом. Собственно, именно в таком ракурсе и оценивалась информативная значимость челобитных как исторического документа[6]. Однако практика жалоб царю, а также регулирующие ее акты и постановления содержат важные, не прочитываемые часто по другим источникам сведения, касающиеся механизмов влияния официальной идеологии на сознание личности. В данном контексте происходящая в XVIII в. эволюция законодательства, обеспечивающего в той или иной мере диалог престола и подданных, еще не рассматривалась в историографии.

Постепенное усложнение социальной жизни русского общества обусловило быстрый рост числа челобитных и расширение круга проблем, затрагиваемых в жалобах, что привело в конечном итоге к жесткой регламентации их формуляра, а также к возникновению специальных правительственных органов для ограничения потока посланий на высочайшее имя и их фильтрации. При Петре I функции Челобитного приказа, где разбирались жалобы государю, перешли к созданному в 1704 г. Кабинету Его Императорского Величества, а затем, уже в царствование Екатерины II, к Канцелярии статс-секретарей, которая была учреждена в 1763 г. и делилась на канцелярию "у собственных дел" и "у принятия челобитен" (с 1786 г. "у принятия прошений"). На протяжении XVIII в. постоянно выходили именные и сенатские указы, регламентирующие процедуру подачи петиций и прошений на высочайшее имя: "о неподаче Государю прошений о таких делах, которые принадлежат до рассмотрения на то учрежденных Правительственных мест, и о нечинении жалоб на Сенат, под смертною казнью", "о неподаче и непринимании челобитен с поносительными и к делу не принадлежащими словами", "о неподавании прошений Ее Императорскому Величеству лично" и т.д.[7] Анализ законодательства, упорядочивающего содержание, стилистику и объем поступающих на имя монарха посланий, свидетельствует, что власть заботилась не столько об обеспечении быстрого реагирования на жалобы, сколько о сокращении потока прошений и перенесении большинства возникающих проблем в компетенцию органов местного

---

[6] См., например: Крестьянские челобитные XVII в.: Из собраний Государственного Исторического музея. М., 1994. С. 3–4.

[7] ПСЗ. Т. V. 1718. № 3261. С. 603; 1719. № 3475. С. 772–773; Т. XVI. 1764. № 12240. С. 897; Т. XVII. 1767. № 12903. С. 133–134; и др.

управления. В то же время правительство использовало формуляр столь популярных в различных слоях общества челобитных государю, в частности жестко обозначенную терминологию жалобы и само наименование послания на высочайшее имя, как один из каналов влияния на сознание подданных.

К концу XVII в. социальная иерархия общества и представления о ней власти следующим образом отражались в "понятийном аппарате" прошений на высочайшее имя: представители податного населения должны были подписываться "сирота твой", духовенства – "богомолец твой", а служилым людям следовало именовать себя "холоп твой"[8]. Традиционно, со времен Русской Правды, холопом считался человек несвободный, "крепкий земле и господину, дворовой, либо купленный раб"[9]. В русском языке бытовали понятия "кабальный", "полный", "обельный", "докладной" холоп. Однако наряду с определениями, отражающими путь к несвободному положению, данное понятие использовалось для наименования приближенной к верховной власти знати.

В историографии нет единого мнения по поводу истоков этой традиции. Существует точка зрения, расценивающая подобную социально-политическую терминологию как намеренное уподобление взаимоотношений монарха и элиты зависимости несвободного человека от своего господина[10]. Другие специалисты усматривают в понятийном отождествлении верхушки общества и "холопов" наследие поздней Византии, где представители знати могли именоваться рабами императора[11]. В наиболее аргументированной, на мой взгляд, концепции это укоренившееся с конца XV в. в государственной практике Московской Руси обращение великого князя, а затем и царя, к подданным связывается с

---

[8] См.: *Волков С.С.* Лексика русских челобитных XVII века: формуляр, традиционные этикетные и стилевые средства. Л., 1974. С. 48–49.

[9] *Даль В.И.* Толковый словарь живого великого русского языка. СПб., М., 1882. Т. 4. С. 559. См. также, например: *Срезневский И.И.* Материалы для словаря древнерусского языка по письменным памятникам. СПб., 1903. Т. 3. Стб. 1384–1385; Словарь Академии Российской, по азбучному порядку расположенный. СПб., 1822. Ч. VI. Стб. 1171–1172.

[10] См., например: *Кобрин В.Б., Юрганов А.Л.* Становление деспотического самодержавия (К постановке проблемы) // История СССР. 1991. № 4. С. 216–220.

[11] *Köpstein H.* Zur Sklaverei im ausgebenden Byzans. B., 1966. 33 ff; *Alef G.* The Origins of Muscovite Autocracy // Forschungen zur osteuropäischen Geschichte. 1986. Bd. 39. S. 75; *Poe M.T.* What did Russians Mean When They Called Themselves "Slaves of the Tsar"? // Slavic Review. 1998. Vol. 57, N 3. P. 586–594; *Idem.* "A People Born to Slavery". Russia in Early Modern European Ethnography, 1476–1748. Ithaca; L., 2000. P. 208–209.

ордынским влиянием. Зависимые от Ивана III знатные люди начали в обязательном порядке именоваться "холопами" – т.е. так, как было принято называть вассалов хана, – после того как великий князь обрел независимость от ордынского "царя" и сам стал претендовать на царское достоинство. Данная трактовка отрицает непосредственную связь употребления термина "холоп" в официальном обращении знати Московии к своему верховному правителю и с реалиями Византии, и с внутрирусскими отношениями господ и несвободных, зависимых от них людей. По мнению А.А. Горского, «появление обозначения "холоп" при обращении знатных людей к правителю не являлось следствием ужесточения их зависимости: оно имело целью не уничижение знати, а поднятие статуса великого князя, т.к. приравнивало его к правителям "царского" ранга»[12].

Таким образом, к XVIII столетию понятие "холоп" приобрело в русском языке двоякое и даже внутренне конфликтное значение: с одной стороны, это наименование носили закабаленные люди, часто близкие по своему положению к рабам, а с другой – оно адресовалось элите общества, выражало особую близость к престолу и потому воспринималось как весьма престижное. В посланиях на имя монарха представители низших социальных слоев, пытаясь самовольно повысить свой статус, нередко вместо "сирот" подписывались "холопами". Именно этот факт и побудил Петра I в декабре 1700 г. запретить "не по чину" именовать себя в посланиях царю. В "памяти", направленной из Ратуши в Брянск "Земским Таможенникам и кабацким Бурмистрам", которая, как и многие акты казуального российского законодательства XVIII в., непосредственно касалась всего непривилегированного населения, говорилось: "Изо многих городов земские и таможенные и кабацкие Бурмистры к Великому государю пишутся в отписках *холопами*, которых чинов напред сего писались *сиротами*; и буде впредь кто станет так писаться, и за то учинено будет наказание"[13].

Однако действие этого акта оказалось недолговечным – уже 1 марта 1702 г. формуляр посланий монарху был изменен именным указом Петра "О форме прошений, подаваемых на высочайшее имя": "На Москве и во всех городах Российского царства Царевичам и Боярам и Окольничим и Думным и Ближним и служилым и иноземцам и купецким и чернослободским и всякого чину людям писать в челобитных, Свою Государскую честь,

---

[12] *Горский А.А.* О происхождении холопства московской знати // Отечественная история. 2003. № 3. С. 82.

[13] ПСЗ. Т. IV. 1700. № 1819. С. 91.

новым изложением, в начале: *Державнейший Царь*, *Государь Милостивейший*, и потом писать дело, а перед прошением, вместо милосердого *Всемилостивейший Государь, прошу Вашего Величества* и потом прошение, а по прошении совершить *Вашего Величества нижайший раб* и под тем писать челобитчикам имена свои с прозванием и месяц и число и год; а по прежнему обыкновению в челобитных Его Царского Именования Титл не писать[14]. И сей Свой Великого Государя Именной указ в Судном Московском приказе записать в книгу"[15].

Многие артикулы первой четверти XVIII в. сопровождались развернутыми толкованиями, а некоторые законодательные акты, вышедшие из-под пера императора, содержали исторические экскурсы и даже исповедальные признания[16]. Однако указ "О форме прошений, подаваемых на высочайшее имя" отличался краткостью содержания, императивным тоном и был лишен каких-либо объяснений. Этот факт в известной мере можно связать с тем, что приказ "всякого чину людям", а также находящимся на территории государства иностранцам именовать себя в посланиях на высочайшее имя "рабами" был следствием скорее политической интуиции Петра, чем его длительных размышлений. Между тем решение об изменении формуляра прошений подчинялось стратегии правительства и общей атмосфере политической жизни России первой четверти XVIII в.

Единое наименование для всего населения, находящегося под юрисдикцией монарха, соответствовало идеалу "регулярного", "политизированного" государства, к которому должно было стремиться "обученное и исправленное" Петром Отечество[17]. Унифицированной для всех челобитных на высочайшее имя формой подписи, по всей видимости, могло стать и понятие "холоп", однако был выбран другой, хотя и достаточно близкий по смыс-

---

[14] С середины 80-х годов XVII в. и до указа Петра начальные элементы обращения к царю в челобитных звучали как "великому государю царю", далее следовали имя и отчество царя и его сокращенный (для внутригосударственного употребления) титул (См.: *Волков С.С.* Лексика... С. 32–34).

[15] ПСЗ. Т. IV. 1702. № 1899. С. 189.

[16] "... Посмотря на Духовный чин и видя в нем много нестроения, несуетный на совести Нашей возымели мы страх, – сказано в манифесте к Регламенту, или Уставу, Духовной коллегии, – да не явимся неблагодарны Вышнему... [если] пренебрежем исправление чина Духовного" (Там же. Т. VI. 1721. № 3718. С. 314).

[17] См. об этом: *Пекарский П.П.* Наука и литература при Петре Великом. Введение в историю просвещения в России XVIII столетия. СПб., 1862. Т. 1. С. 27; *Benz E.* Leibniz und Peter der Grosse. Der Beitrag Leibnizens zur russischen Kultur-, Religions- und Wirtschaftspolitik seiner Zeit. B., 1947.

лу, термин – "раб". Подобное решение, на мой взгляд, прямо или косвенно мотивировалось целым рядом обстоятельств. Во-первых, сохранение наименования "холоп твой" и признание его обязательным для авторов прошений, вне зависимости от их статуса и чина, неизбежно распространяло на все население официальное обращение, адресованное лишь знати. Во-вторых, понятие "холоп", как уже отмечалось, имело в глазах современников и уничижительное, и престижное значение и было тесно связано с историческими реалиями русской жизни. Петр остановился на более книжном, литературном термине "раб", который не являлся столь исторически ассоциативным и не совпадал со словом "chłop" ("мужик", "крестьянин") соседней Польши, откуда в XVII – начале XVIII в. шло особенно сильное лингвистическое влияние[18].

Объединение населения страны наименованием "раб" в отношении верховного правителя означало терминологическую фиксацию роста самодержавной власти и увеличение дистанции между престолом и подданными. В свою очередь, официально заданная единая подпись в челобитных на высочайшее имя не могла не воздействовать на сознание авторов, которые поголовно по царскому указу теперь именовались "рабами". Общий для всех формуляр "Вашего Величества нижайший раб" в конечном итоге способствовал дальнейшей унификации общества, в котором главным объединяющим символом был образ самодержца. Терминология прошений и отражала, и стимулировала сакрализацию личности монарха в русском общественном сознании, что, кстати, подтверждает и смысловое наполнение некоторых русских пословиц: "раб Божий всякий человек", "пред Богом все рабы". Главный идеолог петровского царствования архиепископ Феофан Прокопович не раз объявлял Петра "министром Всевышнего", через "державнейшее" посредничество которого получает народ милость Божию, и напоминал, что "противляться властям" означает "противиться Богу самому"[19].

В данном контексте понятие "раб" было практически лишено уничижительного значения[20]. В России XVIII в., где служба

---

[18] См.: *Черных П.Я.* Историко-этимологический словарь современного русского языка. М., 1994. Т. II. С. 348–349.

[19] *Феофан Прокопович*. Сочинения. М.; Л., 1961. С. 91, 115, 124.

[20] Неслучайно в немецко-русском словаре XVII в. понятие "раб слову Божию" переводится как "Diener des Wortes Gottes" (букв.: служитель Божьего слова), а собственно слово "раб" передается терминами "Knecht", "Lackey" (букв.: слуга, лакей). (Teutscher, und Reussischer, Dictionarium. Das Wiener deutsch-russische Wörterbuch. B., 1984. S. 127, 302, 314. Приношу благодарность профессору Х.-Х. Нольте за предоставленную информацию).

монарху возводилась в ранг важнейшей мировоззренческой ценности, роль "слуги царя" столь же возвышала подданного, как смирение "раба Божьего" украшало праведника. Это обстоятельство снимает возникающее на первый взгляд противоречие между введением официального наименования "нижайший раб" и отдельными фактами правления Петра, который, по свидетельству современников, запретил падать на улице перед ним на колени, мог лично принимать жалобы и прошения от простых людей и жестко требовал их немедленного рассмотрения в Сенате[21].

Анализ прошений на высочайшее имя после 1702 г. свидетельствует, что новый формуляр, и в частности подпись "Вашего Величества нижайший раб", легко был усвоен челобитчиками и быстро перешел в разряд автоматически воспроизводимых штампов[22]. Официально заданное наименование подданных сохранялось и неоднократно подтверждалось[23] вплоть до 1786 г., т.е. до указа Екатерины II "Об отмене употребления слов и речений в прошениях на Высочайшее имя и в Присутственные места подаваемых челобитен". В императорском повелении, объявленном "во всенародное известие", изменялась идентификация самого факта обращения к монарху и название послания: "...Отныне впредь, вместо подаваемых до сего на имя Ее Величества *челобитен*, как к Ее Величеству, так и в Присутственные места по исковым и другим делам, писать жалобницы или прошения, в коих после титула Ее Величества *бьет челом*, ставить: *приносит жалобу*, или *просит имярек*". Кроме того, принципиально трансформировалась словесная форма выражения зависимости автора послания от престола: "...В присылаемых же к ее величеству письмах и реляциях или донесениях, по окончании оных, вместо *всеподданнейшего раба*, подписывать просто: *всеподданнейший*, или *верный подданный*; а равным образом в патентах, присяжных листах и во всех прочих бумагах, где до сего

---

[21] См., например: *Мезин С.А.* Образ идеального монарха в массовом историческом сознании XVIII века (на материале "анекдотов" о Петре Великом) // Canadian-American Slavic Studies. 2004. Vol. 38, N 1–2. P. 61–82.

[22] См., например, письма Ф.М. Апраксина Петру (РГАДА. Ф. 9. Кабинет Петра Великого. Отд. II. Кн. 11. Л. 25–26, 38–39; Handschriftenabteilung der Göttinger Universitätsbibliothek, 2° Cod. Ms. Asch 171 Beil.). Установленная формула "нижайший раб" со временем обросла и другими выразительными определениями – "последний", "подданный", "страждущий" и т.п. См., например, прошение В.Б. Голицына. 1775 г., июль (ОР РГБ. Ф. 64. Голицыны. Карт. 94. Ед. хр. 17. Л. 4 об.–6).

[23] Так, в 1721 г. в связи с изменением титула российского монарха и провозглашением его императором еще раз был определен формат подписи в челобитных и отписках: "Вашего Императорского Величества нижайший раб имярек" (ПСЗ. Т. VI. 1721. № 3850. С. 453–454).

слово *раб* включаемо было, вместо онаго употреблять имя: *подданный*"[24].

Безусловно, смысловым центром указа являлся запрет на использование во всех официальных бумагах понятия "раб" в качестве наименования, характеризующего отношения личности и престола. Это одно из многочисленных "семиотических" преобразований власти отменяло уже сложившуюся традицию этикетной формы выражения зависимого положения. Во второй половине XVIII в. термин "раб" был общеупотребительной подписью в самых различных посланиях, от писем отцу[25] до представляемых Екатерине II планов и проектов крупных сановников. Показательно, что шаблонная формула "всеподданнейший раб" стояла в конце даже таких серьезных политических документов, не имеющих ничего общего с жалобами и прошениями, как "Генеральный план воспитательного дома" И.И. Бецкого или "Доклад о государственном правлении" Н.И. Панина[26]. В данной стереотипной фразе понятие "раб" имело метафорический смысл, далекий от содержания слов "невольник" или "обращенный в собственность", и приближалось по своему значению к этикетной подписи "покорнейший слуга". В посланиях на высочайшее имя, лишенных, в отличие от челобитных, строгого формуляра, приближенные императрицы использовали эти формулы как тождественные и взаимозаменяемые[27].

Между тем императрица все же идет на запрет условного трафарета и при этом, подобно Петру, никак не комментирует свое решение. Логично, однако, было бы предположить, что в данном случае ученица Вольтера следовала риторике Просвещения[28], отдавая на сей раз должное гуманистическому учению не только в письмах философам, но и в указе, подлежащем исполнению. По всей видимости, стремлением к просветительской стилистике

---

[24] ПСЗ. Т. XXII. 1786. № 16329. С. 534.

[25] См., например, письма С.Р. Воронцова и А.Р. Воронцова отцу (Архив князя Воронцова. М., 1872, 1880. Кн. 5, 16).

[26] См.: ПСЗ. Т. XVIII. 1767. № 12957. С. 292; Т. XIX. 1772. № 13909. С. 635; ОР РГБ. Ф. 16. Карт. 16а. Ед. хр. 23, 29, 31, 32.

[27] См., например: ПСЗ. Т. XVIII. 1767. № 12957. С. 292.

[28] Вероятно, сыграла свою роль свойственная эпохе несколько идеалистическая вера в силу разумного законодательства, строгое подчинение которому должно было преобразить и страну, и людей. Будучи еще юной великой княгиней, Екатерина писала: "Свобода, душа всего, без тебя все мертво. Хочу повиновения законам, но не рабов; хочу общей цели – сделать счастливыми, но вовсе не своенравия, не чудачества, не жестокости, которые несовместны с нею" (Собственноручные заметки Великой княгини Екатерины Алексеевны // Сб. РИО. 1871. Т. 7. С. 84).

можно объяснить и искоренение архаичных уничижительных формул "челобитная", "бить челом"[29] и замене их на производные от "просить", "жаловаться", "приносить жалобу" и т.п. Подпись же "верноподданный раб", согласно указу, трансформировалась в посланиях на высочайшее имя в понятие "верный подданный". Подобный терминологический выбор власти стал лаконичным выражением провозглашенного и узаконенного изменения официальной концепции отношений престола и личности, а также импульсом для развития института подданства в российском обществе и дальнейшего осмысления этого понятия.

Понятие "подданный" пришло в русский язык из латинского (*subditus*) через польское влияние (*poddany, poddanstvo*)[30]. В XV–XVI вв. этот термин наиболее часто употреблялся в значении "подчиненный, зависимый, покоренный" при описании взаимоотношений монарха и населения зарубежных государств. Лишь с XVII столетия слово "подданный" начинает активно использоваться для характеристики "подверженности" жителей Московской Руси власти царя и приобретает другой смысловой оттенок, выражающийся в понятиях "преданный, верный, покорный"[31]. В XVIII в. эти два нюанса значений термина "подданный" сохраняются, причем последнее становится все более общеупотребительным, пока не превращается в устойчивую часть этикетной подписи "верноподданный раб" в посланиях на высочайшее имя. Двоякое значение понятия было зафиксировано и в словаре Российской Академии, где приводились слово "подданный" в значении "подлежащий власти Государя или другого какого верховного правителя" и слово "подданнейший", "употребляемое в прошениях от подданных к Государю"[32].

Законодательство XVIII столетия, особенно его второй половины, свидетельствовало об усложнении официальной трактовки института подданства и все более интенсивном использовании властью этого понятия в качестве орудия социального контроля. Терминологический анализ исходящих от престола документов обнаружил дифференцированное отношение к подданным империи: абсолютизм екатерининского царствования различал

---

[29] См. об истории термина: *Poe M.T.* "A People Born to Slavery". P. 210–211.

[30] *Фасмер М.* Этимологический словарь русского языка. М., 1971. Т. III. С. 296. См. об этом в частности: *Madariaga I.* Autocracy and Sovereignty // *Madariaga I.* Politics and Culture in the 18th-Century Russia: Collected Essays. L., 1998.

[31] См., например: Словарь русского языка XI–XVII вв. М., 1995. Вып. 20. С. 248; Словарь русского языка XVIII в. Л., 1988. Вып. 4. С. 147–148.

[32] Словарь Академии Российской. Ч. IV. Стб. 1255–1256.

“старых”, “древних”, “природных” и “новых” подданных, кроме того – “беглых”, “ушедших из страны” подданных и “иностранцев, присягающих на российское подданство”, “временных” и «постоянных» подданных, в официальных текстах также упоминаются “надобные”, “полезные”, “просвещенные”, “истинные” верноподданные, и, наконец, признается существование “знатных” и “низких” подданных. Эта отразившаяся в официальной доктрине своеобразная градация жителей расширяющей свои границы державы не совпадала с сословной иерархией, поскольку зависела не от статуса той или иной социальной группы, а напрямую определялась степенью заинтересованности самодержавия в конкретной части населения страны. Именно через понятие “подданство” выражалась реальная взаимосвязь государства и общества, которая функционировала в масштабе всей империи, действовала в рамках сословной политики престола и существовала на уровне отношений личности и власти, персонифицированной в образе монарха. Неслучайно в словаре Российской Академии под “подданством” понимается “состояние подданного в рассуждении Государя”[33].

Сопоставление обстоятельств публикации высочайших указов свидетельствует, что проблема подданства актуализировалась в обращениях власти к обществу после екатерининского переворота в июне 1762 г., после кровавых событий восстания Пугачева, а также в связи с присоединением к России новых территорий, определением иностранцев на русскую службу, при заселении немецкими колонистами пустующих земель Поволжья и, кроме того, разрабатывалась в концепции Воспитательного дома, предназначенного для создания “новой породы людей”. Столь разные, на первый взгляд, по содержанию и социальным функциям документы так или иначе были порождены новыми, нестандартными ситуациями в отношениях самодержавия и жителей империи, на сознание которых требовалось особое воздействие.

В абсолютистском государстве смена правящего монарха всегда чревата волнениями. Хорошо известно, что особенно шатким было положение великой княгини Екатерины Алексеевны, которая в июне 1762 г. провозгласила себя самодержицей при трех претендентах, имеющих более веские династические основания на занятие российского престола. Сверженный в результате

---

[33] Там же. См. об “иностранных подданных”: *Захаров В.Н.* Западноевропейские купцы в российской торговле XVIII века. М., 2005.

гвардейского заговора Петр III, подросток Павел Петрович и несчастный сын Анны Леопольдовны Иоанн Антонович Брауншвейгский могли рассчитывать на сочувствие определенных групп в обществе и потому представляли реальную угрозу для зыбкой власти новой императрицы. Именно поэтому манифесты на вступление на престол и коронацию Екатерины II должны были прозвучать в высшей степени убедительно, "клятвенное обещание" стать действительно непреложной заповедью для присягнувшего подданного, а верность государыне – ценностью большей, чем благополучие и даже жизнь[34].

В манифестах, обосновывающих легитимность правления императрицы, просматривается собирательный образ верноподданных, "духовных, военных, гражданских", которые в едином порыве поддерживают воцарение Екатерины и "с усердием учиняют присягу в верности". Власть выдвигает несколько символов, сплачивающих все население страны вокруг престола: "закон Наш Православный Греческий", "слава Российская, возведенная на высокую степень своим победоносным оружием", и "внутренние порядки, составляющие целость Нашего Отечества". Новая государыня "вверенной ей от Бога Всевышнего" властью берет на себя попечение о подданных, которые в свою очередь клянутся "верно и нелицемерно служить и во всем повиноваться" и "о ущербе Ее Величества пользы благовременно объявлять". В данных высочайших документах все жители страны именуются "верноподданными", а также "прямыми сынами отечества" и "добрыми Ее Императорского Величества рабами"[35].

---

[34] Именно в XVIII в. верность присяге соединилась в сознании дворянина с представлением о чести. Неслучайно в знаменитой повести о нравственном развитии благородного российского шляхетства старший Гринев служил при графе Минихе, который во время переворота 1762 г. сохранил преданность императору Петру III. Младший Гринев, унаследовавший воспитанную в отце верность данному слову, как "природный дворянин", не сможет изменить присяге даже под угрозой казни. Собственно импульсом и к выступлению на Сенатской площади, окрестившему элиту высшего сословия декабристами, послужила отмена присяги, которую вся страна принесла Константину Павловичу.

[35] ПСЗ. Т. XVI. 1762. № 11582. С. 3–4; № 11598. С. 12–13. Велеречивые прославления пекущегося о благе подданных монарха были в целом характерны для абсолютистских режимов XVIII в. с их идеологией патернализма. Так, в документе, подтверждающем ратификацию перемирия между Россией и Турцией в мае 1772 г., верховный визирь Порты Мусин-Оглы так воспевал султана: "Всепресветлейший, Державнейший, правдивейший Император, Всемилостивейший мой Государь ⟨...⟩ И так все рабы и обитатели земель да благодарят за показанную малейшую им милость..." (Там же. Т. XIX. 1772. № 13822. С. 525–526).

Манифесты 1773–1774 гг. “о преступлениях казака Пугачева”, “о бунте казака Пугачева и о мерах, принятых к искоренению сего злодея” и т.п. объявлялись также во “всенародное известие” и были адресованы “всем Нашим верным подданным”. Однако в столь драматичный для самодержавной власти момент общество уже не столько объединялось образом монархини, сколько жестко разделялось на “предателей отечества”, на “несчастных людей, погруженных во тьму невежества”, “забывших долг и присягу” и потому “примкнувших к злодею”, с одной стороны, и большинство “носящих достойно имя Россиянина”, “послушных законам”, “преданных начальству” – с другой. Характерно, что в этих документах внушалась как обязанность повиновения, так и вера в искреннюю заботу императрицы о “вверенном ей народе”, в среде которого “оказались внутренние враги отечественного покоя”. Власть пыталась передать всю глубину вероломной неблагодарности “самозванца и его способников”, “взбунтовавшихся” несмотря на “беспрерывный труд и неутомимое рвение” государыни “к благосостоянию подданных”. На первый взгляд может показаться странным появление в законодательных актах сразу после разгрома восстания Пугачева официальной версии “общественного блага”, предполагающего “Христианское благочестие, поправление законов гражданских, воспитание юношества, пресечение несправедливости и пороков, искоренение притеснений, лихомани, взятков, умаление праздности и нерадения к должностям”[36]. Между тем усилия потрясенного масштабами бунта окружения Екатерины были направлены не только на беспощадное подавление “злодейской толпы”, но и на укрепление позиций государственной власти, в том числе и в сознании подданных.

Однако действительно обстоятельное толкование института подданства было связано не со сменой правящего монарха и не с народным возмущением, охватившим почти половину территории Европейской России, а с присоединением к расширяющейся империи новых земель после победы над Портой и разделов Польши. Необходимость включения населения завоеванных областей под юрисдикцию Петербурга требовала особенно четкой трактовки понятия подданства, над которым не слишком задумывались жители исторического центра России, именуемые в высочайших указах одновременно и “детьми”, и “гражданами”, и “рабами”, и “верноподданными”. Замечу, что речь здесь идет не в целом о национальной и религиозной политике российского

---

[36] См., например: ПСЗ. Т. XIX. 1773. № 14091. С. 885; 1774. № 14230. С. 1064–1065.

абсолютизма, имеющей богатейшую историографию[37], а об идеологическом обосновании действий престола в присоединенных областях и каналах воздействия на сознание "новых подданных", а также "иноверцев" среди "древних подданных".

Указы о принятии "под Российскую державу" населения "полуострова Крымского, острова Тамани и всей Кубанской стороны", а также провинций Польши включали довольно ограниченный набор условий, предполагавших вступление в новое подданство, а именно – присягу на верность, сбор "всех публичных доходов в казну" и осуществление "суда и расправы" по местным обычаям, но "под российскими законами, именем и властью Ее Императорского Величества". Учитывая столь мягкие требования, следует отдать должное гибкой тактике екатерининского абсолютизма, декларировавшего отказ от взрывоопасной политики форсированной унификации присоединяемых территорий. Екатерина в официальных манифестах ограничивалась лишь упоминанием о самом общем соблюдении законов и о налогах, направляя основные идеологические усилия на "присвоение сердец всех людей, живущих в новоприкосновенных землях", чтобы "должное к новой власти повиновение вкорено и обнадежено быть могло". Так, в наказе, данном в 1772 г. губернаторам Псковской и Могилевской губерний генерал-майорам Каховскому и Кречетникову, провозглашалось стремление российского престола, "чтоб не токмо сии Провинции силою оружия были Нам покорены, но чтоб "добрым, правосудным и снисходительным управлением Российской Империи" все жители "сами причину имели почитать отторжение свое от Анархии республики Польской за первый шаг к их благоденствию"[38]. Показательно, что даже первые шаги по "установлению твердого во всем основания и надлежащего порядка" не обошлись без адаптации социальных понятий. Так, в сентябре 1772 г. белорусский генерал-губернатор З.Г. Чернышев писал Екатерине: "...не соизволено ль будет указать начать по учрежденному порядку перепись душ; но как слово души в сих губерниях в сем случае необыкновенно, то назвать перепись сию поголовною переписью"[39].

---

[37] См. некоторые обобщающие работы: Национальные окраины Российской империи. Становление и развитие системы управления. М., 1997; *Kappeler A.* Rußland als Vielvölkereich. Entstehung, Geschichte, Zerfall. München, 1992; *Аполлова Н.Г.* К вопросу о политике абсолютизма в национальных районах России в XVIII в. // Абсолютизм в России. С. 355–388.

[38] См., например: ПСЗ. Т. XXI. 1783. № 15708. С. 897–898; Т. XIX. 1772. № 13850. С. 553–555; № 13807. С. 507–511.

[39] Там же. Т. XIX. 1772. № 13865. С. 571.

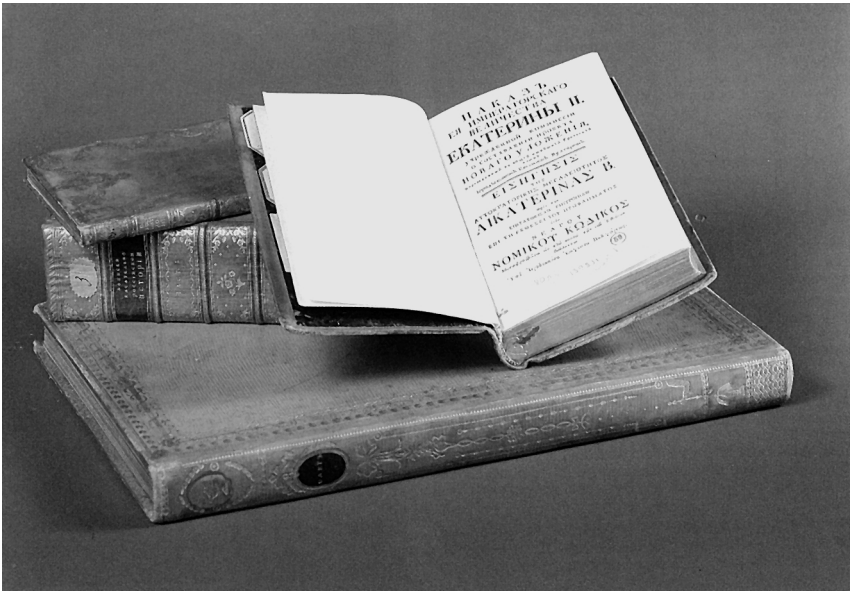
Одной из форм идеологического воздействия на сознание населения присоединяемых территорий стало терминологическое определение отношений с самодержицей: все жители "без различия звания и чина" объявлялись для представителей верховной власти "любезными согражданами", а для "Всемилостивейшей Государыни" – "новыми подданными", "усыновленными под Державу Российскую". При этом "новые подданные" силой высочайшего манифеста получали те же преимущества, что и "древние", "природные". Однако из объединяющих символов подданства молчаливо исключался "закон наш Православный Греческий" и настойчиво подтверждалась неприкосновенность исконной веры "подвластных" народов, а также "неограниченная свобода ее публичного отправления со всеми законными обрядами"[40].

Особый интерес представляет не только анализ эффективности политики конфессиональной толерантности, но и рефлексия власти по поводу собственного столь гибкого оперирования знаковыми образами государственного единства. Некоторая информация по данной достаточно сложно вычленяемой в историческом материале проблеме все же может быть обнаружена в инструкциях крупным чиновникам и военачальникам, откомандированным в присоединенные области. Этим сановникам екатерининского царствования особенно часто приходилось делать выбор в нестандартных ситуациях, когда "многое зависело от времени и случая", исключало "точные предписания" и определялось "усердием, которое само должно открыть надлежащую пору"[41]. В подобных обстоятельствах дальновидные решения принимались на основе общих представлений о "государственной пользе" и стратегии абсолютистского правления, в частности и в вопросах религиозной политики. Многообразие вероисповеданий коренных народов, включение в состав империи областей с неправославным и даже нехристианским населением и, наконец, активизирующийся в XVIII столетии приток иностранцев в Россию – все эти факторы требовали разумного прагматизма и в то же время его адекватного толкования хотя бы для представителей царской администрации. Характерно, что важнейшим теоретическим документом в данном случае выступал "Наказ" Уложенной комиссии.

Как уже упоминалось, в этом программном тексте российской официальной идеологии XVIII в. декларативно провозгла-

[40] Там же. Т. XVII. 1765. № 12307. С. 7–9; Т. XIX. 1773. № 14042. С. 827–832; Т. XXI. № 15798. С. 985–986; № 15263. С. 294–295; № 15830. С. 1010–1011; № 15833. С. 1013–1017; и др.

[41] Там же. Т. XIX. 1772. № 13808. С. 510.



Наказ Ее Императорского Величества Екатерины II Учрежденной комиссии о составлении проекта нового Уложения, переведенный на общий нынешний греческий язык иеродиаконом Евгением Булгаром. 1771 г.

шался расплывчатый символ "общего блага" и со всей определенностью самодержавие объявлялось единственно возможной формой правления на обширном пространстве "столь великого государства"[42]. Однако помимо ни к чему не обязывающих монархию броских обобщений просветительской доктрины и в то же время жестко задаваемого приоритета абсолютной власти императора в "Наказе" формулировались некоторые конкретные гуманитарные ценности, такие как пагубность пытки или недопустимость взяток, которые часто были далеки от повседневности, но тем не менее задавали довольно высокую планку политического сознания правящей элиты. Богатая непредсказуемыми поворотами социальная жизнь крепнущего и раздвигающего свои границы государства иногда наделяла эти вольные просветительские рассуждения силой исходящих от престола реальных инструкций, которым должны были следовать государственные чи-

[42] Наказ императрицы Екатерины II, данный Комиссии о сочинении проекта нового Уложения // Под ред. Н.Д. Чечулина. СПб., 1907. С. 3.

~~70~~ 1.
~~148~~ 1

Присяга депутатамъ вступающимъ въ Коммиссію о сочиненіи проекта новаго уложенія

Азъ нижеименованный помню, и симъ возобновляя мою въ подданнической вѣрности къ ЕЯ ИМПЕРАТОРСКОМУ ВЕЛИЧЕСТВУ присягу, обѣщаюсь и кленуся предъ всемогущимъ богомъ и святымъ его Евангеліемъ въ томъ, что я приложу мое чистосердечное стараніе въ великомъ томъ дѣлѣ сочиненія проекта новаго уложенія, для котораго я выбранъ отъ моихъ сограждан депутатомъ, соотвѣтствуя и ихъ на меня возложенной довѣренности, чтобъ сіе дѣло начато и окончено было въ правилахъ богоугодныхъ, человѣколюбіе вселяющихъ и добронравіе къ сохраненію блаженства и спокойствія рода человѣческаго, изъ которыхъ правилъ все правосудіе истекаетъ. Прошу при томъ всемогущаго бога, чтобы ниспослалъ мнѣ силу отвратить сердце мое и помышленіе отъ слѣпоты происходящей отъ пристрастія, собственныя корысти, дружбы, вражды и ненавистныя зависти, изъ коихъ страстей родиться бы могла суровость въ мысляхъ, и жестокость въ совѣтахъ моихъ. Самъ же буду поступать въ чемъ великомъ дѣлѣ по лучшему моему разумѣнію съ непремѣнною вѣрностію къ ЕЯ ИМПЕРАТОРСКОМУ ВЕЛИЧЕСТВУ моей всемилостивѣйшей Государынѣ Императрицѣ и Самодержицѣ всероссійской, съ ревностію ко службѣ ЕЯ и ЕЯ престола преемнику, съ усердіемъ къ любезному отечеству, съ любовію къ моимъ согражданамъ. Въ заключеніе сея моея клятвы о поведеніи моемъ при сочиненіи проекта новаго уложенія цѣлую крестъ и слова спасителя моего. Аминь. Въ чемъ и подписуюсь.

Святѣйшаго Правительствующаго Синода депутатъ Димитрій Митрополитъ Новгородскій.

Правительствующаго Сената депутатъ Кн. Михаила Вяземскаго

Къ присягѣ

Присяга депутатам, вступающим
в Комиссию о сочинении проекта нового Уложения. 1767 г.

новники[43]. Анализ екатерининского законодательства обнаруживает, что безрезультатное завершение деятельности Уложенной комиссии не означало еще превращение "Наказа" в лишенную всякого влияния стилизацию трудов Монтескье и других мыслителей эпохи Просвещения[44]. Императрица на протяжении всего правления при необходимости актуализировала те или иные положения своей политической программы в распоряжениях и рескриптах.

В том же именном указе от 1772 г., адресованном губернаторам Псковской и Могилевской губерний, следует отметить несколько обстоятельных ссылок на "Наказ" Уложенной комиссии, включающих цитаты и точное перечисление статей и глав этого документа. В частности, в указе говорилось: "Мы уже единожды навсегда во всей Российской Империи области за правило постановили, что в [с]толь великом Государстве... весьма бы вредный... был порок, запрещение, или недозволение их различных вер (смотри 494, 495 и 496 статьи Наказа Комиссии Уложения 1767 года). ⟨...⟩ ныне вам предписуем всех тех жителей... кои... присягу верности учинят... оставить при всем том, что каждый правильно имеет... Мы впрочем ссылаемся на V главу Наказа Комиссии Уложения, которая вам довольно объяснит обширное поле сей статьи без дальнего от Нас здесь распространения"[45].

Сравнительный анализ законодательных актов убеждает не только в стабильной стратегии самодержавия по отношению к населению западных территорий, но и в поразительной текстологической последовательности идеологического обоснования по-

---

[43] Екатерина весьма пристально следила за тем, чтобы текст "Наказа" был хорошо известен не только столичным, но и провинциальным чиновникам. См., например: Собственноручная записка императрицы Екатерины II относительно рассылки экземпляров "ново-общенародного узаконения" // РГАДА. Ф. 10. Оп. 2. Ед. хр. 56.

[44] "Наказ" включал не только обширнейшие цитаты из трактата "О духе законов", но также и выдержки из трудов энциклопедистов, Ч. Беккариа, Я. Бильфельда, Й.Х. Готтлоба фон Юсти, Ф. Кене (См. об этом, например: *Чечулин Н.Д.* Об источниках "Наказа" // ЖМНП. 1902. № 4. С. 306–317; *Мадариага И.* Россия в эпоху Екатерины Великой. М., 2002. С. 249–268). В исследовательской литературе, однако, редко упоминается и такой российский источник "Наказа", в частности главы XVI "О воспитании", как доклад И.И. Бецкого "Генеральное учреждение о воспитании обоего пола юношества", обнародованный 12 мая 1764 г. (См.: ПСЗ. Т. XVI. 1764. № 12103. С. 670).

[45] ПСЗ. Т. XIX. 1772. № 13808. С. 508–509, а также см., например: Там же. Т. XIX. 1773. № 14042. С. 831.

литики верховной власти на новых землях. В частности, инструкции, данные 28 мая 1772 г. М.В. Каховскому и М.Н. Кречетникову, "по коим они должны поступать при исправлении должностей губернаторов в присоединенных от Польши губерниях", а также плакат белорусского генерал-губернатора З.Г. Чернышева "о принятии под Российскую державу уступленных от Польши провинций" практически полностью совпадали по содержанию с именным указом тому же генералу М.Н. Кречетникову от 8 декабря 1792 г. "о распоряжении в польских областях" и манифестом 1793 г. "о присоединении польских областей к России"[46]. Создается впечатление, что спустя двадцать лет статс-секретари стареющей императрицы достали пожелтевшие указы и вновь пустили их в дело.

Сопоставление текстов указов 70-х и 90-х годов, в том числе и процитированных или упомянутых в них статей "Наказа", а также некоторых отвлеченных пассажей о веротерпимости, встречающихся в законодательных актах, позволяет приблизиться к пониманию стратегии самодержавия в отношении "иноверцев". Эта официальная концепция, как, впрочем, и другие идеологические обоснования реальной политики Екатерины, отличалась простотой и четко сформулированными приоритетами:

– Россия, "распространяющая свое владение над [с]толь многими разными народами", в конечном итоге признавалась государством многонациональным и поликонфессиональным, где любое ограничение в вере может быть чревато "возмущениями".

– Присоединение новых территорий и возрастающие экономические потребности страны поставили власть перед необходимостью освоения Нижнего Поволжья, Приуралья, а затем Крыма и Северного Кавказа. Следовательно, "чрезмерные пространства" российского государства, в котором есть "обнаженные от жителей" области, "обработаны" могут быть "гражданами чужестранными". С целью "умножения обитателей Империи" и засе-

---

[46] Ср.: Там же. Т. XIX. 1772. № 13808. С. 508–511; Т. XIX. 1772. № 13850. С. 553–555; Т. XXIII. 1792. № 17090. С. 388–391; Т. XXIII. 1793. № 17108. С. 410–412. Рукописный оригинал именного указа от 28 мая 1772 г. хранится в РГВИА (Ф. 846. Ед. хр. 1880. Л. 103–111). Местонахождение подлинника практически буквально совпадающего высочайшего распоряжения от 8 декабря 1792 г., к сожалению, неизвестно. Поэтому сейчас невозможно установить, сама ли императрица слегка откорректировала свои бумаги двадцатилетней давности, или же это за нее сделали придворные сановники.

ления “праздно остающихся мест”[47] самодержавие объявляет переселенцам целый ряд “ободрений и выгодностей”[48].

– Власть прилагает большие усилия для “привлечения умов иноверцев”, как среди коренных народов, так и среди “новых подданных”.

– И, наконец, отправление любой веры в Российской империи происходит с высочайшего благословения. Так, в октябре 1783 г. Екатерина писала посланнику Петербурга в Порте Я.И. Булгакову о присяге на верность российскому престолу “новых подданных” мусульманского вероисповедания: “Вы можете внушить министерству оттоманскому в рассуждении единоверных им ныне под державу нашу присоединенных... мы желаем, чтоб подвластные скипетру нашему обязаны были их благоденствием единственно нашему об них промыслу... а отнюдь не посторонним заступлениям и ручательствам”[49].

Иными словами, в идеологической стратегии российского абсолютизма доминировало не сакральное мышление, а прагматичное использование религиозных символов в политических целях. Приверженность к православию и старательное выполнение

---

[47] Наказ императрицы Екатерины II. С. 77, 81–83, 134.

[48] В частности, издаются указы о свободе вероисповедания для иностранцев, “входящих в Россию”, и о строении лютеранских и католических церквей на землях, занимаемых колонистами, а также о содержании определенных туда пасторов и т.д. Разумеется, в действительности политика “обнадеживания” и “приохочивания” “новых подданных” нередко грубо нарушалась. Так, в 1765 г. Н.И. Панин писал А.П. Мельгунову, тогда генерал-губернатору Новороссийской губернии: “...Многие офицеры осмеливаются ездить в польские границы... забирать там силою людей... делая при том жителям взятками своими и другими прицепками крайние обиды”. Неслучайно губернаторам западных приграничных областей рассылались секретные ордера, предписывающие, “всевозможное везде употреблять старание не только не подавать полякам причин к роптанию... но еще всеми мерами и приласкивать их к здешней стороне” (ОР РГБ. Ф. 16. Карт. 16а. Ед. хр. 31. Л. 1).

[49] Сб. РИО. 1885. Т. 47. С. 91. В царствование императрицы формировались даже мусульманские миссии для пропаганды ислама. Так, с целью ослабления религиозного влияния Бухары и Хивы в среду казахов были направлены татарские муллы, которые проповедовали магометанское учение и создавали начальные духовные школы (мектебы) для детей знати (См. об этом: *Кляшторный С.* Симбиоз. Россия и Казахстан: евразийская перспектива // Родина. 2004. № 2. С. 20). А в именном указе генерал-поручику барону Игельстрому от 1785 г. Екатерина писала: “...Построенные для подданных Наших Магометанского закона мечети в крепости Троицкой и в Оренбурге ⟨привлекут⟩ и прочих в близости кочующих... сие и может послужить... к воздержанию их от своевольств лучше всяких строгих мер” (ПСЗ. Т. XXII. 1785. № 16255. С. 450, а также: Т. XXI. 1783. № 15700. С. 890, Т. XXIII. 1792. № 17053. С. 341; и др.).

С. Торелли. Аллегория на победу Екатерины II над турками и татарами. 1772 г.

обрядов с момента появления Екатерины при русском дворе в феврале 1744 г. и принятия православия в июле того же года легко сочеталось у императрицы с рационализмом Просвещения и политической прагматикой.

В Манифесте о вступлении на престол Екатерина в соответствии с традиционными представлениями о монархе выступила как защитница "православного греческого закона", который "восчувствовал свое потрясение и истребление своих преданий церковных"[50]. Однако, исходя прежде всего из экономических потребностей государства, власть передала все монастырские земли с живущими на них крестьянами в ведение специально учрежденной Коллегии экономии. Был резко сокращен постриг и установлен контроль самодержавия за количеством монахов в монастырях строго по штату, поскольку черное духовенство содержалось в значительной мере за счет казны. Наступление на права церкви и окончательное включение духовенства в чиновный аппарат империи не сопровождалось никакой официальной аргументацией. Так, например, в "Высочайше утвержденном докладе учрежденной о церковных имениях Комиссии" от 31 марта 1764 г. безапелляционно объявлялось: "…Вновь монастырей и пустынь ни где, ни под каким видом, без особливого Ее Императорского Величества соизволения не строить"[51].

Во время путешествия Екатерины по России в 1767 г. набожную матушку-государыню увидели жители Рыбной Слободы и Ярославля; спустившись вниз по Волге, императрица в Казани произнесла перед подданными, исповедующими магометанство, несколько специально выученных фраз по-арабски и предоставила российским мусульманам право беспрепятственно возводить мечети[52]. Если речь шла о поддержке греческой церкви или покровительстве православным подданным Оттоманской империи, то прекрасно работала мессианская роль Московии. Но если же истовая преданность греческой вере противоречила прагматике государственного интереса, то этот символ просто исчезал из официальной доктрины, призванной обеспечить стабильность империи. Традиционная для Московского государства и Российской империи известная конфессиональная толерантность имела, с одной стороны, разработанные механизмы практической

---

[50] Там же. Т. XVI. 1762. № 11582. С. 3.

[51] Там же. 1764. № 12121. С. 698.

[52] См. об этом, например, письма Екатерины Вольтеру // Сб. РИО. 1872. Т. 10. С. 347, 353; 1874. Т. 13. С. 60, 146, 263 и др.; *Бессарабова Н.В.* Путешествия Екатерины II по России. М., 2005. С. 143–161.

реализации, многие из которых отразились в законодательных актах, но с другой – крайне слабое и невнятное идеологическое обоснование. В самодержавном государстве с православным монархом во главе символ "Греческой веры" был незыблемой составляющей официальной доктрины, и потому его забвение, а также публичное признание прав других конфессий исключали развернутые толкования.

Власть не могла со всей определенностью заявить о своей тактике в отношении "иноверцев" и ограничивалась или невнятными уверениями, что "православная вера" не отвергает "разумного иных законов дозволения", или же прямыми отождествлениями воли единого для всех Бога и российской императрицы: "...Как Всевышний Бог на земле терпит все веры, языки и исповедания, то и Ее Величество из тех же правил, сходствуя Его Святой воле, и в сем поступать изволит"[53]. Иными словами, все российские подданные могут молиться своему Богу, но с высочайшего позволения и за здравие государыни. Данный тезис, звучащий как удачная метафора, в действительности отражал реальные позиции власти и используемые ею механизмы воздействия на сознание подданных. Так, в именном указе от 16 августа 1772 г., данном белорусскому генерал-губернатору графу Чернышеву, предписывалось "духовенству... всех разных исповеданий... подать собою... первый в учинении присяги пример и в повседневном Господу Богу публичном принесении теплых молитв о здравии Ее Императорского Величества... по тем формам, которые им для сего употребления даны будут"[54].

Таким образом, веротерпимость как составная часть самодержавного правления аргументировалась лишь прихотливой волей монарха и прагматическим расчетом, который позволит избежать "споров", "движений" и "возмущений", "противных тишине государства и соединению граждан"[55]. В результате представления современников, и прежде всего правящей элиты, о сущности российского подданства в определенной мере оставались без официальной трактовки. Этот своеобразный идеологический вакуум впоследствии будет частично заполнен повышенным интересом образованного дворянства к другим христианским конфессиям, а также масонскими исканиями интеллектуалов из "благородного" сословия. Практическое отсутствие

---

[53] ПСЗ. Т. XIX. 1773. № 13996. С. 775.

[54] Там же. 1772. № 13850. С. 555.

[55] Там же. Т. XVII. 1765. № 12307. С. 7–9; Наказ императрицы Екатерины II. С. 134.

доктрины религиозной толерантности российского абсолютизма, именуемого в историографии просвещенным, подвело некоторых специалистов к ошибочному, на мой взгляд, выводу о том, что императрица в своей конфессиональной политике руководствовалась ценностями идеологии Разума[56]. В действительности употребляемый в законодательных актах последней трети XVIII в. термин "веротерпимость"[57] означал не свободу совести отдельной индивидуальности, а высочайше дарованное "иноверцам" право следовать своим древним обычаям. Конфессиональная толерантность российского престола не затрагивала отношений власти и личности, а лишь поддерживала усилия монархии по "приохочиванию" "новых подданных" "к здешнему житью" и "удержанию магометан и идолопоклонников" от "выступлений"[58]. "Гонение человеческие умы раздражает, а дозволение верить по своему закону умягчает и самые жестоковыйные сердца и отводит их от заматерелого упорства"[59], – писала императрица в "Наказе". Подобного рода веротерпимость называется иногда в исследовательской литературе "пассивной" или "энергосберегающей" ("*energy saving* kind of tolerance")[60].

Итак, декларация веротерпимости, основанная, как и все правление Екатерины II, на "правилах политики и здравого рассудка"[61], являлась одним из главных каналов воздействия власти на сознание населения присоединенных территорий и в целом жителей империи, не исповедующих православие. Характерно, что любое ограничение автономии, углубление русификации и усиление административного контроля, как, например, подчинение всех католиков Российской империи Могилевскому приходу в обход римского понтифика, преподносились без особых идеологических деклараций и даже ретушировались постоянным напоминанием о свободе отправления обрядов. К "новым подданным" следовало в целом относиться "более пристойною ласкою и снисхождением, нежели строгостию и насильною переменою обычаев", чтобы они быстрее "соединились сердцами и духом с

---

[56] См., например: *Ряжев А.С.* Неизвестные проекты русского "просвещенного абсолютизма" по делам религии // Отечественная история. 2004. № 2. С. 143–155.

[57] См., например, синодский указ от 17 июля 1773 г. "о терпимости всех вероисповеданий..." (ПСЗ. Т. XIX. 1773. № 13996. С. 775).

[58] См., например: ПСЗ. Т. XVII. 1765. № 12307. С. 7–9.

[59] Наказ императрицы Екатерины II. С. 134.

[60] См., например: *Nolte H.-H.* Newly Enlightened – a Case of Intellectual Engineering // Canadian-American Slavic Studies. 2004. Vol. 38, N 1–2. P. 59; *Мадариага И.* Россия в эпоху Екатерины Великой. С. 812.

[61] См., например: ПСЗ. Т. XIX. 1772. № 13808. С. 509.

верными Нам и любезными Российскими сынами и [составили] единый с ними народ"[62]. За столь возвышенной риторикой высочайших документов, объявляемых во "всенародное известие", стояли реальные политические цели, о которых еще в 1764 г. Екатерина писала в секретном наставлении А.А. Вяземскому: "Малая Россия, Лифляндия и Финляндия суть провинции, которые правятся конфирмованными им привилегиями, и нарушить оные отрешением всех вдруг весьма непристойно б было, однако ж и называть их чужестранными и обходиться с ними на таком же основании есть больше, нежели ошибка, а можно назвать с достоверностию глупостью. Сии провинции, также и Смоленскую, надлежит легчайшими способами привести к тому, чтоб они обрусели и перестали бы глядеть как волки в лесу"[63].

Безусловно, престол всячески поддерживал переход в греческую церковь "новых подданных" и "иноверцев". Однако, несмотря на известное косвенное принуждение, проявлявшееся в освобождении "переменивших закон" от налогов, выплате им "повышенных кормовых денег" или "экстраординарных сумм", российский абсолютизм второй половины XVIII в. не прибегал к насильственному крещению. Ссылаясь на "Наказ", Екатерина напоминала в указах и реляциях, что "нет подлинно иного средства, кроме [увещевания], которым бы можно всех сих заблудших овец паки привесть к истинному верных стаду". Именно в XVIII в. произошло симптоматичное изменение официального определения принявших православие язычников и мусульман, которые стали именоваться не "новокрещенными", а "новопросвещенными". Остяки Сибири, магометане Средней Волги, калмыцкие буддисты Астраханской губернии и проч. "просвещались Христианскою православною верою"[64].

Для имперской власти конфессиональное единство вообще оказалось значительно менее актуальным, чем единство языка, "яко необходимо нужн[ое], без которого... употребление в

---

[62] Там же. Т. XVII. 1765. № 12307. С. 9; Т. XXIII. 1793. № 17114. С. 420.

[63] РГАДА. Ф. 10. Оп. 1. Ед. хр. 10. Л. 1–5. Этот документ неоднократно публиковался с небольшими разночтениями, которые можно объяснить повышенным интересом исследователей к "Секретным наставлениям" и, как следствие, существованием многочисленных списков. Только в Отделе рукописей Российской национальной библиотеки хранятся три копии данного текста, выполненные в начале и середине XIX в. (См.: ОР РНБ. Ф. 542. Ед. хр. 660; Ф. 73. Ед. хр. 157).

[64] См.: ПСЗ. Т. XXI. 1781. № 15263. С. 294; Т. XXII. 1785. № 16176. С. 331; Т. XXIII. 1793. № 17108. С. 410; Наказ императрицы Екатерины II. С. 134. См. также об этом: *Nolte H.-H.* Newly Enlightened – a Case of Intellectual Engineering. P. 33–60; и др.

должности весьма неудобно". Во время правления Екатерины II неоднократно издаются указы о преподавании русского языка в училищах присоединенных областей. Любопытно, что собранные в Ревельской губернии 7 тысяч рублей по случаю бракосочетания наследника престола великого князя Павла Петровича были по приказу императрицы от 4 сентября 1784 г. направлены "для заведения при тамошних школах учения Российского языка"[65].

В этом отношении имперская политика Екатерины II может считаться по-своему уникальным примером унификации присоединенных территорий, которая началась не с вероисповедания, не с языка и даже не с законодательной регламентации повседневной жизни, а с нивелирования общественного сознания и приведения его в соответствие с кодексом добродетелей "природных россиян". Набор качеств идеального подданного Ее Императорского Величества был достаточно ограничен, вообще не затрагивал конфессиональную принадлежность личности и сводился к "непреложному повиновению законам и воле государя", "послушанию и верности государю", "мужеству и неодолимости противу врагов государя" и, наконец, к "истинной любви к государю и новому отечеству". Традиционная формулировка верноподданнического долга перед "Богом, царем и отечеством" при необходимости сворачивалась до неукоснительной преданности самодержцу, образ которого сливался с "вверенной ему от Всевышнего" страной[66]. Характерно, что высочайше определенный образец присяги архиепископов и епископов римского исповедания являлся лишь своеобразной составляющей верноподданнической клятвы российской императрице и заканчивался словами: "...Сие все и в подробности тем нерушимее соблюду, что удостоверен я, что ничего в оном такого не содержится, чтобы присяге в верности моей законной верховной Государыне... мною учиненной, противно быть не могло"[67].

Именно в момент принесения монарху присяги "поступать как верному Ее Императорского Величества подданному" "должное к новой власти повиновение" "вкоренялось", "обнадеживалось", а затем подкреплялось "веротерпимостью" и "выгодами"[68], какими,

---

[65] ПСЗ. Т. XXII. 1784. № 16055. С. 206, № 16056. С. 207.

[66] См., например: Там же. 1783. № 15708. С. 898; Т. XXIII. 1793. № 17114. С. 420; и др.

[67] Там же. Т. XXII. 1784. № 15982. С. 133.

[68] См., например: Там же. 1787. № 16603. С. 975–993.

кстати сказать, не всегда пользовалось коренное население России[69]. Еще в начале XVIII в. "новокрещенных" избавляли на 3 года от рекрутской повинности и податей, а причитающийся с них налог раскладывали на односельчан, продолжавших следовать своей вере. Во второй половине столетия принявшие православие и "пожелавшие в России вечно остаться" пленные турки, татары, польские конфедераты объявлялись "вольными людьми", которые выбирали "таковой род жизни, какой сами похотят, и в службу определялись не инако как по их желанию"[70]. Бежавшим в Польшу и Литву "всякого звания людям и крестьянам", в том числе даже раскольникам, разрешалось вернуться "с семейством и пожитками под Державу природного их Отечества"[71]. При этом среди командиров корпусов царских войск распространялись секретные ордера, предписывающие "российских беглых, ⟨которые⟩ сами собою являться станут, принимать. ⟨...⟩ Також и разглашать скрытым образом, что явля[ющиеся] без наказания по-прежнему приняты будут, однако насильством ничего не предпринимать ниже виду к тому не показывать, а... ушедших из России подданных уговаривать и собою забирать"[72]. Разумеется, вскоре эти "возвращенные подданные" оказывались в числе "прочих" ревизских душ, которых власть использовала лишь для пополнения армии рекрутами и казны подушной податью. Создается впечатление, что, обещая "новокрещенным", "новопросвещенным" и просто "новым подданным" "права, вольности и преимущества" православных, а также "равное с древними подданными благо-

---

[69] Так, например, до конца XVII в. исламская знать, лишенная права иметь православных слуг, беспрепятственно пользовалась трудом крепостных греческого исповедания, поскольку Коран запрещает мусульманину содержать мусульманина в рабстве. В то же время русские помещики не могли владеть некрещеными крестьянами (Соборное Уложение царя Алексея Михайловича 1649 г. М., 1957. С. 347–348). Лишь в 1713 г. Петр I "указал... бусурманам магометанской веры, за которыми есть... крестьяне и дворовые и деловые люди Православной Христианской веры, сказать... чтоб они, бусурманы, крестились конечно в полгода" (ПСЗ. Т. V. 1713. № 2734. С. 66–67). В 1784 г. Екатерина подтвердила: "...Право[м] покупать, приобретать и иметь крепостных или подданных Христианского исповедания... никто в Империи Нашей, не будучи в Христианском законе, пользоваться не может" (Там же. Т. XXII. 1784. № 15936. С. 51).

[70] Там же. Т. XXI. 1781. № 15263. С. 294.

[71] Там же. Т. XVI. 1763. № 11815. С. 247–248. С целью заселения безлюдных, плодороднейших, хотя и засушливых южных районов Причерноморья практически легализируются побеги крестьян в Тавриду из внутренних губерний (см. об этом, например: *Дружинина Е.И.* Северное Причерноморье в 1775–1800. М., 1959).

[72] ОР РГБ. Ф. 16. Карт. 16а. Ед. хр. 31. Л. 3.

денствие"[73], Екатерина абстрагировалась от другой, не менее актуальной для власти градации жителей империи на "низких" и "знатных" подданных.

В данном контексте за понятием "старые", "древние" подданные угадывался абстрактный образ народа, находящегося "на попечении единой Матери Государыни, о всех чадах веселящейся"[74]. В действительности же трансформация в "природных" подданных означала для большей части населения присоединенных областей и для крещеных иноверцев, "издревле обитающих" на территории империи, не приобщение к неким правам коренного населения России, а сужение привилегий и постепенный переход в разряд "низких подданных". Так, например, в именном указе от 13 января 1765 г. о ведомстве суда армян и татар, "жительствующих в Астрахани", официально сообщалось, что "по прошествии льготных лет... повинны все поселившиеся в России чужестранцы платить обыкновенные... подати и службы земские нести, как и прочие Наши подданные"[75].

Таким образом, в Российской империи наиболее угнетенное положение занимал православный крестьянин исторического центра страны. «В подобного рода государстве, – пишет Л.В. Милов, – чисто формально выглядевшем как империя, а по существу представлявшем своего рода сожительство целого ряда обществ (и этносов) с минимальным объемом совокупного прибавочного продукта, основным источником изъятия этого прибавочного продукта был носитель этой государственности – русский народ. ⟨…⟩ Противоположная ситуация, то есть утверждение привилегированного положения русских как "имперской нации" в российском социуме… в условиях сохранения многонационального государства была исторически нереальна»[76]. Екатерина на практике зачастую бережнее относилась к интересам "разных вер народов", чем к нуждам представителей "древних" подданных, по крайней мере их бесправной податной части.

Собственно, главной референтной группой для власти оставались "знатные подданные", что распространялось на немногочисленную элиту "иноверцев" и населения присоединенных территорий. В ряде указов не только провозглашались равные права "древних" и "новых" подданных, но и особенно акцентировалось привилегированное положение знати, в частности мурз

[73] См., например: ПСЗ. Т. XIX. 1772. № 13850. С. 553–555; № 13808. С. 509–510; Т. XXIII. 1793. № 17114. С. 420; и др.

[74] См., например: ПСЗ. Т. XXIII. № 17114. С. 420.

[75] Там же. Т. XVII. 1765. № 12307. С. 8.

[76] *Милов Л.В.* Великорусский пахарь... С. 563–564.

татарских, князей кахетинских и т.п., которые наделялись преимуществами российского дворянства. Дифференциация подданных по принципу знатности преподносилась как "непременное Наше желание... дабы всяк, какого бы он рода и закона ни был, пользовался неотъемлемыми преимуществами, к коим порода его, от заслуженных предков происходящая, или отменные личные заслуги дают право"[77].

Данная позиция власти отразилась в указе от 1765 г. "о неподавании прошений", где выделяются три основные группы "подданных": "имеющие чин", "не имеющие чинов, а благородные" и, наконец, "не имеющие чинов и неблагородные". Соответственно и в книге "О должностях человека и гражданина" давалось определение понятию "подданный" и выделялось несколько его официально задаваемых градаций: "*Подданы[ми]* называются все находящиеся в государстве люди, кои Государю или правящим особам повинуются. Подданные суть различного состояния; иные из них *знатные,* иные же *низкие*. Между *низкими* есть свободные люди; есть же и такие, кои господам службою, некоторыми податьми и иными различными образами обязаны... *Знатные подданные* государства суть те, кои имением своим, просвещением и способностями от других отменны; а отличаются они не токмо высокими названиями, но и тем, что к службе государства различными образами употребляются"[78].

Таким образом, "вернолюбезными", "истинными" подданными для власти было именно дворянство, а точнее – его элита. Социальная иерархия всего населения империи выражалась через понятие "состояние", и лишь позиции высшего сословия определялись термином "достоинство"[79], что еще в 1754 г. было законодательно зафиксировано властью, "даровавшей" дворянству наименование "благородное". При этом "достоинство" и "благородство" "знатных подданных" определялось не древностью происхождения, а службой императору, которая под влиянием официальной доктрины из принудительной обязанности становилась привилегией и наиболее богоугодным делом. Как сказано в той же книге "О должностях человека и гражданина", "знатные подданные" "суть ближайшие к особе Монарха,

---

[77] См.: ПСЗ. Т. XXII. 1784. № 15396. С. 51–52; Т. XXI. 1783. № 15830. С. 1010–1011; № 15835. С. 1013–1017.

[78] О должностях человека и гражданина. С. 349.

[79] См, например: Наказ императрицы Екатерины II. С. 7 (гл. V "О состоянии всех в государстве живущих"). См. также об этом: *Schmidt C*. Über die Bezeichung der Stande (sostojanie – soslovie) in Rußland seit dem 18. Jahrhundert // Jahrbücher für Geschichte Osteuropas. 1990. Bd. 38, H. 2.

следовательно преимущественно ему ведомы, им употребляемы", они напрягают "силы душевные" к пользе общества и потому "называются *истинными сынами отечества*"[80].

В русском языке XVIII в. существовал еще один термин – "гражданин", выражающий взаимоотношения государства и личности и встречающийся в законодательстве, публицистике, а также в художественной и переводной литературе. Это понятие было, пожалуй, одним из самых многозначных, о чем свидетельствует антонимический ряд противостоящих по смыслу слов, которые придают эволюции значения термина "гражданин" особую полемическую напряженность. Конфликтное содержание отсутствовало лишь в дихотомиях "гражданский – церковный", "гражданский – военный"[81]. К концу столетия и в законодательстве, и в независимой публицистике светская сфера и духовное начало не разъединялись, а, напротив, часто объединялись, что акцентировало универсальность того или иного описываемого явления. Так, Н.И. Новиков, опубликовав в "Трутне" нравоучительные послания племяннику, обличал "слабость человеческую" и "грехи" "противу всех заповедей, данных нам чрез пророка Моисея, и противу гражданских законов"[82]. Приблизительно в те же годы Никита Панин в проекте Императорского Совета выделил основные черты государственного правления, к которым отнес, в частности, "духовный закон и нравы гражданские, что называется внутренней политикой"[83]. В "Сентенции о наказании смертною казнью самозванца Пугачева и его сообщников" одновременно цитировалась "Книга Премудрости Соломона" и Уложение 1649 г., поскольку приговор "возмутителю народа" и "ослепленной черни" выносился как на основании "Божественного", так и "гражданского законов"[84]. В "Наказе"

---

[80] О должностях человека и гражданина. С. 352, 359. В "Жалованной грамоте на права, вольности и преимущества благородного российского дворянства" окончательно юридически закреплялось привилегированное положение высшего сословия, представители которого были названы "вернолюбезными подданными", поскольку несли "бремя наиважнейшего Империи и Монарху служения" (О дворянстве. СПб., 1808. С. II).

[81] См., например: Высочайше утвержденный доклад Военной Коллегии вице-президента Потемкина об учреждении гражданского правительства в пределах Войска донского (ПСЗ. Т. XX. № 14251. С. 53. 14 февраля 1775).

[82] *Новиков Н.И.* Избранные сочинения. М.; Л., 1951. С. 47. О "законе гражданском и священном" упоминает и А.Н. Радищев в "Путешествии из Петербурга в Москву" (*Радищев А.Н.* Путешествие из Петербурга в Москву // *Радищев А.Н.* Полн. собр. соч. М.; Л., 1938. Т. 1. С. 292).

[83] Сб. РИО. 1871. Т. 7. С. 202.

[84] ПСЗ. Т. XX. № 14233. С. 5–11. 10 января 1775.

Уложенной комиссии также говорилось, что "в самой вещи Государь есть источник всякой государственной и гражданской власти"[85]. Кроме того, традиционно в русском языке различалась власть "гражданская, светская и духовная"[86]. В XVIII столетии эти различия обогащаются такими понятиями, как "гражданские и военные чины", "гражданская и церковная печать"[87] и т.п.

На основании словарей русского языка XVIII в. можно было бы сделать вывод, что первоначальное значение слова "гражданин", подразумевающее жителя города (града), сохраняло свою актуальность и в рассматриваемое время[88]. Однако в данном случае словари отражают более раннюю языковую традицию. Неслучайно в "Грамоте на права и выгоды городам Российской империи" 1785 г. жители городов именуются не просто "гражданами", а "верноподданными гражданами городов наших", которые по терминологии официальных документов екатерининского царствования объединялись в неопределенную по своему социальному составу группу "в городе живущих", включающую "дворян", "купцов", "именитых граждан", "среднего рода людей", "городских обывателей", "мещан", "посадских" и т.д.[89] Показательно, что Павел I, с тем чтобы выхолостить из понятия "гражданин" все в той или иной степени опасные для самодержавия смыслы, вынужден был волей императорского указа возвращать содержание этого термина к своему первоначальному значению. В апреле 1800 г. приказывалось не употреблять слова "гражданин" и "именитый гражданин" в донесениях на высочайшее имя, а писать "купец или мещанин" и соответственно "именитый купец или мещанин"[90].

---

[85] Наказ императрицы Екатерины II. С. 5.

[86] Подобные определения фиксируются уже в переводной литературе XI века. См.: *Каштанов С.М.* Государь и подданные на Руси в XIV–XVI вв. // Im memoriam: Сб. памяти Я.С. Лурье. СПб., 1997. С. 217–218.

[87] См., например: Именной указ "Об учинении присяги на каждой чин, как военным и гражданским, так и духовным лицам" (ПСЗ. Т. VI. № 3846. 10 ноября 1721. С. 452); Словарь Академии Российской по азбучному порядку расположенный. СПб., 1806. Ч. I. Стб. 1234.

[88] См.: *Срезневский И.И.* Словарь древнерусского языка. М., 1989. Т. 1, ч. 1. Стб. 577; Словарь древнерусского языка (XI–XIV вв.). М., 1989. Т. II. С. 380–381; Словарь русского языка XI–XVII вв. М. 1977. Вып. 4. С. 117–118; Словарь Академии Российской. Ч. I. Стб. 1234.

[89] ПСЗ. Т. XXII. № 1618. С. 358–384. 25 апреля 1785. См. также: Там же. Т. XX. № 14490. С. 403. 4 августа 1776; Т. XXXIII. № 17006. 23 декабря 1791. С. 287; и др.

[90] Русская старина. 1872. Т. 6, № 7. С. 98. См. об этом: *Песков А.М.* Павел I. М., 2000. С. 87–88.

В Новое время термин "гражданин", исторически связанный во всех языках романо-германской группы с понятием "горожанин" (*Bürger, Stadtbürger, citizen, citoyen, cittadino, ciudades*), также утрачивал свое исконное значение. Это так называемое расхождение между семантикой слова и его этимологией фиксировалось как современниками, так и исследователями последующих поколений[91]. Однако тот факт, что новое понимание взаимоотношений власти, общества и личности в монархических государствах выражалось именно через понятие "гражданин", имел свою историческую закономерность. По всей Европе горожане были самой независимой частью населения. С.М. Каштанов справедливо замечает, что и на Руси "более свободный класс подданных формировался в XVI–XVII вв. в городах"[92].

На мой взгляд, важнейшим этапом углубления смыслового значения понятия "гражданин" в русском языке второй половины XVIII в. стал "Наказ" Уложенной комиссии, в котором только этот термин, без учета таких выражений, как "гражданская служба", "гражданская свобода" и т.п., встречается более 100 раз, в то время как упоминаний слова "подданный" насчитывается лишь 10. Для сравнения следует отметить, что в законодательных актах второй половины XVIII в. это соотношение выглядит приблизительно как 1 к 100 и свидетельствует о достаточно редком употреблении понятия "гражданин" в официальных документах рассматриваемого периода. В "Наказе", лишенном жестких регламентирующих функций и основанном на трудах Монтескье, Беккария, Бильфельда и других европейских мыслителей, возникал абстрактный образ "гражданина", имеющего, в отличие от "ревностного российского подданного", не только обязанности, но и права. "Имение, честь и безопасность" этого отвлеченного социального субъекта, проживающего в неком "благоучрежденном умеренность наблюдающем государстве", охранялись одинаковыми для всех "сограждан" законами[93].

---

[91] См., например: Dictionnaire universel françois et latin vulgairement appelé dictionnaire de Trévoux. P., 1771; *Féraud J-F*. Le Dictionaire critique de la langue française informatisé. Tübingen, 1994; Geschichtliche Grundbegriffe. Historisches Lexikon zur politisch-sozialen Sprache in Deutschland. Stuttgart, 1972. Bd. I. S. 672–725; Lexikon der Aufklärung. Deutschland und Europa. München, 1995. S. 70–72; *Будагов Р.А*. Развитие французской политической терминологии в XVIII веке. М., 2002. С. 102–106; *Preu U.K*. Citizenship and the German Nation // Lineage of European Citizenship: Kights, Belonging, and Participation in Eleven Nation-States. N.Y., 2004. P. 22; и др.

[92] *Каштанов С.М*. Государь и подданные... С. 228.

[93] «Равенство всех граждан, – гласил "Наказ", – состоит в том, чтобы все подвержены были тем же законам» (Наказ императрицы Екатерины II. С. 1–2, 7–9, 14–15, 24, 27–28, 102).

Гигантское расстояние между социальной утопией "Наказа" и реальностью не умаляет, однако, принципиального воздействия юридических штудий императрицы на образ мыслей образованной элиты. Сам факт присутствия в документах, исходящих от престола, пространных рассуждений о "гражданской вольности", "равенстве всех граждан", "спокойствии гражданина", "гражданских обществах" и т.п. подспудно стимулировал усложнение смыслового содержания этих понятий в языке и сознании современников.

В данном контексте слово "гражданин" использовалось как близкое по смыслу термину "гражданство", который значительно раньше стал употребляться в русском языке, чем собственно понятие "гражданин" в значении "член общества, наделенный определенными гарантированными законом правами". Многочисленные словари, и прежде всего уже упоминавшиеся "Словарь древнерусского языка" И.И. Срезневского, "Словарь древнерусского языка XI-XIV (вв.)" и "Словарь русского языка XI–XVII вв.", свидетельствуют, что понятие "гражданство", обозначающее общество с определенным устройством, а также законы, социальную жизнь и этику, появляется уже в переводных памятниках XIII–XIV вв.[94] Однако представители этого "общества" воспринимались не как индивидуальности, а как единая группа, которая именовалась тем же термином "гражданство", но уже в собирательном значении: "все гражданство принялося за оружие против неприятеля"[95]. В XVIII столетии данная языковая традиция сохранялась: для В.Н. Татищева смысл термина "гражданство" также был тождественен слову "общество"[96], а в проекте Артемия Волынского "О гражданстве", защищающем попранные во времена бироновщины права дворянства, понятие "гражданин" практически не употребляется. Таким образом, термин "гражданин" для характеристики взаимоотношений личности и государства актуализируется в политическом лексиконе лишь ко второй половине XVIII в., чему немало способствовала публици-

---

[94] См. также: *Хорошкевич А.Л.* Психологическая готовность россиян к реформам Петра Великого (к постановке вопроса) // Российское самодержавие и бюрократия. М.; Новосибирск, 2000. С. 167–168.

[95] Словарь Академии Российской... Ч. I. Стб. 1235. См. также: *Срезневский И.И.* Словарь древнерусского языка. М., 1989. Т. 1, ч. 1. Стб. 577; Словарь русского языка XI–XVII вв. М., 1977. Вып. 4. С. 118; и др.

[96] В "Словаре Академии Российской" под "обществом" понимается "народ, под одними правилами купно живущий" (Словарь Академии Российской... Ч. IV. Стб. 148). Обстоятельное исследование содержания понятия "общество" см.: *Гросул В.Я.* Русское общество XVIII–XIX веков. Традиции и новации. М., 2003. С. 50–118.

стика российской императрицы, оперирующая просветительскими понятиями и являющаяся неотъемлемой частью европейской общественной мысли этого периода. В "Наказе" непосредственно заявлялось о существовании "союза между гражданином и государством", а в книге "О должностях человека и гражданина" целая глава посвящалась "Союзу гражданскому"[97].

Однако контекст употребления понятия "гражданин" в документах, исходящих от престола, обнаруживает всю специфику его смыслового содержания в русском политическом языке XVIII в. Обращает на себя внимание полное отсутствие конфликтного противопоставления терминов "гражданин" и "подданный". В книге "О должностях человека и гражданина" в обязанности каждого вменялось "твердо уповать, что повелевающие ведают, что государству, подданным и вообще всему гражданскому обществу полезно"[98]. Упоминания о "гражданине" встречались в законодательстве, как правило, лишь когда в именных указах императрицы цитировался "Наказ"[99] или когда речь шла о "состоянии граждан Республики Польской, отторгнутых от анархии и перешедших во владение Ее Величества" на "правах древних подданных"[100]. В общественной публицистике нередки были случаи прямого отождествления понятий "гражданин" и "подданный". Так, Новиков полагал, что в учении розенкрейцеров нет ничего "противного христианскому вероучению", а орден "требует от своих членов, чтобы они были лучшими подданными, лучшими гражданами"[101].

Подобное словоупотребление свидетельствовало, прежде всего, о том, что в середине XVIII в. и для власти, и для большин-

---

[97] Наказ императрицы Екатерины II. С. 34; О должностях человека и гражданина. С. 346.

[98] О должностях человека и гражданина. С. 347. В этом контексте показательно сравнение текста данного вольного переложения работы Пуффендорфа и оригинала философского трактата немецкого мыслителя. В частности, в главе "Обязанности граждан" Пуффендорф пишет не о полном подчинении подданных самодержавию, которому доступно исключительное знание о сущности "гражданского общества", а об обязанностях гражданина или "подданного гражданской власти" в равной степени и перед государством и его правителями, и по отношению к другим "согражданам" (*Pufendorf S.* De Officio Hominis Et Civis Juxta Legen Naturalem Libri Duo. N.Y., 1927. P. 144–146).

[99] См., например: ПСЗ. Т. XXIII. № 17090. С. 390. 8 декабря 1792.

[100] См., например: Акты, учиненные с Польским Королевством, вследствие тракта 18 сентября 1773 (Там же. Т. XX. № 14271. С. 74. 15 марта 1775).

[101] *Новиков Н.И.* Избранные сочинения. С. 616–617. В журнале "Трутень" Новиков также утверждал, что "добросердечный сочинитель... хвалит сына отечества, пылающего любовью и верностью к государю, изображает миролюбивого гражданина" (Там же. С. 44).

ства современников понятие "гражданин" не было символом противостояния абсолютизму. Этот термин часто употреблялся с тем, чтобы акцентировать не только существование всеобщей зависимости подданных от престола, но и наличие так называемых горизонтальных отношений между жителями империи, которые в данном случае именовались "согражданами". Так, собравшиеся для составления нового Уложения депутаты, с одной стороны, "представляли всех Ее Величества верноподданных", а с другой – были "избраны от сограждан"[102]. В книге "О должностях человека и гражданина" непосредственно указывалось, что "подданный" имеет обязанности перед государством, а "гражданин" перед "другими согражданами", "державствующие" же защищают "своих подданных" "от внешних неприятелей и от обид других сограждан"[103].

В это время в противоположной части Европы происходили принципиально другие процессы, также нашедшие свое отражение в языке. По меткому выражению Жозефа Шенье и Бенжамена Констана, "пять миллионов французов умерли для того, чтобы не быть подданными"[104]. Во время Французской революции термин "гражданин" становится самым употребительным, полностью вытеснив понятие "подданный" не только из сферы законодательства, но даже из практики повседневных обращений. *Sujet, monsieur, madame* превратились в *citoyen* и *citoyenne*. В 1797 г. историк и публицист Жозеф де Местр, явно не сочувствовавший драматическим событиям в восставшем Париже, писал: "Слово *гражданин* существовало во французском языке даже до того, как Революция завладела им, дабы его обесчестить, слово, которое не может быть переведено на другие европейские языки… Луи Расин… адресовал королю Франции эту прекрасную строфу:

При короле-гражданине
каждый гражданин – король.

---

[102] См., например, "Акт, подписанный Депутатами, избранными от всех званий Российского народа, к сочинению нового Уложения" (ПСЗ. Т. XVIII. № 12978. С. 349–355. 27 сентября 1767). Для сравнения можно привести слова Ж.-Ж. Руссо, который в трактате "Об Общественном договоре или Принципы политического права" писал, что все жители того или иного государства "в совокупности получают имя *народа,* а в отдельности называются *гражданами* как участвующие в верховной власти и *подданными* как подчиняющиеся законам Государства" (*Руссо Ж.-Ж.* Трактаты. М., 1969. С. 162).

[103] О должностях человека и гражданина. С. 349.

[104] См.: *Лабулэ Э.* Политические идеи Бенжамена Констана. М., 1905. С. 70–77.

Дабы восхвалить патриотизм Француза, говорили: *это великий гражданин*. Напрасны были старания переложить это выражение на другие наши языки; выражения *gross Bürger* – на немецком, *gran cittadino* – на итальянском вряд ли будут удовлетворительны"[105]. Автор отказывает революции в стремительном наполнении понятия "гражданин" новыми смыслами и клеймит "нелепое замечание" Руссо о значении этого слова во французском языке. На самом же деле знаменитый философ в трактате 1752 г. "Об общественном договоре" провел своеобразный семантический анализ понятия "гражданин" и тонко уловил главное направление эволюции его содержания. "Истинный смысл этого слова почти совсем стерся для людей новых времен, – пишет Руссо, – большинство принимает город за Гражданскую общину, а горожанина за гражданина… Я не читал, чтобы подданному какого-либо государя давали титул *civis*. ⟨…⟩ Одни французы совершенно запросто называют себя *гражданами,* потому что у них нет, как это видно из их словарей, никакого представления о действительном смысле этого слова; не будь этого, они, незаконно присваивая себе это имя, были бы повинны в оскорблении величества. У них это слово означает добродетель, а не право"[106].

Таким образом, Руссо указал на единый семантический корень понятий "горожанин" и "гражданин". Затем философ выявил постепенное наполнение последнего термина новым содержанием, отражающим усложнение взаимоотношений власти и личности в XVIII столетии, и, наконец, отметил присутствие в современном ему понимании слова "гражданин" двух смыслов – добродетель и право. Позже, во время Французской революции, "правовая составляющая" полностью восторжествует, потеснив "добродетель" и окончательно уничтожив понятие "подданный" в политическом языке революционного Парижа. Сходные, правда, не столь радикальные лексические процессы происходили и в немецком языке. Уже в раннее Новое время двоякое значение понятия "Bürger" было зафиксировано в двух терминах с одинаковой корневой основой – "Stadtbürger", что означало собственно "горожанин", и "Staatsbürger", иначе говоря, "член государства", или "Staatsangehörige". Понятия "Staatsbürger" и "Staatsangehörige", а также наименование жителей немецких земель в соответствии с их национальностями

---

[105] *Местр Ж.* Рассуждения о Франции. М., 1997. С. 105–106.
[106] *Руссо Ж.-Ж.* Трактаты. С. 161–162.

(баденец, баварец, прусак и т.п.) постепенно вытесняли понятие "Untertan" ("подданный")[107].

Принципиальное отличие русской официальной политической терминологии последней трети XVIII в. заключалось не только в безоговорочной монополии слова "подданный" для определения реальных отношений личности и самодержавной власти. Специфика социальной структуры русского общества, практически лишенного "третьего сословия" в его европейском понимании, отразилась и на эволюции понятия "гражданин", которое, теряя свое первоначальное значение "горожанин", наполнялось исключительно государственно-правовым или нравственно-этическим смыслом и не отягощалось этимологической связью с наименованием класса "буржуа"[108]. Во французском и немецком языках необходимо было четко разграничить образ набирающих силу "Bürger" и "bourgeois", которые оспаривали привилегии аристократии и составляли главную деятельную и интеллектуальную часть городского населения, и "жителя свободного государства". Показательно, что в первом издании французского академического словаря понятие "citoyen" и "bourgeois" практически сливались: "Citoyen – bourgeois, habitant d'une cité"[109]. В пятом издании 1798 г. появляется развернутое определение – "имя гражданин ("citoyen") в точном смысле слова дается жителю города, жителю свободного государства, имеющему право выбора в публичные собрания и являющемуся представителем высшей власти"[110]. В России второй половины XVIII в. слово

---

[107] См. об этом подробнее: Bürger, Staatsbürger, Bürgertum // Geschichtliche Grundbegriffe. Historisches Lexikon zur politisch-sozialen Sprache in Deutschland. Stuttgart, 1972. Bd. I. S. 672–725; Bürger / Bürgertum // Lexikon der Aufklärung. Deutschland und Europa. München, 1995. S. 70–72. Характерно, что в норвежском законодательстве XVIII – начала XIX столетия употреблялся термин "гражданин", когда речь шла о правах личности, и "подданный", когда акцентировались ее обязанности перед государством.

[108] В "Генеральном плане Московского Воспитательного дома" признавалось существование только двух социальных групп в российском обществе – "дворян" и "крепостных", и ставилась задача воспитания людей "третьего чина", которые "достигши искусства к различным до коммерции касающимся заведениям, вступят в сообщество с нынешними купцами, художниками, торговщиками и фабрикантами". Характерно, что наименование этого нового "третьего сословия" никак не связывается с понятиями "горожанин" и "буржуа" (ПСЗ. Т. XVIII. № 12957. С. 290–325. 11 августа 1767).

[109] Le Dictionnaire de l'Académie françoise dedié au Roy. P., 1694. P. 193.

[110] "Le nom de *Citoyen*, dans une acception stricte et rigoureuse, se donne à l'habitant d'une Cité, d'un État libre, qui a droit de suffrage dans les Assemblées publiques, et fait partie du Souverain" (Dictionnaire de l'Académie françoise. P.,

"буржуа" практически не употреблялось, а понятие "гражданин" наиболее активно использовалось самой "просвещенной императрицей", связывалось с правами некоего абстрактного подданного "благоучрежденного государства" "Наказа" и имело назидательный смысл. Права "гражданина", заявленные на страницах высочайшей публицистики, ограничивались лишь сферой имущества и безопасности, абсолютно не затрагивая область политики. При этом не реже, чем о правах, упоминалось об обязанностях "истинного гражданина"[111], которые ничем не отличались от обязанностей "истинного подданного".

В таких документах, как "Генеральный план Московского Воспитательного дома", а также высочайше утвержденный доклад И.И. Бецкого "О воспитании юношества", основные идеи которого были практически дословно воспроизведены в XIV главе "Наказа" "О воспитании", заявлялось, что "Петр Великий создал в России людей; [императрица Екатерина II] влагает в них души". Иными словами, престол второй половины XVIII в. разрабатывал "правила, приуготовляющие" быть "желаемыми гражданами" или "прямыми отечеству подданными", что полностью отождествлялось. Наименование "новых граждан" и "истинных подданных" означало высокий порог ожиданий власти, что предполагало "любовь к отечеству", "почтение к установленным гражданским законам", "трудолюбие", "учтивость", "отвращение от всяких предерзостей", "склонность к опрятности и чистоте". На "полезных членов общества" возлагалась обязанность "паче прочих подданных исполнять Августейшую волю". Определенная политическая зрелость и приверженность "общему благу" должна была проявляться у "гражданина" в ясном понимании необходимости сильного самодержавного правления или "нужды

1798. P. 247, 767). См. об этом также: *Wild R.* Stadtkultur, Bildungswesen und Aufklärungsgesellschaften // Hansers Sozialgeschichte der deutschen Literatur vom 16. Jahrhundert bis zur Gegenwart. München, 1980. Bd. 3: Deutsche Aufklärung bis zur Französischen Revolution 1680–1789. S. 103–132, 845–848.

[111] Показательно, что даже в "Мыслях из особой тетради" исполненная политических иллюзий юная княгиня Екатерина Алексеевна писала не о правах, а об обязанностях "гражданина", формирование сознания которого становилось делом государственного значения: "Каждый гражданин должен быть воспитан в сознании долга своего перед Высшим Существом, перед собой, перед обществом, и нужно ему преподать некоторые искусства, без которых он почти не может обойтись в повседневной жизни" (Записки императрицы Екатерины Второй. СПб., 1907. С. 648).

иметь Государя”[112]. Так, объективная экономическая потребность России в главенстве государственной власти и способность осознания этой потребности трансформировались в официальной идеологии в высшую добродетель “гражданина” и “подданного”. Среди главных положений “краткой нравоучительной книги для питомцев” Московского Воспитательного дома, будущих “годных граждан”, в качестве основного выдвигался следующий тезис: “Нужда иметь Государя есть самая большая и важнейшая. Без его законов, без его попечения, без его домостроительства, без его правосудия истребили ли бы нас неприятели наши, не было бы у нас свободных дорог, ни земледелия, ниже других художеств, для жизни человеческой потребных”[113].

В крепостнической России эталонными заданными властью чертами “истинного гражданина” обладала прежде всего элита дворянства. Податное население исключалось из разряда “hominess politici”[114] и к “гражданам” не причислялось. Еще в 1741 г. при вступлении императрицы Елизаветы Петровны на престол “пашенные крестьяне” были исключены из числа лиц, обязанных приносить присягу монарху. С этого момента они как бы признавались подданными не государства, а своих душевладельцев. Указом от 2 июля 1742 г. крестьяне лишились права по своей воле вступать в военную службу, а вместе с тем и единственной возможности выйти из крепостного состояния. В дальнейшем помещикам было разрешено продавать своих людей в солдаты, а также ссылать провинившихся в Сибирь с зачетом рекрутских поставок. Указ 1761 г. запрещал крепостным давать векселя и при-

---

[112] См.: Наказ императрицы Екатерины II. С. 103–105; ПСЗ. Т. XVI. № 11908. С. 346, 348, 350. 1 сентября 1763; № 12103. С. 670. 22 марта 1764; Т. XVIII. № 12957. С. 290–325. 11 августа 1767. В книге “О должностях человека и гражданина” также вполне резонно провозглашалось: “Чего подданные особенно сами собою сделать не могут, то Государь всего общества силами совершить может: на больших реках плотины поставить, удобные дороги сделать, пристанища для морского купечества построить, запасные дворы на случай голода и нужды наполнить. Науки, художества и всякие ремесла в цветущее состояние привести и бесчисленные иные государству полезные дела совершить одни только Государи в состоянии” (О должностях человека и гражданина. С. 349). Подобное безапелляционное признание чрезвычайной роли государства в работе Пуффендорфа отсутствует (Ср.: *Pufendorf S.* De Officio Hominis Et Civis Juxta Legen Naturalem Libri Duo. P. 115–118, 123–126, 152–154).

[113] ПСЗ. Т. XVIII. № 12957. С. 316. 11 августа 1767.

[114] См. об этом, например: *Хорошкевич А.Л.* Психологическая готовность... С. 175.

А.Ф. Радиг. Портрет И.И. Бецкого. 1794 г.
Копия с оригинала А. Рослина. 1777 г.

нимать на себя поручительства без дозволения господина[115]. Власть в целом возложила на дворянина ответственность за принадлежащих ему крестьян, усматривая в этом долг высшего сословия перед престолом[116].

Подкрепленное законом мнение о политической недееспособности крепостных было доминирующим в среде дворян, воспринимавших крестьянство в первую очередь как рабочую силу, источник дохода, живую собственность. И если в идеологически направленных манифестах престола еще встречались обобщенные термины “народ”, “нация”, “подданные”, “граждане”, за ко-

---

[115] ПСЗ. Т. XI. № 8474. С. 538–541. 25 ноября 1741; № 8577. С. 624–625. 2 июля 1742; № 8655. С. 708–709. 1 ноября 1742; Т. XV. № 10855. С. 236–237. 2 мая 1758; № 11166. С. 582–584. 13 декабря 1760; № 11204. С. 649–650; и др.

[116] Н.И. Новиков писал Г.В. Козицкому: “Дворяне… ни что иное, как люди, которым государь вверил некоторую часть людей же, во всем им подобных, в их надзирание. Дал бы Бог, чтобы почтенные мои собратия сему поверили!” (Н.И. Новиков – Г.В. Козицкому. 1773 г., май (Письма Н.И. Новикова. СПб., 1994. С. 51)).

торыми угадывался идеальный образ всего населения империи, то в таком документе повседневности, как переписка, наименование крестьянства ограничивалось следующими понятиями: “души”, “подлое сословие”, “простой народ”, “чернь”, “поселяне”, “мужики”, “мои люди”[117]. Крестьян обменивали, отдавали в солдаты, переселяли, разлучали с семьей, продавали и покупали “хороших и недорогих кучера и садовника”, как строевой лес или лошадей[118]. “Здесь за людей очень хорошо платят, – сообщал в одном из писем жене малороссийский помещик Г.А. Полетико, – за одного человека, годного в солдаты, дают по 300 и по 400 рублей”[119].

При этом определения “подлое сословие” и “чернь” далеко не всегда носили резко негативный уничижительный характер, часто этимологически были связаны с понятиями “черные слободы”, “простой”, “податной”[120] и отражали веками складывающееся представление об изначально определенном положении

---

[117] Так, будучи тамбовским губернатором, Г.Р. Державин сообщал делопроизводителю Г.А. Потемкина: “При объезде моем, как вам не безызвестно, препоручил мне его светлость князь Григорий Александрович приискивать купить деревень для своду в Херсон душ до тысящи. По прибытии моем в Тамбов сие было из первых моих попечениев. Уведомился я, что здешний губернии помещик г. бригадир Андрей Михайлович Нилов продает крестьян на свод до 300 душ, со всем их семейством и имуществом по 70 руб. [за] душу” (Письмо Г.Р. Державина В.С. Попову. 1786 г., март // *Грот Я.К.* Сочинения Державина с объяснительными примечаниями Я. Грота. СПб., 1869. Т. 5. С. 447–448). Ф.В. Ростопчин сообщал С.Р. Воронцову: “Третьего дня роздано 62-м лицам 109 000 душ Польских крестьян... Эти милости породили более завистников, чем счастливцев” (Ф.В. Ростопчин – С.Р. Воронцову. 1795 г., август (Русский Архив. 1876. Кн. I. № 1–4. С. 212)). См. также, например: И.И. Шувалов – П.И. Голицыной. 1763 г., август (Москвитянин. 1845. № 10, Ч. V, отд. I. С. 141); М.М. Щербатов – сыну. [1789] (Памятники московской деловой письменности XVIII века. М., 1981. С. 89); И.В. Страхов – А.Р. Воронцову. 1797 г., ноябрь (Архив князя Воронцова. М., 1879. Кн. 14. С. 489).

[118] В частности, Алексей Куракин писал брату: “Коль скоро вам Сергей Королев нужен, взять его извольте. Прошу только об том, чтоб назначаемый на его место имел лицо благообразное; хочется мне, чтоб были в должности официантской с приятными лицами” (Алексей Б. Куракин – Александру Б. Куракину. 1791 г., сентябрь (Восемнадцатый век. Исторический сборник. М., 1904. Т. 1. С. 144)). Ср.: Г.А. Полетико – жене. 1777 г., сентябрь (Киевская старина. 1893. Т. 41, № 5. С. 211). См. также, например: Е.Р. Дашкова – Р.И. Воронцову. 1782 г., декабрь (Архив князя Воронцова. М., 1880. Кн. 24. С. 141).

[119] Г.А. Полетико – жене. 1777 г., сентябрь (Киевская старина. 1893. Т. 41, № 5. С. 211).

[120] См., например: Словарь русского языка XI–XVII вв. М., 1989. Вып. 15. С. 280; *Даль В.И.* Толковый словарь живого великорусского языка. СПб.; М., 1882. Т. III. С. 184; *Черных П.Я.* Историко-этимологический словарь... Т. II. С. 49.

Дж.А. Аткимнсон. Кулачный бой. 1804 г.

Дж.А. Аткимнсон. Танец “голубец”. 1804 г.

каждого в системе социальной иерархии[121]. В одном из частных писем М.И. Воронцов обращался к канцлеру Н.И. Панину: "Прошу вас исходатайствовать от Ее Императорского Величества некоторое награждение хотя подлому, однако же исправно служившему человеку"[122]. "Худые, никем не обитаемые, кроме мужиков, деревни", "тяготы крепостных" были для помещика привычными с детства картинами жизни людей, которым такая доля "по их состоянию определена"[123]. Так причудливо трансформировалась в сознании дворянина объективная неизбежность существования и даже усиления крепостничества с его жесточайшим "режимом выживания барщинной деревни"[124].

В сознании российского образованного дворянства, составлявшего неотъемлемую часть европейской элиты, и самой "просвещенной" императрицы возникала внутренняя потребность так или иначе примирить гуманитарные идеи второй половины XVIII столетия и неумолимую реальность, при которой 90% населения страны относилось к "низкому податному сословию". Еще будучи великой княгиней, Екатерина писала: "Противно христианской вере и справедливости делать невольниками людей (они все рождаются свободными). Один Собор освободил всех крестьян (прежних крепостных) в Германии, Франции, Испании и пр. Осуществлением такой решительной меры, конечно, нельзя будет заслужить любви землевладельцев, исполненных упрямства и предрассудков"[125]. Позже императрица поймет, что речь шла не о злой воле, не о патологической склонности к угнетению и не об "упрямстве и предрассудках" русских помещиков. Отмена крепостничества в России второй половины XVIII в. была объективно экономически невозможна.

Это обстоятельство усиливалось в сознании дворянина уверенностью в полной психологической и интеллектуальной него-

---

[121] Неслучайно оскорбленный А.П. Сумароков, пытаясь изобразить всю глубину своей обиды, писал фавориту Елизаветы Петровны И.И. Шувалову: "Разве я крепостной, чтобы со мной так поступали? Разве я его дворовой?" (А.П. Сумароков – И.И. Шувалову. 1758 г., май (Письма русских писателей XVIII века. С. 78)).

[122] М.И. Воронцов – Н.И. Панину (Архив князя Воронцова. М., 1882. Кн. 26. С. 75).

[123] См., например, письмо А.С. Шишкова. 1776 г., август (Русская старина. 1897. Т. 90. Май. С. 410); В.В. Капнист – жене. 1788 г., февраль (*Капнист В.В.* Собр. соч. М.; Л., 1960. Т. 2. С. 314); Е.Р. Дашкова – Александру Б. Куракину. 1774 г., май (Архив князя Ф.А. Куракина. Саратов, 1898. Кн. 7. С. 304).

[124] См. об этом: *Милов Л.В.* Общее и особенное русского феодализма (Постановка проблемы) // История СССР. 1989. № 2. С. 42, 50, 62; *Он же.* Великорусский пахарь... С. 425–429, 430–433, 549–550, 563–564 и др.

[125] Собственноручные заметки Великой княгини Екатерины Алексеевны. С. 84; см. также: Записки императрицы Екатерины Второй. С. 626–627.

товности крепостных приобрести "звание свободных граждан"[126]. Так, в документах Московского воспитательного дома непосредственно заявлялось, что "рожденные в рабстве имеют поверженный дух", "невежественны" и склонны к "двум мерзким, в простом народе столь сильно вкоренившимся порокам – пьянству и праздности"[127]. И.И. Бецкой предупреждал Опекунский совет, что "крестьянские невольнические работы губят навеки воспитанников" и "надлежит как можно стараться, чтоб из них не сделать грубыми чувствами наполненных и рабствующих крестьян"[128]. Все углублявшийся раскол российского общества на тонкий слой европеизированной элиты и крестьянскую массу привел к тому, что подавляющая часть дворянской верхушки была психологически не способна увидеть "своих сограждан" в "грубых, глупых, пьяных и ленивых мужиках"[129]. "Свирепые нравы" "невежественного народа", "волнование толпы" и, конечно же, "злодейства государственного бунтовщика Пугачева" поселили страх в сознании дворянина за свое положение, за среду обитания, за свою высокородную элитарную культуру. С точки зрения привилегированного слоя, "низшее сословие" могло существовать только под жестким и мудрым покровительством помещика, и освободить эту "немысленную чернь" означало "выпустить на волю диких зверей"[130]. Дворянин был искренне убежден, что разрушение общественного порядка и цепей, связующих общество, невозможно было без изменения сознания самого крестьяни-

---

[126] В одном из писем в Опекунский совет Московского воспитательного дома И.И. Бецкой предлагал из спасенных сирот крепостных крестьян растить "людей благомыслящих… которые, яко свободные люди, долженствуют непременно иметь воспитание, без коего человек едва достоин сего названия… дабы они поселенными в них чувствованиями достойны были звания свободных граждан" (Письмо И.И. Бецкого в Опекунский совет. 1784 г., октябрь (Русская старина. 1873. № 11. С. 714)).

[127] См.: ПСЗ. Т. XVIII. № 12957. С. 290–325. 11 августа 1767.

[128] Письмо И.И. Бецкого в Опекунский совет. С. 714–715.

[129] Так, например, рассуждая о нравах прошлых веков, А.М. Кутузов заявлял Н.Н. Трубецкому: "Но оставим сих грубых невежд; нечто подобное сему видим мы ныне токмо между некоторыми крестьянами" (А.М. Кутузов – Н.Н. Трубецкому. 1790 г., январь (*Барсков Я.Л.* Переписка московских масонов XVIII века. 1780–1792 гг. Пг., 1915. С. 71)).

[130] Например, переписку представителей высшего сословия о Пугачевском бунте: П.И. Панин – Н.И. Панину. 1774 г., август–октябрь (Русский архив. 1876. Кн. II, № 5–8. С. 10–28); А.И. Бибиков – Д.И. Фонвизину. 1774 г., ноябрь (*Бибиков А.А.* Записки о жизни и службе Александра Ильича Бибикова. М., 1865. С. 76, прил.); П.А. Демидов – И.И. Михельсону. 1775 г., январь (Русский архив. 1873. Кн. II, № 7–12. С. 2234–2235); а также письма Г.Р. Державина, П.С. Потемкина, А.И. Бибикова. 1774 г., январь–октябрь (*Грот Я.К.* Сочинения Державина. С. 3–5, 164, 180–186, 242); и др.

на. “Свободному ли [быть] крепостному? – рассуждал А.П. Сумароков, – а прежде надобно спросить: потребна ли ради общего благоденствия крепостным людям свобода?”[131] Е.Р. Дашкова убеждала Дидро, что “образование ведет за собой свободу, а не свобода творит образование, первое без второй никогда не породят анархию и возмущения. Когда низшие классы моих соотечественников будут просвещены, тогда они сами захотят быть свободными, потому что поймут, как надо пользоваться свободой без вреда для других и плодами ее, столь необходимыми каждому цивилизованному обществу”[132]. В анонимной статье “Беседа о том, что есть сын Отечества”, которая довольно долго и не совсем аргументированно приписывалась А.Н. Радищеву[133], образ “сына Отечества” отождествлялся с образом “патриота”, который “страшится заразить соки благосостояния своих сограждан [и] пламенеет нежнейшею любовию к целости и спокойствию своих соотчичей”. Эти возвышающие наименования никак не связывались с правами человека, наполнялись исключительно этическим смыслом и сужали круг обязанностей “сына Отечества”, “патриота” и “гражданина” до соответствия конкретным нравственным качествам. Ошибка, которую, с точки зрения Руссо, допускали в середине XVIII столетия французы, усматривая в понятии “гражданин” не претензию на политическую свободу, а добродетель[134], была характерна для сознания российского высшего сословия, а, может быть, и в целом для мировоззрения века Просвещения. Автор статьи искренне полагал, что “сын Отечества” является и “сыном Монархии”, “повинуется законам и блюстителям оных, придержащим властям и… Государю”, который “есть Отец Народа”[135]. “Сей истинный гражданин” “сияет

---

[131] Цит. по: *Соловьев С.М.* История России с древнейших времен. М., 1965. Кн. XIV, т. 27–28. С. 102.

[132] *Дашкова Е.Р.* Записки. С. 119.

[133] Многие литературоведы полагали, что статья принадлежит перу А.Н. Радищева. Однако, на мой взгляд, автором статьи следует считать близкого к масонским кругам современника писателя (См. об этом: *Западов А.В.* Был ли Радищев автором “Беседы о том, что есть сын Отечества”? // XVIII век: Сб. ст. СПб., 1993. С. 131–155).

[134] *Руссо Ж.-Ж.* Трактаты. С. 161–162.

[135] В привлеченном к работе комплексе писем и посланий на высочайшее имя практически не зафиксированы случаи конфликтного противопоставления понятий “подданный” и “сын отечества”. Так, в 1775 г. В.Б. Голицын писал императрице по поводу военных побед России: “Но в рассуждении… всенародно ныне торжествующего благополучного мира, совершенного целомудрием и прозорливостью Вашей, в чем каждый подданный и сын отечества радость свою ощущает, удостой, Августейшая Монархиня… соучастником быть таковой же радости” (ОР РГБ. Ф. 64. Голицыны. Карт. 94. Ед. хр. 17. Л. 5об.).

в Обществе разумом и Добродетелью", избегает "любострастия, обжорства, пьянства, щегольской науки" и "не соделывает голову свою мучным магазином, брови вместилищем сажи, щеки коробками белил и сурика". Выражая полное единодушие со взглядом власти на "низшее сословие" и с отношением помещиков к "своей крещеной собственности", автор статьи не сомневался, что те, "кои уподоблены тяглому скоту… не суть члены Государства"[136].

Таким образом, в развитии политической терминологии русского языка второй половины XVIII в. запечатлелся еще один парадокс – понятия "гражданин", "сын Отечества", "член Государства" становились нравственным оправданием существования крепостничества. В одной из наиболее переработанных императрицей и отступающих от западноевропейских источников XI главе "Наказа" говорилось: "Гражданское общество требует известного порядка. Надлежит тут быть одним, которые правят и повелевают, а другим — которые повинуются. И сие есть начало всякого рода покорности"[137]. Все, что мог сделать "истинный гражданин" для несчастных, погруженных "во мрачность варварства, зверства и рабства", – это "не терзать [их] насилием, гонением, притеснением"[138].

Так постепенно складывалось представление о счастливой доле "простого невежественного народа", для которого пагубна свобода и которому необходимо покровительство высшего "просвещенного" сословия "истинных граждан". В "Наказе" Екатерина дала недвусмысленно понять, что лучше быть рабом одного господина, чем государства: "В Лакедемоне рабы не могли требовать в суде никакого удовольствия; и несчастие их умножалося тем, что они не одного только гражданина, но при том и всего общества были рабы"[139]. Денис Фонвизин во время своего второго заграничного путешествия 1777–1778 гг., сравнив зависимость податного сословия в России с личной свободой во Франции, вообще отдал преимущество крепостничеству: "Я видел *Лангедок, Прованс, Дюфине, Лион, Бургонь, Шампань*. Первые две провинции считаются во всем здешнем государстве хлебороднейшими и изобильнейшими. Сравнивая наших крестьян в лучших местах с тамошними, нахожу, беспристрастно судя, состояние наших несравненно счастливейшим. Я имел честь вашему сиятельству

---

136 См.: *Радищев А.Н.* Путешествие из Петербурга в Москву. С. 215–223.
137 Наказ императрицы Екатерины II. С. 74.
138 См.: *Радищев А.Н.* Путешествие из Петербурга в Москву. С. 218–219.
139 Наказ императрицы Екатерины II. С. 75.

описывать частию причины оному в прежних моих письмах; но главною поставляю ту, что подать в казну платится неограниченная и, следственно, собственность имения есть только в одном воображении"[140].

Итак, понятийный анализ официальных и личных источников обнаружил запечатленные в лексике скрытые метаморфозы отношений власти и личности в России XVIII столетия, которые не всегда просматриваются с подобной очевидностью при использовании иных приемов анализа текстов. "Холопы", "сироты" и "богомольцы" XVII в. в 1703 г. по воле Петра I все поголовно стали "нижайшими рабами", а в 1786 г. в соответствии с указом императрицы Екатерины II были названы "верными подданными". Это новое наименование использовалось самодержавием как орудие воздействия на сознание населения исторического ядра империи и жителей присоединяемых территорий, которые для престола превратились в "новых подданных", а для "древних, старых подданных" в "любезных сограждан". В реальной политической практике власть никого не удостаивала именем "гражданина", используя это понятие лишь для создания абстрактного образа "Наказа" и книги "О должностях человека и гражданина". Но даже на страницах высочайшей публицистики некий умозрительный "гражданин" наделялся не правами, а обязанностями и добродетелями, которые носили назидательных характер и ничем не отличались от обязанностей и добродетелей "верного подданного". Ассоциации понятия "гражданин" с республиканской формой правления не слишком волновали власть, когда речь шла об архаике Древней Греции и республиканского Рима, а также о "гражданах республики Польской", которых доблестные войска императрицы избавили от анархии. Но "обезумевшие" "граждане" восставшего Парижа глубоко возмутили самодержавный престол, и Павлу I понадобился специальный указ, чтобы ввести неугодное слово в его прежнее семантическое русло – в 1800 г. под "гражданами" было приказано подразумевать как в старые времена "горожан". Между тем в России последней трети XVIII в. не только понятие "гражданин", но и даже понятие "подданный" было достаточно абстрактным и собирательным. "Новые подданные", которым обещались права и преимущества "древних", очень скоро их получили, правда, эти права в действительности оказались для большинства усилившейся зависимостью, а 90% самих "древних подданных" на практике обыч-

---

[140] Д.И. Фонвизин – П.И. Панину. 1778 г., март (*Фонвизин Д.И.* Собр. соч.: В 2 т. М.; Л., 1959. Т. 2. С. 465–466).

но именовались не "подданными", а "душами" и "низшим сословием".

Обращает на себя внимание тот факт, что, согласно указу 1786 г., термин "подданный" в качестве подписи становится обязательным лишь для определенного вида посланий на имя императрицы, а именно для реляций, донесений, писем, а также присяжных листов и патентов. Формуляр жалобниц или прошений, исключающий слово "раб", в то же время не предполагал этикетной формы "подданный", "верноподданный" и был ограничен нейтральной концовкой "приносит жалобу или просит имярек". А если учесть происходящее на протяжении XVIII в. стремительное сужение привилегированного слоя, представители которого имели реальное право адресовать свои послания непосредственно императрице, то станет очевидно, что собственно "подданными" власть признавала очень избранную группу людей. В 1765 г. был опубликован указ, запрещающий подавать прошения лично императрице, минуя соответственные присутственные места. Наказания варьировались в зависимости от чина и статуса "предерзких" челобитчиков: имеющие чин платили в качестве штрафа одну треть годового оклада, а крестьяне отправлялись в пожизненную ссылку в Нерчинск[141]. Следовательно, на "беспосредственное", как говорили в XVIII в., обращение с жалобами или прошениями к императрице могло рассчитывать лишь ближайшее окружение, направляющее Екатерине не челобитные, а письма.

Обнаруживается, что законодательное изменение формуляра челобитных и лексики посланий на высочайшее имя было адресовано не только просвещенному европейскому мнению, но и высшему сословию, и прежде всего его политически активной элите. Исключение из стандартной подписи прошений какой-либо формы выражения взаимоотношений автора и монарха, с одной стороны, и официально заданная концовка "верный подданный" в личных и деловых посланиях, направляемых к престолу, – с другой, свидетельствовали о стремлении императрицы к иному уровню контактов именно со своим ближайшим окружением, в котором она хотела видеть партнеров, а не челобитчиков.

Однако сохранившиеся в архивах и рукописных отделах подлинники многочисленных посланий на высочайшее имя представителей дворянской элиты свидетельствуют, что все они легко мирились с трафаретной подписью "раб", не требовали измене-

---

[141] ПСЗ. 1765. Т. XVII. № 12316. С. 12–13.

ния формуляра и оставили без внимания терминологические нововведения Екатерины. Законодательно измененная концовка посланий императрице молчаливо игнорировалась, и даже дипломатические реляции и политические проекты продолжали поступать за подписью "нижайший верноподданнейший раб". Пожалуй, единственной реакцией на новый формуляр прошений, которая целенаправленно была доведена до сведения престола, стала ода В.В. Капниста "На истребление в России звания раба Екатериною Второю в 15 день февраля 1786 года":

Красуйся, счастлива Россия!
Восторгом радостным пылай;
Встречая времена златые,
Главу цветами увенчай!
⟨...⟩

Да глас твой в песнях возгремит,
Исполнит радостью вселенну:
Тебе свободу драгоценну
Екатерина днесь дарит.

Еще до публикации поэт отправил новое произведение своим взыскательным друзьям, Н.А. Львову и Г.Р. Державину, а также редактору петербургского журнала "Зеркало света" Ф.О. Туманскому, которому, в частности, писал: "...Я послал другу моему Николаю Александровичу Львову Оду на истребление в России названия раба Ее Императорским Величеством 15 числа минувшего февраля, предоставя ему волю напечатать ее или предать ее всесожжению. ⟨...⟩ можете ее поместить в издании вашем, буде не опасаетесь представить в Зеркале света зеркало весьма дурного сочинения". Капнист действительно не был уверен в художественных достоинствах и политической корректности своего произведения. Ни словом не обмолвясь о законодательно вводимом понятии "подданный", он воспевал запрещение использовать слово "раб" в официальных бумагах как реальное освобождение россиян. Народ могучей империи одерживал блистательные победы, находясь до этого судьбоносного высочайшего указа в подневольном положении:

Среди такого блеска славы,
Побед, которым нет числа,
Во узах собственной державы
Россия рабства дни влекла,
Когда чужую цепь терзала,
Сама в веригах унывала
И не рвала своих оков ⟨...⟩

Разумеется, столь неловкое отождествление изменения канцелярских штампов и неосуществленных социальных реформ скорее разоблачало крепостническую монархию, чем превозносило императрицу. Неслучайно Екатерина была разгневана поэтическими упражнениями Капниста, со свойственной ей проницательностью уличив незадачливого одописца в неискренности. И действительно, в письме Державину, где шла речь о новой оде, Капнист признавался в чувствах, далеких от верноподданнического рвения: "...Душевно отстал я от всяких великосветских замыслов. Съискиваю свое истинное счастье в уединении... в воспитании детей, в созерцании прекраснейшей девственной природы, лелеющей обитель мою, в погружении себя иногда в недро души моей и в воспарении оттуда иногда к источнику ее и всей твари. ⟨...⟩ Руками упражняюсь... в украшении сада моего, какого прекраснее и редкие цари имеют"[142].

Портрет Н.И. Панина.
Копия неизвестного художника
с оригинала А. Рослина.
Последняя треть XVIII в.

Верхушка дворянства, которой, собственно, и было даровано право именоваться "подданными", этим правом пользоваться не торопилась. Некоторые же представители образованной элиты вообще осмелились противопоставить понятие "подданный" понятию "гражданин" и превратить данное противопоставление в орудие политического дискурса. За несколько лет до указа Екатерины о запрещении упоминать слово "раб" в посланиях на высочайшее имя и обязательной замене его на слово "подданный" в проекте Н.И. Панина "О фундаментальных законах", который сохранился в записи его друга и единомышленника Дениса Фон-

142 *Капнист В.В.* Собр. соч. М.; Л., 1960. Т. 1. С. 101–103, 714; Т. 2. С. 286–288, 294, 572–574.

Неизвестный художник.
Портрет графа П.И. Панина.
Копия с оригинала В. Эриксена
(Г. Сердюкова (?)).
Вторая половина XVIII в.

визина, говорилось: “Где же произвол одного есть закон верховный, тамо прочная общая связь и существовать не может; тамо есть Государство, но нет Отечества; есть подданные, но нет граждан, нет того политического тела, которого члены соединялись бы узлом взаимных прав и должностей”[143]. Приведенные слова канцлера Панина и писателя Фонвизина являются одним из первых случаев употребления прямой антитезы “подданный”–“гражданин”. В этом политическом трактате смысловое содержание слова “гражданин” конфликтно сталкивалось и с такими антонимами, как “*право сильного*”, “раб”, “деспот”, “пристрастное покровительство”, “злоупотребления власти”, “прихоть”, “*любимец*”, а также углублялось с помощью синонимического ряда, включающего понятия “закон”, “благородное любочестие”, “прямая *политическая вольность* нации”, “свободный человек”[144]. Таким образом, в общественном сознании второй половины XVIII в. постепенно складывалась иная, альтернативная официальной, трактовка слова “гражданин”, в котором высшая политическая элита дворянства начинала видеть человека, защищенного законом от своеволия самодержца и его личных высочайших пристрастий. Спустя несколько лет после появления проектов Панина–Фонвизина, новый канцлер А.А. Безбородко

---

[143] Письма с приложениями графов Никиты и Петра Ивановичей Паниных блаженной памяти к Государю Императору Павлу Петровичу // Император Павел I. Жизнь и царствование / Сост. Е.С. Шумигорский. СПб., 1907. С. 4; см. также: Бумаги графов Н. и П. Паниных (записки, проекты, письма к вел. кн. Павлу Петровичу) 1784–1786 гг. // РГАДА. Ф. 1. Оп. 1. Ед. хр. 17.

[144] Курсивом выделены слова, подчеркнутые в подлиннике (См.: РГАДА. Ф. 1. Оп. 1. Ед. хр. 17. Л. 6 об., 13, 14).

напишет: "…Да истребятся все способы потаенные и где кровь человека и гражданина угнетается вопреки законов"[145].

В то же время "гражданин" наделялся не только сугубо нравственными добродетелями, свидетельствующими, в частности, о его чистоплотности или целомудрии. Мыслящий дворянин ожидал от "истинного гражданина", коим почитал и себя, определенной политической зрелости и чувства личной ответственности за Отечество, но не за самодержавное государство. Неслучайно в проекте Панина–Фонвизина отчетливо прозвучало мнение, что понятие "Отечество" не исчерпывается образом абсолютной монархии Екатерины. Вспоминания о конфликте императрицы и частного издателя, мыслителя и розенкрейцера Новикова, Н.М. Карамзин писал: "Новиков как гражданин, полезный своею деятельностию, заслуживал общественную признательность; Новиков как теософический мечтатель по крайней мере не заслуживал темницы"[146]. Наконец, в текстах некоторых представителей дворянской элиты понятие "гражданин" сопоставлялось с понятием "человек". Следуя за взглядами Руссо "о переходе от состояния естественного к состоянию гражданскому"[147], Радищев полагал, что "человек родится в мир равен во всем другому", соответственно "государство, где две трети граждан лишены гражданского звания и частию в законе мертвы", не может назваться "блаженными" – "земледельцы и доднесь между нами рабы; мы в них не познаем сограждан нам равных, забыли в них человека"[148].

Однако следует отметить, что в целом понятие "гражданин" довольно редко употреблялось в художественных произведениях и публицистике второй половины XVIII столетия, а в частной переписке и вовсе почти не встречалось. Как ни странно, наибольшей популярностью этот термин пользовался у "просвещенной императрицы". В рамках же всего комплекса привлеченных к

---

[145] Записка князя Безбородко о потребностях империи Российской // Русский архив. 1877. Кн. I, № 3. С. 297–300.

[146] *Карамзин Н.М.* Записка о Н.И. Новикове // *Карамзин Н.М.* Избранные сочинения в двух томах. М.; Л., 1964. Т. 2. С. 232. Фонвизин упоминал в письмах к П.И. Панину о "патриотических" чувствах "истинного гражданина", всем сердцем радеющего за военные победы России: "Патриотические о мире рассуждения ваши, милостивый государь, конечно, не найдут противоречия ни от кого из истинных граждан. Ваше сиятельство… имеете причины радоваться тому, что все уже устроено к трактованию о мире" (Д.И. Фонвизин – П.И. Панину. 1772 г., май (*Фонвизин Д.И.* Собр. соч. Т. 2. С. 383)).

[147] *Руссо Ж.-Ж.* Трактаты. С. 164.

[148] *Радищев А.Н.* Путешествие из Петербурга в Москву. С. 227, 248, 279, 293, 313–315, 323 и др.

работе текстов[149] понятие “гражданин” использовалось не спорадически, а для целенаправленной характеристики отношений личности и государства лишь в проектах Панина–Фонвизина и “Путешествии из Петербурга в Москву” Радищева. В первом случае “гражданин” становился символом монархии, где престол окружают не фавориты, а защищенная законом государственная элита, во втором же – право на политическую дееспособность признавалось и за крепостным, имеющим “одинакое от природы сложение”[150]. Данные идеи нельзя признать уникальными и существующими лишь в сознании упомянутых авторов – подобные мысли были весьма характерны для оппозиционно настроенного дворянства, однако далеко не всегда выражались с помощью термина “гражданин”[151]. Так, М.Н. Муравьев, выражая свое отношение к личности крестьянина, использовал антитезу “простой”–“знатный”: “В тот же самый день простой крестьянин внушил в меня почтение, когда я взирал с презрением на знатного, недостойного своей породы. Я почувствовал всю силу *личного достоинства*. Оно одно принадлежит человеку и возвышает всякое состояние”[152]. И даже Фонвизин в собственных литературных произведениях довольно редко обращался к понятию “гражданин”, которое вообще не встречается в его “Опыте российского словника”, а в размышлениях о положении крепостных используются другие термины: “Человек бывает *низок* состоянием, а *подл* душою. В *низком* состоянии можно иметь благороднейшую душу, равно как и весьма большой барин может быть весьма *подлый* человек. Слово *низость* принадлежит к состоянию, а *подлость* к поведению”[153].

---

[149] Напомню, что источниковая база работы включает более трех тысяч писем дворянства, около 50 художественных и публицистических произведений XVIII столетия, а также все законодательные акты, опубликованные в Полном собрании законов Российской империи, и несколько сотен других архивных текстов.

[150] *Радищев А.Н.* Путешествие из Петербурга в Москву. С. 314.

[151] Например, Новиков неслучайно выбрал в качестве эпиграфа своего журнала “Трутень” слова: “Они работают, а вы их хлеб ядите”. В 1773 г. он заметил в одном из писем: “Хлеб… нужнейшая вещь для продолжения человеческой жизни, вот истинное… всего государства богатство” (Н.И. Новиков – Г.В. Козицкому. 1773 г., май (Письма Н.И. Новикова. С. 7)). Однако в своих размышлениях к понятию “гражданин” он не прибегал практически никогда.

[152] *Муравьев М.Н.* Обитатель предместья // *Муравьев М.Н.* Полн. собр. соч. СПб., 1819. Т. 1. С. 101.

[153] *Фонвизин Д.И.* Опыт российского словника // *Фонвизин Д.И.* Собр. соч. Т. 1. С. 225–226.

Действительно, русская фронда периода правления Екатерины II не собиралась умирать за республику, конституцию и право вместе с собственными крестьянами "именоваться гражданами": представители самоопределяющейся дворянской культуры даже к дарованной им привилегии подписываться в посланиях императрице "подданный", а не "раб" отнеслись прохладно. Самодержавие в России второй половины XVIII в. будет ограничено не "гражданином", требующим гарантированных законом прав, а личностью с независимой духовной жизнью, и не в области политики, а в сфере внутреннего мира фрондирующего дворянина. Начавшееся ослабление союза образованной элиты и государства применительно к данному периоду проявится на уровне оценочных реакций и терминологических предпочтений. Преодоление непререкаемого авторитета самодержавного правления будет заключаться в поиске иных сфер реализации личности, относительно независимых от имперского аппарата, престола, светской массы. Наиболее думающая и остро чувствующая часть интеллектуалов отдалится от верховной власти и все более настойчиво будет пытаться осуществить себя на социальной периферии, удаленной от эпицентра действия официальных ценностей. Этот по-своему уникальный для европейской истории процесс, в силу неоднозначности проявлений приобретший в литературе целый репертуар наименований – возникновение общественного мнения, самоопределение интеллектуальной аристократии, эмансипация культуры, формирование интеллигенции[154], – начнется уже в царствование Елизаветы и завершится в первой половине XIX столетия. Суть его была парадоксально сформулирована Ломоносовым и спустя несколько десятилетий воспроизведена Пушкиным. В 1761 г. ученый заявил блистательному вельможе И.И. Шувалову: "Не токмо у стола знатных господ, или у каких земных владетелей дураком быть не хочу; но ниже у самого господа Бога, который мне дал смысл, пока разве отнимет". В дневнике 1833–1835 гг. поэт запишет: "Но я могу быть подданным, даже рабом, – но холопом и шутом не буду и у царя небесного"[155].

---

[154] См., например, об этом: *Лотман Ю.М.* Беседы о русской культуре. Быт и традиции русского дворянства (XVIII – начало XIX века). СПб., 1994; *Smith D.* Working the Rough Stone. Freemansonry and Society in Eighteeningth-Century Russia. DeKalb (Ill.), 1999; *Wirtschafter E.* The Play of Ideas in Russian Enlightenment Theater. DeKalb (Ill.), 2003; и др.

[155] Цит. по: *Пушкин А.С.* Дневники, записки. СПб., 1995. С. 40, 238.

Очерк V

Личность

"Душевно отстал я от всяких великосветских замыслов"

Состояние сознания общности в определенный конкретно-исторический момент всегда характеризуется взаимовлиянием и взаимодеформацией нескольких систем ценностных ориентаций, появлением новых потребностей и угасанием старых, выхолащиванием содержания из традиционных доктрин и наполнением их иным смыслом, сменой ведущих мотивов и возникновением новых мотивационных противоречий. В этом сложном движении встречных и пересекающихся кривых развития заключено извечное противоборство двух тенденций – к сохранению стереотипа и к его преодолению, неразрешенный конфликт типичного, повторяющегося и уникального, индивидуального, столкновение господствующих и новых ценностных норм. В сознании российского дворянства последней трети XVIII в. фоновую систему ценностей составляли традиционные официальные идеалы и общепринятые в чиновной среде прагматичные ориентиры. Новые приоритеты утверждались как альтернатива господствующим, что неизбежно сопровождалось формированием в определенной среде высшего сословия оппозиционных настроений. Наиболее восприимчивыми к фрондерским идеям оказались представители элиты образованного дворянства, которым были открыты максимально широкие возможности для становления личности, допустимые условиями России последней трети XVIII в.

Анализ содержания, функционирования, отмирания и возникновения различных ценностных систем позволяет уловить родовые черты сознания высшего сословия в их индивидуальных проявлениях. Однако работа с личностно уникальными источниками, к каким относится частная переписка, ставит ряд проблем,

связанных с воссозданием динамики социально-психологических процессов, и в частности оппозиционных настроений. Человек в реальных жизненных условиях находится под влиянием нескольких систем ценностей. В сознании российского дворянина последней трети XVIII в. были соединены официально задаваемые черты "ревностного подданного", интересы чиновника имперской службы и новые альтернативные предпочтения. Это противоречивое, а порой конфликтное сосуществование, вызывающее взаимную деформацию ценностных систем, предопределило оригинальные, парадоксальные, причудливые характеры в среде высшего сословия екатерининского царствования.

Эпистолярный материал, характеризующий смену ценностей и норм, с точки зрения полноты отражения процессов может быть условно разделен на два типа. С одной стороны, это отдельные, часто косвенные свидетельства развития оппозиционных настроений, встречающиеся в переписке, выдержанной в целом в духе господствующих взглядов. С другой стороны, в письмах имеются легко вычленяемые пласты, содержание которых определяется новой альтернативной системой ценностей. Данные темы закономерно связаны с деятельностью авторов в сферах, находящихся на периферии государственной службы или даже относительно автономных. В плоскости функциональной классификации эпистолярного материала наиболее богаты информацией письма, раскрывающие индивидуальность, личностное начало автора, а именно интеллектуально-эмоциональная, интимная дружеская переписка, содержащая элементы дневниковых записей, исповеди, философских, литературных, религиозных, политических размышлений. К содержащемуся в переписке эпистолярному материалу, который с точки зрения социальных функций можно уподобить дневнику и газетному репортажу, относятся дружеские письма от автора, находящегося в высших светских кругах при дворе или за границей. Сведения подобной переписки интересны как в плане восприятия дворянской среды и степени осознания распространяющихся там оппозиционных настроений, так и с точки зрения оценочных реакций на социально-политический строй и образ жизни европейских государств. Резкая прямая критика чужих пороков означала неминуемое распознавание их и в социально-политическом строе России, даже при благолепном молчании и отсутствии сопоставлений из страха перед перлюстрацией.

В письмах же, посвященных частным деловым вопросам, проблемам государственной службы и карьеры, запечатлелась не индивидуальность автора, а выполняемая им предопределен-

ная социальная роль помещика, покровителя, протеже, начальника и т.п. В стереотипных ситуациях, стандартных обращениях, общеупотребительных клише могла вообще не проявиться глубоко чувствующая и мыслящая натура. Так случилось в письмах известного литератора, автора пьесы "Вадим Новгородский" Я.Б. Княжнина, человека, пережившего открытый конфликт с высшей властью, прошедшего разжалование в солдаты и заключение. В 1773 г. он едва избежал смертной казни, к которой был приговорен за направленную против самовластия трагедию "Ольга" под предлогом обвинения в растратах, вероятно, небезосновательного. В 1777 г. Княжнину был возвращен капитанский чин, и вскоре он стал одним из секретарей И.И. Бецкого, основателя Московского воспитательного дома, с обер-директором которого Г.Г. Гогелем и состоял в переписке. Послания Княжнина к своему адресату рисуют портрет исполнительного, среднего чиновника, а не "любви достойного человека, который заставляет ждать в себе трагика, может быть, превосходнейшего, нежели его тесть"[1], как его характеризовал в письме сестре М.Н. Муравьев. Характерным примером возникающего зазора между взглядами автора и их отражением в эпистолярных источниках может служить также переписка Н.И. Панина, стоявшего во главе сторонников ограничения власти в пользу дворянской олигархии, и А.Г. Орлова-Чесменского, брата фаворита императрицы, который, естественно, принадлежал к противостоящей Панину партии. В переписке главы Коллегии иностранных дел и героя Чесменского сражения, выдержанной в традиционной комплиментарной форме, взаимная враждебность практически не отразилась.

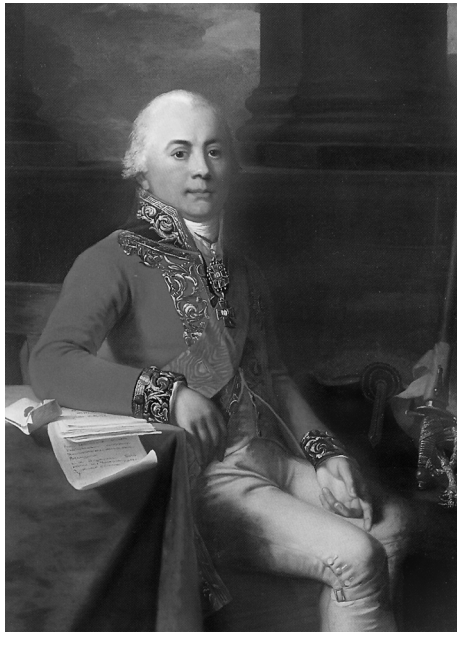
Работа с источниками показала, что для воссоздания новой ценностной системы важно не только постоянное возвращение к историям судеб, но и анализ различных по функциям писем одного автора. Сопоставление стиля, тематики, оценок, реакций позволило выявить сам механизм формирования оппозиционных настроений.

Взгляды автора, которые сам он расценивал как альтернативу господствующим нормам, обнажались в интимной дружеской переписке и особенно отчетливо формулировались в письмах к адресату, чья независимая позиция активизировала размышления в новой ценностной системе. Характерными примерами усиления негативизма автора личностью адресата могут служить

---

[1] М.Н. Муравьев – сестре. 1778 г., февраль (Письма русских писателей XVIII века. Л., 1980. С. 348).

письма А.А. Безбородко и Ф.В. Ростопчина полномочному министру России в Англии С.Р. Воронцову, резко критически относившемуся к самовластному правлению, письма Я.И. Булгакова и П.В. Завадовского к полуопальному полководцу П.А. Румянцеву, переписка просвещенных вельмож елизаветинского царствования И.И. Шувалова и М.И. Воронцова, удалившихся от двора новой императрицы. С другой стороны, строгое следование стереотипным оценкам могло определяться исключительно традиционными мнениями адресата и быть глубоко чуждым истинным ориентирам автора. В известной степени идеологически запрограммированы письма Е.Р. Дашковой отцу, М.Н. Муравьева отцу, Н.М. Карамзина брату. Поэтому с точки зрения взаимоотношений автора и адресата наиболее результативно для анализа содержания новой системы ценностей привлекать переписку друзей, единомышленников, близких по своим оценочным реакциям, искренние послания к оппозиционно настроенным современникам.



Ж.Л. Монье. Портрет М.Н. Муравьева. 1800-е годы

Социально-психологическая неоднородность сознания личности дворянина ставит ряд источниковедческих проблем, связанных с вычленением в эпистолярном материале характеристик традиционных, господствующих и альтернативных ориентаций. Причем если фоновые системы ценностей достигли критического уровня развития и потому легко прочитывались по данным переписки, то новые социально-психологические процессы еще только зарождались, и их узнавание требовало особой тщательности при работе с источником. Оппозиционные настроения часто возникали спонтанно, были ограничены лишь словесными заявлениями, не реализовывались в продуманных действиях и имели неадекватную рационализацию. Нередко эмоционально-

оценочные реакции чисто рефлекторно формулировались индивидом в духе затверженных заповедей, вовсе не составляющих его образ мыслей, а истинные мотивы не осознавались. Начальный этап процесса формирования нового типа личности отразился в незначительных косвенных заявлениях, едва заметных нарушениях этикета, нестандартном восприятии стереотипных ситуаций. Лишь детальный контент-анализ содержания писем и всесторонний учет всех характеристик эпистолярного материала позволил в различных, казалось бы, независимых друг от друга поступках, оценках, действиях уловить зарождение социально-психологической фронды в среде дворянства.

При работе с перепиской также следует иметь в виду своеобразный эпистолярный этикет. Высокоторжественные славословия в адрес императрицы были устоявшимися клише. Личные же впечатления и оценки, особенно идущие вразрез с общепринятыми, выражались часто сдержанно, немногословно. В подобной манере проявления чувств вовсе не следует видеть эмоциональную пассивность, малую степень заинтересованности автора. Интенсивность проявления оппозиционных настроений в источниках крайне снижалась постоянной угрозой перлюстрации, особенно писем представителей высших кругов. Почти автоматическая привычка помнить, что переписка прочитывается, породила продуманную систему намеков и как бы невзначай оброненных суждений.

Эпистолярные источники отличаются рядом специфических черт, которые также необходимо учитывать при раскрытии динамики социально-психологических процессов. Письма отражают сиюминутные настроения автора, его повседневные, текущие проблемы, они богаты эмпирикой. В переписке запечатлелось не столько умственное, сколько духовное состояние общества, неконцептуальное, обыденное, бытующее сознание. По материалам эпистолярных источников может быть воссоздана преимущественно эмоциональная сторона оппозиционности, которая имела самый широкий спектр проявлений, отличающихся от их рафинированного идеологизированного обоснования и осмысления в произведениях художественной литературы, мемуарах, публицистике, манифестах, политических программах. Достаточно, например, сопоставить "Записки" Е.Р. Дашковой, "Письма русского путешественника" Н.М. Карамзина, "Взгляд на мою жизнь" И.И. Дмитриева, "Записки из известных всем происшествий и подлинных дел..." Г.Р. Державина и переписку этих же авторов, чтобы убедиться, что эпистолярные источники и даже наиболее

близкие к ним литературные воспоминания отражают разные уровни сознания личности.

Таким образом, в переписке отразилась прежде всего социально-психологическая оппозиционность и фрондерские настроения в элитарной среде российского дворянства последней трети XVIII в. Под оппозицией понимается противостояние, противодействие, отрицание господствующих ориентаций и формирование альтернативных ценностей. Под фрондой – сходный процесс духовного сопротивления, имеющий, правда, более спонтанный, фрагментарный характер и отличающийся резкой негативно-критической направленностью при довольно смутном представлении о позитивном идеале[2].

Наибольшее количество негативно-критических высказываний, связанных с областью государственной службы, было направлено против общепринятых традиционных путей и средств продвижения по чиновной иерархической лестнице. Авторы писем брезгливо отрицали господствующую систему прошений, рекомендаций, протекций, обрекающую на неизбежное "выхаживание" повышения и должности. Наиболее острые реакции вызывало унижение достоинства при неизбежном столкновении личности с системой "доискивания", когда "надо скрывать свою честность, если желаешь успехов"[3]. Этика продвижения по иерархической лестнице требовала строгого следования стереотипу благонравного чиновника, превращала дворянина в приспешника, ничем не брезгающего, чтобы угодить покровителю. Четко отработанные негласные заповеди внушали: не злоупотреблять милостью начальника, ничего не требовать, благодарить

---

[2] Своим происхождением этот термин обязан "сложному комплексу охвативших Францию в 1648–1653 гг. социальных движений" (от франц. "фронда" – праща). Специалист по истории Франции В.Н. Малов считает, что Фронду (с заглавной буквы) "нельзя определить ни как феодальную реакцию, ни как буржуазную революцию. Время антиабсолютистского феодального сепаратизма уже отошло в прошлое, время буржуазных революций во Франции еще не настало. Именно невозможность найти для Фронды место в этой привычной системе исторических координат делает ее такой трудной для понимания" (*Малов В.Н.* Фронда // Вопросы истории. 1986. № 7. С. 76, 87). В современном русском языке под фрондой (со строчной буквы) и фрондерством понимается "непринципиальная, несерьезная оппозиция, главным образом по мотивам личного или группового характера" или же "противопоставление себя окружающим из чувства противоречия, несогласия, личного недовольства" (См.: *Ожегов С.И., Шведова Н.Ю.* Толковый словарь русского языка. М., 1993. С. 889; Словарь иностранных слов. М., 1989. С. 554).

[3] Ф.В. Ростопчин – С.Р. Воронцову. 1791 г., февраль (Русский архив. 1876. Кн. I, № 1–4. С. 81).

за то, что дают, реагировать на малейшее проявление его воли, следовать его мнениям, быть воплощением исправности, почтения, послушания, особенно на первых этапах служебной карьеры. Интересно, что в письмах начинают появляться почти сюжетные сцены прошений. Подобные описания предназначены не только для того, чтобы ввести адресата в курс дел автора. Они могут расцениваться как обостренная реакция на эти унизительные ситуации. Так, М.Н. Муравьев с горечью писал о своих "исканиях" повышения для отца, председателя Казенной палаты в Твери: «Дядюшка стал просить о вас. Сиверс ответствовал то же, что обещать не могу, а стараться, уж конечно, буду ⟨…⟩ Дядюшка после того, в другий раз, зачал просить усильно. Он на это, с особливой миною, как будто принуждаем, говорит: "Сделать я не могу сам собою: государыня изволит определять, и вы знаете, что у братца есть люди, которые его не любят"». В другом письме он передает отцу свой разговор с начальником, майором Измайловского полка Н.В. Леонтьевым, о князе Н.В. Репнине: «Все сии дни ездил я к своему полковнику с записочкой от Василья Ивановича Майкова, но его не заставал дома. Нынче застал, и он долго говорил со мною. "Напрасно трудитесь, – говорит он, – не думайте, чтоб я не старался о вашем отпуске. Еще на прошедшей неделе, между прочими моими надобностями, докладывал я и о вас подполковнику; он все принял благоприятно и приказал отдать записочку Федору Яковлевичу. Но я не знаю, каким образом опоздал он ему напомнить, так что как зачал он докладывать по записке, то подполковник, видно позабывшись, что он сам позволил, сказал: – "Этого уж много будет". – Но я, – продолжает он, – не удовольствовался этим и искал времени с ним объясниться. Ездил третьего дня и вчерась и не застал дома. Сегодня он угощает государыню, строит горы и распоряжает все этакое, так ему теперь не до отпусков. Подождите до субботы. Вот был его ответ»[4]. Неслучайно поэтому особенно ценилось покровительство, не унижающее достоинства личности. "…После вас, – писал Ф.В. Ростопчин С.Р. Воронцову о А.А. Безбородко, – я этого человека почитаю более всех, не столько за сделанное им мне добро, сколько за благородный образ действий в этом случае"[5].

Признание неизбежности поэтапного продвижения по службе с помощью покровителя отразилось в дружеской переписке,

[4] М.Н. Муравьев – отцу. 1777 г., сентябрь (Письма русских писателей... С. 286); М.Н. Муравьев – отцу. 1778 г., февраль (Там же. С. 347).

[5] Ф.В. Ростопчин – С.Р. Воронцову. 1792 г., февраль (Русский архив. 1876. Кн. I, № 1–4. С. 88).

которая являлась своеобразным средством психологической защиты и снятия напряженности. Сомнение и недоверие выражалось, как правило, в сдержанном молчании, поразительном отсутствии просьб в письмах к вышестоящему по чиновной лестнице начальнику. Осуждение "доискиваний" в окружающей дворянской среде безусловно преобладало над объективным признанием фактов "идолопоклонства" в собственной судьбе[6]. Тем ценнее факты резкого отказа от унизительных просьб, которые отмечены в письмах С.Р. Воронцова, В.В. Капниста, Н.М. Карамзина, А.М. Кутузова, М.Н. Муравьева, Н.И. Новикова. "Сверх же сего на некоторые места из писем ваших скажу: 1) совет, что бы писать прошение, я не решился исполнить, основываясь на том, что лучше предать себя в волю Божию, нежели человеческую", – писал А.Ф. Лабзину Н.И. Новиков, а впоследствии признавался другу в письме: "Я никогда не искал, не учился тому и не умею"[7].

Наряду с недоумением по поводу добровольного отказа от "выхаживания" чина, повышения, престижной должности и предположения в этом отказе скрытого хитроумного хода, встречается и явная симпатия к нежеланию идти на унизительные "доискивания". В письме Д.И. Фонвизина к сестре представлена целая история длительного уклонения ее супруга и друга Д.И. Фонвизина В.А. Аргамакова от необходимости "добиваться места". "С приезда своего отдыхал он неделю ⟨…⟩. На другой неделе начал я дружески и по твоему письму советовать ему, чтоб он позволил мне представить его графу моему, через которого можно сблизиться с великим князем. Он на то согласился, хотя представление свое от дня в день и откладывал ⟨…⟩. Наконец, отнекиваясь, сказал он мне, что этого не хочет, потому что у него нет кафтана, а мундир сшит худо ⟨…⟩. Прошло уже пять недель,

---

[6] М.Н. Муравьев сообщал отцу: "Вечером был у нас с Иваном Матвеевичем совет делать разные предприятия ⟨на⟩ будущее утро. Мы так верно расположили, что уж казалось, будто я и впрямь офицер Преображенского полку и не позже, как в новом году… В самом деле, по утру, то есть вчерась, Иван Матв[еевич] разбудил всех очень рано, и снарядились мы идолопоклонствовать он в свой полк, а я к Козловскому" (М.Н. Муравьев – отцу. 1777 г., сентябрь (Письма русских писателей... С. 285)). Для традиционного сознания дворянского чиновника в ситуациях "доискиваний" не было ничего унизительного, оскорбляющего человеческое достоинство. Подобное умонастроение создавали общепринятые нормы, а также уверенность, что он просит заслуженное, справедливое вознаграждение за рвение и преданность.

[7] Н.И. Новиков – А.Ф. Лабзину. 1797 г., ноябрь (Письма Н.И. Новикова. СПб., 1994. С. 51); Н.И. Новиков – А.Ф. Лабзину. [1801, после 20 февраля – 1802] (Там же. С. 58).

и он не сделал ни одного шага к исканию своего места ⟨…⟩, как бы я не наступил ему на горло, так бы он не сходил и к Васильчикову ⟨…⟩. У него честное сердце, да нрав преудивительный"[8].

Приведенные объекты критики и негативные реакции могут рассматриваться как столкновение заданных господствующих ценностей с усложняющейся индивидуальностью служащего дворянина. Радость по поводу повышения в должности омрачалась внутренним дискомфортом, который вызывали унизительные средства продвижения. Подобные настроения разъедали монолит бюрократического сознания и подтачивали направленность на достижение служебного успеха. Некритическое восприятие диктуемой социальной роли и общепринятых ориентаций сменялось размышлением над стереотипными ситуациями, ранее воспроизводимыми автоматически. Наиболее рельефно этот процесс отразился в появлении морально-этических определений у понятий, казалось бы, не имеющих качества и тем более нравственных градаций. Так, авторы писем начинают различать следующие типы награждений: награда без прошения и протекции, "заслуженная" награда, награда, данная собственным благоволением императрицы, "сторонняя" награда, "выпрошенная" награда, награда, полученная через родство, знакомство, "доискивание" у фаворита, награда, приобретенная ценой доносов, интриг, клеветы[9].

---

[8] Д.И. Фонвизин – сестре. [1773] (*Фонвизин Д.И.* Собр. соч. Т. 2. С. 353–356).

[9] "Он представлен в герольдмейстеры: дают чин, две тысячи жалованья. Сама государыня изволила приказать ему быть сюда, без его искания" (М.Н. Муравьев – отцу. 1778 г., февраль (Письма русских писателей... С. 346)). "Я не осмеливаюсь отметать ваших намерений в рассуждении письма к Зоричу. Но чистосердечно могу вас уверить, что мое спокойствие отнюдь не терпит через то, что я не офицер. Мне бы хотелось самому сколько-нибудь подать причину меня вспомнить" (М.Н. Муравьев – отцу. 1777 г., ноябрь (Там же. С. 311). "Выпрошенное награждение в глазах моих теряет свою цену" (А.И. Бибиков – Н.И. Панину. [1772] (*Бибиков А.А.* Записки о жизни и службе Александра Ильича Бибикова. М., 1865. С. 78, прил.)). "Не могу, милостивый государь, не сообщить вам, сколь чрезвычайно меня всемилостивейшая Государыня утешить соизволила, указав без моей или чьей к тому просьбы детям моим иметь вход в эрмитажи и на концерты" (Е.Р. Дашкова – отцу. 1772 г., январь (Архив князя Воронцова. М., 1880. Кн. 24. С. 137)). "...В сторонних награждениях видно, что не моя участь, что мне доказывает нынешнее пожалование деревень в Белорусской губернии К.Р. ⟨…⟩ и другим; но божусь вам и в том, что я с ними в очереди быть не хочу" (А.И. Бибиков – З.Г. Чернышеву. [1772] (*Бибиков А.А.* Записки о жизни и службе... С. 80, прил.)). "Недавно пожаловали камергеру Колычеву, что всех потешило: он без дальних околичностей упросил графа Артуа, в то время как состоял при нем, исходатайствовать ему какую-нибудь ленту, что тот и сделал... Это приводит в отчаяние всех, кто полагал иметь заслуженное право на орден" (Ф.В. Ростопчин – С.Р. Воронцову. 1793 г., июль (Русский архив. 1876. Кн. I, № 1–4 С. 103)).

Очевидно, существовала непосредственная зависимость субъективной ценности награды от нравственно-этической стороны ее получения. Такая позиция становилась открытым вызовом господствующей морали света, о которой писал М.Н. Муравьев отцу: "…Теперь не спрашивают резонов: я хочу себе счастья, зачем? Ежели я взял, так и прав"[10].

Отрицательные реакции авторов писем на пути и средства продвижения по службе свидетельствовали о важных социально-психологических процессах, протекавших в сознании дворянства, и в первую очередь его элитарных кругов, – отклонении от регулятивной нормы, нарушении кодекса социального поведения, понимании или, по меньшей мере, ощущении разрушающегося стереотипа. Автоматически воспроизводимая система "доискиваний" была не однажды опробована и внутренне принята служащим дворянством. Зачастую подобный стиль поведения, задаваемый общепринятыми ориентирами, не был в действительности результатом собственной позиции той или иной личности, но воспринимался как глубоко личностное самостоятельно принятое решение. Негативное отношение к господствующим путям борьбы за служебную карьеру нарушало равновесие устойчивой и достаточно примитивной мотивационной сферы дворянского чиновника. Стереотипные ситуации начинали если не переосмысливаться, то, по крайней мере, осмысливаться, о чем говорили и преднамеренные оценки, и неосознанные реакции.

В нечистоплотных средствах продвижения по иерархической лестнице отталкивала в первую очередь угроза человеческому достоинству, неудовлетворенная "честь оскорбленных", жестокая игра "людьми, которые унижаются до просьбы"[11]. Критическое отношение к стереотипным ситуациям чиновного "доискивания" и болезненные реакции на оскорбление в моменты "идолопоклонства" и "выхаживания" награды могут рассматриваться как частные проявления более общего процесса переоценки господствующих ориентаций и усложнения личности дворянина. Обстоятельства и честолюбие заставляли чиновников государевой службы превращаться в лакеев и интриганов. Они не чувствовали в себе сил изменить обстоятельства и не могли отказаться от честолюбивых замыслов. Перед ними открывалась одна реальная дорога – попытаться исключить из жизни

[10] М.Н. Муравьев – отцу. 1777 г., ноябрь (Письма русских писателей... С. 311).

[11] См.: А.А. Безбородко – С.Р. Воронцову. 1788 г., апрель (Архив князя Воронцова. М., 1879. Кн. 13. С. 144); М.Н. Муравьев – отцу. 1777 г., октябрь (Письма русских писателей... С. 307).

данные ситуации и переосмыслить критерии социального самоутверждения.

Важнейшим показателем назревающего конфликта личности дворянина и сферы государственной службы можно считать и девальвацию таких неоспоримых статусных ценностей, как чин, должность, место, повышение, награда. Падение престижа успешной служебной карьеры свидетельствовало о начале кризиса чиновной концепции. Однако отрицание ее главных идеалов не носило наступательного характера и было скорее похоже на отчуждение. В определенных кругах дворянского сословия чин утрачивал значение основной мировоззренческой ценности, а интересы служебного успеха переставали доминировать в сознании. Данные социально-психологические процессы следующим образом отразились в материалах переписки:

– рассеянное упускание важнейших деталей в изображении сцен посещений начальника и покровителя; эмоциональный фон описания "доискиваний" автора, в котором преобладает не живой интерес, а обостренное переживание роли просителя;

– сообщения о замедленной чиновной карьере или даже служебных неудачах, легко передаваемые без чувства раздражения, досады, недовольства, самоуничижения;

– отличающаяся по манере и стилю изложения от общего тона всего письма информация о чиновной карьере, которую можно уподобить своеобразным отчетам перед отцом; уступка воле родителя, сменяющаяся заинтересованным рассказом о занятиях и впечатлениях, не связанных с государственной службой;

– сдержанные, ироничные реакции на восторженные сообщения адресата о служебных удачах;

– отсутствие в письмах сведений о награждениях, повышениях, назначениях в дворянской среде;

– строгое соблюдение стандартов в письмах-прошениях, рекомендациях, донесениях и противоположная им дружеская переписка того же автора, отличающаяся не только по тону и стилю, но и выдержанная в совершенно иной системе ценностей.

Растущее разочарование в ценностях государственной службы не только смутно ощущалось, но и было осознано и даже заявлено некоторыми авторами писем. "Г-ну Ю. дан чин и жалованья прибавлено, – писал Д.И. Фонвизин Я.И. Булгакову, – и то, и другое не много значит; но по крайней мере то изрядно, что он сам поехал к вам, кажется, доволен своею судьбою"[12]. Как бы от-

[12] Д.И. Фонвизин – Я.И. Булгакову. 1773 г., сентябрь (*Фонвизин Д.И.* Собр. соч. Т. 2. С. 397).

личая свои взгляды от господствующего мнения и в известной степени противопоставляя их общепринятым ориентирам, Н.И. Новиков просил А.Ф. Лабзина: "Он объявил в газетах, что с 1 марта будет принимать учеников английскому земледелию… Я хочу отдать ученика: но как вы и это знаете, что у нас к новому падки, также и то что у нас чины выше всего уважаются, то ваша рекомендация меня послужить может мне в пользу"[13]. М.Н. Муравьев вскользь обмолвился отцу: "Письма к Зоричу и времени еще подать не было". А несколько недель спустя просил его: "…Не беспокойтесь только для того, что я позже или ранее буду офицером. Сохрани меня господи, чтоб я хотя тайно и сам подумал возложить вину на вас: сколько утешений имел я вместо того, которые мне с излишеством платят сию потерю, ежели она есть"[14].

Негативное отношение к средствам продвижения по иерархической лестнице, а также падение престижа полученных путем искательства орденов, должностей, рангов было неразрывно связано с усложнением представлений о высшем содержании самой государственной службы. В сознании дворянина не только общепринятые господствующие нормы и ориентиры подвергались сомнению, но также происходило осмысление, а затем и переоценка неделимой для традиционного чиновного сознания формулы ревностной преданной службы императору и Отечеству, за которую следует справедливая всемилостивейшая награда, "умножение праведной и достойной мзды монаршего благоволения"[15]. В переписке появляются вариации казалось бы устоявшихся стереотипных фраз. Говоря о высшем смысле своей деятельности, авторы упоминают либо службу государю и Отечеству, либо службу Отечеству, либо службу Отечеству и общему благу. Подобные разночтения нельзя считать преднамеренными, в них правильнее видеть своего рода оговорки, автоматическую неосознанную избирательность, которая при всем том свидетельст-

---

[13] Н.И. Новиков – А.Ф. Лабзину. 1804 г., февраль (Письма Н.И. Новикова. С. 87).

[14] М.Н. Муравьев – отцу. 1777 г., ноябрь (Письма русских писателей... С. 315); М.Н. Муравьев – отцу. 1777 г., декабрь (Там же. С. 332).

[15] Н.И. Панин – А.Г. Орлову. 1773 г., февраль (Русский архив. 1880. Кн. III, № 9–12. С. 258). Следует оговориться – большинство авторов писем, критически относящихся к придворной службе, не отождествляли ее со служением государю или, по крайней мере, с наиболее достойной и очевидной формой проявления преданности монарху. Для них служба императору была значительно более широким понятием, чем непосредственное пребывание у престола. В своеобразии подобной шкалы ценностей отразилось сложное противоречивое восприятие дворянином образа монарха.

вовала о начале важных социально-психологических процессов, обусловивших в дальнейшем формирование нового понимания патриотизма.

Более четко по материалам писем прослеживается противопоставление придворной службы и службы Отечеству. В использованном эпистолярном комплексе зафиксировано несколько случаев резкого нежелания находиться в чиновной среде, окружающей трон, "умножать собою число физических существ, населяющих двор"[16]. Стремление променять положение приближенного сановника на службу в армии или дипломатическую миссию звучат в переписке А.И. Бибикова, Я.И. Булгакова, С.Р. Воронцова, П.И. Панина, П.А. Румянцева и др. Так, двадцатилетний С.Р. Воронцов, бывший камер-паж императрицы Елизаветы, поручик гвардии Преображенского полка, до тонкостей познавший придворные круги, писал отцу: "Я себе не могу вообразить более несчастия, когда вздумаю, что мне в гвардии остаться, и лучше предпочту ходить по миру, нежели служить и опять в сем корпусе. И так всенижайше прошу, милостивый государь батюшка, сделать мне ту милость, чтоб постараться о выпуске моем в полевые полки. Я безмерное имел всегда желание служить моему отечеству, и оное желание всегда еще умножается; но придворной жизни я снести не могу и опасаюсь ее более еще, нежели гвардии"[17]. Будучи крупным военачальником, главнокомандующим русских войск в Польше, А.И. Бибиков писал своему другу Д.И. Фонвизину, который находился при дворе, служа в Иностранной коллегии у графа Н.И. Панина: "Да творит Бог волю свою! Пока руки есть, драться станем… О себе, мой друг, я уже не говорю. Пусть там буду, где судьбе угодно: только к вам не хочу. О вас, и здесь живучи, слышать неприятно. Долго ли пиву бродить?"[18]

Легальным примирением сохранения статуса и попытки ухода от хитросплетений придворных интриг стала дипломатическая служба, а также учеба за границей и путешествия, что предполагало отъезд из страны без конфликта с чиновной средой и потери социального престижа. Посланник России в Англии, не вернувшийся на родину и после отставки, С.Р. Воронцов и чрезвычайный посол в Вене, проживший там более 30 лет, Д.М. Голи-

---

[16] Ф.В. Ростопчин – С.Р. Воронцову. 1792 г., сентябрь (Русский архив. 1876. Кн. I, № 1–4. С. 98).

[17] С.Р. Воронцов – Р.И. Воронцову. 1764 г., июль (Архив князя Воронцова. М., 1880. Кн. 16. С. 71).

[18] А.И. Бибиков – Д.И. Фонвизину. 1764 г., февраль (*Бибиков А.А.* Записки о жизни и службе... С. 72–73, прил.).

цын ревностно следили за внешнеполитическими выгодами Петербурга, были прекрасно осведомлены о состоянии дел в Отечестве, постоянно возвращались к раздумьям о его будущем. Однако придворная служба и служба интересам страны постепенно расходились в их сознании. Такая позиция иногда вызывала в определенных дворянских кругах симпатию и поддержку. Н.А. Львов писал С.Р. Воронцову, полномочному министру в Венеции, получившему назначение в Англию: "Кажется, что вы от католическаго Венецианскаго спасения без отчаяния едете спасаться здравым рассудком и приятностию жизни в земле бусурманской. Сделайте милость, ваше сиятельство, выдумайте какую-нибудь еретическую комиссию, чтобы и я, приехав в Лондон, за цену с вами увидеться, заслужил хоть не на долго духовное проклятие. Я оставил бы в России и жену мою, которую мне, право, не легко оставить"[19]. Писатель, переводчик и богатый малороссийский помещик Г.А. Полетико не без одобрения сообщал жене о своем кузене, советнике российского посольства в Вене: "Со мною, уповаю, вместе будет и брат Григорий Иванович, который, побывав у нас в доме и повидавшись с матерью и роднею, поедет назад в Вену, а здесь ни за что не хочет оставаться. Хотя его и хотели оставить и чин ему давали, но он лучше согласился ехать без чина, нежели быть здесь"[20]. Вернувшись из своего первого путешествия за границу и уже получив от императрицы разрешение на второе, Е.Р. Дашкова подолгу жила в Москве и своем имении Троицкое. В это время она писала Александру Куракину, только

Неизвестный художник.
Портрет Д.И. Фонвизина.
Начало XIX в.

[19] Н.А. Львов – С.Р. Воронцову. 1784 г., май (Архив князя Воронцова. М., 1886. Кн. 32. С. 499).

[20] Г.А. Полетико – жене. Без даты (Киевская Старина. 1893. Т. 41, № 5. Май. С. 219).

что прошедшему курс обучения в Лейденском университете: "Узнав вас, нельзя не признаться, что вы выезд ваш из отечества в желаемую пользу себе обратили. Мне же, как искреннему вам другу, остается желать, чтоб упражнения и все то, что вы заслуживаете, награждая ваши желания, могло отвлечь вас от досады и скуки, которой, оставаясь в России, человек вашего духа мыслей подвержен"[21].

Трансформировалось в сознании дворянина и понимание ревностной, преданной службы, которая неизбежно будет оценена венценосной особой, по пословице "за Богом молитва, за государем служба не пропадет". В реальности же искренняя забота о государственных интересах часто встречала преграды со стороны соперников и конкурирующих партий, пресекалась всевластием фаворита, порой не находила императорского поощрения. Горькое чувство гасилось противопоставлением сугубо индивидуального, внутреннего критерия оценки результатов своей деятельности. Утрачивалась полная гармония во взгляде на "преданную" и "ревностную" службу, а уважение дела, "должности", "мастерства", опыта теряло зависимость от посторонних мнений и приобретало абсолютную ценность.

Анализ эпистолярного материала позволил выделить основные ситуации, когда интересы государства становились для автора главным мотивом поступков, ослабляя заинтересованность в различных видах служебной карьеры, притупляя страх потерять расположение покровителя, вызвать осуждение в светских кругах. Патриотические чувства, а вместе с тем и бескорыстная преданность службе актуализировались в первую очередь в связи с внешнеполитическими проблемами России. Войны с Турцией, дипломатическая закулисная борьба, отношения с Прусским, Австрийским, Французским, Шведским дворами воспринимались как жизненно важные для Отечества события, требующие максимальной отдачи и временного забвения собственных интересов[22]. В перио-

---

[21] Е.Р. Дашкова – Александру Б. Куракину. 1774 г., май (Архив князя Ф.А. Куракина. Саратов, 1989. Кн. 7. С. 304).

[22] Так, например, раздраженный придворной клеветой и интригами А.А. Безбородко в 1788 г., в разгар Русско-турецкой войны, признавался С.Р. Воронцову: "Я буду ждать конца войны и, тем кончив время свое не втуне употребленное, примуся за собственные дела, оставляя все пакости с презрением" (А.А. Безбородко – С.Р. Воронцову. 1788 г., апрель (Архив князя Воронцова. Кн. 13. С. 144)). А в 1795 г. в связи с присоединением Курляндских земель он писал С.Р. Воронцову: "Поздравляю ваше сиятельство сим событием. Вы всегда его прорекали и не спускали с глаз, а некогда и рук; но теперь пускай его другие себе присвояют, а мы и тем довольны будем, что доброе дело само собою совершилося" (А.А. Безбородко – С.Р. Воронцову. 1795 г., май (Там же. С. 341–342)).

ды активизации внешней политики России военные действия и европейская дипломатия становились одной из ведущих тем переписки. Авторы сознательно отказывались от своих претенциозных заявлений до окончания кампаний[23] и всю свою деятельность подчиняли именно международному успеху России[24].

Относительно независимую позицию, естественно, было трудно реализовать при примитивном характере службы, результаты которой были отчуждены от исполнителя элементарных канцелярских операций. О своей личности мог заявить не функционер, не слуга, а сын Отечества, государственный муж, обладающий известной свободой решений, причастный к большой имперской политике и власти. Поэтому в развитии сознания российского дворянства особое место занимал такой социально-психологический феномен, как фронда высшей должностной аристократии. К дворянской политической элите принадлежали люди масштабной мысли и активного общественного темперамента. О государстве и правительстве они говорили "мы", "наш". Их позиция в Российской империи особенно усиливалась постоянным оттоком власти вверх, сужением сферы полномочий чиновников среднего звена, постепенной атрофией у них способности к самостоятельному политическому действию. У престола искали правды, при дворе вершились судьбы Отечества. Оппозиционные настроения крупных сановников отразились не только в дружеской переписке, но и в полуофициальных деловых посланиях, в том числе в сопроводительных письмах к рескриптам императрицы.

---

[23] Показательно, что с началом вооруженных столкновений некоторые дворяне, находившиеся в отставке, возвращались в армию. И даже у А.М. Кутузова, глубоко чуждого военной службы, появилось стремление защищать политические интересы России. В 1788 г. он писал И.П. Тургеневу: "Здесь окружен врагами нашего отечества. Не могу проникнуть сквозь толпу неприятных и часто безумных слухов, и для того желал бы узнать точно о нашей со шведами на море баталии. Все сие так на меня действует, что нередко рождается непреодолимое желание войти паки в службу" (А.М. Кутузов – И.П. Тургеневу. 1788 г., август (*Лотман Ю.М., Фурсенко В.В.* "Сочувственник" А.Н. Радищева А.М. Кутузов и его письма к И.П. Тургеневу // Уч. зап. Тартуского университета. 1963. Вып. 139: Труды по русской и славянской филологии. Т. VI. С. 316.

[24] Однако в общем хоре, приветствующем победы русского оружия, иногда прорывались и другие голоса. Сохранилось адресованное императрице послание, авторство которого еще предстоит установить, резко осуждающее жертвы русско-турецких войн, спровоцированных, по мнению отчаянно дерзкого анонима, тщеславием Потемкина (Авторская рукопись политического содержания с критикой внешней политики Екатерины II. 1794 // РГАДА Ф. 10. Оп. 3. Ед. хр. 594. Л. 1–11об.).

Государственные деятели конца XVIII в. мыслили самостоятельно и широко, обладали умением дать целостную оценку сложной и переменчивой ситуации, учесть множество взаимоисключающих факторов, принимали зрелые, дальновидные решения. Независимость политических суждений проявлялась в различных формах, от самостоятельного анализа указов императрицы до открытого несогласия с ее распоряжениями, критики позиции двора, заявления альтернативного мнения и попытки проведения собственной линии. Авторы высказывали свои соображения и в сугубо частной переписке, и в деловой корреспонденции[25]. Интересны в этом отношении письма главы Иностранной коллегии графа Н.И. Панина, в которых раскрывается содержание рескриптов Екатерины II, имеются обстоятельные пояснения к донесениям на высочайшее имя, а также дается собственная оценка внешнеполитических событий. В обширных посланиях графа в канун и во время Русско-турецкой войны 1768–1774 гг. к П.А. Румянцеву и А.Г. Орлову обязательно присутствовало развернутое изложение собственных взглядов. В 1770 г. Н.И. Панин писал П.А. Румянцеву: "Испрашиванное вами от Ея И[мператоского]В[еличест]ва повеление о введенных в те места войсках, на случай, если б сие злоключение, преодолевая все предохранение, распространяться стало, будет, конечно, к вашему сиятельству отправлено с будущим курьером; а между тем, во исполнение воли и желания вашего сиятельства, за долг себе поставляю не оставить в молчании мои собственные по тому мнения"[26]. А в другом письме Н.И. Панин даже заявлял: "Из следующих здесь двух за собственноручным Ее Императорского Величества подписанием высочайших рескриптов усмотрите, ваше сиятельство, в каком намерении и на каком основании отправлен ныне к вам Волосской господарь Гика… Между тем позвольте мне, милостивый мой друг, открыть вам здесь собственное мое из одного долга персональной к вам дружбы и почтения происходящее мнение, что данные вам повеления не связывают вам рук"[27]. Настойчивое привлечение внимания адресата к собственным суждениям отличает и послания Н.И. Панина к А.Г. Орлову. В 1772 г. он писал: "На представление вашего сия-

---

[25] Так, в письмах А.В. Суворова полководцам, дипломатам, государственным чиновникам, составившим огромное эпистолярное наследие автора, не только была изложена законченная система военного искусства, но и определено собственное отношение к внешней политике России.

[26] Н.И. Панин – П.А. Румянцеву. 1770 г., январь (Русский архив. 1878. Кн. III, № 9–12. С. 439).

[27] Н.И. Панин – П.А. Румянцеву. 1770 г., июль (Там же. С. 449).

тельства реляциею вашею от 25-го Мая, здесь в резолюцию высочайший Ее Императорского Величества рескрипт имею честь препроводить… Прилагаю здесь особенное мое рассуждение о части народных прав относительно до вашей настоящей заботы. Уверьтесь, милостивый государь мой, что тут никакое робкое уважение мною не руководствовало, а мысли мои и познание с достаточным сведением основаны на опытах разных многих происшествий в войнах между державами, морские силы имеющими и отправляющими внешнюю торговлю и мореплавание"[28]. Даже теряя прочное положение при дворе, приближаясь к закату своей карьеры, Н.И. Панин сохранял самостоятельность мнений. В 1776 г. он писал члену Коллегии иностранных дел П.В. Бакунину: "По повелению Ее Императорского Величества, объявленному мне в письме вашем, имею честь здесь вложить письмо к Прусскому генерал-поручику Лентулусу… и при том донести Ее Величеству, что во исполнение Ее Высочайшего приказания я не премину всеподданнейше представить мое мнение о возобновлении союзного трактата с его Прусским величеством"[29].

Собственное мнение по важнейшим вопросам имперской политики неизбежно предполагало осознание своей роли. Достоинство государственного деятеля наполняло особенным содержанием такие понятия, как "имя офицера", "жребий оружия", укрепляло чувство личной ответственности за внешнеполитический успех России[30]. "В другой раз, коли так придется, выгоню их, да и наших, кнутом, ибо за исход боя я отвечаю, а ежели им угодно, так я их саблей", – с раздражением писал А.В. Суворов о засилье "проклятых волонтеров", особенно иностранных, которые приказы отдают на чужом для солдата языке через переводчика. – "Русские слышат язык французский, словно от играющего свою

---

[28] Н.И. Панин – А.Г. Орлову. 1772 г., июнь (Русский архив. 1880. Кн. III, № 9–12. С. 251–252). Показательно, что письма А.Г. Орлова выдержаны в другом тоне, который был бы неуместен в переписке Н.И. Панина. "Буде же приказано… я, как раб, должен все исполнить, – признавался А.Г. Орлов Н.И. Панину, – а собою этого не сделаю: мне совсем кажется быть оное несправедливо требование Французское" (А.Г. Орлов – Н.И. Панину. 1772 г., май (Русский архив. 1880. Кн. III, № 9–12. С. 251)).

[29] Н.И. Панин – П.В. Бакунину. 1776 г. (Архив князя Воронцова. М., 1882. Кн. 26. С. 164).

[30] См., например: П.А. Румянцев – Н.И. Панину. 1771 г., февраль (Сб. РИО. 1872. Т. 9. С. 418. Г.Р. Державин писал П.И. Панину: "Имя офицера заставляло меня гордиться опасностью" (Г.Р. Державин – П.И. Панину. 1774 г., октябрь (*Грот Я.К.* Сочинения Державина с объяснительными примечаниями Я. Грота. СПб., 1869. Т. 5. С. 242)).

роль актера, а меж тем я, командующий, ни на мгновение ни единого слова, кроме его приказов, услышать не могу. Я в бешенство пришел"[31].

Сановники екатерининского царствования высоко ценили не только свои заслуги, но были способны признать порой крупные политические фигуры и в своих современниках. Д.И. Фонвизин искренне заверял брата главы Иностранной коллегии, что "вся Европа, не говоря уже об отечестве нашем, знает, *кто правил делами и кто мир делает*"[32]. Высокая ценность "по ремеслу и званию блеска"[33] поддерживалась не только верноподданническим порывом и патриотическими чувствами, но также и самоуважением государственного чиновника. Аристократизм правящей элиты был связан с безупречной служебной порядочностью, которая не нуждалась в награждении и внешней оценке, а являлась сознательно принятой позицией. Так, Н.В. Репнин отвечал Алексею Б. Куракину: "Но я, привыкнув по долговременной моей службе отвечать за все то, что под моим руководством делается и мне поручено, не слагая таковые ответы на других, сам их к вам представляю и сам за них отвечаю"[34]. Честолюбивые и деятельные сановники не могли примириться со второстепенной ролью, невысокой должностью, обрекающей на формальную исполнительность, а то и пустую праздность. Они стремились занять "пост важный и делами многими наполненный"[35], болезненно реагировали на препятствия и ограничения своей активности. Об этом явлении в среде дворянства Н.Н. Бантыш-Каменский писал Александру Б. Куракину: "Не те уже, кажется, годы, чтоб искали людей для мест. Все ныне и умны и просвещенны, и шефами в 30 лет быть желают"[36].

Самореализация высшего дворянства последней трети XVIII в. осуществлялась именно в сфере государственной службы. В самом деле, как могли состояться такие личности, как А.В. Суворов, П.А. Румянцев, Г.А. Потемкин, Н.И. Панин, вне

---

[31] А.В. Суворов – И.М. Рибасу. 1788 г., август (*Суворов А.В.* Письма. С. 168–169).

[32] Д.И. Фонвизин – П.И. Панину. [1772] (*Фонвизин Д.И.* Собр соч. Т. 2. С. 395).

[33] См.: А.И. Бибиков – Д.И. Фонвизину. 1773 г., август (*Бибиков А.А.* Записки о жизни и службе... С. 74, прил.).

[34] Н.В. Репнин – Алексею Б. Куракину. 1796 г., март (Сб. РИО. 1875. Т. 16. С. 422).

[35] См.: А.А. Безбородко – С.Р. Воронцову. 1784 г., март (Архив князя Воронцова. Кн. 13. С. 47).

[36] Н.Н. Бантыш-Каменский – Александру Б. Куракину. 1795 г., февраль (Русский архив. 1876. Кн. III, № 9–12. С. 404).

придворной среды, вдали от столицы, в отставке? Естественно, властвующая олигархия не нуждалась в освобождении от обязательной императорской службы. После Манифеста 1762 г. ее представители оставались государственными чиновниками и также продолжали стремиться к политике, власти, действию. Особенно резкое отрицание ликвидации обязательного характера службы звучит в письмах А.В. Суворова. Полководец восставал против уклонения дворянства от службы в армии. В 1787 г. он с раздражением писал Г.А. Потемкину: «Ныне самые порядочные – младшие офицеры не из "вольного дворянства". Россия велика, не так уж много в ней служит иностранцев, заменяют их, да опять же "вольными". Надо бы во время войны этот закон природы позабыть». А.В. Суворов не признавал отдаление дворянства от государственной службы, негативно относился к тем, кто "ищет праздности, уединения", и в крайнем случае избирал для своего "страждущего достоинства" путь Лаудона, живущего в отставке престарелого австрийского фельдмаршала, к которому во время военных неудач обратился император Иосиф II с просьбой возглавить армию[37].

"Прямой и верный взгляд на вещи", "прямые и правые"[38] поступки титулованной аристократии определялись прежде всего ростом самоуважения и достоинства крупного сановника. Психологический смысл и пафос фронды чиновной элиты – это проявление формирующейся индивидуальности в социально-типичных структурах деятельности. Превращение слуги и верноподданного в "сына отечества" отразилось в усложнении мотивационной сферы государственной службы. Ревность и усердие начинают вдохновляться не только интересами монархии, но и такими ценностями, как "вящее имени прославление", "увенчание персональной славы", "слава и честь", "честолюбие в рассуждении славы империи и собственной", "лучшее удостоверение совести"[39].

---

[37] А.В. Суворов – Г.А. Потемкину. 1787 г., октябрь (*Суворов А.В.* Письма. С. 118; А.В. Суворов – П.И. Турчанинову. 1781 г., февраль (Там же. С. 72–73); А.В. Суворов – И.М. Рибасу. 1788 г., август (Там же. С. 168).

[38] См. например: Ф.В. Ростопчин – С.Р. Воронцову. 1793 г., октябрь (Русский архив. 1876. Кн. I, № 1–4. С. 107); Н.А. Львов – Г.Р. Державину. 1788 г., декабрь (*Львов Н.А.* Избранные сочинения. Кёльн; Веймар; Вена, 1994. С. 336).

[39] См., например: Н.И. Панин – А.Г. Орлову. 1773 г., февраль (Русский архив. 1880. Кн. III, № 9–12. С. 258); Н.И. Панин – А.Г. Орлову. 1770 г., декабрь (Русский архив. 1878. Кн. III, № 9–12. С. 437); П.А. Румянцев – Н.И. Панину. 1771 г., июнь (Сб. РИО. 1872. Т. 9. С. 422); П.В. Завадовский –П.А. Румянцеву. 1781 г. (*Майков П.М.* Письма графа Завадовского фельдмаршалу графу П.А. Румянцеву 1775–1791 годов. СПб., 1901. С. 40); Н.И. Панин – А.Г. Орлову. Без даты (Русский архив. 1880. Кн. III, № 9–12. С. 239).

Оппозиционные настроения политической элиты представляются одной из форм углубляющегося столкновения личности и культа государственности. От драматической развязки социально-психологическую фронду чиновной аристократии ограждал сохранявшийся высоким авторитет императорской службы, главной сферы самореализации крупного сановника. Неустойчивый баланс мог разрушиться в результате неудачной карьеры и, как следствие, актуализации иных областей социальной реальности, что порождало функциональное отношение к службе и даже отставку или, по крайней мере, мысли о ней.

Однако с точки зрения эволюции сознания дворянства важны не столько непосредственные факты ухода со службы, сколько их социально-психологические причины. За намерением покинуть службу стояла целая система аргументации, не сводимая к одной какой-либо потребности и интересу. И сами авторы, и свет с его неусыпным наблюдением и пристрастными оценками пытались выставить, как правило, несколько порой противоречивых доводов в пользу отказа от чиновного продвижения. Так, Ф.В. Ростопчин писал С.Р. Воронцову: "По смерти князя Безбородки, Кочубей, отчасти вследствие неприятностей, встречаемых в исправлении своей должности, отчасти вследствие Государева личного предубеждения против него и лишившись поддержки дяди, решился оставить службу"[40].

За одним и тем же стремлением к отставке у различных авторов могли стоять совершенно различные обоснования. Довольно часто в переписке встречаются нейтральные примирительные ссылки на возраст, пошатнувшееся здоровье, физическую непригодность для ответственной должности. Однако подобная аргументация не всегда совпадала с действительными причинами окончания чиновной деятельности. Достаточно сопоставить несколько фрагментов писем. П.В. Завадовский, в частности, сообщал П.А. Румянцеву о бывшем вице-канцлере А.М. Голицыне: "Фельдмаршал князь Александр Михайлович подал прошение в отставку, не принуждаясь к тому ничем, кроме желания взять покой при старых своих летах"[41]. 58-летний А.М. Голицын принадлежал к высшему должностному дворянству, хотя не имел значительного влияния, сторонился борьбы придворных партий и не пользовался расположением Екатерины. После некоторого

---

[40] Ф.В. Ростопчин – С.Р. Воронцову. 1799 г., апрель (Русский архив. 1876. Кн. III, № 9–12. С. 66).

[41] П.В. Завадовский – П.А. Румянцеву. [1781] (*Майков П.М.* Письма графа П.В. Завадовского... С. 39).

противодействия императрицы он получил разрешение на отставку, без особого сожаления удалился в Москву и еще более 25 лет активно занимался благотворительностью. Ему принадлежит слава создателя Голицынской больницы и известность тонкого знатока богатейшей коллекции картин и скульптуры, которую он собрал главным образом за годы отставки.

Физической немощью объяснял племяннику свое отдаление от службы и М.И. Воронцов. "По любви моей к тебе, я не хочу тебя безъизвестна оставить, что, по изнуренному и болезненному состоянию моего худого здоровья, я всенижайше просил Ея И.В. о милостивой отставке от всех дел"[42]. Письмо датировано 7 июля 1762 г. Крупнейший сановник при дворе свергнутого 28 июня того же года императора 48-летний канцлер М.И. Воронцов отказывался присягнуть Екатерине, пока не узнал о смерти Петра III. Он прекрасно отдавал себе отчет в том, что его карьера влиятельного чиновника окончена с воцарением победившей Екатерины II, и единственная оставшаяся возможность – это отставка под благовидным предлогом. Получив высочайшее разрешение покинуть двор, в 1763 г. он отправился в длительное путешествие за границу. Могущество вошедших в силу Н.И. Панина и Г.Г. Орлова не оставляло бывшему канцлеру надежд на устойчивое положение при дворе. Об этом писал отцу другой его племянник С.Р. Воронцов: "Я не уповаю, чтоб дядюшка, возвратясь в отечество, желал бы опять продолжить свою службу, а хотя бы и пожелал, то сомнительно, чтобы те, кои теперь на место его в дела вступили, пожелали бы оные оставить и не старались бы оные удержать"[43]. Предположение подтвердилось, и бывший канцлер, вернувшись в 1765 г. в Россию, попытался заглушить горькое чувство досады поиском иных ценностей. "Благодарствую, друг мой, за поздравление с приездом моим в Отечество и приемлемое участие о состоянии моем, которое истинно для меня наиблагополучное. Окончив карьеру суетной чести звания моего, нахожусь теперь в спокойствии духа"[44], – писал М.И. Воронцов своему племяннику А.Р. Воронцову.

Истинные социально-психологические причины отказа от чиновной карьеры нередко преднамеренно скрывались за далеко не тождественной аргументацией. В переписке неслучайны оценки доводов отставки с точки зрения их искренности; авторы созна-

[42] М.И. Воронцов – А.Р. Воронцову. 1762 г., июль (Архив князя Воронцова. М., 1872. Кн. 5, ч. I. С. 102).

[43] С.Р. Воронцов – Р.И.Воронцову. [1764] (Там же. М., 1880. Кн. 16. С. 66).

[44] М.И. Воронцов – А.Р. Воронцову. 1765 г., апрель (Там же. М., 1872. Кн. 5, ч. I. С. 135).

тельно выделяют тех, кто "подлинно" оставляет "суеты светские", различают "настоящие причины" отставки и заведомо ложные объяснения[45]. Так, Ф.В. Ростопчин писал С.Р. Воронцову: "Гр. Николай Салтыков намерен оставить службу; он намекнул об этом гр. Зубову, в надежде получить более значительные награды"[46].

Публичные доводы и скрытые причины отставки – это лишь одна источниковедческая проблема, встающая при работе с письмами. Существует другая, не менее сложная, связанная с особенностями психики человека, далеко не всегда способного правильно уловить и собственные душевные движения, и побуждения современников. Автор порой просто не осознавал руководящие его действиями мотивы, неверно их формулировал, пытаясь объяснять свои смутные желания и увязать их с распространенными идеологическими ориентациями. Сведения о психологическом механизме ухода с государственной службы содержались не только в личностных признаниях, но и досужих измышлениях светской среды, иногда искусно разоблачающей неискренность, а иногда неспособной осмыслить противоречащие стереотипу поступки. Сомневаясь в понимании дворянского общества, П.А. Румянцев писал И.Г. Чернышеву: "Странно, может быть, показаться многим, а особливо судящим по одинаковым всегда заключениям, мое здесь замедление; но ты, мой Любезный Друг, иначе и справедливее о сем, конечно, судишь, зная, коль много мне потребен покой и что я в сем пункте не делаю уже различия в местах моего пребывания, а пользуюсь уединением лучше всех лекарств"[47].

В переписке были зафиксированы случаи чисто словесного отказа от привилегий служащего дворянина, который в действительности являлся либо тактическим ходом, приближающим к награде и повышению, либо средством психологической защиты, снятия внутреннего напряжения. Реальная же отставка могла быть или вынужденной, или добровольной, но в обоих случаях разрыв со сферой императорской службы не расценивался дворянином как объявление войны государству и престолу. Прекращение чиновной деятельности всегда сопровождалось прошением

---

[45] См.: Н.В. Репнин – Т.И. Тутолмину. 1796 г., январь (Сб. РИО. 1875. Т. 16. С. 368); Ф.В. Ростопчин – С.Р. Воронцову. 1799 г., июль (Русский архив. 1876. Кн. III, № 9–12. С. 84).

[46] Ф.В. Ростопчин – С.Р. Воронцову. 1795 г., сентябрь (Там же. 1876. Кн. I, № 1–4. С. 215).

[47] П.А. Румянцев – И.Г. Чернышеву. 1776 г., январь (Чтения ОИДР. 1866. Кн. 1. Январь–март: Архив военно-походной канцелярии графа П.А. Румянцева-Задунайского. С. 133).

об увольнении, которое нередко отклонялось императрицей. "Князь Александр Михайлович не отпущен из службы, а уговорен продолжать оную"[48], – писал П.В. Завадовский о фельдмаршале А.М. Голицыне. За причастность к масонству Н.В. Репнин был удостоен почетной "ссылки"[49], Екатерина назначила его в 1792 г. рижским и ревельским генерал-губернатором, а в 1794 г. – виленским и гродненским. Н.В. Репнина крайне тяготила неприятная обязанность надзора за бывшим польским королем, однообразие бюрократического делопроизводства, унизительность удаления от двора. Его недовольство прорывалось не только в письмах к друзьям, но и в прошениях на высочайшее имя. Но императрица так и не удовлетворила желания заслуженного придворного, а лишь пожаловала ему в утешение деревни и дом в Петербурге. Степень оппозиционности отставки снижается также определенной "бытовой свободой"[50] правящего класса. Уход со службы вовсе не являлся катастрофически необратимым шагом, сожжением мостов. Дворянин имел принципиальную возможность вернуться к деятельности государственного чиновника. Негодуя на своего непосредственного начальника И.П. Елагина, Д.И. Фонвизин писал родителям: "Со всем тем я не оставлю ничего к скорейшему окончанию или моей отставки, или перемены места… Мне жить у него несносно становится; а об отставке я не тужу: года через два или через год войду в службу, да не к такому уроду"[51].

Тем не менее отставка для представителя служилого сословия, не утратившего сознания государева человека и после Манифеста 1762 г., была все же преодолением общепринятого стереотипа жизни, разрешением углубляющегося конфликта государства и личности в пользу личности. Намерение уйти со службы разрушало целостность сознания, лишало чувства психологиче-

---

[48] П.В. Завадовский – П.А. Румянцеву. [1781] (*Майков П.М.* Письма графа П.В. Завадовского... С. 43).

[49] В письме к Д.П. Трощинскому Н.В. Репнин сокрушался: "Боже, вынеси меня отсель. Когда мир, претительный разделу, утвердится, неужели то и тогда меня отсель не отпустят. Было бы уже то вторая ссылка. Скажите мне откровенно Вашу мысль, можно ли мне надеяться, что отсель вырвусь?" (Н.В. Репнин – Д.П. Трощинскому. 1795 г., сентябрь (Сб. РИО. 1875. Т. 16. С. 286).

[50] Так, Г.П. Федотов писал: "Мы обычно недостаточно ценим ту бытовую свободу, которой русское общество пользовалось уже с Петра и которая позволяла ему долгое время не замечать отсутствия свободы политической" (*Федотов Г.П.* Россия и свобода // Знамя. 1989. № 12. С. 206).

[51] Д.И. Фонвизин – родителям. 1768 г., сентябрь (*Фонвизин Д.И.* Собр. соч. Т. 2. С. 349–350).

ской безопасности, принадлежности к определенному социуму, отнимало привычный смысл существования. Отставка блокировала общепризнанный путь самоутверждения в обществе, защиту материального и статусного благополучия. Инстинкт социального самосохранения, обусловливающий тяготение к традиционным ценностям, часто предотвращал разрушение этой жизненной колеи. К службе дворянина привязывали опыт и взгляды нескольких поколений, элитарный быт, гарантия реального дохода[52].

В условиях могущества императорской власти и монополии бюрократии отставка была нелегкой, болезненной и в сущности одиозной альтернативой государственной службе. Показательно, что даже авторы, безвозвратно убедившиеся в несовместимости своей личности и чиновной деятельности, сознательно вступившие на путь независимого самолюбивого меньшинства, не понятого в дворянской среде и не одобренного престолом[53], противились подобной судьбе для своих детей. В переживаемом внутреннем конфликте они оставались один на один с государственностью, не искали союзников, не ждали действенной поддержки от близких и тем более не допускали преемственности со стороны сыновей. Н.И. Новикова, не только оставившего в 24 года службу, но и прошедшего через гонения верховной власти, следствие, заключение, уже после выхода из Шлиссельбургской крепости волновали тревожные мысли о карьере своих детей и детей покойного друга, масона И.Г. Шварца. Вышедший в отставку и охладевший к "суетному и превратному свету"[54] М.И. Воронцов настраивал племянника А.Р. Воронцова на ревностное служение. С.Р. Воронцов, для которого ленты, чины и награды уже утратили ценность и который окончательно отошел от петербургского двора и связал остаток своих дней с Англией, тем не менее с горячностью благодарил А.А. Безбородко за "представительство" сына императору[55]. Н.В. Репнин, отчаянно желавший избав-

---

[52] "Я должен службой искать своего счастья", – писал в июне 1766 г. родителям Д.И. Фонвизин (Там же. С. 343).

[53] Екатерина II писала о Н.И. Новикове, вышедшем в отставку гвардии поручиком: "Можно сказать, что нигде не служил, и в отставку пошел молодой человек, жил и занимался не больше как в ложах, следовательно, не исполнил долгу служением ни государю, ни государству" (*Новиков Н.И.* Избр. соч. М.; Л., 1951. С. 606).

[54] М.И. Воронцов – А.Р. Воронцову. 1765 г., апрель (Архив князя Воронцова. Кн. 5, ч. 1. С. 136).

[55] С.Р. Воронцов – А.А. Безбородко. Без даты (Там же. М., 1877. Кн. 11. С. 309).

ления от должности рижского генерал-губернатора, использовал все пути и средства, чтобы утвердить на российской службе потомков польских аристократов, братьев Чарторыжских. Н.М. Карамзин признавал важность чиновных успехов для близких ему людей, друзей, современников. Он считал своим долгом поздравить И.И. Дмитриева с "капитанским чином", "выпросить" покровительство для "дворянина Арнаутова, которой служит капралом в четвертой роте Семеновскаго полку", оценить неизменное дружеское расположение Г.Р. Державина, находившегося на подъеме своей чиновной карьеры. С мягкой иронией обращался он к назначенному нижегородским и пензенским генерал-губернатором А.И. Вяземскому, мыслящему, образованному вельможе, в доме которого нередко бывали И.И. Дмитриев, В.Л. Пушкин и сам автор: "...Занимаясь делами важной должности, вы находите еще время помнить и таких неважных в чиновном свете людей, как я, помнить и обязывать их знаками вашей благосклонности! Мне остается чувствовать всю ценность ее и утешаться мыслию, что я некоторым образом заслуживаю оную моею сердечною и самою бескорыстною к вам привязанностью"[56].

Самые разные мотивы отставки в той или иной степени усиливались обостряющимся чувством личности императорских чиновников. Достаточно привести несколько фрагментов переписки, где различная аргументация разрыва со сферой государственной службы находится под непосредственным влиянием как сознательной, так и спонтанной защиты суверенитета развившейся индивидуальности. Взволнованный холодным обхождением высочайшей особы, знатный сановник выговаривался в дружеском письме: "Я ничего не желаю, потому что было бы странно чего-либо добиваться, когда предержащая власть предубеждена против тебя, а всемогущий министр тебя ненавидит. Я счастлив женою и прекрасным ребенком"[57]. Крупнейший полководец, оскорбленный недостойной оценкой его заслуг, решительно заявлял: "И как я хочу быть первый в последней деревне, нежели второй в Риме, то никому я не в тягость в С[анкт]-П[етер]б[урге]. Г[раф] А[лександр] А[ндреевич]. К нему только внимание как к министру. Наконец, чувствую непрестанно, что я за Измаил худо

---

[56] См.: Н.М. Карамзин – И.И. Дмитриеву (*Грот Я.К., Пекарский П.П.* Письма Н.М. Карамзина к И.И. Дмитриеву. СПб., 1866. С. 26, 52, 63 (основной текст)); Н.М. Карамзин – А.И. Вяземскому. 1796 г., октябрь (Русский архив. 1872. Кн. II, № 7–12. С. 1324).

[57] См.: Ф.В. Ростопчин – С.Р. Воронцову. 1796 г., сентябрь (Русский архив. 1876. Кн. I, № 1–4. С. 407–408).

награжден, сколько не философствую”[58]. Однообразие службы, ограниченная активность, бессилие в борьбе против громоздкой бюрократии угнетали не исполнительного функционера, а личность, стремящуюся к самореализации. “Положение офицера немножко скучно и жалко; ⟨…⟩ скучно чувствовать себя бесполезным”[59], – писал М.Н. Муравьев отцу. “Донкихотствующий” на службе Г.Р. Державин жаловался: “...Уже у меня от бездельников голова кругом идет, а стерпеть [их] и дать своевольничать не могу. Лучше оставлю службу”[60]. Сдержанный Н.В. Репнин писал Д.П. Трощинскому о ненавистном рижском генерал-губернаторстве: “...Но еще раз скажу: Боже, изведи из сей темницы душу мою. Истинно жизнь несносная. Нужных дельных людей совсем нет ни здесь, ни в поветах, а без них – что же вышние делать могут? ⟨…⟩ Все здесь мученики, а пользы нет”[61]. И даже доброжелательно принимающий мир Н.А. Львов, присутствуя в Главном почтовых дел правлении, иронизировал по поводу бессмысленности своих чиновных трудов: “Я остаюсь правителем неуправляемых почт. При отсутствии их поеду в Мурино”[62]. Закулисные интриги придворных партий били, в первую очередь, по чести и достоинству личности. А.В. Суворов писал: “При д[во]ре язык с намеками, догадками, недомолвками, двусмыслием. Я – грубый солдат – вовсе не отгадчик. ⟨…⟩ Не помышляю никому там мешать… и ежели кому чем стану в какую тягость, как то Репнину в его дальновидных проектах, ту ж минуту выеду вон… Сам ничего не желаю, а пора умереть – лучше, как за хребтом коптиться. Интриги ж, особенно Репнина, мне, право, прискучили”[63].

Осознание ценности собственной индивидуальности заставляло дворянина более остро реагировать на “едкий и желчный тон” начальников, которым “властолюбие всегда внушает ярость отдавать повеления”[64]. Поразительно тонко улавливавший вся-

---

[58] См.: А.В. Суворов – Д.И. Хвостову. [1792 г., май] (*Суворов А.В.* Письма. С. 229).

[59] М.Н. Муравьев – отцу (Письма русских писателей... С. 276, 322).

[60] Г.Р. Державин – И.В. Синельникову. 1787 г., февраль (*Грот Я.К.* Сочинения Державина. СПб., 1869. Т. 5. С. 860).

[61] Н.В. Репнин – Д.П. Трощинскому. 1795 г., сентябрь (Сб. РИО. 1875. Т. 16. С. 286).

[62] Н.А. Львов – С.Р. Воронцову. 1784 г., май (Архив князя Воронцова. М., 1886. Кн. 32. С. 500).

[63] А.В. Суворов – П.И. Турчанинову. [1792 г., август] (*Суворов А.В.* Письма. С. 236).

[64] См., например: Я.Б. Княжнин – Г.Г. Гогелю. 1788 г., ноябрь (Двадцать лет из жизни Я.Б. Княжнина (По неизданным письмам к Г. Гогелю) // Записки отдела рукописей Государственной библиотеки им. В.И. Ленина. М., 1961. Вып. 24. С. 320–321.

кие отклонения от стереотипного поведения историограф, архивист Н.Н. Бантыш-Каменский сообщал удалившемуся в саратовское имение Александру Б. Куракину последние московские новости: “Строгость гр[афа] Кутузова в кадетском корпусе… взбесила кадетов. В Петров день один из них, по имени Л е ш (видно, Лифляндец) бросился с верхней галереи на каменный двор и через 6 часов умер, а 7-го числа сего месяца то же сделал некто А к и м о в”[65]. Не все авторы были готовы к защите своего достоинства, но симптоматично, что многие из них начинали замечать и распознавать унизительные ситуации. В 1758 г. А.П. Сумароков, потрясенный пережитым оскорблением от И.Г. Чернышева, писал И.И. Шувалову: «Я никогда не думал, чтобы я когда-нибудь… буду выбранен такой бранью от человека, которому я ни малейшей причины не только не подал, но ниже подать не хотел. Что злее сказать: “Ты вор!”? ⟨…⟩ Кто думал, что это мне кто скажет когда-нибудь потому только, что он большего моего чину и больше меня поступи по своему счастью имеет!» Придворный драматург еще не знает, как защитить свое поруганное самолюбие: “Я не спал всю ночь и плакал, как ребенок, (не зная, что зачать)… после этого ужасного удара я остался в смятении, и не было у меня такого присутствия духа, (чтобы вздумать, что делать)”[66]. Пройдет около 30 лет, и в 1791 г. А.В. Суворов решительно заявит: “Однако, я не жалую, чтоб меня кто отважился порицать, и лучше буду требовать сатисфакции”[67].

Эволюция сознания российского дворянства шла по линии девальвации официальных и господствующих идеалов и возникновения альтернативных им ориентаций, преимущественно в образованной элитарной среде правящего сословия. Внутренняя конфликтность взглядов, формирующихся в этих кругах, и общепринятых норм проявилась в таких процессах, как отрицание традиционных путей и средств продвижения по иерархической лестнице, обесценивание статусных привилегий, усложнение представлений о смысле императорской службы, фронда высшей чиновной аристократии и, наконец, стремление оградиться от влияния на личность дворянина мощной российской государственности. Первоосновой всех этих явлений было развитие, углубление, усложнение индивидуальности. В данном случае речь идет

---

[65] Н.Н. Бантыш-Каменский – Александру Б. Куракину. 1795 г., июль (Русский архив. 1876. Кн. III, № 9–12. С. 412).

[66] П.А. Сумароков – И.И. Шувалову. 1758 г., май (Письма русских писателей... С. 77–79).

[67] А.В. Суворов – Д.И. Хвостову. 1791 г., октябрь (*Суворов А.В.* Письма. С. 225).

А.П. Лосенко.
Портрет А.П. Сумарокова.
1760 г.

не о борьбе конкурирующих группировок, не о претензиях на власть мощной олигархии и не о “боярском” сепаратизме. Социально-психологический смысл нарастающего фрондерства заключался в самоопределении индивидуальности. Рассмотренные процессы объясняют возникновение внутренней блокады безропотному и бездумному доверию господствующим ценностям, осмысление ранее автоматически воспроизводимых стереотипных ситуаций, особенно тех, которые унижали человеческое достоинство.

В отношении авторов писем к окружающей дворянской среде по материалам эпистолярных источников также четко прослеживается нарастающий негативизм. Во всех зафиксированных оценочных реакциях, выражающих восприятие автором света, доминирует критика. Осуждение придворных кругов имело морально-этическое содержание и было направлено против нравов, ценностей и взаимоотношений, господствующих в среде правящего сословия. “...Я теперь должен заботиться обороною противу интриг самых пакостных, против нападений клеветливых и против всех усилий людей случайных”[68], – писал А.А. Безбородко С.Р. Воронцову. “Развращенность здешнюю описывать излишне, – сообщал Д.И. Фонвизин сестре, – ни в каком скаредном приказе нет таких стряпческих интриг, какие у нашего двора всеминутно происходят”[69]. В переписке даже встречается несколько случаев употребления определения “придворный” в значении “бесчестный”, “неразборчивый в средствах борьбы за карьеру”,

---

[68] А.А. Безбородко – С.Р. Воронцову. 1788 г., апрель (Архив князя Воронцова. Кн. 13. С. 144).

[69] Д.И .Фонвизин – сестре. [1773] (*Фонвизин Д.И.* Собр. соч. Т. 2. С. 355).

“погрязший в клевете”. “...Оглядите все его чины и награды – фавор, и ничего кроме, – писал А.В. Суворов, – наглый, скрытный, раболепный, вероломный”[70]. П.В. Завадовский сообщал П.А. Румянцеву о положении сына полководца: “...Есть люди, зависти и осторожностей исполненные по придворному, которые при его талантах и поведении увидели свое помрачение и последующий упадок и вели интриги, свойственные злобе”[71]. Ловкие карьеристы, беспринципные титулованные лакеи, умеющие льстить и предавать с одинаковой находчивостью, быстро богатеющая новая знать, расхватывающая чины, деревни, ленты и ордена – все это вызывало чувство презрительного недовольства как в самой придворной среде, так и за ее рамками[72].

Господствовавшая система продвижения по иерархической лестнице выхолащивала духовное содержание из личных отношений в светских кругах. Решение любых вопросов, связанных с бюрократическим аппаратом, предполагало прочные, надежные контакты. Разоренный более могущественным соседом помещик, чиновник, обойденный наградой, государственный деятель, чье стремление принести пользу Отечеству блокировалось придворными интригами, – все должны были укреплять свои личные связи, искать поддержки в Сенате, “выхаживать” протекцию у приближенных императрицы, в первую очередь, у ее фаворитов, и, наконец, добиваться прямого доступа к государыне. Функциональные, деловые и личностные контакты неразрывно переплетались, частично отождествлялись и тем самым отравляли корыстью человеческие отношения в среде дворянства.

Борьба за успех, власть, богатство предполагала социальный капитал, т.е. цепь выгодных связей. Отношения приобретали характер манипуляций, где человек, а вернее его чин, престиж и возможности, использовались как средство. Контакты с явно ущербным и ослабленным духовным содержанием не способствовали психологической консолидации дворянства. Унизительные “доискивания”, с одной стороны, и потребительское отношение к помощи “боярящегося” чиновника, достаточно частая смена

---

[70] А.В. Суворов – И.М. Рибасу. 1788 г., июнь (*Суворов А.В.* Письма. С. 154).

[71] П.В. Завадовский – П.А. Румянцеву. [1781] (*Майков П.М.* Письма графа П.В. Завадовского... С. 41).

[72] Светские нравы порой так коробили авторов писем, что им ничего другого не оставалось, как восклицать: “O tempora! O mores!” См.: Н.М. Карамзин – И.И. Дмитриеву. 1795 г., сентябрь (*Грот Я.К., Пекарский П.П.* Письма Н.М. Карамзина к И.И. Дмитриеву. С. 60); Н.Н. Бантыш-Каменский – Александру Б. Куракину. 1795 г., январь (Русский архив. 1876. Кн. III, № 9–12. С. 402).

покровителей, случаи отказа от попавшего в опалу сановника, которому в прошлом были обязаны протекцией, – с другой, – все это расшатывало эмоциональное единство сословия[73]. Однако всеобщий негативизм по отношению к гордыне чиновной аристократии не порождал корпоративного единства, заостренного против преуспевающих вельмож. Каждый дворянин в передней сам по себе и завистливо недолюбливал титулованную знать, и подобострастно искал расположения находящихся "в случае", и стремился занять их место. А.А. Безбородко писал П.В. Завадовскому: "Ты знаешь, что я не любил никогда тех оказательств, коими у нас именем только знатные господа веселятся. Я не любил, чтоб моя передняя наполнялась людьми, из коих иные желали бы завтра меня у себя в таком же положении видеть"[74]. А.Г. Бобринский писал жене: "Все дворы похожи между собою. Когда несчастлив, никто об тебе не думает и все от тебя отворачиваются; а когда приходит счастие, все любезничают"[75]. Правящее сословие состояло из реальных или потенциальных конкурентов, делящих чины, деревни, выгодные протекции, милость императора.

Едкая насмешка и резкое осуждение были направлены не против враждебной дворянину партии: раздражение вызывали отдельные представители чиновно-бюрократической элиты, неприязнь к которым переносилась в целом на правящую верхушку, "великолепную дворскую сволочь"[76]. Низость придворных нравов осознавали все без исключения авторы использованной в работе переписки, вне зависимости от чина, близости к трону, положения в правящей иерархии. Социально-психологический склад большинства отрицался самим же большинством. Прямые подданные императора, монопольно владеющие правом на власть, богатство, образование, были разъединены и идеологически, и духовно.

Негативные чувства, вызываемые конкурентной борьбой, сменялись иногда размышлениями над ее смыслом. Этот процесс мог начаться с едкой критики нравов, разоблачения скрытых враждебных мотивов, резкого раздраженного письма. Между тем

---

[73] Так, например, Д.И. Фонвизин писал родным о Р.И. Воронцове: "Он меня очень приласкал, да и не мудрено. Когда большие бояре держатся в черном теле, тогда они всего любезнее в свете; а как скоро из него выходят, то всех людей становят прахом пред собою и думают, что царствию их не будет конца" (Д.И. Фонвизин – родителям. 1768 г., июль (*Фонвизин Д.И.* Собр. соч. Т. 2. С. 348).

[74] А.А. Безбородко – П.В. Завадовскому. 1792 г., январь (Архив князя Воронцова. Кн. 13. С. 251).

[75] А.Г. Бобринский – жене. 1796 г., ноябрь (Русский архив. 1876. Кн. III, № 9–12. С. 10).

[76] См.: Ф.В. Ростопчин – С.Р. Воронцову. 1796 г., ноябрь (Русский архив. 1876. Кн. I, № 1–4. С. 412).

и презрительная насмешка, и негодование сопровождались пристальным вниманием к другому человеку, его позиции, взглядам, поступкам. Салонное злословие могло перерасти в осмысление, а затем и отрицание господствующих ценностей. Возникало сомнение в целесообразности общепринятых норм, по которым жил свет. Критика придворных кругов могла порождать чувство стыда и создавать социально-психологические предпосылки для конфронтации личности и света. Отрицание нравов и ценностей, господствующих в среде правящего сословия, не могло свестись лишь к негативной критике. Авторы писем неизбежно должны были определить свою позицию, свой стиль поведения, выработать средства психологической защиты.

Цинизму прямых вассалов императора противопоставляются качественно иные человеческие связи, которые не рассматривались как средство достижения конъюнктурных целей, а были проникнуты бескорыстием. Подобные контакты исключали статусные преграды, оценку личности в соответствии с Табелью о рангах, социальным престижем и милостью трона, блокировали взаимные реакции и стиль поведения подчиненного и покровителя. Авторы писем, открывшие для себя ценность одухотворенных отношений, стремились преодолеть нормы светской этики и общаться "без чинов", "отложив церемонии", исключить нарочитую галантность и внешнюю учтивость[77], которые лишь прикрывали конкуренцию в среде дворянства[78]. Подобные человеческие контакты могли противоречить интересам карьеры, не совпадать с ожиданиями света и даже мнением императрицы. А.М. Ку-

---

[77] Так, А.М. Кутузов писал Н.Н. Трубецкому: "Ежели мы, сердечный мой друг, будем обходиться на чинах, ежели между нами будет употребляться язык придворных, то что же воспоследует со всеми нашими обязанностями? То где же дружба обретается, где найдет убежище, будучи отовсюду изгоняема?" (А.М. Кутузов – Н.Н. Трубецкому. 1791 г., июль (*Барсков Я.Л.* Переписка московских масонов XVIII века. 1780–1792 гг. Пг., 1915. С. 133). Г.А. Полетико также писал жене о ее близких родственниках, с которыми вел тяжбу о наследстве: "Утверждайте их и впредь в сем же, объявив им то, что они по праву без моего согласия ничего не могут сделать, а хотя и сделают, то все будет ничто… Но сие говорите им, как будто от себя, а не так, как будто вы сие говорите по моему наставлению… а я хочу себя так здесь представлять, будто я ни о чем не знаю, ибо и со мною здесь поступают на одних комплиментах и учтивостях" (Письмо Г.А. Полетико жене. 1777 г., май // Киевская Старина. 1893. Т. 40, № 1–3. С. 519–520).

[78] Интересна в этом отношении переписка Н.И. Панина и А.Г. Орлова, как известно, двух главных и непримиримых конкурентов за влияние при дворе Екатерины II. Их письма полны изысканной предупредительности, страстных заверений в нелицемерной дружбе, доброжелательности и особой привязанности (См.: Русский архив. 1878. Кн. III, № 9–12. С. 430–458; 1880. Кн. III, № 9–12. С. 229–260).

тузову принадлежат волнующие строки о ссыльном А.Н. Радищеве: “Сверх сего желал я также знать подробности происшествия с несчастным моим другом. Сим именем буду всегда называть его, и ежели потребуют сего, то обязуюсь сказать сие всенародно”[79]. Д.И. Фонвизин противопоставлял свое понимание человеческих отношений общепринятым взглядам. “Я не лгу, что здесь знакомства еще не сделал, – писал он родным из Петербурга, – слово *з н а к о м с т в о,* может быть, вы не так разумеете. Я хочу, чтоб оное было основанием ou de l’amitiè, ou de l’amour; однако этого желания, по несчастию, не достигаю и ниже тени к исполнению не имею. Рассуди, не скучно ль так жить тому, кто имеет чувствительное сердце!”[80] Сходные мысли волновали Н.М. Карамзина: “Больно видеть, что некоторые люди без всякой причины желают мне зла; но приятно, очень приятно мне уверяться более и более в бескорыстной дружбе и приязни добрых, благородных душ”[81].

Особую незамутненность дружеские отношения обретали в сферах относительно автономных от государственной службы и чиновничье-бюрократического аппарата. Однако доверие и живое искреннее общение проникало и в обезличивающую чиновную субординацию. Так возникало два плана отношений в правящей иерархии, что нашло непосредственное отражение в переписке. Н.В. Репнин обращался к Н.И. Панину: “В депешах моих ко Двору я все, касающееся до дел, сказал, а здесь буду как с дорогим милостивцем беседовать, изливая чувства моего сердца в ваше”[82]. Через 20 лет, в 1795 г. племянник адресата, Н.П. Панин, писал к тому же Н.В. Репнину: “После того, как я обратился к Вашему Сиятельству на этом первом листе официально, по долгу порядка и службы, – соблаговолите дозволить мне, князь, вернуться к языку сына”[83]. С.Р. Воронцов следующими словами начинал свое письмо к А.А. Безбородко: “Не к министру, не к члену Совета, а к искреннему моему другу и человеку, прямо любящему свое отечество, пишу сие письмо”[84].

Реальное совмещение отношений “по долгу порядка и службы” и эмоционально-личностных связей породило совершенно

---

[79] А.М. Кутузов – Н.Н. Трубецкому. 1791 г., январь (*Барсков Я.Л.* Переписка московских масонов... С. 79).

[80] Д.И. Фонвизин – родным. 1763 г., август (*Фонвизин Д.И.* Собр. соч. Т. 2. С. 318–319).

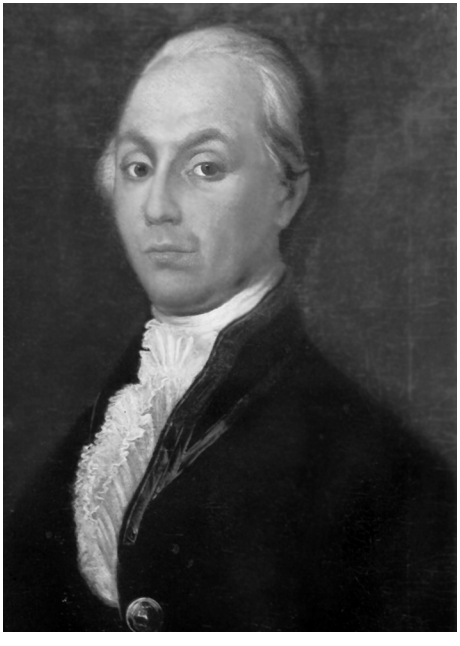
[81] Н.М. Карамзин – И.И. Дмитриеву. 1795 г., октябрь (*Грот Я.К., Пекарский П.П.* Письма Н.М. Карамзина к И.И. Дмитриеву. С. 62).

[82] Н.В. Репнин – Н.И. Панину. 1775 г., ноябрь (Сб. РИО. 1875. Т. 15. С. 502).

[83] Н.П. Панин – Н.В. Репнину. 1795 г., март (Там же. Т. 16. С. 170).

[84] С.Р. Воронцов – А.А. Безбородко. 1789 г., октябрь (Архив князя Воронцова. Кн. 16. С. 227).

особое явление в этике правящей верхушки – чисто человеческие контакты крупнейших сановников и их подчиненных, как правило, духовно богатых и одаренных представителей формирующейся дворянской интеллигенции. Своеобразное меценатство, основанное на признании таланта незаурядной натуры, связывало А.А. Безбородко и Н.А. Львова, Г.Р. Державина, В.В. Капниста; А.Р. Воронцова и А.Н. Радищева; Н.И. Панина и Д.И. Фонвизина; И.И. Бецкого и Я.Б. Княжнина[85].



Неизвестный художник.
Портрет А.Н. Радищева.
Не позднее 1790 г.

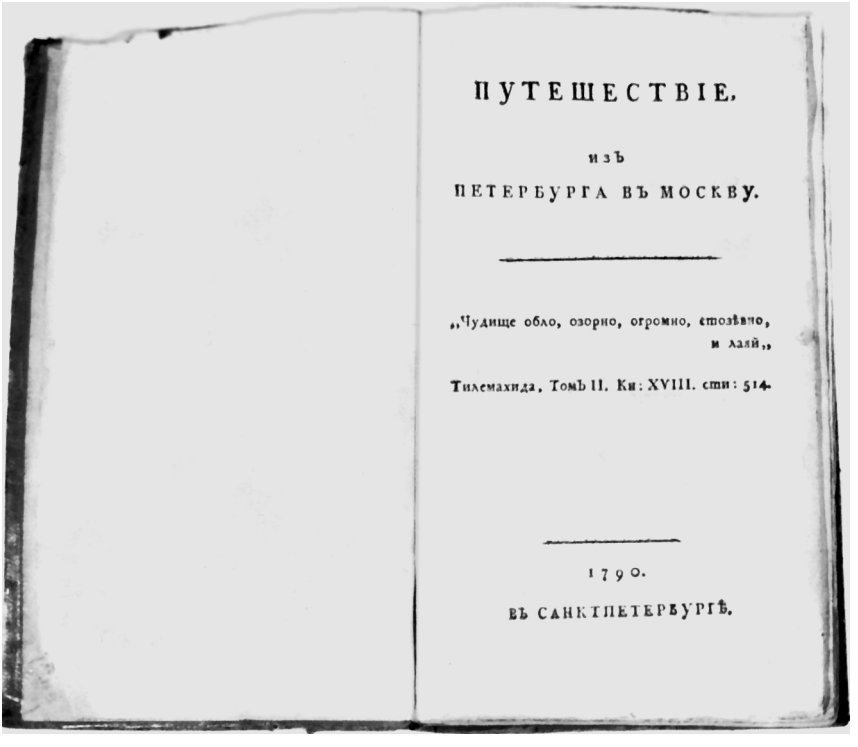
Сопоставление биографических данных авторов и адресатов обнаружило проявление явной симпатии и даже отважной поддержки потерявшего фавор, опального и гонимого дворянина. Верность отношений, несмотря на конъюнктуру и господствующие оценки, была своеобразным вызовом придворной этике. С.Р. Воронцов писал отцу: “Мало у на[с] [с]толь честных людей, которые б, как времена ни переменялись, всегда непременны и непоколебимы в их дружбе”[86]. Вопреки позиции верховной власти и мнению света глубоко человеческие контакты сохранили А.Р. Воронцов[87] и А.М. Кутузов по отношению к ссыльному А.Н. Радищеву;

---

[85] Эта сторона развития взаимоотношений в дворянской среде являлась важным показателем широты распространения фрондерских настроений.

[86] С.Р. Воронцов – Р.И. Воронцову. 1765 г., январь (Архив князя Воронцова. Кн. 16. С. 86).

[87] Так, А.Р. Воронцов писал тверскому губернатору Г.М. Осипову о проезжавшем через Тверь в Сибирь лишенном чинов и дворянства А.Н. Радищеве: “Я прошу ваше пр-во, ежели сие мое письмо к вам застанет еще означенного Радищева в Твери, именем моим его обнадежить, что и в тамошнем его пребывании я не оставлю, конечно, возможную помощь делать, дабы он без нужды там жизнь препроводить мог, желая только, чтоб он здоров туда доехал, ибо мне известно вообще, сколь он некрепкого сложения” (А.Р. Воронцов – Г.М. Осипову. 1790 г., сентябрь (Архив князя Воронцова. Кн. 5, ч. 1. С. 399).



ПУТЕШЕСТВІЕ,

изъ

ПЕТЕРБУРГА ВЪ МОСКВУ.

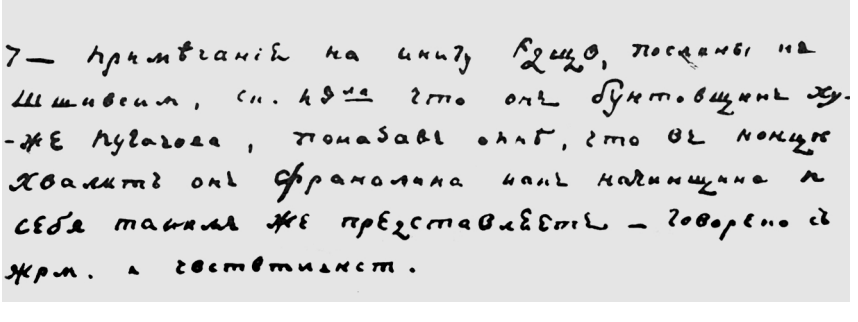
„Чудище обло, озорно, огромно, стозѣвно, и лаяй„

Тилемахида, Томъ II. Кн: XVIII. сти: 514.

1790.

ВЪ САНКТПЕТЕРБУРГѢ.

Первое издание “Путешествия из Петербурга в Москву” А.Н. Радищева (СПб., 1790).



7 — примѣчанія на книгу Радищ., посланы на Шшивсим, см. 49-ла что онъ бунтовщикъ ху-же Пугачова, показавъ оный, что въ концѣ хвалитъ онъ Франолина какъ начинщика и себя такимъ же представляетъ — говорено съ жрм. и чвствтиинст.

Отзыв Екатерины II на книгу
“Путешествие из Петербурга в Москву”

Н.В. Репнин активно участвовал в судьбе детей бывших польских оппозиционеров Чарторыжских; П.В. Завадовский, А.И. Бибиков, А.В. Суворов испытывали искреннее расположение к оттесняемому от командования армией П.А. Румянцеву. Суворов называл его именем несправедливо гонимого полководца Велизария[88], а Г.Р. Державин в оде "Водопад" писал о драматичном для великого полководца лишь номинальном руководстве войсками:

– Но ах! теперь во брани
Мои не мещут молний длани!

Ослабли силы, буря вдруг
Копье из рук моих схватила;
Хотя и бодр еще мой дух,
Судьба побед меня лишила...[89]

Человеческие контакты в рамках бюрократической среды стимулировались и высокими патриотическими чувствами, ясным осознанием той простой истины, что успех дела несовместим с интригами, злословием, агрессией. Мелочная чиновная тяжба и даже интересы карьеры могли быть отринуты с позиций истинного патриотизма. Особенно ярко и красноречиво польза Отечества и придворный стиль отношений противопоставлены в письмах А.В. Суворова. "Фракционный и в титле отечественника заглушит", "они лучше уступят достоинству родства и свойства, нежели достоинству моих испытанных качеств. Для России ж хоть трава не расти!" – писал он с горечью. Неслучайно Суворов восхищался мужественным благородством М.М. Голицына, одного из крупнейших полководцев времен Северной войны. Ради интересов Отечества он пренебрег личной обидой. На вопрос Петра I о награде за одержанную над шведами победу Голицын просил простить А.И. Репнина, разжалованного за поражение при Головчине. «"Знаешь ли ты, что он твой злейший враг?" – спросил Петр. "Знаю, – был ответ, – и прошу ради пользы отечества, ибо Репнин военное дело знает, а хороших генералов мало". Князь М.М. Голицын (генерал-майор), – победя, выпросил ему милость. Здесь достоинство!» – писал А.В. Суворов Д.И. Хвостову. Чувство гражданской ответственности заставило полководца преодолеть ожесточенную конкуренцию в той сфере, которую он в состоянии был контролировать. В 1789 г. А.В. Суворов писал И.М. Рибасу: "Наша маленькая армия жила по-братски и соревновалась в доблести. Двоеду-

[88] А.В. Суворов – И.М. Рибасу. 1794 г., июнь (*Суворов А.В.* Письма. С. 270).
[89] *Державин Г.Р.* Сочинения. М., 1985. С. 109–110.

шие, лукавство, недомолвка строго возбранялись. Всякий был бы властен наказать нас, если б он нас в сем уличил"[90].

Важнейшим поведенческим проявлением морально-этического конфликта личности и светской среды можно считать обретение дворянином внутренней независимости от господствующего общественного мнения. Проблема духовной свободы и преодоления страха перед досужими оценками стояла перед многими. Авторы писем отрицательно или настороженно высказываются по поводу общепринятых взглядов, которые определяются как *болтание, разглашение, нарекания, молва, слухи, толки, сплетни, злословие, хула, клевета*.

Негативизм облегчал высвобождение дворянина из-под гнетущей зависимости от оценок света, которую он начинал болезненно ощущать[91]. "Я презираю общественное мнение, подчиненное придворному влиянию и направляемое наглыми глупцами, которые, не имея собственной репутации, посягают на чужую"[92], – отмечал Ф.В. Ростопчин. "Смеялся я и презирал все таковыя разглашения, не будучи в совести моей изобличаем, чтоб я… сделал тем какий-либо поступок чести и справедливости противный"[93], – писал Г.А. Полетико. Г.Р. Державин делился своими мыслями с Н.И. Смирновым: "Я бы, например, мыслил, что никто нашей чести вредить не может кроме самих нас"[94].

Внутреннее противодействие светскому злословию требовало поддержки единомышленника, близкого человека, мобилизации личностных ресурсов. Так, в драматический момент политической карьеры Н.И. Панина, когда вокруг него замкнулось кольцо непримиримых интересов императрицы, судьбы наслед-

---

[90] А.В. Суворов – П.И. Турчанинову. 1792 г., июнь (*Суворов А.В.* Письма. С. 232); А.В. Суворов – Д.И. Хвостову. 1791 г., сентябрь (Там же. С. 222); А.В. Суворов – Д.И. Хвостову. [1792 г., май] (Там же. С. 229); А.В. Суворов – И.М. Рибасу. 1789 г., ноябрь (Там же. С. 187).

[91] Данные переписки свидетельствуют о сложном пути избавления личности от привычной ориентации на господствующее мнение. Так, А.А. Безбородко писал С.Р. Воронцову: "В случае неудач ожидаю наверное, что тут и негодование на нас, а главнейше на меня обратится, при пособии всяких коварных происков, кои опять здесь умножаться стали. Я истинно их не уважаю; но нельзя не заботиться, что подобные происшествия публикою и светом конечно относимы будут на недосмотрение министерства" (А.А. Безбородко – С.Р. Воронцову. 1788 г., февраль (Архив князя Воронцова. Кн. 13. С. 142–143).

[92] Ф.В. Ростопчин – С.Р. Воронцову. 1795 г., август (Русский архив. 1876. Кн. 1, № 1–4. С. 210).

[93] Г.А. Полетико – Л.Г. и В.Г. Гамалеям. 1777 г., сентябрь (Киевская Старина. 1893. Т. 41, № 4–6. С. 117).

[94] Г.Р. Державин – Н.И. Смирнову. 1786 г., июнь (*Грот Я.К.* Сочинения Державина. СПб., 1869. Т. 5. С. 485).

ника престола и конкурирующих придворных партий, Д.И. Фонвизин пытался облегчить переживания брата воспитателя великого князя Павла. В 1772 г. он писал П.И. Панину: "Без сомнения, больших людей честолюбие состоит в приобретении себе почтения тех, кои сами почтенны и которых во всем свете, конечно, мало. Впрочем, хула невежд, которыми свет изобилует, не может оскорблять истинных достоинств, равно как и похвала от невежд цены оным не прибавляет. Сие привело мне на мысль два стишка г. Сумарокова, заключающие в себе сию истину:

Достойной похвалы невежи не умалят;
А то не похвала, когда невежи хвалят»[95].

М.Н. Муравьев пытался внушить своей младшей сестре чувства внутреннего достоинства и самоуважения: "Боязнь сплетен – пугало слабых душ ⟨…⟩. Раболепство перед модою свойственно молодым головам ⟨…⟩. Надобно уметь и душу утвердить, не стыдиться быть честным человеком и добродетель любящим"[96].

Мнение большинства утрачивало свою регулятивную и контролирующую функцию, силу влияния на мотивационную систему сознания личности. Защита суверенитета индивидуальности предполагала поиск внутреннего критерия оценки и самооценки, что оказывало воздействие на сознание дворянина и становилось важнейшим этапом формирования новой системы ценностных ориентаций.

Крупный государственный чиновник, вельможа, сановник, дворянин, представляющий интеллектуальную знать, – все они считали себя историческими личностями, верили в должную оценку "мужей великих дарований", к которым причисляли себя, и не сомневались в справедливом суде будущих поколений. "Вы совершенно правы, когда говорите, – писал Ф.В. Ростопчин С.Р. Воронцову, – что рано или поздно отдают справедливость истинному достоинству"[97]. Д.И. Фонвизин убеждал П.И. Панина: "Публика редко или никогда не отдает справедливости живым людям. Потомству предоставлено разбирать и утверждать славу мужей великих… Достойный человек не должен огорчаться тем, что льстецы, при нем отъемля его цену, придают ее своему идолу. Такие льстецы сколь никогда не заражают своими подлы-

---

[95] Д.И. Фонвизин – П.И. Панину. [1772] (*Фонвизин Д.И.* Собр. соч. Т. 2. С. 394).

[96] М.Н. Муравьев – сестре (Письма русских писателей... С. 306, 291).

[97] Ф.В. Ростопчин – С.Р. Воронцову. 1792 г., сентябрь (Русский архив. 1876. Кн. I, № 1–4. С. 93).

ми и ложными внушениями публику, но она рано или поздно отдаст справедливость достойному, разобрав лесть и клевету от самой истины"[98]. Эпистолярные материалы второй половины XVIII в. свидетельствуют, что вера в историческую правду порождала внутреннее равновесие, защищала от негативизма придворной толпы. Предстоящий суд потомков не дисциплинировал, а успокаивал. Надежда на высшую правду времени еще не была облагорожена чувством ответственности и стыда. Будущей справедливости не боялись, ею скорее угрожали злобным страстям современников[99].

Отрицание нравов, ценностей и отношений, общепринятых в дворянских кругах, защита новых человеческих контактов, обретение внутренней независимости от господствующего мнения, нарастающий морально-этический конфликт со светом приводили к изменению референтной группы авторов писем. Из группы социального контроля постепенно исключалась окружающая среда, зато усиливалась ориентация на такие отвлеченные и даже несколько мистифицированные общности, как будущие поколения и не определенная ни формально, ни фактически, малочисленная группа особых людей, в нравственном плане превосходящих дворянские круги. В переписке зафиксированы термины, определяющие состав этой группы: *умные люди, честные люди, умный читатель, прямо благородные люди, истинный патриот, человек, прямо почтения достойный, общество разумных и добронравных, честные и просвещенные люди, честные люди, прямо умные и почтения достойные* и т.п.[100]

Н.М. Карамзин писал И.И. Дмитриеву: "Радуюсь, мой друг, что Д.И. Затрапезнов тебе полюбился; я сам люблю его сердечно, как умного, и очень умного человека. Такие люди у нас редки"[101]. Ф.В. Ростопчин сетовал С.Р. Воронцову: "Здесь мало честных людей. Эту печальную истину горько мне заявлять вам,

---

[98] Д.И. Фонвизин – П.И. Панину. 1772 г., январь (*Фонвизин Д.И.* Собр. соч. Т. 2. С. 366).

[99] Внуки и дети некоторых авторов писем, представители поколения декабристов, будут чувствовать личную ответственность перед будущим.

[100] См., например: М.Н. Муравьев – сестре. 1777 г., ноябрь (Письма русских писателей... С. 316); Е.Р. Дашкова – Александру Б. Куракину. 1796 г., ноябрь (Русский архив. 1912. Кн. II. С. 465); Д.И. Фонвизин – П.И. Панину (*Фонвизин Д.И.* Собр. соч. Т. 2. С. 464, 465, 472); Я.Б. Княжин – Г.Г. Гогелю. 1788 г., ноябрь (Двадцать лет из жизни Я.Б. Княжина. С. 321); Н.М. Карамзин – И.И. Дмитриеву. 1791 г., апрель (*Грот Я.К., Пекарский П.П.* Письма Н.М. Карамзина к И.И. Дмитриеву. С. 18 (основной текст)); и др.

[101] Н.М. Карамзин – И.И. Дмитриеву. 1795 г., сентябрь (*Грот Я.К., Пекарский П.П.* Письма Н.М. Карамзина к И.И. Дмитриеву. С. 58).

человеку чувствительному, детям которого придется жить посреди возмутительного развращения"[102]. Д.И. Фонвизин после посещения Франции пришел к такому выводу: "Достойные люди, какой бы нации ни были, составляют между собою одну нацию"[103].

В сознании дворянина происходил раскол господствующего сословия по морально-этическому принципу, выделялась многочисленная "светская чернь" и узкая группа аристократов духа, нравственной элиты. Все без исключения авторы писем себя относили к этому избранному братству. Подобная направленность сознания подготавливала социально-психологическую почву для разрушения идентификации личности со светской средой, для духовного отчуждения от чиновно-бюрократической верхушки. Характерны зафиксированные по материалам эпистолярных источников эмоционально-оценочные реакции авторов на общепринятый стиль жизни властвующей элиты. Дворянин внезапно обнаруживал, что ему безмерно прискучило однообразие балов, собраний, выездов, вечеров, обедов. Утомительная праздная веселость света вызывала такие тягостные неприятные ощущения, как усталое равнодушие и унылое разочарование, которые усугублялись тяжелой мыслью об одиночестве. "В пятницу, отобедав у П.М. Хераскова, был я в маскараде. Народу было преужасное множество; но клянусь тебе, что я со всем тем был в пустыне. Не было почти ни одного человека, с которым бы говорить почитал я хотя за малое удовольствие"[104], – писал Д.И. Фонвизин сестре. "Я до четвертого часу бродил вчерась в маскараде. Теперь голова моя наполнена картинами света, своей собственной мглою"[105], – жаловался М.Н. Муравьев. "В толпе, но наедине" иногда обнаруживал себя и Н.А. Львов, о чем писал Г.Р. Державину из Киева:

Без счастья, без жены, в толпе, но наедине,
По должности скопец; но так, как черт в пустыне,
С собою заключа мирскую суету,
Сквозь дырку щупает Фортуны наготу,
Летающей под облаками,

---

[102] Ф.В. Ростопчин – С.Р. Воронцову (Русский архив. 1876. Кн. 1, № 1–4. С. 217).

[103] Д.И. Фонвизин – П.И. Панину. 1778 г., сентябрь (*Фонвизин Д.И.* Собр. соч. Т. 2. С. 480).

[104] Д.И. Фонвизин – сестре. 1766 г., январь (*Фонвизин Д.И.* Собр. соч. Т. 2. С. 337). См. также, например: Н.М. Карамзин – И.И. Дмитриеву 1793 г., январь (*Грот Я.К., Пекарский П.П.* Письма Н.М. Карамзина к И.И. Дмитриеву. С. 32).

[105] М.Н. Муравьев – сестре. 1778 г., январь (Письма русских писателей... С. 338).

Так точно и со мной (да будет *между нами*):
Я жизнь покойную, цыганскую веду,
Воспоминанием друзей моих питаюсь,
Увидеть скоро их надеждой утешаюсь
И ходом раковым ко счастию иду.
Каково? Начерно, не прогневайтеся"[106].

Отчуждение перерастало в осознанное выделение своей личности из светской среды и даже противопоставление ей. Однако анализ эпистолярных материалов и биографических данных авторов писем обнаруживает резкий перепад глубины морально-этического конфликта дворянина с высшим обществом и его крайне выдержанной, примирительной, а часто и трудноуловимой поведенческой реализацией. Переписка до предела обнажает это несоответствие, поскольку вся "горечь и злость" находила выход именно в дружеской интимной беседе, которой, как правило, и ограничивалась. Тот же Д.И. Фонвизин писал сестре: "Что же надлежит до меня, то знай, матушка, что я весьма скучаю придворною жизнью. Ты ведаешь, создан ли я для нее. Между тем, я положил за правило стараться вести время свое так весело, как могу; и если знаю, что сегодня в таком-то доме будет мне весело, то у себя дома не остаюсь"[107].

Авторы писем принадлежали к дворянскому обществу и не имели никакой другой альтернативы, они могли презирать его ценности, нравы и отношения, могли до известных пределов игнорировать господствующие нормы, но удалиться от светской среды, порвать с ней они могли только внутренне, на социально-психологическом уровне[108]. Естественно, что в России второй половины XVIII в. отрицание жизненной философии властвующей элиты приобретало характер дворянской самокритики. Глубокая убежденность в падении нравов не приводила к казалось бы закономерному выводу о неизбежной деградации правящего сословия. Мысль о благородном нобилитете, сынах Отечества, гордом российском дворянстве владела сознанием авторов писем, хотя и существовала несколько отвлеченно, безлично, не

---

[106] Н.А. Львов – Г.Р. Державину. 1787 г., март (*Львов Н.А.* Избранные сочинения. С. 333).

[107] Д.И. Фонвизин – сестре. [1770] (*Фонвизин Д.И.* Собр. соч. Т. 2. С. 351).

[108] Ф.В. Ростопчин писал С.Р. Воронцову о тетке своей будущей жены, фрейлине Протасовой: "Я люблю Анну Степановну, но она слишком многим жертвует мнению света и задалась мыслью, которую так трудно привести в исполнение: быть философкою, находясь при дворе и оставаясь его рабою" (Ф.В. Ростопчин – С.Р. Воронцову. 1794 г., май (Русский архив. 1876. Кн. I, № 1–4. С. 120)).

наполняясь конкретным содержанием. От "низкой светской черни" сознательно или интуитивно авторы требовали заслуг и качеств, соответствующих славе господствующего сословия России.

Чувство вины и идея жертвенности русской интеллигенции XIX в. появятся позже, но их социально-психологические предпосылки были заложены именно в это время. Важно понять основной смысл и значение морально-этического конфликта дворянина и светской среды, который сводился к отрицанию доминирующих жизненных ориентиров, критике ожесточенной конкуренции и, наконец, к попытке обрести внутреннюю независимость от норм, диктуемых общественным мнением. Социально-психологической первоосновой и условием подобных процессов могла быть только духовная зрелость авторов писем. Ведущим мотивом нараставшей конфронтации оказалась угроза достоинству личности дворянина. Именно новое понимание чести и приходило в противоречие с традиционными нивелирующими оценками света: "Если не держаться твердых правил, то сохранение чести подвергается большим опасностям"[109]; "честному человеку жить нельзя в таких обстоятельствах, которые не на чести основаны ⟨…⟩; я ничего у Бога не прошу, как чтоб вынес меня с честию из этого ада"[110]; "честный человек, который не может быть льстецом или хвастуном, проживет в неизвестности"[111].

Усложняющаяся и растущая личность дворянина столкнулась с государством, восстала "против мнений света"; она неизбежно должна была подойти к осмыслению позитивного идеала.

---

[109] Ф.В. Ростопчин – С.Р. Воронцову. 1793 г., июль (Русский архив. 1876. Кн. 1, № 1–4. С. 107).

[110] Д.И. Фонвизин – сестре (*Фонвизин Д.И.* Собр. соч. Т. 2. С. 338, 356).

[111] М.Н. Муравьев – отцу. 1778 г., ноябрь (Письма русских писателей... С. 358).

“Обитель дальняя”

Социально-психологической первоосновой возникновения фрондерских настроений в интеллектуально-аристократической среде было усложнение внутреннего мира дворянина, стремление к личностному самовыявлению. Пробуждение индивидуальности оказало принципиальное воздействие на универсальный в сущности процесс смены традиционных ценностей новыми альтернативными ориентациями. Не интересы владетельных прав старых княжеских родов, не политические идеалы боярства и родовой аристократии, не энергия сословия, завоевавшего господствующее положение в обществе, а именно процесс становления личности стал фактором духовного развития российского дворянства последней трети XVIII в.

Пробуждение индивида затронуло в первую очередь сознание элиты и предопределило путь выхода из кризисной девальвации традиционных и общепринятых ценностей. Угасание статусных ориентаций, ослабление воздействия идеологических доктрин абсолютизма на сознание дворянина порождали психологию отстранения, желание обрести новый смысл существования. Падение ценности чиновного успеха поставило перед дворянином “острого разума, преисполненного знаний и честности”, “надменности и тщеславия о себе”[1], вопрос о новых путях самоосуществления. Постепенное высвобождение личности из-под самодержавного давления направляло нереализованные возможности в иные социальные области, удаленные и относительно независимые от бюрократического аппарата, престола, светской массы. Процесс переориентации на сферы деятельности, наиболее пригодные для выявления внутреннего потенциала, происходил, как правило, спонтанно, без осознания его оппозиционного характера и довольно часто без обострения отношений с верховной властью и общественным мнением. Определенная бытовая свобода российского господствующего сословия позволяла совмещать несколько типов социальной реализации и произвольно выбирать приоритетные области действия.

---

[1] А.Р. Воронцов – Н.И. Панину. [1768] (Архив князя Воронцова. М., 1882. Кн. 26. С. 167); Н.Н. Бантыш-Каменский – Александру Б. Куракину. 1792 г., сентябрь (Русский архив. 1876. Кн. III, № 9–12. С. 274). Обращаясь к императрице, неизвестный автор “Рукописи политического содержания с критикой внешней политики Екатерины II” писал о подобных своих современниках: “люд[и] твоего более остроумного нежели благоразумного двора, [которые] не в большей милости и которые не умеют столько нравиться, как другие” (РГАДА. Ф. 10. Оп. 3. Ед. хр. 594. Л. 7).

Актуализация иных жизненных сфер в практике дворянина начиналась с дифференцированного подхода к реальности и выделения в ней сторон, не тождественных и даже противостоящих официальной. "…Имею честь донести вам, что… был гвардии капитаном, потом обер-прокурором в сенате. ⟨…⟩ Ныне же нахожусь в статских тайным советником. Вот моя гражданская жизнь", – сообщал И.И. Дмитриев историку и архивисту Н.Н. Бантыш-Каменскому свой "послужной список", а в конце письма добавлял – "издал три томика кой-каких стихотворений"[2]. Н.И. Новиков, объясняя А.Ф. Лабзину непреодолимую сложность знакомства и общения с высокопоставленным знатным вельможей Ф.В. Ростопчиным, четко выделял две социальные сферы – государственную, официальную и сугубо личную, приватную: "...Он весьма высок, а я весьма низок, и проч., так что между нами весьма великое расстояние пустоты… Его сфера знакомства знатная, великочиновная, а моя малая и весьма бедная и короткая: то как же нам сойтись"[3]. "Чиновный свет" и приватная жизнь, "прихоти" и "хлопоты" соседствовали в судьбе Н.А. Львова. Действительный статский советник, член экспедиции государственного хозяйства, управляющий училищем земляного строения и "комиссии о разработке каменного угля", кавалер двух орденов, он хранил в душе идеал совершенно иной жизни – семейное счастье, леса тверского имения Никольского, живопись, музыка, поэзия. В послании его ближайшего друга Г.Р. Державина Н.А. Львов изображен счастливым отцом, поэтом, творящим на лоне природы и обращающимся к современникам со словами:

Ужель тебе то неизвестно,
Что обольщенным жизнью дворской
Природа самая мертва?

---

[2] И.И. Дмитриев – А.Ф. Мерзлякову. [1805] (Сочинения Ивана Ивановича Дмитриева. СПб., 1893. Т. II. С. 191). В этой своеобразной дифференциации сфер жизни "чиновного" дворянина и писателя можно усмотреть и такую черту сознания образованной личности, как признание литературного творчества делом "частным", не сопоставимым по своей значимости с "государственной службой". И. Клейн очень тонко подметил, что В.И. Майков "в светских гостиных неохотно говорил о литературе, ⟨...⟩ вполне вероятно, что именно поэтому Фонвизин всю свою жизнь придавал такое значение анонимности. Многочисленные произведения Державина, Капниста и Богдановича также выходят в свет анонимно" (*Клейн И.* Пути культурного импорта: Труды по русской литературе XVIII века. М., 2005. С. 510, см. также С. 511–520).

[3] Н.И. Новиков – А.Ф. Лабзину. [1801 г., февраль – 1802] (Письма Н.И. Новикова. СПб., 1994. С. 58).

Сам Н.А. Львов писал в своем поэтическом послании к другу дипломату И.М. Муравьеву, вскоре ставшему Муравьевым-Апостолом, по фамилии матери:

Каково же мне т и т у л я р н о м у?
Что нет времени и к друзьям своим
самому писнуть – н е п р о г н е в а й т е с ь...[4]

Обретение новой реальности снижало актуальность чиновно-статусных ценностей и направляло интересы личности в совершенно иную область. Этот процесс во всей своей сложности и неуловимой постепенности отразился в письмах М.Н. Муравьева отцу и сестре. Общий поток чиновной борьбы захватил и М.Н. Муравьева, приехавшего в столичный Петербург из Твери, где его отец был председателем Казенной палаты. Сержант Измайловского полка, он по инерции включается в выхаживание повышения для себя и новой должности для отца. Но глубокие духовные потребности, серьезный интерес к словесности, общение с литераторами уводят его все дальше от проблем служебной карьеры. "Доискивание" и "идолопоклонство" совмещаются с растущим стремлением к реализации в иной сфере. "Матушка сестрица… я всякий день в делах – и в каких? Туда, сюда. И ведь ради. У Хераскова [столь]ко новых книг брошюр… Времени моего и не всегда расположить умею. В школу я свою ни ногой. Сижу дома, читаю или перебираюсь в своих бумагах". Отдаление от сферы государственной службы нарастало и, наконец, воплотилось в сформировавшемся внестатусном понимании смысла осуществления собственной личности. Двадцатилетие стало для М.Н. Муравьева днем подведения итогов. "Я схожу с первой степени жизни: двадцать лет мои минуются, двадцать лет бытия моего… Причина размышлять и о том, что прошло, и о том, что будет… Представятся дружества младенчества, отрочества, юношества: игрушки, резвости, глупости. Самолюбие автора, уничтожение критики; иногда, может быть, с удовольствием вспомню труд свой; иногда пожалею втуне проведенное время", – пишет он отцу. Показательно, что не появляется даже тени мысли о так и не достигнутом офицерском чине. Столкновение двух сфер реализации закончилось явным поражением государственной бюрократии. М.Н. Муравьев равнодушно упоминает, что

---

[4] Неизданные стихи Н.А. Львова // Литературное наследство. 1933, № 9–10. С. 268, 274; См. также: Н.А. Львов – Г.Р. Державину. 1788 г., июнь (*Грот Я.К.* Сочинения Державина с объяснительными примечаниями Я. Грота. СПб., 1869. Т. 5. С. 699).

доклады в полку не произвели его в капитаны, и с воодушевлением переводит повествование на другую тему: "...[Видел] я мои… произведения, переплетенные в одну книгу с Сумароковыми одами и некоторыми его собственными сочинениями. Вить это испытание для самолюбия. И я не устоял перед соблазном взять книгу в руки еще не раз"[5]. Этот внутренний перелом, прошедший сквозь судьбу Муравьева, в действительности оказался поворотным моментом в жизни целого поколения дворянской интеллектуальной элиты.

Естественно, что отказ от самоутверждения на императорской службе был безболезненным ходом событий для дворянина, который не только мог, но и стремился заявить о себе на ином поприще. Полководцу и дипломату подобное отстранение представлялось порой катастрофой. Государственный деятель, страдающий от унижений в придворной среде, в то же время не мог смириться с мыслью об уходе. Только к некоторым думающим сановникам приходило понимание того, что на отказ от чиновных привилегий идут личности глубокие и незаурядные. Это психологическое противоречие с особой силой отразилось в письмах А.В. Суворова: «…Целость в вашем усердии к высоким должностям… почитается… излишественною, притворною и самолюбною. Зависть лишает вас сослужения, мрачит оное или портит… ревность ваша станет воздушным метеором, ежели за время не подкрепится особою или особами, от коих мы зависим. Бóльшая часть сих… обыкновенно нас меняют на первовстречающегося приятного, хотя не полезного, и часто сей выбор бывает обществу вреден, и оттого часто великие намерения… к желаемому концу совершенно не достигают. Сказанные одебеленные особы, от презрения предваряя свое уничтожение, помышляют часто безвремянно о их самоблюдении или лучше неосторожно впадают в самолюбие. Большая часть ищет праздности; любомудрейшие – уединения, и то называется "быть самим собою"»[6].

Переориентация на иные социальные сферы составила позитивную сторону фронды российского дворянства. Эпистолярный материал, в котором отразились новые ценности, не был столь критически заострен, как письма, где проявились негативные настроения, отличался выдержанной эмоциональной тональностью

---

[5] Письма М.Н. Муравьева сестре и отцу (Письма русских писателей... С. 272, 280, 285, 303, 337).

[6] А.В. Суворов – П.И. Турчанинову. 1781 г., февраль (*Суворов А.В.* Письма. С. 72).

и имел значительно более широкий спектр функций – наставление, исповедь, дневник, простое и часто лиричное бытописание, интеллектуально-философский диалог, обсуждение проблем литературного творчества, решение деловых вопросов издательства, благотворительности и т.п. Если отрицание традиционных и господствующих стереотипов было самоцелью, выплескиванием накопившегося раздражения на страницы переписки, то формирование альтернативных идеалов шло вторым планом, являясь неизбежным следствием актуализации иной социальной реальности для интеллектуальной аристократии. Перерастание оппозиционных настроений в оппозиционные, а вернее, позитивные действия в периферийных областях, удаленных от эпицентра самодержавно-чиновной сферы, изменяло цели и критерии самореализации личности, ее социальные роли, задавало новую референтную группу, формировало иной спектр значимых проблем. В этом "высоком примирении с действительностью" и отстранении от нее энергия личности направлялась на созидание, а не разрушалась в воинственном отрицании. Примирение окажется неустойчивым и кратковременным, однако именно в этот момент возникнут идеалы, которые станут реальностью духовной жизни дворянства последней трети XVIII в. и заложат могучий нравственный потенциал формирующейся русской интеллигенции.

Анализ эпистолярного материала позволил выделить важнейшие черты тех жизненных сфер, которые стали для личности дворянина своеобразной психологической нишей, компенсацией за разочарование в чиновно-бюрократических ценностях, новой областью реализации и самоосуществления. Авторы писем поразному определяют этот мир внутренней гармонии и покоя, куда устремлены были их желания, чувства, помыслы. Образ духовного прибежища возникал в поэтических посланиях, проникнутых идеалами сентиментализма, в реальном описании своего "житья-бытья", в мечтах, в искренних признаниях другу. Н.А. Львов в "Епистоле к А.М. Бакунину из Павловского, июня 14, 1797" воссоздал "любителю сельской красоты", покинувшему службу ради спокойной жизни в тверском Премухино, картину усадебной идилии:

Меня всем Бог благословил:
Женил и дал мне все благое.
Я счастье прочное прямое
В себе иль дома находил,
И с ним расстаться не намерен!
Я истинно мой друг уверен,
Что ежели на нас фортуны фаворит

(В котором сердце бы не вовсе зачерствело)
В Никольском поглядит,
Как песенкой свое дневное кончив дело,
Сберемся отдохнуть мы в летний вечерок
Под липку на лужок,
Домашним бытом окруженны,
Здоровой кучкою детей,
Веселой шайкою нас любящих людей,
Он скажет: как они блаженны...[7]

С грустью вспоминая о России, И.И. Шувалов видел себя на родине "в свободе, в здравом воздухе и с людьми, которых поведение непринужденно обстоятельствами делать притворство"[8]. Анонимный автор рукописи политического содержания с критикой внешней политики Екатерины II также писал о пасторали деревенской жизни, о "тихих цветах полевых", о "сладостной гармонии, эхом ближних лесов повторяемой": "Я... видел повсюду и самих земледельцев, трудолюбивых, трезвых, здравых и веселых. Возьми отдохновение от трудов в ясную погоду, все деревни небогаты, но чисты и не без вкуса одеты... румянец живой на лицах служил вывескою их здравия и удовольствия. Они все улыбались и... пели согласным хором о величественным провидении и благости творца своего невидимого, непостижимого, творца вселенной"[9]. Н.М. Карамзин изображал И.И. Дмитриеву свои "лучшие минуты": "...Иногда забываюсь и отдыхаю; берусь за книгу, за перо или иду гулять", а в другом письме добавлял: "вид сельской природы успокоит меня"[10].

В реальной же действительности дворянин мог скрыться от самодержавного правления, светского этикета, изматывающей борьбы за карьеру и обрести временное, пусть даже и иллюзорное успокоение в следующих социальных сферах:

– в замкнутом мире дворянской усадьбы, в семейном счастье, близком человеке, дружеском кругу;
– в глубоких духовных исканиях, книгах, театре, литературе, писательском труде, исторических изысканиях[11];

---

[7] Неизданные стихи Н.А. Львова. С. 272.

[8] И.И. Шувалов – П.И. Голицыной. 1763 г., август (Московитянин. 1845. Ч. V, № 10, отд. 1. С. 140).

[9] РГАДА. Ф. 10. Оп. 3. Ед. хр. 594. Л. 10–11.

[10] Н.М. Карамзин – И.И. Дмитриеву. 1794 г., июнь (*Грот Я.К., Пекарский П.П.* Письма Н.М.Карамзина к И.И. Дмитриеву. С. 47 (основной текст)); Н.М. Карамзин – И.И. Дмитриеву. 1793 г., май (Там же. С. 36).

[11] См. об этом, например: *Аксенов А.И.* С любовью к Отечеству и Просвещению. А.И. Мусин-Пушкин. Рыбинск, 1994.

– в социальной деятельности, относительно независимой от государственно-бюрократического аппарата, в частности в благотворительности, независимом издательстве и т.п.

Внутренняя переориентация на данные области оказалась не только психологической защитой и противостоянием официозу, но и средством обретения нового жизненного смысла. Дворянская усадьба в этом плане была удивительно цельным, в определенном смысле самодостаточным организмом[12]. Анализ сведений о создании усадебных комплексов показывает, что интенсивное обживание территории имения, возведение господского дома и разбивка парка были связаны с отходом владельца от государственной службы. Так, Вороново начинает отстраиваться лишь после женитьбы и увольнения от дел президента Вотчинной коллегии Ивана Илларионовича Воронцова. Следующий период расцвета усадьбы связан с отставкой другого ее владельца, Федора Васильевича Ростопчина, которая длилась так или иначе с 1801 по 1812 г. Степан Борисович Куракин свое знаменитое Степановское-Волосово начинает отстраивать после выхода в 1789 г. в отставку в чине генерал-майора.

Коммуникации тех лет, весенняя и осенняя распутица исключали совмещение сельской свободы и государственной службы, где не допускались длительные отлучки. О чиновнике, месяцами проживающем в усадьбе, забывали, его обходили, он терял покровителей и не мог рассчитывать на успешную карьеру. Правительство предусмотрительно старалось не назначать дворян на службу вблизи их родовых имений и таким образом ставило чиновника перед выбором: либо “наслаждение собственностью своею”, либо – карьера. В рассматриваемый период возможна была такая характеристика социального статуса: “капитан-поручик в отставке, помещик Орловской губернии”. Уход от придворной жизни часто сопровождался переездом в барскую неслу-

---

[12] В данном контексте внимание сосредоточено на феномене дворянской усадьбы как искусственно созданного микромира, культурного явления частной жизни, и его взаимосвязи с социально-психологическими процессами усложнения индивидуальности дворянина, развития фрондерских настроений в среде интеллектуальной аристократии господствующего сословия. Усадебный быт – это и мир крестьянства, прислуги, крепостной интеллигенции, зависимый от господского дома и, в свою очередь, влияющий на сознание и умонастроение его обитателей. С этой точки зрения усадьба помещика стала местом максимального сближения правящего и податного сословий, дворянина и его людей, реальным воплощением особенности российской действительности с ее социально разряженным, “прозрачным” воздухом, о котором писал Н.Я. Эйдельман (*Эйдельман Н.Я.* М.С. Лунин и его сибирские сочинения // *Лунин М.С.* Письма из Сибири. М., 1987. С. 306).

А. Куракин. Усадьба князей Куракиных Степановское-Волосово в Тверской губернии. 1849 г.

жащую Москву, что стало одной из причин столь блистательного расцвета именно знаменитых “подмосковных”.

Иначе говоря, событием, непосредственно предшествовавшим созданию усадебного комплекса, оживлению ранее пустовавшего имения, была отставка владельца, превращение его, пусть, как правило, временное, из чиновника в помещика или даже, скорее, вотчинника. Можно было вполне успешно руководить хозяйством и собирать оброк через управляющего и приказчика. Дворяне в некоторых своих разбросанных по различным губерниям деревням вообще никогда не бывали. Но заочно вести усадебное строительство, через переписку разбивать парк и продумывать интерьеры господского дома оказалось значительно сложнее, а собирать богатейшие коллекции и организовывать оркестр – просто бессмысленно. Жизнь в усадьбе без барина затухала мгновенно.

Уход со службы часто оказывался временным. Некая гибкость социальных возможностей господствующего сословия позволяла владельцу усадьбы покинуть теперь уже отстроенный загородный ансамбль и вновь оказаться в чиновной среде. Так, Русско-турецкая война 1768–1774 гг. принесла Василию Михайловичу

Долгорукову Св. Георгия первой степени, однако князь рассчитывал на фельдмаршала. Обойденный этой царской милостью он выходит в отставку и поселяется в подмосковном Знаменском-Губайлово в 1775 г. Затворничество длилось 5 лет. В 1780 г. Долгоруков – уже главнокомандующий Москвы. Однако время, проведенное в хозяйственных заботах на лоне природы, теперь уже навсегда оставалось с дворянином.

Переезд в имение, уход со службы, удаление от городской жизни неизбежно приводили к понижению значимости статуса и светского престижа в сознании дворянина. Сельская свобода ослабляла регламентацию чиновного мира и условности обычая. Усадьба становилась местом для домашнего театра, дилетантских литературных опытов, превращаясь в мир вольной эклектики. В своеобразных усадебных клубах устраивали карточные вечера, играли на бильярде, музицировали.

"Покойное в отставке житье", наслаждение "спокойствием и собственностью своею, никакой жизни не сравнящейся", вовсе не предполагало томительной праздности и опустошающего безделья. Жизнь в дворянской усадьбе складывалась из самых различных видов деятельности – это и организация быта, причем на просвещенном уровне, с тонким эстетическим вкусом, и устройство поместного хозяйства, предпринимательство, опыты агрономии, и создание художественной среды, и дружеское содержательное, эмоционально напряженное общение, воспитание детей, духовно-интеллектуальные занятия. Творчески насыщенная, многоплановая деятельность в тишине усадьбы означала лишь "наклонность к уединению", отдохновение от "светского вихря" и чиновной борьбы[13]. В 1794 г. Екатерина II увещевала стремящегося в отставку Н.В. Репнина: "Князь Николай Васильевич, из письма Вашего... усмотрела я желание Ваше быть уволенным от дел и кончить дни в покое... *Не отрекайтесь от дел, к которым Вышним зван*, есть правило закона. Быв привычен к званию своему и привязан, может ли быть где покой, кроме исправления оного звания"[14]. Фрондирующее же дворянство, напротив, считало, что "праздность эдакую терять не надобно"[15],

---

[13] См., например: Г.А. Полетико – С.А. Полетико. 1769 г., август (Киевская старина. 1893. Т. 40. Январь–март. С. 503); Алексей Б. Куракин – Александру Б. Куракину. 1791 г., сентябрь (Восемнадцатый век. Исторический сборник. М., 1904. Т. 1. С. 145); В.В. Капнист – жене. 1788 г., апрель (*Капнист В.В.* Собр. соч. Т. 2. С. 327); барон Брок – Н.В. Репнину. 1796 г., март (Сб. РИО. 1875. Т. 16. С. 418).

[14] Екатерина II – Н.В. Репнину. 1794 г., декабрь (Сб. РИО. 1875. Т. 16. С. 80).

[15] См.: М.Н. Муравьев – отцу. 1777 г., август (Письма русских писателей... С. 280).

и в своей добровольной изоляции находило и жизненный интерес, и возможность самореализации.

Уклад деревенской жизни дворянина формировался не спонтанно. Владелец усадьбы, пользуясь относительной свободой и удаленностью от официоза, сам создавал свой стиль и круг общения, свой распорядок жизни, свою сферу обитания, свой маленький неповторимый мир. На расстоянии всего шестидесяти верст от Москвы отошедший от общественной деятельности и большого света, перенесший четыре года шлиссельбургского заточения Н.И. Новиков в родовом Тихвинском провел безвыездно более 20 лет. Здесь жил он "с троими детьми, с верным другом, с супругою покойного друга и с коротким приятелем Лекарем", "сделался садовником", упражнялся "по любимой материи", получал "регулярно в день рождения и именин по переведенному манускрипту" от С.И. Гамалеи и "проводил заполночь в дружеских беседах"[16].

Загородный дом превращался в социальную периферию дворянской империи. Именно социальную. Усадьбы располагались недалеко от столиц или крупных городов, архитектуру ансамбля никак нельзя назвать провинциальной. Усадьба становилась периферией в смысле известной независимости и удаленности от эпицентра господства бюрократических ценностей и потому местом, где формировались иные ориентации и устремления. В свое имение удалялся частный или, скажем, нечиновный человек – или помещик, заводящий обильное хозяйство, или свободный поэт, или неудавшийся сановник. В любом случае деревня была не лучшим местом для успешной карьеры и служебного роста. Обаяние усадебной культуры было создано не изредка наведывающимся преуспевающим вельможей, а дворянином, который отошел от чиновной иерархии и проживал в деревне постоянно или большую часть года, возвращаясь в город лишь по первому снегу.

Безусловно, владение дворянина, где располагался окруженный парком господский дом, было хозяйственным организмом, куда входили пашни, сенокосы, леса, пустоши, где создавались кирпичные заводы, организовывалось сыроваренное, полотняное, суконное производство, строились мельницы и торговые пристани, лесопильни и плотины. Отставные чиновники и военные, став помещиками, заводили образцовые хозяйства. Владельцы крупных вотчин могли себе позволить применение агротехнических новшеств, уникальные оранжереи и теплицы, конные заводы, насчитывавшие несколько десятков кровных ло-

[16] См.: Письма Н.И. Новикова. С. 51, 66, 68, 92, 164.

шадей. Так, сенатор Ф.И. Глебов-Стрешнев еще в конце XVIII в. ввел в Знаменском-Райке вместо традиционного трехполья более экономичную травопольную систему с посевом клевера.

Землевладелец был заинтересован в регулярном и возрастающем получении оброка, "присовокуплении дохода", избавлении от "убыточных обстоятельств" и содержании своего "хозяйства во всяком порядке"[17]. Российский феодал непоколебимо верил, что благополучие его земель зависит от жесткой организации работ, мобилизации всех ресурсов вотчины, максимального использования труда крестьян. Он пытался вникнуть во все детали своего многоотраслевого хозяйства, строго следил за обработкой, хранением и товарной реализацией урожая, нередко проявлял осведомленность по поводу аграрных обычаев той или иной местности. Многие помещики справедливо видели одну из важнейших причин низкой урожайности в "обработке земли без навоза, от чего земля вырождается и из года в год приносит плоды хуже"[18]. Представители "благородного" сословия неплохо освоили науку экономии и научились учитывать возможности "убыточных обстоятельств". Данные источников свидетельствуют о несостоятельности мифа о якобы "элитарном гоноре праздного класса", презрительно сторонящегося участия в производстве и торговле. Напротив, российский дворянин был способен завести псарный и скотный двор, устроить черепичную фабрику, учредить винокуренный завод и сбыть продукцию. Так, Н.И. Новиков "из книгопечаталя, учинился суконным фабрикантом... помогая своим нуждам и недостаткам, завел у себя суконную фабриченку"[19], Г.А. Полетико рачительно, умело, прибыльно вел свое хозяйство, а Александр Б. Куракин самолично управлял обширными поместьями.

Однако большие хозяйства с новейшей технологией были привилегией лишь ничтожной по численности богатейшей верхушки дворянства. Надежная экономическая основа роскошного усадебного быта продолжала оставаться явлением элитарным, часто ситуативным и конъюнктурным. Блестящие загородные дворцы и огромные пейзажные парки нельзя считать неотъемлемой чертой российской дворянской культуры. Многие крупные вотчинники управляли своими разбросанными по многим уездам деревнями через приказчиков. Владения же средних и мелких по-

---

[17] См., например: В.Г. Орлов – Н.П. Шереметеву (Отголоски 18 века. М., 1896. Вып. 1. С. 12).

[18] См.: А.В. Суворов – крестьянам села Ундол [1786] (*Суворов А.В.* Письма. С. 108).

[19] Н.И. Новиков –А.Ф. Лабзину. 1802 г., декабрь (Письма Н.И. Новикова. С. 69–70).

мещиков в рассматриваемый период нередко приходили в упадок, закладывались, перезакладывались, продавались за долги и возрождались уже в руках новых хозяев. Российский дворянин был по своему владельческому сознанию скорее помещиком, чем вотчинником, хотя условный характер земельного держания был ликвидирован еще в начале XVIII в., что было подтверждено Жалованной грамотой дворянству. Зависимость роста поместных дач от монаршей милости и успешной служебной карьеры не позволяла даже крупному латифундисту относиться к своим деревням как к вечной и потомственной собственности. Права держателя земли оспаривали не только государство и община, но также и усиливающаяся буржуазия.

Язык мемуаров и писем, вышедших из среды дворянства конца XVIII – первой четверти XIX в., позволяет предположить, что в сознании владельца понятия "усадьба" и "имение", "вотчина" и "поместье" сливались. Дворянин писал о "доме" или "саде", когда речь шла о целенаправленном благоустройстве быта его владения. В целом же в источниках личного происхождения преобладали расширительные и объединяющие термины, отождествляющие собственно господский дом, окружающие его строения, парк, службы и все имение. Говоря о "деревне", "волости", "даче", "хозяйстве", "местности", автор имел в виду именно усадьбу[20].

---

[20] Е.Р. Дашкова вспоминала: "Когда мы подъезжали к Троицкому, где каждый из моих слуг имел жену, мать, детей или приятелей, нами овладел безграничный восторг. К вечеру я услышала восторженные возгласы: перед нами струилась река Протва, текущая в моем имении. Кучер первым приветствовал ее знакомые воды. При этой первой встрече с родной землей я выбросила последние деньги из кошелька" (Записки княгини Е.Р. Дашковой. М., 1990). "Князь Н.В. Репнин совершенно пользуется отпуском своим на два года, приехал уже в Москву, – сообщал И.В. Страхов последние новости А.Р. Воронцову, – и намерен отправиться сим же зимним путем в Воронежскую свою деревню и жить в оной. Князь А.А. Вяземский поехал отсюда 1 числа сего месяца в Москву, а оттуда в Пензенскую свою деревню и к Царицынским водам и обещал своим подчиненным непременно возвратиться к должности своей в Сентябре месяце (И.В. Страхов – А.Р. Воронцову. 1787 г., февраль (Архив князя Воронцова. М., 1879. Кн. 14. С. 473). Милостивый госу[дарь] Петр Васильевич! – писал архитектор Н.А. Львов П.В. Лопухину, – Введенское ваше таково, что я замерз было на возвышении, где вы дом строить назначаете, от удовольствия, смотря на окрестность; и 24 градуса мороза насилу победили мое любопытство. Каково же должно быть летом? ⟨...⟩ Правда, что возвышение, под усадьбу назначенное, имеет прекрасные виды, с обеих сторон красивый лес (Н.А. Львов – П.В. Лопухину. [1799] (*Львов Н.А.* Избранные сочинения. С. 350)). А.А. Безбородко, начиная строительство новой усадьбы, признавался: "Под сим понимай – дом, сад, церковь, гроб" (Цит. по: *Евангулова О.С.* Изображение и слово в художественной культуре русской усадьбы // Сб. ОИРУ: Русская усадьба. М., 1996. № 2(18). С. 44).

Подобное словоупотребление свидетельствовало, с одной стороны, о недостаточной рефлексии российского землевладельца, а с другой – о сложной мотивации развития усадебной культуры, не сводившейся только к экономическим потребностям дворянина.

В XVII в. землевладельцы еще мало заботились об эстетическом украшении своих имений, не сооружали роскошных господских домов и не разбивали парков, возводили лишь утилитарные постройки, а сами, как правило, проживали в городах. К середине и особенно концу XVIII в. дворцово-парковые ансамбли с представлениями, балами, фейерверками уже составляли "славу", "достоинство" и "наслаждение" вельможи. Граф Н.П. Шереметев писал: "Украсив село мое Останкино и представив оное зрителям в виде очаровательном, думал я, что, совершив величайшее, достойное удивления и принятое с восхищением публикою дело, в коем видны мое знание и вкус, буду наслаждаться покойно своим произведением". О самих же Шереметевых говорили: "Роскошь может быть почтенною, когда она имеет своею целью общественную пользу и удовольствие"[21]. При этом под "общей пользой" дворянин мог иметь в виду самые различные жизненные ценности: преданность интересам императорской службы, честность независимой позиции государственного сановника, "доблесть светского человека", самосовершенствование и даже исполнение особой роли душевладельца, которому Бог и государь вверили на попечение крестьян. Но лишь единицы размышляли об ответственности перед Отечеством собственника земли, призванного организовать на ней преуспевающее хозяйство.

Очарование дворянской усадебной культуры заключалось в том, что усадьба никогда не была и не воспринималась просто как эстетически оформленный административный центр имения, вотчинная контора. Архитектура загородного комплекса и весь поместный быт не отвечали исключительно интересам экономической целесообразности. Из главного в имении селения господский дом перемещался в более изолированное место, вокруг него возникал обнесенный оградой садово-парковый ансамбль. Строились погреба, увенчанные беседками, для конюшни или каретного сарая выбирался тип греческого храма, скотный двор воздвигался по законам классических ордеров, насыпались искусственные холмы, не утихали празднества с многочисленными

---

[21] См.: *Чернышев В.И.* Усадьбы России. М., 1992. С. 4; *Любецкий С.*[*М.*] Село Останкино с окрестностями своими. М., 1868. С. 13. См.: *Тихонов Ю.А.* Дворянская усадьба и крестьянский двор в России 17 и 18 веков. М., 2005. С. 85–97.

гостями. Сооружение людских, кладовых, амбаров нередко поручалось выдающимся архитекторам. Так, погреб-пирамиду и корпуса винокуренного завода в Митино Новоторжского уезда проектировал владельцу Д.И. Львову его дальний родственник Н.А. Львов, а конный двор в Кузьминках строил Д. Жилярди. Даже в развитии хозяйства дворянин часто видел "затею". Достаточно упомянуть попытки акклиматизации шелковицы, разведение фисташковых деревьев и выписанных из Англии оленей для натуры пейзажного парка[22].

Налаженный быт усадьбы воспринимался вовсе не как условие управления хозяйством – напротив, прибыльные владения должны были обеспечить роскошь загородной жизни. Так, в блистательном Архангельском князя Н.Б. Юсупова всячески развивались художественные ремесла, лишенные промышленного значения и призванные лишь удовлетворять высокие эстетические вкусы владельца. По стенам дворца висели гравюры учеников Юсуповской рисовальной школы. На усадебной мануфактуре изготовлялась фаянсовая и фарфоровая посуда, которая затем расписывалась подглазурным кобальтом. В Купавне по распоряжению князя выделывались дорогие художественные шелка, скатерти, шали, пояса, обойные штофы. В богатых усадьбах крепостные девушки ткали ковры и даже целые картины, передающие виды регулярных парков с прогуливающимися среди аллей стриженых деревьев кавалерами и дамами и с размещенными среди травы и листвы животными и птицами[23].

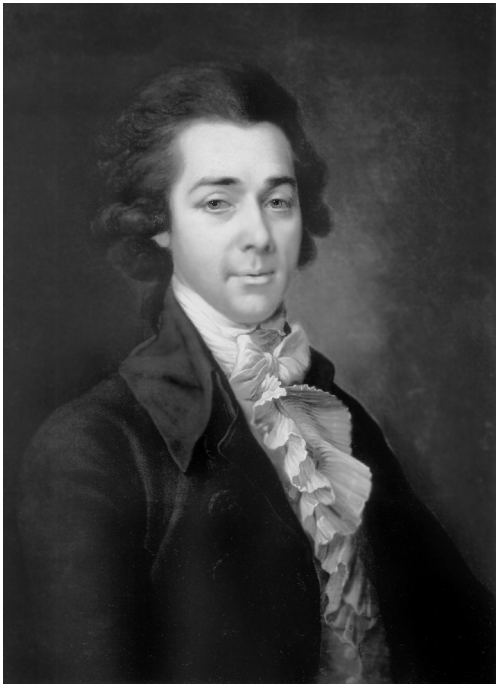
Духовное содержание усадебного пространства, в конечном счете, определялось не количеством десятин поместного владения и не производительностью сыроварни. С усложнением духовного мира дворянина, с формированием первых поколений русской интеллигенции возникло феноменальное явление бедной усадьбы, где шла напряженная духовная и умственная жизнь.

В обнищавшем Тихвинском, которому угрожала опись и продажа с аукциона, Н.И. Новиков "беспрестанно боролся с нуждами, недостатками, принужден был кормить дворовых и крестьян покупным хлебом". Однако он не позволил "сим горестным обстоятельствам" истончить его душевные силы. Он много размышлял, восстанавливал разоренную библиотеку, поддерживал теософскую переписку и справедливо полагал, что "хлопот мы

---

[22] См., например: *Неферов А.* "Отрада" графов Орловых // Памятники Отечества. 1994. № 1–2, вып. 31. С. 48–56.

[23] См.: *Греч А.Н.* Венок усадьбам // Памятники Отечества. 1994. № 3–4, вып. 32. С. 41–43, 116.



Д.Г. Левицкий.
Портрет Н.А. Львова. 1789 г.

Неизвестный художник.
Усадьба Митино,
вид главного дома
с отдельными постройками.
Архитектор Н.А. Львов.
Конец 1780-х годов

никогда не переживем, а хлопоты нас переживут". Владелец бедного имения старался сохранить "свежие и покойные мысли". Он очень тонко воспринимал природу, и в этом восприятии не было прагматически цепкого взгляда агронома. "У нас в деревне настоящая весна, река пошла, воды слили, снегу совсем ничего нет, 25 показалась зелень и комары, но по утрам самые легонькие морозцы бывают. Вот как рано началась весна!" В какой-то степени особый духовный настрой русского землевладельца передают его наблюдения за будущим урожаем: "Побитая рожь градом, по благости Господней, от корня выросла и уже выколосилась. Коль дивен Господь Бог наш во всех делах своих!!! ⟨...⟩ Не сетуйте, любезный друг, что вы не скоро успеваете в добрых своих желаниях. Посмотрите на пшеницу и рожь: вдруг ли оные достигли к совершенству своему?"[24]

Фрондирующая знать уходила не столько к земле, сколько от двора, света и самовластия, ища независимости и духовного покоя[25]. В усадьбах дворянской интеллектуальной элиты царил особый микроклимат дружеского эмоционального общения, расцвеченный любительским поэтизированием и литературными играми. Именно такими островками духовности, теплоты, близо-

---

[24] См.: Письма Н.М. Новикова. С. 67–68, 108, 165, 115, 55, 124, 239.

[25] Традиция дворянской усадьбы с ее напряженной интеллектуальной жизнью, дружеской теплотой и целенаправленной изолированностью, при этом не отягощенная роскошью и трудами поместного хозяйства, возродится через полвека в экстремальных условиях сибирских поселений декабристов. Дети дворянских фрондеров ощутят и оценят ссылку как благо. Внук Сергея Волконского попытался восстановить атмосферу, в которой жили участники восстания на Сенатской площади, в Сибири. «В живописном месте на берегу красивой Ангары, среди скалистых пригорков, укутанных лесом, построили они себе летнюю дачу. "Камчатник" звалась она. ⟨...⟩ Поселения стали культурными гнездами, очагами духовного света. В каждой семье жило и воспитывалось по нескольку детей местных жителей. ...Часто съезжались, вели беседы, читали лекции и очень любили спорить; выписывали книги, журналы, устраивали общими силами читальни. Все это жило бойкой жизнью, в особенности летом... Переезд обычно совершался в Духов день. Волконские и Трубецкие выезжали вместе, одним обозом. ⟨...⟩ Целое народное движение жило этими словами – "князья выехали", "князья приехали"» (Князь Сергей Волконский. Воспоминания. М., 1994. С. 64–65). Мстительность Николая I невольно создала уникальное явление элитарного уклада дворянской усадьбы, свободного от деформирующего влияния крепостничества. Неслучайно один из местных жителей, сын просвещенного купца, в будущем известный врач Н.А. Белоголовый писал: "А как весело жилось в этом прелестном, хотя глухом и так страшно удаленном от европейской жизни уголке! ...Впоследствии мне не раз приходилось слышать от самих декабристов, уже по возвращении их в Россию, с какой благодарной памятью и с каким наслаждением вспоминали они о своем пребывании в сибирских дебрях" (Русские мемуары. Избранные страницы. 1826–1856 гг. М., 1990. С. 57–58).

сти стали Обуховка Капниста в Малороссии, Никольское Львова в Тверской губернии, Премухино Бакунина возле Торжка, Знаменское Плещеева в Орловской губернии, Званка Державина на реке Волхов, подмосковное Тихвинское Новикова, Надеждино Александра Куракина в Саратовской губернии. Н.М. Карамзин в драматичный период внутренних исканий бежал из Москвы в имение своего близкого друга А.А. Плещеева. Словоохотливой публике был непонятен и потому подозрителен такой шаг. Поползли "разные слухи, разсеянные... злобою и глупостию" о ссылке и удалении. Осенью 1795 г. Н.М. Карамзин писал И.И. Дмитриеву: "Люди не хотят верить, чтобы человек, который вел в Москве довольно приятную жизнь, мог из доброй воли заключиться в деревне, и притом в чужой! и притом осенью! – Все такие слухи не заставят меня ни днем скорее выехать из Знаменского"[26]. Между тем именно дни, проведенные в Орловской губернии, вернули Карамзину ощущение собственной личности, положительный настрой, утраченную гармонию, о чем он написал небольшой рассказ в жанре лирического монолога: "...я утверждаю, что можно быть счастливым в *Знаменском,* как и в *Москве,* лишь бы быть *философом* и уметь ценить жизнь. Без сожаления оставляю я городские удовольствия – я их нахожу много в моем сельском уголке... Сидя на берегу прозрачного *пруда,* я мирно созерцаю его спокойные волны – разительный образ спокойствия моей души. Пусть благодетельная пыль навсегда покроет мое парадное платье! Я предпочитаю мою *куртку* из простого полотна... я могу делать все, что хочу... Здесь я вижу только тех, кого люблю"[27]. С.И. Гамалея провел около тридцати лет в имении Новикова Тихвинское, не только не вникая в проблемы поместного хозяйства, но и вообще отрешившись от мирских забот и целиком погрузившись в религиозно-мистическую переписку.

Сельское уединение противопоставлялось не столице и даже не городской суете, а чиновно-дворянской массе и, в определенной степени, престолу; мир дома, мир семьи становился антитезой миру лакеев, искателей, вельмож:

А мы, любя дышать свободно,
Себе построим тихий кров
За мрачной сению лесов,
Куда бы злые и невежды

---

[26] Н.М. Карамзин – И.И. Дмитриеву (*Грот Я.К., Пекарский П.П.* Письма Н.М. Карамзина к И.И. Дмитриеву. С. 59, 62).

[27] Цит. по: *Лотман Ю.М.* Сотворение Карамзина. М., 1987. С. 246–247.

Вовек дороги не нашли
И где б, без страха и надежды,
Мы в мире жить с собой могли[28].

"Ты пребываешь в уединении, в кругу своих детей; спасительный покой окружает тебя, – писал В.В. Капнист жене, – я же... не могу не быть свидетелем всей суетни, сумятицы, всех причуд, переменчивой законности света... Стараюсь удержать душу в спокойном состоянии"[29]. "У дяди моего Протасова родился сын. У него прекрасная жена, и он мог бы быть счастлив; но он ищет счастия при дворе"[30], – сообщал Ф.В. Ростопчин С.Р. Воронцову. "Я со своей стороны сносной жизни здесь не вкушаю, как только в деревне, – признавалась Е.Р. Дашкова Александру Б. Куракину, – и вы из села ко мне пишете, но то село не Троицкое, а Царское... друзьям вашим [следует] жалеть о вас, что вы при Дворе: сельская жизнь не может быть подражаема"[31]. В этом самоопределении думающего дворянства, которое потеряло "и силу, и охоту достигать лавры"[32], в демонстративном уходе от традиционно-официозной сферы и обретении иных жизненных ориентаций и заключалась оппозиционная сущность, казалось бы, безобидной пасторальной усадебной жизни. Именно Тихвинское, Обуховка и Знаменское стали поэтической прародиной пушкинских строк:

На свете счастья нет, но есть покой и воля.
Давно завидная мечтается мне доля –
Давно, усталый раб, замыслил я побег
В обитель дальную трудов и чистых нег[33].

---

[28] *Карамзин Н.М.* Полное собрание стихотворений. М.; Л., 1966. С. 137–138.

[29] В.В. Капнист – жене. 1788 г., апрель (*Капнист В.В.* Собр. соч. Т. 2. С. 327).

[30] Ф.В. Ростопчин – С.Р. Воронцову. 1796 г., май (Русский архив. 1876. Кн. I, № 1–4. С. 405).

[31] Е.Р. Дашкова – Александру Б. Куракину. 1774 г., май (Архив князя Ф.А. Куракина. Саратов, 1898. Кн. 7. С. 304).

[32] См.: П.В. Завадовский – П.А. Румянцеву. 1779 г., январь (*Майков П.М.* Письма графа П.В. Завадовского фельдмаршалу графу П.А. Румянцеву 1775–1791 годов с предисловием и примечаниями П. Майкова. СПб., 1901. С. 27).

[33] Не случайно совпадение общего настроения письма гневного полководца о стремлении части дворянства покончить с "карьерой суетной чести" и словами лирического героя "Евгения Онегина". В 1781 г. А.В. Суворов писал П.И. Турчанинову: "Он не без достоинств. Истребите его от них надменность, сие у опального дворянина правило: щей горшок – сам большой" (А.В. Суворов – П.И. Турчанинову. 1781 г., февраль (*Суворов А.В.* Письма. С. 74)). В 1830 г. в Болдине Пушкин напишет: "Мои желания покой, да щей горшок, да сам большой".

Фрондирующий интеллектуал демонстративной роскоши противопоставит обаяние запущенного сада, и вот уже владельцы загородных резиденций с враждебным недоумением будут говорить о неслужащем дворянине, который

⟨...⟩ крепко набрался каких-то новых правил.
Чин следовал ему: он службу вдруг оставил,
В деревне книги стал читать.
(*А.С. Грибоедов*. Горе от ума)

Русской усадьбе была свойственна почти универсальная многофункциональность, поэтому обеднение дворянства и возникновение первых поколений русской интеллигенции привели не столько к затуханию и упадку усадебной культуры, сколько к ее функциональному изменению. Через многообразие судеб и ситуаций просматривается тенденция к постепенной эволюции быта помпезных резиденций. В источниках личного происхождения и литературных памятниках все отчетливее начинало звучать восприятие заросшего сада и обветшавшего господского дома как символов усиливающейся духовности усадебной культуры. В поэме "Осуга", посвященной речке, на которой расположилось Премухино, А.М. Бакунин напишет:

И дом большой, но беспаркетный,
Нет дорогих у нас ковров,
Ни прочей рухляди заветной,
Ни даже карточных столов.
⟨...⟩

Не драгоценная посуда
Убранство трапезы моей –
Простые три-четыре блюда
И взоры светлые детей.
(*А.М. Бакунин*. Осуга)

Посетивший в 1806 г. Остафьево шотландский путешественник художник Роберт Кор-Портер отметил, что дом Вяземских приспособлен "как для веселого времяпровождения, так и для глубочайшего умственного труда"[34]. Вторая тенденция в истории усадебной культуры победила и оставила наиболее глубокий след. Престиж загородного дворца сановника сменится покоем "обители дальней" ищущего уединения писателя, и поэт откажется воспевать в одах сверкающую роскошь, а привнесет

[34] См. об этом: *Перфильева Л.А*. Дворец в Остафьево и его место в русской культуре рубежа XVIII–XIX вв. // Остафьевский сборник. Остафьево, 1995. Вып. 3. С. 83.

в строки элегий очарование старой аллеи и ощущение светлой грусти:

И вижу я себя ребенком; и кругом
Родные все места: высокий барский дом
И сад с разрушенной теплицей;
Зеленой сетью трав подернут спящий пруд,
А за прудом село дымится – и встают
Вдали туманы над полями.

(*М.Ю. Лермонтов.* Как часто пестрою толпою окружен…)

Отразившийся в переписке уединенный мир дворянской усадьбы был очень близок к идеалу сентиментализма, который имел в виду Н.М. Карамзин в новогоднем пожелании И.И. Дмитриеву: "Желаю, чтобы ты... был здоров и счастлив, любил меня по-прежнему, играл на лире приятные песни и веселился с друзьями своими"[35]. Если в Западной Европе того времени чувствительный человек бежал от дисгармонии нарастающей урбанизации и промышленности, то в деревенской России роль подобного спрута, разъедающего душу интеллектуала, прекрасно выполняла всепроникающая бюрократия империи. Мир деревни противопоставлялся не столице или губернии, а миру искателей, придворных лакеев, посетителей приемных. В действительности дворянин существовал как бы в нескольких измерениях; являясь чиновником государственной службы, он мог душой отдыхать в своем родовом имении, мог замкнуться в кругу семьи, друзей, "самого приватного общества", мог целиком углубиться в книги, видя в них единственную "забаву и утешение"[36]. Но все эти жизненные вариации мотивировались стремлением личности к компенсации утраченного смысла, к реализации в относительно независимой от государственно-бюрократического аппарата деятельности. Данные психологические процессы лежали и в основе изменения статуса литературного творчества, его постепенного обособления от придворного одописания и превращения из прихоти и досуга в профессиональный труд.

В результате петровских реформ первой четверти XVIII в. официальная культурная жизнь, определявшая умственное движение господствующего сословия, сосредоточилась при дворе и служила практическим целям монархии. Самодержавие созна-

---

[35] Н.М. Карамзин – И.И. Дмитриеву. 1793 г., январь (*Грот Я.К., Пекарский П.П.* Письма Н.М. Карамзина к И.И. Дмитриеву. С. 32 (основной текст)).

[36] См.: А.А. Безбородко – П.В. Завадовскому. 1792 г., январь (Архив князя Воронцова. Кн. 13. С. 251); С.Р. Воронцов – Р.И. Воронцову. 1766 г., июль (Там же. Кн. 16. С. 96).

тельно поднимало в привилегированный слой образованных людей и стягивало к трону все культурные силы. Сферы науки, искусства, литературы были включены в систему абсолютизма. Новая дворянская культура мыслилась как один из видов государственной службы. К середине XVIII в. круг профессионалов, появление которого было санкционировано политическими потребностями абсолютизма, разросся до особого слоя гуманитарно образованного дворянства. Верховная власть уже более не могла удерживать под своим регламентирующим контролем богатую интеллектуальную жизнь правящего сословия. Заданная социальная роль карманного одописца монархини, послушно следующего нормативной схеме мысли, постепенно разрушалась. Неизбежно обнажалось противоречие между стремлением к духовному суверенитету художника и судьбой служащего дворянина, подчиненной официозу, загнанной в каркас бюрократической иерархии, измельченной в светской суете, придворных интригах и безжалостной конкуренции. Слияние в одном лице поэта и чиновника было очень непрочно, подрывалось изнутри самой природой творческого интеллектуального труда, требующего большой степени индивидуализации, личностной свободы, менее всего поддающегося идеологическому давлению, неспособного длительное время находиться в услужении. В 1793 г. Г.Р. Державин напишет об унизительной доле государева стихотворца:

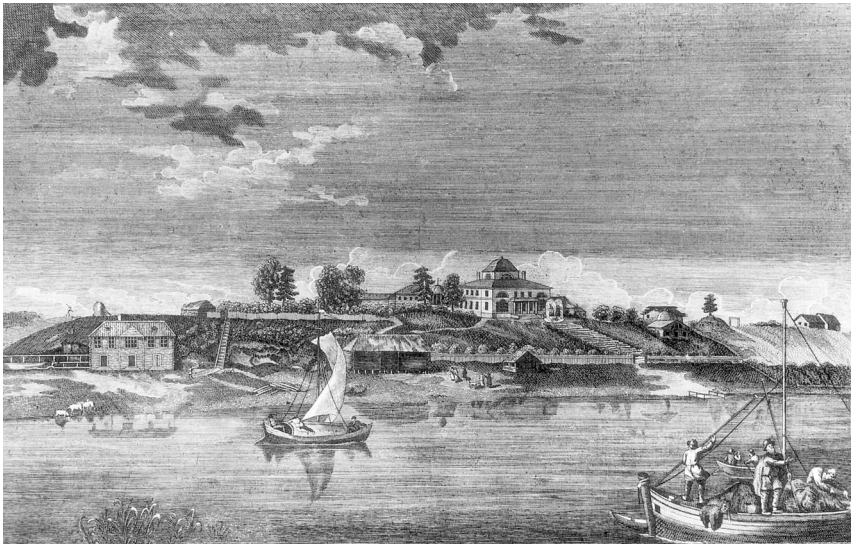
Поймали птичку голосисту
И ну сжимать ее рукой.
Пищит бедняжка, вместо свисту;
А ей твердят: “Пой, птичка, пой!”[37]

В душе писателей, осознавших глубокую связь своей судьбы с русской словесностью, возникало внутреннее неприятие громоздких и пышных од “ко дню восшествия на престол”, “на всерадостное бракосочетание”, “на войну с турками”. Одни из них начинали четко отличать функциональное выполнение заказа престола и пропаганду мероприятий верховной власти, военных побед, развлечений императрицы от собственного поэтического творчества. Так, Н.А. Львов советовал Г.Р. Державину, что “на Очаков-то что бы нибудь без имени и написать можно... Однако если дело есть, то на это безделье время не трать”[38]. В.В. Капнист писал жене: “Чтоб несколько польстить государы-

---

[37] *Державин Г.Р.* Стихотворения. М., 1983. С. 96.

[38] Н.А. Львов – Г.Р. Державину. 1788 г., декабрь (*Грот Я.К.* Сочинения Державина. СПб., 1869. Т. 5. С. 727).



Неизвестный художник. Вид на Званку с реки Волхов. Фрагмент. Начало XIX в.

не и склонить ее на некоторое ко мне благоволение, написал я оду на обручение великого князя Александра... Посылаю тебе экземпляры: прочти и подивись, как нужда впервые заставила меня в два дня сочинить оду. Ежели мне надо было бы, чтоб [вырваться] отсюда, сочинить оных в 24 часа дюжину, думаю, что меня б на это достало. А что делать?"[39] Другие презрительно отзывались о "негодных стихоткачах" и "великих притворщиках", которые свое "глупое рифмосплетение" превращают в средство продвижения по службе[40]. «Недавно видел я стихи г. Рубана к Семену Гавриловичу Зоричу, за которые получил от государыни золотую табакерку с 500 червонных, – со "смехом и негодованием" сообщал М.Н. Муравьев о посвящении фавориту императрицы, – не можно вообразить подлее лести и глупее стихов его»[41]. В среде интеллектуальной аристократии зрело настороженное отношение к поэтическому альянсу с самовластием. Н.М. Карамзин со скрытой иронией сообщал И.И. Дмитриеву о новом человеке в свите фаворита П.А. Зубова: "Копьев в превеликой моде

---

[39] В.В. Капнист – жене. 1793 г., май (*Капнист В.В.* Собр. соч. Т. 2. С. 377).

[40] См. Г.Р. Державин – В.В. Капнисту. 1785 г., апрель (*Грот Я.К.* Сочинения Державина. СПб., 1869. Т. 5. С. 409); И.И. Дмитриев – Д.И. Языкову. 1806 г., январь (Сочинения Ивана Ивановича Дмитриева. С. 198).

[41] М.Н. Муравьев – отцу. 1777 г., август (Письма русских писателей... С. 269).

В.Л. Боровиковский.
Портрет Д.А. Державиной. 1813 г.

при дворе, и сама Государыня дает ему сюжеты для комедий", а в другом письме спрашивал друга о стремлении соответствовать светскому вкусу: "Кому хочешь ты услужить? Хорошо, если своему карману; но и в этом не ошибаешься ли?"[42] Так постепенно дворянский поэт начинал отличать себя, свои взгляды и цели от интересов престола и пристрастий публики.

В то же время самосознание российского писателя сливалось с мощной традицией, отождествлявшей государственную службу и служение Отечеству. В иерархии ценностей интеллектуальной элиты, как правило, сохранялся высокий престиж государственного деятеля, полководца, дипломата. Г.Р. Державин и И.И. Дмитриев были министрами юстиции, адмирал А.С. Шишков в разное время занимал посты государственного секретаря, члена Государственного совета, Д.И. Фонвизин служил у кабинет-министра И.П. Елагина, а затем в коллегии Н.И. Панина. Они традиционно делили свою жизнь между искусством и чиновной карьерой, между потребностью писать и необходимостью служить, между поэтическим призванием и лагерным бытом офицеров. А.М. Кутузов с грустью писал своему другу И.П. Тургеневу из Луганского пикинерского полка: "Бывали часы, где я чувствовал себя способным на чтение, с охотою прибегал к книгам моим, но в самое то время приходят ко мне в палатку, делают великий шум и тем мешают мне в упражнении моем, и сие то отчасти углубляет грусть мою ⟨...⟩, я вижу различие между жизнью, истине и наукам посвященною и между тою, которую проводят, скитаясь по степям... чтобы лишить жизни нескольких людей"[43]. Сержант Измайловского полка М.Н. Муравьев, отправляясь на службу, сообщал сестре: "Спешу в унылую мою должность, где употреблю все время на иное писание"[44]. Литература, искусство и науки, "коих однако же Империя Российская... не требует", стыдливо расценивались как праздное занятие, пустая прихоть, допустимая лишь в "назначенный роспуск"[45]. Ставший

---

[42] Н.М. Карамзин – И.И. Дмитриеву. 1794 г., сентябрь (*Грот Я.К., Пекарский П.П.* Письма Н.М. Карамзина к И.И. Дмитриеву. С. 50 (основной текст)); Н.М. Карамзин – И.И. Дмитриеву. 1792 г., сентябрь (Там же. С. 30 (основной текст)).

[43] Письма А.М. Кутузова И.П. Тургеневу. (*Лотман Ю.М., Фурсенко В.В.* "Сочувственник" А.Н. Радищева А.М. Кутузов и его письма к И.П. Тургеневу. С. 302, 308).

[44] М.Н. Муравьев – сестре. 1778 г., январь (Письма русских писателей... С. 343).

[45] См.: Н.В. Репнин – Г.Р. Державину. 1793 г., декабрь (*Грот Я.К.* Сочинения Державина. СПб., 1869. Т. 5. С. 829); Н.В. Репнин – Г.Р. Державину. 1793 г., декабрь (Там же).

петрозаводским губернатором Г.Р. Державин, оправдываясь за свое пристрастие к рифмам, писал В.В. Капнисту об архангельском и олонецком наместнике Т.И. Тутолмине: "Он здесь всем внушал, что я изрядный стихотворец, а худой губернатор... Пусть я делаю стишки, а он схватывает вершки: одно вредно в важных делах, а другое немного ежели так смешно, а не грешно"[46].

Назревающий конфликт самодержавной власти и формирующейся дворянской интеллигенции начинался в недрах души поэта-офицера и драматурга-чиновника, порождая иногда "сражение противных страстей"[47]. Это противоречие можно было разрешить, лишь преодолев традиционный взгляд на литературу и осознав значимость независимого вдохновенного поэтического творчества.

Разлад между творческими натурами и императорской властью, бюрократическим аппаратом, чиновной кастой, рост самосознания интеллигенции можно рассматривать как проявление общего процесса усложнения внутреннего мира дворянина, возникновения относительно независимой сферы его самореализации. Отказ части интеллектуальной элиты от культа самодержавной государственности повлияет на ход всей русской истории XIX в., поскольку именно в России литературе принадлежала особая проповедническая роль, именно в России так высок был нравственный авторитет писателя.

Сложный и длительный процесс развития самосознания дворянского поэта завершится лишь в первой половине XIX в. Интеллектуальная элита последней трети XVIII столетия только вставала на этот путь, порой причудливо соединяя в своей творческой судьбе и дань придворному одописанию, и дилетантское поэтизирование, и профессиональное творчество.

Упорная борьба за государственный престиж поэзии отразилась в многочисленных письмах А.П. Сумарокова, директора и художественного руководителя "Русского для представлений трагедий и комедий театра", к властвующим меценатам, приближенным императрицы, к самой Екатерине II. Драматург заявлял, что своими трагедиями "к чести моего отечества и моего века российскому языку и российскому Парнасу сделал услугу". "...Впрочем не имею никакого места и должности, – писал он, – я ни при военных, ни при штатских, ни при придворных, ни при акаде-

---

[46] Г.Р. Державин – В.В. Капнисту. 1785 г., апрель (Там же. С. 409).

[47] А.М. Кутузов – И.П. Тургеневу. 1783 г., январь (*Лотман Ю.М., Фурсенко В.В.* "Сочувственник" А.Н. Радищева А.М. Кутузов. С. 308).

мических делах, ни в отставке". Настойчивой защите достоинства литератора соответствует и по-своему уникальный тон писем А.П. Сумарокова на высочайшее имя. Писатель обращается к монархине полемическим, раскованным языком, требует, негодует и даже наставляет Екатерину. "Софокл, первый среди трагических поэтов, который был также военным предводителем у афинян и сотоварищем Перикла, все же больше известен как поэт, нежели военачальник. Рубенс был послом, но больше известен как художник. Быть великими полководцем и завоевателем – высокое звание, но быть Софоклом – звание не меньшее"[48].

Углубляя внутренний дискомфорт поэта, возникла и другая реакция на меценатствующий контроль престола. Вместо стремления утвердить государственный статус литературы появляется взгляд на писательский труд как на сугубо личное дело, развлечение, игру в изящную словесность. Некоторые авторы писем выражают представление о праздности, "вольной праздности, подруги размышленья", как важном времени, имеющем особую ценность для становления творческой личности. "...Нельзя удержаться не рассказать тебе бездельное препровождение моего времени, – писал М.Н. Муравьев сестре и отцу, – вчерась был, например, для меня день весьма приятный, затем, что я был весь дома и одинехонек. И делал кое-что, и это услаждает, когда чувствуешь свое уединение не бесполезным"[49]. В деревенской тишине, мирной жизни дворянской усадьбы возникал идеал "ленивца славного", "баловня муз", "умного мечтателя", человека, который видел в литературе средство от "злой ипохондрии"[50]. "Кто упражняется в поэзии, кто нашел в ней вкус, – убеждал И.И. Дмитриева Н.М. Карамзин, – тот реже другого будет в жизни своей скучать; а скука есть злой червь, который точит цветы жизни нашей"[51].

Превращение литературных занятий в услаждение собственных чувств, абсолютизация дилетантского поэтизирования, с одной стороны, и попытки наделить писательский труд обществен-

---

[48] А.П. Сумароков – С.М. Козьмину. 1767 г., январь (Письма русских писателей... С. 99–100); А.П. Сумароков – Екатерине II. 1764 г., май (Там же. С. 96); А.П. Сумароков – Екатерине II. 1770 г., март (Там же. С. 140–141).

[49] М.Н. Муравьев – сестре и отцу // Письма русских писателей... С. 349, 328.

[50] См., например: И.И. Дмитриев – В.А. Жуковскому. 1805 г., июль (Сочинения Ивана Ивановича Дмитриева. С. 193); А.А.Безбородко – Р.И. Воронцову. 1780 г., май (Архив князя Воронцова. Кн. 13. С. 16); Н.М. Карамзин – И.И. Дмитриеву. 1795 г., август (*Грот Я.К., Пекарский П.П.* Письма Н.М. Карамзина к И.И. Дмитриеву. С. 57 (основной текст)).

[51] Н.М. Карамзин – И.И. Дмитриеву. 1788 г., май (*Грот Я.К., Пекарский П.П.* Письма Н.М. Карамзина к И.И. Дмитриеву. С. 7 (основной текст)).

ным смыслом – с другой, составляли две противоречивые тенденции развития самосознания интеллектуальной элиты, которые могла примирить профессионализация суверенного творчества. Письма дворянских писателей Н.А. Львова, В.В. Капниста, Г.Р. Державина, И.И. Дмитриева, И.И. Хемницера, посвященные проблемам русской словесности, превратились в своеобразную лабораторию поэтического слова, где автор стремился "самомалейшие нечистоты или слабости замечать и поправки сообщать", чтобы "все, что ни течет из пера, было совершенно"[52]. В процессе переписки, на совместных вечерах дружеских кружков формулировались правила, регламентирующие профессиональный литературный труд, шли бурные споры вокруг течений, школ, направлений, оттачивался слог. В письмах М.Н. Муравьева отцу и сестре разбросаны интересные, точные отзывы о писателях. "Теперь мой отпуск зависит от Леонтьева, – сообщал он родным, – человек нерешимый и которого стихи скучны". В письме к сестре М.Н. Муравьев сообщал о новом произведении Львова: «На этих днях сидел я целый вечер у Николая Александровича, который читал мне свою оперу-комик. Я был прельщен, ее слушаючи. Тысячу маленьких черт делают эту прелесть, которой нет в "Анюте". Это делает образ мыслить и чувствовать»[53]. Зарождающаяся литературная критика вскоре перейдет на страницы многочисленных журналов.

Распространение подписки в среде интеллектуальной элиты, "Трудолюбивая пчела" А.П. Сумарокова, знаменитые "Трутень", "Живописец" и "Кошелек" Н.И. Новикова, "Собеседник любителей российского слова, содержащий разные сочинения в стихах и в прозе некоторых российских писателей" Е.Р. Дашковой и О.П. Козодавлева, "Санкт-Петербургский журнал" И.П. Пнина, "Московский журнал", а затем "Вестник Европы" Н.М. Карамзина, книжные лавки, типография Н.И. Новикова, объединившая вокруг издания художественной, научной, духовной литературы несколько десятков писателей, переводчиков, богословов и распространителей книг, – все эти явления говорят о том, что дворянская литература перестала выполнять придворный заказ, служить лишь красноречивым переложением доктрин абсолютизма и воспевать успехи самодержавной власти. Она обрела своего

---

[52] В.В. Капнист – Г.Р. Державину. 1797 г., август (*Капнист В.В.* Собр. соч. М.; Л., 1960. Т. 2. С. 439).

[53] М.Н. Муравьев – отцу. 1778 г., январь (Письма русских писателей. С. 342); М.Н. Муравьев – сестре. 1778 г., январь (Там же. С. 348).

“умного читателя”, “вкус имеющего”[54], заявила о собственной независимой позиции. “Вы очень одолжите меня, если возьмете на себя труд доставлять мне и продолжение журнала, который по многим причинам для меня интересен. Коль скоро я узнаю проспект другого журнала, то не приминую прислать к вам деньги и на него, с просьбой вас о доставлении, – писал И.И. Дмитриев Д.И. Языкову, – как я рад, что словесность наша расшевелилась!”[55]

Добиваясь интеллектуальной независимости от самодержавного правительства, дворянский поэт начинал претендовать на идейное руководство обществом. Вера в воздействие активного художественного слова, а также ясное осознание не только права пророка, но и долга образованной знати воспитывать “чувства добрые” превращали дворянскую литературу в самостоятельную общественную силу. Автор “Фелицы” оказался вовсе не “Рафаэлем” Екатерины II, а ее беспристрастным судьей. В “Послании Храповицкому” поэт писал:

Извини ж, мой друг, коль лестно
Я кого где воспевал;
Днесь скрывать мне тех бесчестно,
Раз кого я похвалял.
За слова – меня пусть гложет,
За дела – сатирик чтит[56].

Н.Н. Бантыш-Каменский сообщал Александру Б. Куракину: “Появилось еще здесь единое сочинение – В е л ь м о ж а. Все целят на Державина”[57]. Писатели последней трети XVIII в. вступят в открытую полемику с императрицей на страницах “Трутня” Н.И. Новикова, “Рассуждения о непременных государственных законах” Д.И. Фонвизина, “Вадима Новгородского” Я.Б. Княжнина. В 1793 г. Е.Р. Дашкова впервые опубликовала в журнале “Российский театр” крамольную трагедию Я.Б. Княжнина, которую драматург написал еще в 1789 г., но не решился поставить. Дерзкий для России конца XVIII в. дух пьесы возмутил Екатерину. “Эту книгу нужно сжечь рукою палача!” – заметила импера-

---

[54] См.: Н.М. Карамзин – И.И. Дмитриеву (*Грот Я.К., Пекарский П.П.* Письма Н.М. Карамзина к И.И. Дмитриеву. С. 18, 19 (основной текст)).

[55] И.И. Дмитриев – Д.И. Языкову. 1803 г., октябрь (Сочинения Ивана Ивановича Дмитриева. С. 184–185).

[56] См.: Г.Р. Державин – О.П. Козодавлеву. 1783 г., май (*Грот Я.К.* Сочинения Державина. СПб., 1869. Т. 5. С. 369); *Державин Г.Р.* Сочинения. М., 1965. С. 179–180.

[57] Н.Н. Бантыш-Каменский – Александру Б. Куракину. 1795 г., декабрь (Русский архив. 1876. Кн. III, № 9–12. С. 400).

рица при встрече с Дашковой, на что получила ответ: “Не мне придется краснеть тогда!”[58] Эта история активно обсуждалась в обществе. Так, Д.П. Трощинский писал А.Р. Воронцову: “На сих днях княгиня Катерина Романовна имела некоторую неприятность по причине напечатанной в Академии трагедии *Вадим Новгородский*, соч. умершего Княжнина... Действительно, тут есть такие ужасные монологи, которых нигде бы не потерпели в самодержавном государстве”[59].

Взаимоотношения осознавшей свое предназначение российской словесности и самодержавной власти особенно обострятся с усилением реакционности екатерининского царствования. “Времена нынешние не весьма благоприятны для Литературы”[60], – писал в 1793 г. Н.М. Карамзин Г.Р. Державину. Дворянские писатели остро переживали гонения на типографию Н.И. Новикова, преследования московского масонства, усиление цензуры, постоянную угрозу перлюстрации. Д.И. Фонвизин с горечью сообщал П.И. Панину: «Здешняя полиция воспретила печатание “Стародума”; итак, я не виноват, если он в публику не выйдет»[61]. “Судьба университетской типографии еще не решена. Может быть, она достанется какому-нибудь Водопьянову... – вообрази же, в каких руках будет московская литература!”[62], – восклицал Н.М. Карамзин в письме к И.И. Дмитриеву, имея в виду перспективу передачи типографии в аренду переплетчику. Осложняющееся положение московских масонов повергло в мрачное состояние А.М. Кутузова. “Известно мне, что, окрестив нас многих именем мартинистов, тем самым думают иметь право поступать с нами, как угодно, и считают за позволительное отнимать у нас подпору законов... отечество наше становится нам чуждо, ибо соделывается жилищем нашего душевного мучения. Да и как сему быть иначе?” – писал он И.В. Лопухину. Самовластное нарушение тайны переписки подвело А.М. Кутузова даже к такой парадоксаль-

---

[58] См. об этом: *Огаркова В.В.* Е.Р. Дашкова, ее жизнь и общественная деятельность. Биографический очерк // Современники. Е.Р. Дашкова, Н.И. Новиков. М., 1991. С. 65.

[59] Д.П. Трощинский – А.Р. Воронцову. 1793 г., ноябрь (Архив князя Воронцова. М., 1877. Кн. 12. С. 381).

[60] Н.М. Карамзин – Г.Р. Державину. 1793 г., сентябрь (*Грот Я.К.* Сочинения Державина. Т. 5. С. 821).

[61] Д.И. Фонвизин – П.И. Панину. 1788 г., апрель (*Фонвизин Д.И.* Собр. соч. Т. 2. С. 409; см. также недатированное письмо Н.М. Карамзина А.И. Вяземскому о “строгих цензорах на границе”, рассматривающих “все иностранные входящие в Россию книги” (Русский архив. 1872. Кн. II, № 7–12. Стб. 1326).

[62] Н.М. Карамзин – И.И. Дмитриеву. 1793 г., июнь (*Грот Я.К., Пекарский П.П.* Письма Н.М. Карамзина к И.И. Дмитриеву. С. 40 (основной текст)).

ной для его примиренческой позиции мысли: “Я не смею говорить откровенно, ибо письма подвержены любопытству подлецов, жаждущих читать оные; нет еще у нас святого закона, установленного ныне во Франции: министр, обличенный, что он повелел распечатывать письма, наказывается сосланием на галеры”[63].

А.А. Осипов.
Портрет Я.Б. Княжнина.
Начало XIX в.

Итак, во второй половине XVIII в. дворянская литература имела свою художественную программу, свою критику, свою аудиторию, свои издания, наконец, свои собственные интересы[64]. Интеллектуальная жизнь образованной знати начинает протекать внутри содружеств, кружков, масонских лож. Социокультурное самоопределение российской словесности сформировало суверенную область, где реализовывалась личность дворянского поэта и где возникали объединения, не санкционированные верховной властью. “Что ж значит теперь устав цензуры и самый департамент просвещения, если... критика будет стесняема, и, что еще хуже, критика на дурных только сочинителей потому только, что они пятого класса и в ленте; если эти пачкуны напротив того будут еще одобряемы, – писал И.И. Дмитриев Д.И. Языкову, – право, немного чести университету, если он будет запрещать критиковать тех, которые не имеют не только таланта, но даже здравого

---

[63] А.М. Кутузов – И.В. Лопухину. 1790 г., ноябрь (*Барсков Я.Л.* Переписка московских масонов. Пг., 1915. С. 31–32); А.М. Кутузов – Н.Н. Трубецкому. 1791 г., апрель (Там же. С. 114).

[64] См. об этом: *Гуковский Г.А.* Очерки по истории русской литературы XVIII века. Дворянская фронда в литературе 1750-х – 1760-х годов. М.; Л., 1935; *Краснобаев Б.И.* Русская культура второй половины XVIII – начала XIX в. М., 1983; *Степанов В.П.* К вопросу о репутации литературы в середине XVIII века (Русская литература XVIII – начала XIX века в общественно культурном контексте // XVIII век. Л., 1983. Сб. 14. С. 105–120. *Фоменко И.Ю.* Автобиографическая проза Г.Р. Державина и проблема профессионализации русского писателя // Там же. С. 143–164; и др.

рассудка ⟨...⟩. Всякий думает, что университет уважает не таланты, а графство ⟨...⟩. Я разгорячился, но право от того, что люблю пользу и славу земляков моих"[65].

Неслучайно именно в сфере независимого интеллектуального творчества возникает новое понимание патриотизма, свободное от мысли о государственной службе. «Приближаясь к концу своей деятельности, я благодарю Бога за свою судьбу. Может быть, я заблуждаюсь, но совесть моя покойна. Любезное Отечество ни в чем не может меня упрекнуть. Я всегда был готов служить ему не унижая своей личности, за которую я в ответе перед той же Россией, – писал в 1820-е годы Н.М. Карамзин бывшему министру иностранных дел графу Каподистрия, – да, пусть я только и делал, что описывал историю варварских веков, пусть меня не видели ни на поле боя, ни в совете мужей государственных. Но поскольку я не трус и не ленивец, я говорю: "Значит так было угодно Небесам" и, без смешной гордости моим ремеслом писателя, я без стыда вижу себя среди наших генералов и министров»[66]. А.М. Кутузов убеждал И.В. Лопухина: "Пусть услышат нас, говорящих сим ныне таким чуждым для многих языком, да посмеются на наш счет, – что нам до того нужды? Мы будем покойны, уверены будучи в нашей совести, что мы гораздо лучшие граждане, нежели те, которые над нами смеются"[67]. Н.И. Новиков писал А.А. Ржевскому: "Благость Божия к отечеству нашему проложила ныне путь к свету сему, и мы можем быть уже не странниками скитающимися, следуя блудящим огням, но истинными воинами нашего высокославного вел. Мастера"[68]. Здесь к месту заметить, что московские мартинисты видели в масонстве не замкнутую корпорацию, сосредоточенную на проблемах ордена. Они никогда не утрачивали чувства ответственности перед Россией, радели о распространении образования, свои духовные силы и материальные средства отдавали на нужды благотворительности. Именно патриотическая широкая направленность деятельности Н.И. Новикова, который в одно понятие объединял "заслуги ордену и отечеству", "ревность и пламенное желание доставить благо нашему отечеству, чуждую всякого корыстолюбия братскую любовь", позволила М.Н. Муравьеву с восхищением

---

[65] Письма И.И. Дмитриева Д.И. Языкову (Сочинения Ивана Ивановича Дмитриева. С. 198–200).

[66] Цит. по: *Лотман Ю.М.* Сотворение Карамзина. С. 16.

[67] А.М. Кутузов – И.В. Лопухину. 1790 г., декабрь (*Барсков Я.Л.* Переписка московских масонов. С. 60).

[68] Н.И. Новиков – А.А. Ржевскому. 1783 г., май (Там же. С. 248).

говорить о “намерении трудов” этого “честного и постоянного человека”[69].

По материалам эпистолярных источников была выделена еще одна относительно независимая сфера жизнедеятельности в среде элитарных кругов дворянства – область милосердия, подвижничества, меценатства, опекунства. Благотворительность не могла прямо санкционироваться самодержавной властью, а потому находилась вне ее непосредственного контроля. В то же время деятельное бескорыстие далеко не всегда гарантировало высочайшее благоволение и, следовательно, было относительно свободно от влияния чиновно-статусных ценностей. В переписке отразились даже случаи анонимных пожертвований. Генерал-губернатор Ярославля А.П. Мельгунов писал Екатерине II: “Некоторые частные люди положили сделать благотворительное установление, в помощь неимущих людей, на которое дали капитала 30 000 рублей и построили каменный дом в 18 000 рублей, всеподданнейше просят, всемилостивейшая государыня, о удовлетворении сего их намерения”[70]. “...Всего интереснее поступок графа Николая Петровича Шереметева: он отдал строящуюся больницу, подле Сухаревой башни, публике; достроит ее на свои деньги. В ней вечно содержать будет сто неимущих и увечных жилищем, платьем, пищею и пр., – писал Булгаков сыну, – другой подобный пример ⟨...⟩ Павел Григорьевич Демидов (дядя того, что в Париже), предлагает для училищ: 1. Ежели заведется университет в Ярославле, около 4000 душ и 100000 р. ... Вот какова Русь! Я тебе советую копить деньгу, дабы в свое время что́ подобное сделать”[71]. Благородное подвижничество привлекло не только обеспеченную знать, но и относительно небогатую дворянскую интеллигенцию. М.Н. Муравьев обращался к отцу: «...Милостивый государь батюшка, просил меня Николай Иванович Новиков переслать к вам несколько объявлений об издании “Утреннего света” ⟨...⟩. Я думаю, что будут иные охотники. Особливо намерение издателей для заведения школ для бедных, кажется, может побудить многих»[72]. Подвижничество Новикова вселило вдохновение в некоторых его современников, Типографическая компания поддерживалась немалым числом кредито-

---

[69] См.: Н.И. Новиков – А.А. Ржевскому. 1783 г., февраль (Там же. С. 310); М.Н. Муравьев – отцу. 1777 г., октябрь (Письма русских писателей... С. 310).

[70] А.П. Мельгунов – Екатерине II (Русский архив. 1865. № 1–12. С. 944).

[71] Я.И. Булгаков – сыну. 1803 г., май (Русский архив. 1898. № 3. С. 369–371).

[72] М.Н. Муравьев – отцу. 1777 г., октябрь (Письма русских писателей... С. 308–309).

ров. А сын стремительно разбогатевшего уральского ямщика Г.М. Походяшин пожертвовал значительные средства на помощь голодающим, которую Новиков организовал независимо от верховных властей. Потеря всего состояния после ареста Новикова не заставила Походяшина усомниться в богоугодном деле помощи бедствующим. Он умер в нищете, с признательностью взирая на портрет Новикова.

Мотивы движимой милосердием благотворительной деятельности изнутри подтачивали господствующие структуры сознания и создавали основу для возникновения альтернативных ценностей. Новые социально-психологические процессы, зарождавшиеся в данной обособленной от чиновной иерархии области, детально отразились в письмах И.И. Бецкого, связанных с устройством Московского воспитательного дома для покинутых детей и сирот, который "учрежден и основан... на единственно благотворительном... от доброхотствующих людей подаянии, на правиле человеколюбия... чтобы всем людям без изъятия таковую же воздать справедливость, какой бы мы все себе в подобном случае от других требовали, и чтобы собственная наша совесть строгим была над нами судьею, а наипаче к утеснению бедных должно иметь омерзение"[73]. Основные идеи посланий Бецкого в Опекунский совет, доктору Янишу, директору Г.Г. Гогелю, надзирателям, почетным благотворителям, генерал-прокурору А.А. Вяземскому были несколько утопичны, реализовывались неполноценно и искаженно. Однако содержание переписки И.И. Бецкого свидетельствует о явной приостановке действия традиционных бюрократических ориентиров и спонтанной активизации, без ведома и усилий главного попечителя, иных настроений. Бецкой уловил особый социальный смысл благотворительности, который "состоит: 1) не в придворной политике; 2) не в воинском командовании; 3) не в приказных шумах и обрядах, но в у с е р д и и в с е о б щ е м"[74].

В его убеждающих настойчивых сентенциях звучат высокие слова о "чистой пред Богом совести", "благородной обязанности каждого добродетельного гражданина сего мира", об ответственности перед "умирающими невинными младенцами", обществом, человечеством, но только не перед троном. Идея верноподданни-

---

[73] И.И. Бецкой – А.А. Вяземскому. 1778 г., июнь (*Майков М.П.* Иван Иванович Бецкой. Опыт его биографии. СПб., 1904. С. 95 (прил.)); И.И. Бецкой – в Опекунский совет. Без даты (Русская старина. 1873. № 11. Ноябрь. С. 710).

[74] И.И. Бецкой – в Опекунский совет. 1763 г., декабрь (*Майков М.П.* Иван Иванович Бецкой. С. 39 (прил.)).

ческого долга как бы безболезненно оттесняется из системы внутренней мотивации и внешних стимулов. Имя монархини, главным образом как носителя власти, которая обеспечила условия для устройства Воспитательного дома, "в рассуждении упоминаемаго в пожалованных от Ее Императорского Величества привилегиях", довольно редко встречается в письмах И.И. Бецкого в Опекунский совет. Он непроизвольно обращался не к бюрократическому патриотизму чиновника, а к "совестному ответу" дворянина "пред Богом и людьми"[75]. Подобная ориентация отразилась на характере отношений главного попечителя Воспитательного дома с Опекунским советом. "Полагаясь на благорассуждение", И.И. Бецкой направлял в Опекунский совет не официальные распоряжения, а личные письма с убедительной аргументацией, терпеливыми разъяснениями, тактичными уважительными просьбами "войти в чистосердечное разбирательство". Эти послания адресовались лишь одному из членов Опекунского совета, который частным образом передавал их остальным для прочтения. Главный попечитель надеялся на "соединенные силы" "сообщников", "домашние обстоятельства, никакою силою законов не подкрепленные, а основанные только на вере взаимной честности", "купное" продолжение "общеполезного дела". Он отрицал слепое уважение к рангу и протекции и стремился "сыскивать всегда человека, а не чины, а меньше того по рекомендациям, какого бы звания ни был"[76]. Неслучайно Д.И. Фонвизин писал о своем друге: "Не хотел он рекомендации графа Н.И. к Бецкому для того, что Бецкий никого не слушает, и он пошел к нему в первый раз без всех фасонов, чтоб самою рекомендациею не спортить дела. Теперь и он видит, что всякая рекомендация излишня"[77]. Нарушение трафаретной субординации определило и реакцию И.И. Бецкого на озлобленную конкуренцию, считающуюся совершенно естественной в среде чиновной иерархии. Он верил в "достойное споспешности соревнование, а посредством тому единодушное согласие" и пресекал всякие "дерзости клеветы", дрязги, склоки, междоусобицы. "Дом Воспи-

---

[75] И.И. Бецкой – доктору Янишу. 1778 г., [май] (Там же. С. 39, 43–44 (Прил.)); см. также: И.И. Бецкой – А.А. Вяземскому. 1774 г., ноябрь (Там же. С. 93 (прил.)); И.И. Бецкой – в Опекунский совет. Без даты (Русская старина. 1873. № 12. Декабрь. С. 904).

[76] См.: И.И. Бецкой – в Опекунский совет. Без даты (Там же. С. 900, 903); И.И. Бецкой – доктору Янишу. 1778 г., май (*Майков П.М.* Иван Иванович Бецкой. С. 41, 43 (прил.)); И.И. Бецкой – А.В. Олсуфьеву. 1783 г., июнь (Там же. С. 112 (прил.)).

[77] Д.И. Фонвизин – сестре. [1773] (*Фонвизин Д.И.* Собр. соч. Т. 2. С. 356).

тательный, – писал И.И. Бецкой, – есть место благотворения, миролюбия и покоя, а не ненависти, распри и злобы, когда мы обязаны служить роду человеческому из любви к тому, а не из какого-либо пристрастия"[78].

Итак, на духовной и интеллектуальной периферии российского абсолютизма, будь то дворянская усадьба в глуши Саратовской губернии, литературный дружеский кружок, интимный мир семейной идилии, личная воля благотворителя, художественный журнал, вступивший в полемику с троном, или мистическая обрядовость масонской ложи – в этих удаленных от бюрократического давления сферах было ослаблено действие статусных регламентаций, официозных нормативов и общепринятых чиновных ценностей.

Однако внутреннее отдаление интеллектуальной фронды от эпицентра действия традиционных ориентиров вовсе не означало борьбы с самодержавием. Образованные дворяне лишь стремились, иногда интуитивно, к общественной деятельности, идущей не за, не против, а помимо государственной машины империи. Они верили, или чувствовали, что позиция частного лица не лишена гражданственности, что возможно служение Отечеству вне бюрократической иерархии, что создание очагов культуры, независимая литература, нравственное воспитание, постижение "тайн творца и мироздания", бескорыстное подвижничество станут равносильной позитивной альтернативой. Но в условиях России последней трети XVIII в. эта деятельность была отторгнута как "прихоть", "красоты себялюбия", "добродетель светского человека", "отечественное вольнодумство, праздность и ветреность" "необузданность в замышлениях и похотениях нынешних молодых людей", "отвергающих веру в начальство"[79]. Так в "золотой век" екатерининского царствования среди блестящих вельмож, государственных мужей, фаворитов, людей "в случае" появлялось качественно иное явление "частного человека", названного позже литературоведами "лишним человеком".

---

[78] См.: И.И. Бецкой – в Опекунский совет. Без даты (Русская старина. 1873. № 12. Декабрь. С. 900, 904); И.И. Бецкой – А.В. Олсуфьеву. 1783 г., июнь (*Майков П.М.* Иван Иванович Бецкой. С. 112 (прил.)).

[79] См.: Т.И. Тутолмин – Н.В. Репнину. 1795 г., ноябрь (Сб. РИО. 1875. Т. 16. С. 321); А.В. Суворов – И.М. Рибасу. 1788 г., июнь (*Суворов А.В.* Письма. С. 153); Н.Н.Бантыш-Каменский – Александру Б. Куракину. 1792 г., декабрь (Русский архив. 1876. Кн. III, № 9–12. С. 283); П.И. Панин – Н.И.Панину. 1774 г., декабрь (Русский архив. 1876. Кн. II, № 5–8. С. 37); Н.Н. Бантыш-Каменский – Александру Б. Куракину. Без даты (Русский архив. 1876. Кн. III, № 9–12. С. 274).

Область, противопоставленная официозу, традиционно называется частной. Однако ее определение нельзя свести лишь к констатации отличности от той сферы жизни человека, в которой на него возложена некая государственная или общественная функция. Каждая эпоха имеет свою конфигурацию границ частного и официозного и свое сущностное содержание этих сфер.

Человек через сложнейшую систему связей с миром наделен самыми разнообразными социальными ролями, вписан в причудливую, далеко не трехмерную систему координат. Он выстраивает свои отношения с властью, семьей, друзьями, единомышленниками, противниками, людьми того же статуса, вышестоящими и подчиненными, он ищет свой путь к природе и Богу, наконец, он формирует собственное восприятие своей личности. Из этих больших и маленьких человеческих проблем сплетается неповторимый узор жизни, слагается ее уникальный мотив. Часто отношения с другом, семьей, самим собой занимают несравненно большее место в жизни человека, чем восприятия власти и ее политики.

"Частный человек" в России рубежа XVIII–XIX вв. относился к меньшинству, не понятому светской массой и не одобренному престолом. Вольно или невольно он противопоставлял могучему имперскому интересу с его прекрасно разработанной идеологией, определяющей вербализированные ценности большинства, свой собственный частный интерес. Через его самоопределение происходило постепенное высвобождение сферы личностного существования российского дворянина. Интересы семьи, отношения с другом, независимое творчество, индивидуально осмысленная вера, реализация усвоенных ценностей стали для "частного человека" важнее господствующего понимания социального престижа[80]. Попытка осмыслить отношения "частного человека" с властью, друзьями, семьей, детьми, реконструкция среды, где протекали его дни, позволяет глубже понять сложную вариативность жизни русского дворянства на рубеже столетий, оценить степень влияния неординарной личности на современников,

[80] В дальнейшем окажется, что эти утверждаемые приоритеты составят истинное содержание человеческой жизни, о котором напишет Л.Н. Толстой: "Жизнь между тем, настоящая жизнь людей со своими существенными интересами здоровья, болезни, труда, отдыха, со своими интересами мысли, науки, поэзии, музыки, любви, дружбы, ненависти, страстей, шла, как и всегда, независимо и вне близости или вражды с Наполеоном Бонапарте и вне великих возможных преобразований" (*Толстой Л.Н.* Собр. соч.: В 12 т. М., 1958. Т. 5. С. 160).

а, может быть, скорее на потомков, на проявившиеся в будущем тенденции духовного развития господствующего сословия.

В России XVIII в. существовала сфера, составившая эмоциональную и умственную альтернативу регламентирующему воздействию государственности, однако в источниках личного происхождения за этот период не удалось встретить понятие "частная жизнь", в то время как довольно часто употребляются термины "партикулярный человек", "частный человек", "жизнь частного человека", "вести жизнь частного человека"[81], что означало временную или окончательную отставку, удаленность от столичного Петербурга, отказ от борьбы за чины и положение в свете, актуализацию иных предпочтений. Причина подобного словоупотребления кроется, на мой взгляд, в недостаточном развитии сферы частной жизни, которую личность, освобождающаяся от официоза, еще только осваивала. Эта создаваемая социальная реальность расширялась и усложнялась вместе с усложнением и обогащением внутренней жизни дворянина.

Универсальный, зафиксированный в истории многих абсолютистских государств процесс эмансипации культуры и мысли имел в России свою специфику. Развитие сословного сознания дворянства было связано с формированием в среде интеллектуальной элиты личности новоевропейского времени, способной на относительную свободу от самоидентификации с властью, сословием, какой-либо социальной группой, родом, готовой к индивидуальной ответственности и задумывающейся над автоматически воспроизводимым стереотипом. Еще один парадокс русской истории заключался в том, что эмансипация дворянской культуры вдохновлялась не дворянином, глубоко воспринявшим интересы собственного сословия, а самостоятельно мыслящей личностью. Формирование независимого от престола общественного мнения и свободной от высочайшего контроля сферы общественной жизни осуществлялось "частным человеком". Подобное усложнение развития сословной культуры дворянства драматизировало этот процесс и придавало ему широкое звучание.

Однако пока что "общество многоумных"[82], по словам самой императрицы, людей не осознавало всей глубины конфликта между самодержавной российской государственностью и "вольны-

---

[81] См., например: Письма Ивана Ивановича Шувалова к сестре его родной, княгине Прасковье Ивановне Голицыной, урожденной Шуваловой (Москвитянин. 1845. Ч. V, № 10. Октябрь. С. 145; *Лопухин И.В.* Записки сенатора И.В. Лопухина. С. 44.

[82] Цит. по: *Барсков Я.Л.* Переписка московских масонов. С. XLV.

ми мудрованиями”[83] “частного человека”. Тем не менее независимые от православной церкви теософские поиски московских розенкрейцеров, не санкционированные властью дружеские кружки, чисто внешнее стремление “пребывать верными и послушными гражданами” и явно прослеживающаяся в поступках ориентация на личностные критерии, “чистую совесть и внутреннее спокойствие” – все эти факты самостоятельной духовной жизни “разрывали политические союзы”[84] абсолютизма. В тревожные дни гонений на Типографическую компанию и следствия по делу Новикова статс-секретарь Екатерины II А.В. Храповицкий записал: “Державин мне сказывал, что при нем меня... [императрица] назвала мартинистом и что Новиков сочтен умным и опасным человеком”[85]. Драматизм вынужденной существовать в мобилизационном режиме России и состоял в том, что “умный человек” был, как правило, “опасным человеком со странными мудрованиями”.

---

[83] Из донесения архиепископа Платона Екатерине II // Там же. С. XXV.

[84] См.: А.М. Кутузов – Н.Н. Трубецкому. 1792 г., апрель (Там же. С. 200); А.М. Кутузов – Н.Н. Трубецкому. 1790 г., январь (Там же. С. 71); Н.Н. Трубецкой – А.М. Кутузову. 1791 г., февраль (Там же. С. 93).

[85] Дневник А.В. Храповицкого. М., 1901. С. 251.

“Странные мудрования”

Девальвация традиционных ценностей и угасание общепринятых ориентиров породили подавленные, пессимистические настроения у некоторых авторов писем и направили нереализуемые возможности личности в сферу индивидуального развития, обогатив и усложнив духовную, умственную, эмоциональную жизнь дворянина.

В переписке дворянства можно найти исповедальные откровения, самоанализ, живые, заинтересованные реакции на душевное состояние адресата, рассуждения проповеднического характера, мысли, возникавшие при чтении произведений философов и богословов, изложение собственного понимания мировоззренческих проблем. Удельный вес данного эпистолярного материала в переписке различных авторов колеблется от робкой откровенности до практически абсолютного преобладания над другими темами. Нравственные искания составили содержание писем С.И. Гамалеи, А.М. Кутузова, Н.Н. Трубецкого. Им посвящены самые сильные, проникновенные строки в переписке И.И. Дмитриева, В.В. Капниста, Н.М. Карамзина, М.Н. Муравьева, Н.И. Новикова. Наконец, глубинная человеческая духовность, нарушая традиционный этикет, внезапно прорывается в сдержанных полуофициальных, бытовых, дружеских, родственных посланиях П.А. Демидова, Г.А. Полетико, Н.В. Репнина, И.И. Шувалова и др. Так, в бесстрастном тексте реляций Т.И. Тутолмина к Н.В. Репнину внезапно прозвучали горькие слова отца тяжело больного ребенка: “Теперь... познаю я истину Ваших слов, повторяя, на что и к чему все то, чего ищем и желаем, и зачем гоняемся, как за мечтою”[1]. Столкновение со смертью близкого человека отвлекло Г.А. Полетико от исканий в Сенате и, разрушив схематичную логику хозяйственных наставлений жене, привело к мыслям о вечном, душе, жизненном смысле: “Брат Андрей... вряд ли будет жив и уже... о своих делах раскаивается и хочет во всем оные окончить по совести ⟨...⟩. Сия ведомость заставила меня целый день неутешно плакать и размышлять о бессовестии и суетах человеческих, и что не во время они исправляться начинают”[2]. Обострение эмоционального восприятия жизни, открытие собственного внутреннего мира и стремление познать его оказались не индивидуальными особенностями

---

[1] Т.И. Тутомлин – Н.В. Репнину. 1795 г., август (Сб. РИО. 1875. Т. 16. С. 280).

склонного к рефлексии А.М. Кутузова или меланхоличного Н.М. Карамзина, а важнейшей чертой социально-психологического развития целого поколения дворянской интеллектуальной элиты.

Бесстрашный самоанализ, "великая наука самопознания", попытки избавиться от "клейма совершенной забвенности самого себя и нечувствования... пороков" были связаны с потребностью реализации собственной личности. Авторы писем не прощают себе "терзания насильных страстей", раздражение, нетерпимость, "смутные минуты", когда "давали волю своим страстям", а иногда мужественно признаются – "я от часу более себя презираю"[3]. В.В. Капнист писал брату: "Самолюбию моему пришлось выдержать испытание ⟨...⟩, я могу уверить вас, что нимало не почувствовал последствий несчастной сей страсти ⟨...⟩. Я с удовольствием пишу вам об этом, любезный брат, не с тем, чтобы похвалить себя, а затем, чтобы воспользоваться случаем восхвалить силу воспоминания, восторжествовавшего во мне над страстью, которая, казалось, уже пустила в моем сердце глубокий корень"[4]. "Не бесполезно вспоминать прошедшие наши проступки, – размышлял А.М. Кутузов в письме к И.П. Тургеневу, – видеть одно токмо обнаженное деяние, и мы, рассматривая оное, яко уже не принадлежащее нам, видим оное беспристрастнее. Таковое рассмотрение, ежели только управляется надлежа-

---

[2] Г.А. Полетико – жене. 1777 г., май (Киевская старина. 1893. Т. 40: Январь–март. С. 518).

[3] См.: Н.И. Новиков – А.Ф. Лабзину. 1788 г., март (Письма Н.И. Новикова. С. 54); А.М. Кутузов – И.П. Тургеневу. 1788 г., июнь (*Лотман Ю.М., Фурсенко В.В.* "Сочувственник" А.Н. Радищева А.М. Кутузов. С. 305, 313, 317); М.Н. Муравьев – сестре. 1777 г., август (Письма русских писателей... С. 279); В.В. Капнист – жене. Без даты (*Капнист В.В.* Собр. соч. М.; Л., 1960. Т. 2. С. 309). Хорошо известно, что Новиков и Гамалея в своем "Тихвинском уединении" вели обширную "философическую" переписку с современниками, нуждающимися в мудром совете. Во время болезни Новикова и после его смерти в 1818 г. Гамалея, переживший друга на 4 года, пунктуально отвечал на письма его адресатов. В частности он заверял в 1818 г. П.И. Страхова: "Приписание ваше в письме к Н.И. от 16 февраля читал я с удивлением, что по прошествии толиких лет со времени свидания нашего захотелось вам переписываться со мною. Хотя я старше Н.И., однако, не отрицаюсь соответствовать на ваши письма, пока взмогу" (ОР РНБ. Ф. 359. Д. 350. Л. 1). В отделе рукописей РНБ сохранились письма С.И. Гамалеи к П.И. Страхову, датированные 1818–1822 гг., в которых он толкует Священное Писание, рассуждает о нравственности, сообщает подробности последних лет жизни и обстоятельства смерти Новикова.

[4] В.В. Капнист – брату. 1786 г., сентябрь (Там же. С. 293).

щим образом, есть, по мнению моему, одно из целительных средств для уврачевания будущих наших недугов"[5].

Дворянин эмоционально окрашивал свой внутренний мир, осмыслял его в диалогах с реальными и идеальными собеседниками, искал ответа в книгах. "Я нынче читаю философов. По двадцать первому году вить"[6], – сообщал М.Н. Муравьев сестре. Н.Н. Трубецкой писал А.А. Ржевскому: «...для упражнения вашего посылаю книгу блаженного брата нашего Бема "О созерцании". Боже, дай познать вам оную книгу не буквально, но духовно»[7]. Нравственные проблемы интеллектуального дворянства неразрывно переплетались с богоискательством, принимали мистическую форму масонства, "единого средства, чрез которое мы можем человеков возбуждать к воззрению на самих себя", познать "творца твоего, посредством натуры и самого тебя"[8]. Впоследствии А.С. Пушкин напишет о масонах XVIII в.: "Мы еще застали несколько стариков, принадлежащих этому полуполитическому, полурелигиозному обществу. Странная смесь мистической набожности и философического вольнодумства, бескорыстная любовь к просвещению, практическая филантропия ярко отличали их от поколения, которому они принадлежали ⟨...⟩. Нельзя отрицать, чтобы многие из них не принадлежали к числу недовольных; но их недоброжелательство ограничивалось брюзгливым порицанием настоящего, невинными надеждами на будущее и двусмысленными тостами на франк-масонских ужинах"[9].

Переписка интеллектуальной аристократии донесла до нас не только обращение к "святым истинам", но и потребность в понимающем собеседнике, близком человеке, которому можно "с полной искренностью излить свою душу"[10]. Сам факт

---

[5] А.М. Кутузов – И.П. Тургеневу. 1788 г., ноябрь (*Лотман Ю.М., Фурсенко В.В.* "Сочувственник" А.Н. Радищева А.М. Кутузов. С. 317).

[6] М.Н. Муравьев – сестре. 1777 г., ноябрь (Письма русских писателей... С. 313). См.: *Rossi L.* Западноевропейская культура в педагогической прозе Михайла Муравьева (1787–93) // Reflections on Russia in the Eighteenth Century: Papers from the VI International Conference of the Study Group on Eighteenth-Century Russia, July 1999. Leiden; Köln, 2001. P. 315–321.

[7] Н.Н. Трубецкой – А.А. Ржевскому. 1783 г., декабрь (*Барсков Я.Л.* Переписка московских масонов... С. 263).

[8] См.: Н.Н. Трубецкой – А.А. Ржевскому. 1783 г., июнь (Там же); А.М. Кутузов – И.П. Тургеневу. 1788 г., ноябрь (*Лотман Ю.М., Фурсенко В.В.* "Сочувственник" А.Н. Радищева А.М. Кутузов. С. 320).

[9] *Пушкин А.С.* Полн. собр. соч. М.; Л., 1949. Т. 7. С. 353–354.

[10] См.: А.М. Кутузов – И.П. Тургеневу. 1782 г., декабрь (*Лотман Ю.М., Фурсенко В.В.* "Сочувственник" А.Н. Радищева А.М. Кутузов. С. 305); Н.В. Репнин – И. Чарторыжской. 1795 г., ноябрь (Сб. РИО. 1875. Т. 16. С. 328).

исповеди, наставления, совета, проповеди свидетельствовал о встречном движении, о нежелании оставаться один на один со своими переживаниями, о заинтересованном участии во всех внутренних коллизиях адресата. “Вот моя история... Передаю ее единственно вам. Вы поверили мне вашу, – писал Ф.В. Ростопчин С.Р.Воронцову, – прочтите мое письмо и бросьте его в огонь. Судите меня строго”[11]. М.Н. Муравьев, рассмотрев в своей сестре “дарования, которыми украшена душа” и поняв “цену чувствий, ею обладающих”, просил: “...представь мне тихую добродетель, первую владычицу сердец, чтобы мое видело черты ее, написанные рукою, ему любезной, и тем легче последовало ее наставлениям”[12].

Д.Г. Левицкий.
Портрет Н.И. Новикова

Усложнение духовной жизни авторов писем происходило на фоне глубоких переживаний и их напряженного, порой болезненного осмысления. Дворянин последней трети XVIII в. мировоззренческие раздумья, как правило, сопровождал искренним описанием своих эмоциональных состояний. Сравнительный анализ переписки образованной элиты показал, что исповедальность, открывающая адресату самые сокровенные тайны внутреннего мира, была присуща лишь эпистолярной традиции последней трети XVIII в. В первой половине XIX в. письма интеллектуальной знати станут, при всей их живости и раскованности, скупее на душевные излияния. Чисто количественное сопоставление умозрительных философских построений и их эмоциональных пере-

---

[11] Ф.В. Ростопчин – С.Р. Воронцову. 1799 г., апрель (Русский архив. 1876. Кн. III, № 9–12. С. 67).

[12] М.Н. Муравьев – сестре. 1777 г., август (Письма русских писателей... С. 279).

Неизвестный художник.
Портрет С.И. Гамалеи

живаний свидетельствует о явном преобладании в XVIII в. сердца над разумом, своеобразном культе чувства, который проповедовала поэзия сентиментализма:

> Нет, сердце моему уму
> не так послушно.
> Не мог я согласить двух
> недругов моих[13].

"Чувствительность" превращалась в среде интеллектуальной элиты в неотъемлемое качество думающего, образованного человека этой социокультурной ориентации. Д.И. Фонвизин был убежден, что "об исправлении ума столь много у нас помышляют, сколь мало об исправлении сердца, не зная того, что добродетельное сердце есть первое достоинство человека и что в нем одном только искать и находить можно блаженство жизни нашей"[14]. "Новые, живые, глубокие чувства", "дух и сила" требовали особого словесного выражения, над которым бился М.Н. Муравьев, когда писал сестре: "Сколько бы желал я поговорить с вами к удовольствию моего сердца! чтобы чувствия его ничего не потеряли в изъяснении! ⟨...⟩ изъяснение чувства очень трудно, и в самое то время, когда оно, кажется, преходит его пределы, еще его не досязает. Столько-то нежны его краски"[15].

Обращает на себя внимание общая депрессивность настроений, пессимизм и мучительность переживаний, которые не были

---

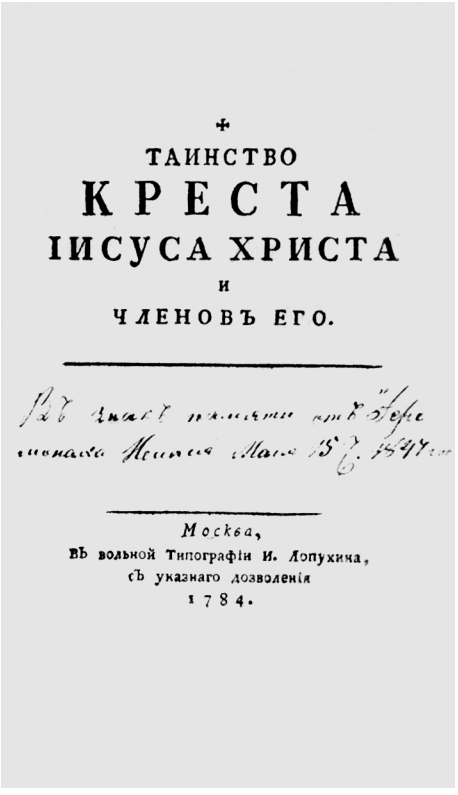
[13] *Львов Н.А.* Гав[риле] Романовичу ответ (*Грот Я.К.* Сочинения Державина. СПб., 1864. Т. 1. С. 520).

[14] Д.И. Фонвизин – П.И. Панину. 1772 г., апрель (*Фонвизин Д.И.* Собр. соч. Т. 2. С. 377).

[15] См.: Н.М. Карамзин – И.И. Дмитриеву. 1793 г., январь (*Грот Я.К., Пекарский П.П.* Письма Н.М. Карамзина к И.И. Дмитриеву. С. 33 (основной текст)); Н.М. Карамзин – И.И. Дмитриеву. 1792 г., июнь (Там же. С. 26 (основной текст)); М.Н. Муравьев – сестре. 1777 г., август (Письма русских писателей... С. 276–277).

сиюминутной реакцией, а являлись преобладающим, достаточно устойчивым состоянием чувств, результатом оценки общего контекста своей жизни. Анализ переписки и биографий авторов обнаружил, что болезненные настроения не имели конкретных видимых причин, а относились к разряду "пустой гипохондрии", которая "начинала уменьшаться, но ныне опять" брала "силу свою". Горестные настроения не просто посещали дворянина, а глубоко переживались им, о чем свидетельствуют тончайшие нюансы и оттенки пессимистических реакций, которые различаются в переписке[16].

Симптомом внутреннего разлада, а также ослабления влияния церкви на сознание личности стали обнаруженные в привлеченном эпистолярном ком-



✣

ТАИНСТВО

КРЕСТА

ІИСУСА ХРИСТА

И

ЧЛЕНОВЪ ЕГО.

Москва,
ВЪ вольной Типографіи И. Лопухина,
съ указнаго дозволенія
1784.

"Таинство креста Иисуса Христа и членов его". Перевод А.М. Кутузова и С.И. Гамалеи. Издание И.П. Тургенева и Н.И. Новикова (М., 1784).

[16] См.: А.М. Кутузов – Н.Н. Трубецкому. 1791 г., июль (*Барсков Я.Л.* Переписка московских масонов... С. 133); А.М. Кутузов – И.П. Тургеневу. 1772 г., октябрь (*Лотман Ю.М., Фурсенко В.В.* "Сочувственник" А.Н. Радищева А.М. Кутузов. С. 304); Н.М. Карамзин – И.И. Дмитриеву. 1793 г., январь (*Грот Я.К., Пекарский П.П.* Письма Н.М. Карамзина к И.И. Дмитриеву. С. 33 (основной текст)); А.М. Кутузов – И.П. Тургеневу. 1782 г., декабрь (*Лотман Ю.М., Фурсенко В.В.* "Сочувственник" А.Н. Радищева А.М. Кутузов. С. 309).

Подробнее об этом см.: *Марасинова Е.Н.* Психология элиты российского дворянства последней трети XVIII в. М., 1999. С. 158–203; *Она же.* И.И. Хемницер – писатель и дипломат // XVIII век. СПб., 2006. Сб. XXIV. С. 219–254; *Она же.* Менталитет российского дворянства последней трети XVIII века (по материалам эпистолярных источников) // Canadian-American Slavic Studies. 2002. Vol. 36, N 3. P. 251–275; *Она же.* Н.И. Новиков ("Частный человек" в России на рубеже XVIII–XIX веков) // Человек в мире чувств: Очерки по истории частной жизни в Европе и некоторых странах Азии до начала нового времени. М., 2000. С. 471–512.

плексе свидетельства о самоубийствах. Н.М. Карамзин сообщал И.И. Дмитриеву о трагическом конце писателя М.В. Сушкова и горе, обрушившемся на его мать, Марию Васильевну Сушкову, урожденную Храповицкую, образованную женщину своего времени, которая перевела произведение Мармонтеля "Инки, или Разрушение Перуанской империи": "Для чего по сие время не получаешь ты Мифологию? Для того, что издатель возненавидел жизнь и удавился. Вообрази, какой удар для матери, переводчицы И н о к! Есть ли хочешь, то я пришлю к тебе письмо, писанное им к дяде за несколько часов перед смертью"[17]. Письмо, адресованное уединенно проживавшему в деревне М.В. Храповицкому, о котором упоминает Карамзин, после смерти Сушкова ходило в списках. В этом прощальном послании есть, в частности, такие слова: "Состояние мое давно меня тяготило, но тяготило так, как философа ⟨...⟩. Ныне, оставшись один в Москве, я имел время довольно обдумать все сии обстоятельствы; окружающая меня пустота, единение, в котором ничто меня не разсеевало, – ето подкрепило меня в намерении умереть, которое несколько времяни уже приходило мне в голову"[18]. В письмах Н.Н. Бантыш-Каменского Александру Б. Куракину, этой своеобразной московской хронике 90-х годов XVIII в., говорится о нескольких случаях греховной расправы с собственной жизнью. Автор, тонко улавливавший любые отклонения от традиционных стереотипов, и на сей раз попытался найти социально-психологическую причину суицида в среде образованного дворянства: "Писал ли я к вам, что еще один молодец, сын сенатора Вырубова, приставя себе в рот пистолет, лишил себя жизни? Сие происходило в начале сего месяца, кажется: вот плоды знакомства с Англицским народом! – писал Н.Н. Бантыш-Каменский Александру Б. Куракину, – опасно, чтоб сия Аглинская болезнь не вошла в моду у нас"[19].

Тревожные и грустные размышления, неизбежно сопровождающие самоанализ, можно считать проявлением усложненной

---

[17] Н.М. Карамзин – И.И. Дмитриеву. 1792 г., сентябрь (*Грот Я.К., Пекарский П.П.* Письма Н.М. Карамзина к И.И. Дмитриеву. С. 30 (основной текст)).

[18] См.: *Фраанье М.Г.* Прощальные письма М.В. Сушкова (О проблеме самоубийства в русской культуре конца XVIII века) // XVIII век. СПб., 1995. Сб. 19. С. 153–154.

[19] Письма Н.Н. Бантыш-Каменского Александру Б. Куракину (Русский архив. 1876. Кн. III, № 9–12. С. 276, 278). "В XVIII веке считалось, что пасмурный климат Англии способствовал особенной склонности ее жителей к меланхолии и к самоубийству" (*Фраанье М.Г.* Прощальные письма... С. 152).

индивидуальности дворянина[20] в кризисный момент необратимой девальвации господствующих ценностей и начального этапа формирования альтернативных ориентаций. Материалы переписки интеллектуальной аристократии обнаружили возникновение в этих кругах интровертного типа личности. Отрицание внешних авторитетов в лице господствующего светского мнения, абсолютистских доктрин и общепринятого понимания социального престижа обусловили перемещение регулятивных механизмов во внутренний мир дворянина. Критерии и нормы, возникновение которых было непосредственно связано с углублением фрондерских настроений, осмысливались в системе альтернативных ценностей. Установка на самоконтроль выразилась в абсолютизации понятия "совесть" как главного и даже единственного ориентира при оценке событий и самооценке. Автоматическое использование слова "совесть" наряду с такими константами, как долг сына Отечества, преданность монарху, ревностное служение, не вызывало раздумий и свидетельствовало о явной зависимости от внешних господствующих нормативных механизмов. Поэтому особый интерес представляют те фрагменты писем, где категория "совесть" проблемно осмысливается автором. Показательно, что в рассмотренном эпистолярном материале это понятие употребляется всегда в качестве антитезы общепринятым ориентирам.

Совесть становилась главной нормой, дисциплинирующим началом в самых различных сферах деятельности. Личная точка отсчета постепенно начинала определять поведение и в ходе чиновной службы, и в изматывающих земельных процессах, и в реакциях на литературную критику, и в сложных ситуациях человеческих отношений. "A propos de Юнг ⟨...⟩ По окончании всего перевода намерен его вычистить, снабдив некоторыми примечаниями, – писал А.М. Кутузов И.П. Тургеневу, – быв совершенно уверен о пользе, которую всякий добросердечный человек из книги его почерпнуть может, с охотою подвергаю себя критике и злословию ⟨...⟩. Я уверен в чистоте намерения моего, и совесть моя со стороны сей очень покойна"[21]. М.Н. Муравьев наставлял сестру: "Жить можно весело и с людьми, но ежели прежде можешь жить с собою. Человеку, собой недовольному и имеющему

---

[20] По мнению И.С. Кона, само открытие таких психических состояний, как отчаяние, меланхолия, тоска, скука, было важным показателем роста индивидуальности. См.: *Кон И.С.* Открытие "Я". М., 1970. С. 214.

[21] А.М. Кутузов – И.П. Тургеневу. 1782 г., декабрь (*Лотман Ю.М., Фурсенко В.В.* "Сочувственник" А.Н. Радищева А.М. Кутузов. С. 305).

к тому причину, не веселы лучшие беседы ⟨...⟩. Ты довольно счастлива, ежели счастлива в себе”[22].

За внутреннюю свободу, которая не может быть гарантирована и пожалована государем, дворянину необходимо было бороться с самим собой, преодолевая зависимость от общественного мнения. “Желая угодить людским мнениям, никогда не можно быть покойну, – писал А.М. Кутузов И.П. Тургеневу, – всего лучше советовать во всех случаях с совестью своею: она то есть судия наисправедливейший, естли только страсти не заглушили глас его”[23]. Собственное мнение признавалось критерием индивидуальности. Д.И. Фонвизин односложно характеризовал сестре общего знакомого, говоря, что этот человек “не знает совсем, что́ это совесть”[24]. “Спокойная совесть” превращалась в идеал внутренней гармонии и условие счастья. “...в нашем отечестве, как ни плохо иногда в нем бывает, можно, однако, быть столь же счастливу, сколько и во всякой другой земле, если совесть спокойна”[25], – признавался Д.И. Фонвизин П.И. Панину.

Обретение собственного внутреннего критерия и взгляда на вещи, актуализация иных сфер самореализации, находящихся на периферии действия господствующих ценностных ориентаций, когда личность оказывалась в неожиданных для нее ситуациях и вставала перед проблемой выбора, наконец, общее усложнение духовной жизни и активизация умственной, интеллектуальной деятельности на фоне развития оппозиционных настроений в среде образованной элиты – все эти факторы стали социально-психологической основой переосмысления целого ряда морально-этических категорий. В 1790 г. А.М. Кутузов писал И.В. Лопухину: “Равным образом поздравляю тебя с новым годом, желаю тебе обновления внутри и всех благ вовне, и дабы с сим новым годом наши соотчичи получили новый смысл и новые понятия; дабы они, отворя очи, познали свои заблуждения и перестали гоняться за пустыми мечтами”; а в другом письме он восклицал: “Сколь мало тех, которые глядят своими глазами и чувствуют собственными своими чувствами”[26].

---

[22] См.: М.Н. Муравьев – сестре (Письма русских писателей... С. 316, 349).

[23] А.М. Кутузов – И.П. Тургеневу. 1782 г., сентябрь (*Лотман Ю.М., Фурсенко В.В.* “Сочувственник” А.Н. Радищева А.М. Кутузов. С. 301).

[24] Д.И. Фонвизин – сестре. 1764 г., февраль (*Фонвизин Д.И.* Собр. соч. Т. 2. С. 334).

[25] Д.И. Фонвизин – П.И. Панину. 1778 г., март (*Фонвизин Д.И.* Собр. соч. Т. 2. С. 467).

[26] См.: А.М. Кутузов – И.В. Лопухину. 1790 г., декабрь (*Барсков Я.Л.* Переписка московских масонов... С. 69); А.М. Кутузов – И.В. Лопухину. 1790 г., ноябрь (Там же. С. 39).

В 1783 г. в журнале "Собеседник любителей российского слова, содержащий разные сочинения в стихах и в прозе некоторых российских писателей" был анонимно опубликован "Опыт российского словника" Д.И. Фонвизина. Автор сетовал на отсутствие точного смысла, "разума", у некоторых "названий", особенно "изображающих качества души". "Надобно из содержания всей речи распознавать, в каком значении употреблено таковое понятие", "всякий произносит оные, как сам понимает", "без разбору". "Сие неудобство" заставило Фонвизина дать свое толкование ряду понятий, четкое "знаменование" которых было особенно важно с его точки зрения[27].

Потребность уловить ускользающий смысл некоторых терминов стала приметой времени в писательской среде, наиболее чуткой к движению слова, игре и переливам его значений. Во второй половине XVIII в. спонтанно появляются различные словники, "мысли, замечания, отрывки", "толковые словари"[28], порой предназначенные не столько для печати, сколько для собственного авторского более глубокого проникновения в содержание тех или иных понятий. Терминологическая многозначность русского языка XVIII в. оказалась не чисто лингвистической проблемой, захватившей исключительно словесников. В таком бытовом "человеческом документе", как переписка, также отразилось стремление уяснить точный смысл слова или же найти верное определение для передачи адресату усложняющейся в этот период духовной и интеллектуальной жизни личности. "Мне кажется, что различие вашего и моего мнения происходит от несходных понятий, сопрягаемых нами", – признавался известный масон – розенкрейцер А.М. Кутузов жене своего друга А.И. Плещеевой в 1790 г. и пытался дать собственное "разумение", забыв, что "вместо письма начал писать диссертацию"[29].

Анализ переписки позволил составить перечень наиболее употребительных этических понятий, к которым относились: *честь, гордость, смирение, вольность, просвещенность, чувствительность, чистосердечие*. Среди данных понятий "честь" чаще других использовалась в оценочных высказываниях.

---

[27] *Фонвизин Д.И.* Собр. соч. Т. 1. С. 233.

[28] См., например: *Муравьев М.Н.* Мысли, замечания, отрывки, выбранные из записок автора // Сочинения Муравьева. СПб., 1847. Т. II; *Княжнин Я.Б.* Отрывок толкового словаря // Сочинения Княжнина (Якова Борисовича). СПб., 1848. Т. II.

[29] А.М. Кутузов – А.И. Плещеевой. 1790 г., декабрь (*Барсков Я.Л.* Переписка московских масонов... С. 56–57).

Поэтому были учтены все фрагменты переписки[30], где упоминается это понятие, составлены списки относящихся к нему определений, близких по значению категорий и категорий с альтернативным смыслом.

Обращает на себя внимание практически полное отсутствие определения "дворянская" у понятия "честь", содержание которого в то же время нередко раскрывается через категорию "благородство", имеющую морально-этическое содержание. "Этот же имеет благородное сердце и за честь свою действительно склонится жертвовать жизнью"[31], – писал Д.И. Фонвизин сестре. "Любовь к отечеству есть приобретаемое воспитанием свойство души, без которого в общежитии прямо честным и благородным человеком быть не можно"[32], – утверждал В.В. Капнист в полемическом послании некоему "господину Любослову". Отмечая "разборчивое чувствование чести" у Н.В. Репнина М.Н. Муравьев писал о знаменитом фельдмаршале и государственном деятеле: "Он был живой образец благородства и добродетели"[33]. В словаре В.И. Даля ведущий смысл понятия "честь" также включает "благородство души и чистую совесть"[34].

Настораживает исключение из содержания близких по значению понятий "честь", "благородство" образа "благородного сословия". В XVIII в. в Западной Европе происходит, напротив, сближение терминов "дворянство", "благородство", "честь"[35]. Как известно, понятие "дворянин" в русском языке произошло от слова "двор" и первоначально означало приближенного великого князя, входившего в состав "государева двора". На протяжении XVIII в. происходила ликвидация многочисленных сословно-чиновных групп в составе светских феодалов. Окончательно термин "дворянство" для обозначения всего привилегированного со-

---

[30] При этом не принимались во внимание такие устоявшиеся клише, как "честь имею донести", "честь имею сообщить", "честь имел получить" и т.п.

[31] Д.И. Фонвизин – сестре. 1764 г., февраль (*Фонвизин Д.И.* Собр. соч. Т. 2. С. 334).

[32] Письмо В.В. Капниста "господину Любослову". 1783 г., август (*Капнист В.В.* Собр. соч. Т. 2. С. 276).

[33] *Муравьев М.Н.* О Репнине (Сочинения Муравьева. СПб., 1847. Т. II. С. 306–307.

[34] *Даль В.*[*И.*]. Толковый словарь живого великорусского языка. М., 1955. Т. 4. С. 599.

[35] Geschichtliche Grundbegriffe. Historisches Lexikon zur politisch-sozialen Sprache in Deutschland. Stuttgart, 1975. Bd. II. S. 35. См. также: Jakob Christoph Beck, August Johann Burtorff. Neu vermehrtes historisch-geographisches allgemeines Lexikon. Basel, 1742. Bd. I. S. 95.

словия утвердился в середине XVIII в. С 1754 г. высшее сословие стали официально именовать "благородным", что указывало не столько на древность и знатность происхождения его представителей, сколько на дарованное государем привилегированное положение[36].

Портрет В.В. Капниста

Пожалованный вместе со свободой от обязательной государственной службы и практически монопольным правом владения землей и крепостными крестьянами титул "благородный" встречается в исходящих от верховной власти документах и сопровождается официальной интерпретацией. Так, Манифест о вольности дворянства 18 февраля 1762 г. провозглашал: "Благородные мысли вкоренили в сердцах всех истинных России патриотов беспредельную Нам ревность"[37]. "Жалованная грамота на права, вольности и преимущества благородного российского дворянства" 1785 г. содержала развернутое пояснение того, "что есть благородное дворянское достоинство" – "дворянское название есть следствие, истекающее от качества и добродетели начальствовавших в древности мужей, отличивших себя заслугами, чем обращая самую службу в достоинство, приобрели потомству своему нарицание благородное"[38]. Высочайшие наставления, изложенные в книге "О должностях человека и гражданина", "к чтению определенной в народных училищах Российской Империи", четко формулировали преимущества людей "благородного состоя-

---

[36] Неслучайно для определения статуса фамилий с древней родословной, восходящей порой к Рюриковичам и Гедиминовичам, недостаточно было эпитета "благородный". Представители знатных семей, часто оттираемые от престола "новой аристократией", именовались "родовыми, столбовыми, коренными" дворянами.

[37] Российское законодательство X–XX веков: В 9 т. М., 1987. Т. 5. С. 19.

[38] О дворянстве. СПб., 1808. С. 1.

ния" перед низкими сословиями: "Они суть ближайшие к особе Монарха"[39].

Очевидно, что официальное понимание термина "благородный", отождествлявшегося с принадлежностью к привилегированному сословию, подразумевало преданную службу и близость к императору, чей образ персонифицировал власть и государственность. Это имперское содержание дарованного титула смыкалось с такими указанными в словаре В.И. Даля значениями понятия "честь", как "высокое звание, сан, чин, должность", "внешнее доказательство отличия, почет, почесть, почтение": "...и временщик он, да высоко стоит, в чести. Прибавят чести, и дадут жалованья не мало"[40]. В уже упоминавшейся книге "О должностях человека и гражданина" говорилось: "Любочестие есть склонность чести достойным себя учинить и старание делать ⟨...⟩. Не надлежит нам ⟨...⟩ честь едину намерением дел наших поставлять: исполнение должностей наших да будет самое их намерение"[41]. "Честь", таким образом, сближалась с репутацией, определяемой "начальствующими". Обязанностью дворянина становилось ревностное исполнение служебных обязанностей, а "почет" и "честь" верноподданному гарантировала высочайшая власть.

Такое понимание "благородства" и "чести" имело свое влияние на сознание дворянина, что отразилось в материалах переписки и словников XVIII в. "Сей Прокурор... искать будет удалиться от сего места, которое немного чести ему прибавляет"; "...душевные силы и любочестие автора возрастают покровительством; а я его имел от покойной государыни и от в[ашего] в[еличества] имею"[42]. М.Н. Муравьев сделал в своих "Мыслях, замечаниях, отрывках" следующую пометку: "...желание славы есть чувствование сердца благородного и способного возвышаться"[43],

---

[39] О должностях человека и гражданина. С. 349.

[40] *Даль В.*[*И.*]. Толковый словарь живого великорусского языка. Т. 4. С. 599.

[41] О должностях человека и гражданина. С. 324.

[42] См.: З.Г. Чернышев – М.Н. Кречетникову. 1774 г. (Чтения ОИДР. 1863. Кн. 4: Октябрь–декабрь. С. 32); А.П. Сумароков – Екатерине II. 1770 г., январь (Письма русских писателей... С. 127). Ср. также: "Я, отдавая ему справедливость, нахожу, что честнее и исправнее по сей должности человека быть не может и что он награждения совершенно достоин" – Письмо Е.Р. Дашковой А.А. Безбородко (Чтения ОИДР. 1867. Кн. 1: Январь–март, отд. V. Директор Академии наук Екатерина Романовна Дашкова. С. 19).

[43] *Муравьев М.Н.* Мысли, замечания, отрывки, выбранные из записок автора // Сочинения Муравьева. СПб., 1847. Т. II. С. 350.

а Я.Б. Княжнин в "Толковом словаре" определил "любочестие" как "источник славы"[44].

Зафиксированное в официальных документах отождествление понятий "благородство" и "честь, почесть, почет", попытка слить термины "благородный" и "дворянин" в одно устойчивое сочетание и наполнить его верноподданническим смыслом, усиленным чувством сословного гонора, происходило не без влияния западноевропейской традиции. Однако сложившаяся в ином обществе лингвистическая норма принципиально видоизменялась, высвечивая специфику российских реалий. Возникающий понятийный зазор чувствовали и современники. "Состояние, которое во всех европейских монархиях отличается под именем благородного и дворянского, почти везде имеет одинакия права, получило происхождение свое от войны и покорения, почитается необходимым в монархическом составлении". Иначе говоря, с одной стороны, в России, как и в Европе, имеется "благородное дворянство", но с другой – главная доблесть отечественного высшего сословия состоит не столько в "рыцарском нраве", сколько в услужении монарху. "В российском слове *дворянин* ясно представляется, кажется, чиновник, приверженный ко двору и особе государя. Все дворянство представляется некоторым образом последованием государя, который видел в нем готовые орудия правления, по встречающимся надобностям в войне и мире"[45].

На Западе, например, в Пруссии, определение "благородный" по отношению к дворянству имело длительную, уходящую в Средневековье традицию и не было, как в России, всемилостивейше даровано в середине XVIII в. В рассматриваемый же период термины "благородный" и "дворянин" становятся практически синонимами, а в содержании близкой к ним по значению категории "дворянская честь" (*adlige Ehre*) еще более усиливается сословный смысл (*Ehrenstand*). Данное понятие являлось не только констатацией привилегированного положения в иерархии абсолютистского государства, но и предполагало осознание собственного превосходства, достоинство высокородного образа жизни, гарантируемого системой воспитания и образования. Отточенные манеры, аристократический стиль поведения, репутация в обществе обеспечивали дворянину престижные позиции

---

[44] *Княжнин Я.Б.* Отрывок толкового словаря // Сочинения Княжнина (Якова Борисовича). СПб., 1848. Т.II. С. 637.

[45] См.: *Муравьев М.Н.* Понятие благородства // Сочинения Муравьева. Т. II. С. 293–294.

при дворе[46]. Фридрих II закрепил за дворянством почетные должности, в частности, на том основании, что представители этого сословия имеют гордую осанку и высокий дух, чем поддерживают авторитет государства[47]. Подобная привилегия накладывала на дворянство повышенные обязанности и еще более усиливала нормативность повседневной жизни, требующую высокой самодисциплины[48].

На протяжении XVIII в. на Западе, в частности в Пруссии, понятие "дворянская честь" все более наполнялось чувством сословного гонора. Стремление заявить о превосходстве "благородного состояния" было связано с усилением буржуазии, которая оспаривала приоритетные позиции дворянской аристократии. Так, например, потомки бюргеров и свободных горожан ставили под сомнение сословные привилегии доступа ко двору. Для представителей просвещенной и либеральной буржуазии образование и реальные способности были единственным аргументом притязаний на правительственные должности[49].

Напор со стороны выдвигающей свою меру ценностей буржуазии придавал понятию "дворянская честь" полемичное звучание. В содержание этой категории входило требование соответствующих высокому происхождению браков, отказ от "непристойных" занятий промыслами, ремеслом, торговлей. Всякие занятия, связанные с "жульничеством", достойные лишь "черни" и "мелкого лавочника", унизительны для "благородного сословия"; заводить солеварни – не дворянское дело[50].

В то же время внесословное индивидуализированное содержание понятия "честь" выкристаллизовывалось именно в городской недворянской среде, соединялось с набором "буржуазных добродетелей" (*bürgerliche Tugenden*), прежде всего "почтенностью, степенностью, благопристойностью", и вдохновлялось ра-

---

[46] См. о понятиии "придворная честь" ("höfische Ehre"): Geschichtliche Grundbegriffe. Historisches Lexikon zur politisch-sozialen Sprache in Deutschland. Stuttgart, 1975. Bd. II. S. 17–23.

[47] См., например: Allgemeines Land-Recht für die Preußischen Staaten: 1794. 1994. Tl. 2, Tit. 9, § 35; Tl. 2, Tit. 9, § 1.

[48] См. об этом: Geschichtliche Grundbegriffe. Bd. II. S. 35–40, а также: *Kohn-Bram-Sted E.* Aristocracy and the Middle-Classes in Germany. Chicago, 1964.

[49] Geschichtliche Grundbegriffe. Bd. II. S. 39.

[50] См., например: Allgemeines Haushalts-Lexikon. Leipzig, 1751. Bd. 3. S. 52.

ционализмом Просвещения[51]. "Суетной и тщеславной чести" (*eitle Ehre*), основанной исключительно на происхождении, противопоставлялась "истинная" (*wahre Ehre*), "благоразумная честь" (*vernünftige Ehre*), которая совмещала в себе продиктованный совестью радикализм индивидуального выбора и "здравый" смысл[52].

В России второй половины XVIII в. не было социальной группы, способной потеснить единственное привилегированное сословие и противопоставить высочайше пожалованному званию "благородное" собственное столь же весомое понятие достоинства[53]. Представители нарождавшейся и политически беспомощной буржуазии, напротив, с завистливым почтением воспринимали дворянский гонор, стремились проникнуть в состав класса феодалов и усвоить "благородный" образ жизни. Слабость реальных конкурентов в социальной структуре общества тормозила развитие сословного самосознания российского дворянства. Кроме того, именно милость двора и дарованный императорской властью чин, а не система вассально-сеньориальных связей, гарантировали единство господствующего сословия.

Видимо, по этой причине в источниках личного происхождения практически не зафиксировано понятие "благородное дворянство", исполненное сословной гордости и признания высоких нравственных качеств его представителей. Иногда этот термин упоминается даже с оттенком иронии. "Желание отличий, уважения, блестящих выгод роскоши производит беспрестанное соперничество между людьми благородного состояния ⟨…⟩ они находят себя бедными посреди величайших богатств, потому что при-

---

[51] См.: Geschichtliche Grundbegriffe. Bd. II. S. 23–28. Так, в Гамбургском еженедельном журнале "Патриот" в 1724 г. было приведено следующее рассуждение: "Один ремесленник, пользующийся уважением и доверием, честно и пунктуально исполняющий все свои обязанности, имел основательную честь и добрую репутацию, значительно лучшую, чем высокородный дворянин и расточительный юнкер, облаченные саном и отличающиеся лишь своим необузданным роскошеством" (Der Patriot. 1724. № I. S. 290).

[52] Данные представления были связаны с пуританизмом и пиетизмом лютеранского учения. Определенный набор моральных заповедей, которым руководствуется человек, не должен противоречить "здравому смыслу", иначе говоря рационализму и утилитаризму бюргерских добродетелей (см., например: *Dietz Ph.* Wöterbuch zu Dr. Martin Luthers deutschen Schriften. Leipzig, 1870. Bd. I. S. 485).

[53] В книге "О должностях человека и гражданина" требуется "от благородных, дабы они почитали согражданами себе и нижайшего состояния людей, не презирали бы и нимало не обижали их" (О должностях человека и гражданина. С. 360).

хоти и своенравия превосходят сокровища Креза”[54]. На уровне обыденного сознания эпитет “благородное” не закрепился устойчиво за словом “дворянство”. В то же время данные привлеченных к работе материалов указывают на близость понятий “благородство” и “честь” и преобладающее использование их в качестве морально-этических категорий.

Содержание понятия “честь”, принятое в дворянской среде, можно уловить через так называемый “синонимический ряд”, включающий слова, наиболее часто отождествляемые с рассматриваемым термином. Такой категорией оказалась прежде всего “совесть”. Близость значений “чести” и “совести” позволяет предположить, что обеим этим категориям отводилась роль внутренних регуляторов поведения. “Честь” невозможно “испросить” или получить в награду, как должность, сервиз или ленту. Это качество является внутренним достоянием личности. “…Основательнейшее честолюбие, – замечал М.Н. Муравьев, – есть то, которого причины в нас самих сохраняются, что наше достоинство внутреннее не прирастает с новым чином, который искания или докучливость вырвали ⟨…⟩. Достойный и добрый человек не умеет пресмыкаться у порогов знатных и их любимцев и остается в небрежении. Должен ли он для того менее почитать себя?”[55] Подобно тому, как “честь” не может быть пожалована, ее нельзя и отнять, обрекают себя на “бесчестие” только через собственный неблаговидный поступок. “…Вы поступили недостойно и чести лишились; вы ее потеряли, нарушив данное мне честное слово”[56], – писал А.П. Сумароков Дж. Бельмонти. Представление о так называемой “внутренней чести” противоречило официальной точке зрения, отождествлявшей “честь” с репутацией и отношением “начальствующих”. Так, в книге “О должностях человека и гражданина” говорилось: “Честь не состоит во власти того, кто почитаем быть желает, но во власти почитающих нас”[57].

В отличие от многих европейских стран, в частности Пруссии, где индивидуализированное представление о “чести” сбли-

---

[54] См.: *Муравьев М.Н.* Забавы воображения // Сочинения Муравьева. СПб., 1847. Т. II. С. 228–229. В повседневности закрепилось лишь обращение “ваше благородие”, лишенное, однако, всякого актуального высокого смысла и проговариваемое автоматически.

[55] *Муравьев М.Н.* Мысли, замечания, отрывки, выбранные из записок автора // Сочинения Муравьева. СПб., 1847. Т. II. С. 334–335.

[56] А.П. Сумароков – Дж. Бельмонти. 1770 г., январь (Письма русских писателей... С. 129).

[57] О должностях человека и гражданина. С. 324–325.

жалось под влиянием морали усиливавшихся городских кругов с "почтенностью и благоразумием"[58], в России происходила абсолютизация ценности "чести", личностное понимание которой зарождалось прежде всего в дворянской среде и связывалось отчасти с романтической идеализацией "рыцарского духа"[59]. По материалам личных источников удалось вычленить следующий ряд понятий, которые противопоставлялись "чести" как менее предпочтительные – *богатство, положение в свете, чин, благополучие, счастье, жизнь*: "оные, алча умножить свои доходы, нимало не думают о чести своей, а только о корысти"; "я совершенно уверен, что вы укрепите меня на путях чести, меня могут сделать несчастным, но клятвопреступником – никогда"; "не думайте никогда, чтобы я предпочтил живот мой моей чести"; "я поступил как мыслил во всю мою жизнь, которая была бы мне в тягость без сохранения чести"[60]. Неслучайно в словаре Даля есть единственное упоминание термина "дворянская честь" в приводимой пословице: "Чести дворянин не покинет, хоть головушка погинет"[61].

Обращает на себя внимание заключенное в категории "честь" иногда скрытое, иногда явное, но очевидно осознанное и целенаправленное принижение некоторых важнейших ценностей, диктуемых официальной идеологией, в частности чина, высокой должности, расположения знатного придворного и т.п. Напряженный конфликтный смысл понятию "честь" придавало и стремление не столько уловить его позитивное содержание, сколько заявить об отсутствии "чести" у современников. "…Я довольно привык сносить терпеливо все то, что в суетном и превратном свете сем неприятное приключаться может, тем более, что меня уже ничто эблюировать или ослепить не может, –

---

[58] Ср.: "Только умный человек способен судить об истинной добродетели. Чернь слепа, и ей доступна лишь безрассудная честь, лишенная здравого смысла" (См.: *Christian Thomasius*. Kurzer Entwurf der politischen Klugheit. Frankfurt; Leipzig, 1720. S. 276; Geschichtliche Grundbegriffe. Bd. II. S. 25–26).

[59] "Особливая разборчивость чести, не терпящая порицания и подлости", является "остатком рыцарских нравов, которые долго царствовали в средних веках Европы" (*Муравьев М.Н.* Понятие благородства // Сочинения Муравьева. Т. II. С. 293).

[60] См.: И.И. Бецкой – Г.Г. Гогелю. Без даты (Русская старина. 1873. Ноябрь. С. 716); В.В. Капнист – А.А. Дьяковой. Конец 1770-х годов (*Капнист В.В.* Собр. соч. Т. 2. С. 254); А.П. Сумароков – И.И. Шувалову. 1761 г., март (Письма русских писателей... С. 90); Ф.В. Ростопчин – С.Р. Воронцову. 1795 г., август (Русский архив. 1876. Кн. I, № 1–4. С. 210).

[61] *Даль В.[И.]* Толковый словарь живого великорусского языка. Т. 4. С. 599.

признавался бывший канцлер М.И. Воронцов племяннику А.Р. Воронцову, – имея твердую надежду на благость Божию не быть оставленным в сей маловременной жизни, которую, однако ж, надобно совершить с покоем и честию"[62]. В словаре Я.Б. Княжнина также сказано: "Честь – слово, за которое всегда более вступаются и которое менее всего соблюдают; достоинство – где оно заключается в степенях богатства, там часто бывает оно без достоинства"[63].

Усиливавшееся индивидуализированное понимание чести конфликтно сталкивалось с другими трактовками этого многозначного термина, который вобрал в себя честь имени, благородство, честь императорской милости, формальную честность уплаченного долга, честь звания и чина, репутацию честного человека в светском обществе. Пересечение различных ценностных систем в одной категории породило как развернутые толкования ее смыслов, так и наличие целого спектра порой противоречивых определений – "суетная" честь, "мечтательная", "ложная", "истинная", "основательная", честный по "общему понятию", "почитаемый" честным в глазах публики и т.д. "Юношество в тех местах, которые вы будете проезжать, также весьма вспыльчиво и сварливо; я признаюсь вам, что сие меня весьма беспокоит. Итак, пожалуйте, старайтесь всячески от таких случаев убегать и сберегайте ваше бесстрашие, где должно оказать оное с пользою отечеству, то есть с приобретением истинной, а не мечтательной чести"[64], – наставлял И.И. Бецкой путешествующего сына императрицы графа А.Г. Бобринского. "…Профессор картежной игры Юшков носит на себе знак отменной чести"[65], – едко заявлял А.П. Сумароков И.И. Шувалову. "…Я не намерен нимало отнимать чести у вашего главнокомандующего; он имеет свои достоинства, человек весьма честный, т.е. по общему понятию"[66], – не без иронии писал А.М. Кутузов Н.Н. Трубецкому во время гонений на московских масонов.

---

[62] М.И. Воронцов – А.Р. Воронцову. 1765 г., апрель (Архив князя Воронцова. М., 1872. Кн. 5, ч. 1. С. 136–137.

[63] *Княжнин Я.Б.* Отрывок толкового словаря // Сочинения Княжнина (Якова Борисовича). Т. II. С. 673, 631.

[64] И.И. Бецкой – А.Г. Бобринскому. 1783 г., август (Русский архив. 1876. Кн. III, № 9–12. С. 20).

[65] А.П. Сумароков – И.И. Шувалову. 1761 г., февраль (Письма русских писателей... С. 89).

[66] А.М. Кутузов – Н.Н. Трубецкому. Без даты (*Барсков Я.Л.* Переписка московских масонов... С. 96). См. также: "человек основательной чести преисполненный и не такой пустой говорун" – С.Ф. Апраксин – И.И. Шувалову. 1757 г., март (Сб. РИО. 1872. Т. 9. С. 463).

“Истинная”, “немечтательная” честь была “собственной моей честью”[67] и связывалась прежде всего с “именем” дворянина, а не с достоинством рода. О “чести семьи” напоминали, как правило, только родители в наставлениях детям[68]. Сниженная актуальность фамильной чести в сознании дворянина была связана в известной степени с отменой местничества, введением Табели о рангах, стремительной сменой состава придворной знати в условиях фаворитизма женских царствований[69].

Итак, доминирующее в личных источниках дворянского происхождения последней трети XVIII в. значение термина “честь” было лишено сословного и фамильного гонора и отождествлялось с категориями “совесть” и “благородство”, означающими не принадлежность к господствующему классу, а нравственное достоинство личности. Индивидуализированная “честь” являлась внутренним императивом и противопоставлялась как высочайше пожалованным знакам сословного престижа, так и общепринятым в светских кругах представлениям о благополучии. Содержание данного понятия формировалось и напряженно обсуждалось в среде фрондирующего дворянства, не одобренного престолом и не понятого дворянской массой. Представители этого “мыслящего меньшинства” имели, как правило, сходные судьбы и в силу ряда личных обстоятельств сознательно покинули “превратный свет” или же были оттеснены от двора и лишены подобострастного “идолопоклонства”

---

[67] Ср.: “...почту долгом звания моего и необходимостью сбережения собственной моей чести и не буду прежде спокоен, пока, в страх другим, преступник не понесет всю тяжесть наказания, за взятки положенного” – Т.И. Тутолмин – В.С. Шереметеву. [1794] (*Шереметев П.В.* Василий Сергеевич Шереметев. 1752–1831. СПб., 1910. С. 76).

[68] “…Рассуди, пристойно ли честному человеку, имеющему знатный чин, также малости делать, не храня как родительскую, так и свою честь” – М.А. Румянцева и А.И. Румянцев – П.А. Румянцеву. Без даты (*Барсуков А.П.* Письма к графу П.А. Румянцеву от его родителей 1745–1768 гг. СПб., 1900. С. 14). “…Вы разумным и осторожным во всем поведением вашим честь нашему роду делаете” – М.И. Воронцов – А.Р. Воронцову. 1763 г., февраль (Архив князя Воронцова. Кн. 5, ч. 1. С. 118).

[69] “Древние фамилии приходят в ничтожество, – писал Пушкин. – Новые поднимаются и в третьем поколении исчезают опять. Состояния сливаются, и ни одна фамилия не знает своих предков”; “...настоящая аристократия наша с трудом может назвать и своего деда. Древние роды их восходят до Петра и Елисаветы. Денщики, певчие, хохлы – вот их родоначальники” (*Пушкин А.С.* Роман в письмах // *Пушкин А.С.* Полн. собр. соч.: В 10 т. М.; Л., 1949. Т. VI. С. 71; *Он же.* Гости съезжались на дачу... // Там же. С. 568).

толпы в приемных[70]. Силе власти и "наглости временщиков" они могли противопоставить лишь индивидуально выработанные критерии самооценки, "честь" внутренне независимой личности и "аристократизм духа". В этой среде интеллектуальной элиты "благородство" связывалось не с происхождением, не с манерами и изысканным поведением, как в содержании "Adlige Ehre", а с просвещенностью, образованием и талантом, не зависящими, впрочем, от социального статуса. "Знания, искусства, дарования суть верные и необходимые признаки благородного состояния"[71], – писал М.Н. Муравьев. "Титло благородное ⟨…⟩, принадлежащее токмо единым благовоспитанным: нет нужды, на блистательной ли, или на мрачной степени он поставлен своими талантами"[72], – замечал Я.Б. Княжнин. В первой четверти XIX в. под давлением углубляющейся идейной поляризации господствующего сословия и усиления нравственного влияния образованной мыслящей личности "честь" приобретет сохранившееся до наших дней более или менее устойчивое определение "дворянская", связанное, однако, не с сословным интересом, а с социальной принадлежностью первых поколений русской интеллигенции. Но и тогда индивидуальность вступит в конфликт с уже приобретшим сложную структуру и обрядовость нравственным кодексом, породив явление "невольника чести".

Значительно скупее были обеспечены эпистолярным материалом некоторые другие мировоззренческие понятия. В част-

[70] Так, фаворит скончавшейся императрицы Елизаветы Петровны знаменитый И.И. Шувалов, не найдя места при дворе Екатерины II, отправится в длительное путешествие за границу. Из Европы он напишет сестре: "…Довольно жил в большом свете. Все видел, все мог знать, дабы еще меня счастие суетное льстило. Прямое благополучие в спокойствии духа, которого найтить иначе не можно, как удалиться от всех неизвестных обстоятельств и жить с кровными и друзьями, умерив свои желания, и довольствоваться простым житием, никому зависти и досады не причиняющим" (Письма Ивана Ивановича Шувалова к сестре его родной, княгине Прасковье Ивановне Голицыной, урожденной Шуваловой // Москвитянин. 1845. Ч. V, № 10: Октябрь. С. 143–144).

[71] *Муравьев М.Н.* Забавы воображения // Сочинения Муравьева. Т. II. С. 230.

[72] *Княжнин Я.Б.* Речь, говоренная в публичном собрании Императорской Академии Художеств, при выпуске из оной питомцев, в 1779 году // Сочинения Княжнина (Якова Борисовича). Т. II. С. 591. Ср.: "Природа поступила с тем благосклонно, которого душа возвеличивается при разительных изображениях Корнеля или при своенравных картинах Шекспира. Мы можем присоединить к ним Ломоносова, который делает вечную честь российскому гению", или: "...между нами Сумароков открыл поприще трагедии. Не похитим у него чести первенства, которое во всех искусствах подходит столь близко к чести изобретения" (*Муравьев М.Н.* Забавы воображения // Сочинения Муравьева. СПб., 1847. Т. II. С. 231–233).

ности, не во всех случаях удалось выявить набор их определений или дать развернутый спектр синонимических рядов. По всей видимости, именно в этой ситуации обнаружился назревавший слом нравственной традиции, когда существовавшие этические категории были уже не в состоянии отразить все многообразие духовной жизни дворянина и наполнялись новым смыслом, обусловив определенную аморфность и эклектичность идеалов. В переписке встречаются и положительные, и резко отрицательные оценки таких качеств, как *гордость, тщеславие, вольность, просвещенность*.

Понятие "гордость", а вернее "благородная гордость", предполагало твердую независимую позицию, внутреннее самоуважение и достоинство, ничего общего не имеющее с надменным чванством. Употребление категории "гордость" дворянина в переписке имело критический акцент и связывалось с отрицанием самолюбивой презрительности "боярящейся" знати, спеси новой аристократии, которая оскорбляла и приводила в негодование интеллектуальную элиту. Понятие "гордость" встречается, как правило, в контекстах, имеющих негативную направленность, и раскрывается через многочисленные противопоставления, зафиксированные в антонимическом ряду. Гордость независимой индивидуальности порой принимала вид чудачества и шутовства. Эта морально-этическая категория действительно тяжело входила в лексикон отчасти и потому, что ее аналогия с одним из главных грехов по христианскому вероучению, естественно, резала слух авторов писем. Слияние различных представлений в одном понятии обусловило развернутые объяснения, сопоставления, определения, сопровождающие его употребление в переписке.

Встречающаяся в письмах категория "вольность" имела узкосословное значение. Ее смысловой диапазон захватывал такие проблемы, как современные философские течения, суеверие, раболепство, свобода собственного мнения и т.д. Крестьянский вопрос оставался в последней трети XVIII в. за пределами содержания этого понятия. Категория "просвещенность" использовалась обычно для характеристики внутреннего потенциала и внешнего лоска дворянина. Содержание данного понятия включало светские манеры, умение держаться в обществе, уровень воспитания, образования, а также в целом взгляды на жизнь, систему мировосприятия. Нужно заметить, что важен собственно сам факт появления в переписке этих этических категорий, содержание которых усложнялось, обогащалось, наполнялось новым смыслом.

Понятия "чистосердечие" и "чувствительность" были, в первую очередь, связаны с областью межличностных отношений и

определяли этику дружбы в кругах интеллектуальной элиты. Близкие, эмоционально напряженные, предельно искренние контакты играли совершенно особую роль в жизни дворянина последней трети XVIII в. Дружба представляла психологическую оппозицию прагматичным функциональным связям между представителями высшей чиновной касты. Дружеские отношения ревностно оберегались от разъедающего влияния чиновных страстей, придворного этикета, подобострастных комплиментов, стереотипная условность которых была очевидна и автору, и адресату. "Любезные друзья мои, здравствуйте. Курьер к вам едет: как не писать? а писать, право, нечего. Комплиментов не люблю. Они не достойны ни искренности, ни дружбы. А дела нет, нового нет"[73], – писал Н.А. Львов Г.Р. Державину. И.И. Хемницер обращался к Н.А. Львову: "Об одном тебя прошу: Бога ради не теряй, если когда и в вышнем степене министра будешь, ту приветливость и развязаность души, которую ты имеешь"[74]. Дружескую переписку дворянин наполнял не "учтивостями, далекими от истинной любви", а стремился "жарче изобразить любови и дружества", "рассказать о состоянии души"[75]. "…мысль за мыслью, чувства за чувствами следуют, – писал Г.Р. Державин В.В. Капнисту, – душу к тебе с словами выпущу и напою тебя моим открытым сердцем"[76]. Дружба противопоставлялась жестокой конкуренции, которая лишь внешне прикрывалась "холодными высокопочитаниями"[77].

Феномен дружбы неравномерно отражен в эпистолярном материале. У некоторых авторов зафиксированы лишь единичные упоминания о существовании в их жизни эмоционального общения. В переписке же В.В. Капниста, И.И. Хемницера, гр. Д.И. Фонвизина, М.Н. Муравьева, гр. Н.М. Карамзина и др. есть и глубокие размышления, и проникновенные признания, воссоздающие сложную ткань этих действительно высоких человече-

---

[73] Н.А. Львов – Г.Р. Державину. 1786 г., ноябрь (*Грот Я.К.* Сочинения Державина. СПб., 1869. Т. 5. С. 625).

[74] И.И. Хемницер – Н.А. Львову. 1782 г., август (*Грот Я.К.* Сочинения и письма Хемницера. С. 57).

[75] См.: Письмо С.И. Гамалеи. Без даты (Письма С.И.Г. М., 1832. Кн. 1. С. 39); Н.И. Новиков – А.Ф. Лабзину. 1798 г., март (Письма Н.И. Новикова. С. 53); Д.И. Фонвизин – сестре. 1766 г., январь (*Фонвизин Д.И.* Собр. соч. Т. 2. С. 339).

[76] Г.Р. Державин – В.В. Капнисту. 1785 г., апрель (*Грот Я.К.* Сочинения Державина. Т. 5. С. 408).

[77] См.: И.И. Дмитриев – А.Н. Бекетову. [1788] (Сочинения Ивана Ивановича Дмитриева. СПб., 1893. Т. 2. С. 181).

ских отношений. А письма А.М. Кутузова к И.П. Тургеневу с данной точки зрения – вообще уникальный документ, запечатлевший осмысление личностью своей дружеской привязанности.

Следует учитывать, что искренние слова об интимных духовных отношениях могли появиться либо в дружеской переписке, либо в полуофициальных деловых посланиях, автора которых связывали с адресатом не только "общество и совместная служба", но и "партикулярная привязанность"[78]. Доверительные признания, внезапно прерывая сдержанный, тематически запрограммированный текст, звучат в письмах П.А. Румянцева, А.И. Бибикова, А.В. Суворова, Н.В. Репнина порой с такой силой и экспрессией, что не остается сомнений в высокой ценности дружеских отношений для этих в общем-то нещедрых на эмоциональные излияния авторов. "Дружбу ценю я превыше всего"[79], – писал А.В. Суворов И.М. Рибасу. Специфика отражения интимных духовных контактов в эпистолярном материале была связана не только с разнообразием социальных функций переписки, но и собственно с состоянием сознания российского дворянства последней трети XVIII в. Содержательные, эмоционально напряженные дружеские отношения еще только начинали формироваться и, естественно, приобрели особую значимость для наиболее восприимчивой к гуманитарным идеям интеллектуальной элиты. Именно образованная верхушка, захваченная проблемами нравственного совершенствования, поэтического творчества, независимой словесности, оказалась готовой к высокоиндивидуализированной дружбе. Первоосновой этих человеческих контактов, требующих внутренней сосредоточенности, психологической зрелости, постоянной самоотдачи, естественно, было обогащение и усложнение самой личности, накопление ее духовного потенциала[80].

В переписке отразилась сильнейшая потребность в человеческих духовных контактах. Дружеские отношения становятся для авторов "праздником", "счастьем", "отрадой", "утешением", "душевным удовольствием", "великой частью благоденствия",

---

[78] См.: П.А. Румянцев – Н.И. Панину. 1771 г., сентябрь (Сб. РИО. 1872. Т. 9. С. 425).

[79] А.В. Суворов – И.М. Рибасу. 1788 г., март (*Суворов А.В.* Письма. С. 128).

[80] И.С. Кон пишет: "Человек не может ни осмыслить, ни даже прочувствовать свою внутреннюю жизнь иначе как через других, близких ему людей, общение с которыми или страх утраты которых открывают ему смысл и ценность собственного бытия" (*Кон И.С.* Дружба. М., 1989. С. 180).

“душевной утехой”[81], порой единственной подлинно живой областью существования, психологическим тылом:

Верна дружба! ты едина
Есть блаженство на земле;
Кто тобою усладился,
Тот не даром в мире жил.
Небеса благоволили
Смертным дружбу даровать,
Чтоб утешить их в нещастьи
Сердца бедных усладить.
Буди ты благословенна,
Дружба, дар святый небес!
Буди жизни услажденьем
Ты моей здесь на земле![82]

Так писал Н.М. Карамзин в своем послании к И.И. Дмитриеву. А Н.И. Новиков признавался: “Верьте, что писмы ваши мне были утешением и отрадою; что я, читая их, любовался, или, лучше сказать, роскошествовал, вашею ко мне любовью. Как же мне не знать цены ее и как по достоинству не ценить ее высоко и дорого?”[83] Действительно, авторы открывали для себя высшее нравственное значение дружбы, “цену дружества”, которое “стократно познается более в недрах скуки ⟨…⟩, хотя сей небесный дар и завсегда преисполнен удовольствием”[84]. “…Я знаю, что ты дружбою шутить не жалуешь, – писал И.И. Хемницер Н.А. Львову, – да и ты ведаешь, что я шутить ею также не люблю”[85]. “Умею ценить твою дружбу и надеюсь всегда быть ее достойным, и в счастии, и в несчастии, и в радости,

---

[81] См.: И.И. Хемницер – Н.А. Львову. 1782 г., ноябрь (*Грот Я.К.* Сочинения и письма Хемницера. С. 64); Львова Н.А. Гав⟨риле⟩ Романовичу ответ // *Грот Я.К.* Сочинения Державина. СПб., 1864. Т. 1. С. 520; А.С. Шишков – неизвестному адресату 1776 г., август (Русская старина. 1897. Т. 90: Май. С. 417); Н.И. Новиков – А.Ф. Лабзину. 1797 г., ноябрь (Письма Н.И. Новикова. С. 51); П.В. Завадовский – П.А. Румянцеву. 1794 г., май (*Майков П.М.* Письма графа П.В. Завадовского. С. 113); В.В. Капнист – Г.Р. Державину. 1789 г., май (*Капнист В.В.* Собр. соч. М.; Л., 1960. Т. 2. С. 347); Т.И. Тутолмин – Н.В. Репнину. 1796 г., март (Сб. РИО. 1875. Т. 16. С. 400).

[82] Н.М. Карамзин – И.И. Дмитриеву. [1787] г. (*Грот Я.К., Пекарский П.П.* Письма Н.М. Карамзина к И.И. Дмитриеву. С. 4–5 (основной текст)).

[83] Н.И. Новиков – А.Ф. Лабзину. 1797 г., ноябрь (Письма Н.И. Новикова. С. 51).

[84] А.С. Шишков – неизвестному адресату. 1776 г., август (Русская старина. 1897. Т. 90. Май. С. 417).

[85] И.И. Хемницер – Н.А. Львову. 1784 г., февраль (*Грот Я.К.* Сочинения и письма Хемницера. С. 91).

и в печалях"[86], – твердо говорил Н.М. Карамзин И.И. Дмитриеву. Способность к прощению, к неподдельной искренности, сопереживанию превращалась в важный показатель духовности дворянина и порой выступала интегральной характеристикой его внутреннего потенциала, поскольку друзья "суть феномены в природе человеческой"[87]. Н.М. Карамзин писал о поэте А.А. Петрове: "Такого человека нельзя судить так, как судят обыкновенных людей. Он дик и чувствителен – при незнакомых молчалив и холоден, а с другом – сокровище"[88]. "…Я дружбою его очень доволен"[89], – кратко представлял И.И. Хемницер своего знакомого. Молодой дворянин хотел верить, что его друг будет принят в отеческом доме, как близкий человек. "…Осмеливаюсь ласкать себя, что и вы тех любите, которые меня считают в своих приятелях"[90], – писал М.Н. Муравьев отцу.

В переписке очень тяжело и болезненно переживается разлука с друзьями. Тоской по утраченной близости с милым человеком наполнены письма А.М. Кутузова, И.И. Хемницера, М.Н. Муравьева, Д.И. Фонвизина, Н.М. Карамзина. В чужом турецком городе вспоминал И.И. Хемницер слова В.В. Капниста: "…да подумал ли ты хорошенько, что ты сделал? Да ты таки без друзей там с ума сойдешь"[91]. "Ой черной год! Увезли вы, мои друзья, с собою много моих удовольствий"[92], – писал Н.А. Львов Г.Р. Державину. "…Нет иного для человека утешения, как размышлять и разговаривать мысленно с теми, которых он любит"[93], – признавался А.С. Шишков.

Высоко взятая нота человеческих связей требовала самоотдачи, ответственности, ясного понимания долга. Доверительные

---

[86] Н.М. Карамзин – И.И. Дмитриеву. 1795 г., октябрь (*Грот Я.К., Пекарский П.П.* Письма Н.М. Карамзина к И.И. Дмитриеву. С. 61 (основной текст)).

[87] См.: А.М. Кутузов – И.П. Тургеневу. 1782 г., август (*Лотман Ю.М., Фурсенко В.В.* "Сочувственник" А.Н. Радищева А.М. Кутузов. С. 298).

[88] Н.М. Карамзин – И.И. Дмитриеву. 1792 г., июнь (*Грот Я.К., Пекарский П.П.* Письма Н.М. Карамзина к И.И. Дмитриеву. С. 26 (основной текст)).

[89] И.И. Хемницер – Н.А. Львову. 1782 г., август (*Грот Я.К.* Сочинения и письма Хемницера. С. 60).

[90] М.Н. Муравьев – отцу. 1778 г., январь (Письма русских писателей. С. 343); см. также: Д.И. Фонвизин – сестре. 1764 г., январь (*Фонвизин Д.И.* Собр. соч. Т. 2. С. 330–331).

[91] И.И. Хемницер – Н.А. Львову. 1784 г., февраль (*Грот Я.К.* Сочинения и письма Хемницера. С. 91).

[92] Н.А. Львов – Г.Р. Державину. 1786 г., июнь (*Грот Я.К.* Сочинения Державина. Т. 5. С. 491).

[93] А.С. Шишков – неизвестному адресату. 1776 г., август (Русская старина. 1897. Т. 90: Май. С. 400).

отношения необходимо было пережить, прочувствовать, выстрадать. В процессе эмоционально напряженных контактов шло взаимное обогащение, духовный рост личности. “Дружба имеет свои обязанности”[94], – писал Н.М. Карамзин И.И.Дмитриеву. А.М. Кутузов убеждал И.П. Тургенева: “Все мы имеем слабости, один менее, другой более, и так что нам стыдиться ими. Мой друг, любезный друг, естли бы имел я достоинства, которые ты мне приписываешь, на что бы мог употребить их лучше, как не на исправление дражайшего моего друга!”[95]. Анализ эпистолярного материала позволил воссоздать нормативный канон дружбы, сложившийся в среде интеллектуальной аристократии. Концепция дружбы включала три обязательных требования:

– чистосердечие, искренность;

– чувствительность, сострадание;

– постоянство, верность.

Большинство авторов главным символом сердечной близости считали “откровенность, доверительность, прямоту, чистосердечие, искренность”, “нелицемерного дружества сладости”. “…друг мой, скажи мне, что пользы будет в дружбе нашей, естли мы один другому станем токмо ласкательствовать, превозносить себя взаимно похвалами и самые пороки наши называть добродетелями? Чем отличимся мы тогда от прочих льстецов, коими и без нас довольно уже свет сей наполнен? – писал А.М. Кутузов И.П. Тургеневу. – Ты знаешь, что я великий неприятель политики, а еще более ненавижу ее, когда она и в самое уже дружество мешаться хочет. Говори со мною прямо, как ты думаешь, да и от меня другого языка не надейся”[96]. Н.В. Репнин убеждал Т.И. Тутолмина: “Позвольте мне сказать, что всегдашней моей к Вам искренности и по старому с Вами дружескому обращению, что если бы я Вас почитал корыстолюбивым, то бы я к Вам того откровенного письма не писал, понеже не имел бы к Вам той доверенности, с которою оно писано единственно по дружбе”[97]. С.Р. Воронцов писал брату о Ф.В. Ростопчине: “Понравится ему это или нет, а я исполнил долг дружбы; конечно, я его люблю и даже много им одолжен; но именно потому-то счел

---

[94] Н.М. Карамзин – И.И. Дмитриеву. 1795 г., сентябрь (*Грот Я.К., Пекарский П.П.* Письма Н.М. Карамзина к И.И. Дмитриеву. С. 60 (основной текст)).

[95] А.М. Кутузов – И.П. Тургеневу. 1783 г., январь (*Лотман Ю.М., Фурсенко В.В.* “Сочувственник” А.Н. Радищева А.М. Кутузов. С. 310).

[96] А.М. Кутузов – И.П. Тургеневу. 1782 г., сентябрь (*Лотман Ю.М., Фурсенко В.В.* “Сочувственник” А.Н. Радищева А.М. Кутузов. С. 299).

[97] Н.В. Репнин – Т.И. Тутолмину. 1795 г., июль (Сб. РИО. 1875. Т. 16. С. 252).

я себя обязанным высказать ему то, о чем среди его льстецов никто не посмел бы промолвить слова”[98]. Н.М. Карамзин уверял И.И. Дмитриева: «Ты мог обмануться в стоиках и моралистах, в книжниках и фарисеях, но во мне, как друге своем, никогда не обманешься; за это смело отвечаю – никогда не скажешь мне: *“л ж е ц! л и ц е м е р! о б м а н щ и к!”*»[99] В искренней, открытой, доверительной дружбе, естественно, ожидали постоянства и верности. “Ни отсутствие, ни расстояние не могут разлучать с вами избранных друзей ⟨…⟩, что касается до меня, я охотно поддаюсь вашему очарованию и с удовольствием готова носить мои узы”[100], – писала Е.Р. Дашкова своей английской подруге Елизавете Беклей. А.М. Кутузов признавался И.П. Тургеневу: “Зная тебя, дражайший, милый друг, знаю, что твое нежное чувствительное сердце и единый раз тобою дарованная (хотя, может быть, и не по достоинствам) дружба не зависят от обстоятельств и не подвержены переменам, и для того говорю я тебе прямо обыкновенным моим языком”[101]. Д.И. Фонвизин убеждал сестру: “Сверх того, я уверен, что он будет мне другом всегда, сделается ль дело или нет”[102].

Наконец, авторы писем с дружескими отношениями связывали “чувствительность”, т.е. способность к “искреннему участию, разумению друг друга, участию в горестях и судьбе друзей моих”, сопереживание, сострадание, способность к той направленности на близкого человека, которая приносила “яснейшее познание дружества”[103]. В.В. Капнист писал Г.Р. Державину: “Ежели когда-нибудь, любезный друг, вы верили, что я вас люблю, то по-

---

[98] С.Р. Воронцов – А.Р. Воронцову. Без даты (Русский архив. 1879. Кн. I, № 1–4. С. 320).

[99] Н.М. Карамзин – И.И. Дмитриеву. 1795 г., сентябрь (*Грот Я.К., Пекарский П.П.* Письма Н.М. Карамзина к И.И. Дмитриеву. С. 59 (основной текст)).

[100] Е.Р. Дашкова – герцогине Беклей (Записки княгини Е.Р. Дашковой, писанные ею самой. Лондон, 1859. С. 345).

[101] А.М. Кутузов – И.П. Тургеневу. 1797 г., сентябрь (*Лотман Ю.М., Фурсенко В.В.* “Сочувственник” А.Н. Радищева А.М. Кутузов. С. 323).

[102] Д.И. Фонвизин – сестре. 1764 г., февраль (*Фонвизин Д.И.* Собр. соч. Т. 2. С. 334).

[103] См.: В.В. Капнист – В.Л. Боровиковскому. 1785 г., август (*Капнист В.В.* Собр. соч. Т. 2. С. 283); Н.М. Карамзин – И.И. Дмитриеву. 1790 г., июнь (*Грот Я.К., Пекарский П.П.* Письма Н.М. Карамзина к И.И. Дмитриеву. С. 14 (основной текст)); М.Н. Муравьев – сестре. 1778 г., январь (Письма русских писателей... С. 341); А.М. Кутузов – И.П. Тургеневу. 1782 г., сентябрь (*Лотман Ю.М., Фурсенко В.В.* “Сочувственник” А.Н. Радищева А.М. Кутузов. С. 301); А.С. Шишков – неизвестному адресату. 1776 г., август (Русская старина. 1897. Т. 90: Май. С. 417).

верьте теперь без моих изъявлений, сколько ваше состояние меня раздирает. Многого я лишился: но ваши лишения чувствительны мне отлично"[104]. А.И. Бибиков признавался Д.И. Фонвизину: "Ты, мой друг, читая это, подумаешь: на что де он ко мне пишет? ведь я помочь не могу. – Но облегчительно и то, когда можно, как говорится, сдать с души другу то, что нас угнетает"[105]. "Благодарю тебя, што ты по своим чувствам и о моих рассуждаешь. В дружбе иначе оное и быть не может"[106], – писал А.Г. Орлов М.С. Рожину.

"Чувствительность" оказалась не просто качеством личности, вызывающим симпатии авторов писем, а важнейшей этической нормой человеческих отношений. Показательно, что в привлеченном эпистолярном комплексе не зафиксировано требование единства мыслей в качестве непреложного нравственного императива дружеских связей. "Склонности и сходство нравов соединили нас так много, что произошло оттуда истинное дружество"[107], – писал Д.И. Фонвизин сестре о своем друге В.А. Аргамакове, которому суждено будет стать зятем драматурга. Духовную близость "сродственных душ" не могли поколебать идеологические противоречия и даже непримиримость политических позиций. Волнующая и глубоко трогающая история отношений А.М. Кутузова и А.Н. Радищева убеждает, что единственно прочной основой их привязанности было эмоционально-психологическое единство, "чувствительное сердце", которое "чувствует то, что я чувствую"[108]. А.М. Кутузов писал Е.И. Голенищевой-Кутузовой: "Вы, думаю, наслышались от меня о Радищеве, который был со мною вместе пажем, в Лейпциге и в сенате, с которым я был 14 лет в одной комнате. Нравы наши и характеры были довольно сходны, так что, взяв сие вкупе, составило между нами довольно тесную дружбу ⟨…⟩. Невзирая, что во время нашей разлуки образ наших мыслей сделался весьма различен, однако ж

---

[104] В.В. Капнист – Г.Р. Державину. 1789 г., май (*Капнист В.В.* Собр. соч. Т. 2. С. 347).

[105] А.И. Бибиков – Д.И. Фонвизину. 1773 г., август (*Бибиков А.А.* Записки о жизни и службе Александра Ильича Бибикова. М., 1865. С. 75, прил.).

[106] А.Г. Орлов – М.С. Рожину. 1797 г., июнь (Архив села Михайловского. СПб., 1898. Т. 1. С. 18).

[107] Д.И. Фонвизин – сестре. 1764 г., январь (*Фонвизин Д.И.* Собр. соч. Т. 2. С. 330).

[108] См.: М.Н. Муравьев – сестре. Без даты (Письма русских писателей... С. 360); см. также: А.М. Кутузов – И.П. Тургеневу. 1782 г., октябрь (*Лотман Ю.М., Фурсенко В.В.* "Сочувственник" А.Н. Радищева А.М. Кутузов. С. 302).

мы спорили, но тем более друг друга любили, ибо оба видели ясно, что разность находилась в наших головах, а не в сердце". Пройдет несколько лет и А.Н. Радищев посвятит своему другу "Житие Федора Васильевича Ушакова" и крамольное "Путешествие из Петербурга в Москву", которое начнет словами: "Что бы разум и сердце произвесть ни захотели, тебе оно, о сочувственник мой! посвящено да будет; хотя мнения мои о многих вещах различествуют с твоими, но сердце твое бьет моему согласно, и ты мой друг"[109]. А.М. Кутузов сохранит гордую верность опальному другу, хотя так никогда и не сможет принять идеи покушения на императорскую власть.

Данная концепция дружбы была генетически связана с идеалами сентиментализма и сенсуализма, провозглашавшего примат чувства над разумом, рациональностью, логикой, о котором А.М. Кутузов писал: "Впечатления приносятся пред судилище р а з у м а, сие прилежно свое мнение препровождает выше, к у м у и с о в е с т и. Сии, учинив то же, отправляют в судилище с е р д ц а и в о л и. Здесь уже полагается окончательное решение"[110]. Н.И. Новиков просил Д.П. Рунича: "…Войдите не разумом, но сердцем в горестное мое состояние, оно иное скажет нежели разум"[111]. На этот нравственный канон дружбы, предполагающей эмоциональную близость, но вовсе не единство политических позиций, повлияли и общие процессы развития сознания дворянской интеллектуальной знати, в частности социально-психологическая сущность фрондерских настроений. Оппозиция в среде образованной элиты еще только зарождалась, была гетерогенна по своему социальному составу и отличалась повышенной эмоциональностью, негативно-критической направленностью, концептуальной размытостью и периферийностью позитивной сферы. Дворянскую фронду сближала общность психологической первопричины, заключающейся в усложнении и эмансипации человеческой индивидуальности, единый объект недовольства в лице придворного окружения самовластного правителя, сходные области нефункционального включения личности. На фоне идентичного эмоционального настроя при отсутствии

---

[109] А.М. Кутузов – Е.И. Голенищевой-Кутузовой. 1790 г., декабрь (*Барсков Я.Л.* Переписка московских масонов... С. 65); "О повреждении нравов в России" князя М. Щербатова и "Путешествие" А. Радищева: Факсим. переизд. М., 1984. С. 107.

[110] А.М. Кутузов – И.П. Тургеневу. 1788 г., ноябрь (*Лотман Ю.М., Фурсенко В.В.* "Сочувственник" А.Н. Радищева А.М. Кутузов. С. 320).

[111] Н.И. Новиков – Д.П. Руничу. 1813 г., декабрь (Письма Н.И. Новикова. С. 173).

идейного размежевания, которое проявится лишь в XIX в., различные оттенки мнений казались чем-то второстепенным и несущественным. Социально-психологическая фронда еще далеко не исчерпала своих возможностей, она была в самом начале пути и не только не расколола дворянство, но даже не вышла за пределы сознания отдельной личности. Этот факт объясняет зафиксированное в переписке столь широкое, но не глубокое распространение фрондерских настроений, которые обеспечивали резерв сближения в среде элиты.

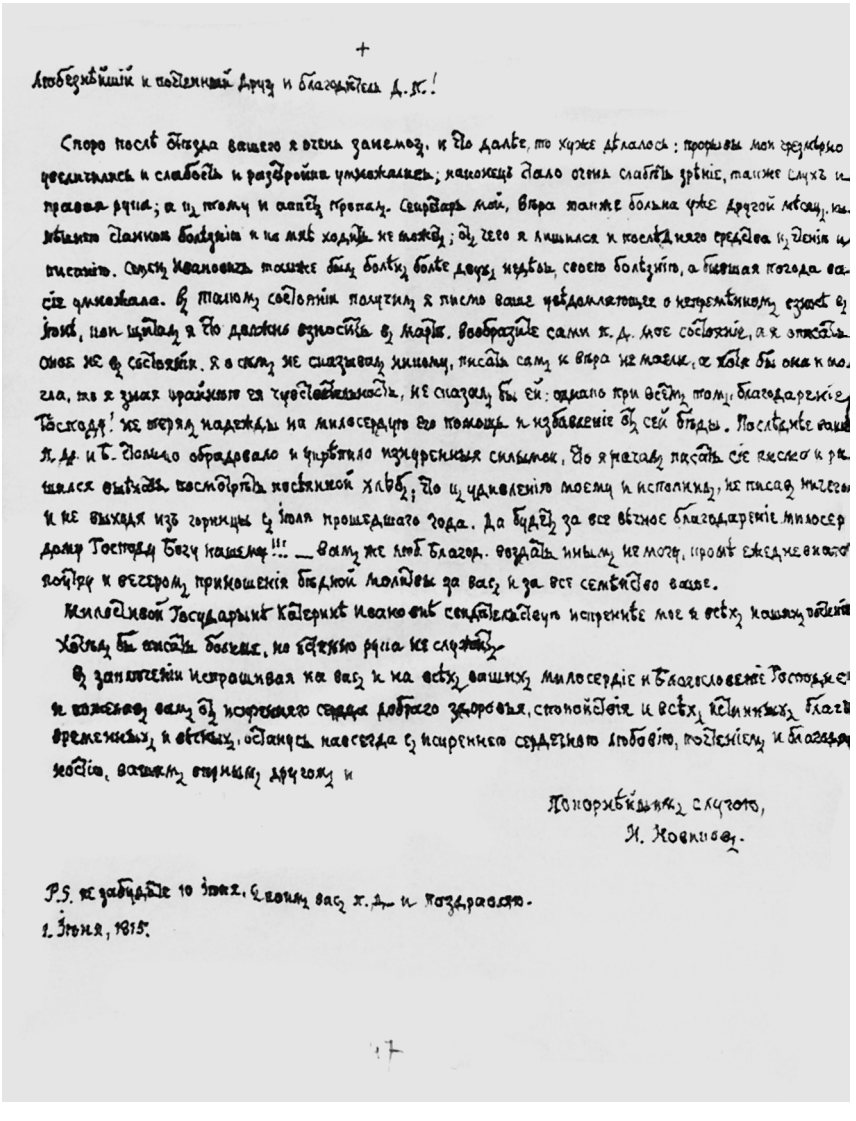
Собственно, сам привлеченный к работе эпистолярный комплекс воссоздает достаточно интересную картину отношений между авторами писем. Выяснилось, что дружеские контакты связывали Безбородко и Львова, Бецкого и Княжнина, А.Р. Воронцова и Радищева, Фонвизина и братьев Паниных и т.д. Интенсивное духовное общение объединяло в дружеский круг Державина, Львова, Хемницера, Капниста, Карамзина, Дмитриева, Муравьева, Боровиковского. Общность эмоциональных состояний, морально-этических позиций сплачивала Новикова, Кутузова, Гамалею, Тургенева, Лопухина, Трубецкого, Ржевского. Подобная группировка авторов писем дает возможность сделать два вывода: во-первых, о существовании духовно близких отношений между крупнейшими сановниками и формирующейся дворянской интеллигенцией и, во-вторых, о спонтанном возникновении в среде образованной элиты неформальных дружеских объединений.

Совершенно неожиданные для служебной иерархии и господствующего духа придворной конкуренции человеческие контакты вельможной олигархии и "неважных в чиновном свете людей"[112] основывались на личностной привязанности и порой интуитивной оценке одаренной натуры незнатного дворянина. А.А. Безбородко лично рекомендовал императрице молодого архитектора Н.А. Львова; И.И. Бецкой дал возможность заниматься российской словесностью гонимому Я.Б. Княжнину, а Е.Р. Дашкова, рискуя собственным благополучием, опубликовала его пьесу "Вадим Новгородский" уже после смерти автора; А.Р. Воронцов, которому "Радищев издавна не токмо был знаком", но и любим[113], всеми силами поддерживал ссыльного писателя. Ф.В. Ростопчин направил освобожденному из заключения Н.И. Новикову такие строки: "…Весьма с давнего времени почи-

---

[112] См.: Н.М. Карамзин – А.И. Вяземскому. 1796 г., октябрь (Русский архив. 1872. Кн. II, № 7–12. С. 1324).

[113] См.: А.Р. Воронцов – тверскому губернатору Г.М. Осипову. 1790 г., сентябрь (Архив князя Воронцова. Кн. 5, ч. 1. С. 397).



+

Любезнѣйшій и паче нужный другъ и благодѣтель Д.П.!

Споро послѣ отъѣзда вашего я очень занемогъ, и по далѣе, то хуже дѣлалось: прорывы мои кровавые усилились и слабость и разстройка умножались; наконецъ стало очень слабѣть зрѣніе, также слухъ и правая рука; а у кого и ногъ не отнялъ. Секретарь мой, вѣра тоже больна уже другой мѣсяцъ, и лѣвая сторона болитъ и не мнѣ ходить не можетъ; отъ того я лишился и послѣдняго средства и денегъ и писать. Слухъ Ивановъ тоже былъ болѣе болѣе двухъ недѣль, своею болѣзнію, а бывшая погода васъ отмѣнила. Въ такомъ состояніи получилъ я письмо ваше, увѣдомляющее о непремѣнномъ отъѣздѣ вашемъ, и что щедрость я по данному отношенію въ маріи. Вообразите сами Д.П. мое состояніе, а я опишу оное не въ состояніи. Я и самъ не сказываю никому, писать самъ и вѣра не можетъ, а хотѣ бы она и могла, но я умолкъ крайняго за чувствительность, не сказалъ бы ей: однако при всемъ томъ, благодарю Господа! не теряю надежды на милосердіе его помощь и избавленіе отъ сей бѣды. Послѣднее ваше Д.П. и Б. Помощь обрадовало и чувствительно изнурскихъ силъ моихъ, но я начавъ писать сіе письмо и рѣшился выписать посмотрѣть костяной хлѣбъ; по и удаленію моему и исполнилъ, не писавъ писемъ и не выходя изъ горницы съ іюля прошедшаго года. Да будетъ за все вѣчное благодареніе милосердому Господу Богу нашему!!! — Вамъ же моя благод. воздать инымъ не могу, кромѣ ежедневнаго моленія и всегдашнихъ прикошеній бѣдной молитвы за васъ и за все семейство ваше.

Милостивой Государынѣ Катеринѣ Ивановнѣ сердечнѣйшее мое и всѣхъ нашихъ почтеніе. Хотѣлъ бы писать болѣе, но нѣтъ руки не служитъ.

Въ заключеніи испрашивая на васъ и на всѣхъ вашихъ милосердіе и благословеніе Господне и конецъ вамъ отъ искренняго сердца добраго здоровья, спокойствія и всѣхъ нынѣшнихъ благъ временныхъ и вѣчныхъ, останусь навсегда съ искренно сердечною любовію, почтеніемъ и благодарностію вашимъ старымъ другомъ и

покорнѣйшимъ слугою,
Н. Новиковъ.

P.S. не забудьте 10 іюня, день мой ангельскій поздравить.
1 іюня, 1815.

Письмо Н.И. Новикова Д.П. Руничу. 1815 г., июнь. Автограф

тание мое к Особе Вашей твердо основано было на известных мне правилах Ваших и рвении образовать столь нужное просвещение и нравственность в отечестве нашем ⟨…⟩. Вы претерпели обыкновенные гонения, коим превосходные умы и души подвержены бывают, и лучшие намерения Ваши обращены были ядом зависти в дурные, но Провидение, оставя злым раскаяние и стыд,

наградило Вас спокойствием души и памятию жизни добродетельной”[114]. Подобные связи были небезопасны, по крайней мере, не поощрялись императрицей. Неслучайно Н.А. Львов писал Г.Р. Державину об А.А. Безбородко: “…хорошие же отзывы произведены были моим одним приятелем, которого имя не для почты”[115].

Личность дворянина раскрывалась в несанкционированном духовном общении, происходящем на периферии действия традиционных стереотипов, где существовала реальная социально-психологическая возможность для возникновения такого своеобразного явления, как дружеские группы. Жанровые зарисовки интимной переписки воссоздают смех, шутки, разговоры, быт, общую атмосферу этих сообществ молодых литераторов, которых сплачивала любовь к поэзии, искусству, театру, сходный психологический настрой. Авторы писем определяют такие объединения как “дружеский кружок”, “люди, составляющие вашу беседу”, “старые знакомые”, “особы, которых я почитаю”, “нескучное общество”, “тех, кого люблю”[116]. Совместное “чтение, приближающее души”, домашний театр, “вечерние часы в доме, приятном для Муз и Граций, философов и светских людей”, “разговоры, занимательные для сердца и ума”, обсуждение книг и собственных литературных произведений составляли опоэтизированный быт и внутреннюю жизнь дружеских кружков[117]. «Я нынешний вечер еду, по приглашению Ник[олая] Ал[ександровича]

---

[114] Ф.В. Ростопчин – Н.И. Новикову. 1804 г., март (*Модзалевский Б.А.* К биографии Новикова. Письма его к Лабзину, Чеботареву и др., 1797–1815. СПб., 1913. С. 48).

[115] Н.А. Львов – Г.Р. Державину. 1789 г., январь (*Грот Я.К.* Сочинения Державина. Т. 5. С. 740).

[116] См.: В.В. Капнист – брату и жене. 1796 г., март (*Капнист В.В.* Собр. соч. Т. 2. С. 423); Н.А. Львов – С.Р. Воронцову. 1784 г., май (Архив князя Воронцова. Кн. 32. С. 500); М.Н. Муравьев – отцу. 1777 г., сентябрь (Письма русских писателей... С. 297–298); Н.М. Карамзин – И.И. Дмитриеву. 1795 г., август (*Грот Я.К., Пекарский П.П.* Письма Н.М. Карамзина к И.И. Дмитриеву. С. 57 (основной текст)); и др.

[117] См.: В.В. Капнист – брату и жене. 1796 г., март (*Капнист В.В.* Собр. соч. Т. 2. С. 423); Н.А. Львов – С. Р. Воронцову. 1784 г., май (Архив князя Воронцова. М., 1886. Кн. 32. С. 500); М.Н. Муравьев – отцу. 1777 г., сентябрь (Письма русских писателей... С. 297); М.Н. Муравьев – отцу. 1777 г., сентябрь (Там же. С. 298); Н.М. Карамзин – И.И. Дмитриеву. 1795 г., август (*Грот Я.К., Пекарский П.П.* Письма Н.М. Карамзина к И.И. Дмитриеву. С. 57 (основной текст)); М.Н. Муравьев – сестре. 1777 г., декабрь (Письма русских писателей... С. 329); Н.М. Карамзин – А.И. Вяземскому. 1796 г., октябрь (Русский архив. 1872. Кн. II, № 7–12. С. 1326–1327); Н.М. Карамзин – А.И. Вяземскому. 1796 г., октябрь (Там же. С. 1327).

Львова, в дом Бакунина, где собравшееся общество будут играть комедию и опера-комик. Комедия будет "Игрок" г. Реньяра, в которой Николай Александрович будет играть отца»[118], – писал М.Н. Муравьев отцу и сестре. В.В. Капнист писал жене, что его друзья редко изменяют "обыкновению до двух часов пополуночи побеседовать, подурачиться, поболтать и провести время в дружеских излияниях"[119]. Российская словесность наполнила интеллектуальным содержанием общение членов кружка Н.А. Львова. И.И. Хемницер не выпускал в свет ни одной басни без одобрения друзей. В рукописях Г.Р. Державина были обнаружены поправки Н.А. Львова и В.В. Капниста. Н.А. Львов готовил рисунки для иллюстрирования произведений Г.Р. Державина и И.И. Хемницера[120]. Друзья активно переписывались в стихах, сообщали о своих новых сочинениях. Человеческая близость и доверительные отношения допускали прочтение писем всем кружком; копии, а иногда и оригиналы, пересылались друзьям. "Вы радуетесь, что я начал пользоваться спокойною и приятною жизнию, то вместо моего на сие ответа, потрудитесь прочесть несколько начальных строк письма моего к Александру Ивановичу"[121], – писал Н.М. Карамзин И.И. Дмитриеву о своем послании к сыну друга, известного масона И.П. Тургенева.

Смысл отношений в подобных группах сводился не просто к совместным вечеринкам и празднествам, лихой гусарской браваде, не к салонному общению порой совершенно чуждых друг другу людей, отягченных бременем элитарности, а заключался скорее в духовном братстве. О таком союзе избранных писал современник авторов писем, собеседник Н.М. Карамзина, немецкий философ Х.К. Виланд: существует род людей, "которые без всякого договора между собой, без орденских отличий, не будучи связанными ни ложей, ни клятвами, составляют своеобразное *братство,* объединенное прочней, чем какой-нибудь орден в мире ⟨…⟩. Их дружба не требует времени, чтобы укрепиться, она не нуждается в испытаниях. Она основывается на самом необходимом из всех законов природы – на необходимости любить себя в

---

[118] М.Н. Муравьев – отцу. 1777 г., декабрь (Письма русских писателей... С. 328).

[119] В.В. Капнист – жене. 1788 г., февраль (*Капнист В.В.* Собр. соч. Т. 2. С. 311).

[120] См. об этом: Неизданные стихи Н.А. Львова // Литературное наследство. 1933. № 9–10. С. 267; *Грот Я.К.* Сочинения Державина. Т. 1, ч. 1. С. 513; *Он же.* Сочинения и письма Хемницера. С. 49.

[121] Н.М. Карамзин – И.И. Дмитриеву. [1787 г.] (*Грот Я.К., Пекарский П.П.* Письма Н.М. Карамзина к И.И. Дмитриеву. С. 1 (основной текст)).

том человеке, который духовно ближе всего к нам самим"[122]. Действительно, основой консолидации дружеских кружков была не политика, не религия, не литература, а духовно-психологическая общность. Дружеские группы возникали без определенной идеологической программы и какой бы то ни было организованности. Эти своеобразные клубы вольномыслящих интеллектуалов не культивировали свое нравственное превосходство, но, в сущности, отличались духовным избранничеством. Интеллектуальная элита, объединявшаяся в дружеские кружки, отличала себя и от "людей, сторонних сердцу", от "друзей моего благополучия", а не "собственно моих", и от дворянской массы, которая "лучше чувствует разницу между хорошо и дурно процеженной горилкой, чем между хорошими и дурными стихами"[123].

Письма доносят стилистику общения и сложную ткань устной речи, звучавшей в среде дворянской элиты второй половины XVIII в. Острословие и афористичность фразы были не просто индивидуальными качествами балагуров, счастливо наделенных чувством юмора. Изысканная легкость разговора становилась концепцией поведения, затронувшей даже унылую чиновную бюрократию. Искушенный Львов знал, какой эффект на образованного сановника может произвести удачная шутка, мастерством которой он владел в совершенстве. "Ты говоришь, – писал Хемницер Львову, – для чего я иногда в письмах моих к сим господам кстати пристойно не подшучу? Друг мой, ты знаешь, что я только *я* с друзьями моими быть могу; а где не друзья мои, там уж от меня толку не жди: где каждое слово на вески класть надобно, тут, сам ты знаешь, шутить не ловко: да ничего и на ум не припадет"[124]. Однако Хемницер, первоначально намеревавшийся посвятить свое первое издание П.В. Бакунину, приписал в так и не дошедшем до вельможи стихотворении "К басням моим приношение впредь": "Давно мне хочется вам угодить, милостивый государь. Вы меня принимали всегда так милостиво; все, кои тем же самым приемом пользуются, по крайней мере угождают вам остротою своих разговоров, ⟨…⟩ я никак не способен беседу вашу увеселить. Но, чтобы хоть сколько-нибудь вам угодить и милость

---

[122] Цит. по: *Лотман Ю.М.* Сотворение Карамзина. С. 62.

[123] См.: В.В. Капнист – жене. 1793 г., январь (*Капнист В.В.* Собр. соч. Т. 2. С. 362); И.И. Шувалов – П.И. Голицыной. 1763 г., сентябрь (Московитянин. 1845. Ч. V, № 10. Октябрь, отд. 1. С. 144); В.В. Капнист – Н.М. Карамзину. 1797 г., июль (*Капнист В.В.* Собр. соч. Т. 2. С. 438).

[124] И.И. Хемницер – Н.А. Львову. 1783 г., январь (*Грот Я.К.* Сочинения и письма Хемницера. С. 77).

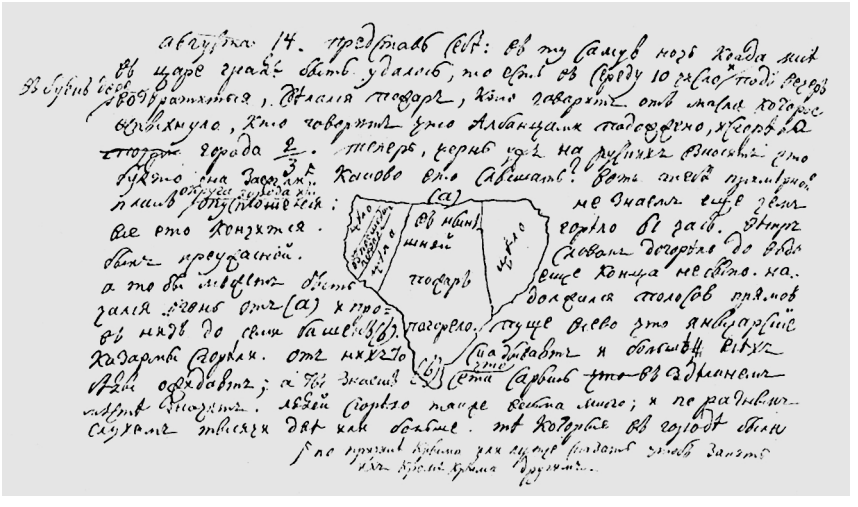
вашу заслужить, так я нашлю на вас басен моих”[125]. Не слишком ловкий на слово с придворными Хемницер абсолютно не страдал косноязычием в приятельской беседе и в письмах к друзьям. Он не упускал ни каламбуров, ни игры на смысловых и стилистических контрастах, ни маркировки слов. «Сказал бы я тебе “здравствуй”, “с новым годом”; да ты не любишь поздравлений; и так нет тебе ничего. А здравствуйте вы, сударыня Марья Алексеевна! Здравствовать право нужно: этот рецепт между прочим хорош и для тех, кто на желчь жалуется: перескажите пожалуйте, сударыня, это Николаю Александровичу – или быть уж так, добро, поговорить самому с ним ⟨…⟩. Желчь твоя или горечь, хоть бы камень ей на шею ⟨…⟩. Однако я бы тебе советовал пожаловать лекарств больше не принимать, чтоб не сделать из себя аптеки». Естественно, друзья не могли не обыграть названия города Смирна, куда баснописец был направлен в качестве российского консула. “Не очень у нас смирно, говорят у вас? и у нас тоже говорят”, – сообщал Хемницер Львову. “Радуюсь, что наш друг уже в Смирне; желаю искренно, чтоб там все смирно было и со стороны Едикуля, и со стороны чумы”[126], – писал ему же Капнист.

И.Б. Лампи (Старший).
Портрет И.И. Хемницера

Тонкая шутка, понятная иногда только в узком кругу избранных, порождала чувство принадлежности к особой корпорации и возвышала над непосвященными, вездесущим государственным началом и даже обстоятельствами. Сопутствующая юмору ересь свободного духа провоцировала друзей на конфликтное пересе-

[125] *Хемницер И.И.* Басни и сказки // *Грот Я.К.* Сочинения и письма Хемницера. С. 112.

[126] См. письма И.И. Хемницера Н.А. Львову и М.А. Дьяковой (Там же. С. 66–67, 73, 85); В.В. Капнист – Н.А. Львову. 1782 г., декабрь (Там же. С. 85).



Письмо И.И. Хемницера Н.А. Львову. 14 августа 1782 г. Смирна. Фрагмент

чение торжественного стиля и разговорной стихии приятелей-литераторов, что снижало патетику величественного официоза. Так, триумфальная сцена встречи российского консула в турецком городе Смирна действительно вызвала у Хемницера горделивое чувство причастности к имперскому могуществу, но ироничный голос интеллектуала-фрондера, посмеивающегося и над важностью русской миссии, и над всей придворной дипломатией, тут же шепнул: "...по улицам смотреть зеленого осла кипит народу без числа". "Съехав в первой раз с яхты на берег, вся набережная покрыта была народом, собравшимся смотреть меня. Согрешил я тут, что вспомнил о собственных стихах", – иронизирует литератор. Львов подхватывает озорное сравнение и шлет "зеленому ослу" поклоны. Хемницер не остается в долгу и уже спустя несколько месяцев после прибытия в Смирну благодарит друга "за припев зеленому ослу счастья. Кабы да вашими устами мед пить!"[127]

Издевательства друзей над подьячими распространялись на всю имперскую канцелярию и жалкий неповоротливый язык чиновников. Выбивая обещанные деньги для российского консула, Львов вместо вразумительного ответа получил бессмысленный набор заскорузлых бюрократических штампов. «…Тебе превеликое ИБО сказали, спасибо тебе. Конечно, так, без *ибо* доказа-

[127] Письма И.И. Хемницера Н.А. Львову. 1782–1783 гг. (Там же. С. 62, 76).

тельства по канцел. делам привесть ни на что нельзя ⟨…⟩. Это “*ибо говорят они*”, как ты пишешь, меня на весь день рассмешило. Тут много и посторонних воображений столкнулось: представлял я себе и того, кто это *ибо* сказал для того только, чтоб соблюдению формы, по его мнению, больше силы придать»[128].

Д.Г. Левицкий.
Портрет М.А. Дьяковой. 1778 г.

Осознание элитарной замкнутости сквозило и в постоянном цитировании строк из собственных творений и произведений “всех наших”, и в нарочито грубоватом тоне, который могут позволить себе не просто близкие люди, а вольно обращающиеся с языком стилисты: “Видишь, что я теперь весел; а все от того, что ты меня рожей назвал ⟨…⟩. Что доношением моим довольны были, слава Богу: дай Бог и впредь угодить! Да только на тебя урода все не угода ...Помилуй государь раба своего! Тфу пропасть!” За полстолетия до саркастических монологов Чацкого они потешались над смешением французского с нижегородским, называли Львова, имевшего усадьбу под Торжком, “Mon cher Новоторжец” и даже употребляли острые французские словечки с Марией Алексеевной: “…Немножко пошло, особливо в письме к красавице, но по мне, на этот раз в высшей степени изящно ⟨…⟩. Извините, что я письмом моим на шалуна похож; ну да ведь не плакать же стать”[129].

Для просвещенных современников Чацкого и Онегина этот юмор покажется, конечно, простодушным и безыскусным острословием старика прошлого века, шутившего “отменно тонко и умно, но нынче несколько смешно”. Однако высокая культура светского разговора “без пошлых тем, без вечных истин, без пе-

[128] Там же. С. 78.
[129] Там же. С. 76, 89.

дантства" оттачивалась именно в *table-talk* "за полночь" и в письмах участников дружеских кружков, подобных кружку Львова–Державина–Капниста–Хемницера. Эти никак не санкционированные властью объединения литераторов, наряду с возникающими салонами и масонскими ложами, были теми нервными точками, через которые проходили невидимые, но мощные силовые линии самоопределяющейся культуры дворянства. Зреющее за раскованной, искрящейся юмором беседой внутреннее интеллектуальное напряжение вспыхнет в XIX веке онегинской строфой, каламбурами под горячий пунш и катастрофой Сенатской площади.

Дружеские группы в среде мыслящего меньшинства вовсе не были заговорческими организациями и даже не имели сознательно поддерживаемого оппозиционного пафоса. Однако объективное содержание данного явления представляло реальную угрозу идейно-культурной гегемонии чиновной олигархии, монополии просвещенного абсолютизма и в исторической перспективе имперскому самодержавию. В условиях, когда Екатерина II стремилась сосредоточить культурную и умственную жизнь при дворе, распространить на все ее сферы свое монаршее благоволение, формирование дружеских кружков, члены которых были объединены эмоционально-интеллектуальной близостью, а не единым порывом верноподданнической преданности, становилось вызовом политике императрицы. Независимое и неконтролируемое общение вольно или невольно умножало влияние и силу оппозиционных настроений образованной элиты. Устойчивость фрондерских взглядов дворянина зависела от социальной поддержки, чувства, что в своих оценках он не одинок, что его позицию разделяют другие. С этой точки зрения появление дружеских групп, интимных общностей, кружков обеспечивало своеобразный социально-психологический плацдарм для формирования новых альтернативных ценностей.

Заключение

Последний наказ императрицы

Российская цивилизация, преодолев закономерности геополитического развития, была создана на территориях с исключительно суровыми природными условиями изнурительным трудом земледельцев, мужеством тех же самых крестьян, по беспощадному рекрутскому жребию ставших солдатами, и "ревностной преданной службой" высшего сословия. "Россия, – пишет Л.В. Милов, – была на протяжении многих веков обществом с минимальным объемом совокупного прибавочного продукта", что "находится, казалось бы, в очевидном противоречии с выдающейся судьбой Русского государства, поднявшегося в конце XIV в. на борьбу с золотоордынским игом и, пройдя через жесточайшие испытания, к концу XVIII столетия ставшего одной из самых могущих держав Европы"[1]. Самодержавное государство, взяв на себя ведущую миссию во всех сферах жизни общества, мобилизовало бóльшую часть населения путем жестокого режима крепостничества и меньшую, элитарную часть – путем сложного механизма социального контроля и идеологического воздействия. Империя просуществовала два столетия, и после ее краха обнаружилось, что главным достоянием российской государственности весь мир с благоговейным восхищением признал русскую литературу, вечную "национальную гордость великороссов". Воплотившиеся в художественном слове страдания русского духа от Онегина до Ставрогина в действительности были лишь личностным воплощением и переживанием катаклизмов имперского периода: парадоксов XVIII столе-

[1] *Милов Л.В.* Великорусский пахарь и особенности российского исторического процесса. М., 1998. С. 417.

тия, переросших в противоречия XIX и катастрофу начала XX века.

XVIII век, начавшийся и практически завершившийся двумя великими правлениями, действительно может быть назван веком парадоксов или сосуществованием еще только зарождающихся конфликтов:

– Район исторического ядра русского государства, в высшей степени неблагоприятный для развития сельскохозяйственного производства, стал центром, вокруг которого сложилась огромная держава.

– Абсолютистское государство взяло на себя определяющую роль в политическом, экономическом и культурном развитии России, а крепостничество стало важнейшим механизмом политической организации общества.

– Преподнесенный Петру I титул императора не означал усиления высшей власти в стране: для своих подданных он оставался самодержцем и царем; новый титул призван был обслуживать возросшие амбиции России, прежде всего в сфере внешней политики, в то же время процесс секуляризации и ограничения прав церкви привел к сакрализации личности монарха.

– В российском государстве в самом униженном и угнетенном положении оказалась империообразующая нация – русское православное крестьянство центральных губерний.

– На протяжении XVIII столетия права и привилегии высшего сословия стремительно расширялись, а крепостническая зависимость, в которой находилась бóльшая часть населения, приобрела наиболее жесткие формы.

– Несмотря на отмену обязательного характера службы, дворянство по своим жизненным приоритетам оставалось служилым сословием, составляя одновременно политическую и культурную элиту общества.

– Именно в среде просвещенной аристократии начала формироваться духовная оппозиция просвещенной монархии.

Парадоксальность сложившихся в XVIII в. взаимоотношений самодержавия и знати скрывала в себе две важнейшие тенденции в развитии высшего сословия – формирование профессиональной бюрократии и возникновение интеллигенции. Эти два направления социальной эволюции достигнут своей зрелости лишь в первой половине XIX столетия, породив раскол дворянства и деформацию его союза с престолом. Начиная же с царствования Петра I абсолютизм на протяжении нескольких десятилетий из “служилых людей по отечеству” воспитывал господствующий класс “благородного российского дворянства”, который одновременно

должен был оставаться служилым сословием, наделенным особой привилегией "ревностной службы Его Императорскому Величеству". Иначе говоря, престол рассчитывал на беззаветную преданность созданного по высочайшему распоряжению слоя интеллектуальной и политической элиты – выдающихся полководцев, государственных деятелей, мыслителей, писателей. Неразрывная связь с образом императора чувства патриотизма и сословной чести, которая подтверждалась исключительно в сфере государственной службы, должна была, по мнению власти, блокировать олигархические притязания политической верхушки и мессианские устремления интеллектуалов.

Самодержавие предприняло чрезвычайные усилия в сфере воспитания и образования, иначе говоря, в "деле, плоды которого медлительны и которое чем бóльшую обещает пользу для потомства, тем бóльшего труда требует"[2]. Еще в начале XVIII в. "знание наук" было вменено в обязанность высшего сословия наравне с обязательной пожизненной службой на основе поэтапного прохождения всех чинов, начиная с низших. Первый император самолично распорядился опубликовать составленный Яковом Брюсом свод правил хорошего тона для российского шляхетства, получивший название "Юности честное зерцало или показание к житейскому обхождению". И хотя во второй половине столетия Екатерине уже не приходилось угрожать недорослям телесными наказаниями за "нерадивость в учении" и предостерегать дворянских детей от употребления пищи руками[3], тем не менее, государство продолжало считать себя главным наставником "благородного юношества". В именных и сенатских указах о развитии Кадетского корпуса, Воспитательного дома, Академии художеств, Московского университета, в Уставе народных училищ и прочих законодательных актах декларировалось, что "произведение новой породы подданных", "воспитание и порождение народа" "приемлет на себя Правительство"[4].

Разумеется, под "народом" понималось прежде всего "верноподданное" дворянство, поскольку, по мнению правительства, создание "третьего сословия" было делом далекого будущего:

---

[2] ПСЗ. Т. VI. № 2103. С. 568. 22 марта 1764.

[3] "Когда случится тебе с другими за столом сидеть, ⟨...⟩ руки твои да не лежат долго на тарелке, ногами везде не мотай, когда тебе пить, не утирай [рта] губ рукою, ⟨...⟩ не облизывай перстов, ⟨...⟩ над естию не чавкай как свинья и головы не чеши" (Юности честное зерцало. СПб., 1717. С. 40–42).

[4] См.: ПСЗ. Т. XXII. С. 38–43. 21 февраля 1784; Т. XXII. № 16421. С. 646–667. 5 августа 1786.

“Тщетно бы ласкали мы себя желанием вскоре завести *третий* или *средний* чин народа: существенное Государства состояние, великая оного обширность, малое в рассуждении оной число людей и прочее, являют... непреодолимые в том препятствия”[5]. Власть делала ставку на воспитание “российского благородного юношества”, а не на “создание гражданства”, что одинаково верно звучит и на политическом языке XVIII столетия, отождествляющего “горожан”, “граждан” и “третье сословие”, и с точки зрения современных представлений о так называемом “гражданском обществе”[6]. Правительство всячески поддерживало социальный престиж господствующего сословия, не забывая о поощрении сословного гонора у выходцев из семей “бедных офицеров и таких дворян, которые, пользуясь единым именем дворянства, не имеют способа воспитать своих детей”[7]. При этом перед престолом стояла задача – дать молодым людям из дворянства образование, “пристойное званию и породе” высшего сословия, и воспитать в них качества “истинного верноподданного”, которые бы позволили “отправлять великие государственные должности в военных, гражданских и политических делах”[8].

Следует отдать должное сложившимся к концу XVIII в. принципам воспитания “благородного юношества”, которые не сводились к одним лишь умозрительным заклинаниям о долге “истинных сынов отечества”, а представляли собой гибкую и продуманную систему воздействия на сознание молодого дворянина, хотя и не всегда легко реализуемую на практике. Однако к месту будет заметить, что известная утопичность свойственна всем методикам формирования приоритетов и ценностей у подрастающего поколения.

“Здравый смысл”, характерный в целом для правления Екатерины, обнаруживается и в наборе дисциплин, предназначенных для изучения. Так, неоднократно упоминалось, что, “поелику знание языков почитает[ся] путем, ведущим к желаемой цели, а не самой целью, до которой человек должен достигнуть: ...воспитание молодого человека не завис[ит] единственно от знания французского языка”. “Всякому хорошо воспитанному человеку необходимо нужно” “иметь охоту к чтению”, изучить “некоторые части словесных наук” – географию, политику, мораль, историю, а так-

---

[5] Там же. Т. XVII. № 12741. С. 988. 11 сентября 1766.

[6] В “Уставе народных училищ” неслучайно среди учеников выделяются “дворяне” и “граждане” (ПСЗ. Т. XXII. № 16421. С. 646–667. 5 августа 1786).

[7] Там же. Т. XXII. № 15934. С. 39. 21 февраля 1784.

[8] Там же. Т. XVII. № 12741. С. 959–988. 11 сентября 1766.

же владеть несколькими иностранными языками и уметь составить на них "письмо, реляцию и прошение". К тому же "чужестранные языки" надо было изучать "употреблением, нежели твержением грамматики". На "российском языке" дворянин обязан был "писать правильно и красноречиво", чтобы "разуметь" не только светские, но и "церковные книги". Кроме того, "прямым подданным" полагалось "знать должности согражданина, законы своего отечества и как себя вести пристойно". Наконец, элите высшего сословия, выпускникам Кадетского корпуса, предписывалось постигнуть арифметику, геометрию, экспериментальную физику и натуральную химию. Также, по мнению правительства, весьма обогатило бы "высокородных юношей" чтение работ Пуффендорфа "О должности человека и гражданина" и Локка "О воспитании благородного человека". Все эти глубокие познания молодые дворяне должны были постигнуть, а не бездумно заучить путем зубрежки, ибо "потеряны будут и труды, и время, если непрестанно читать и наизусть учить станут". Более того, резонно отмечалось, что успех образования и просвещения высшего сословия во многом определяется личностью преподавателя. Так в проектах по воспитанию "благородного юношества" возникла фигура идеального учителя[9].

Наставнику, как ни странно, полагалось прежде всего быть хорошим психологом, т.е. "иметь познание о свойствах душевных" и учить "юношество" "больше разговорами и рассуждениями, нежели заставляя беспрерывно сидеть над уроком". Более того, учитель должен был обладать известным артистизмом, исключающим "надутый вид и угрюмость", поскольку "педантство есть сущая пагуба воспитанию юношества вообще, а благородного особливо". Не менее важными представлялись правительству искренние патриотические чувства наставников молодых дворян. Резонно замечалось, что для "иностранных воспитателей Государство Российское не есть отечество, и трудятся [они] о пользе оного как бы посторонним образом", поэтому "надежнее... давать преимущество природным пред иностранными, хотя и отличные достоинства имеющими"[10].

Однако, несмотря на столь серьезное внимание к образованию "благородного юношества", правительство отдавало себе

---

[9] См.: Там же. Т. XVI. № 12103. С. 668–670. 22 марта 1764; Т. XVII. № 12741. С. 959–988. 11 сентября 1766; Т. XVII. № 15934. С. 39, 43. 21 февраля 1784.

[10] См.: Там же. Т. XVII. № 12741. С. 959–988. 11 сентября 1766; Т. XIX. № 13895. С. 610–611. 27 октября 1772; Т. XXII. № 15934. С. 39–43. 21 февраля 1784.

отчет в том, что "один только украшенный или просвещенный науками разум не делает еще доброго и прямого гражданина". Помимо традиционных догматов о "верной и ревностной преданности" престолу власть вольно или невольно рассчитывала на партнерство зрелой и самостоятельной личности и ожидала от политической элиты "более, нежели обыкновенной, привычки к службе"[11]. Тем не менее прогнозируемый результат подобной достаточно стройной и продуманной системы воспитания молодого человека, принадлежащего к привилегированному сословию, свободному от обязательной службы и телесных наказаний, отличался крайней противоречивостью. Власть надеялась получить "новую породу подданных", способных одновременно "повиноваться, т.е. не пересуждать никогда намерений своих начальников, и повелевать"[12]. Императрица хотела видеть в дворянине образованного человека, однако, задав в качестве обязательных целый перечень наук, так и не указала со всей определенностью, что же является истинным знанием, а что "странными мудрованиями". Представителю "вернолюбезнейшего благородного дворянства" следовало выполнять роль и "слуги", и "сына отечества".

Манипуляции с общественным сознанием действительно таят в себе огромные возможности и непредвиденные опасности. Оказалось, что так и не познанные закономерности развития личности не поддаются прямому социальному контролю, увенчивая все усилия власти совершенно неожиданными результатами. К концу своего правления Екатерина с горечью обнаружила, что военные победы являются делом более легким, чем борьба против "суеверий" и "странных книг". Во время следствия по делу Новикова она сетовала московскому обер-полицмейстеру Н.П. Архарову, что "всегда успевала управляться с турками, шведами и поляками, но к удивлению не может сладить с армейским поручиком"[13].

---

[11] См.: ПСЗ. Т. XVI. № 12103. С. 668–670. 22 марта 1764; Т. XXII. № 15934. С. 39. 21 февраля 1784. Показательно, что еще в 1764 г. Екатерина писала А.А. Вяземскому о необходимости "научить прокуроров, не опасаясь своих шефов", заботиться прежде всего о деле службы: "Трусость от Коллегии приводит их к упусканию должности и к ущербу моего политического и гражданского интереса" (РГАДА. Ф. 10. Оп. 3. Ед. хр. 464. Л. 54–54 об.).

[12] ПСЗ. Т. XVII. № 12741. С. 959–988. 11 сентября 1766.

[13] См.: Указ Екатерины II архиепископу Платону от 23 декабря 1785 г. // *Новиков Н.И.* Избранные сочинения. М.; Л., 1951. С. 579; Указ Екатерины II графу Я.А. Брюсу от 27 марта 1786 г. // Там же. С. 58; Русская старина. 1872. № 1. С. 146.

В XVIII столетии интеллектуалы еще ограничивались легким фрондерским недовольством, не выходящим за грани "дозволенной оппозиционности", что объясняется, в частности, молодостью культуры дворянского сословия, воспитанного и поставленного в исключительно привилегированное положение самой властью. Тогда первый поэт России, автор оды "Бог" Гавриил Державин мог служить секретарем императрицы – в следующем столетии было уже невозможно представить Пушкина в этой роли при дворе Николая I. Но еще в середине XVIII в. Екатерина, заметив симптомы разлада просвещенной элиты и престола, справедливо придала этой тенденции очень серьезное значение. Тончайшая политическая интуиция, как обычно, не обманула великую императрицу. В 1769 г. она писала: "Человек сначала зачинает чувствовать скуку и грусть, иногда от праздности, а иногда и от читания книг: зачнет жаловаться на все, что его окружает, а, наконец, и на всю вселенную. Как дойдет до сей степени, то уже болезнь возьмет всю свою силу и верх над рассудком. Больной вздумает строить замки на воздухе, все люди не так делают, и само правительство, как бы радетельно ни старалось, ничем не угождает. Они одни по их мыслям в состоянии подавать совет и все учреждать к лучшему. Иногда несколько их съезжалось вместе, но сие прежде сего весьма прибавляло им опасности"[14].

Когда специалисты по истории XVIII в. говорят о завещании императрицы, почему-то сразу встает проблема престолонаследия. Однако Екатерина готовилась передать не только власть – она оставляла потомкам громадную, усилившуюся за годы ее правления державу. По всей видимости, монархиня так и не составила развернутого наставления последующим поколениям – за нее это сделал в начале XIX в. французский историк Сильвен Марешаль[15]. В Отделе рукописей Российской национальной библиотеки хранится один из наиболее известных списков этой гениальной, на мой взгляд, фальсификации[16].

Думаю, русская императрица подписалась бы под словами французского историка, взявшего на себя смелость говорить от

---

[14] Всякая всячина. 15 декабря 1769 г. // *Новиков Н.И.* Избранные сочинения. С. 59. См. также: Собственноручная записка Екатерины I с персонажами "L'homme ennuyé" ("Скука скучающего") // РГАДА Ф. 10. Оп. 2. Ед. хр. 76.

[15] См. детальное исследование текста, списков и истории "Завещания": *Лихоткин Г.А.* Сильвен Марешаль и "Завещание Екатерины II": К истории одной литературной мистификации. Л., 1974.

[16] Добрые и последние наставления Екатерины II Павлу 1-му, найденные между бумагами императрицы российской после ее смерти (ОР РНБ. Ф. 178. Ед. хр. 79).

ее имени: “Народ, хорошо управляемый, не должен иметь иных мыслей кроме мыслей своего Царя. ⟨...⟩ Овладейте общим мнением, содержите его, так сказать, на своем коште. Умейте направлять его выгодным для вас образом, вы произведете чудеса, доколе оно будет за вас: особенно не выпускайте его выходить из своих пределов. ⟨...⟩ Горе вам, сын мой, ежели ваши подданные узнают, что можно безнаказанно нарушить уважение и послушание к Монарху! ⟨...⟩ Горе Царям слабым!”[17]

Однако легко было осознать необходимость контроля над общественным мнением, значительно сложнее оказалось осуществить его на практике, а в самодержавной России XVIII столетия с ее европеизированной элитой выполнение этой задачи вряд ли вообще представлялось возможным. Императрица довольно скоро с большой тревогой обнаружила в мыслях “вернолюбезного дворянства” “сущие заблуждения”, “суеверия”, “развращения”, “ложные умствования”, “праздность” и “соблазны”. Все это она назвала “странными мудрованиями” и решила, что проистекают они от “ввоза иностранных книг”, “свободы книгопечатания”, “заведения частных типографий”, “возмутительного французского духа” и возникновения “нелепых обществ, яко сущих расколов”, которые “отвращают людей слабых от... службы и других полезных упражнений”. Меры, которые предприняло правительство Екатерины, не имели ничего общего с борьбой за нужную направленность сознания подданных. Но настолько ясна была для дальновидных политиков угроза подрыва основ социального порядка, что они пошли на столь серьезные действия. По высочайшим указам в школы и училища направлялась ревизия для проверки преподавания “закона Божия по точности догматов православной Нашей веры”, закрывались частные типографии, а правительственным “светским типографиям” и книжным лавкам не разрешалось более продавать “молитвенники, не от Синода изданные”, те же издания, “кои найдутся противными закону Божию, Верховной власти или развращающими нравы”, следовало “подвергать сожжению”. В 1793 г. сношения с Францией, в том числе ввоз книг, журналов, “периодических сочинений”, прерывались, все французы, за исключением “тех, которые под присягою отрекутся от революционных правил”, высылались из России, а российским подданным запрещались поездки в страну, “распространяющую заразу по всей вселенной”, и общение с французами, “в буйстве пребывающими”. Частные приставы не должны были допускать “незаконное сходбище или скопище

[17] Там же. Л. 1–3.

людей", напротив, им следовало "заставлять [их] войти в свою стезю и разойтись по домам и жить покойно и безмятежно"[18].

Однако "спокойного и безмятежного существования" вряд ли можно было ожидать от фрондирующей элиты. Родившаяся мысль и возникшее чувство – не враждебная армия, и потому не могут быть уничтожены прямой атакой. Слова Сильвена Марешаля, выдававшиеся за последний "Наказ" Екатерины, оказались пророческими: "Я знаю писателей, я призывала их к себе, чтобы их видеть более вблизи. Страшитесь, чтобы они не составили царство среди царства. ⟨...⟩ Перо, дерзающее писать, нанесло более вреда в свете [и более всего правительствам], нежели пушки. Отдалите в Сибирь первого писателя, захотевшего выказать себя Государственным человеком"[19]. "Царство в царстве" создали именно русские писатели XIX в., дав миру великую литературу и, так или иначе, расшатав устои державы.

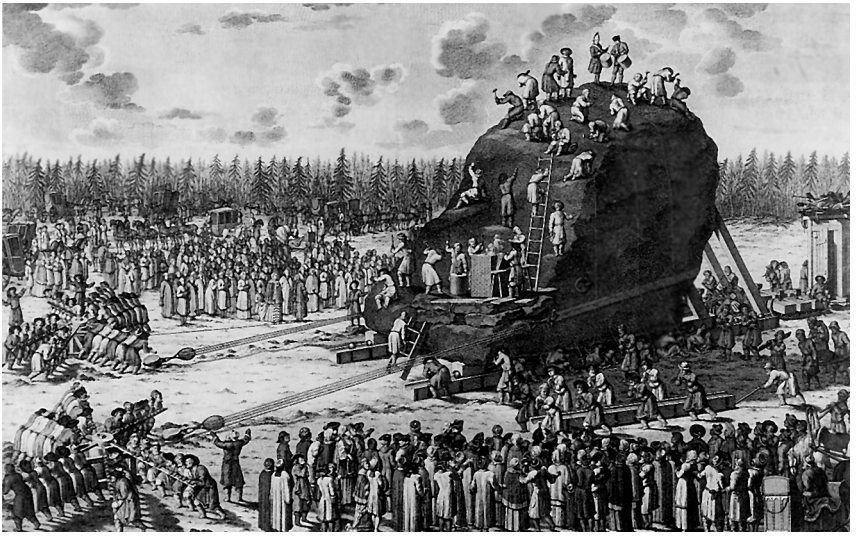
Своеобразным визуальным символом "Петербургского периода" русской истории стал памятник первому русскому императору, установленный по распоряжению Екатерины II, которая искренне считала свое правление достойным продолжением дела Великого Петра. Символическая фигура Медного всадника, как это часто бывает с гениальными творениями, своевольно вобрала в себя множество иных смыслов, далеких от парадных демонстраций успехов двух великих монархов. Гравюры XVIII столетия запечатлели не только торжественное открытие памятника, но и транспортировку будущего гранитного пьедестала усилиями сотен подневольных людей, чье напряжение может быть уподоблено жесткому режиму мобилизации, в котором жила страна на протяжении всего имперского периода. Пройдет несколько десятилетней, и создание Фальконе станет свидетелем главной драмы в истории дворянской элиты, а поэт изобразит у подножия "кумира на бронзовом коне" протестующего "частного человека", оставив для последующих поколений так и не решенным вопрос о цене величия державы.

Одна из драм России XVIII столетия, "пространной" евразийской империи, заключалась в том, что страна, вынужденная в си-

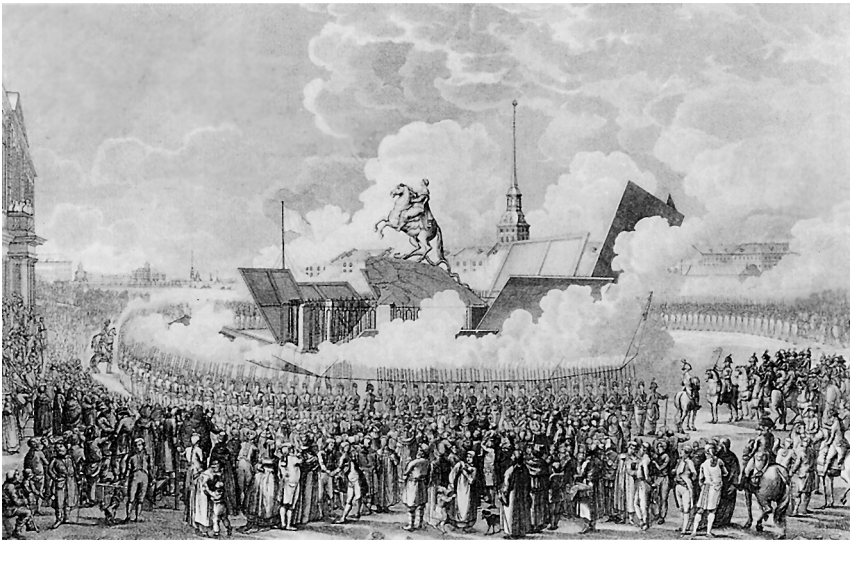
---

[18] См.: ПСЗ. Т. XXII. № 16275. С. 464–465. 7 октября 1785; Т. XXII. № 16362. С. 559–560. 27 марта 1786; Т. XXII. № 16561. С. 880–881. 8 августа 1787; Т. XXII. № 16564. С. 882–883. 17 августа 1787; Т. XXIII. № 16895. С. 163. 19 августа 1790; Т. XXIII. № 17101. С. 402–405. 8 февраля 1793; Т. XXIII. № 17149. С. 456–460. 2 сентября 1793; Т. XXIII. № 17508. С. 933–934. 16 сентября 1796; Указ Екатерины II князю А.А. Прозоровскому от 1 августа 1792 г. // *Лонгинов М.Н.* Новиков и московские мартинисты. М., 1867. С. 114–115 (прил.).

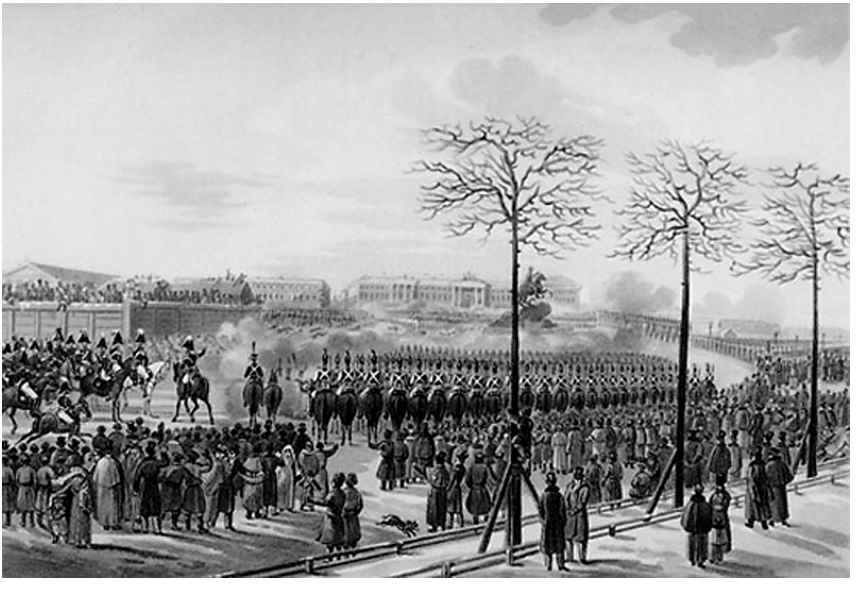
[19] ОР РНБ. Ф. 178. Ед. хр. 79. Л. 3.



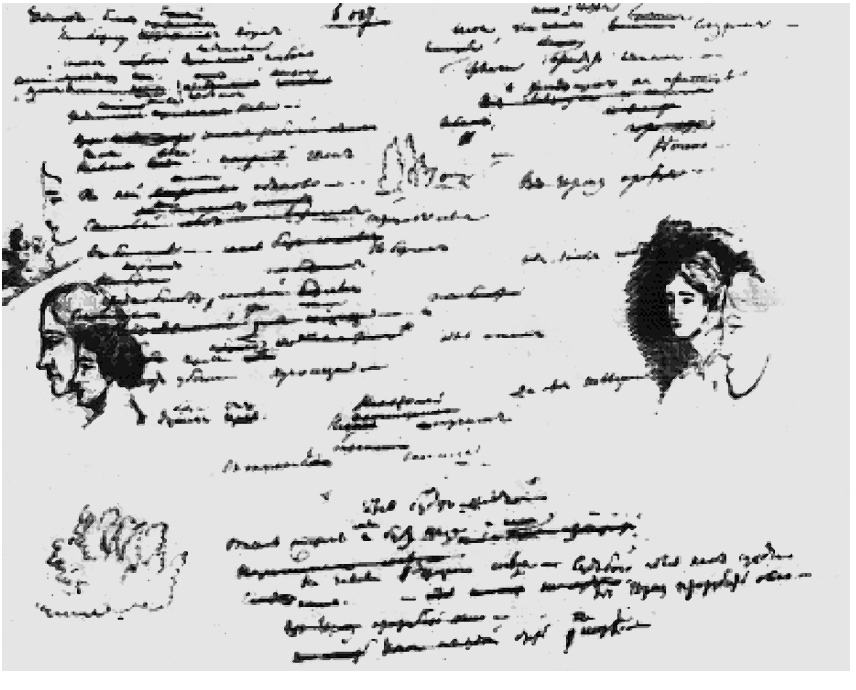
Я.-В. Шлей.
Вид гром-камня во время перевозки. 1770-е годы.
Гравюра по рисунку Ю.М. Фельтена 1770 (?) г.



А.К. Мельников.
Открытие памятника Петру I на Сенатской площади
в Петербурге. 1782 г. Гравюра по рисунку А.П. Давыдова.
Середина XIX в.



К.И. Кольман. 14 декабря 1825 года на Сенатской площади



Фрагмент черновой рукописи поэмы А.С. Пушкина “Медный всадник” с портретом Н.Н. Пушкиной. 1836 г.

лу природных условий существовать в режиме мобилизационной экономики, имела европейскую по образованию и ценностным предпочтениям элиту, которая восприняла пафос индивидуалистических ценностей Просвещения. Именно тогда для русского интеллектуала борьба за благо Отечества стала отождествляться с борьбой против власти. Столь болезненные в XIX столетии и столь риторические в наши дни вопросы “кто виноват?” и “что делать?” в действительности были лишь рефлексией образованной элиты, которая настойчиво искала баланс между свободой индивидуальности и достоинством подданного, постоянно нарушаемый жестокой логикой объективного развития российской государственности.

Указатель имен

Абрамов А. 56
Аврех А.Я. 14, 18, 19
Агеева О.Г. 8, 20, 103, 138, 148, 155–157
Айзенштадт Ш.Н. *см.* Eisenstadt S.N.
Акимов 335
Аксенов А.И. 8, 64, 355
Александр I 68, 92, 371, 456, 458
Александр Павлович, великий князь *см.* Александр I
Алексей, царевич 117, 118, 124, 126, 130, 132, 180
Алексей Михайлович 116, 255, 280
Алексей Петрович *см.* Алексей, царевич
Анисимов Е.В. 21, 25, 29, 30, 32–34, 40–41, 43, 123, 136, 168
Анна I, английская королева 151
Анна Леопольдовна 265
Анна Иоанновна 87
Антинг И.Ф. 197
Аполлова Н.Г. 267
Апраксин П. 34
Апраксин С.Ф. 95, 231, 232, 237, 406
Апраксин Ф.М. 35, 153–155, 261, 458
Аргамаков В.А. 315, 416
Арнаутов 333
Артемьева Т.В. 67
д'Артуа 316
Архаров Н.П. 432
Аткимнсон Дж.А. 295
Афанасьев А.А. 130
Ашин Г.К. 98

Бабич И.В. 168
Бабич М.В. 168
Баггер Х. 20, 22, 44, 183
Бакланова Н.А. 146, 151
Бакунин А.М. 354, 366, 368
Бакунин П.В. 325, 421, 422
Бантыш-Каменский Д.Н. 95
Бантыш-Каменский Н.Н. 95, 150, 155, 326, 335, 337, 350, 351, 377, 384, 394
Баранов Л.М. 8
Баранов П. 8
Барсков Я.Л. 101, 297, 339, 340, 379, 380, 386, 390, 393, 396, 397, 406, 417, 455
Барсуков А.П. 407
Баскаков В.Г. 254
Бассевич Г. 117, 123, 143, 147
Бахрушин С.В. 30
Безбородко А.А. 68, 69, 95, 188, 224, 231, 233, 234, 237, 238, 241, 243, 247, 304, 311, 314, 317, 322, 326, 328, 332, 336, 338, 340, 341, 344, 361, 369, 375, 400, 418, 420
Бекетов А.Н. 410
Бекетов П.П. 247, 249
Беккариа Ч. 271, 285
Беклей Е. 415
Белинский В.Г. 70, 71
Белоголовый Н.А. 365
Бельмонти Дж. 404
Белявский М.Т. 12, 64, 203
Беляев И.Д. 49
Беляева О.С. 169
Беме Я. 390
Берелович В. 61

Берхгольц Ф.В. 149, 158
Бессарабова Н.В. 275
Бестужев-Рюмин А.П. 53, 167, 185
Бецкой И.Е. 455
Бецкой И.И. 83, 90, 95, 162, 197, 202, 233, 262, 271, 291, 293, 297, 310, 341, 382–384, 405, 406, 418
Бибиков А.А. 297, 316, 320
Бибиков А.И. 95, 237, 243, 297, 316, 320, 343, 411, 416
Бильбасов В.А. 456
Бильфельд Я. 271, 285
Битяговская К. 83
Блюментрост Л.Л. 128
Бобринский А.Г. 338, 406
Богданович И.Ф. 351
Богословский М.М. 23, 28
Болотина Н.Ю. 8
Болдырев А.И. 64
Болховитинов Е. 95
Борисов 214
Боровиковский В.Л. 372, 415, 418
Борщов 116, 118
Брикнер А.Г. *см.* Brückner A.
Бродель Ф. 166
Брок 358
Брокгауз Ф.А. 95
Брюкнер А. *см.* Brückner A.
Брюс Я.А. 432
Брюс Я.В. 429
Брянчанинов 116, 118
Буганов В.И. 12, 32–34, 39, 60, 71
Будагов Р.А. 285
Бужинский Г. 133
Булгаков А.Я. 238, 250
Булгаков Я.И. 81, 95, 180, 231, 238, 250, 273, 311, 318, 320, 381
Булгар Е. 269
Бухович П. *см.* Bushkovitch P.
Быкова Т.А. 149
Бычкова М.Е. 33
Бюргер 197

Ваксель П.Л. 456
Валлерстайн И. *см.* Wallerstein I.
Василий III 149, 150
Васильев Н. 213
Васильчиков А.С. 316
Вачева А. 168
Вдовина Л.Н. 68
Вели де Ж.-Л. 179, 191
Велизарий 343
Венгеров С.А. 95
Вернадский Г.В. 204
Веселовский С.Б. 24
Виланд Х.К. 421
Виноградов В.Н. 169
Витворт Ч. *см.* Whitworth C.
Водарский Я.Е. 24, 33
Водопьянов Н. 378
Волков Д.В. 204
Волков С.С. 257, 259
Волконский С.Г. 365
Волконский С.М. 365
Волынский А.П. 286
Вольтер 69, 72, 78, 168, 170, 183, 184, 275
Вольф Х. 128
Воронцов А.Р. 69, 95, 161, 242, 247, 249, 262, 294, 329, 332, 341, 350, 361, 378, 406, 407, 415, 418
Воронцов И.И. 356
Воронцов М.И. 53, 95, 229, 249, 296, 311, 329, 332, 406, 407
Воронцов Р.И. 204, 232, 294, 338, 341, 369, 375
Воронцов С.Р. 69, 95, 234, 247, 262, 294, 311, 313–317, 320–322, 326–330, 332–334, 336, 338, 340, 341, 344–349, 367, 369, 391, 405, 414, 415, 420
Воскресенский Н.А. 22
Вульф Л. 66
Вюртемберг Фридрих Карл Александр фон *см.* Württemberg Friedrich Karl Alexander von
Вырубов П.И. 394
Вяземский А.А. 83, 220, 235, 237, 242–244, 278, 361, 382, 383, 432
Вяземский А.И. 161, 333, 378, 418, 420

Гаврилова Л.М. 169
Гай Светоний Транквилл 156, 162
Гамалея В.Г. 344
Гамалея Л.Г. 344
Гамалея С.И. 74, 95, 359, 366, 388, 389, 392, 393, 410, 418
Гамбург Г.М. *см.* Hamburg G.M.
Гаррис Дж. *см.* Harris J.
Гасс И.Б. 193
Геннади Г.Н. 95, 456
Герцен А.И. 62, 93, 168

Герье В.И. 142
Гика Г. 324
Гинзбург Л.Я. 136
Глебов А.И. 204
Глебов-Стрешнев Ф.И. 360
Глинский Б.Б. 68
Гогель Г.Г. 310, 334, 346, 382, 405
Гоголь Н.В. 252
Голенищева-Кутузова Е.И. 416, 417
Голицын А.М. 328, 331
Голицын В.Б. 261, 298
Голицын В.С. 162
Голицын Д.А. 69
Голицын Д. М. 320, 321
Голицын М.М. 343
Голицына П.И. 294, 355, 386, 408, 422
Головин Ф.А. 152
Головкин Г.И. 149–153, 157, 158
Гордон А.В. 90, 104, 105
Горский А.А. 258
Горчаков Н.И. 241
Готье Ю.В. 51
Градовский А.Д. 15, 16
Грацианский П.С. 64
Греч А.Н. 363
Грибоедов А.С. 19, 39, 368
Гриффитс Д. *см.* Griffiths D.
Гросул В.Я. 286
Грот Я.К. 237, 241, 294, 297, 325, 333–334, 337, 340, 344, 346, 347, 352, 355, 366, 369–371, 373, 375, 377, 378, 392–394, 410, 412–415, 420–423
Гудович И.В. 237
Гуковский Г.А. 60–63, 65, 67–69, 74–75, 143, 379
Гуревич М.М. 149
Гюйссен фон 144, 145

Давыдов М.А. 60, 230
Давыдов А.П. 436
Джафарова С. 8
Даль В.И. 96, 98, 257, 294, 398, 400, 405
Данилевский Н.Я. 186
Данилова Л.В. 9
Дашкова Е.Р. 66, 69, 95, 162, 200, 231, 232, 235, 237, 241, 244, 247, 249, 294, 296, 298, 311, 312, 316, 321, 322, 346, 361, 367, 376–378, 400, 415, 418, 457, 459
Демидов П.А. 65, 95, 230, 248, 250, 297, 388
Демидов П.Г. 381
Демидова Н.Ф. 30, 32–34
Державин Г.Р. 63, 68, 79, 95, 189, 190, 241, 294, 297, 302, 303, 312, 325, 327, 333, 334, 341, 343, 344, 347, 348, 351, 352, 366, 370, 371, 373–379, 387, 392, 410, 412, 413, 415, 416, 418, 420, 421, 426, 433
Державина Д.А. 372
Джафарова С. 8
Джентин А. *см.* Gentin A.
Джоунс Р. *см.* Jones R.E.
Дидро Д. 200, 298
Дитятин И.И. 56
Дмитриев И.И. 95, 247, 249, 312, 333, 337, 340, 346, 347, 351, 355, 366, 369, 371, 373, 375–380, 388, 392–394, 410, 412–415, 418, 420, 421
Долгова С.Р. 8
Долгорукий Г.Ф. 35
Долгоруков В.Л. 150–151
Долгоруков В.М. 357, 358
Долгоруков П.В. 95
Домашнев С.Г. 247
Донауров 244
Дружинина Е.И. 280
Дуров В.А. 458
Дуров Д.В. 458
Дьякова А.А. 405
Дьякова М.А. 423, 425

Евангулова О.С. 361
Евреинов Г.А. 56
Екатерина I 86, 124, 127, 137, 161, 180
Екатерина II 4, 6, 11, 18, 21, 23, 33, 46, 48–59, 62–68, 71, 74, 78, 80, 83, 85, 87–88, 90–92, 95, 101, 103, 109, 113, 135, 161, 162, 166–185, 188–192, 194–204, 208–213, 215, 218, 222, 223, 225, 226, 229–231, 233–235, 237, 244, 254, 256, 261, 262, 264, 265, 267, 269, 271, 273–282, 284–287, 291–293, 296, 299–303, 305, 307, 323, 324, 328, 329, 331, 332, 339, 342, 350, 358, 374–375, 377, 381, 387, 400, 408, 426, 430–435, 455–459
Екатерина Алексеевна *см.* Екатерина I
Екатерина Алексеевна, великая княгиня *см.* Екатерина II

Елагин И.П. 331, 373
Елизавета Петровна, императрица 61, 85, 87, 183, 204, 206, 211, 227, 229, 292, 296, 307, 320, 407, 408
Елисеева О.И. 8, 183, 188–190
Елпатьевский А.В. 21
Ермолов А.П. 230
Ерошкин Н.П. 30
Ерошкина А.Н. 60, 64, 33
Ефрон И.А. 95

Желябужский И.А. 116, 117, 121, 122, 128
Жезьер А.В. 95
Живов В.М. 61–63, 65, 67, 76, 137
Жилярди Д. 363
Жуковский В.А. 375

Забелла 237
Завадовский П.В. 95, 224, 234, 242, 243, 250, 311, 327, 328, 331, 337, 338, 343, 367, 369, 412
Зайончковский П.А. 95
Закревский А.О. 219
Западов А.В. 70
Западов В.А. 63, 298
Затрапезнов Д.И. 346
Захаров В.Н. 264
Зорин А. 190, 192
Зорич С.Г. 108, 319, 371
Зотов К.Н. 146
Зубов А.Н. 242
Зубов А.Ф. 134, 145
Зубов И.В. 160
Зубов П.А. 68, 330, 371

Иван III 140, 150, 258
Иван Грозный 148, 163,
Иваненко П. 215
Игельстром О.А. 273
Игнатов И.Н. 95
Иловайский Д. 118, 132
Индова Е.И. 23, 24
Инкелес А. *см.* Inkeles A.
Иоанн Антонович 265
Иоанн Златоуст 163
Иосиф I, император Священной Римской империи 152
Иосиф II, император Священной Римской империи 188, 327
Ираклий, царь Карти и Кахетии II 81
Истомина Э.Г. 8

Кавелин К.Д. 15
Казанчинский А.И. 191
Кайзеглинг 174
Каменский А.Б. 13, 20, 23, 31, 50, 57, 76, 115, 123, 136, 169
Капнист В.В. 95, 296, 302, 303, 315, 341, 351, 358, 366, 367, 370, 371, 374, 376, 388, 389, 398, 399, 405, 410, 412, 413, 415, 416, 418, 420–423, 426
Капнист Н. 83
Каподистрия И. 380
Каппелер А. *см.* Kappeler A.
Кар В.А. 237
Карабущенко Н.Б. 98
Карабущенко П.Л. 98
Карамзин Н.М. 49, 64, 69, 95, 305, 311, 312, 315, 333, 337, 340, 346, 347, 355, 366, 367, 369, 371, 373, 375–378, 380, 388, 389, 392–394, 410, 412–415, 418, 420–422
Карл VI, император Священной Римской империи 140, 150, 164
Карнович Е.П. 34, 153
Карл XI, король Швеции 135
Карл XII, король Швеции 131, 135
Карп С.Я. 8, 66
Карпец В.И. 42
Катыгулов 246
Кауфман И.М. 95
Кафенгауз Б.Б. 22
Каховский М.В. 231, 267, 272
Каштанов С.М. 284, 285
Кене Ф. 271
Кестнер И.К. 177
Кивельсон В. *см.* Kivelson V.
Кизеветтер А.А. 10, 11
Кинни Д. *см.* Kenney J.J.
Кислягина Л.Г. 64
Клейн И. *см.* Klein J.
Клеопатра 155
Ключевский В.О. 10, 11, 16, 22, 23, 29, 38, 48, 49, 52, 61, 65, 74
Кляшторный С. 273
Кнеллер Г. 151
Княжнин Я.Б. 95, 100, 310, 334, 341, 346, 377–379, 397, 401, 406, 408, 418
Кобрин В.Б. 257
Коган Ю.Я. 47
Козеллек Р. *см.* Koselleck R.
Козицкий Г.В. 293, 306

Козловский 315
Козлова Н.В. 201, 202
Козодавлев О.П. 376, 377
Козьмин С.М. 375
Колобов Н.Я. 456
Колычов С.А. 416
Кольман К.И. 437
Кон И.С. 395, 411
Константин Павлович, великий князь 188, 189, 265
Констан Б. 288
Константин Мономах 158
Конфино М. *см.* Confino M.
Копосов Н.Е. 102
Кор-Портер Р. 368
Корелин А.П. 33, 60, 64
Коркунов Н.М. 10, 11, 15, 16, 85
Корнель П. 408
Королев С. 294
Корф С.А. 49, 51, 53, 56
Корх А.С. 459
Костомаров Н.И. 38
Кочеткова Н.Д. 63, 64, 70
Кочубей А.С. 181, 328
Краевский А.А. 456
Краснобаев Б.И. 66, 69, 70, 73, 379
Кречетников М.Н. 180, 227, 228, 232, 237, 243, 245, 267, 272, 400
Крючкова М.А. 65, 73
Кузмин Я. 237
Кулишер И.М. 183
Куломзин А.Н. 53
Куракин Александр Б. 229–231, 234, 244, 294, 296, 321, 322, 326, 335, 337, 346, 350, 358, 360, 366, 367, 377, 384, 394
Куракин Алексей Б. (1759–1829) 95, 229, 230, 231, 234, 294, 326, 358
Куракин Алексей Б. (1809–1872) 357
Куракин Б.И. 150, 151
Куракин С.Б. 356
Куракин Ф.А. 296, 322, 367,
Курбский А. 162, 163
Кусаков Е. 214
Кутузов А.М. 95, 101, 297, 315, 323, 339–341, 373, 374, 378–380, 387–390, 393, 395–397, 406, 411, 413–418
Кутузов М.И. 335, 459
Кучеренко Г.С. 66

Лабзин А.Ф. 315, 319, 351, 360, 389, 410, 412, 420, 439
Лабулэ Э. 288
Лампи И.Б. (Старший) 423
Ланской А.Д. 233
Лаппо-Данилевский А.С. 10
Лаптева Т.А. 168
Лаудон Г.-Э. 327
Лебедев Д.И. 179
Леберехт К.А. 193
Левенгаупт А. 146, 458
Левицкий Д.Г. 364, 391, 425, 458
Лейбниц Г.-В. 142, 143, 259
Ленин В.И. 334
Лентулус Р.-С. 325
Леонтьев Н.В. 314, 376
Леопольд I, император Священной Римской империи 152
Лермонтов М.Ю. 252, 369
Леш 335
Ливен Д. 24
Липовский А. 62, 63
Лихачев Д.С. 95
Лихоткин Г.А. 433
Локк Д. 431
Ломоносов М.В. 307, 408
Лонгинов М.Н. 435
Лопатин В.С. 168
Лопухин И.В. 361, 378–380, 386, 396, 418
Лосенко А.П. 336
Лотман Ю.М. 32, 39, 62, 69, 123, 136, 137, 252, 307, 323, 327, 366, 373, 374, 380, 389, 390, 393, 395, 396, 413–417, 422
Лукашевичева А. 83
Лунин М.С. 356
Лурье Я.С. 284
Львов Д.И. 363
Львов Н.А. 69, 95, 302, 321, 327, 334, 341, 347, 348, 351, 352, 354, 361, 363, 364, 366, 370, 376, 392, 410, 412, 413, 418, 420–426
Любецкий С.М. 362
Людовик XIV (Великий) 138, 156
Лютш А. 67, 68

Маврин С.И. 241
Мавродин В.В. 19
Мадариага И. *см.* Madariaga I.

Майков В.И. 314, 351, 382–384
Майков П.М. 202, 242, 250, 327, 328, 331, 337, 367, 412
Майнерс Х. *см.* Meiners Ch.
Максимилиан I, император Священной Римской империи 149, 150
Малов В.Н. 313
Марасинова Д. 8
Марасинова Е.Н. 26, 43, 67, 103, 104, 106, 148, 393, 456
Марешаль С. 433, 435
Марк Антоний 155
Маркевич А.И. 37
Маркова О.П. 189, 190
Мармонтель Ж.Ф. 394
Мартенс Ф. 188
Матвеев А.А. 151
Махаев М.И. 179, 191
Медушевский А.Н. 10, 20, 21, 23, 27, 28, 31, 33, 76, 86, 87
Мезин С.А. 104, 261,
Мельгунов А.П. 162, 273, 381
Мельников А.К. 436
Меншиков А.Д. 35, 147, 152
Мерзляков А.Ф. 351
Местр Ж. 288, 289
Мигай 246
Милов Л.В. 5, 8, 10, 15, 20, 22–25, 30, 60, 64, 103, 115, 116, 141, 165, 181, 199, 200, 281, 296, 427
Милюков П.Н. 10, 11, 33, 60, 62, 63, 67, 69, 70, 74
Миних 265
Минц С.С. 65, 73,
Минцлов С.Р. 94
Мирович В.Я. 195
Миронов Б.Н. 12–14, 17–20, 25, 29, 31, 38, 42, 43, 47, 49, 50, 53, 56, 57, 59, 85, 90
Михаил Павлович, великий князь 230
Михаил Федорович 255
Михельсон И.И. 297
Младенов С. 164
Модзалевский Б.А. 420
Молчанов Н.Н. 136
Моммзен Т. 162
Монтескье Ш.-Л. 174, 271, 285
Монье Ж.Л. 311
Моор К. 151
Мордвинов М.И. 189
Морков А.И. 247
Муравьев М.Н. 95, 100, 108, 186, 187, 224, 306, 310, 311, 314–317, 319, 334, 344–347, 349, 352, 353, 358, 371, 373, 375, 376, 380, 381, 388–392, 395–398, 400, 401, 404, 405, 408, 410, 413, 415, 416, 418, 420, 421, 458
Муравьев (Апостол) И.М. 352
Мурзанова М.Н. 146
Мигай 246
Мусин-Оглы 265
Мусин-Пушкин А.И. 64
Мусин-Пушкин И.А. 35, 355
Мыльников А.С. 46, 50, 209

Назаров В.Д. 33, 60, 64,
Наполеон Бонапарт 385
Нарышкин Л.А. 233
Наумов В.П. 47
Некрасов С.М. 70
Нелидов С. 214
Нестеров А.Я. 118, 122, 127
Нефедов А. 363
Нечкина М.В. 69
Николай I 137, 230, 365, 433, 457
Николай Павлович, великий князь *см.* Николай I
Нилов А.М. 294
Новиков Н.И. 3, 65, 66, 69, 74, 95, 283, 287, 293, 305, 306, 315, 319, 332, 351, 359, 360, 363, 365, 366, 376–378, 380–382, 387–389, 391, 393, 410, 412, 417–420, 432, 433, 435, 459
Нольте Х-Х. *см.* Nolte H.-H.

Огарев Н.П. 168
Огаркова В.В. 378
Ожегов С.И. 97, 98, 313
Октавиан Август 155, 158, 162
Олсуфьев А.В. 383, 384
Омельченко О.А. 18, 46, 50, 53–59, 204, 212
Опарин А.Б. 8
Опарин Д. 8
Орлов А.Г. 95, 189, 310, 319, 324, 325, 327, 339, 416
Орлов В.Г. 360
Орлов Г.Г. 95, 329
Орлов И.Г. 95
Орлов П.А. 70
Орлова-Гимон Л.М. 8
Осипов А.А. 379

Осипов Г.М. 341, 418
Остерман И.А. 233
Острожский К. 162, 163
Острогорский Г.А. 156, 157

Павел I 13, 20, 23, 33, 31, 35, 50, 57, 65, 76, 88, 185, 236, 265, 279, 284, 300, 304, 345, 433
Павел Петрович, великий князь *см.* Павел I
Павленко Н.И. 10, 22, 26, 40, 41, 44, 136
Павлов Г.В. 69–70
Павлов-Сильванский Н.П. 10, 16, 23, 37–39, 41, 50
Павлова-Сильванская М.П. 20
Пайпс Р. 24, 67
Панин Н.И. 53, 54, 65, 66, 68, 69, 86, 88, 95, 101, 185, 188, 211, 236, 246, 262, 273, 283, 296, 297, 303, 304, 306, 310, 316, 319, 320, 324–327, 329, 339–341, 344, 350, 373, 384, 411, 418
Панин Н.П. 340
Панин П.И. 69, 86, 88, 95, 185, 236, 297, 300, 304, 305, 320, 325, 326, 345–347, 378, 384, 392, 396, 418
Пантин И.К. 60
Панченко А.М. 123, 148
Парамонов Б. 19
Пекарский П.П. 118, 128, 135, 142, 144, 147, 149, 150, 259, 333, 337, 340, 346, 347, 355, 366, 369, 373, 375, 377, 378, 392–394, 412–415, 420, 421
Перикл 375
Перфильева Л.А. 368
Песков А.М. 66, 284
Петр I 4, 6, 13, 18–24, 26–31, 33–37, 40–45, 50, 51, 57, 60, 64, 71, 72, 76, 78, 79, 81, 82, 85–87, 90–92, 100, 104, 112–119, 122–124, 126–132, 134–138, 140, 142–154, 156, 157, 159, 161, 162, 164, 166, 167, 178, 183, 190, 194–196, 205, 207, 208, 222, 254, 256, 258–262, 280, 286, 291, 300, 331, 343, 407, 428, 435, 436, 455, 458, 459
Петр II 146
Петр III 46–48, 52, 53, 87, 109, 204, 209, 211, 227, 265, 329
Петр Великий *см.* Петр I
Петр Михайлов *см.* Петр I
Петр Петрович *см.* Петр II
Петров А.А. 413
Петрова Н.Л. 8
Пикарт П. 145
Писарькова Л.Ф. 23, 42
Плавинская Н.Ю. 8, 66
Платон, архиепископ 387, 432
Плещеев А.А. 366
Плещеева А.И. 101, 397
Плимак Е.Г. 60
Пнин И.П. 376
Покок Дж. *см.* Pocock J.G. 102
Покровский С.А. 183
Полетико Г.А. 95, 294, 321, 339, 344, 358, 360, 388, 389
Полетико С.А. 358
Полторацкий С.Д. 456
Попов В.С. 92, 181, 294
Порай-Кошиц И.А. 16, 56, 60
Порфирьев Е.И. 30
Поршнев Б.Ф. 252
Потемкин Г.А. 84, 188–190, 192, 193, 233, 235, 241, 242, 283, 294, 323, 326, 327
Потемкин П.С. 297
Походяшин Г.М. 382
Преображенский А.А. 12, 24, 32, 33, 60
Принцева Г.А. 458
Прозоровский А.А. 247, 435
Прокопович Феофан 79, 111, 128–133, 135, 139, 140, 143, 146, 147, 149, 158, 198, 260
Протасов А.Я. 367
Протасова А.С. 348
Пугачев Е.И. 81, 195, 203, 264, 266, 283, 297
Пуффендорф С. 131, 146, 147, 287, 292, 431
Пушкин А.С. 3, 62, 65, 70, 97, 252, 307, 367, 390, 407, 433, 437
Пушкин В.Л. 333
Пушкина Н.Н. 437

Рабинович М.Д. 30, 32
Радиг А.Ф. 293
Радищев А.Н. 46, 69, 283, 298, 299, 305, 306, 323, 327, 340–342, 374, 389, 390, 393, 395, 396, 413–418

Раев М. *см.* Raeff M.
Разумовский К.Г. 69, 95
Расин Л. 288
Рахматуллин М.А. 41
Рейснер М.А. 22, 44
Реньяр Ж.-Ф. 421
Репнин А.И. 343
Репнин Н.В. 95, 228, 233, 314, 326, 330–332, 334, 340, 343, 358, 361, 373, 384, 388, 390, 398, 411, 412, 414
Ржевский А.А. 380, 381, 390, 418
Рибас А.И. 248
Рибас И.М. 245, 326, 337, 343, 344, 384, 411
Риккобони М.-Ж. 168
Рогожин Н.М. 8, 64
Рождественский С.В. 39
Рожин М.С. 416
Романович-Славатинский А.В. 11, 21, 26, 28, 29, 34, 47, 50, 52, 53, 56, 57, 60
Рослин А. 293, 303
Ростопчин Ф.В. 95, 294, 311, 313, 314, 316, 327, 328, 330, 333, 338, 344, 345, 347–349, 351, 356, 367, 391, 405, 414, 418, 420
Рубан В.Г. 371
Рубенс П.П. 375
Рубинштейн Н.Л. 47, 53, 204
Румянцев А.И. 407
Румянцев П.А. 95, 242, 246, 247, 250, 311, 320, 324–328, 330, 331, 337, 343, 367, 407, 411, 412
Румянцева М.А. 407
Рунич Д.П. 417, 419
Руссо Ж.-Ж. 288, 289, 298, 305
Рэгсдейл Х. *см.* Ragsdale H.
Ряжев А.С. 277

Салтыков Н.В. 330
Самойлов А.Н. 231
Сафонов М.М. 68
Сафроненко К.А. 30
Сахаров А.М. 17–19
Светоний Т. 156
Семевский В.И. 64, 68
Семенников В.П. 95
Семенова А.В. 8, 66, 202
Семенова Л.Н. 136
Сердюков Г. 304
Середа Н.В. 57
Сиверс Я.И. 314
Сидо Ф.Г. 233
Сидоров С. 163
Синельников И.В. 334
Скиннер К. *см.* Skinner Q.
Смилянская Е.Б. 104
Смилянская И.М. 189, 190
Смирнов Н.А. 143, 162
Смирнов Н.И. 344
Собакин В. 241
Соболевский А.И. 164
Соловьев С.М. 10, 11, 15, 53, 60, 136, 148, 155, 188, 204, 298
Софокл 375
Софроненко К.А. 30
Софья, царевна 116
Срезневский И.И. 257, 284, 286
Стенник Ю.В. 70
Степанов В.П. 63, 379
Стешенко Л.А. 30
Стивенс К. 14
Страхов И.В. 95, 242, 294, 361
Страхов П.И. 389
Страчевский А.В. 95
Строганов А.С. 219
Суворов А.В. 95, 245, 324–327, 334, 335, 337, 343, 344, 353, 360, 367, 384, 411
Сулла 162
Сумароков А.П. 69, 95, 235, 296–298, 335, 336, 353, 374–376, 400, 404–406, 408
Сушков М.В. 394
Сушкова М.В. 394
Сыромятников Б.И. 36

Тарловская В.Р. 203
Татищев В.Н. 286
Тиберий 162
Тихонов Ю.А. 12, 32, 33, 60, 362
Тихонравов Н.С. 456
Толстой Л.Н. 385
Толстой П. 117
Торелли С. 274
Торке Г.-И. *см.* Torke H.-J.
Травин А. 237
Трепавлов В.В. 8
Троицкий С.М. 18, 19, 28–31, 36, 41, 48–51, 53, 68, 248
Трощинский Д.П. 95, 331, 334, 378
Трубецкой Н.Н. 95, 297, 339, 340, 379, 387, 388, 390, 393, 406, 418

Туманский И. 216
Туманский Ф.О. 302
Тургенев И.П. 323, 373, 374, 389, 390, 393, 395, 396, 411, 413–415, 417, 418, 421
Турчанинов П.И. 327, 334, 343, 344, 353, 367
Тутолмин Т.И. 95, 330, 374, 384, 388, 407, 412, 414
Тютчев С. 219

Уварова Е.А. 8
Уитворт Ч. *см.* Whitworth C.
Уортман Р.С. *см.* Wortman R.S.
Успенский Б.А. 62, 63, 76, 103, 136, 137, 148
Ушаков Ф.В. 237, 417

Фаизова И.В. 18, 21, 33, 41, 47, 48, 51–53, 55, 208, 209, 228
Фальконе Э.-М. 435
Фасмер М. 162, 263
Федорова Е.В. 162
Федосов А.И. 28, 32, 36
Федотов Г.П. 165, 331
Фельдмессер Р. *см.* Feldmesser R.
Филиппов А.Н. 56
Флоровский А.В. 56
Флоря Б.Н. 14
Фоменко И.Ю. 379
Фонвизин Д.И. 50, 66, 68, 69, 86, 95, 100, 101, 241, 249, 297, 299, 300, 303–306, 315, 316, 318, 320, 321, 326, 331, 332, 336, 338, 340, 341, 345–349, 373, 377, 378, 383, 392, 396–398, 410, 413, 415, 416, 418
Фраанье М.Г. 394
Фридрих II, король прусский *см.* Friedrich II
Фриз Г.Л. *см.* Freeze G.L.
Фурсенко В.В. 323, 327, 373, 374, 389, 390, 393, 395, 396, 413–417

Хартли Ж. *см.* Hartley J.M.
Хассель Д. *см.* Hassel J.
Хвостов Д.И. 334, 335, 343, 344
Хемницер И.И. 376, 393, 410, 412, 413, 418, 421–424, 426
Херасков М.М. 192, 352
Херасков П.М. 347
Хозикова А.П. 250
Хозиков М.И. 230, 248, 250
Хорос В.Г. 60
Хорошкевич А.Л. 37, 150, 286, 292
Храповицкий А.В. 174, 180, 188, 194, 377, 387
Храповицкий М.В. 394
Христинек К.Л. 243
Хрущов 231
Худушина И.Ф. 67
Хьюз Л. *см.* Hughes L.

Цамутали А.Н. 17

Чарторыжская И. 228, 390
Чарторыжский А. 333, 343
Чеботарев Х.А. 420
Черепнин Л.В. 14
Черная Л.А. 43, 123
Черных П.Я. 162, 260, 294
Чернышев В.И. 362
Чернышев З.Г. 95, 227, 228, 232, 237, 243, 245, 267, 272, 276, 316, 400
Чернышев И.Г. 227–229, 330, 335
Чечулин Н.Д. 51, 68, 85, 269, 271
Чичерин Б.Н. 10, 11, 15, 16

Шак Г.И. 151
Шанский Н.М. 162
Шафиров П.П. 130, 131, 133–135, 139, 141, 144, 147, 151, 152
Шварц И.Г. 332
Шведова Н.Ю. 97, 98, 313
Шекспир В. 408
Шенье Ж. 288
Шереметев Б.П. 153
Шереметев В.С. 407
Шереметев Н.П. 95, 360, 362, 381
Шереметев П.В. 407
Шильдер Н.К. 92
Шишков А.С. 95, 296, 373, 412, 413, 415
Шлей Я.-В. 436
Шмидт С.О. 37–39, 61
Шмурло Е. 135, 146
Штелин Я.Я. 204
Шувалов И.И. 69, 95, 227, 229, 231, 232, 237, 294, 296, 307, 311, 335, 355, 386, 388, 405, 406, 408, 422
Шумигорский Е.С. 95, 185, 304

Щапов Я.Н. 148
Щербатов М.М. 46, 64, 66, 68, 95, 114, 135, 294, 417

Эйдельман Н.Я. 64, 66, 71, 356
Эймонтова Р.Г. 66
Эриксен В. 304
Эскин Ю.М. 37
д'Этре 146

Юзефович 216
Юль Ю. 151, 155
Юнг 395
Юрганов А.Л. 257
Юсти И.Г. 271
Юсупов Н.Б. 237, 363
Юшков А. 34
Юшков И.И. 406

Яблочков М.Т. 16, 56
Яворский Стефан 112, 118
Языков Д.И. 371, 377, 379, 380
Якушкин В.Е. 24
Яниш И.Г. 382, 383
Яновский Ф. 147
Ясинский А.Н. 163

Achenwall G. 457
Alef G. 257
Alexander I *см.* Александр I
Alexander J.T. 169
Arneth A.R. 188
Asch G.T. von 109, 457, 458

Baehr S. 69
Bartlett R.P. 57
Bagger H. *см.* Багер Х.
Beck J.-C. 398
Benz E. 142, 259
Berelowitch A. 34
Bestuz'ev-Rumin *см.* Бестужев-Рюмин
Black J.L. 42
Blanc S. 18
Blum J. 31
Brückner A. 189, 456–458
Burtorff A.-J. 398
Bushkovitch P. 36

Catherine the Great *см.* Екатерина II
Confino M. 13–14
Crummey R.O. 18, 34, 36
Curran M. 169

Dashkov *см.* Дашкова Е.Р.
Dietz P. 403
Dukes P. 56, 119

Eisenstadt S.N. 15, 98, 165, 166

Feldmesser R. 13, 14
Féraud J.F. 285
Fleischhaker H. 23
Freeze G.L. 13, 14
Friedrich II 456
Frommann J.-H. 456

Gasparov B. 136
Gentin A. 48, 208
Gerschenkron A. 21
Geyer D. 10
Ginsburg L.Ai. *см.* Гинзбург Л.Я.
Givens R.D. 47
Griffiths D. 57

Harris J. 188
Hartley J.M. 17, 18, 39, 41, 76
Hassel J. 19, 31
Hellie R. 18
Herlihy P. 183
Hösch E. 190
Hughes L. 21, 26, 30, 34, 35, 41
Hamburg G.M. 31

Inkeles A. 13

Jones R.E. 21, 24, 26, 28, 40, 48, 49, 51, 53, 55, 56, 59, 60, 67, 208

Kappeler A. 14, 267
Katharina II *см.* Екатерина II
Kenney J.J. 68
Klein J. 63, 351
Kivelson V. 23
Kohn-Bramsted E. 402
Köpstein H. 257
Koselleck R. 102
Krieger L. 169, 183

Lauer R. 104
LeDonne J.P. 34
Leibniz *см.* Лейбниц
Leonard C.S. 46
Lotman J.M. *см.* Лотман Ю.М.
Luther M. 403

MacKenzie D. 169
Madariaga I. 17, 18, 21, 50, 51, 53–55, 57, 59, 76, 103, 147, 169, 263, 271, 277
Maria Feodorowna (Sophie Dorothee) 456

Maras(s)inova E.N. *см.* Мараси-
нова Е.Н.
Mauer T. 186
Meehan-Waters B. 36, 47
Meiners C. 186, 187, 457, 458
Mingay G.E. 22
Mitchell G.D. 98

Nolte H.-H. 104, 105, 260, 277, 278

Otto A. 68

Peter der Grosse *см.* Петр I
Petter I, Peter the Great *см.* Петр I
Peterson C. 27
Pierre Le Grand *см.* Петр I
Poe M.T. 257, 263
Pocock J.G. 102
Preu U.K. 285
Pufendorf S. *см.* Пуффендорф С.
Puttkammer E.V. 29

Raeff M. 19, 21, 24, 26, 29, 32, 41, 48,
56, 60, 63, 68, 70, 71, 183
Ragsdale H. 183, 189
Raizanovskii N.V. 136
Richter L. 142
Rimscha H. 53
Rossi L. 390

Sacke G. 68
Scharf C. 169
Schierle I. 103
Schmidt C. 282
Scott J. 13, 22
Skinner Q. 102
Smith D. 69, 307
Stieda W. 186
Stokl G. 21

Tambiah J.S. 98
Thomasius C. 405
Torke H.-J. 18, 33

Uspenskii B.A. *см.* Успенский Б.А.

Vasmer M. *см.* Фасмер М.
Vodoff W. 150

Wallerstein I. 166
Whitworth C. 151, 153, 155
Wild R. 291
Wilmot 457
Wirtschafter E. 14, 307
Wittram R. 21, 44, 136,
Woodland D.J. 98
Wortman R.S. 90, 137, 138, 156,
Württemberg Friedrich Karl Heinrich
von 456
Württemberg Friedrich Eugen von 109,
456
Württemberg Karl Friedrich Alexander
von 181, 182, 458

Предметный указатель[1]

Аристократия 24, 26, 29, 34–37, 54, 55, 64, 65, 68, 69, 97–99, 253
– интеллектуальная аристократия 64, 65, 68, 69, 97–99

Благородное сословие 106, 206, 224, 348, 349, 398–404, 429–432
– благородное юношество 430–432
Благородный, благородство 282, 346, 347, 398–404, 407–409
Благотворительность 381–384, 390
Боярин 34, 35, 70, 71, 96, 97, 337, 338, 409
– "боярящийся" 337, 338, 409

Веротерпимость 268, 271–273, 275–282
Взятка (лакомство, лихоимство, мздоимство, сребролюбие) 42, 122, 127, 132, 269, 407
Вольнодумие (вольнодумство) 384, 390
Вольность 397, 409
Вольтерьянец 67, 70
Вотчина 361

Государственный (государев) интерес (нужда, прибыток, польза) 43, 44, 121–123, 126, 127, 132, 173, 220, 222, 223, 268, 275
Государственный феодализм 9, 10
Государство, государь 43, 106, 121, 122, 133, 223, 232, 234
Гордость (в т.ч. благородная) 397, 409
Горожанин 284–285, 289–290, 300, 430
Гражданин 89, 106, 185, 195, 202–204, 266–268, 276, 283–293, 297–307, 380–382, 403, 430–432
– годный 292
– желаемый 291
– именитый 284
– истинный 203, 291, 292, 298, 299, 305

---

[1] Указатель отражает прежде всего языковую традицию XVIII в. и включает, в частности, термины, взятые непосредственно из источников рассматриваемого периода. Кроме того, в указателе дается не сплошная фиксация всех случаев употребления того или иного понятия, а приводятся те страницы, где присутствуют сведения, характеризующие его смысловое содержание.

– новый 291
– полезный 202
– свободный 297
– чужестранный 272
– согражданин 268, 285, 286, 288, 297, 298, 300, 305, 403, 431
– сограждане 288, 297, 298, 300
– гражданство 286, 430

Дворянин, дворянство (в т.ч. благородное *см.* благородное сословие) 32–34, 64, 106, 120, 224, 398–405
Доктрина (государственная, имперская) 78–80, 111–113, 139–147, 157, 158, 164–167, 251–253
Донос 117, 118, 121, 127
Достоинство 39, 40, 64, 120, 171, 178, 224, 282, 283, 306, 367, 406
– престола 171, 178
– родовое 224
– дворянское 64, 120, 282, 283
– личное 306
Дружба 339–341, 343, 410–426
– дружеский кружок 384, 387, 418–426
Души 247, 267, 294, 300, 301, 381

"**Ж**алованная грамота на права, вольности и преимущества благородного российского дворянства" 10, 21, 45, 55–61, 64, 65, 79, 108, 204, 213, 215, 216, 219, 283, 361, 399

Закон (законодательный акт, законодательство, послушание закону, фундаментальные законы) 2, 10, 21–23, 26, 27, 56, 57, 68, 69, 71, 72, 77–92, 108, 142, 143, 166, 167, 170, 172, 174, 177, 178, 180, 183, 195, 196, 212, 220, 223, 232–235, 251, 252, 262, 266, 267, 276, 279, 283–286, 291, 292, 296–299, 303–307, 358, 377–379, 383, 431
– указ (узаконение) 83–90, 142, 143
Знать (знатность, знатный) 34–40, 44, 45, 54, 55, 69, 96–99, 119, 172, 212, 219, 220, 263, 264, 280–283, 305–307, 338, 351, 404, 407

Имение 361
Империя, император 106, 121, 122, 139, 148, 151, 152, 155, 157, 161–166, 232, 234

Комиссия о вольности дворянства 53–55, 211, 212
"Критически мыслящее меньшинство" (образованное меньшинство) 62–64, 67, 70, 407

Манифест о вольности дворянства 21, 46–55, 81, 82, 203–216, 226–229
Масон (франкмасон, фармазон, масонство) 67, 69, 70, 276, 298, 380, 381, 384, 387, 390
Местничество 37–39

Наказ Уложенной комиссии 80, 254, 268–271, 285–287, 299
Награда (награждение, пожалование) 231, 232, 236–238, 240, 246, 247, 316, 317
– заслуженная, сторонняя, выпрошенная 316, 317
Народ 28, 80–82, 88, 89, 92, 106, 128, 129, 132, 133, 141, 144, 146–149, 155–157, 161, 170, 174, 198, 202, 203, 205, 206, 254, 255, 266, 272–277, 281, 293, 294, 296, 297, 299, 429, 430

– невежественный (“персидский”) 144, 297, 299
– политизированный (регулярный, европейский) 80, 141, 144, 146–149, 205
– простой 88, 128, 129, 293, 294, 297, 299
– просвещенная часть народа 92
– народы Российской империи 82, 272
– разные народные состояния 89, 203
Нация 185, 293, 304
Невежественный (невежа) 206, 297, 299, 345
Новокрещенный (новопросвещенный) 278, 280

“**О** должностях человека и гражданина” 287
Общее (всеобщее, общественное) благо (польза, прибыток) 22, 43, 44, 77, 80, 123, 156, 222, 266, 291, 362
Общественное мнение (болтание, злословие, клевета, слухи) 344–346, 348
Общество 74, 85, 106, 149, 172, 174, 286, 287, 297–299, 349, 382, 383, 386, 387, 420, 421
– общество политических народов 149
– общество разумных и добронравных (многоумных) 349, 386, 387, 420, 421
Отечество (в т.ч. природное) 43, 44, 106, 232, 280, 304, 305
Оппозиция 67, 313

Патриот (в т.ч. истинный) 298, 346, 380, 381
Перлюстрация 312, 378, 379
Письмо (переписка, эпистолярный источник) 93, 94, 226, 309–313, 353, 354
Подданство (вечное, временное) 263, 264, 266–268
Подданный 41, 45, 82, 89, 106, 124, 126, 144, 148–149, 155–157, 161, 178, 194, 199, 202, 203, 208, 222, 223, 225, 235, 255, 260–268, 271–273, 276–285, 287–293, 300–304, 307, 429–432, 434, 435, 438
– беглый 264
– (верно) любезный 82, 202, 203, 264, 282
– верный 89, 261, 264, 279, 300, 301
– военный 265
– возвращенный 280
– временный 264
– государев 126
– гражданский 265
– древний (старый, природный) 264, 267, 281, 287, 300
– духовный 265
– знатный 264, 281–283
– иностранный 264
– истинный (прямой) 264, 282, 291, 430, 431
– низкий 202, 203, 264, 281, 282
– новый 267, 268, 273, 277–281, 300
– новая порода подданных 201, 202, 429
– полезный 82
– послушный 82
– постоянный 264
– просвещенный 264
– свободный 202, 203
– верноподданный 82, 301
– подданный российский народ 41, 144
– подданное российское дворянство 45, 82

Подлый 196–201, 203, 297–299, 301, 306, 400, 403,
– подлое (низкое) сословие 196–201, 203, 297, 299, 301, 400, 403
Поместье 361
Почет (почтение) 400, 401
Праздность (“бытовая свобода”) 358, 359, 369, 375, 384, 434
Придворный (“при дворе”) 336, 337, 339, 348, 351, 367, 382
Присяга 26, 124–129, 222, 223, 265, 276, 279, 291
Просвещенный 65–67, 113, 101, 206, 262, 264, 275, 277, 298, 299, 346, 347, 390, 397, 408, 409, 419
– Просвещение 65–67, 113, 262, 275, 277, 298, 390, 419
– просветитель 65–67
– просветительство 66
– просвещенность 66, 67, 113, 397, 408, 409

Раб (в т.ч. верноподданный, верный, нижайший) 106, 129, 161, 257–263, 265, 266, 300–305, 307, 325
Роскошь (роскошество, прихоти, богатство) (в т.ч. безудержная, буйная, необходимая, нерасточительная, умеренная) 248–250, 362
Российский язык 279, 374, 431

Самодержавие (самодержавная власть, самодержец) 128, 129, 132, 133, 140, 157, 174, 177, 178, 180, 194, 195, 232–233, 378
Самовластие 101
Самоубийство 235, 393, 394
Служба (в т.ч. государю, государя, государственная, государству, обязательная, пожизненная, постоянная, придворная, ревностная, регулярная, “вольность службу продолжать”) 22, 25–32, 36, 37, 40–43, 45, 46–48, 59, 60, 77, 92, 97, 106, 120–129, 163, 167, 203–233, 235, 236, 313, 314, 319–322, 326, 327, 373, 428, 429
– служба Отечеству 43, 92, 106, 123, 124, 163, 167, 230, 320–323, 373, 384
Совесть 395, 396, 404, 407
Сословие 10–14, 56, 57
Состояние 82, 89, 282
Странные мудрования (ложные умствования) 386, 387, 432, 434, 435
Суеверие 434
Сын Отечества 106, 129, 235, 265, 283, 287, 298, 299

Табель о рангах 21, 22, 27–30, 32, 33, 35–37, 40, 44, 45, 119–121
Третий чин (средний род людей, третье сословие) 201–203, 284, 290, 429, 430
Титул императора 81, 136–139, 147–153, 155–159, 161, 162, 166, 167, 188, 194, 259, 261
Тщеславие 243, 409

Указ о единонаследии 1714 г. 21–26
Усадьба 350–369, 384
Умный человек 346, 347, 387, 405

Фронда (оппозиционные настроения, фрондерские настроения, фрондерство) 67–69, 71, 230, 308–313, 335–337, 341, 349, 351, 353, 367, 395, 417, 418, 426, 433

Холоп 106, 257–260, 300

Царедворец 34, 35

Частный человек (партикулярный человек) 61, 359, 384–387, 393
Чернь 294, 297
Честолюбие 211, 243, 327
Честь (честность) (в т.ч. боярская, дворянская, имени, истинная, ложная, (не)мечтательная, основательная, прямая, рода, родительская, семьи, собственная, суетная) 34, 38, 39, 349, 397–408, 429
– честный 249, 346, 347, 349, 398, 400, 406
Чин (в т.ч. "выхаживание чина", "искание") 28–31, 34–37, 39, 64, 106, 119–121, 124, 125, 224, 240–249, 313–319, 337–339, 400, 405–407
Чистосердечие 397, 409, 410
Чувствительность (чувствительный) 346, 347, 391–395, 397, 409, 410, 414–418

Шляхетство 33

Элита 95–99
Эмансипация дворянской культуры 61–64, 67–69, 73, 386

Юмор 422–426

Adel 224
Begriffsgeschichte 43, 102–105, 110
bourgeois 290
Bürger 285, 289, 290
Citizen, citoyen, citoyenne, cittadino, ciudades 285, 288–290
Chłop 260
Ehre (adlige, höfische, vernünftige, wahre) 401–403, 408
Ehrenstand 401
Estate 12–14
Gentry 28, 29
Imperare, imperator, imperium, imperatorski, imperja 162
Knecht (Lackey) 260
Nobility 28, 29, 224
Poddacstvo, poddany 263
Staatsangehorige 289
Staatsbürger 289
Stadtbürger 285
Stände 21
Ständegesellschaft 21
Ständestaat 21
Subditus 263
Tugenden (bürgerliche) 402
Untertan 290

Список использованных архивных фондов

Российский государственный архив древних актов (РГАДА)

Ф. 1. Госархив. Разряд 1. “Секретные пакеты”. Оп. 1. Д. 17, 20, 25, 53, 72.

Ф. 2. Дела собственно до лиц императорской фамилии относящиеся. Оп. 1. Д. 228[а].

Ф. 3. Отдел фондов Верховного Управления. Разряд III. Дела, относящиеся до внутренней и внешней политики России. Оп. 1. Д. 4, 10, 11.

Ф. 7. Дела тайной экспедиции Сената. Оп. 1. Д. 559, 637; Оп. 2. Д. 2380, 3165.

Ф. 9. Кабинет Петра I. Отд. 1. Оп. 2. Ч. 1. Кн. 22, 31–32, 37. Ч. 2. Кн. 51–53.

Ф. 10. Кабинет Екатерины II. Оп. 1. Д. 4, 6–8, 10, 12, 17, 72, 323, 583; Оп. 2. Д. 6, 56, 70, 76–77, 86, 275, 323–327; Оп. 3. Д. 304, 310, 312–313, 317, 346, 464, 594.

Ф. 16. Внутреннее управление. Д. 235.

Ф. 1261. Внутреннее управление. Воронцовы, гр., кн. Оп. 1. Д. 3044.

Ф. 1274. Панины-Блудовы. Оп. 1. Ч. 1. Д. 228а; Ч. 2. Д. 1504; Ч. 3. Д. 3276, 3383.

Государственный архив Российской Федерации (ГАРФ)

Ф. 728. Коллекция документов рукописного отделения библиотеки Зимнего дворца. Оп. 1. Ч. 1. Д. 129.

Отдел рукописей Российской государственной библиотеки (ОР РГБ)

Ф. 16. Барсков. Карт. 16а. Д. 23, 29, 31–32, 52–53.

Ф. 32. И.Е. Бецкой. Карт. 16. Д. 59.

Ф. 41. Булгаковы. Карт. 117. Д. 4.

Ф. 64. Голицыны. Карт. 93. Д. 17; Карт. 93. Д. 17; Карт. 94. Д. 17; Карт. 96. Д. 14–17; Карт. 100 Д. 26.

Ф. 129. Киселевы. Карт. 63. Д. 25.

Ф. 222. Панины. Карт. I. Д. 3; Карт. II. Д. 2; Карт. IV. Д. 1; Карт. V. Д. 2; Карт. VI. Д. 6–7; Карт. XV. Д. 2, 10.

Ф. 233. С.Д. Полторацкий. Карт. 33. Д. 12; Карт. 51. Д. 34; Карт. 60. Д. 21.

Ф. 298. Н.С. Тихонравов. Карт. IV. Д. 60.

Отдел рукописей Российской национальной библиотеки (ОР РНБ)

Ф. 73. Архив В.А. Бильбасова и А.А. Краевского Д. 157, 262, 1306.

Ф. 124. П.Л. Ваксель. Д. 2593.

Ф. 178. Г.Н. Геннади. Д. 79.

Ф. 359. Н.Я. Колобов. Д. 350.

Ф. 542. Оленины. Д. 660.

Рукописный отдел Института русской литературы (Пушкинский Дом) (ОР ИРЛИ РАН (ПД))

Ф. 309. Тургеневы. Д. 783.

Hauptstaatsarchiv Stuttgart

Sonde Bestände 236. Herzog Friedrich Eugen von Württemberg. Büschel 1, 114–119, 120–126, 131–134, 137–138, 150–151.

Sonde Bestände G 252. Sophie Dorothee (Maria Feodorowna). Büschel 1–4.

Sonde Bestände G 243. Friedrich II./I. Büschel 53–64, 66–67.

Sonde Bestände G 263. Carl Friedrich Heinrich. von Württemberg. Büschel 1.

Handschriftenabteilung der Württembergische Landesbibliothek Stuttgart

Frommann J.-H. Etwas von denen Erziehungsanstalten in Rußland. (gest. 1775). Folio 90.

Handschriftenabteilung der Tübinger Universitätsbibliothek

Md58c. Russiche geheime Anekdoten. Papier 8.

Md58e. Aktenstücke zur Geschichte Rußlands insbesondere der Thronbesteigung Katharina's II. Papier 3, 26–29, 33–35, 56–58, 76–78, 84, 87–91, 115–116, 119–121, 123, 127, 129, 131.

Mg2a. Nachlaß des Dorpatär Historikers Professor Alexander Brückner (1834–1896)[1]. Sammlung: Alexander I: Reise in die Krym. Sein Ableben in Taganrog und Leichenzug vom Asow'schen zum Baltischen Meere. Papier 1–9.

Mg2b. Nachlaß des Dorpatär Historikers Professor Alexander Brückner (1834–1896). Sammlung: Alexander I: Tod und Begräbnis. Papier 1–18.

Mg2c. Nachlaß des Dorpatär Historikers Professor Alexander Brückner (1834–1896). Sammlung: Alexander I: Der Aufstand v. 14 Dez. 1825 Bestrafung der Rebellen. Papier 2–3.

---

[1] См. подробнее об этой коллекции: *Марасинова Е.Н.* Архив Александра Брюкнера // Вестник архивиста. 2000. № 5–6. С. 126–138; *Она же.* Еще раз о восстании декабристов (новые документы из немецкого архива) // Одиссей: Человек в истории, 2001: Русская культура как исследовательская проблема. М., 2001. С. 351–378.

Mg2d/e. Nachlaß des Dorpatär Historikers Professor Alexander Brückner (1834–1896). Sammlung: Könung Nicolaj′s I. Papier 6–7.

Mg2e. Anekdoten aus dem Leben Catherines II. Aus den Mund von Zeitgenossen und Augenzuegen. O.j. ungez.

Handschriftenabteilung der Göttinger Universitätsbibliothek

2° Cod. Ms. Achenw. Nachlaß von Gottfried Achenwall. Papier 53–56.

* Cod. Ms. Asch. Schenkungen (Nachlaß) von Baron Georg Thomas von Asch. Papier 246[b], 251, 254, 300, 302.

2° Cod. Ms. Asch. Schenkungen (Nachlaß) von Baron Georg Thomas von Asch. Papier 159[d]–161, 163, 171, 171 Beil. – 177, 198, 214, 228–229, 232, 236–242.

8° Cod. Ms. Asch. Schenkungen (Nachlaß) von Baron Georg Thomas von Asch. Papier 188[a]–189, 200, 216, 222, 242.

2° Cod. Ms. Meiners. Nachlaß von Christoph Meiners. Papier 41.

National Archives of Ireland

Ms. 12/L. 16–35. Wilmot Journals (Daschkov papers). L. 17–22, 24, 29–31.

Archives Nationales de France

AF III 79 (Russie). Dossier N 324/I. Conseil exécutif provisoire et dépêches des agents français. A–B; Dossier N 325/1. Mémoires, extraits de journaux, correspondance particulière.

AF III 431. Dossier 2462. Pièces 23 à 27.

K 1308. N 51, 54–56.

K 1352 (Russie). N 67, 72.

Источники и литература, использованные при подборе иллюстраций

– Опись картинной галереи Воронцовых // РГАДА. Ф. 1261. Оп. 1. Ед. хр. 3044. Л. 35–76.

– Изображение публичного входу, который Его Царское Величество после получения двух преславных викторий, а именно в 28 сентября 1708 над генералом Левенгауптом, 27 июня 1709 сам высокой своей персоной над королем Швеции под Полтавой одержал, в 1709 декабря 21 в стольном граде Москве изволил учинить // Handschriftenabteilung der Göttinger Universitätsbibliothek. 8° Cod. Ms. Asch 242. F. 1r–2v.

– Письма М.Н. Муравьева Х. Майнерсу // Handschriftenabteilung der Göttinger Universitätsbibliothek. Nachlass von Christoph Meiners. 2° Cod. Ms.

– Письма Петра I адмиралу Ф. М. Апраксину // Handschriftenabteilung der Göttinger Universitätsbibliothek. 2° Cod.Ms. Asch 171 Beil.

– Aktenstuecke zur Geschichte Russslands insbesondere der Throbesteigung Katharina's II // Handschriftenabteilung der Tübinger Universitätsbibliothek. Md58e.

– Ein Tagebuch von 14–21. Dezember 1825 und eine Liste der Rebellen // Handschriftenabteilung der Tübinger Universitätsbibliothek. Nachlass des Dorpatär Historikers Professor Alexander Brückner (1834–1896). Sammlung: Alexander I. Tod und Begräbnis. Mg2b 16.

– Письмо Екатерины II принцу Карлу Фридриху Александру фон Вюртемберг // Hauptstaatsarchiv Stuttgart. Bestand: G 263. Büschel 1.

– Александр I: "Сфинкс, не разгаданный до гроба": Каталог выставки. СПб., 2005.

– *Принцева Г.А.* Декабристы в изобразительном искусстве. М., 1990.

– Дмитрий Григорьевич Левицкий, 1735–1822: Каталог. Л., 1987.

– Дмитрий Левицкий. М., 2001.

– *Дуров В.А., Дуров Д.В.* Российская государственная символика, XVIII – начало XX века. М., 2003.

– Екатерина Великая и Москва: Каталог выставки. 850-летию Москвы посвящается, июнь–сентябрь 1997. М., 1997.

– Екатерина Великая. Русская культура второй половины XVIII века: Каталог выставки. 1993.

– Иллюстрированная история СССР. М., 1977.
– История русской церкви: 1700–1917. М., 1996. Ч. 1.
– *Корх А.С.* Михаил Илларионович Кутузов. М., 1989.
– Мир русской усадьбы: Каталог. М. 1995.
– Наше наследие. 1994. № 29–30.
– Незабываемая Россия: Русские и Россия глазами британцев, XVII–XIX век. М., 1997.
– Немецкая и австрийская живопись XVIII века. Из собраний московских музеев: Каталог выставки. М., 1996.
– Петр Великий и Москва: Каталог выставки. М., 1998.
– 500 лет гнозиса в Европе: Гностическая традиция в печатных и рукописных книгах. Москва–Петербург. Амстердам, 1993.
– "…Распространивший первые лучи…" Н.И. Новиков и русское масонство XVIII – нач. XIX вв.: Каталог выставки. СПб., 1994.
– "Сей путь тебе принадлежит". Княгине Екатерине Романовне Дашковой посвящается: Каталог выставки. М., 2003.

Содержание

Предисловие
Достоинство подданного и свобода индивидуальности 3

Очерк I
“За изучение восемнадцатого века” 9
“Шляхетство, нашею милостью в оную честь возведенное” 9
“Наше вернолюбезное благороднейшее Российское Дворянство” 46

Очерк II
Текст и реальность 76

Очерк III
Власть 111

“Его Величество есть Самовластный Монарх” 111
“Польза службы и прибытка Империи Нашей” 168

Очерк IV
Власть и личность 226

“Сильнейшие узы верноподданнического долга” 226
“Холоп”, “раб”, “подданный” 254

Очерк V
Личность 308

“Душевно отстал я от всяких великосветских замыслов” 308
“Обитель дальняя” 350
“Странные мудрования” 388

Заключение
Последний наказ императрицы 427

Указатель имен 439

Предметный указатель 450

Список использованных архивных фондов 455

Источники и литература, использованные при подборе иллюстраций 458

Научное издание

Марасинова Елена Нигметовна

ВЛАСТЬ И ЛИЧНОСТЬ

Очерки русской истории

XVIII века

Утверждено к печати
Научным советом РАН
“История мировой культуры”

Заведующая редакцией *Н.Л. Петрова*
Редактор *Л.М. Орлова-Гимон*
Художник *В.Ю. Яковлев*
Художественный редактор *Т.В. Болотина*
Технический редактор *Т.А. Резникова*
Корректоры *Е.Л. Сысоева, Т.И. Шеповалова*

Подписано к печати 28.12.07
Формат $60 \times 90^{1}/_{16}$. Гарнитура Таймс
Печать офсетная
Усл.печ. л. 30,3. Усл.кр.-отт. 34,5. Уч.-изд. л. 33,2
Тираж 800 экз. (РГНФ – 300 экз.)
Тип. зак.

Издательство “Наука”
117997, Москва, Профсоюзная ул., 90

E-mail: secret@naukaran.ru
www.naukaran.ru

Отпечатано с готовых диапозитивов
в ГУП “Типография “Наука”
199034, Санкт-Петербург, 9-я линия, 12

АДРЕСА КНИГОТОРГОВЫХ ПРЕДПРИЯТИЙ ТОРГОВОЙ ФИРМЫ "АКАДЕМКНИГА" РАН

Магазины "Книга-почтой"

121099 Москва, Шубинский пер., 6; (код 495) 241-02-52 Сайт: www.LitRAS.ru
E-mail: info@litras.ru

197110 Санкт-Петербург, ул. Петрозаводская, 7 "Б"; (код 812) 235-40-64 ak@akbook.ru

Магазины "Академкнига" с указанием букинистических отделов и "Книга-почтой"

690002 Владивосток, Океанский проспект, 140 ("Книга-почтой"); (код 4232) 45-27-91 antoli@mail.ru

620151 Екатеринбург, ул. Мамина-Сибиряка, 137 ("Книга-почтой"); (код 343) 350-10-03 kniga@sky.ru

664033 Иркутск, ул. Лермонтова, 289 ("Книга-почтой"); (код 3952) 42-96-20 aknir@irlan.ru

660049 Красноярск, ул. Сурикова, 45; (код 3912) 27-03-90 akademkniga@bk.ru

220012 Минск, просп. Независимости, 72; (код 10375-17) 292-00-52, 292-46-52, 292-50-43 www.akademkniga.by

117312 Москва, ул. Вавилова, 55/7; (код 495) 124-55-00 akadkniga@nm.ru; (Бук. отдел 125-30-38)

117192 Москва, Мичуринский проспект, 12; (код 495) 932-74-79

127051 Москва, Цветной бульвар, 21, строение 2; (код 495) 621-55-96 (Бук. отдел)

117997 Москва, ул. Профсоюзная, 90; (код 495) 334-72-98 akademkniga@naukaran.ru

105062 Москва, Б. Спасоглинищевский пер., 8 строение 4; (код 495) 624-72-19 (Бук. отдел)

630091 Новосибирск, Красный проспект, 51; (код 383) 221-15-60 akademkniga@mail.ru

630090 Новосибирск, Морской проспект, 22 ("Книга-почтой"); (код 383) 330-09-22 akdmn2@mail.nsk.ru

142290 Пущино Московской обл., МКР "В", 1 ("Книга-почтой"); (код 49677) 3-38-80

191104 Санкт-Петербург, Литейный проспект, 57; (код 812) 272-36-65 ak@akbook.ru (Бук. отдел)

199034 Санкт-Петербург, Васильевский остров, 9-я линия, 16; (код 812) 323-34-62 (Бук. отдел)

634050 Томск, Набережная р. Ушайки, 18;
(код 3822) 51-60-36 akademkniga@mail.tomsknet.ru
450059 Уфа, ул. Р. Зорге, 10 ("Книга-почтой"); (код 3472) 23-47-62,
23-47-74 akademkniga@ufacom.ru
450025 Уфа, ул. Коммунистическая, 49; (код 3472) 72-91-85 (Бук. отдел)

Коммерческий отдел, Академкнига. г. Москва
Телефон для оптовых покупателей: (код 495) 241-03-09
Сайт: www.LitRAS.ru
E-mail: info@litras.ru
Склад, телефон (код 499) 795-12-87
Факс (код 495) 241-02-77

По вопросам приобретения книг
государственные организации
просим обращаться также
в Издательство по адресу:
117997 Москва, ул. Профсоюзная, 90
тел. факс (495) 334-98-59
E-mail: initsiat@naukaran.ru
www.naukaran.ru